

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ПРАВИТЕЛЬСТВО ОРЕНБУРГСКОЙ ОБЛАСТИ

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ ОРЕНБУРГСКОЙ ОБЛАСТИ

ФГБОУ ВПО «РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ». ОРЕНБУРГСКИЙ ФИЛИАЛ

ФГБУН «ИНСТИТУТ ИСТОРИИ И АРХЕОЛОГИИ УРАЛЬСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК»

РОССИЙСКАЯ ДЕРЕВНЯ
В XVIII—XXI ВЕКАХ:
СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

СБОРНИК СТАТЕЙ
IX Международной научно-практической
конференции

Оренбург
Издательский центр ОГАУ
2014

УДК 94(47)(063)
ББК 63.3
Р76

Рекомендовано к изданию Ученым советом Института истории и археологии
Уральского отделения РАН, г. Екатеринбург. Протокол № 10 от 20 октября 2014 года

Научные редакторы

Г. Е. Корнилов, доктор исторических наук, профессор
В. А. Лабузов, доктор исторических наук, профессор

Р76 **Российская деревня в XVIII—XXI веках: социокультурное измерение** : сб.
статьей IX Междунар. науч.-практ. конф. / науч. ред. Г. Е. Корнилов, В. А. Лабузов ; Мин-
во образования и науки Рос. Федерации ; Правительство Оренбургской области, Мин-
во образования Оренбургской области ; ФГБОУ ВПО «Российская академия народного
хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации».
Оренбургский филиал ; ФГБУН «Ин-т истории и археологии Уральского отделения
Российской академии наук». — Оренбург : Издательский центр ОГАУ, 2014. — 292 с.
ISBN 978-5-88838-902-7

УДК 94(47)(063)
ББК 63.3

СОДЕРЖАНИЕ

3

Российская деревня в XVIII—XXI веках: социокультурное измерение

Александров Н. М. Распространение агрокультурных новаций в костромской деревне в конце XIX — начале XX века	6
Алексеева Л. В. Сельскохозяйственные научные учреждения в Ханты-Мансийском национальном округе в годы Великой Отечественной войны	11
Ахметшина А. В. Земская медицина и ее влияние на демографические процессы в Уфимской губернии в последней четверти XIX — начале XX века	15
Баранов Е. Ю. Годовые таблицы статистических данных о естественном движении населения СССР в 1920—1930-е гг.: оценка информативного потенциала исторического источника (на материалах Урала).....	20
Баринова Е. П. Социокультурный портрет крестьянства на страницах литературных произведений Н. Г. Гарина-Михайловского.....	26
Бахтияров Р. С. Ветеринарная и зоотехническая службы хозяйств Южного Урала в условиях военного тыла (1941—1945 гг.).....	33
Беспахотный Г. В., Корнеев А. Ф., Капитонов А. А. О комплексном планировании развития сельскохозяйственного производства и сельских территорий	38
Васильев И. Ю. Формирование русской идентичности в кубанских станицах	43
Васильева С. И. Культура деревни Марийской АССР во время Великой Отечественной войны (1941—1945).....	49
Веременко В. А. Дворня в деревенском социуме России (первая половина XIX века).....	56
Верховцева И. Г. «Крестьянская юстиция» в России второй половины XIX — начала XX века: социокультурные аспекты	59
Годовова Е. В. Проявление концепта «свой — чужой» в казачьей среде в пореформенный период	64
Голикова С. В. «Борьба между сибиркой и “спинджаком”»: изменения в одежде сельских жителей Урала в 1861—1917 гг.	66
Дубман Э. Л. «Корсунский уезд» во второй половине XVII — начале XVIII века: население и особенности его расселения	72
Иванцов И. Г. Об оплате труда в колхозах в 1930-е гг. (на материалах Кубани)	77
Кабытов П. С. Аграрная история Поволжья в научных трудах Н. Ф. Тагировой	81
Кабытова Н. Н. Трансформация крестьянского социума в условиях войны и Великой российской революции	87
Кантимирова Р. И. Кадровый состав органов уездного управления Уфимской губернии во второй половине XIX века	94
Кирьянова Е. А. «Не хлебом единым...» (проблемы культурной трансформации российской деревни в середине 1930-х годов).....	99
Ковалева Н. А. Социальные конфликты в украинской деревне в условиях «аграрной революции» (1917—1919 гг.).....	105

<i>Кондрашин В. В.</i> Крестьянский фольклор о голоде 1932—1933 годов в Поволжье и на Южном Урале.....	110
<i>Корнилов Г. Е.</i> Культурная модернизация уральской деревни: направления, результаты	114
<i>Корновенко С. В.</i> Белое движение Юга России в Украине 1919 г.: борьба за хлеб.....	129
<i>Кортунов А. И.</i> Земельные споры казаков крепости (станицы) Уртазымской и башкир 6-го башкирского кантона (первая половина XIX в.).....	135
<i>Кругликова Г. А.</i> Музейная политика и судьба религиозного культурного наследия в 1920-е годы (на материалах Урала).....	138
<i>Курсеева О. А.</i> «Крестьянство — фундамент государства». (Князь П. Л. Ухтомский о крестьянском вопросе в начале XX века).....	141
<i>Лабузов В. А.</i> Декрет о земле и его реализация на Южном Урале в годы Гражданской войны	145
<i>Любичанковский С. В.</i> Борьба Е. И. Барановского с произволом оренбургских помещиков-крепостников в середине XIX века: казус «Колокола».....	148
<i>Ляшенко И. Э., Желтова В. И.</i> Социальные аспекты заболеваемости трахомой сельского населения Оренбургской губернии конца XIX — начала XX века	152
<i>Магомедов Р. Р., Гришакова Л. В.</i> Большевистские лидеры и их политические оппоненты о российском крестьянстве как социальной силе в революции 1917 года.....	154
<i>Миронова Е. В.</i> Особенности взаимоотношений помещиков и крестьян Казанской губернии на рубеже XIX—XX веков	156
<i>Мосунова Т. Г.</i> Национальная школа и начальный всеобуч на Урале в 1920—1930-е годы	161
<i>Надрин Ф. М.</i> Этнические и региональные особенности башкирских деревень Оренбургской губернии (XVIII—XX вв.)	166
<i>Наукацкий В. В.</i> Государственная аграрная политика и сельское население России в 1960—2012 гг.....	174
<i>Никилев А. Ф.</i> Жилищно-коммунальная сфера села середины 1950-х — середины 1960-х годов (на примере Украинской ССР)	179
4 <i>Павлова О. С.</i> Участие Крестьянского поземельного банка в землеустройстве переселенцев Уфимской губернии в 1883 — 1890-е гг.....	184
<i>Пахомова Е. В.</i> Освоение целины на страницах мемуаров Н. С. Хрущева	187
<i>Пислегин Н. В.</i> Крестьянские и мещанские сообщества Камско-Вятского региона XIX — начала XX века: некоторые аспекты взаимоотношений	192
<i>Рахимов Р. Н.</i> «Этнизация» сословных структур Южного Урала в эпоху «мобилизации этничности»: к этнической истории сословия тептярей.....	196
<i>Роднов М. И.</i> Уровень рыночного хозяйства у помещиков Оренбургской губернии накануне 1861 года (имение П. И. Сергеева)	202
<i>Ряпусова Д. Н.</i> Образ сельского киномеханика на страницах уральской периодики послевоенных лет.....	205
<i>Сактаганова З. Г.</i> Целинная эпопея в Казахстане: практика реализации, проблемы, итоги	213
<i>Сафонов Д. А.</i> Отречемся от старого «мира»: крушение сельской общины и общинности.....	218
<i>Сивков С. М.</i> Отношение казачества и крестьянства Кубанской области к важнейшим событиям в России и регионе в первой половине 1917 года	220
<i>Таршилова Л. С.</i> Экологические проблемы региональной агропродовольственной системы	223
<i>Тропов И. А.</i> Помещичья земля и хозяйственная деятельность крестьян на Северо-Западе России (1917—1918 гг.)	227
<i>Удербаева С. К.</i> Казахский чиновник Семиречья, востоковед, агроном, переводчик Сабатаев Сатылган	231
<i>Устинова О. Ю.</i> Участие местных Советов депутатов тружеников Чкаловской области в решении вопросов сельского хозяйства в 1946—1953 гг.	236

Федорова А. В., Кузнецова Ю. В. Медицинская интеллигенция южноуральского села в годы Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.)	241
Филатов В. В. Отношение уральского крестьянства к коллективизации: <i>pro et contra</i>	245
Филатов С. В. О развитии потребительской части бюджета колхозной семьи в 1940—1965 годах (на материалах Ростовской области)	251
Фролкин П. П., Фролкина В. П. Кадровые проблемы сельского хозяйства и развития аграрного профессионального образования в Российской Федерации.....	254
Хисамутдинова Р. Р., Ажигулова А. И. Влияние экзогенных факторов смертности на изменение численности сельского населения Оренбургской области в 1930-е годы.....	259
Чайка Е. А. Роль кубанской молодежи в освоении целины.....	263
Чернышева И. И. Общеобразовательные школы взрослых в условиях Великой Отечественной войны (на материалах Свердловской области)	266
Шаяхметов Ф. Ф. Эволюция башкирских поселений в XVIII—XIX вв.: от хаоса к уличной планировке	275
Шевельков А. И. Аграрное развитие и социальные преобразования в Нечерноземной зоне РСФСР во второй половине XX века.....	281
Шугай Л. Г. Последствия освоения целинных и залежных земель в Казахстане: современная казахская историография	286
Краткие сведения об авторах	290

Распространение агрокультурных новаций в костромской деревне в конце XIX — начале XX века

В статье показаны основные мероприятия, проводимые костромским земством и отдельными меценатами по организации сельскохозяйственных школ, развитию агрокультуры в пореформенной деревне. Указываются основные причины, по которым эти мероприятия имели малую эффективность.

Ключевые слова: земство, агрокультура, сельскохозяйственные школы, крестьяне, Костромская губерния.

Великие реформы 60—70-х гг. XIX в. создали условия для развития капитализма как в городе, так и в деревне. Русская промышленность в пореформенный период развивалась очень быстрыми темпами. Сельское хозяйство, являвшееся основой экономики страны, в силу противоречивого характера реформы 1861 г., наоборот, модернизировалось медленно. По сравнению с западными странами оно было значительно более отсталым по технической оснащенности, агрокультуре, урожайности и товарности.

Отставание сельского хозяйства отрицательно сказывалось на темпах роста промышленности и внутреннего рынка, на развитии экономики страны в целом. Низкий уровень сельскохозяйственного производства не всегда позволял решить проблему обеспечения населения продовольствием. Россию часто постигали неурожай и связанный с ними голод. Особенно широкий размах принял голод, разразившийся в 1891—1892 гг. Он поразил 29 губерний, в которых голодало 35 млн. человек.

Государство и общество предприняли ряд мер по исправлению положения в сельском хозяйстве. Одной из них было внедрение сельскохозяйственных знаний и новых методов хозяйствования. Большую роль в этом сыграли земства и отдельные меценаты. Так, в костромском губернском земстве с начала 90-х гг. увеличились расходы на развитие сельского хозяйства. В период с 1894 по 1910 г. они составляли, как правило, без учета расходов на ветеринарию, 4—6% всех безвозвратных ассигнований земства [14, с. 239—245]. По сравнению с расходами на развитие здра-

воохранения и народного образования, составлявшими половину расходной части бюджета [3, с. 254], это немного. Однако до 1890-х гг. расходы по этой статье были еще меньше — не превышали 1% [14, с. 239] и «носили они более или менее случайный характер» [14, с. 224]. Необходимо отметить, что костромское земство не было лидером среди земств по распространению нового и передового в области сельского хозяйства. Это было типичное среднее земство [3, с. 256—258].

В 90-х гг. XIX в. костромским земством создана сеть сельскохозяйственных складов, в которых можно было приобрести на льготных условиях сельскохозяйственные орудия, семена, удобрения и прочие товары, необходимые земледельцу [14, с. 232—233].

В 1896—1899 гг. во всех уездах начали работу агрономическая служба. Основной обязанностью местных агрономов являлось распространение среди крестьян передовых сельскохозяйственных орудий и пропаганда травосеяния. Целым селениям бесплатно раздавались семена клевера и тимофеевки для перехода от примитивного трехполья к более эффективному многополью [14, с. 226—227].

В начале XX века земство при помощи Департамента земледелия предпринимало попытки наладить переработку молока, финансировало опыты по применению минеральных удобрений на крестьянских и помещичьих полях, выдавало льготные кредиты артелям, товариществам и другим кооперативным организациям, имевшим сельскохозяйственную направленность [14, с. 229—230, 240—247]. Однако результаты этой деятельности оказались

скромными: к 1910 г. в Костромской губернии насчитывалось всего 28 сельскохозяйственных обществ, 4 товарищества по переработке картофеля и одно товарищество по сортировке семян [6, с. 403].

В 1898 г. губернское земство приняло на службу специалиста по пчеловодству и открыло учебную пасеку в имении Городище. Затем был организован передвижной музей пчеловодства, созданы стационарные и передвижные пчеловодческие курсы [9, с. 139—143].

Костромское земство пыталось повлиять на состояние животноводства и птицеводства в губернии. За счет местных органов самоуправления было закуплено некоторое количество породистых лошадей и крупного рогатого скота, организована бесплатная раздача крестьянам яиц птицы культурных пород. Начиная с 1902 г. каждый год земство устраивало выставки крупного рогатого скота в районе Мисковской и Шунгенской волостей Костромского уезда, которые славились заливными лугами и лучшим в губернии скотом. В начале XX в. за счет земства сельские производители могли принять участие в сельскохозяйственной и кустарной выставке Северного Края в Ярославле, Казанской областной выставке, Всероссийской выставке молочного скота в Петербурге [14, с. 230—231].

В связи с запросами растущей промышленности и привозом из южных губерний дешевого хлеба в сельском хозяйстве Костромской губернии в пореформенный период росло значение такой трудоемкой товарной культуры, как лен, который являлся сырьем для местных текстильных фабрик. Земство, понимая всю важность льноводства для экономики губернии, помогало развивать переработку льна в регионе. Так, в 1891 г. губернское земство ходатайствовало перед Министерством государственных имуществ об устройстве в Костромской губернии завода для лучшей обработки льна, а после открытия в 1894 г. этого предприятия помогало ему ссудой для формирования оборотного капитала [14, с. 230].

Пропаганда нового носила разные формы, среди них — организация сети сельскохозяйственных учебных заведе-

ний. Сельскохозяйственное образование в досоветской России имело трехступенчатую структуру. Оно состояло из сельскохозяйственных вузов, средних и низших сельскохозяйственных школ. Согласно положению 1883 г. о низших сельскохозяйственных школах целью их деятельности было распространение в народе, преимущественно путем практических занятий, основных знаний по сельскому хозяйству и необходимым для него ремеслам. Низшие сельскохозяйственные школы могли быть основаны частными лицами, обществами и земствами. Данные учебные заведения делились на школы 1-го и 2-го разряда. В школы 1-го разряда принимались лица, окончившие курс двухклассных сельских училищ, а в школы 2-го разряда — курс народных училищ. Уже в 1883 г. в Министерство государственных имуществ поступило более 150 ходатайств от разных лиц и обществ об открытии низших сельскохозяйственных школ, но до конца 80-х гг. было открыто только 19 школ [7, с. 230]. К концу столетия численность школ несколько увеличилась. В 1897 г. в России действовало 36 низших сельскохозяйственных школ 1-го разряда и 24 низшие сельскохозяйственные школы 2-го разряда [12, с. 248].

В конце XIX в. наряду с этим видом школ, осуществлявших общую сельскохозяйственную подготовку, появились специализированные школы (молочного хозяйства, садоводства и т.п.), как правило, с ускоренным курсом обучения.

В Костромской губернии в конце XIX в., так же как и в ряде других губерний страны, были предприняты попытки организации сельскохозяйственных учебных заведений.

В 1884 г. Нерехтское уездное земство открыло школу 1-го разряда. История возникновения этого учебного заведения такова: местный помещик действительный статский советник Василий Иванович Уткин завещал земству имение при селе Каликино с условием организации в нем сельскохозяйственной школы. Желание В. И. Уткина было выполнено. Целью созданного учебного заведения являлось «образование пахарей, скотников, арендаторов земель, надсмотрщиков над хозяйствен-

ствами и ремесленников по тем отраслям производства, которые стоят в тесной связи с сельским хозяйством» [13, с. 154].

Вскоре школа приобрела широкую известность не только в губернии, но и за ее пределами. Успешно окончившие курс обучения рекомендовались управляющим школой в частные имения в качестве старших рабочих, приказчиков и т.п.

Имение, в котором находилась школа, было крупным — 1694 дес. земли, но основную площадь его занимал лес [8, с. 93]. В начале 90-х гг. в Уткинской школе обучалось 50 человек. Здесь была ферма, несколько опытных участков, на которых проводились эксперименты с различными сельскохозяйственными культурами (в том числе, и небезуспешно, с кукурузой). В полеводстве применялись как органические, так и минеральные удобрения (фосфоритная мука). Выращиваемые в хозяйстве сорта ржи, вики и клевера распространялись среди местных помещиков и крестьян. Результаты опытов по применению фосфоритной муки при выращивании озимой ржи вызвали у соседских крестьян интерес к этому виду удобрений. Уткинская школа принимала активное участие в сельскохозяйственных выставках, где получала многочисленные награды.

Следует отметить и такое направление подготовки специалистов для села, как обучение стипендиатов местных земств за пределами Костромской губернии. Так, в 1888 г. губернским земством по предложению директора Красноуфимского реального училища учреждены 8 стипендий в открытой при этом училище низшей сельскохозяйственной школе. Число стипендиатов в дальнейшем предполагалось увеличить. Однако сотрудничество с Уралом вскоре было прервано. Часть учеников перевели из Красноуфимска в Уткинскую сельскохозяйственную школу, часть — в другие школы [1, с. 61—62].

В 1893 г. в имении Городище, пожертвованном губернскому земству помещиком Нилом Колюпановым, организовали учебную сельскохозяйственную ферму. Имение находилось в пригороде Костромы на правом берегу Волги. По первоначальному проекту ферме ставилась задача — обучать «полуработников

из крестьян», т.е. крестьянскую молодежь, рациональным приемам полевых работ, знакомить с улучшенными орудиями и учить их производить несложный ремонт сельскохозяйственной техники. Для этого совместно с сельскохозяйственной фермой была создана мастерская. Но с течением времени профиль этого учебного заведения изменился. Оно стало школой смешанного типа с довольно широкими, неопределенными задачами, «школой сельскохозяйственно-ремесленной с преобладанием обучения ремеслам». Изменение профиля школы привело к тому, что выпускники этого учебного заведения в деревню возвращались редко, предпочитая работу в городе в различных мастерских. Таким образом, поставленная ферме цель — распространять через своих воспитанников передовые методы ведения сельского хозяйства не была достигнута. Это обстоятельство и явилось одной из основных причин закрытия школы после пожара 1902 года, когда сгорело главное здание школы [1, с. 62].

Большую роль в развитии сельскохозяйственного образования в Костромской губернии сыграл Федор Васильевич Чижов (1811—1877), крупный общественный деятель середины и второй половины XIX в. [10, с. 314—336].

Свои средства, сосредоточенные в акциях Московско-Курской железной дороги, Федор Васильевич завещал на строительство в Костромской губернии нескольких профессиональных технических училищ и родильного дома. Осуществить завещанное Ф. В. Чижовым удалось только в 90-х гг. XIX в. На реализованные в 1891 году акции (сумма продажи составила свыше 6 млн. рублей) вскоре в Костромской губернии устроили несколько профессиональных учебных заведений, в том числе Кологривское низшее сельскохозяйственное училище и Чухломское сельскохозяйственно-ремесленное училище. Созданием училищ, составлением для них уставов и планов занимались, согласно завещанию Ф. В. Чижова, его душеприказчики — предприниматель и меценат С. И. Мамонтов и А. Д. Поленов. Деятельность училищ была обеспечена процентами с неприкосновенного капитала, со-

ставлявшего почти 4 миллиона рублей и находившегося в Государственном банке [11, с. 10—11].

Профессиональные училища должны были, по мнению Ф. В. Чижова, способствовать более успешному развитию экономики как Костромской губернии, так и России в целом.

1 октября 1892 г. было открыто Кологривское низшее сельскохозяйственное училище, расположенное в 3-х верстах от уездного города на берегу реки Унжи в имении Екимцево. Спустя почти четыре года, 25 сентября 1896 г., начались занятия в Чухломском сельскохозяйственно-ремесленном училище, также располагавшемся около уездного города. Оба училища были открыты в северной части Костромской губернии, «в лесной глухи», где наряду с земледелием население интенсивно занималось разного вида промыслами. Чухлома как место организации одного из учебных заведений, видимо, была выбрана не случайно. В Чухломском уезде находилась усадьба Чижовых.

Целью училищ являлось теоретическое и практическое ознакомление учеников с главными отраслями сельского хозяйства и связанными с ними некоторыми специальными производствами. Срок обучения в училищах составлял три года. Кроме специальных классов в училищах были еще подготовительные. Программы учебных заведений существенно различались. Кологривское сельскохозяйственное училище ориентировалось на сельскохозяйственную школу 1-го разряда, а Чухломское — на школу 2-го разряда.

Училища располагали квалифицированными педагогическими кадрами и хорошей материальной базой. Для Кологривского училища было приобретено крупное имение в 2102,5 дес. земли, из которых около 1600 дес. приходилось на лес. Училище под Чухломой владело участком земли в 281,5 дес. Оба учебных заведения имели комплекс зданий, в основном каменных, в которых размещались учебные корпуса, общежития, квартиры педагогов, мастерские и т.п. Интересно отметить, что училища имели паровое отопление и водопровод. Полеводство и животноводство в училищах велись по передовым для того

времени технологиям. Уровень, на который была поставлена подготовка специалистов в сельскохозяйственных училищах, был очень высок. Их выпускники пользовались большим спросом не только в Костромской губернии, но и за ее пределами. Так, в 1899 г. 7 человек, составивших первый выпуск Чухломского сельскохозяйственно-ремесленного училища, получили 30 предложений — занять места приказчиков и старост в частных хозяйствах разных губерний.

В конце 1899 г. в Кологривском училище получали образование 64 ученика, в Чухломском — 48 учеников, причем по 20 человек в каждом училище обучались за счет фонда Ф. В. Чижова. За стипендиатов каждому училищу перечислялось из этого фонда 2000 рублей в год. Остальные учащиеся получали образование за свой счет или за счет земств и платили за обучение, обмундирование и полный пансион ежегодно по 100 рублей. Училища давали хорошую профессиональную подготовку, и, несмотря на высокую плату за обучение, число желающих поступить туда росло.

Сельскохозяйственные учебные заведения, организованные на средства Ф. В. Чижова, вносили важный вклад в развитие сельского хозяйства губернии. Но возможности их были невелики. Контингент учащихся в училищах был ограничен. Дело в том, что содержание сельскохозяйственных учебных заведений, этих оазисов передового опыта среди массы рутинных хозяйств, обходилось в довольно крупную сумму. Так, на нужды Чухломского и Кологривского училищ в 1890-х гг. ежегодно отпускалось из фонда Ф. В. Чижова 50 720 руб. [2, с. 144—146]. Для сравнения: в 1900 г. на помощь сельскому хозяйству Костромским губернским земством было израсходовано в 2,5 раза меньше денежных средств — 21 485 рублей (3,7% всех земских расходов) [14, с. 240].

Интересен и тот факт, что ряд современников из числа земских деятелей считали, что сельскохозяйственные училища, организованные на средства Ф. В. Чижова, были недостаточно эффективны. Так, П. Бирюков в 1910 г. в своем обзоре мероприятий костромского земства по развитию образования писал: «...оглядываясь

на результат, достигнутый Чижовскими училищами, можно сказать, что он очень невелик по сравнению с теми колоссальными средствами, которые затрачены на их оборудование и содержание» [4, с. 219].

В заключение необходимо отметить, что все перечисленные мероприятия костромского земства и деятельность сельскохозяйственных учебных заведений хотя и сыграли положительную роль в развитии сельского хозяйства края, но мало изменили его. Удельный вес пашни в общем составе губернских угодий был самым низким в Центрально-промышленном районе (1/5 всей территории). Кроме того, в пореформенный период, несмотря на рост сельского населения, происходило сокращение и без того столь небольшого пашенного клина [15, с. 49]. Урожайность основной сельскохозяйственной культуры — ржи в начале XX века была так же низка, как и в 80-х гг. XIX века. Во многих волостях на северо-востоке губернии и в начале XX века применялась примитивная подсечная система хозяйства, тогда как в целом по губернии преобладала трехпольная система земледелия. Много-полье вводилось с трудом. К началу 1913

года под клевером было занято лишь 2,28% всей посевной площади. При том темпе, каким происходило распространение травосеяния в 1903—1912 гг., по подсчету земских статистиков, потребовалось бы 165 лет, чтобы ввести во всей губернии вместо трехполяя четырехполье. На низком уровне находилось и животноводство. В крестьянском хозяйстве, как правило, оно являлось подсобной отраслью. Продуктивность скота была очень низкой. Овцеводство по-прежнему имело в крестьянском хозяйстве натуральное, потребительское значение. Несмотря на наличие улучшенной романовской овцы, в большинстве хозяйств содержались местные грубошерстные овцы. Беспородных свиней на все лето отпускали в леса; дичая там, свиньи давали много щетины, но мало мяса и сала [5, с. 105—107].

В основном перестройка сельского хозяйства имела место в юго-западных, наиболее плотно заселенных приволжских промышленных уездах. Низкая эффективность мероприятий по улучшению

сельского хозяйства объяснялась, на наш взгляд, не только их слабым финансированием, малой образованностью и особой ментальностью крестьян, но и тем обстоятельством, что в большинстве относительно слабозаселенных районов Костромской губернии экстенсивная система хозяйствования, основанная на традиционном трехполье, еще не исчерпала себя и позволяла сельскому хозяйству пусть медленно, но развиваться, удовлетворяя невысокие потребности крестьян. В такой ситуации ни проводимая «сверху» пропаганда травосеяния, ни льготная выдача семян не могли заставить население заменить привычное для него трехполье, с которым оно сжилось веками, неизвестной травопольной системой, а от примитивного скотоводства перейти к высокоэффективному животноводству.

Список использованной литературы

1. Александров Н. М. Мероприятия земства и частных лиц по развитию сельского хозяйства в Костромской губернии в конце XIX — начале XX в. // Крестьянство и власть на Европейском Севере России : материалы науч. конф. (г. Вологда, 6—7 февр. 2003 г.). Вологда, 2003.
2. Александров Н. М. Ф. В. Чижов и развитие сельскохозяйственного образования в Костромской губернии // Предприниматели и рабочие России в условиях трансформации общества и государства в XX столетии. Кострома, 2003.
3. Апушкин А. Краткий обзор земских смет за 1906 год // Ежегодник Костромского губернского земства. 1910 год. Кострома, 1910.
4. Бирюков П. Краткий обзор мероприятий губернского земства по народному образованию // Ежегодник Костромского губернского земства. 1910 год. Кострома, 1910.
5. Владимирский Н. Костромская область: Историко-экономический очерк. Кострома, 1959.
6. Ежегодник Костромского губернского земства. 1910 год. Кострома, 1910.
7. Краткие справочные сведения о некоторых русских хозяйствах. Вып. 3. СПб., 1902.
8. Кошман Л. В. Профессиональное образование // Очерки русской культуры XIX века. М., 2001. Т. 3.
9. Кузьмин Г. Краткий обзор земских мероприятий по улучшению пчеловодства в Костромской губернии // Ежегодник Костромского губернского земства. 1910 год. Кострома, 1910.
10. Мурашев А. А. «Дядя самых честных правил...» (штрихи к портрету Ф. В. Чижова) // Россия в XIX—XX веках : материалы II Научных чтений памяти профессора В. И. Бовыкина. М., 2002.
11. Промышленные училища Ф. В. Чижова в Костромской губернии. М., 1900.

12. Россия: Энциклопедический словарь. Л., 1991.

13. Сборник сведений по Ярославской сельскохозяйственной и промышленной выставке 1893 г. Ярославль, 1894.

14. Смыслов А. Краткий обзор сельскохозяйственной деятельности губернского земства // Ежегодник Костромского губернского земства. 1910 год. Кострома, 1910.

15. Труды Госплана. Кн. 5, вып. 1. Сельское хозяйство Центрально-промышленной области. М., 1925.

УДК 94(571.122).084.8

Л. В. Алексеева

Сельскохозяйственные научные учреждения в Ханты-Мансийском национальном округе в годы Великой Отечественной войны

В годы Великой Отечественной войны в округе работали следующие научные учреждения: Ханты-Мансийский сельскохозяйственный опорный пункт, Березовская сельскохозяйственная станция, Кондинский сельскохозяйственный опорный пункт, Институт полярного земледелия. Каждый из них внес свой вклад в развитие сельского хозяйства в округе.

Институт полярного земледелия. 17 мая 1937 г. Совнарком СССР в целях развития сельского и промыслового хозяйства на Крайнем Севере принял решение об организации в г. Ленинграде на базе ранее существовавших отделов оленеводства, экономики, промысловой и рыбной биологии Арктического НИИ — Научно-исследовательского института полярного земледелия, животноводства и промыслового хозяйства. В период организации института главными его задачами были: проведение научных исследований с целью создания собственной продовольственной базы для промышленных центров Крайнего Севера, совершенствование технологии исконно северных сельскохозяйственных отраслей (оленеводства, охотничьего промысла, рыболовства), продвижение в высокие широты домашнего животноводства и растениеводства. В состав института в то время входили 14 сельскохозяйственных станций и 16 опорных пунктов [1].

В годы войны институт эвакуировали в Ханты-Мансийск. Среди эвакуированных сотрудников были В. Л. Васильев, Белозеров, Н. И. Кремлева. Базировался

Институт полярного земледелия на территории и в учреждениях Ханты-Мансийского опорного пункта. Были выявлены, изучены почвенно-климатические условия земель, благоприятных для возделывания сельскохозяйственных культур. Значительно выросла площадь окультуренных пастбищ и сенокосов, как следствие — увеличилось поголовье скота [11, с. 46]. Научные сотрудники эвакуированного в Ханты-Мансийск Института полярного земледелия оказали неоценимую помощь сельскому хозяйству округа.

Ханты-Мансийский сельскохозяйственный опорный пункт. Остяко-Вогульский опорный сельскохозяйственный пункт организован в 1933 г. [2, л. 2]. К началу войны в результате семилетней деятельности Ханты-Мансийский опорный пункт создал солидную научно-производственную базу. Учреждение имело 50 га пахотной земли, 200 га сенокоса, 200 га пастбищ, в том числе пахотной земли на горной стороне 10 га [там же]. Опытное стадо состояло из 16 лошадей, 20 голов крупного рогатого скота, 9 овец. Сотрудники работали по трем направлениям сельского хозяйства: полеводству, овощеводству, животноводству. Агрохимлаборатория, научная библиотека, парниковое, тепличное хозяйство и плодовый сад позволяли проводить агротехнические исследования. Центральная усадьба располагалась на лесных почвах близ села Самарово на нагорной стороне, в пойме реки Иртыш. В семи километрах от цен-

11

12

тральной усадьбы находилась молочная ферма, в восьми километрах от усадьбы в пойме по протоке Березовой — растениеводческая ферма. Общая площадь имеющихся 14 хозяйственных построек опорного пункта составляла 1425 кв. м. Опорный пункт располагал также колесным трактором и катером [10].

В военные годы Ханты-Мансийским опорным сельскохозяйственным пунктом решались такие актуальные задачи, как поиск способов получения высоких урожаев при минимальном внесении удобрений, окультуривания раскорчеванных земель. Опорный пункт осуществлял деятельность по трем направлениям: полеводству, овощеводству и животноводству. Указанные направления определили структуру пункта. В нем имелся отдел полеводства, группа овощеводства и животноводства. При отделе полеводства находилась агрохимлаборатория, при группе овощеводства — плодовый сад. Возглавляла Опорный пункт в военные годы Ариадна Николаевна Голяновская, агроном по специальности. В результате личных экспериментальных работ А. Н. Голяновской или под ее научным руководством был разработан комплекс приемов агротехники зерновых культур и картофеля, приемов освоения целинных нагорных и пойменных земель. Ею решались такие актуальные для военных лет задачи, как поиск способов получения высоких урожаев при минимальном внесении удобрений, окультуривания раскорчеванных земель [10].

Виды работ, осуществляемые опорным пунктом в 1941 г.: окультуривание подзолистых почв, работа над улучшением сортов картофеля. Проводились опыты по выращиванию белокочанной капусты, сортоиспытания моркови, лука, в парниках выращивали томаты и огурцы; велись работы в плодовом саду. Одновременно осуществлялся комплекс работ по племенному животноводству в колхозах. Разрабатывали две темы: метизация местной овцы романовской и метизация крупного рогатого скота холмогорской породы. На 1 января 1942 г. штат составлял 31 человек, в том числе 5 научных сотрудников [2, л. 2]. В 1942 г. опорный пункт осуществлял опытные работы по следую-

щим темам: «Освоение новых земель из-под леса», «Изучение системы удобрения в севообороте», «Изучение местных удобрений», «Подбор перспективных сортов», «Агротехника выращивания культур» [3, л. 4—5].

Опорный пункт осуществлял внедрение скороспелых и урожайных сортов яровой пшеницы, гороха, картофеля, льна; разрабатывал способы приготовления древесного корма; работал над повышением урожайности культур, занимался продвижением в колхозы помидоров и огурцов. Основной особенностью деятельности Ханты-Мансийского опорного пункта в 1943 году стало значительное расширение работы в колхозах по внедрению приемов, разработанных научно-исследовательскими учреждениями. Была выявлена возможность внедрения в производство совершенно новых культур: табака, махорки, сахарной свеклы, гречихи, проса, рыжика, конопли, кок-сагыза, топинамбура, — не возделываемых ранее в округе. В 1945 году при опорном пункте организовано опытно-производственное хозяйство в соответствии с приказом Народного комиссариата земледелия. Оно было переведено на хозрасчет и вело работу в соответствии с промфинпланом, утверждаемым Институтом полярного земледелия. Промфинплан способствовал улучшению финансового состояния опорного пункта, заработка плата не задерживалась, имелись средства для капитальных вложений. В 1945 г. опытная работа проводилась по направлениям: 1) полеводство; 2) овощеводство; 3) животноводство; 4) кормодобывание; 5) селекция [4, л. 173 об.]. За годы войны опорным пунктом освоено 7 гектаров земли. 85% пахотной земли опорного пункта располагалось в пойме Иртыша, хозяйство оставалось уязвимым при высокой воде.

Березовская сельскохозяйственная опытная станция. Станция образована в 1938 г. и находилась в 1 км от районного центра. Задачей станции являлось изучение вопросов возделывания сельскохозяйственных культур на Крайнем Севере. С 28 мая 1940 г. по 5 октября 1942 г. возглавлял станцию Алексей Тихонович Тихомиров, кандидат сельскохозяйствен-

ных наук. С 1 марта 1943 г. по 1 ноября 1946 г. — М. М. Степанова [5, л. 1—2]. Опытной станцией было освоено 21 га пахотных земель. Из них 11 га на основной территории опытной станции — берегу р. Б. Сосьвы (древняя терраса), на высоте 45 м над уровнем моря, и 10 га в 15 км от станции — в пойме пр. Вайсевой. Из построек опытная станция имела лабораторию, контору, конный двор, примитивный скотник, теплицу, 3 овощехранилища, склад, 4 жилых дома. В пойме располагались контора, жилой дом и три глиnobитных скотника [6, л. 5].

В годы войны велась работа по повышению урожайности зерновых культур, внедрению зерновых и картофеля, совершенствованию агротехники (изучалось внесение органических удобрений и золы, применялась двукратная пахота земель после раскорчевки, дискование) [6, л. 3]. Работники пункта осуществляли консультации через районную газету (печатались заметки) по получению семян, хранению семенников и возделыванию овощей — репы, моркови, брюквы, капусты, лука.

В 1941 г. опорный пункт осуществлял научно-производственную деятельность по 17 темам. В частности, исследовали способы повышения урожайности лука. Испытывали 7 сортов. Наивысший урожай дал сорт «Стригуновский». Испытания свеклы дали неудовлетворительные результаты. Было вынесено заключение, что в условиях обычной агротехники ее возделывание нерентабельно. Возможно выращивать свеклу при наличии двух условий: создание культурной почвы, богатой удобрениями, и благоприятные природные условия (т.е. теплое лето).

Работы по картофелю осуществлялись в питомнике, состоявшем из 25 гибридов, различавшихся по скороспелости и урожайности. Лучшие результаты дал сорт «Клоп-1822» — 280 ц с га.

Осуществлялось сортоиспытание капусты. Изучали 15 сортов. Опыты по капусте № 1 дали положительные результаты, этот сорт был рекомендован к возделыванию, его достоинства — быстрое созревание, большой процент кочков высокого качества [7, л. 1—27]. Велась исследовательская работа по защите

растений: выявление видового состава вредителей и болезней; разработка мер по борьбе с вредителями в открытом и закрытом грунте. Трудности в освоении новых земель, связанные с раскорчевкой, заставили разрабатывать преимущественно участки поймы. В 1944 г. в 15 км от основной территории нашли незатапливаемый участок поймы — правый берег протоки Войсевой. Этот пойменный участок — типичное сенокосное угодье с пониженнной частью, называемой сором, окаймленный незатапливаемой полосой — гравами [6, л. 51]. Обрабатывались только гравы, их ширина — 20—50 м. Для создания сплошного пахотного массива приходилось очищать территорию от тала и деревьев. В результате получались участки размерами 0,5—2,0 га.

Несмотря на трудности освоения, недостаток рабочей силы, опытная станция в 1944 г. освоила 10 га. Ввиду сплошного сплетения корневой системы, вспашка не давала должного результата, земельные пласти ложились сплошными лентами и требовали разбивки (дискования). Предварительная вспашка проводилась на глубину 10—12 см. По первому году освоения целины поймы опытная станция высевала овес, ячмень, пшеницу, рожь, картофель, столовые корнеплоды и турнепс. Яровые зерновые хорошо взошли, но нормального развития не получили, выколосившись в росте 20—25 см. Морковь, репа и свекла не развились.

В 1943 г. продолжались работы по сортоиспытанию картофеля. Осуществлялся подбор наиболее урожайных, скороспелых и устойчивых к заболеваниям сортов, разрабатывалась агротехника их выращивания. В 1941—1942 гг. станция имела все необходимые минеральные удобрения, что позволило получать неплохие урожаи. В 1943—1945 гг. станция не располагала минеральными удобрениями. Расширение посевных площадей, недостаток рабочей силы для внесения органических удобрений привели к снижению урожайности. Год 1943 был засушливым, а 1944 — избыточно влажным. Выращивание теплолюбивых культур (огурцов и томатов) в климатических условиях Березовского района проводилось только в за-

13

крытом грунте. Первая попытка опытной станции по выращиванию этих культур была предпринята в 1939 г. и окончилась неудачей ввиду ранних заморозков. Возделывание лука для севера оставалось большой проблемой. Опыты станции показали, что лучше всего приживается и дает всходы и урожай лук-батун, однако для употребления в зимнее время и для консервирования нужен был лук репчатый. Работа с луком была начата в первый год основания станции. Довольно высокий урожай лука удалось получить в парниках. Посев лука из семян не вызрел, и с него взяли только зелень. В открытом грунте лук не развился. Семена дали редкие всходы, а перо рано начало желтеть. Из корнеплодов в полевых условиях возделывался только турнепс. Остальные культуры выращивали в парниках при хорошем удобрении почвы [6, л. 21—76].

Кондинский сельскохозяйственный опорный пункт. Опорный пункт организован в 1936 г. и находился в 4-х км от пос. Леуши и в 1 км от пос. Листвиничного Кондинского района. Расстояние до райцентра, с. Нахрачи, составляло 110 км по зимнику и 300 км по воде. Летом передвижение главным образом осуществлялось по Конде и ее притокам пароходом, катером, лодками. Зимой передвигались санным путем по берегам водоемов. Наиболее быстрое почтово-пассажирское сообщение было зимой. Почта из Москвы поступала в пределах 20 суток, летом шла 1,5—2 месяца. Грузы доставлялись только в навигацию. Постоянный штат опорного пункта состоял из семи человек. На полевые работы привлекались в основном члены семей сотрудников пункта. Пункт имел два жилых дома, в одном шесть квартир, в другом — три. В одной из квартир находилась контора пункта. Производственными помещениями являлись зернохранилище, конюшня, сарай, баня, теплица, парники. Имелось пять лошадей, а также машины и орудия — молотилка, веялка, две сеялки, два плуга, две бороны, два культиватора и мелкий сельскохозяйственный инвентарь.

Опорный пункт осуществлял свою деятельность за счет госбюджетных и специальных средств. Основные работы пункта были связаны с развитием земледелия

в районе. До 1931 г. посевы в районе составляли 289 га, в 1942 г. — более 5 тыс. га. Главные зерновые культуры — яровая пшеница, озимая рожь, овес, меньше ячмень, горох, ярица, лен, конопля. Медленность прорастания зерновых культур объяснялась долгим прогреванием почвы в силу низких температур и особенностями строения почвы: под пахотным слоем находилась глина (подобные почвы тяжелые, холодные, плохо пропитываются). Несмотря на трудности с возделыванием культур, все же урожайность на опорном пункте была в несколько раз выше, чем на полях Кондинского района [8, л. 7—13].

После призыва в ряды РККА директора опорного пункта А. А. Лебедева руководил работой опорного пункта единственный научный сотрудник — овощевод В. Г. Павловский, которому пришлось самому проводить уборку урожая 1941 г. и подготовку к севу 1942 г. Вновь назначенный директор прибыл на опорный пункт 15 апреля 1942 г. В 1942 г. штат состоял из 3-х научных сотрудников (1 вакансия) и 4-х человек рабочего персонала. Директор опорного пункта и научный сотрудник по полеводству — М. М. Степанова; научный сотрудник по овощеводству — Н. И. Кремлева.

Приказом НИУ НКЗ РСФСР от 21 марта 1942 г. Кондинский опорный пункт переведен в подчинение Ханты-Мансийского опорного пункта в части опытно-исследовательской и научно-производственной работы [2, л. 2]. Опорный пункт работал по двум направлениям — полеводство и овощеводство. Общая земельная площадь составляла 12,66 га. Земельные участки имели прямоугольную форму (ширина — 200 м, длина — 600 м), были вытянуты с востока на юго-запад. До 1940 г. культуры засевались в хаотичном порядке. С 1940 г. ввели семипольный севооборот. С 1943 г. планировался переход к трехпольному севообороту. 23 ноября 1942 г. на заседании исполкома Кондинского районного совета заслушали доклад о работе Кондинского опорного пункта за 1940—1942 гг. и о мероприятиях на 1943 г. В протоколе в качестве итога работы пункта отмечалась возможность широкого развития в районе полеводства,

овощеводства и семеноводства овощных культур. Основными условиями для получения высоких урожаев являлись: внедрение скороспелых и урожайных сортов, соблюдение правильного посева, полное использование всех местных удобрений. Опорным пунктом рекомендованы оптимальные сроки посева яровых и озимых культур. План работы опорного пункта на 1943 г. предусматривал проведение сортотипирования зерновых и овощных культур, агротехники, внедрения скороспелых и перспективных сортов в колхозах «Путь Ленина», «Заря социализма», имени Молотова; постановку опытов по скороспелым и перспективным сортам в колхозе «Красная поляна» [8, л. 2, 8 об.]. Работы пункта в 1943—1944 гг. показали, что важнейшим фактором повышения урожайности могло стать внесение навоза в почву, которое давало прибавку урожая на 26%. Рекомендовались следующие сорта культур, продемонстрировавшие наиболее высокую урожайность: яровая пшеница «Гарнет», ячмень «Винер» и «Олли», овес «Золотой дождь» [9, л. 8].

Из производственного отчета пункта за 1944 г. следует, что основные производственные задания были выполнены. В 1944 г. на пункте работали А. А. Лебедев — директор, научный сотрудник по полеводству, Н. И. Кремлева — научный сотрудник по овощеводству, В. П. Кушников — техник-полевод, А. Ф. Безродная — техник-овощевод, С. Н. Угрюмов — счетовод. Научные сотрудники имели высшее образование, техники были без специального образования. Кроме того, работали

ли завхоз, конюх, уборщица и 5 рабочих. Директор, счетовод и завхоз — участники Великой Отечественной войны. План на 1945 г. предусматривал переход пункта на полный хозрасчет. Пахотные угодья оставались в тех же размерах [9, л. 1].

Таким образом, в годы войны в окруже научные исследования по сельскому хозяйству не только не прекратились, но и приобрели большую интенсивность. Сотрудники научных учреждений, опираясь исключительно на собственные силы и ресурсы, неустанно трудились над решением практических задач по внедрению устойчивых сортов зерновых и овощных культур в местности, приравненной к Крайнему Северу, обеспечивавших получение стабильных и более высоких урожаев.

Список использованных источников и литературы

1. ГНУ ордена «Знак почета» НИИ сельского хозяйства Крайнего Севера Сибирского отделения РАСХН [Электронный ресурс]. URL: <http://www.sorashn.ru>.
2. Казенное учреждение «ГАХМАО-Югры» (ГАХМАО). Ф. 231. Оп. 1. Д. 28.
3. ГАХМАО. Ф. 231. Оп. 1. Д. 62.
4. ГАХМАО. Ф. 231. Оп. 2. Д. 76.
5. ГАХМАО. Ф. 231. Оп. 2. Д. 63.
6. ГАХМАО. Ф. 231. Оп. 2. Д. 78.
7. ГАХМАО. Ф. 231. Оп. 2. Д. 52.
8. ГАХМАО. Ф. 231. Оп. 1. Д. 27.
9. ГАХМАО. Ф. 231. Оп. 1. Д. 72.
10. Набокова Л. В. Ханты-Мансийский опорный пункт Наркомзема РСФСР в годы Великой Отечественной войны [Электронный ресурс]. URL: http://www.admhmao.ru/committe/upr_arh/dok_mes/predpriyat.htm
11. Прибыльский Ю. П. Истоки Победы // Югра. 2000. № 11. С. 46.

15

Российская деревня в XVIII—XXI веках: социокультурное измерение

УДК 94(470.57)

А. В. Ахметшина

Земская медицина и ее влияние на демографические процессы в Уфимской губернии в последней четверти XIX — начале XX века

В статье рассматривается вопрос влияния земской медицины на демографические процессы, происходившие на территории Уфимской губернии в последней четверти XIX — начале XX века. На основе архивных данных и опубликованных материалов изучены основные направления работы земской медицинской организации — лечебное и санитарное, их достижения. При этом рассмотрены некоторые из основных демографических показателей, такие как рождаемость и смертность, и их зависимость от уровня развития земской медицины Уфимской губернии.

Ключевые слова: земская медицина, земская санитарная организация, демография, рождаемость, смертность, Уфимская губерния.

Научный интерес, а также широта теоретических и практических подходов к различным аспектам исторического развития российской деревни заставляют вновь обратиться к данной проблеме.

В 1864 г. в 34-х губерниях Европейской России были созданы органы местного самоуправления — земства. Введение земского хозяйственного самоуправления непосредственно связано с возникновением земской медицины, которая являлась формой медико-санитарного обеспечения главным образом сельского населения.

По «Положению о губернских и уездных земских учреждениях» от 1 января 1864 г. медицинская часть была отнесена к разряду необязательных земских повинностей. На земство возлагалось «попечение в пределах, законом определенных, и преимущественно в хозяйственном отношении, о народном здравии» [5, с. 2—22]. Точной регламентации обязанностей земств по оказанию врачебной помощи сельскому населению не существовало.

В Уфимской губернии земские учреждения фактически начали свое существование только с 1875 г. [12, с. 415]. Задача осуществления лечебной помощи сельскому населению возлагалась на уездные земства. Согласно постановлению первого очередного Уфимского губернского земского собрания к предмету ведения уездной земской медицины относилась медицинская часть, включавшая в себя организацию и содержание уездных больниц, аптек, приемных покоев и фельдшерских пунктов [8, с. 9].

Уфимская губерния в период становления земской медицины представляла собой территорию в 107 002,1 кв. версты с населением 1 222 737 человек, которое крайне неравномерно распределялось по территории губернии. На это количество населения приходилось в 1876 г. 5 больниц и 7 приемных покоев [6, л. 35]. Имеющиеся уездные больницы, как правило, находились в уездных городах, поэтому многочисленные больные из отдаленных волостей вынуждены были обращаться за помощью к фельдшерам. Несмотря на

низкую подготовку среднего медицинского персонала, именно фельдшерский персонал оказывал основной объем медицинской помощи крестьянам.

Первоначально уездная земская медицина Уфимской губернии имела ряд серьезных проблем: ощущался недостаток квалифицированных специалистов, сказывалось несовершенство акушерской помощи, отсутствие необходимых помещений и инструментов, платность медицинской помощи и др. Однако в начале XX века наблюдается процесс совершенствования сложившейся системы медицинского обслуживания населения, поиска новых форм и методов организации земско-медицинского дела в Уфимской губернии, повышения качества работы медицинского персонала.

В результате деятельности уездных земств появились доступные населению больницы, амбулатории, распространились новые методы лечения. Наряду с количественным ростом больниц и числа коек в них большое значение имело развитие функциональных возможностей лечебных учреждений, расширение перечня оказываемых медицинских услуг. В практику земских больниц (в большей степени уездных) широко внедрялась хирургическая деятельность, исключая постоянную необходимость отправки тяжелобольных в губернскую земскую больницу, что фактически означало децентрализацию медицинской помощи в Уфимской губернии. В большинстве уездных земств Уфимской губернии сформировался принцип бесплатности в земской медицине, что означало бесплатную амбулаторную помощь с бесплатной выдачей лекарств и лечебных пособий; бесплатную хирургическую и специальную помощь и родовспоможение.

Значительную роль в деле совершенствования земской медицины в Уфимской губернии сыграла земская фельдшерско-акушерская школа, созданная в 1908 г. и позволившая улучшить подготовку среднего медицинского персонала.

В этой связи следует отметить, что население Уфимской губернии отлича-

лось достаточно высокой рождаемостью. В 1897—1901 гг. средний коэффициент рождаемости составлял 49,8%, в 1902—1906 гг. — 52,9%, в 1907—1911 гг. — 52,1%. В то же время в Московской губернии коэффициент рождаемости составил 48,8—43,5% [17, с. 126]. Самые высокие показатели рождаемости в Уфимской губернии за период 1897—1911 гг. были в Бирском уезде — 49,5%, Мензелинском — 50%, Белебеевском — 50,5%, Стерлитамакском — 53,4%, Уфимском — 53,7% и Златоустовском — 57,8% [1, с. 16—17, 19, 76—77].

Достаточно ранние браки и поощряемая традиционными устоями и всеми религиями многодетность приводили к частым родам. Однако низкая бытовая гигиена, отсутствие квалифицированной медицинской помощи и тяжелые условия жизни приводили к массовой смертности детей. Так, на рубеже XIX—XX веков в Уфимской губернии детей в возрасте до 10 лет среди всех умерших было 65,5%, а лиц старше 60 лет — всего 12,5% [1, с. 36]. Каждый четвертый появившийся на свет младенец умирал, не прожив и одного года. Открытие земской фельдшерско-акушерской школы в значительной степени повлияло на улучшение медицинского обслуживания, что проявилось в оказании квалифицированной помощи при родах. Однако детская смертность снижалась медленно. За 1897—1911 гг. она сократилась с 24,1 до 21,35% от всех родившихся. В среднем за эти 15 лет в Уфимской губернии на 100 родившихся детей 22,4% умирали в возрасте до года, еще 14,05% — в возрасте от одного до пяти лет, итого — 30,45% [1, с. 46—48].

Другой важной линией в деятельности земской медицины являлось санитарно-профилактическое направление. Появлению земской санитарной организации в Уфимской губернии способствовали социально-экономические условия, сложившиеся во второй половине XIX в. Уфимская губерния стала объектом интенсивного переселенческого движения, что явилось одной из причин распространения различных эпидемических заболеваний, приводивших к увеличению смертности населения. Свирепствовали эпидемии дифтерии,

брюшного и сыпного тифа, скарлатины, сифилиса, холеры, оспы, дизентерии, гриппа и др. Эпидемии были настоящим народным бедствием, которое поражало не только беднейшие слои всех возрастов, живущие в антигигиенических условиях, но и людей зажиточных.

На первом этапе (1875—1905 гг.) существования земской санитарной организации главная ее задача заключалась в организации противоэпидемических мероприятий. Наряду с этим большая роль отводилась профилактическим и организационным мерам, в числе которых были улучшение организации оспопрививания и борьба с распространением сифилиса.

В первое десятилетие после создания земских учреждений главной мерой борьбы с эпидемиями было оспопрививание. Однако данное направление деятельности земств Уфимской губернии находилось в неудовлетворительном состоянии. Среди основных причин можно отметить недостаток оспопрививателей, отсутствие жалованья оспопрививателям в некоторых уездах губернии, отсутствие статистических данных о рождаемости и смертности детей в уездах, что приводило к невозможности контроля над процессом оспопрививания. Значительную проблему в деле организации оспопрививания представляли препятствия со стороны населения. Так, увеличение детской смертности, особенно в мусульманских семьях, происходило в результате отказов от проведения прививок оспы своим детям [20, л. 86—92; 21, л. 15; 22, л. 39].

Наряду с оспой и сифилисом широкое распространение имели и другие инфекционные болезни. По официальным данным, в 1894 г. в России от оспы, скарлатины, дифтерии, кори, тифов и дизентерии умерло 550 500 человек. Смерть от инфекционных заболеваний составляла 30—40% общей смертности [4].

Особое беспокойство органов земского самоуправления вызывали эпидемии чумы и холеры, вся тяжесть борьбы с которыми первоначально ложилась на земских участковых врачей.

В первые годы земской практики взаимодействие на уровне губернии и уездов в борьбе с эпидемиями проявлялось

лишь в незначительном финансировании последних. Помощь губернского земства уездным была эпизодический и случайной. В 1884 г. губернским земством были приняты единовременные меры по борьбе с холерой, тифом и дифтеритом, на что было ассигновано 30 тыс. руб. [9, с. 195]. Борьба с такими болезнями, как оспа, цинга, дизентерия, скарлатина, корь, всецело оставалась в ведении уездных земств, что создавало трудности в организации противоэпидемических мероприятий в губернии.

Второй этап (1905—1914 гг.) связан с созданием общегубернской санитарной организации. Санитарное бюро во главе с И. С. Вегером продолжило санитарно-статистическое исследование губернии и внесло новые элементы в содержание своей деятельности.

Важным событием этого этапа стало создание института уездных санитарных врачей. Круг обязанностей уездных санитарных врачей был чрезвычайно широк: противоэпидемическая деятельность, распространение гигиенических знаний среди населения, школьно-санитарный надзор, контроль за деятельностью яслей и приютов, обеспечение санитарного надзора за водоснабжением, проведение лабораторных и медико-статистических работ.

Низкая культура быта населения, несоблюдение элементарных правил санитарии способствовали распространению инфекционных заболеваний, что заставляло земцев проводить более серьезную санитарно-просветительную работу. Выпisyвались популярные медицинские брошюры и другие издания, которые распространялись через общественные библиотеки. В целях распространения гигиенических знаний губернское земство издавало брошюры о наиболее распространенных болезнях на татарском и чuvашском языках, устраивало систематические чтения среди русского и нерусского населения [16, л. 63].

Одним из санитарно-профилактических мероприятий в Уфимской губернии стало учреждение губернским земством яслей-приютов на период полевых работ. Главной целью данных учреждений являлась борьба с детской смертностью, сифи-

лисом и опустошительными летними пожарами в деревнях вследствие «детских шалостей» [10, с. 596—597]. Свое функционирование земские ясли-приюты начали с 1901 г. Если в 1904 г. насчитывалось 15 яслей-приютов, то уже в 1905 г. их было 20 [11, с. 719]. Губернское земское собрание, осознавая несомненную пользу данного мероприятия, выделяло 3000 руб. на устройство данных учреждений.

Пристальное внимание было обращено на качество и чистоту питьевой воды, в которой видели причину вспышек различных эпидемий. Губернское земство в целях предупреждения эпидемий, распространяющихся через питьевую воду, еще с 1897 г. стало выделять средства на улучшение источников водоснабжения. С 1910 г. оно организует систематическое обследование водоснабжения губернии [17, л. 14—15]. Из практических работ в этой области следует указать на 16 сооруженных буровых колодцев, 4 капитированных (оборудованных) родника и 1 водопровод. Кроме того, 5 бурений закончились неудачей [18, л. 2—3].

В 1912 г. во всех уездах Уфимской губернии впервые ввели карточную систему регистрации больных. В том же году организовали карточную регистрацию умерших, родившихся и брачующихся. Земство получило возможность вести правильный учет изменений, протекающих в естественном движении и заболеваемости населения, и строить свои заключения о санитарном состоянии губернии, намечать практические мероприятия.

Другим направлением деятельности уездных санитарных врачей являлось изучение санитарного состояния земских школ. Плохое освещение, отопление, вентиляция, теснота помещений способствовали росту различных заболеваний. Однако вся деятельность в данном направлении выразилась в составлении нормальных планов школьных зданий, в осмотре наемных помещений, сдаваемых под школы, и в обследовании усадебных мест, отводимых обществами под новые школы. Только в начале 1912 г. врачебным советом Мензелинского уезда была выработана форма для регистрации наблюдений по школьно-санитарному надзору. Однако

единой общегубернской программы обследования школ выработано не было.

Предметом исследования уездных санитарных врачей являлись условия труда и быта рабочих промышленных предприятий Уфимской губернии. Деятельность уездных санитарных врачей по осмотру промышленных предприятий носила случайный и эпизодический характер, что объясняется отсутствием общесанитарной программы исследований.

Таким образом, деятельность земской медицинской организации Уфимской губернии, представленная лечебным и санитарным направлениями, достигла значительных успехов, несмотря на серьезные трудности. Достижения земской медицины прямым образом оказались на рождаемости, смертности и продолжительности жизни населения края, хотя кардинально повлиять на демографическую ситуацию в губернии не могли. В 1897—1901 гг. средняя смертность во всех уездах Уфимской губернии (без городов) была 29,3, в 1902—1906 гг. — 31,7, в 1907—1911 гг. — 30,4 [1, с. 77]. На общую смертность населения, помимо эпидемий холеры, унесившей в годы вспышки болезни тысячи жизней, значительное влияние оказывали такие заболевания, как лихорадка, горячка, грипп, тиф, воспаление мозга, воспаление дыхательных путей и глаз, натуральная оспа, различные желудочно-кишечные болезни. Заболевания социально-бытового характера, такие как сифилис, чахотка, чесотка, золотуха, цинга, столбняк, водянка и пр., также повышали коэффициент смертности, хотя и в меньшей мере.

Классификация причин смерти, по данным уфимского статистического комитета, позволяет выделить смертность от родов и последствий родов как лидирующую, далее идут детские болезни до пятилетнего возраста, климатические и бытовые болезни, пьянство, отравления и убийства. Естественная старость завершает этот список [19, л. 5]. Причины кроются в социально-экономическом развитии региона и в социокультурных особенностях населения губернии.

В целом высокая рождаемость «перекрывала» смертность, и Уфимская губер-

ния отличалась очень быстрым увеличением населения. Если в 1900—1911 гг. на 1000 человек прирост составлял в Швеции 11,9—10,0, Великобритании — 12,1, во Франции от 1,8 до —0,5 (была уже убыль населения), Германии — 14,2—11,3, Румынии — 15,4—13,2, по Европейской России — 18,5—13,7, то в Уфимской губернии — 18,2—13,1%. Если в городе Уфе средний прирост за 15 лет (1897—1911 гг.) был на «европейском» уровне — 10,8, то сельская местность давала двойное превышение показателей — 21,2 на 1000 человек. Лидировали самые многоземельные и зажиточные уезды: Златоустовский — 23,4, Стерлитамакский — 22,5, Белебеевский — 21,8, далее шли Уфимский — 21,7, Бирский — 20,5; самый небольшой прирост населения был в малоземельном Мензелинском уезде — 18,8 [7, с. 61].

Можно с полной уверенностью утверждать, что в условиях глубокой провинции, большого дефицита материальных средств, нехватки квалифицированных кадров уфимское земство существенно отставало от передовых земств России. Однако деятельность земских врачей не была напрасной. Благодаря их напряженной и самоотверженной работе удалось сохранить жизнь и здоровье населению Уфимской губернии.

19

Список использованной литературы

1. Гиккель Э. И. Санитарно-статистические сведения по Уфимской губернии. Вып. 1. Очерк движения населения Уфимской губернии в 1897—1911 гг. Уфа, 1916. 98 с.
2. Журнал заседания Уфимского губернского земского собрания XXXI очередной и XXXVII чрезвычайной сессии 1905—1906 годов и доклады управы. Уфа, 1906. 942 с.
3. Историко-статистические таблицы деятельности уфимских земств. К 40-летию существования земств в Уфимской губернии. 1875—1914 гг. Уфа, 1915. 445 с.
4. Отчет Медицинского департамента МВД за 1894 г. СПб., 1898.
5. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Отделение I. СПб., 1867. Т. 39. № 40457.
6. Российский государственный исторический архив. Ф. 1297. Оп. 218. Д. 243.
7. Роднов М. И. Крестьянство Уфимской губернии в начале XX века (1900—1917 гг.): социальная структура, социальные отношения. Уфа, 2002. 314 с.

8. Сборник постановлений Первого очередного Уфимского губернского земского собрания с 16 января по 6 февраля 1876 г. Уфа, 1876. 637 с.

9. Сборник постановлений Уфимского губернского земского собрания с приложениями. XX очередное собрание 1894, XXIII и XXIV чрезвычайные собрания 1894—1895 гг. Уфа, 1895. 1107 с.

10. Сборник постановлений Уфимского губернского земского собрания с приложениями. XXVII очередное собрание 1901 г. Уфа, 1902. 989 с.

11. Сборник постановлений Уфимского губернского земского собрания с приложениями. XXX очередное собрание и XXXVI чрезвычайное собрание 1905 г. Уфа, 1905. 1107 с.

12. Систематический сводный сборник постановлений Уфимского губернского земского собрания за 35-летие 1875—1909 гг. : в 3 т. / сост. П. Н. Григорьев. Уфа, 1915. Т. 2.

13. Труды второго съезда земских врачей Уфимской губернии. Вып. 1. Протоколы заседаний и доклады секций. Уфа, 1899. 96 с.

14. Уразова А. И. Тенденции демографического перехода и формирование урбанизированного пространства на Южном Урале на рубеже XIX—XX вв. // Аграрное развитие и продовольственная безопасность России в XVIII—XX вв. : сб. статей / ред. кол. С. А. Есиков [и др.] ; гл. ред. Г. И. Корнилов. Оренбург, 2006. С. 123—218.

15. Центральный исторический архив Республики Башкортостан (ЦИАРБ). Ф. И-132. Оп. 1. Д. 235.

16. ЦИАРБ. Ф. И-132. Оп. 1. Д. 304.

17. ЦИАРБ. Ф. И-132. Оп. 1. Д. 481.

18. ЦИАРБ. Ф. И-132. Оп. 1. Д. 483.

19. ЦИАРБ. Ф. И-148. Оп. 2. Д. 7.

20. ЦИАРБ. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 447.

21. ЦИАРБ. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 493.

22. ЦИАРБ. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 506.

УДК 94(470.5)+314.148(470.5)(093)

E. Ю. Баранов

Годовые таблицы статистических данных о естественном движении населения СССР в 1920—1930-е гг.: оценка информативного потенциала исторического источника (на материалах Урала)

В статье проанализированы годовые таблицы статистических данных о естественном движении населения как источник по демографической истории России в 1920—1930-е гг. Таблицы содержат данные о рождественном, матримониальном, витальном поведении населения с учетом половозрастного, этнического, социального компонентов. Они существенно дополняют переписи населения при детальной реконструкции демографической истории, позволяют изучать демографические процессы на макро- и микроуровнях.

Ключевые слова: население, историческая демография, исторический источник, статистические источники, демографическая статистика, демографическое развитие, демографические процессы, Урал.

В отечественной историографии в конце 1980-х гг. начинают разрабатываться до этого совершенно «закрытые» темы. Одним из объектов пристального внимания ученых стала социально-демографическая сфера периода активной социально-экономической трансформации 1930-х гг., обусловленной форсированной индустриализацией, сплошной коллективизацией и раскулачиванием, репрессивной политикой [7; 8; 13; 15]. Одной из тем, к которой историки и демографы обратились на рубеже 1980—1990-х гг., стала история организации и проведения всесоюзных переписей населения 1937 и 1939 гг., при этом учеными особое внимание уделялось вопросам оценки достоверности содержащихся в них сведений [1; 4—6; 9]. Общие итоги обеих перепи-

сей были впервые опубликованы в начале 1990-х гг. [2; 3]. И первоначально большая часть исследований демографического развития страны в 1920—1930-е гг. как общероссийского, так и регионального уровней строилась на основе сопоставления и анализа данных всеобщих переписей 1926, 1937, 1939 гг. [12].

Сегодня опубликованные и архивные материалы всеобщих переписей населения сохраняют свое значение в качестве обязательного и отправного историко-демографического исследования. Всеобщие переписи населения стали своеобразным мерилом демографического развития СССР, России и ее регионов в XX в. Статистические данные всеобщих переписей позволяют определить основные тенден-

ции демографического развития, выявить столетние исторические тренды движения населения, проследить количественные и качественные изменения населения. Современные исследователи используют в качестве информационного источника и аналитические статистические таблицы динамики численности населения, демографических событий и процессов, которые составлялись в справочных и отчетных целях центральными и местными статистическими органами. Различные демографо-статистические сводки историки выявляют в документации органов партийно-государственной власти и силовых структур. В меньшей степени учёные обращаются к такому источнику, как текущий учет демографических событий, отложившийся в архивах загсов. Так, В. В. Кондрашин при изучении демографических последствий голода 1932—1933 гг. в Поволжье проанализировал документы областных и районных загсов [10; 11].

Специфика изменения административно-территориального деления Урала в 1920—1930-е гг. обуславливает определенные трудности для проведения динамического анализа демографических показателей. Так, с ноября 1923 г. по январь 1934 г. существовало такое административно-территориальное образование, как Уральская область. Она включала территории современных Курганской, Свердловской, Тюменской, Челябинской областей, Пермского края, а также частично территории Башкортостана и Удмуртии. При этом следует учитывать, что до июля 1930 г. область делилась на округа, которые объединяли районы. В январе 1934 г. Уральскую область ликвидировали и из ее состава выделили Обь-Иртышскую, Свердловскую и Челябинскую области. В декабре 1934 г. территории Обь-Иртышской области, включавшие бывшие Тобольский и Тюменский округа, вошли в состав Омской области. В 1938 г. из состава Свердловской области была выделена Пермская область (в 1940 г. переименована в Молотовскую область). Челябинская область до февраля 1943 г. включала территорию современной Курганской области. Несмотря на такую сложную ситуацию, построение динамических рядов

показателей демографического воспроизведения является актуальной задачей для современной историко-демографической науки.

При этом, на наш взгляд, следует обратить особое внимание на такой источник статистической информации о населении, как таблицы статистических данных о естественном движении населения. Данный источник на сегодняшний день достаточно мало используется историками-демографами. Статистические таблицы движения населения отложились в архивных фондах региональных статистических управлений, а также в фондах центральных статистических органов*. Они представляют собой комплексы таблиц, содержащих сводную отчетную статистическую информацию о воспроизведстве населения за год. Наряду с годичными таблицами составлялись полугодичные и месячные сводки.

В 1920-е гг. отдельные формы заполнялись по окружным городам, прочим городам, фабрично-заводским поселениям, прочим городским поселениям (в том числе заводам, рудникам, железнодорожным станциям), а также сельским местностям. Сводки составлялись по всему городскому населению, по округам в целом, прежде всего по округу с областным центром. В таблицах по округу сведения приводились по районам.

Новые формы разработки появились в 1928 г., в них конкретизировались категории городской местности. Составлялись отдельные таблицы по областным (или краевым, республиканским) городам, городам с населением свыше 50 тыс. жителей, прочим городам и поселениям городского типа. В 1929 г. заполнялись таблицы с данными по городам с населением от 20 до 50 тыс. жителей. В 1930 г. появилась новая поселенческая категория — рабочие поселки по особому списку

* Таблицы по Уральской и Свердловской областям отложились в фондах Государственного архива Свердловской области (ГАСО, фонды Р-1812 «Уральское управление народнохозяйственного учета», Р-1813 «Свердловское областное статистическое управление»). В Объединенном государственном архиве Челябинской области (ОГАЧО) таблицы хранятся в фонде Р-485 «Челябинское областное статистическое управление».

(по-видимому, в них размещались спецпоселенцы). С 1933 г. в самостоятельную географическую категорию выделяются города с населением свыше 100 тыс. жителей. По всем категориям местности заполнялись отдельные таблицы.

В итоговых годичных таблицах по области сведения приводились по административно-территориальным единицам (до 1930 г. — округам, затем районам). В этих таблицах отдельно учитывались данные по городам и прочим городским поселениям, итоги по городскому и сельскому населению и в целом («всего») по административно-территориальной единице (округу или району).

Таблицы статистических данных о естественном движении населения были направлены на статистическое измерение рождений, смертей, браков и разводов, фиксировавшихся по определенным признакам. Особый интерес представляет форма «Общие сведения о естественном движении населения». Эта итоговая таблица включала данные по следующим показателям: число браков; число разводов (по обоюдному согласию, по суду, всего); число родившихся (без мертворожденных) мужского, женского, обоего пола, сверх того мертворожденных мужского, женского, обоего пола; число умерших мужского, женского, обоего пола, в том числе моложе 1 года мужского, женского, обоего пола. Имелась графа «Число жителей по исчислению на 1/I», но в большинстве таблиц 1920-х гг. она не заполнена.

В 1928 г. были внесены изменения и дополнения в показатели таблицы. Вместо показателя «Число жителей по исчислению на 1/I» вводился показатель «среднее население», но и по нему данные не вносились. В эту форму были добавлены показатель «число родов, включая мертворожденных» и показатель «в том числе многоплодных родов двойнями, тройнями и большим количеством близнецов». Однако поля последнего показателя остались в 1928 г. не заполненными. В 1930-е гг. появились модификации этой формы. Сведения, сохранив градацию демографических событий, учитывались по месяцам в рамках одной таблицы.

Формы годовых таблиц корректировались, дополнялись в 1930-е гг. Так, появилась форма «Данные о числе зарегистрированных актов гражданского состояния и о естественном движении населения», затем ее сменила таблица «Общие итоги естественного движения населения» (1933 г.). В них содержатся данные о количестве загсов; о количестве загсов, предоставивших сведения, и аналогичные ранее обозначенным сведениям — данные о количестве таких демографических событий, как браки, разводы, рождение, смерти, с уточнением числа смертей в возрасте до 1 года и в возрасте от 1 года и старше. Данные в таблицах приводились по районам городской и сельской местности.

В «общих сведениях о естественном движении населения» в 1930 г. стали приводиться данные по численности населения, среднему населению, что дает возможность вычислять общие демографические коэффициенты. С 1931 г. в итоговые таблицы включались относительные показатели (число родившихся в расчете на 1000 человек, число умерших в расчете на 1000 человек, естественный прирост в расчете на 1000 человек). Также появился показатель «на 1000 родившихся умерло в возрасте до 1 г.». Относительные показатели позволяют наиболее адекватно оценить характер демографических процессов.

Кроме общих итоговых таблиц по естественному движению населения, в рассматриваемых комплексах документации были представлены отдельные таблицы статистики рождений, смертей, браков и разводов. Статистика родившихся была отражена в таблице «Распределение родившихся по полу, возрасту матери и социальному положению родителей» (1927 г.). Учет рождений проводился по следующим возрастным группам матерей: 16 лет и моложе, с 17 до 25 лет данные приводились по однолетним возрастным группам, с 25 до 50 лет — по пятилетним возрастным группам, к последней возрастной группе (50 лет и старше) относились матери, превысившие порог репродуктивного периода. Также указывались сведения по лицам неизвестного возраста и суммарные по всем возрастным категориям.

ям. Социальное положение учитывалось по категориям: рабочие, служащие и лица свободных профессий, хозяева и помогающие члены семьи (выделялись в сельском хозяйстве и прочие), прочие, «неизвестно», «всего».

Данная форма, как и другие, имела различные модификации. Так, в формах 1928 г. сохранилась таблица «Сведения о родившихся по возрасту матери и социальному положению родителей», в которой учитывалось социальное положение отца, если оно было неизвестно, то — матери, и число родившихся живыми обоего пола у матерей определенных возрастных групп. В годовой разработке 1930 г. представлена таблица «Сведения о родившихся по возрасту и социальному положению матери». При этом социальное положение матери отражалось по двум категориям: самодеятельное и несамодеятельное население. Существовала и третья категория матерей, чье социальное положение не было установлено.

В годовых разработках демографического движения можно встретить таблицы статистики мертворожденных. В 1927 г. мертворожденные распределялись по возрасту и занятию матери. При этом выделялись следующие группы занятий: текстильщики; прочие рабочие; сельскохозяйственные рабочие, руководящий персонал; культурно-просветительский персонал; учетно-контрольный персонал; работники связи; младший обслуживающий персонал; прочие служащие; хозяева в сельском хозяйстве и помогающие члены семьи; лица, не имеющие занятия; безработные; несамодеятельное население. Такая степень детализации занятий позволяет охарактеризовать уровень рождаемости в различных социально-профессиональных группах.

В статистике рождений уделялось внимание национальному признаку. Фиксировались «сведения о родившихся (без мертворожденных) по национальности матери» (1927 г.). В этой форме учитывались национальности: великорусы (русские), украинцы, белорусы, поляки, немцы, эстонцы, латвийцы, литовцы, вотяки (удмурты), пермяки (коми-пермяки), татары, башкиры, чуваши, цыгане, марийцы,

зыряне, евреи, греки, молдаване, мордвины, персы, австрийцы и др. Был показатель «неизвестная национальность». При этом указывалось число родившихся с разделением по полу и обоего пола, в том числе количество родившихся при множественных родах близнецов, тройней. В отдельные годы составлялись таблицы со сведениями «о родившихся по возрасту и национальности матери» (1928 г.).

Основные статистические характеристики смертности содержатся в таблице «Сведения об умерших по полу, возрасту и причинам смерти». Постепенно к концу 1920-х гг. оформилась шкала возрастных групп умерших: моложе 1 месяца, 1—5 месяцев, 6—11 месяцев, всего моложе 1 года, 1—4 года, 5—9 лет, 10—14 лет, 15—19 лет, 20—24 года, 25—29 лет, 30—34 года, 35—39 лет (или 30—39 лет), 40—44 года, 45—49 лет (или 40—49 лет), 50—54 года, 55—59 лет (или 50—59 лет), 60—69 лет, 70 лет и более. Подсчитывались также число умерших неизвестного возраста и итоговая сумма. Номенклатура причин смерти во второй половине 1920-х — 1930-е гг. была приближенной и включала от 50 до 59 заболеваний (1927, 1933 гг. — 51, 1930 г. — 59, 1931 г. — 50). Хотя в причинах смерти в 1924 г. фигурировало только 8 заболеваний.

В 1928 г. появилась форма, ориентированная на агрегирование сведений об умерших по однолетним возрастным группам. До 1 года данные приводились по месяцам, затем до возраста 100 лет шли сведения по однолетним возрастным группам, завершала возрастную шкалу группа 100 лет и старше. Данные группировались по территориальным категориям (областной город, города с населением свыше 50 тыс. жителей, прочие города и поселения городского типа, сельские местности, итого). При составлении таблицы учитывался половой признак.

В конце 1920-х гг. стали составляться таблицы со сведениями «об умерших по возрастам, социальному положению и профессии». В 1927 г. был введен показатель «социальное положение и профессия умерших», который вычислялся по сельскохозяйственным рабочим, рабочим лесного дела, рабочим в рыболов-

стве, металлистам, деревообделочникам, кожевникам, всего — 52 профессии. Выделялись лица, не имеющие или не указывающие занятость, безработные, отдельно подсчитывалось число умерших среди несамодеятельного населения. В последующий период появились таблицы со сведениями «об умерших по полу, возрасту, социальному положению и причинам смерти». Причем в отдельные годы (1929 г. и др.) данная форма применительно к социальной категории «рабочие» заполнялась по конкретным профессиям. Отдельные таблицы учета умерших заполнялись по текстильщикам, швейникам, печатникам, столярам, грузчикам, машинистам, кочегарам, кузнецам, литейщикам, плотникам и т.д.

Составлялись таблицы, в которых учитывался национальный компонент смертности. Сохранились годовые таблицы, которые содержат сведения «об умерших по народностям и полу», об умерших по национальности, полу и главным возрастным группам.

Показатели брачного поведения населения, как и показатели демографического воспроизводства, также были представлены несколькими формами. Фиксировались «сведения о браках по национальностям». В качестве показателей выделялись «национальность жениха» и «число невест, заключивших браки, по их национальности». Кроме этого, отдельно отмечалось число женихов неграмотных и не указавших грамотность. Браки учитывались по социальному положению и возрасту жениха и невесты. Возрастные группы с данными по женихам и невестам указывались следующие: 16 лет и моложе, с 17 до 30 лет обозначались однолетние возрастные группы, с 30 до 60 лет — пятилетние, затем следовали возрастные группы 60—69 лет и 70 лет и старше. Также оставались показатели «неизвестный возраст» и «всего». В каждой категории социального происхождения разделялось самодеятельное население и количество его иждивенцев. Сведения о разводах фиксировались по таким показателям, как «национальность мужа», «национальность жены», указывалось число разведенных по обоюдному согласию. Использовался показатель со-

стояния в первом, втором, третьем и более браках.

В 1928 г. появился ряд форм, в которых более детализированно и системно приводились статистические характеристики брачности и разводимости. Они были направлены на анализ продолжительности брака, возрастных характеристик брачующихся и разводящихся, их социального положения и т.д. Сведения о браках рассматривались по возрасту и семейному состоянию брачующихся, по социальному положению брачующихся. Детализированы были категории социального положения, которые включали следующие группы: рабочие; служащие, в том числе младший обслуживающий персонал, домашние работники (личная прислуга); хозяева, помогающие члены семьи; прочие хозяева и помогающие члены семьи; прочие, в том числе лица свободных профессий; неизвестные; «итого».

Целый набор таблиц фиксировал уровень разводимости. В одной форме приводились сведения о разводах по возрасту и семейному состоянию разводящихся, в другой — сведения о разводах по социальному положению разводящихся. В третьей указывались сведения о разводах по продолжительности расторгаемых браков и социальному положению мужей. Продолжительность брака рассматривалась по шкале: до $\frac{1}{2}$ месяца, от $\frac{1}{2}$ до 1 месяца, от 1 до 3 месяцев, от 3 до 6 месяцев, от $\frac{1}{2}$ до 1 года, от 1 года до 2 лет, от 2 до 3 лет, от 3 до 5 лет, от 5 до 10 лет, от 10 до 15 лет, от 15 до 20 лет, 20 лет и старше. Еще в одной таблице содержались сведения о разводах по возрастным группам и количеству детей (у разводящихся). Но 1928 г. выделяется максимальным количеством разновидностей таблиц естественного движения населения. В этом году их насчитывается 15, в дальнейшем стало восемь основных таблиц.

Следует отметить, что в постсоветской историографии сложилось критическое отношение к данным советской статистики о населении, ученые пишут об их ненадежности, недостоверности вследствие погрешностей регистрации, неполноты охвата населения статистическим учетом в тот период, а также вероятной

сознательной фальсификации отдельных сведений. Поэтому демографами и историками предпринимались попытки осуществить корректизы данных советской статистики, оценить недоучет населения. Однако однозначного решения вопроса о достоверности и репрезентативности советской статистики, в том числе размере погрешности данных, на сегодняшний день нет, эта тема продолжает оставаться дискуссионной. Даже по вопросу о полноте и достоверности данных всеобщих переписей населения 1937 и 1939 гг. среди ученых отсутствует единая точка зрения, что же говорить о данных текущего учета и отчетной статистики. Ситуация осложняется еще и тем, что в течение третьего и четвертого десятилетия изменялась, реорганизовывалась сама система учета данных о населении. Но для оптимальной реализации глубокого историко-демографического исследования необходимо использовать все возможные источниковые ресурсы, прибегая к математико-статистической обработке данных о населении. Тем более что появляются работы, в которых говорится о возможности использования нескорректированных данных по регистрируемому населению за отдельные периоды.

Историк-экономист С. Уиткрофт в одной из своих последних работ о показателях демографического кризиса в период голода начала 1930-х гг., особо акцентируя внимание на 1933 г. и базируясь при этом на тщательном анализе источников, верифицирует имеющиеся в литературе оценки потерь населения вследствие этого социального бедствия и предлагает свои варианты их расчетов. Он доказывает, что вопреки достаточно авторитетному в российской историографии мнению демографов Е. М. Андреева, Л. Е. Дарского, Т. Л. Харьковой существует возможность использования нескорректированных статистических данных смертности и рождаемости. Он пишет, что данные по регистрируемому населению СССР выглядят «полными и правдоподобными» [14, с. 766].

Таким образом, только анализ полного комплекса статистической документации центральных и региональных статистических органов позволяет показать истори-

чески достоверные тенденции демографического развития. При этом ценными источниками статистической информации о населении наряду с всеобщими переписями населения, различными статистическими сводками справочного и отчетного характера, данными текущего учета населения являются таблицы статистических данных о естественном движении населения, содержащие сведения о репродуктивном, матримониальном, витальном поведении населения с учетом половозрастного, этнического, социального компонентов. Эти таблицы существенно дополняют всеобщие переписи населения при детальной реконструкции демографической истории и являются важным источником количественной информации о демографических событиях по межпереписному периоду. Данные таблиц позволяют изучать региональную демографическую историю на макро- и микроуровнях, проследить влияние социально-экономического развития на демографические процессы, оценить демографические последствия социальных катализмов (эпидемий, голода). Однако изменение административно-территориального деления на Урале затрудняет динамический анализ всей совокупности демографических показателей. Также следует отметить, что, как и в ходе любого научно-исторического исследования, необходима тщательная верификация данных, содержащихся в таблицах, сопоставление их с данными переписей населения и других источников.

Список использованной литературы

1. Волков А. Г. Из истории переписи населения 1937 года // Вестник статистики. 1990. № 8. С. 45—56.
2. Всесоюзная перепись населения 1937 года: Краткие итоги. М. : Ин-т истории СССР АН СССР, 1991. 239 с.
3. Всесоюзная перепись населения 1939 года: Основные итоги. М. : Наука, 1992. 256 с.
4. Жиромская В. Б. Всесоюзная перепись населения 1939 г. в историографии: оценка достоверности // Россия в XX веке: судьбы исторической науки. М. : Наука, 1996. С. 469—477.
5. Жиромская В. Б. Всесоюзные переписи населения 1926, 1937, 1939 годов. История подготовки и проведения // История СССР. 1990. № 3. С. 84—104.
6. Жиромская В. Б. Возвращенные цифры (Всесоюзные переписи населения 30-х годов как

исторический источник) // Россия в XX веке: историки мира спорят. М. : Наука, 1994. С. 385—396.

7. Земсков В. Н. «Кулацкая ссылка» в 30-е годы // Социологические исследования. 1991. № 10. С. 3—21.

8. Исупов В. А. Демографические последствия голода 1932—1933 гг. в Западной Сибири // Демографическое развитие Сибири. 30—80-е гг. (Исторический опыт и современные проблемы) : сб. науч. тр. Новосибирск, 1991. С. 11—19.

9. Исупов В. А. Игра без правил: переписи населения СССР в 30-е годы // Советская история: проблемы и уроки : сб. ст. Новосибирск : Наука, 1992. С. 149—167.

10. Кондрашин В. В. Голод 1932—1933 годов: трагедия российской деревни. М. : Рос. полит. энцикл. (РОССПЭН), 2008. 519 с.

11. Кондрашин В., Пеннер Д. Голод: 1932—1933 годы в советской деревне (на материалах Поволжья, Дона и Кубани). Самара ; Пенза, 2002. 432 с.

12. Корнилов Г. Е. Демографическая структура сельского населения Урала (по данным Всесоюзной переписи населения 1926 и 1939 гг.) // Социально-демографическое развитие уральского села : сб. науч. тр. Свердловск : УНЦ АН СССР, 1988. С. 37—44.

13. Осокина Е. А. Жертвы голода 1933 г.: сколько их? (анализ демографической статистики ЦГАНХ СССР) // История СССР. 1991. № 5. С. 18—26.

14. Уиткрофт С. Показатели демографического кризиса в период голода // Голод в СССР. 1929—1934 : в 3 т. / отв. ред. В. В. Кондрашин. М. : МФД, 2013. Т. 3: Лето 1933—1934. С. 719—771.

15. Цаплин В. В. Статистика жертв сталинизма в 30-е годы // Вопросы истории. 1989. № 4. С. 175—181.

УДК 94(47)

Е. П. Баринова

Социокультурный портрет крестьянства на страницах литературных произведений Н. Г. Гарина-Михайловского

В статье анализируются биография и литературные произведения Н. Г. Гарина-Михайловского. Показана деятельность писателя как помещика, прослежены его попытки модернизации форм ведения сельского хозяйства, взаимоотношений помещика и крестьян. Акцентируется внимание на попытках создания писателем социокультурного портрета крестьянства.

Ключевые слова: аграрная история, дворяне, помещичьи хозяйства, крестьянство, менталитет.

В последнее время современные историки все чаще обращаются к анализу художественной литературы, рассматривая ее не только как содержательный источник по истории того или иного периода, но и как отражение ментальности [9, с. 4]. Однако предметом глубокого научного исследования в современной историографии образы российских помещиков, купцов, крестьян, сформированные в беллетристике, еще не стали, несмотря на то, что русская художественная литература раскрывает широкую панораму провинциальной и столичной жизни.

В ряде работ, посвященных дворянской усадьбе, отмечается ее роль как фактора, формирующего условия бытия, поведения и самосознания дворянина [6, 7]. Описания усадеб широко представлены в мемуарах, литературных произведениях. На современном этапе прослеживается тенденция привлечь внимание современ-

ников к архитектурным памятникам и усадебной культуре дворянства. Многие дворянские усадьбы представляли собой социокультурную среду, формировавшуюся знаниями, стремлениями и вкусами владельца усадьбы, его социальным окружением — родственниками, соседями, друзьями. Неотъемлемыми элементами дворянских имений были усадебные библиотеки и архивы, собрания произведений искусства, театры. Каждая усадьба имела свою историю и судьбу, в которых отражались жизнь и характеры их создателей и владельцев. Вдали от официального общества поместный дворянин получал возможность проявить свое личностное начало во всех сферах: рационального ведения хозяйства на основе современной ему науки, воспитания детей, выбора форм культурного досуга и занятий любимым делом. Культурные традиции, образ жизни подспудно влияли на

формирование системы ценностей, личностных пристрастий и политическое поведение дворянства [1, с. 30].

В работе польского исследователя Рафала Чахора «Менталитет провинциального дворянства в период общественно-политических изменений второй половины XIX века (на примере литературных произведений)» анализируются художественные произведения И. С. Тургенева, И. А. Гончарова, М. Е. Салтыкова-Щедрина. Автор выделяет три типа дворянской ментальности: пассивный, благородный и бездейственный, гибельный (обреченный), а также рассматривает характерные черты менталитета русского провинциального дворянства на материале избранных произведений. С целью определения сути дворянского менталитета он анализирует нравственные взгляды и чувства, жизненные ориентации, принципы, мотивы и цели поступков дворянства и его философию жизни. Автор подчеркивает разнообразие менталитета провинциального дворянства и необходимость более подробной характеристики таких его элементов, как подход к образованию и увлечениям, вопрос отношений к семье, крепостничеству и религии [13, с. 15—17].

В работе М. В. Смахтиной предпринимается попытка выявить отрицательные и положительные черты российского дворянства на основе применения историко-антропологического подхода к анализу художественной литературы 30—40-х гг. XIX — начала XX века. Она отмечает, что в литературных произведениях критиковались праздный образ жизни дворянства, отсутствие социальной инициативы, чинопочтание, нелюбовь дворян к народу, непонимание его жизни и нужд [10].

В начале XX века российское общество переживало системный кризис, социальные силы осознали необходимость резко ускорить темпы модернизации, изменить характер взаимоотношений между различными социальными слоями. Основным механизмом активно идущего процесса самоидентификации было сопоставление ценностей, моделей поведения и взглядов своей группы с чуждыми или враждебными интересами. Распад старой системы общественных связей был вос-

принят практически всеми слоями общества как возможность реализовать свои идеальные представления о структуре общества и распределении имущества. Либеральное дворянство отрицательно относилось к правительству политики, поскольку полагало, что «самодержавная власть делает как раз противоположное тому, что должна бы делать, и ужасно рождает себя в глазах разумных людей». Д. И. Шаховской в письме отцу (1881 г.) отмечал: «Я вижу в высших сферах совершенное непонимание русской жизни, деятельность страшно вредную и разворачивающую народ» [12, с. 140].

Либерально настроенные помещики выступали за создание иной ценностной мировоззренческой системы, иной среды восприятия (гражданское общество), на основе которой предполагалось создать иную политическую систему, структуры и механизмы организации социума. Они предлагали преодолеть некомпетентность чиновничества при помощи участия лучших семей России в политическом процессе. Простой народ («их бывших крестьян») надлежало вести по пути политической европеизации и возрождения добродетелей.

Многие черты повседневной жизни, нормы поведения, образ жизни, самосознание сословий российского общества нашли отражение в ярких литературных образах. В художественной литературе и общественно-политической мысли второй половины XIX — начала XX века активно обсуждался вопрос о русском народном характере, об этических проблемах ответственности высшего сословия за судьбы народа. Яркие портреты крестьян, анализ взаимоотношений помещика и крестьян представлены в литературном произведении Н. Г. Гарина-Михайловского «Несколько лет в деревне».

Свыше 20 лет жизни известного русского писателя и талантливого инженера-путейца Николая Георгиевича Михайловского (литературный псевдоним — Н. Гарин, годы жизни: 08.02.1852 — 27.11.1906) связаны с Самарским краем. Н. Г. Михайловский родился в 1852 году в Одессе в семье херсонского дворянина майора Г. А. Михайловского.

В 1871 г. после окончания одесской Ришельевской гимназии Михайловский поступил на юридический факультет Петербургского университета, но отучился здесь лишь один год. Провалившись на экзамене у профессора Редкина, он бросил университет и в 1872 году поступил в Институт путей сообщения. После окончания института в 1878 г. Н. Г. Михайловский был направлен старшим техником в оккупированную русскими войсками Болгарию, в Бургас, где участвовал в строительстве порта и шоссе. В 1879 г. «за отличное исполнение поручений в минувшую войну» получил первый из своих орденов гражданской службы.

Весной 1879 г. молодой инженер, не имевший практического опыта в железнодорожном строительстве, чудом смог получить престижную работу на строительстве Бендеро-Галацкой железной дороги, которую вела компания известного концессионера Самуила Полякова. Работа инженера-изыскателя захватила Михайловского, он быстро зарекомендовал себя с самой лучшей стороны и начал продвигаться по службе.

Летом 1879 г., будучи по делам службы в Одессе, Михайловский познакомился с подругой своей сестры Нины Надеждой Валериевной Чарыковой, дочерью самарского помещика В. И. Чарыкова (1859 — н. 1920), и вскоре женился на ней (22 августа 1879 г.).

Зимой 1879—1880 гг. Михайловский служил в Министерстве путей сообщения. Весной 1880 г. участвовал в строительстве порта в Батуме, отвоеванном у Турции во время войны 1877—1878 гг., затем был помощником начальника участка на строительстве железной дороги Батум — Самтредия (Поти-Тифлисской железной дороги).

После окончания строительства Михайловский был переведен начальником дистанции бакинского участка Закавказской железной дороги. Инженер Михайловский выделялся щепетильной честностью и болезненно воспринимал стремление многих своих коллег к лично-му обогащению (участие в подрядах, взятки). В конце 1882 г. подал в отставку — по собственному объяснению, «за полною

неспособностью сидеть между двумя стульями: с одной стороны, интересы государственные, с другой — личные хозяйственные» [4, т. 3, с. 18].

В конце 1882 года он вместе с женой Надеждой Валериевной, имеющей в Самарской губернии небольшое имение, приезжает в Самару. Весной они продают старое имение и приобретают в Бугурусланском уезде за 75 тысяч рублей новое — Гундоровку. Семья поселяется в ней и живет почти постоянно до 1886 года, а затем часто сюда возвращается, в 1903 году Гундоровку продают.

К моменту приезда Михайловского гундоровские крестьяне были безземельными. У них был только выгон для скота, да и тот принадлежал помещику. Ему же принадлежали и все пахотные угодья. «Курице негде ступить было, — вспоминали старики-колхозники, — кругом приволье, а мы как острожники» [2, с. 26]. Даже сельское кладбище принадлежало помещику, так что далеко не в шутку мужики говорили Гарину, что они всегда помещиковы: и при жизни, и после смерти. Истерзанные бесконечными поборами, крестьяне дошли до крайней степени разорения. На пятьдесят дворов деревни — пять-шесть зажиточных хозяйств, остальные неведомо как и каким чудом сводили концы с концами. Многие семьи нищали, вымирали от болезней и голода.

В начале 1880-х годов Н. Г. Михайловский разделял иллюзорные суждения либеральных народников о незыблемости патриархального общинного уклада и надеялся, что крестьяне, научившись новым формам обработки земли, поймут важность сплочения и укрепят общину. Располагая довольно значительным оборотным капиталом (около 40 тыс. рублей), Михайловский намеревался создать в Гундоровке образцовое хозяйство на помещичьих землях. За образец для подражания он взял находившееся в сорока верстах от Гундоровки поселение немцев-колонистов, которые на тех же почвах получали баснословные в понятиях русских мужиков урожай «сам-тридцать» [3, с. 141].

Свою задачу в деревне Гарин-Михайловский видел в просвещении крестьян, в обучении их научно обоснованным ме-

тодам ведения хозяйства и передовым по тому времени приемам полеводства. В имении он производил эксперименты по разведению новых доходных технических культур: мака, чечевицы, подсолнечника и др. Супруги Михайловские надеялись поднять благосостояние местных русских крестьян: научить их грамотно обрабатывать землю и поднять общий уровень их культуры, облегчить жизнь крестьян путем повышения оплаты их труда, а также материальных воспомоществований из своего бюджета. Впервые в Самарской губернии он заменил трехпольную систему многопольной, занялся травосеянием и произвел обмолот мокрых хлебов. Обладая глубокими знаниями в инженерном деле, он применил в сельском хозяйстве много новой техники, привез из Германии усовершенствованные плуги, построил водяную молотилку, маслобойку, постоянно заботился об улучшении пород животных.

Кроме того, под влиянием народнических идей Михайловский хотел изменить сложившуюся на селе систему общественных отношений. Программа его была проста: «восстановление общины, уничтожение кулаков» [3, с. 149—150].

Очень много дела в деревне пришлось на долю Надежды Валериевны Михайловской: она лечила местных крестьян «разными общеупотребительными средствами» и устроила школу, где занималась сама со всеми мальчиками и девочками деревни. Через 2 года школа ее имела 50 учеников и у нее появились «два помощника из молодых парней, окончивших сельскую школу в ближайшем большом селе» [3, с. 143]. Михайловский отмечал, что «часть крестьян видела в школе возможность избавиться их детям от тяжелого крестьянского труда... большинство крестьян, ничего не формулируя, соглашалась глухо, что школа — “дело доброе”» [там же].

Н. Г. Михайловский пытался вести просветительскую деятельность среди крестьян, «при каждом удобном случае вступал в беседы на всевозможные темы: сегодня история, завтра политическая экономия, там политика...» [3, с. 144]. Описывая свои взимоотношения с крестьянами, он отмечал, что, несмотря на

некоторый интерес к рассказам помещика, крестьяне чаще обрывали его чисто хозяйственными вопросами и относились с некоторым недоверием.

В очерке «Несколько лет в деревне» Н. Г. Михайловский представил свои наблюдения внутреннего мира крестьянина. Он отмечал, что его поражали, «с одной стороны, сила, выносливость, терпение, непоколебимость, доходящая до величия... с другой стороны — косность, рутина, глупое враждебное отношение ко всякому новаторству...» [3, с. 159]. Представления о собственности у дворянства и крестьянства были прямо противоположными. Для крестьян было характерно патриархальное отношение к собственности: «земля — ничья», «земля — божья», «земля — природа» [11]. Помещичья собственность, как нажитая чужим трудом, с точки зрения крестьянского правосознания не считалась неприкосновенной. В сознании крестьянина преобладало мнение, что земля должна принадлежать тем, кто ее обрабатывает. «Каждый мужик был в душе глубоко уверен, — писал кн. Г. Е. Львов, — что рано или поздно, так или иначе помещичья земля перейдет к нему. Он глядел на барскую усадьбу как на занозу в своем теле» [8, с. 75]. Н. Г. Михайловский неоднократно подчеркивает это обстоятельство и приводит слова крестьянина: «Не он лес садил, не сам траву сеял — бог послал на пользу всем. Божья земля, а не его» [3, с. 161]. Помещик в глазах крестьянина — это временное зло, которое нужно терпеть, извлекая из него посильную пользу для себя. Н. Г. Михайловский отмечал, что мужик не будет бесцельно врать, а только если ему надо разжалобить вас в свою пользу. Он приводит яркие примеры такого мошенничества, причиной которого считает слабое развитие нравственности.

Н. Г. Михайловский помогал беднякам, заботился о лечении больных, значительно повысил оплату труда наемным рабочим, организовал складку хлеба, приобретение семян, закупал свиней значительно дороже своей цены, участвовал в строительстве новых домов, давал ссуду деньгами, особенно помогал увечным, вдовам и солдатским женам. Из воспоми-

наний жителя села Гундоровки Егора Сергеевича Лайченкова: «Семья наша голодала: семь ртов, а земли — всю чапаном накроешь. Гарин узнал нашу беду. И вот однажды пришел к нашему отцу, мы с брателником решили: ну, раз Николай Егорыч приехал, будет добро, так и вышло. Он уговорил отца отпустить нас на работу, а ведь, откровенно говоря, в нас он не испытывал никакой нужды. Просто надо было спасать от неминуемой гибели семью. Наутро мы пошли на работу. Объездчик Карташев, срамник, матершинник, встретил нас руганью. Я испугался — и бежать, как раз тут и подъехал Николай Егорыч, он догнал меня, погладил по голове и вернулся обратно. Работа была такой: я разносил женщинам-пропольщицам воду, а брат Ваня записывал рабочих. Так я начал работать. Мне и брату платили по 20 копеек. Семья наша вздохнула, и голод уже не угрожал нам» [2, с. 67—68].

Страшным бедствием для крестьянской бедноты были пожары, иногда уничтожавшие целые деревни. Об одном таком пожаре, разразившемся в Гундоровке, как о трагедии сельских жителей упоминал Гарин. Спустя годы гундоровские старики, среди которых были и пострадавшие от того самого пожара, в своих рассказах подчеркивали, что эту унесшую более 30 крестьянских домов стихию Гарин-Михайловский воспринял как личную трагедию.

В отношении чисто экономическом дела в имении Михайловского шли пре-восходно, однако мужики с недоверием и ропотом встречали все нововведения помешика, и ему постоянно приходилось преодолевать сопротивление инертной массы. Жители окрестных деревень глубоко уважали Михайловского. Так, если соседние помещики сдавали землю по 15—20 рублей за десятину, то Михайловский за 6—7 рублей, а многосемейные, сироты и вдовы пользовались землей бесплатно. Поденная же плата в страдные дни уборки урожая у него доходила до 3—5 рублей, у других же составляла 40—60 копеек. В июне 1885 года Михайловский уговорил гундоровских крестьян попробовать продать хлеб без помощи скупщиков. Вместе с сергиевским купцом Юшковым он сплавил свой и крестьянский хлеб на барже по

Соку и Волге в Рыбинск, где цены были на 25% выше, чем в Самаре, а всю прибыль отдал крестьянам.

Всего за три года положение гундоровских крестьян изменилось в лучшую сторону. К этому времени Михайловский смог добиться самой высокой урожайности зерновых во всей округе. Из воспоминаний жены писателя Надежды Валериевны: «Их деревня уже не выглядела такой нищей и обездоленной: все ветхие избы были заменены новыми. Каждый двор имел необходимое для него количество посевной земли, и, кроме того, как мужчины, так и женщины имели постоянный хороший заработок при нашем хозяйстве» [2, с. 71—72]. О том, с какой любовью и уважением сами крестьяне относились к «доброму барину», говорит тот факт, что после революции 1917 года, в 1921 году, крестьяне деревни Гундоровка прислали письмо его жене Надежде Валериевне, в котором просили ее приехать и поселиться у них. Писали, что фруктовый сад, посаженный Николаем Георгиевичем в первые годы их жизни в деревне, приносит хороший доход, и они сдают его за 500 руб. в год. Эту аренду гундоровское общество решило передать вдове писателя — нотариальным порядком, т. е. перевести арендную плату на ее имя, — чтобы она была пожизненно обеспечена доходом с этого сада. Из воспоминаний жены писателя: «Предложение крестьян я не приняла, но оно мне было очень дорого и приятно как доказательство сердечного отношения гундоровцев ко мне и к памяти Николая Георгиевича» [2, с. 124—125].

Постепенно Н. Г. Михайловский убеждался в иллюзорности народнических воззрений на деревню. Он вступил в открытый конфликт с местным за jakiотчным крестьянством, результатом которого стала серия поджогов. Н. Г. Михайловский лишился мельницы и молотилки, а затем и всего урожая. Почти разорившись, он решил оставить деревню и вернуться к инженерной деятельности. Имение было поручено жесткому управляющему. Михайловские перебираются в Самару и зиму 1886 года проживают в ней, а Николай Георгиевич вновь устраивается на службу.

Он получил назначение на Самаро-Златоустовскую железную дорогу. Результатом личной инициативы Михайловского явился вариант проекта, дававший многомиллионную экономию (первоначальная стоимость железнодорожного пути была снижена со 100 до 40 тыс. рублей за версту). В это же время Михайловский написал документальную повесть «Несколько лет в деревне», где изложил историю своего неудачного социально-экономического эксперимента 1883—1886 годов. Осенью 1890 г. Михайловский переслал эту рукопись в Москву с одним из своих знакомых, имевших связи в литературных кругах.

Рукопись «Несколько лет в деревне» была прочитана в дружеском кружке московских писателей на квартире Н. Н. Златовратского. Отзывы слушателей были сочувственными. Особенно ценно было одобрение идейного вождя литераторов народнического направления Н. К. Михайловского, который предложил напечатать рукопись своего тезки и однофамильца в популярном журнале «Русская мысль». Весной 1891 года в Гундоровку приехал писатель демократической ориентации К. М. Станюкович, который сообщил Михайловскому об успехе его рукописи и предложил опубликовать ее в журнале.

В очерках «В сутолоке провинциальной жизни» Н. Г. Михайловский описал события голода 1891 года в Поволжье («Деревенские панорамы», «На ходу», «Сочельник в русской деревне»). Он с горечью отмечал, что в очерках «переданы действительные факты, и фактов этих в каждой голодающей деревне было всегда больше, чем надо» [4, т. 4].

Очерки и рассказы, написанные на материале Поволжья и типизирующие жизнь русской деревни 80—90-х годов XIX века, привлекли внимание читателей. Но народническая критика обвинила писателя в исказении действительности. Марксистская критика, напротив, ценила их за верность изображения трагических противоречий крестьянской жизни.

Впоследствии К. И. Чуковский подчеркивал увлекательность и драматичность сюжетов «Деревенских панорам»: «Во многих из них столько динамики, что

удивляешься, почему не нашлось сценариста, который воплотил бы их в кино».

В 1893 году Н. Г. Михайловский вновь оказывается в Самаре и в основном живет в ней все 90-е годы и начало 900-х. Он занимается изыскательскими работами, связанными со строительством железных дорог в Поволжье. В конце 90-х годов Н. Гарин вновь увлекается сельским хозяйством, но уже без народнических иллюзий. Он снимает в аренду несколько имений, в частности Тургеневку, принадлежащую М. Л. Тургеневой, сестре матери А. Н. Толстого А. Л. Бостром.

Свои взгляды Михайловский выражал не только в публицистике, но и в художественной форме. Рассказ «Волк», основанный на реальной истории, показывает безысходность положения и гибель талантливого крестьянина, не сумевшего выйти из общины. Одна из главок рассказа представляет собой острую сатиру на редакцию народнического журнала: главный герой, явившийся туда со своей рукописью, не встречает ни сочувствия, ни понимания.

При всех своих прекрасных человеческих качествах Н. Г. Гарин-Михайловский был для крестьян прежде всего помещиком, пусть и добрым — но барином. А с барином, с помещиком у крестьян никогда не было ничего общего. Это хорошо понимали крестьяне, принимавшие от Гарина помощь и в то же время не доверявшие ему. Сам Гарин понял это намного позднее, с беспощадной правдивостью написав о том, что, пытаясь восстановить общинные порядки, он поневоле посягал на права крестьян, на их человеческое достоинство, и, следовательно, в своей деятельности в деревне «с ног до головы был крепостником». Писатель честно признавал, что программа его заключалась в том, чтобы «повернуть реку жизни в старое русло». В очерках «В сутолоке провинциальной жизни» Михайловский прямо говорит о том, что современная ему деревня решительно отвергла его намерения «повернуть реку жизни в старое русло», восстановить общину. «Я так действовал ровно до тех пор, пока вдруг какая-то сила не отшвырнула меня и не разломала всю мою усердную работу в мгновение ока»

[5, с. 364—365]. После личного знакомства с американским фермерским хозяйством (во время кругосветного путешествия 1898 года) взгляды Михайловского еще более укрепились и в очередной раз высказаны были печатно: «Следует признать за крестьянами такое же право выбирать себе любой вид труда, каким пользуется и пишущий эти строки. В этом только залог успеха, залог прогресса. Все остальное — застой, где нет места живой душе, где тина и горькое непросыпное пьянство все того же раба, с той только разницей, что цепь прикована уже не к барину, а к земле. Но прикована все тем же барином во имя красивых звуков, манящих к себе идеалиста-барина, совершенно не знающего и не желающего знать, а следовательно, и не могущего постигнуть весь размер проистекающего от этого зла» [5, с. 268].

Дворянство полагало, что все его действия направлены на достижение народного блага, подчеркивало простоту отношений с крестьянами. В своих произведениях Н. Г. Гарин-Михайловский с предельной искренностью рассказал о своих пусть подчас ошибочных, но честных попытках изменить жизнь российской деревни, хоть чуточку облегчить и улучшить ее. Ценность этих неудачных попыток уже в том, что, с беспощадной откровенностью освещенные самим экспериментатором, они в свое время многим раскрыли глаза на истинное положение дел в российской деревне конца XIX — начала XX века. Однако постепенно помещики увидели в крестьянстве социальную силу, настроенную агрессивно и решительно. Крестьянство стало осознаваться не как объект для спасения или патернализма, не мистическим богоносцем, а активным деятелем, личностью. Преобладавшие в восприятии однообразные

реакции потребительского отношения к крестьянству и неуважения их личностного начала сменились сначала удивлением, а затем проклятиями и обвинениями. Надежды на разрешение конфликтной ситуации в деревне поместное дворянство стало возлагать только на твердую и сильную государственную власть, а крестьян утвердило в мнении, что помещики являются главными силами зла в назревающем социальном конфликте.

Исследование выполнено при поддержке РГНФ, проект 13-01-00081.

Список использованной литературы

1. Баринова Е. П. Российское дворянство в начале XX века: экономический статус и социокультурный облик. М. : РОССПЭН, 2008.
2. Галышин А. А. Гарин-Михайловский в Самарской губернии. Самара : ВЕК XXI, 2005.
3. Гарин-Михайловский Н. Г. Избранное. Куйбышев, 1980.
4. Гарин-Михайловский Н. Г. Собрание сочинений : в 5 т. М., 1957.
5. Гарин-Михайловский Н. Г. Очерки. Рассказы. Письма. М. : Советская Россия, 1986.
6. Дворянская и купеческая сельская усадьба в России XVII — XX вв. М. : Эдиториал УРСС, 2001.
7. Дмитриева Е. Е., Купцова О. Н. Жизнь усадебного мифа: утраченный и обретенный рай. М. : Наш дом, 2003.
8. Львов Г. Е., кн. Воспоминания. М., 2002.
9. Секиринский С. С. История и литература. В несовпадающих ракурсах? // Отечественная история. 2002. № 1.
10. Смахтина М. В. Воспитание ненависти: образ российского дворянства в произведениях художественной литературы XIX века // Вестник РУДН. Сер. История России. 2005. № 4. С. 44—52.
11. Приговоры и наказы крестьян Центральной России 1905—1907 гг. : сб. документов. М., 2000. С. 23, 28, 44, 313.
12. Шаховской Д. И. Избранные статьи и письма. 1881—1895 / сост. А. В. Лубков. М., 2002.
13. Чахор Р. Менталитет провинциального дворянства в период общественно-политических изменений второй половины XIX века (на примере литературных произведений). Вроцлав, 2013.

P. С. Бахтияров

Ветеринарная и зоотехническая службы хозяйств Южного Урала в условиях военного тыла (1941—1945 гг.)

Функционирование животноводческой отрасли как товарного производства невозможно без организации ветеринарной и зоотехнической служб. Данное положение актуально для периода мирного развития отрасли и особенно важно при экстремальных условиях функционирования. Большое значение имела правильная организация работы указанных сфер деятельности животноводов на Южном Урале и в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. При всех недостатках процессов, протекавших в сельском хозяйстве СССР в 1930-е гг., к моменту начала Великой Отечественной войны руководством страны предпринимались самые энергичные меры к развитию как ветеринарной, так и зоотехнической служб.

Если в 1916 году в России имелось 1636 ветеринарных участков, то в 1922—1923 гг. их число увеличилось до 2495, в 1923—1924 гг. — до 2762, а в 1925—1926 гг. — 3522. Широко развивалась сеть учебных заведений, особенно после начала процесса коллективизации сельского хозяйства. К 1938 г. в стране, по разным оценкам, имелось 17 758 ветеринарных пунктов, в 1939 г. — 19 045, а в 1940 г. их стало 21 193. Активно функционировали 635 межрайонных бактериологических лабораторий, более 20 биологических фабрик, вырабатывавших 31 вид вакцин и сывороток, значительно возросли ассигнования на ветеринарное дело, функционировали 25 ветеринарных институтов и факультетов, готовивших около 10 тыс. будущих специалистов [39].

9 марта 1940 г. СНК СССР принял решение об объединении ветеринарных и зоотехнических пунктов в единую зооветеринарную сеть. Приказом от 29 марта 1940 г. НКЗ СССР определил порядок организации единой сети зооветеринарных участков. В 1940 г. в СССР насчитывалось 4272 зооветеринарных участка, 12 647 зо-

оветеринарных пункта, 291 городская ветеринарная лечебница, 739 ветеринарно-бактериологических лабораторий, а также несколько сотен прочих ветеринарных объектов. Число ветеринарных вузов достигло к 1941 г. 28, а число техникумов — 86 [25, с. 289, 291]. Точных данных о количестве ветеринарных и зоотехнических учреждений в областях Южного Урала в годы Великой Отечественной войны обнаружить не удалось.

Более или менее цельные сведения сохранились только по Чкаловской области, хотя и здесь встречаются достаточно серьезные противоречия со статусным обозначением имевшихся учреждений. Чкаловский областной военный комиссариат в конце 1941 г. приводил цифру в 302 ветлечебницы, из которых 85 — инфекционные. В них работало 36 врачей и 261 фельдшер. По данным облзо к середине 1945 г. зооветеринарных участков по области насчитывалось 293 с персоналом в 25 ветеринарных врачей и 372 фельдшера [13, л. 443—444; 16, л. 18].

За предвоенные годы после завершения коллективизации в крупных хозяйствах произошел большой скачок в развитии животноводства, были вновь созданы племенные заводы, государственные племенные рассадники, крупные племенные фермы, стало широко внедряться искусственное осеменение животных. Только для совершенствования разведения крупного рогатого скота (скотоводства в ряде источников) из-за рубежа завезли более 50 тыс. голов разных пород.

К 1940 г. в стране имелось 450 племенных заводов и племенных совхозов, 13 200 колхозных ферм, 104 государственных рассадника. Общее поголовье крупного рогатого скота возросло и составило 54,5 млн. голов. Численность породного скота увеличилась с 1,3 до 4,5 млн. голов, производство молока — до 37,6 млн. т,

что значительно превысило уровень 1913 и 1928 гг., продуктивность коров поднялась до 1185 кг в год, а в лучших хозяйствах достигла 5000 и даже 6000 кг [40]. Советские ученые-зоотехники уже к концу 1920-х гг. под руководством знаменитого профессора И. И. Иванова начали внедрять в практику промышленного животноводства революционные методы разведения высокопродуктивных животных, прежде всего искусственное осеменение [27, с. 13].

Научные исследования ученых-зоотехников проводились и на Южном Урале. Еще в 1930-е годы из Уругвая в СССР завезли быков герефордской породы. С их помощью в СССР стали выводить мясные породы скота, более устойчивые к суровым условиям Урала и Казахстана. Среди ученых, проводивших эти работы, были и сотрудники Чкаловского научно-исследовательского института мясомолочного скотоводства под руководством выдающегося ученого-зоотехника К. А. Акопяна, который считается одним из соавторов новой выведенной породы казахского белоголового скота [30, с. 8].

Начавшаяся в 1941 г. Великая Отечественная война проверила, насколько эффективны оказались перечисленные выше мероприятия в условиях военного времени. Обвал кормовой базы, ухудшение и без того еще несовершенных к началу 1940-х годов условий содержания продуктивного скота в момент перехода от крестьянского хозяйства к промышленным технологиям выращивания животных, недостаток трудовых ресурсов — все это суммарно резко обострило как чисто ветеринарные, так и общезоотехнические проблемы. К началу 1942 г. поголовье крупного рогатого скота в СССР составляло 58% от довоенного, лошадей — 48%, мелкого рогатого скота — 77%, свиней оставалось всего 30% довоенного поголовья [23, с. 68].

Можно выделить два основных направления деятельности специалистов ветеринарного и зоотехнического профиля в годы войны: борьба за сохранение численности поголовья и повышение продуктивности животных. При этом борьба за сохранение численности стада подразумевает два аспекта деятельности, во-первых, работу по спасению уже имеющихся животных, во-вторых, увеличение получающегося приплода.

Курганские исследователи А. Я. Кодинцев, В. В. Подливалов, М. Н. Федченко, проанализировав в своей работе состояние поголовья продуктивного животноводства, выявили, что в колхозах Зауралья от инфекционных заболеваний погибало от 10 до 20% скота, а остальные — от бескорьи и плохого ухода [24, с. 63]. Для наглядности можно рассмотреть ситуацию в падеже свинопоголовья, наиболее пострадавшего от условий военного времени из всех отраслей животноводства. Представление о масштабах данного явления в годы Великой Отечественной войны на Южном Урале можно получить из таблицы 1.

Как видно из показателей таблицы 1, процессы, происходившие в совхозах южноуральских областей, идентичны, за редким исключением, динамике развития ситуации с падежом свиней как по РСФСР в целом, так и по Уралу в частности. Снижение масштабов падежа к 1944 г. надо связывать не с улучшением обстановки в отрасли, а с уменьшением поголовья свиней в совхозах в 1941—1944 гг. Некоторое

Падеж свиней в совхозах Южного Урала в годы Великой Отечественной войны, тыс. голов [26, с. 177; 8, л. 35]

Регион	1940	1941	1942	1943	1944	1945
Курганская область	—	—	9,5	3,1	0,9	0,7
Челябинская область	31,5*	23,9*	6,2	2,0	0,8	0,9
Чкаловская область	14,1	15,6	14,2 (11 962)**	6,8	1,9	2,5
Урал	85,4	72,2	41,8	15,8	6,2	6,7
РСФСР	777,7	431,4	198,8	91,3	52,9	93,3
Урал в % к РСФСР	11,0	16,7	21,0	17,3	11,7	7,2

* Сведения за 1940—1941 гг. по Челябинской области даны вместе с Курганской областью.

** По данным отчетов за 1942 г., сохранившихся в ГАОО.

Таблица 1

увеличение цифр падежа в 1945 г. необходимо отнести, наоборот, не к ухудшению обстановки в отрасли, а к росту поголовья свиней, что неизбежно несколько увеличило и количество павших животных. В совхозном свиноводстве Чкаловской области процент падежа доходил в 1941 г. до 25% к обороту, а поросят — до 30%. За 1942 г. процент падежа от общего поголовья составил 25,9%, поросят — 34%, причем в ряде совхозов падеж достигал 42%. Высокий процент падежа сохранялся и в последующие годы войны, хотя и значительно снизился.

К 1944 г. чкаловские совхозы сумели снизить общий падеж до 11,2% с ростом в 1945 г. до 11,3% поголовья. Аналогично развивалась обстановка и с падежом молодняка. Падеж в 1944 г. составил 9,7% поросят, а в 1945 г. — 13,4% [3, л. 10; 8, л. 35; 6, л. 6]. Обстановка в совхозах Курганской и Челябинской областей развивалась в целом идентично. За 1942 г. совхозы Челябинской области утратили 27,2% поросят, в 1943 г. — 17,9%, в 1944 г. — 4,5% [29, л. 6]. Курганские совхозы в 1943 г. потеряли 26,2% поросят, в 1944 г. — 6,2%, а в 1945 г. — 12,3% [5, л. 14].

Следующей составляющей зооветеринарных проблем животноводства южноуральского региона в 1941—1945 гг. стал низкий выход молодняка продуктивных животных. Ослабевшие от недостатка корма и плохих условий содержания матки просто технически не могли вынашивать полноценное потомство, а затем его выкармливать. Об этом говорят следующие показатели. В октябре 1944 г. при проверке конного завода № 24 Грачевского района Чкаловской области комиссия установила, что за 1941—1944 гг. даже на племенном предприятии 30% кобыл не смогли вообще забеременеть (прохолости-

лись по зоотехнической терминологии), а 25% abortировали [11, л. 176].

Наиболее распространенным показателем оценки эффективности воспроизводства молодняка является количество жеребят на 100 маток поголовья. Для областей южноуральской зоны он представлен в таблице 2.

Надо оговориться, что речь идет о средних показателях, некоторые хозяйства имели показатели значительно хуже. Например, в колхозе им. В. П. Чкалова Люксембургского района Чкаловской области в 1943 г. от 43 кобыл получили 3 жеребенка, или 7 жеребят на 100 маток [11, л. 201].

Как уже говорилось, недостаток кормов не позволял выдерживать и зоотехнические критерии по получению животноводческой продукции. Для примера можно рассмотреть обстановку с получением молока. Специальные источники требуют от зоотехников при организации кормления молочных коров давать им на 1 кг (1,03 л) наденного молока хотя бы 100 г концентратов, которые, как известно, производятся из зерновых культур. Это зоотехнический минимум для малоудойных коров [32, с. 124]. Если взять традиционные для периода Великой Отечественной войны плановые задания для хозяйств Южного Урала в 1300 л на 1 корову, то несложно посчитать, что речь идет о хотя бы 130 кг для одного дойного животного, не считая прочих видов кормов. Например, в Чкаловской области для 60,8 тыс. колхозных коров в 1943 г. необходимо было выделить хотя бы 7904 тонны зерновых, тогда как колхозы области собрали всего 318,9 тыс. тонн зерна [34, с. 559]. В этой связи в хозяйствах Южного Урала удач от коров в ряде случаев едва превышал 800 л на корову. Хлеба катастрофически не хватало даже на питание людей, не говоря уже о скормлении скоту.

Таблица 2

Воспроизводство конского молодняка в колхозах Южного Урала в 1941—1945 гг., шт. на 100 конематок [5, л. 9; 9, л. 151; 11, л. 196; 12, л. 15; 28, л. 57, 108; 31, л. 72; 37, л. 30]

Регион	1941 г.	1942 г.	1943 г.	1944 г.	1945 г.
Курганская область	—	—	17	22	41*
Челябинская область	57,2	28,5	11,2	25,0	46
Чкаловская область	Нет свед.	35,8	15,7	13*	35
РСФСР	Нет свед.	Нет свед.	Нет свед.	17,6	32,5

* В ряде документов приводят цифры в 11 жеребят на 100 маток в Чкаловской области в 1944 г. и в 35 жеребят на 100 маток в Курганской области в 1945 г.

Тем не менее немалое число хозяйств, находясь даже в неблагоприятных условиях военного времени, показывали неплохие результаты. Одним из них может считаться колхоз «Ударник» Илекского района Чкаловской области. Под руководством Г. М. Лисина, ветеринарного врача по специальности, в колхозе строго соблюдались все основные зоотехнические и ветеринарные мероприятия, заготовка кормов. Результат не замедлил сказаться: в 1942 г. было получено 1395 л на фуражную корову, а только за 10 месяцев тяжелейшего 1943 г. — 1327 л [33, с. 137—142].

Перечень негативных процессов зооветеринарного характера может быть продолжен. Однако нельзя утверждать о том, что руководством страны и простыми тружениками животноводства ничего не делалось для соблюдения правил зоотехнического содержания животных и борьбы с болезнями, поразившими продуктивное поголовье хозяйств, как по СССР, так и в хозяйствах областей Южного Урала.

Уже в начале 1942 г. постановлением ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 11 марта 1942 г. намечался целый комплекс мер по ветеринарному и зоотехническому обслуживанию поголовья животных. Возвращалось на государственный бюджет финансирование государственных заводских конюшен, содержавших племенных жеребцов — улучшителей породы, предусматривалось искусственное осеменение стада и продажа колхозам племенного скота [10, л. 43]. 21 октября 1943 г. вышло Постановление СНК РСФСР № 1155 «О мерах по борьбе с чесоткой лошадей», которое предписывало широкий спектр мероприятий, в частности освобождение всех ветеринарных помещений посторонними организациями [21, л. 8—9]. Большой вклад внесли студенты ветеринарных отделений сельскохозяйственных учебных заведений. Ветеринарный факультет сельхозинститута им. А. А. Андреева послал 20 студентов, Сорочинский ветеринарный техникум направил 80 студентов последнего курса. Большая разъяснительная работа проводилась в средствах массовой информации. Только в областной и районной печати за год

опубликовали 48 статей о борьбе с чесоткой. Результаты проведенной работы не замедлили сказаться. Если к 1 ноября 1943 года очаги чесотки имели место в 22 пунктах Чкаловской области, то к 1 октября 1944 года в области отмечались только 3 очага [11, л. 170, 191]. Аналогичные мероприятия проходили и в остальных регионах. Так, в Ольховском районе Курганской области зимой 1942—1943 гг. чесоткой болела $\frac{1}{3}$ поголовья. За 1943 г. хозяйства района создали 6 газокамер, 2 конебани, в которых обработали 1098 голов лошадей, и к январю 1944 г. чесотка в хозяйствах района не фиксировалась [20, л. 8—9].

Постоянно росли масштабы поощрений тружеников за хорошую работу и уход за животными. Так, если по положению постановления от 11 марта 1942 г. премии за успехи в коневодстве колебались от 1 до 17 руб., то согласно постановлению от 12 мая 1943 г. они возросли до 30 кг зерна за каждого жеребенка, выращенного сверх плана [1; 22]. К 1945 г. размер премий вырос в виде дополнительной оплаты до теленка или нескольких поросят или ягнят в зависимости от результата [2; 37, л. 130—133]. Невзирая на недостаток средств и возможностей, в 1941—1945 гг. не прекращалась работа по зоотехническому улучшению стада. По неполным данным за 1942—1945 гг., только в Чкаловской области через «Заготовивплемконтору» для колхозов области было заготовлено и реализовано одних только племенных овец и коз: в 1942 г. — 1440 голов, в 1943 г. — 1390 голов, за 1944 г. — 3732 головы и 1509 голов в 1945 г. [14, л. 12; 15, л. 13; 17, л. 14; 18, л. 13]. Колхозам Курганской области через заготовительные организации за 1943—1944 гг. поставили 1112 племенных баранов и 101 ярочку [3, л. 70].

Принятые меры позволили к концу войны несколько повысить продуктивность. Нередко отдельные хозяйства значительно превышали средние показатели. Например, доярка колхоза им. XVIII партсъезда Троицкого района Челябинской области М. Сафончик за 1944 г. от 12 коров получила 20 249 л молока, или по 1687 л на каждую [38, с. 2]. Совхозы

Курганской области в ряде случаев имели и более весомые результаты. К примеру, совхоз Больше-Камский в 1945 г. достиг уюда в 2565 л на фуражную корову [4, л. 105; 19, л. 9]. Эти показатели находились на уровне мировых лидеров молочного производства. Даже в начале 60-х годов средний уюд на 1 молочную корову составлял в США и Западной Европе 2835 и 2633 л соответственно [35].

Несмотря на трудности военного времени, руководство регионов изыскивало возможность поддержать научную деятельность зоотехников. Так, в 1944 г. в мясосовхозе им. Г. Димитрова Илекского района Чкаловской области создали специальную племенную ферму [30, с. 8]. При этом ученые Чкаловского НИИ скотоводства не только помогали хозяйствам Чкаловской области, но и сельскохозяйственным предприятиям соседнего Казахстана, оказывая им консультативную и материальную поддержку [36, л. 9 об., 10, 14 об.].

Годы Великой Отечественной войны стали одним из самых тяжелых испытаний для всего сельского хозяйства нашей страны. Тем не менее зооветеринарные специалисты смогли в целом достойно выйти из кризисной ситуации. Как показывают вышеупомянутые показатели, им удалось не допустить массовых эпидемий особо опасных заболеваний, способных погубить основное поголовье. В 1943—1945 гг. ветеринарные службы областей Южного Урала смогли свести к минимуму локальные вспышки болезней, не дав им выйти из-под контроля. Принятые меры позволили соблюсти минимум зоотехнических мероприятий. Основное поголовье животных региона в 1941—1945 гг. было спасено для последующего развития, обеспечено минимально возможное получение животноводческой продукции, которая помогла СССР снабжать продовольствием армию и оборонную промышленность и победить в войне.

Список использованных источников и литературы

1. В Совнаркоме СССР и ЦК ВКП(б) // Соль-Илецкая коммуна. Соль-Илецкий район. 1943. 21 мая.
2. В Совнаркоме СССР. О дополнительной оплате труда колхозников за перевыполнение за-

даний по выращиванию молодняка и сохранению взрослого скота в колхозах Курганской области // Путь к коммуне. Шадринский район. 1945. 1 февр.

3. Государственный архив Курганской области (ГАКО). Ф. Р-1541. Оп. 2. Д. 63.
4. ГАКО. Ф. Р-1541. Оп. 2. Д. 65.
5. ГАКО. Ф. Р-1607. Оп. 1. Д. 86.
6. Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Ф. Р-1003. Оп. 3. Д. 1060.
7. ГАОО. Ф. Р-1003. Оп. 3. Д. 941.
8. ГАОО. Ф. Р-1003. Оп. 3. Д. 969.
9. ГАОО. Ф. Р-1014. Оп. 7. Д. 310.
10. ГАОО. Ф. Р-1014. Оп. 7. Д. 312.
11. ГАОО. Ф. Р-1014. Оп. 7. Д. 314.
12. ГАОО. Ф. Р-2036. Оп. 1. Д. 31.
13. ГАОО. Ф. Р-2843. Оп. 1. Д. 4.
14. ГАОО. Ф. Р-2843. Оп. 1. Д. 5.
15. ГАОО. Ф. Р-2843. Оп. 1. Д. 6.
16. ГАОО. Ф. Р-2843. Оп. 1. Д. 64.
17. ГАОО. Ф. Р-2843. Оп. 1. Д. 7.
18. ГАОО. Ф. Р-2843. Оп. 1. Д. 8.
19. Государственный архив общественно-политической документации Курганской области (ГАОПДКО). Ф. 166. Оп. 2. Д. 363.
20. ГАОПДКО. Ф. 61. Оп. 2. Д. 262.
21. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 219.
22. Из постановления Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) // Колхозная трибуна. Грачевский район. 1942. 19 марта.
23. История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945 : в 6 т. / ред. комис. П. Н. Поспелов, В. А. Андреев, А. И. Антонов, И. Х. Баграмян, П. А. Белов. М. : Воениздат, 1963. Т. 6. 620 с.
24. Кодинцев А. Я., Подливалов В. В., Федченко М. Н. Экономика Южного Зауралья периода Великой Отечественной войны и первых послевоенных лет (1941—1953). Курган : Изд-во Курган. гос. ун-та, 2004. 160 с.
25. Минеева Т. И. История ветеринарии : учеб. пособие. СПб. : Лань, 2005. 384 с.
26. Мотревич В. П. Сельское хозяйство Урала в показателях статистики (1941—1950). Екатеринбург : Наука. Урал. отд-е, 1993. 306 с.
27. Овцеводство : в 2 т. / под ред. Г. Р. Литовченко, П. А. Есаулова. М. : Колос, 1972. Т. 1. 607 с.
28. Объединенный государственный архив Челябинской области (ОГАЧО). Ф. Р-1491. Оп. 1. Д. 91.
29. ОГАЧО. Ф. Р-274. Оп. 3. Д. 67.
30. Прахов Л. П., Бельков Г. И., Макаев Ш. А. Казахский скот племенного совхоза им. Димитрова. Челябинск : Юж.-Урал. кн. изд-во, 1970. 56 с.
31. РГАЭ (Российский государственный архив экономики). Ф. 9481. Оп. 1. Д. 1237.
32. Скотоводство : в 2 т. / отв. ред. Н. М. Бурлаков, Д. И. Старцев. М. : Сельхозгиз, 1961. Т. 2. 317 с.
33. Федорова А. В. Военные будни председателя Г. М. Лисина // Управление экономическим ростом АПК: методология, теория и практика хозяйствования. Оренбург : Издат. центр ОГАУ, 2006. С. 137—142.
34. Хисамутдинова Р. Р. Аграрная политика Советского государства на Урале после окончания

Великой Отечественной войны (июнь 1945 — март 1953 г.). Оренбург : Изд-во ОГПУ, 2003. 608 с.

35. Холманов А. М., Осадчая О. Ю. Скотоводство и производство молока в мире // Зоотехния. 2009. № 8.

36. ЦДНИОО (Центр документации новейшей истории Оренбургской области). Ф. 1470. Оп. 1. Д. 78.

37. ЦДНИОО. Ф. 371. Оп. 9. Д. 10.

38. Челябинский рабочий. 1945. 8 марта.

39. http://nashaucheba.ru/v3432/колесниченко_и.с._история_ветеринарии?page=9 (Дата обращения 2.04.2014 г.)

40. http://ru.wikipedia.org/wiki/Обсуждение:_Крупный_рогатый_скот (Дата обращения 4.04.2014 г.)

УДК 332.02

Г. В. Беспахотный, А. Ф. Корнеев, А. А. Капитонов

О комплексном планировании развития сельскохозяйственного производства и сельских территорий

В статье рассмотрены методологические вопросы разработки государственных программ развития сельского хозяйства и сельских территорий. С учетом ретроспективного анализа даются предложения по составу и содержанию плановых документов, научное обоснование направлений совершенствования программ.

Ключевые слова: научная стратегия, государственная программа, отраслевое и территориальное планирование.

Формирование современной системы планирования развития аграрного сектора и сельских территорий определяется общими принципиальными подходами к организации планирования социально-экономического развития страны. С началом экономических реформ 90-х годов был взят курс на невмешательство государства в рыночные процессы, действующая в стране система государственного планирования была полностью ликвидирована. Однако и в тех условиях Правительство России было вынуждено ежегодно принимать постановления о поддержке сельскохозяйственных товаропроизводителей. Без помощи государства невозможно было ни посеять, ни убрать выращенный урожай. Необходимость иметь планы социально-экономического развития страны стала особенно очевидной после дефолта 1998 года. В этот период начали разрабатывать доктрины, концепции, стратегии развития отраслей и территорий.

В последние годы происходит активизация работ по долгосрочному прогнозированию и стратегическому планированию экономики. В 2008 году утверждена Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года. В том же го-

ду субъекты РФ приступили к разработке стратегий развития своих регионов. Министерство регионального развития определило требования к разработке стратегии социально-экономического развития субъекта Российской Федерации. Стратегии представлялись на рассмотрение и согласование в Межведомственную комиссию при Министерстве регионального развития РФ.

Новый этап становления государственной плановой системы открывает Федеральный закон от 28 июня 2014 года № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации». Он заменяет Закон о госпрогнозировании и программах социально-экономического развития страны от 1995 года. Создается правовая основа для разработки, построения и функционирования комплексной системы стратегического планирования. Законом предусмотрено подготовить до 2016 года нормативно-правовые акты по порядку разработки плановых документов, чтобы к началу 2017 года иметь предусмотренные законом документы. Предстоит разработать методологию планирования социально-экономического развития Российской Федерации, отраслей экономики, регионов и муниципальных образований.

В аграрной сфере накоплен значительный опыт стратегического планирования, который следует использовать при реализации положений закона в отрасли.

Началом перехода к стратегическому планированию АПК следует считать принятие в 2005 году Приоритетного национального проекта «Развитие АПК» на 2006—2007 гг. В отличие от действующих федеральных программ, которые носили одноцелевой характер, этот проект включал три цели: ускоренное развитие животноводства, стимулирование развития малых форм хозяйствования, обеспечение доступным жильем молодых специалистов на селе. В ходе реализации национального проекта «Развитие АПК» стало ясно, что заложенные в проекте мероприятия недостаточны для улучшения ситуации в отрасли, нужны изменения в аграрной политике, затрагивающие действующее законодательство. Условия функционирования аграрной сферы определял закон «О государственном регулировании агропромышленного производства». Многие положения этого закона не выполнялись, основной их недостаток — декларативный характер, отсутствие соответствующих механизмов реализации.

Принятый в конце 2006 года Федеральный закон «О развитии сельского хозяйства» определяет государственную аграрную политику на современном этапе развития экономики. Наиболее важными с позиций новизны механизмов реализации аграрной политики являются статьи закона, связанные с Государственной программой развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия.

Государственная программа на 2008—2012 гг. была построена с учетом мер, предусмотренных приоритетным национальным проектом «Развитие АПК», и вобрала в себя не только все направления нацпроекта, но и большинство действующих тогда отдельных программ поддержки сельского хозяйства. Речь идет о федеральных и ведомственных целевых программах и других мероприятиях, касающихся, в частности, вопросов сохранения и воспроизводства используемых для нужд сельскохозяйственного произ-

водства природных ресурсов, устойчивого развития сельских территорий. Впервые после начала экономических реформ сельское хозяйство получило план, в котором сделана попытка сформулировать цели, ориентиры, плановые показатели и обязательства государства по поддержке отрасли. Следует отметить, что она была первой отраслевой государственной программой, позднее, с 2013 года, такие программы стали разрабатываться по другим отраслям экономики.

Принятая программа во многих отношениях была несовершенной. Причины следует искать, на наш взгляд, в отсутствии опыта составления таких документов, а также в сложившемся на тот период соотношении политических сил, влияющих на развитие экономики страны в целом. Методологический подход к построению Госпрограммы 2008—2012 гг. состоял в том, чтобы отразить в ней только те отрасли и подотрасли АПК, по которым осуществлялись меры государственной поддержки и предусматривались бюджетные средства. Поэтому Госпрограмму нельзя рассматривать как комплексный план, который охватывал бы все отрасли и сферы АПК и полностью отражал многофункциональность аграрной сферы. Особенно характерен в этом отношении раздел «Развитие приоритетных подотраслей сельского хозяйства». В число приоритетных не были включены такие важнейшие отрасли, как молочное и мясное скотоводство, овощеводство и другие. Не нашли отражение отрасли, связанные с переработкой, хранением и сбытом сельскохозяйственной продукции. В результате реализации программы усугубились складывающиеся диспропорции внутри АПК. Увеличение валовых сборов зерна, сахарной свеклы, льноволокна не было обеспечено ростом мощностей хранения сельхозпродукции, ее переработки, всей торговой инфраструктуры.

При разработке новой Государственной программы на 2013—2020 гг. были учтены недостатки, выявленные при реализации предыдущей программы. Кардинально изменена структура построения самого документа, она стала более четкой и последовательной. Госпрограмма

на 2013—2020 годы представляет собой качественно новый документ. В ней более полно отражены вопросы продовольственной безопасности, эффективности и экономической устойчивости развития АПК, экологизации производства и развития сельских территорий. В этом состоит первое методологическое отличие построения программы. Характер изменений можно проследить по формулировке целей (табл. 1).

Вторая методологическая особенность новой программы — включение в нее большого числа отраслей. Как уже

упоминалось, в первой программе не нашли отражение важные отрасли сельского хозяйства, а во вторую программу были включены все основные отрасли.

Третье методологическое отличие состоит в том, что она построена по схеме, которая включает не только сельскохозяйственное производство, но и переработку продукции, ее реализацию, то есть всю технологическую цепочку от поля до потребителя. Использование продуктового подхода вместо отраслевого следует рассматривать как повышение методологического уровня планирования (табл. 2).

Таблица 1

Цели государственных программ по развитию аграрной сферы экономики

Приоритетный национальный проект «Развитие АПК»	Государственная программа развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2008—2012 гг.	Государственная программа развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013—2020 гг.
Ускоренное развитие животноводства	Устойчивое развитие сельских территорий, повышение занятости и уровня жизни сельского населения	Обеспечение продовольственной независимости в параметрах, заданных Доктриной продовольственной безопасности
Стимулирование развития малых форм хозяйствования в агропромышленном комплексе	Повышение конкурентоспособности российской сельскохозяйственной продукции	Повышение конкурентоспособности российской сельскохозяйственной продукции
Обеспечение доступным жильем молодых специалистов (или их семей) на селе	Сохранение и воспроизводство используемых в сельском хозяйстве земельных и других природных ресурсов	Повышение финансовой устойчивости предприятий агропромышленного комплекса
		Устойчивое развитие сельских территорий. Воспроизводство и повышение эффективности использования в сельском хозяйстве земельных и других ресурсов, а также экологизация производства

Таблица 2

Структура государственных программ по сельскому хозяйству

Разделы Программы на 2008—2012 гг.	Разделы Программы на 2013—2020 гг.
Устойчивое развитие сельских территорий	Развитие подотрасли растениеводства, переработки и реализации продукции растениеводства
Создание общих условий функционирования сельского хозяйства	Развитие подотрасли животноводства, переработки и реализации продукции животноводства
Развитие приоритетных подотраслей сельского хозяйства	Развитие мясного скотоводства
Достижение финансовой устойчивости сельского хозяйства	Поддержка малых форм хозяйствования
Механизмы реализации программы	Техническая и технологическая модернизация, инновационное развитие. Обеспечение реализации госпрограммы ФЦП «Устойчивое развитие сельских территорий». ФЦП «Развитие мелиорации земель сельскохозяйственного назначения»

Отмечая положительные стороны новой Госпрограммы, вместе с тем следует признать, что она еще далека от совершенства. Основной недостаток структуры документа, по нашему мнению, состоит в том, что в него наряду со стратегическими задачами включены задачи тактические, связанные с регулированием рынков сельскохозяйственной продукции и поддержкой уровня доходов сельскохозяйственных товаропроизводителей. Невозможно правильно спрогнозировать показатели рыночной конъюнктуры, паритета цен на 8—10 лет вперед и обосновать на такой срок мероприятия по поддержке рентабельности сельскохозяйственного производства. При реализации Госпрограммы 2008—2012 гг. приходилось ежегодно вносить существенные корректизы по субсидиям. Уже в 2009 году были внесены изменения в 11 мероприятий по субсидированию из 19, предусмотренных программой, а в 2010 году изменено 14 мероприятий.

Дальнейшее совершенствование структуры системы планирования аграрной сферы следует осуществлять путем разработки трех видов плановых документов [1]. Из существующей Госпрограммы необходимо выделить тактические и оперативные задачи и дополнить систему планирования новыми документами (табл. 3).

Среднесрочное планирование в аграрной сфере должно быть представлено программами: регулирования рынков сельхозпродукции и материально-технических ресурсов, поддержки доходов сельхозтоваропроизводителей. В программах необходимо отразить комплекс взаимоувязанных мер, обеспечивающих условия для рентабельного ведения сельского хозяйства. Предстоит разработать методологию решения задач регулирования импорта и экспорта продовольствия, преодоления диспаритета цен на продукцию сельскохозяйственного производства и продукцию предприятий по переработке сельскохозяйственного сырья и

Таблица 3

Предлагаемый состав плановых документов для агропродовольственного комплекса (АПК)*

Стратегические долгосрочные планы	Тактические среднесрочные планы	Оперативные краткосрочные планы
1. Раздел по АПК в концепциях, стратегиях социально-экономического развития России	1. Программа регулирования рынков сельхозпродукции, сырья и продовольствия	1. Программы проведения товарных интервенций на рынке сельхозпродукции
2. Координационная программа взаимодействия стран Таможенного союза по АПК	2. Программа регулирования рынка материально-технических ресурсов для сельского хозяйства	2. Программы поддержки страхования
3. Стратегия развития АПК	3. Программы поддержки доходов сельхозтоваропроизводителей	3. Программа антициклических платежей
4. Государственная программа развития агропромышленного комплекса, сельских территорий и использования сельскохозяйственных земель		
5. Федеральные целевые программы по АПК		
6. Программа размещения и специализации сельского хозяйства		
7. Программа сельского развития регионов		
8. Ресурсные балансы: земельные, трудовые, материально-технические		
9. Балансы сельхозпродукции, сырья и продовольствия		

41

поставщиков материально-технических ресурсов. Сельхозпроизводители могут успешно вести свою деятельность, зная перспективы спроса на продукцию и размер получаемых субсидий.

Целью оперативного планирования является преодоление отклонений от средних значений показателей функционирования сельскохозяйственного производства, вызванных прежде всего погодными условиями и изменением конъюнктуры на аграрных рынках. Устойчивость доходов товаропроизводителей может быть обеспечена путем реализации следующих программ: товарных интервенций, поддержки страхования и антициклических платежей (антициклические платежи предназначены для обеспечения уровня рентабельности, установленного в среднесрочных программах).

Центральным звеном долгосрочного планирования должна стать программа развития агропромышленного комплекса, сельских территорий и использования сельскохозяйственных земель. Особая роль в решении стратегических задач отводится федеральным целевым программам. Советская методология планирования предполагала принятие целевых программ для решения узловых проблем в установленные сроки, концентрацию для этого ресурсов, создание специализированного органа управления целевой программой.

В настоящее время выхолощено содержание понятия «Федеральная целевая программа». Начиная с 1990-х годов каждые пять лет принималась Федеральная целевая программа по повышению плодородия почв, но в отчетах констатировалось снижение показателей плодородия. ФЦП по плодородию почв и мелиорации практически повторяли мероприятия, которые определены в соответствующих федеральных законах, регламентирующих виды расходов государства на эти цели. То же самое можно сказать о действующей уже более 10 лет ФЦП по социальному развитию села. Ни одну социальную проблему программа не решила. На 2020 год она трансформирована в более масштабную — «Устойчивое развитие сельских территорий». В разделе по обоснованию

мероприятий программы сказано: для создания современной социальной инфраструктуры на селе требуется около 6 трлн. рублей, а планируется 300 млрд. руб. Это пять процентов от потребности. Принятые по сельскому хозяйству ФЦП не направлены на кардинальное решение заявленных проблем и поэтому не могут оказать решающего влияния на развитие отрасли.

Государственные отраслевые программы должны иметь территориальную привязку. Подготовка территориальных планов в советский период основывалась на схемах размещения производительных сил, составление которых по стране координировал СОПС. Этими же схемами руководствовались разработчики региональных программ социально-экономического развития. Имеется настоятельная необходимость разработки новых схем и новых методов территориального планирования, обеспечивающих функционирование единого рыночного пространства страны. В программах по сельскому хозяйству отсутствует территориальный раздел. Заложенные в них механизмы регулирования и нормативы поддержки не дифференцированы по регионам страны, в результате складываются неоправданные различия в развитии сельского хозяйства. Правда, в последней редакции Госпрограммы 2013—2020 гг. (от 15 апреля 2014 года) в нее включены годовые показатели роста производства валовой продукции сельского хозяйства по федеральным округам и субъектам РФ, однако не представлена их увязка с ресурсным обеспечением.

Уровень государственных программ мог быть выше, если бы их составление базировалось на научных исследованиях соответствующих экономических проблем, сценарном прогнозировании, ресурсных балансах и экспертном обсуждении различных вариантов. Мероприятия принятой Госпрограммы по сельскому хозяйству были бы более обоснованными, если бы опирались на научную стратегию. Попытка разработки такой стратегии для сельского хозяйства на период до 2020 года была осуществлена под руководством И. Г. Ушачева в Россельхозакадемии [2]. Однако официальными органами власти проект стратегии не рассматривался. От-

раслевые стратегии должен объединять единый план развития экономики страны. Отсутствие такого плана является одной из причин межотраслевой несбалансированности. Правительству страны не удается реализовать многократно декларируемое намерение — уйти от экспортно-сырьевого сценария развития экономики. В этом, на наш взгляд, одна из главных причин отставания сельского хозяйства. Характерный пример с минеральными удобрениями. Их производство увеличилось с 12 млн. тонн в 2000 г. до 20 млн. в 2012, а сельхозорганизации увеличили внесение удобрений за этот период всего на 0,5 млн. тонн. Аграрная сфера остается обделенной ресурсами. В докладах на совещании, проведенном Правительством России осенью 2012 года, по вопросу хода модернизации в двух важнейших народнохозяйственных комплексах — ТЭК и АПК — были озвучены такие цифры: ТЭК ежегодно вкладывает в модернизацию 200 млрд. руб., а расходы АПК на 2013—2020 гг. согласно Госпрограмме планируются в размере 48 млрд. руб. [3]. В расчете на год это составляет 3 процента от того, что вкладывает ТЭК.

Проблема преодоления глубоких диспропорций между отраслями является одной из самых актуальных. Об этом, в

частности, говорилось на проведенном 18 июня этого года Президентом России в г. Ставрополе совещании по вопросам развития сельского хозяйства. Есть также надежда, что принятие и реализация Федерального закона «О государственном стратегическом планировании» будет способствовать созданию механизмов для сбалансированного и пропорционального развития всей экономики, а сельское хозяйство получит дополнительные ресурсы для модернизации производства и развития сельских территорий.

Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ в рамках выполнения проекта 14-02-00049.

Список использованной литературы

1. Беспахотный Г. В., Корнеев А. Ф., Капитонов А. А. Концепция государственной системы планирования сельского хозяйства // Экономика, труд, управление в сельском хозяйстве. 2012. № 2 (11). С. 15—20.
2. Стратегия долгосрочного социально-экономического развития агропромышленного комплекса Российской Федерации на период до 2020 года (научные основы). М. : Рос. академия сельскохозяйственных наук, 2011. 100 с.
3. Совещание по вопросам инновационного развития отраслей экономики (в части АПК и ТЭК). 17 августа 2012 г., г. Ростов-на-Дону : стенограмма [Электронный ресурс]. URL: <http://правительство.рф/stens/20250/>

43

Российская деревня в XVIII—XXI веках: социокультурное измерение

УДК 316.334.52

И. Ю. Васильев

Формирование русской идентичности в кубанских станицах

В статье рассматриваются этносоциальные и демографические процессы в кубанских станицах, приведшие к формированию у их жителей устойчивой русской идентичности вместо украинской/малороссийской.

Ключевые слова: украинцы Кубани, кубанские станицы, русская идентичность, традиционная культура, эволюция.

Судьбы украинцев, проживавших на разных территориях, сложились по-разному. По-разному менялась и их идентичность. На Кубани в дореволюционный период проживало большое количество украинцев, имевших относительно высокий казачий статус и собственную политическую организацию в виде Черно-

морского, а затем и Кубанского казачьих войск. Однако в XX столетии обнаружилось, что численность украинцев на Кубани стремительно и масштабно снизилась. К 1939 г. численность украинцев по сравнению с 1926 г. сократилась на 89,2% [37, с. 52—53].

Почему это произошло?

Проблема этнической истории украинцев в Российской империи затрагивалась немалым числом серьезных исследователей, как российских, так и зарубежных, например А. И. Миллером, А. Каппелером и другими [16, с. 138; 32].

Не столь подробно исследована этническая история украинцев Кубани. Поэтому особенно значимы работы кубанского исследователя Н. И. Бондаря, в которых показано влияние казачьего статуса и казачьей специфики культуры и ментальности на эволюцию этнической идентичности украинцев Кубани [5, с. 5—48; 6, с. 49—85; 7, с. 128—143]. Под руководством Н. И. Бондаря начиная с 1979 года проводится Кубанская фольклорно-этнографическая экспедиция (КФЭЭ). В ее рамках выполняется комплексное исследование всех блоков традиционной культуры кубанских станиц, в том числе и национального самосознания. Материалы КФЭЭ используются и в данной статье [19—28].

К концу XIX века складывается единое кубанское казачество как субэтнос русского народа [7, с. 141]. Этничность украинцев из числа черноморских казаков эволюционирует по схеме «украинцы — кубанские казаки — кубанские казаки, русские» [7, с. 140]. С 1792 г. начинается переселение казаков, преимущественно украинцев, на Кубань. К 1796 г. на Кубани насчитывалось 32 тысячи черноморских казаков-украинцев. В 1809—1811 гг. в Черноморию переселилось 41 534 казака Полтавской и Черниговской губерний. В 1820—1825 гг. на Кубань переехало еще 48 392 человека с Украины. В 1848—1849 гг. в регион прибыло еще 14 218 выходцев с Украины. Последнее масштабное переселение на Кубань — 1142 семьи азовских казаков. К середине XIX века украинцев на Кубани насчитывалось уже более 400 тысяч. В дальнейшем абсолютные показатели росли, а доля уменьшалась. Все эти переселенцы практически поголовно оказывались приписанными к казачеству [40, с. 160].

Казачество и казачий статус, его приоритетность по отношению к украинской национальной принадлежности в значительной степени способствовали ассимиляции казаков-украинцев. Это

проявлялось и в материальной культуре. К сороковым годам XIX века черноморцы усвоили казаче-черкесский мужской комплекс одежды (аналогичный таковому у русских-линейцев) [40, с. 167]. Казаки, с одной стороны, в большей степени, чем крестьяне, были интегрированы в государственную жизнь русскоязычного государства. С другой — у них формировалась собственная, кубанская казачья идентичность. Поэтому украинцами в большей степени продолжали осознавать себя кубанские крестьяне-старожилы, например жители села Новопавловка Белоглининского района [8, с. 146].

«Украинцам и белорусам, официально считавшимся русскими, в принципе была открыта любая карьера — при условии, что они владеют русским языком. Не было препятствий и у детей от смешанных браков русских и украинцев. Таким образом, украинцы не вычленялись и не ущемлялись ни по конфессиональным, ни по расовым соображениям... То, что украинцы признавались правительством и обществом принадлежащими к русской элите, увеличивало привлекательность восхождения по линии ассимиляции...», — отмечал А. Каппелер. Имела место официальная концепция о триедином русском народе, которая была широко известна и популярна [16, с. 138].

Таким образом, социально значимый и привилегированный казачий статус большинства украинцев Кубани был крайне эффективным рычагом добровольной ассимиляции, в определенной степени аналогичным дворянско-чиновному.

Очень большую роль во всех вышеописанных процессах сыграло наличие в Кубанской области большого количества этнических русских — 42,56% согласно переписи 1897 г. (процент малороссов составлял 47,4 от населения региона). При этом русские жили не изолированно от украинцев, были представителями тех же самых социальных групп (в том числе казаками одного с украинцами Кубанского войска), отличались повышенной мобильностью и активностью [37, с. 47]. Для большей части Украины наличие великороссов, особенно в сельской местности, было гораздо менее характерно [32, с. 146].

На Кубани значительную роль сыграл приток в изначально украинские станицы иногородних крестьян. Уже в 1881 г. пришлые крестьяне составляли 30% населения области. В 1890 г. иногородних было уже 456,3 тыс. человек (34,2%). Для сравнения: казаки составляли 48,3% населения. В 1900 г. иногородних было уже 800,9 тысячи человек. Значительное число переселенцев составляли великорусы южных центрально-черноземных губерний [там же]. Миграционные процессы были следствием сравнительно высокого уровня развития капитализма в сельском хозяйстве Кубани, его теснейшей связи с общероссийским и мировым рынком [35, с. 337].

Особую роль экономически и социально активных великороссов-мигрантов показывают статистические данные. Казаков-малороссов, по данным переписи населения 1897 г., было 447 954 человека. При этом великороссов — 337 423 человека. Казаков-малороссов было более чем на 100 тысяч человек больше. При этом среди крестьян численно преобладали великороссы. Хотя их преимущество было неподавляющим (348 839 великороссов, 341 854 малоросса) [39, с. 172—176]. Лица с сословным статусом «крестьянин» были основным миграционным пополнением казачьих станиц. Немало лиц этого сословного положения имелось среди городских рабочих, мелких служащих, предпринимателей, то есть динамично растущих «молодых» социальных групп.

В таких социально значимых, лидирующих сословных группах, как купечество, почетные граждане, духовенство, чиновники и личные дворяне, потомственные дворяне, подавляющее преимущество было на стороне великороссов. Сравнительно много малороссов было среди потомственных дворян благодаря черноморскому казачьему «панству». Но и в этой сословной группе великороссы решительно превалировали (3284 против 1985) [36, с. 238—239]. Представители вышеперечисленных сословных групп контролировали официальное делопроизводство, предпринимательскую сферу, сферу образования и культуры.

Быстрый экономический рост в кубанских станицах способствовал опе-

режающему развитию системы образования. Очевидцы постоянно отмечали относительно высокий уровень кубанских станичных школ. Система образования в Кубанской области быстро развивалась. В 1903 г. четвертая часть казачьего населения Кубани была грамотной [36, с. 72]. В 1909-м — уже около трети [35, с. 238—239]. Исследователю А. Н. Забазнову удалось обнаружить интересный документ. Это записка инспектора народных училищ второго района Кубанской области Е. Григорьева. В ней он емко характеризует школьное образование на Кубани. «Кубанская дирекция народных училищ по размаху организации всего школьного дела и должной постановке учебно-воспитательной части занимает одно из первых почетных мест в Российской империи», — писал инспектор. Конечно же, во всех училищах до 1917 г. преподавали на русском языке. По мнению А. И. Миллера, огромное значение для национальной самоидентификации человека имеет то, на каком языке он впервые научился читать и писать [33, с. 72].

Под влиянием этих причин изменились традиционная культура, язык и национальное самосознание.

Иногда черноморские казаки, зачастую сохранявшие интерес к украинскому фольклору и традициям, уже позиционировали себя как русских по национальности. Так, в доме старожилки станицы Гривенской потомственной казачки М. И. Похитон висела картина «Казак Мамай» и цитаты из украинских народных песен. При этом она говорила, что считает себя русской, а не украинкой [20]. Изменение национальной идентичности зачастую обгоняло изменение идентичности культурной, что в некоторых случаях приводило к появлению множественных идентичностей.

Украинская культура в кубанских станицах развивалась в направлении сближения с русской. Ее украинская составляющая консервировалась. Большая часть потомков украинцев уже более ста лет была оторвана от основного языкового массива и жила по соседству или в перемешку с русским населением, тогда как русские говоры постоянно соприкасались с русским литературным языком [4, с. 8]. По-

этому пополнение и развитие происходили за счет русской культуры. Дело в том, что при заселении родственными восточнославянскими этносами новых территорий межэтнические перегородки имеют тенденцию стираться. Население нередко становилось двуязычным [18, с. 40]. В фольклорный репертуар станицы Васюринской, как и других черноморских станиц, входили русские песни раннего и позднего происхождения.

Украинские песни, в том числе и обрядовые, наблюдались и в нечерноморских станицах, таких как Воровсколесская, Воронежская, Родниковская и др. [7, с. 132]. Складывается благоприятная ситуация для принятия наиболее распространенных форм культуры, господствующей моды [20, с. 33]. Например, в одной из черноморских станиц пели такие популярные в начале XX века русские песни, как «Ехал с ярмарки ухарь-купец», «Мил уехал — меня бросил» [29, с. 3]. В начале XX века в Черномории практически полностью вышел из употребления такой знаковый украинский музыкальный инструмент, как бандура (до 1913 г., когда традицию игры на бандуре стали восстанавливать энтузиасты) [13, с. 40]. Он просто хранился в домах некоторых казаков как реликвия [42, с. 117]. Значительная степень интеграции украинской и русской фольклорных традиций характерна и для свадебной обрядности кубанцев [14, с. 24].

Уклад жизни кубанских казаков объединяла с великорусским и передельно-паевая система общинного землепользования. Последняя не без сопротивления, но утвердилась в последней четверти XIX века и в Черномории, тогда как для Украины земельные переделы были нехарактерны [28, с. 7].

На языковую ситуацию влияли и такие факторы, как военная служба казаков. Уже в конце XIX столетия один из корреспондентов «Кубанских областных ведомостей» сетовал, что в бывшей Черномории уже почти не слышно старинных песен о Морозенко и Сагайдачном. Молодые казаки в полковом строю пели разухабистые песни про какую-то «молодку» [7, с. 132].

Многие населенные пункты, первоначально основанные украинцами, такие

как село Львовское, становясь полигэтническими, быстро теряли украинскую культурную специфику [17, с. 44]. Другие, по преимуществу вначале украинские, становились смешанными в языковом отношении (например, станица Сузdalская) [27]. Исследователь 20-х годов XX века О. Бежкович отмечал, что, например, в станице Величковской при преобладании в станичном фольклоре украинских песен новых среди них крайне мало [2, с. 72].

Сами потомки черноморских казаков оценивали украинский язык как родственный, но отличный от кубанского диалекта [26]. «Балачка от украинского намного отличается. Ее и сейчас много употребляют. Не много, а половина», — говорит житель станицы Бакинской А. Д. Петъко [26]. Информант говорит о кубанском диалекте с украинской языковой основой, который, однако, в значительной степени русифицировался настолько, что считается диалектом русского языка во многом благодаря русскому самосознанию его носителей [9, с. 11—18; 10, с. 188—195].

Что касается самого диалекта, то он включает обе языковые компоненты: русскую и украинскую. По мнению ряда известных ученых-филологов, таких как С. А. Мызников (Санкт-Петербург), О. Г. Борисова (Краснодар), Р. Я. Иванова (Армавир), принадлежность того или иного диалекта к языку определяется национальным самосознанием его носителей. А на Кубани уже в первой половине XX века оно уже было по преимуществу русским.

По мнению ведущего специалиста в области устной истории кубанцев О. В. Матвеева, информанты в кубанских станицах, как правило, осознают существенные различия между украинским языком и кубанским диалектом [10, с. 188—195].

О. Г. Борисовой было установлено, что автор одного из немногих источников по языку коренных кубанцев начала XX века — «Приговора № 7 станичного сбора ст. Кисляковской» И. Леденецкий являлся носителем именно кубанского, во многом русифицированного говора, который был распространен в станицах региона уже в наше время [10, с. 188—195].

Казаки в силу их поголовной воинской службы и относительно высокого

уровня образования ассимилировались достаточно быстро. Факторы военной службы и развития системы образования действовали и на Украине [32, с. 143], но на Кубани — в гораздо большей степени.

«Малорусское наречие подверглось значительному изменению, и нельзя почти определить, малоросс говорит или великоросс. Получается какое-то особое наречие, которое можно назвать «кубанским», — писал очевидец [43, с. 3]. Поэтому зачастую население не видело разницы между украинским и русским языками [41, л. 20]. Многие украинцы считали своим родным языком русский. Таких уже в 1926 г. было около 32%. В Армавирском округе их проживало 32,9%, при этом родным считали украинский язык только 8% жителей [38, с. 51]. Последний иногда воспринимался носителями как некий «казачий язык» [18, с. 53]. Сословная принадлежность в представлении кубанцев зачастую значила больше, чем этническая [там же, с. 33]. «Как называть себя, не знаю. Раньше иногородними мы были. А русский или украинец — этого не знали», — рассказал в 1958 г. житель станицы Кирпильской Л. П. Сухоруков, 1866 г. рождения. «У меня мама была украинка, а папа — кубанец, казак», — рассказывала старожилка станицы Гривенской Н. В. Короткая [там же, с. 31—32, 19]. «Кацапами называли иногородних, а местных — казаками», — объясняла уроженка станицы Нижнебаканской М. В. Коломацкая [20]. «Казаки, воны кубанцы», — ответил житель станицы Челбасской П. И. Беда на вопрос о том, кем считают себя его односельчанки — украинцами или русскими [23].

Иногородние крестьяне различных губерний (в отличие от казаков) не были в прямом смысле слова особым сословием, хотя на практике активно употреблялся термин «лица невойского сословия». Тем более что статусное различие казак — иногородний весьма четко разделяло жителей кубанских станиц и по правовому, и зачастую по имущественному положению. Принадлежность к казакам или иногородним значила в дореволюционный период значительно больше, чем принадлежность к великороссам или малороссам [18, с. 53].

Живя за пределами исторической территории Украины рядом с русскими, многие украинцы сами начинали осознавать себя русскими. «Я родом из Полтавской губернии. Отец привез меня на Кубань восьми лет. По паспорту я сейчас пишусь русским. Я не считаю себя украинцем, так как много лет живу на Кубани», — рассказал Г. М. Губенко, житель г. Кореновска, 1883 года рождения. «Мой отец и мать родом с Украины, а я считаю себя русским, так как родился я на Кубани; еще называю себя кубанцем; сыны мои русские», — рассказывал И. К. Литвинов, 1874 года рождения из станицы Кирпильской [18, с. 33]. Во многих станицах приезжие украинцы попадали в коренную русскоязычную среду. Иногородних в станице Темиргоевской называли «хохлами». «Русские жили, казаки. Казачья станица была», — сообщил старожил станицы П. Е. Кролев [22].

В определенной степени имело место и особое самосознание украинцев Кубани. «Мы не украинцы, мы кубанские хохлы», — воспринимали себя некоторые из них [3, с. 124]. Появление «местной» украинской идентичности характерно для самых разных территорий расселения украинцев. На Кубани «местная» украинская идентичность порой сближалась с русской. «Хохлами» иногда называли себя жители черноморских станиц, которые определяли свою этническость как промежуточную между русской и украинской. «Мы усе хохлы. Не то русские, не то украинцы» [25].

Многие кубанцы считали и себя и своих украинских предков русскими людьми, при этом отделяя себя от «москалей» — жителей центральных районов [15, с. 187]. «Козакы, воны руськи. Но нэ московьки», — уточнил Г. Ф. Шинкаренко из станицы Челбасской [24]. В целом до начала украинизации этнонимы «русский» и «украинец» на Кубани сравнительно мало употреблялись. По этой причине во время переписи 1926 г. национальность жителей Кубани определялась переписчиками в достаточно мере условно — по происхождению, месту рождения [15, с. 31—33, 36]. Казаки-черноморцы переставали отделять Украину от России. «Там русские жили, славяне. Это окраина была рубежей», —

говорил об Украине черноморский казак Г. Д. Слюсаренко [21].

Дело в том, что само понятие «русский» в Российской империи было достаточно размытым. Оно могло включать в себя, например, всех восточных славян-православных. И такое представление было достаточно распространенным в самых разных социальных слоях [33, с. 28; 44, с. 21].

В этой связи показательна специфика народной памяти старожилов кубанских станиц о таком событии, как украинизация. В данном случае речь идет о централизованном внедрении украинского языка и культуры в жизнь кубанских станичников. Особенно — в школьное образование.

Воспоминания о языке преподавания в школе, языке вывесок официальных учреждений сохранились в тени памяти о более значимых событиях: коллективизация, голод 1933 г., репрессии. Небольшие и в целом не окрашенные эмоционально в яркие тона сообщения информантов об украинизации говорят о небольшой их значимости для респондентов [12, с. 229—230].

Таким образом, основным фактором, предопределившим утрату кубанскими казаками украинской идентичности, стал их привилегированный казачий статус. Казаки, как и представители других высокостатусных групп восточнославянского населения Российской империи, активно и добровольно выбирали русскую идентичность. Тем более что в тот период russkost' во многом ассоциировалась с православным вероисповеданием, принадлежностью к восточным славянам в целом, службой русскому государю.

Важное значение имел стремительный экономический рост региона (в особенности товарного сельского хозяйства), который способствовал притоку иногородних русских в казачьи станицы.

Первые два фактора (привилегированный статус и экономическое развитие кубанской станицы) весьма способствовали росту в станицах уровня русскоязычной грамотности.

Список использованных источников и литературы

1. Армстронг Дж. Украинский национализм. Факты и исследования. М., 2008.

2. Бежкович О. Передел старой жизни // Родная Кубань. 2004. № 2.

3. Бершадская О. В. Осуществление политики украинизации на Кубани в период 1925—1932 гг. // Вторые кубанские литературно-исторические чтения. Краснодар, 2000.

4. Бондарь Н. И. К вопросу о традиционной системе ценностей кубанского казачества // Из культурного наследия славянского населения Кубани. Краснодар, 1999.

5. Бондарь Н. И. Кубанское казачество (этно-социологический аспект) // Кубанское казачество: история, этнография, фольклор. М., 1995.

6. Бондарь Н. И. Модель традиционной культуры кубанского казачества // Кубанское казачество: история, этнография, фольклор. М., 1995.

7. Бондарь Н. И. Некоторые формы взаимодействия русской и украинской традиции в условиях Кубани // Кубань — Украина: историко-культурные связи. Краснодар, 2008.

8. Бондарь Н. И. Что мы знаем о друг друге? // Кубанский краевед. Краснодар, 1990.

9. Борисова О. Г. Лингвистический анализ документа «Приговор № 7 от 10 августа 1918 г.» // Материалы дискуссии II Международной научной конференции «Континуальность и дискретность в языке и речи. Памяти профессора А. Г. Лыкова» / Кубанский гос. ун-т. Филол. ф-т. Краснодар, 2009.

10. Борисова О. Г., Васильев И. Ю. Приговор сбора станицы Старонижестеблиевской за номером 7 от 10 августа 1918 года: историко-лингвистический комментарий // Научно-творческое наследие Федора Андреевича Щербины и современность : сб. материалов IX науч.-практ. конф. Краснодар, 2011.

11. Борисова О. Г. Человек в лексико-фразеологическом пространстве кубанских говоров. LAP LAMBERT Academic Publishing, 2013.

12. Васильев И. Ю. Украинизация 1920—1930-х гг. в памяти старожилов кубанских станиц // Социально-экономические и политические процессы в современной России: анализ, прогноз. Оренбург, 2011.

13. Емец В. Казаки-бандурники нового времени // Кубань: проблемы культуры и информатизации. 2001. № 3.

14. Жиганова С. А. Кубанская свадьба как музыкально-этнографическая традиция позднего формирования : автореф. дис. ... канд. искусствоведения. М., 2008.

15. Иванцов И. Г. Система партийно-государственного контроля РКП(б) — ВКП(б) на Кубани и Северном Кавказе. 1920—1934. Краснодар, 2008.

16. Каппелер А. Мазпинцы, малороссы, хохлы: украинцы в этнической иерархии Российской империи // Россия — Украина: история взаимоотношений. М., 1997.

17. Криводед В. В. История села Львовского на Кубани. Краснодар, 2002.

18. Кубанские станицы. Этнические и культурно-бытовые процессы на Кубани. М., 1967.

19. КФЭЭ-1995. А/к. 681. Краснодарский край, Калининский р-н, ст. Гривенская, инф. — Короткая Н. В., 1908 г. р. казачка, иссл. — Мануйлов А. Н.

20. КФЭЭ-1995. А/к. 688. Краснодарский край, Калининский р-н, ст. Гривенская, инф. Ильченко М. Д.; Пыхитон М. И. 1927 г. р. иссл. — Зуб Е. В.

21. КФЭЭ-1995. А/к. 923. Краснодарский край, Крымский р-н, ст. Нижнебаканская, инф. Коломацкая М. В., 1919 г. р., иссл. — Мануйлов А. Н.

22. КФЭЭ-1995. А/к. 929. Краснодарский край, Приморско-Ахтарский р-н, хут. Новонекрасовский, инф. — Слюсаренко Г. Д., иссл. — Мануйлов А. Н., Сень Д. В.

23. КФЭЭ-1997. А/к. 1244. Краснодарский край, Курганинский р-н, Ст. Темиргоевская, инф. — Кролев П. Е., 1904 г. р., иссл. — Матвеев О. В., Мартынюк Л. С.

24. КФЭЭ-2001, А/к. 2327. Краснодарский край, ст. Челбасская, инф. — Беда П. И., иссл. — Матвеев О. В.

25. КФЭЭ-2001, А/к. 2328. Краснодарский край, ст. Челбасская, инф. — Кабан Н. Е., 1925 г. р., Кабан Т. Н., 1921 г. р., Шинкаренко Г. Ф., 1913 г. р., иссл. — Матвеев О. В.

26. КФЭЭ-2004. А/к. 3124. Краснодарский край, Темрюкский р-н, ст. Вышестеблиевская, инф. — Черненко М. Я., иссл. — Матвеев О. В.

27. КФЭЭ-2008. А/к. 3904. Краснодарский край, Горячеключевской район, ст. Бакинская, инф. — Петьюко А. Д., иссл. — Матвеев О. В.

28. КФЭЭ-2008. А/к. 3948. Краснодарский край, Горячеключевской р-н, ст. Сузdalская, инф. — Петенко И. Г., Зукаемян А. Н. 1932 г. р., иссл. — Матвеев О. В.

29. Малохович И. Ст. Б-ская // Кубанские областные ведомости. 1912. 7 нояб.

30. Матвеев В. А. ...Единая Русь «разметнулась на полсвета»: особенности этнополитических процессов в зонах смешанной восточнославянской колонизации на Юге России // Кубань — Украина. Вопросы историко-культурного взаимодействия. Краснодар, 2006. Вып. 1.

31. Миллер С. Национализм и империя. М., 2005.

32. Миллер А. И. «Украинский вопрос» в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX в.). СПб., 2000.

33. Отчет начальника Кубанской области и казногого атамана Кубанского казачьего войска о состоянии области и войска за 1903 год. Екатеринодар, 1904.

34. Отчет начальника Кубанской области и казногого атамана Кубанского казачьего войска о состоянии области и войска за 1909 год. Екатеринодар, 1910.

35. Очерки истории Кубани с древнейших времен до 1920 года. Краснодар, 1996.

36. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 год. Кубанская область. СПб., 1905. Т. 15.

37. Ракачев В. Н. Украинцы на Кубани: особенности демографической истории // Кубань — Украина. Вопросы историко-культурного взаимодействия. Краснодар, 2006.

38. Ракачев В. Н. Этнодемографические процессы на Кубани в XX веке. Краснодар, 2002.

39. Ратушняк В. Н. О некоторых методологических подходах к оценке уровня аграрно-капиталистического развития Северного Кавказа в дореволюционный период // Ратушняк В. Н. Актуальные проблемы истории и историографии Северного Кавказа. Краснодар, 2000.

40. Украинцы // Кубань многонациональная. Этнографический словарь-справочник. Краснодар, 2007.

41. Центр хранения документации новейшей истории Краснодарского края. Ф. 8. Оп. 1. Д. 410.

42. Черный А. История бандуры на Кубани // Родная Кубань. 1999. № 4.

43. Что осталось от Запорожья в Кубанской области? // Кубанские областные ведомости. 1911. № 158.

44. Kappeler A. Bemerkungen zur Nationalbildung der Russen // A. Kappeler (Hg.). Die Russen. Ihr Nationalbewußtsein in Geschichte und Gegenwart. Köln, 1990.

УДК 94(470.343).084.8

С. И. Васильева

Культура деревни Марийской АССР во время Великой Отечественной войны (1941—1945)

Статья посвящена теме культуры деревни Марийской АССР в годы Великой Отечественной войны. Раскрываются различные аспекты деятельности изб-читален и колхозных клубов как очагов культурной и политической жизни деревни республики в годы войны, адаптация и перестройка их работы на военный лад, трудности, переживаемые ими в условиях войны, организационно-хозяйственная работа, направленная на восстановление и организацию полноценной культурной жизни деревни республики на заключительном этапе войны.

Ключевые слова: культура, культурно-просветительские учреждения, агитационно-массовая работа, культурная жизнь деревни, избы-читальни, колхозные клубы.

Тема культуры деревни тыловых районов страны в период Великой Отечественной войны одна из важнейших, поскольку дает возможность показать не только трудности военного времени, но и в полной мере раскрыть все те изменения, которые имели место в культурной жизни деревни, роль и значение работы изб-читален как основных очагов культурной и политической жизни деревни, показать их вклад в дело укрепления обороноспособности страны. Тема находит широкое отражение главным образом в комплексных исследованиях историков-аграрников, посвященных истории деревни периода войны, а также в монографических работах по истории культуры в целом, обобщающих же работ по указанной теме нет. Недостаточно изучена она и на материалах Марийской АССР [1, 2, 14, 24, 25].

Война стала суровым испытанием и для сферы культуры страны. С началом войны государство вынуждено было сократить свои расходы на содержание культурно-просветительских учреждений. По данным Наркомпроса Марийской АССР, если в 1941 г. было выделено денежных средств 63,8% к плану, то в 1942 г. — всего 47,3%, в 1943 г. — 58,4%, или, иными словами, только в 1943 г. было не добавлено средств на развитие и содержание учреждений культуры республики на сумму 279,3 тыс. руб. [23, с. 67]. В этих условиях деятельность учреждений культуры, в том числе изб-читален, затруднилась. Общая сеть культурно-просветительских учреждений деревни Марийской АССР за первые же полгода войны сократилась в 1,4 раза, однако главным образом за счет колхозных клубов. Так, их число к началу 1942 г. уменьшилось с 109 до 4, а изб-читален — с 253 до 233 [6, л. 16—18]. Ослабла материальная база культурно-просветительских учреждений деревни, возникли трудности с обеспечением керосином, дровами и другими материальными средствами.

В то же время экстремальные условия войны потребовали перестройки всей их работы на военный лад, мобилизации всех сил населения на отпор врагу. Уже 1 июля 1941 г. ЦК ВКП(б) выступил с обращением ко всем работникам культуры, в кото-

ром призвал их всю работу перестроить на военный лад и направить все силы на обеспечение бесперебойной работы всех культурно-просветительских учреждений страны. В приказе Наркомата просвещения РСФСР от 2 сентября 1941 г. особо подчеркивалось, что «избы-читальни обязаны сейчас, в условиях военного времени, в большей степени, чем когда-либо, стать под руководством партийных организаций действенными центрами агитационно-массовой и культурно-просветительской работы в деревне» [20, с. 4—6]. Газета «Правда» писала в те дни: «Интересам фронта, задачам организации отпора врагу должна быть подчинена вся партийно-массовая, массово-разъяснительная, культурно-просветительная, агитационно-пропагандистская работа» (10, 17 июля).

С началом войны деятельность изб-читален республики повсеместно активизировалась, усилилась их воспитательная и мобилизующая роль. Избы-читальни в условиях войны стали опорными и действенными пунктами проведения политической пропаганды в деревне. Агитационно-пропагандистская, политico-массовая работа, направленная на организацию отпора врагу, мобилизацию всех сил населения на решение военно-хозяйственных задач, выдвинулась на первый план, приобрела особое значение. Менялись формы и содержание этой работы. Лозунг «Все для фронта, все для победы!» стал определяющим и самым значимым в этой работе. Практически с первых дней войны в избах-читальнях стало практиковаться коллективное радиопрослушивание сводок Информбюро (два раза в день, утром и вечером), широкое распространение получило проведение громких читок газет, бесед на различные темы непосредственно в бригадах и фермах колхозов. Одновременно создавались справочные столы, оформлялись витрины газет, вывешивались лозунги с текстами патриотического содержания, применялись другие формы работы.

Так, буквально с первых же недель войны усилили политico-массовую работу в деревнях избачи Новоторъяльского района: оборудовали во всех колхозах витрины для газет, вывесили доски показателей о ходе социалистического сорев-

нования в бригадах, в целях проведения в колхозах антифашистской агитации создали 20 агитбригад и т.д. [15]. Различные виды агитационно-пропагандистской и политико-массовой работы проводились в дни войны в Больше-Оршанской избе-читальне, возглавляемой опытным избачом Б. Головиным. Только за ноябрь 1941 г. в этой избе-читальне было проведено 40 громких читок газет, охвачено ими 365 человек, прочитана лекция «Великая Отечественная война против фашизма». Особенно большое внимание уделялось наглядной агитации — в помещении избы-читальни находилась витрина, посвященная теме войны, в ней представлены фотоиллюстрации, тематически подобраные вырезки из газет, оборудован справочный стол, на котором разложена вся имеющаяся в избе-читальне литература по войне, таблица выигрышной Государственного займа и др. На протяжении следующего 1942 года всего в ней было проведено 70 бесед, 585 политинформаций и громких читок газет, прочитано 10 докладов, выпущено 16 боевых листков и 25 номеров стенных газет (3 из которых на антирелигиозную тему), показаны два кинофильма и два спектакля [13; 17].

Осенью 1942 г. в связи с патриотическим обращением ко всем работникам культуры политпросветработников Московской области избачи республики еще больше активизировали работу в массах. Так, только в Нуктужской избе-читальне Звениговского района за четвертый квартал 1942 г. было проведено 63 беседы с участием 3156 человек, в Кумынской избе-читальне Килемарского района за это же время состоялось 67 бесед и громких читок газет, выпущено 6 номеров стенных газет, а во всем районе за указанный период проведено 887 бесед, прочитано 76 лекций и докладов, выпущено 96 номеров стенных газет [8, л. 13].

В условиях военного времени в деятельности изб-читален заняла важное место и лекционная пропаганда, которая существенно расширилась и приобрела патриотическую направленность. Проводилась она, как правило, силами лекторов обкома и райкомов ВКП(б) и комсомола республики. Количество читаемых лек-

ций как в городской, так и сельской местности республики с началом войны резко возросло. Так, в первый же месяц войны лекторской группой обкома ВКП(б) были разработаны лекции по следующим темам: «Что сулит фашизм славянским народам?», «О расовой теории фашизма», «О морально-политическом состоянии фашистской армии»; если за первое полугодие лекторами обкома ВКП(б) было прочитано 185 лекций, которыми охвачено 19 078 человек, то за второе полугодие — 416 с охватом 44 577 человек [16]. Лекционная пропаганда в период войны велась практически во всех избах-читальнях и большинстве колхозов республики. За 1941 год в избах-читальнях и колхозных клубах МАССР прочитано 19,7 тыс. докладов, за 1942 — 5,2 тыс., в том числе на общественно-политические темы соответственно 10,2 и 2,6 тыс. [6, л. 20, 22, 161].

Суровое военное время потребовало усиления всех форм работы, активного участия изб-читален во всех мероприятиях, проводимых в деревне в период войны, поэтому деятельность избачей далеко не ограничивалась проведением только политико-массовой работы. Так, уже с июля 1941 г. многие избы-читальни республики активно включились в проведение оборонно-массовой работы в деревне — стали оформлять военные уголки, создавать оборонные кружки. Всего, по данным на начало 1942 г., при избах-читальнях и клубах работало 84 оборонных кружка, в которых занимались 6808 человек; на начало 1943 г. насчитывалось 34 кружка, состоящих из 1305 человек [6, л. 24, 26, 161].

Определенный вклад в годы войны избачи республики внесли в организацию хозяйственной жизни колхозов, дело мобилизации сил крестьянства на самоотверженный труд и оказание патриотической помощи фронту: проводили походы за высокий урожай (например, в 1942 г. в Анучинской, Ошканурской, Кузнецовой избах-читальнях Йошкар-Олинского, ряде изб-читален Сотнурского, Моркинского районов и др.), устраивали сельскохозяйственные выставки по итогам года, выпускали стенные газеты и боевые листки с материалами о ходе социалистического

соревнования, нередко сами становились застрельщиками социалистического соревнования и организации патриотического движения в деревне. По мере сил принимали участие и в сельскохозяйственных работах, в зимний период времени организовывали работу агро- и зооветеринарных кружков. К примеру, агрозоотехническая подготовка была хорошо поставлена в Именецкой избе-читальне Звениговского района: за 1942 год здесь обучили 40 колхозников [18].

Вместе с тем даже в тяжелых условиях войны избы-читальни продолжали оставаться культурными очагами деревни: по вечерам сюда приходила молодежь, чтобы послушать радио, почитать газеты, либо просто отдохнуть — поиграть в шашки или домино, приходили участники художественной самодеятельности для проведения очередной репетиции, заглядывали в избы-читальни и пожилые колхозники — с просьбами написать письмо под диктовку, послушать сводки Совинформбюро, поговорить о событиях, происходящих на фронте, или же просто потолковать о делах. В целом ряде изб-читален республики, несмотря на все трудности военного времени, продолжали работать кружки художественной самодеятельности, устраивались спектакли и концерты. Так, два кружка, хоровой и драматический, действовали в Больше-Ломбанурской избе-читальне. По данным на декабрь 1941 г. в ней были поставлены 3 спектакля [5, л. 9]. Активно функционировали кружки художественной самодеятельности в Кумынской, Нежнурской, Кибеецкой, Васеневской избах-читальнях Килемарского района, только за три последних месяца 1942 г. в них показали 13 спектаклей и 9 концертов [8, л. 13, 14].

В то же время в целом культурно-массовая работа в суровых условиях войны ослабла, отошла на второй план. Число действующих кружков сократилось с 366 в 1941 г. до 240 в 1942 г., или в 1,5 раза, при этом число кружков художественной самодеятельности (музыкальных, хоровых, драматических) сократилось с 122 до 107, антирелигиозных — с 33 до 8, физкультурных — с 14 до 8. Соответственно

сократилась и концертно-постановочная деятельность. Так, если в 1941 г. состоялось 2188 постановок и концертов, то в 1942 г. всего 1302, или в 1,7 раза меньше (подсчитано по: [6, л. 20, 22, 24, 26, 161]). Ослабло и кинообслуживание деревни по причинам недостатка бензина и кадров киномехаников: если в 1941 г. в сельской местности республики было показано 8211 киносеансов, то в 1942 г. — 5284, или в 1,6 раза меньше (план кинопоказа был выполнен всего на 55,1%). Неудовлетворительно было поставлено кинообслуживание в Куженерском, Пектубаевском, Новоторъяльском и ряде других районов республики. К примеру, в Оршанском районе за 1942 год в колхозах не состоялось ни одного кинопоказа [4, л. 131].

С годами трудности военного времени все серьезнее сказывались на состоянии и работе изб-читален республики. Как уже отмечалось, большая часть клубов была закрыта в первые же полгода войны, постепенно стали приходить в запустение избы-читальни. Работа в них все более затруднялась из-за недостатка дров, керосина и других материальных средств. Серьезные недостатки и запущенность не только культурно-массовой, но и агитационно-пропагандистской работы и в целом неприглядное состояние изб-читален были выявлены в ходе проверки, проведенной в начале 1943 г. В справке, составленной по итогам проверки, сообщалось, что «избы-читальни Новоторъяльского, Еласовского, Ронгинского, Йошкар-Олинского и других районов республики не оборудованы, грязные и неуютные, лозунгов и плакатов не имеют». На день проверки в них не оказалось и стенных газет [9, л. 18].

Остро стояла кадровая проблема. С мобилизацией на фронт мужчин призывающего возраста и переводом части опытных избачей на партийную и советскую работу кадровый состав избачей ухудшился: сократилась доля грамотных и опытных избачей, тогда как удельный вес работников с низким образованием стал возрастать. Так, по состоянию на декабрь 1941 г. из 216 избачей имели полное среднее образование или закончили первый и второй курсы педучилищ всего 62 работника (28%), неполное среднее — 120

(56%), тогда как 34 (16%) имели лишь начальное образование [5, л. 10]. На январь 1943 г. из 232 избачей с неполным средним образованием было 86 (37%), законченным средним — 82 (35%) работника, а 64 (28%) избача имели лишь начальное образование. Отмечалась и большая текучесть кадров. К примеру, в Еласовском районе избачи менялись в среднем по 3—4, а в ряде мест по 5—6 раз в течение года [9, л. 18 об.].

В силу вышеуказанных, а также и других причин (отсутствие собственных помещений, недостаток внимания со стороны местных органов власти к работе культурно-просветительских учреждений деревни и др.) избы-читальни работали с перебоями, нередко закрывались на зимние месяцы из-за недостатка дров, по вечерам не работали из-за отсутствия керосина. По данным за 1941 год, из 192 отчитавшихся о перерывах в своей деятельности изб-читален (отчетность также ухудшилась в годы войны) имели перерыв в своей работе 81, или 42%, причем 40 из них, или 21% от общего количества отчитавшихся изб-читален, — от полутора месяцев и более; за 1942 год из 154 изб-читален, представивших отчет о перерывах, имели перерыв в работе 63, или 41%, причем 40 (26%) — от 46 и более дней (подсчитано по: [6, л. 28, 161 об.]).

На заключительном этапе войны в условиях улучшения военно-стратегического положения страны государством были приняты меры по улучшению деятельности культурно-просветительских учреждений. Они в полной мере коснулись и Марийской республики. В январе 1943 г. Президиум Верховного Совета Марийской АССР, критически рассмотрев деятельность культурно-просветительских учреждений на своем специальном заседании, принял постановление «О работе политпросветучреждений в республике», в котором постановил улучшить их работу; указал Наркомпросу МАССР на необходимость пересмотра кадрового состава избачей, привлечения к работе в избах-читальнях и библиотеках по совместительству грамотных работников из числа учителей, создания в районе постоянно действующих курсов по подготовке

и переподготовке избачей; обеспечения изб-читален всем необходимым оборудованием и топливом на весь отопительный сезон, улучшения радиовещания и кинообслуживания деревень, в частности обязательного включения при составлении маршрутов кинопередвижек всех без исключения изб-читален, восстановления в них всех радиоточек и т.д. [8, л. 20, 20 об., 21, 21 об.]. Были приняты меры по усилению массово-политической работы в учреждениях культуры деревни и со стороны партийных органов республики. XX пленум обкома ВКП(б), состоявшийся в сентябре 1944 г., специально рассмотрел вопрос о деятельности учреждений культуры республики и потребовал создания всех условий для широкого развертывания массово-политической работы на селе, в связи с чем обязал Наркомпрос МАССР, секретарей райкомов партии, председателей исполнкомов районных Советов до 15 октября 1944 г. восстановить работу всех бездействующих учреждений культуры, в том числе изб-читален, освободить их помещения, используемые не по назначению, обеспечить их топливом на весь отопительный сезон и т.д. [19].

На заключительном этапе войны в целом в республике была проделана немалая работа по укреплению материальной базы и улучшению деятельности изб-читален. Так, уже в 1943 г. был проведен текущий ремонт 158, а в 1944 г. — 195 изб-читален [7, л. 2]. Была проведена работа и по частичному восстановлению сети колхозных клубов и оборудованию красных уголков в колхозах. По данным на 15 декабря 1944 г., в республике насчитывалось 255 изб-читален, 38 колхозных клубов и 105 красных уголков или, другими словами, сеть культурно-просветительских учреждений по сравнению с началом года расширилась в 1,2 раза [12, л. 24, 25].

Со стороны Наркомпроса МАССР особое внимание обращалось на подготовку и подбор работников изб-читален. В районах был пересмотрен и заново укомплектован состав избачей. Итогом этой работы явилось улучшение кадрового состава избачей. На конец 1944 г. из 255 избачей 78, или около трети, имели среднее, а 155 (60,8%) — незаконченное среднее

образование и только 22, или 8,6%, были с начальным образованием; имели стаж работы до года — 160 (62,7%) избачей, до 3 лет — 95, или 37,3%. Также в составе избачей насчитывалось 95 учителей, исполняющих обязанности культпросветработников по совместительству [7, л. 4 об., 6].

Одновременно проводилась работа по улучшению подготовки и повышению профессионального уровня работников культуры. Только в октябре 1944 г. в районах был проведен двухдневный семинар для избачей и секретарей комсомольских первичных организаций по плану ЦК ВЛКСМ; всего в течение трех первых кварталов указанного года по данным 17 районов республики в районных парткабинетах проведено 195 семинарских занятий с привлечением избачей [7, л. 6]. На курсах при республиканской библиотеке было организовано обучение культпросветработников, в том числе и избачей, библиотечному делу. В 1945 г. в г. Йошкар-Оле начали работать трех- и шестимесячные курсы подготовки и переподготовки избачей. На этих курсах в течение года было обучено 50 человек [10, л. 30].

Улучшилось на заключительном этапе войны обеспечение изб-читален печатной продукцией. В 1944 г. целевым назначением была напечатана серия брошюр для изб-читален, в частности брошюры «Немецкая каторга», «Во имя победы», «За высокий урожай», сборники эстрадных песен, налажено обеспечение всех без исключения изб-читален центральными газетами «Известия», «Комсомольская правда», Ведомостями Верховного Совета СССР, республиканскими и районными газетами [12, л. 25].

Организационно-хозяйственная работа республиканских и местных властей, проведенная в 1944—1945 гг., положительно сказалась на деятельности изб-читален, способствовала расширению в них культурной и политико-массовой работы. За 1944 год в избах-читальнях прочитано 2325 докладов и лекций, выпущено 385 номеров стенных газет, дано 325 концертов, в колхозах в течение года состоялось 31 265 докладов, бесед и громких читок газет [12, л. 27]. Особое внимание уделялось и проведению агрозоотехничес-

кой пропаганды. Всего в 1944 г. в колхозах было создано 144 зооветеринарных кружка, охвачено учебой 2496 человек, проведено 155 бесед и прочитано 469 лекций по животноводству [22, л. 136]. Немалую роль в этом сыграли и избы-читальни, принимавшие участие во всех мероприятиях, проводимых в деревне.

Оживилась на заключительном этапе войны и культурная жизнь деревни. Важным и незабываемым событием в этот период стал смотр художественной самодеятельности сельских коллективов республики, в котором активное участие приняла не только молодежь, но и представители других слоев населения деревни. Подготовка к смотру, репетиции проходили в обстановке творческого и эмоционального подъема, повсеместно создавались новые кружки, ширились ряды участников художественной самодеятельности. Всего в республике в подготовительный период было создано 324 кружка, вовлечено в ряды участников художественной самодеятельности около 5 тыс. человек (в Волжском районе создано 14 кружков и вовлечено 600 человек, Ронгинском — 24, вовлечено 316 человек и т.д.). Смотр прошел в несколько этапов. В ходе смотра отметили выступления хоровых коллективов двух колхозов Волжского района («Дружба» и «Крестьянский подъем»), колхоза «Ушнымаш» Ронгинского и «Мари ял» Медведевского района и др. [11, л. 63, 66, 67].

В то же время, несмотря на некоторые изменения к лучшему, к концу войны положение в сфере культуры, особенно деревни, оставалось сложным. Так, к моменту окончания войны в республике не была полностью восстановлена сеть колхозных клубов. На 1 января 1945 г. их насчитывалось 38, или всего 35% от довоенного уровня. Часть изб-читален продолжала пустовать, в частности, с трудом налаживалась их работа в Волжском, Казанском, Медведевском и Моркинском районах. По-прежнему многие избы-читальни не располагали достаточной материальной базой, плохо обеспечивались дровами, керосином, макетами стенных газет, печатной продукцией. На всю сеть сельских культурно-просвети-

тельских учреждений республики (на начало 1945 г. в республике насчитывалось 257 изб-читален, 53 сельские библиотеки, 18 ДК, республиканская и 21 районные библиотеки и 2 краеведческих музея) имелось всего 8 комплектов духовых и 250 струнных инструментов, 10 пианино, 75 патефонов, 60repidukций картин, соответственно 678 и 38 комплектов шашек и шахмат [7, л. 4]. В целом неудовлетворительно было поставлено и кинообслуживание деревень. Плохо работали, в частности, кинопередвижки в Куженерском, Медведевском, Юринском районах. Так, в Куженерском районе план кино показа в 1945 г. был выполнен всего на 35,1%: вместо 427 сеансов по плану состоялось всего 150 [3, л. 114].

Таким образом, война сказалась и на сфере культуры деревни. Деятельность изб-читален в условиях войны чрезвычайно затруднилась: их сеть сократилась, ослабла материальная база, возникли серьезные кадровые проблемы. В то же время на первом этапе войны, несмотря на все тяготы военного времени, избы-читальни республики сыграли важную роль в организации политico-массовой и культурно-просветительной работы, принимали активное участие во всех мероприятиях, проводимых в деревне, и таким образом внесли важный вклад в дело мобилизации всех сил населения на решение военно-хозяйственных задач и укрепление обороноспособности страны. 1942—1943 годы стали трудным периодом в сфере культуры деревни. В это сложное для республики время избы-читальни работали с перерывами, испытывали трудности с кадрами, обеспечением дровами, керосином и другими материальными средствами. На заключительном этапе войны в республике, как и во всех тыловых районах страны, была проделана немалая работа по укреплению материальной базы изб-читален и налаживанию полноценной культурной жизни в деревне. Итогом этой работы явились активизация деятельности изб-читален, проведение районных и

заключительного республиканского смотра художественной самодеятельности, улучшение библиотечного и кинообслуживания деревни, усиление агитационной, агрозоотехнической работы и пропаганды естественнонаучных знаний в колхозах. Однако и в конце войны сфера культуры деревни испытывала немалые трудности, требовала улучшения финансирования, укрепления материальной базы и восстановления деятельности изб-читален как центров культурной и политической жизни деревни.

Список использованных источников и литературы

1. Анисков В. Т. Крестьянство против фашизма. 1941—1945. История и психология подвига. М. : Памятники исторической мысли, 2003.

2. Арутюнян Ю. В. Советское крестьянство в годы Великой Отечественной войны. 2-е изд., доп. М. : Наука, 1970.

3. Государственный архив Республики Марий Эл (ГАРМЭ). Ф. 347. Оп. 2. Д. 106.

4. ГАРМЭ. Ф. 347. Оп. 2. Д. 65.

5. ГАРМЭ. Ф. 407. Оп. 6. Д. 151.

6. ГАРМЭ. Ф. 407. Оп. 6. Д. 5.

7. ГАРМЭ. Ф. 407. Оп. 6. Д. 7.

8. ГАРМЭ. Ф. 471. Оп. 1. Д. 435.

9. ГАРМЭ. Ф. 471. Оп. 1. Д. 444.

10. ГАРМЭ. Ф. 1. Оп. 5. Д. 1215.

11. ГАРМЭ. Ф. 9. Оп. 1. Д. 418.

12. ГАРМЭ. Ф. 1. Оп. 5. Д. 994.

13. За большевистские колхозы. 1941. 18 дек.

14. Корнилов Г. Е. Уральская деревня в период Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.). Свердловск : УрГУ, 1990.

15. Марийская правда. 1941. 28 дек.

16. Марийская правда. 1942. 10, 25 янв.

17. Марийская правда. 1943. 17 янв.

18. Марийская правда. 1943. 18 июля.

19. Марийская правда. 1944. 27 сент.

20. Политпросветработка. 1941. № 11.

21. Правда. 1941. 17 июля.

22. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 7486. Оп. 7. Д. 1176.

23. Шестая сессия Верховного Совета Марийской АССР. 1—3 апреля 1944 г. Стенографический отчет. Йошкар-Ола : Маргосиздат, 1944.

24. Шушкин Н. Н. Во имя победы. (Организаторская и массово-политическая работа партии в деревне периода Великой Отечественной войны). Ч. 2. Петрозаводск : ПГУ, 1974.

25. Щербинин М. Ф. Культура Сибири в годы Великой Отечественной войны. Иркутск : Изд-во Иркут. пед. ин-та, 1996.

Дворня в деревенском социуме России (первая половина XIX века)

В статье анализируется положение «дворовых людей» в деревенском социуме крепостнической России первой половины XIX века. Показано, что при внешне разнообразных функциях, возложенных на дворня, данная категория населения была избыточной в помещичьем хозяйстве.

Ключевые слова: дворня, помещики, крепостное хозяйство, прислуга.

Среди различных категорий зависимого населения крепостнической России особое положение занимала дворня. Это был, без преувеличения, уникальный социальный феномен, остающийся до сих пор слабо исследованным в исторической литературе [3, с. 58—76].

Дворня как обязательный элемент крепостного хозяйства была довольно многочисленной, особенно в деревне. «Исключительные размеры приусадебного штата прислуги, — отмечает современная американская исследовательница П. Рузвельт, — казались бы сегодня преувеличенными, если бы не многочисленные подтверждения этому факту в документах эпохи» [5, с. 153]. Удивление гигантским, поражающим воображение количеством бесцельно слоняющихся по барской усадьбе слуг непременно содержится в иностранных описаниях русского крепостного имения. Вот, например, какую характеристику дворни можно обнаружить в переписке англичанки Дж. Клермонт, служившей гувернанткой в русских семьях в 1823—1827 гг.: «...многочисленная армия рабов — бедные несчастные существа, почти как скоты, которые слоняются по дому, воруют при каждой возможности, и их постоянно секут» (цит. по: [7, с. 226—229]).

Впрочем, численность дворни была различной: она могла варьировать от 3—4-х до нескольких десятков, а то и сотен человек. Так, в городском доме князей Кропоткиных, где большая часть дворни рекрутировалась из крепостных, было три кучера, повару помогали 2 поваренка, у хозяина и хозяйки были соответственно камердинер и старшая горничная, каждый из княжичей, помимо нянь/гувернеров и приставленных к ним помощников (помощниц) имел (в зависимости от по-

ла) своих «девочек» или «мальчиков», и наконец, на стол к чаю накрывали экономка и сразу 2 горничные [4]. В усадьбе И. И. Михельсона организацией господского быта занимались более 160-ти человек. Среди них — дворецкий, писарь, кондитер, 11 лакеев, 2 парикмахера, 5 поваров, 4 кучера, 15 конюхов, 5 портных, 5 садовников, 5 ткачей, 4 пекаря, 4 охотника, по три сапожника, башмачника, столяра, каретника, медника, 4 кузнеца, 4 каменщика, 4 прачки, горничная, 35 музыкантов и 35 певчих [2, с. 30].

Характеризуя состояние крепостной дворни, можно выделить два обстоятельства. Во-первых, чем обеспеченнее семья, тем больше у нее среди слуг было мужчин, и, во-вторых, среди прислуги присутствовала специализация, функции каждого человека были строго определены и ограничены. Мужская прислуга была представлена дворецким, камердинером, поваром (в богатых семьях эти лица часто не крепостные, а наемные, признаком особого богатства являлась возможность нанять на эти должности иностранцев), швейцаром, кучером (кучерами), лакеем (лакеями), у офицеров последние замещались денщиками; «мальчиками на посыпках», а также значительной группой лиц, занятой хозяйственными работами по дому и в усадьбе (дворники, истопники, садовники, конюхи, псовые и др.). Жили они либо в общих помещениях — людских, как правило, примыкавших к месту их постоянной службы — кухням, прачечным, конюшням, оранжереям и т.д., либо в отдельных комнатах с женами, также находившимися в услужении в поместье. Жилье дворни было снабжено необходимыми вещами и утварью, они обеспечивались продуктами и дровами.

В число женской прислуги входили: экономка (часто свободная женщина средних лет, контролировавшая все домашнее хозяйство), кухарка (ее статус был ниже повара, и во многих имениях повара готовили для господ, а кухарки — для слуг); кормилицы и няни; горничные; «девочки», выполнявшие мелкую подсобную работу, и значительная группа чернорабочих-женщин (прачки, уборщицы, подсобницы и т.д.).

Наиболее близкие хозяевам слуги — их камердинеры, личные лакеи и горничные — могли, в подтверждение особого привилегированного статуса, не иметь своего личного угла. Каждую ночь они «кочевали с матрацами-подушками» вслед за барами, устраиваясь спать возле господской кровати [7, с. 229; 6, с. 76].

Удивительно, но число занятых в усадьбе домашних работников могло быть сопоставимо, а то и превосходить количество трудившихся на земле крепостных, хотя именно последние и обеспечивали материальное благополучие поместья. Так, если быт уже упомянутых князей Кропоткиных во время проживания в сельской усадьбе организовывало около полусотни дворовых, то в приданое дочери князь собирался дать (и этим обеспечить ее и мужа существование, так как последний не имел крепостных и официально жил только на офицерское жалованье) имение в Рязанской губернии в составе 52 душ. Причем имение это было заложено и требовались деньги на его «выкуп», а господский дом «был не дом, а курятник, половина дома была покрыта железом, а другая соломою», так что жених еще до свадьбы потратил 40 р. «на покрышку дома, чтобы не гноился дом» [4, л. 78—83].

Вместе с тем очевидно, что избыточное количество дворни в богатых поместьях приводило к специализации функций многих из них. Отдельный слуга, приставленный к тому или иному делу, не занимался ничем другим, проводя значительную часть своего дня в бесцельном хождении по усадьбе или попросту устраивался спать в укромном уголке [5, с. 260].

Взаимоотношения дворни со своими хозяевами были различными в разных се-

мьях. Практически в каждом барском доме были своеобразные «рыцари без страха и упрека, исполненные преданности к господам до самозабвения» [1, с. 199]. Прожив всю жизнь рядом со своими хозяевами, воспринимая их заботы и проблемы как свои, они подчас любили господ больше, чем родную семью, и не хотели никакой «свободы», которая означала бы для них разрыв с привычным укладом. Многие «старые слуги», получив вольную, отказывались покидать «родной дом», пользуясь особым расположением, ворча на хозяев и тщательно контролируя работу остальной прислуги. В глубокой старости, потеряв возможность трудиться, они оставались в господской семье «на покое», доживая свой век в окружении барских отроков, любящих послушать их сказки и истории из «старины глубокой».

Но наряду с «преданными слугами» в подавляющей массе дворянских домов находилось место и совершенно другой крепостной дворне, пытавшейся как можно меньше работать и как можно больше украсть у хозяев.

Проблема «лодырей» и «воров» традиционно решалась в крепостном хозяйстве использованием разного рода физических наказаний от «правильно организованной» еженедельной порки до избиений в «порыве гнева» «чем под руку подвернется» [5, с. 336—337]. За особо серьезные провинности — побег и порчу господского имущества — полагались и самые жестокие наказания. Так, в доме богатого помещика П. А. Кошкова одна из горничных сбежала вместе с лакеем. «Их поймали, вернули и лакея Федора запороли почти до смерти», после чего хозяин велел «бросить на беглеца лопату лошадиного навоза». Сбежавшая девушка была посажена на «стул». «На шею обвиняемой надевали широкий железный ошейник, застегивали замок, пристегивали к нему цепь с грузом на конце. На ошейнике были спицы, что мешало наклонить голову. Так несчастная сидела в течение месяца» [6, с. 76—77]. «Смертная порка» стала наказанием и для одного из кучеров А. Кропоткина, не сумевшего убечь господскую лошадь [4, л. 83—85].

Огромная численность дворни, формально имевшей свои задачи и выпол-

нявшей определенные функции, но в действительности далеко не всегда занятой «делом», а порой и нечистой на руку, вызывала неоднозначную реакцию со стороны русских помещиков, да и вообще современников. С одной стороны, данная ситуация была настолько распространенной, что воспринималась уже в качестве вполне обычного и неотвратимо существующего явления. Так, Я. М. Неверов, более десяти лет наблюдавший быт усадьбы богатого помещика П. А. Кошカラова, не видел ничего удивительного в том, что только мужской прислуги в имении было более 40 человек, а из бесчисленной женской дворни особого упоминания удостоились только полтора десятка «девок», предназначенных для личных услуг Кошカラова и названных автором записок «гaremом» [6, с. 74—77].

С другой стороны, дворня в восприятии современников становилась синонимом лодырничества и объектом неприятной критики. Помещенная в одном из журналов статья рисовала с изрядной долей сарказма портрет типичного «дворового человека», задача которого состояла в заготовке дров: «...На это есть Мишка, который все равно ничего не делает, но неужели нельзя употребить его рук, или лучше сказать, неужели он сам не может употребить своих рук на более прибыльную и полезную работу? Однако оттого, что Мишка ездит в лес за дровами, его держат и кормят...». Далее автор рассуждает о тяготах владельца такой дворни и приходит к заключению, что эти заботы носят циклический характер: «Мишке мало дела, ему скучно, может быть и грустно, и часто с горя, а иногда и от нечего делать Мишка женится, и от него пойдет многочисленное потомство Мишек и Ва-сек, которых нужно будет поить, кормить и одевать, пока они малы, ломать себе голову, чтоб придумать им работу, когда они вырастут, опять содржать их, когда они будут стары, несмотря на то, что у них есть взрослые дети, которые, нисколько не разоряясь, могли бы прокормить их сами...» [8, № 105, с. 12—13].

В конце 1850-х гг., в условиях активно развернувшейся подготовки реформы по отмене крепостного права, общество стало уделять особо пристальное внимание

дворне. Ее представителей все больше стали характеризовать уже не только, да и не столько как «лодырей», сколько как население «самое несчастное и самое жалкое», которое, в отличие от крепостного крестьянина-вассала, «нельзя назвать иначе как рабом» [8, № 106, с. 35]. При этом указывалось на такие особенности положения дворового человека, как отсутствие у него собственного капитала, личного времени и пр.

Передовая общественность призывала в ходе разрабатываемой крестьянской реформы не позабыть и о дворне, выделив необходимые средства на обеспечение ее материального положения. Закономерно возникавший вопрос о недостатке средств у дворян-помещиков для решения этой задачи предлагалось разрешать следующим образом: «...помещик не должен иметь более дворни, чем сколько может содержать прилично, тем же более, что многочисленная домашняя прислуга для небогатого человека не необходимость, а прихоть, и не должно допускать, чтобы для прихоти одного страдали десятки...» [8, № 106, с. 37].

Таким образом, парадоксальность положения дворни в деревенском социуме в первой половине XIX века состояла в том, что она была наиболее бесправной категорией сельского населения, находившейся в полной личной зависимости от помещика, но при этом являлась избыточной рабочей силой в помещичьем хозяйстве, не обремененной, в отличие от крепостных крестьян, большим объемом работ. Данная ситуация приводила к появлению таких негативных явлений, как недобросовестное выполнение дворней своих обязанностей, социальное иждивенчество, а иногда и воровство. Хотя эти явления осознавались помещиками и подвергались осуждению в либеральной русской публицистике, но все же, в силу приверженности дворян к патриархальной модели взаимоотношений со своими служами, ситуация оставалась неизменной вплоть до отмены крепостного права в 1861 г.

Список использованной литературы

1. Апология русской няни // Апология русской няни. К 250-летию Арины Родионовны / сост. М. В. Филин. М. : Русский міръ, 2009.

2. Васильева Ю. Н. Практика повседневного управления имением провинциального помещика во второй четверти XIX в. (по материалам Псковской губернии) // Вестник Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого. 2011. № 63.

3. Веременко В. А. На острие домашнего пространства: хозяева и прислуга в дворянских семьях России (XIX — начало XX в.) // Российская история XIX—XX веков: Государство и общество. События и люди : сб. ст. СПб. : Лики России, 2013.

4. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 601. Д. 1196.

5. Рузвельт П. Жизнь в русской усадьбе: опыт социальной и культурной истории / авторизов. пер. с англ. Н. А. Вознесенского и А. В. Вознесенского. СПб. : Коло, 2008.

6. Сабурова Н. П. Повседневная жизнь помещиков в первой половине XIX в. по мемуарам Я. М. Неверова // Патриотизм и гражданственность в повседневной жизни российского общества (XIX—XXI вв.) : материалы междунар. науч. конф. 14—16 марта 2013 г. / под общ. ред. проф. В. Н. Скворцова, отв. ред. В. А. Веременко. СПб. : ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2013.

7. Солодянкина О. Ю. Повседневная жизнь Москвы и москвичей в 1820-е гг.: британский взгляд // Патриотизм и гражданственность в повседневной жизни российского общества (XIX—XXI вв.) : материалы междунар. науч. конф. 14—16 марта 2013 г. / под общ. ред. проф. В. Н. Скворцова, отв. ред. В. А. Веременко. СПб. : ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2013.

8. Указатель политко-экономический. Статистический и промышленный журнал. 1859.

УДК 94 (47).08“1861/1917”

И. Г. Верховцева

«Крестьянская юстиция» в России второй половины XIX — начала XX века: социокультурные аспекты

Правовая обособленность крестьян пореформенной эпохи консервировала традиционную культуру населения России. Попыткой интеграции «крестьянской юстиции» в общее правовое поле империи стала реформа местного суда 1912 г., заменившая в основаниях сельского правосудия устное обычное право правом официальным, «писаным». Автор считает, что этот запоздалый шаг усугубил культурный раскол села накануне кризисных военных и революционных лет: к социальным конфликтам добавился конфликт между носителями новой «культурной матрицы» и подавляющей массой носителей традиционной культуры.

Ключевые слова: волостной суд, обычное право, официальное право, традиционная культура, право-сознание народа.

Осмысление проблем постсоветского общества лежит на путях осмысления специфики социокультурного развития российского социума второй половины XIX — начала XX века, 9/10 которого составляло крестьянство.

1861 г. стал началом «перекраивания» села с целью приспособить его к задачам модернизации страны. Уже на стадии выработки проектов дискуссии по вопросам стратегии реформ как среди высшей бюрократии, общественности, так и среди специалистов-правоведов, профессионалов-управленцев были спорами по вопросам, по сути, социокультурного характера: каковы же конечные цели этого масштабного мероприятия, каким будет «продукт», результат судьбоносных для страны изменений [33, с. 7]. Не повторяя хрестоматийного о «краеугольности» Ве-

ликой крестьянской реформы в ряду других изменений эпохи «революционного реформаторства» 60—70-х гг. XIX в., заострим внимание на факте, осознанном уже в первое пореформенное десятилетие: архитрудной задачей оказалось сблизить, соединить два мира — мир крестьянский, деревенский и мир городской культуры, воспринимавшийся жителями села как мир барский, мир господ [12, с. 114; 20, с. 5; 24, с. 397—398]. Первый был миром традиций, транслировавшихся преимущественно устно, характеризовался приматом интересов коллектива над интересами индивидуума; веками вырабатывавшийся опыт общинного выживания обусловил специфические черты бытия деревенского жителя: от хозяйственных до мировоззренческих. В этом мире доминировали невербальные способы передачи инфор-

мации, смысловые коды улавливались на уровне «всечувствования» [22, с. 99; 23, с. 70; 35, с. 77]. Второй мир — мир формально-рационального, где информация фиксируется письменным текстом, где все высчитывается; познать этот мир, узнати все, «понавыдуманное» господами, крестьянину с его бытовым pragmatizmом недосуг: надо делом заниматься, чтобы выжить. Сосуществование в российском социуме второй половины XIX — начала XX в. этих двух миров исследователями конца XX — начала XXI в. рассматривалось в контексте процесса трансформации села, его сближения с миром городской культуры, индустриальным социумом [3; 19; 33, с. 198]. Однако накануне 1861 г. и в пореформенные десятилетия в политической элите России, как известно, было немало тех, кто отстаивал идеи сохранения самобытной крестьянской цивилизации в условиях экономической и политической модернизации страны [15, с. 2—3].

Горячими «защитниками» мира села, как известно, были славянофилы. Благодаря представителям этого лагеря реформаторов конца 1850-х гг. немало явлений общинной жизни «перекочевало» в пореформенную жизнь вчерашнего крепостного, после февраля 1861 г. — сельского обывателя [16, с. 29; 18, с. 102; 28, с. 70]. К таким явлениям относится и обособленный от остального нарождающегося правового пространства империи [31, с. 65] волостной суд — составляющая созданного Великой реформой сословного самоуправления крестьян. Судить последних в волостных судах должны были судьи, избранные самими крестьянами из них же на основе традиций «своей местности», устного обычного права.

В условиях формирующейся правовой и демократизации судебной систем, реализации реформы 1864 г. этот суд представлял собой противоречивое, во многом — контреформационное явление [26, с. 82]. Его существование, как и сословная обособленность крестьянства в контексте развития местного самоуправления в стране, отцами реформы не только из лагеря славянофилов и охранителей-«плантаторов» [21, с. 99], но и pragmatиков-управленцев конца 1850-х гг. воспринималось как

временное явление, обусловленное рядом факторов. Среди таковых неграмотность и вместе с тем низкая платежеспособность крестьян, делавшие невозможными услуги юристов в деревне; специфика сельской жизни, регулирование спорных вопросов которой заполонило бы и без того отягощенные бюрократической волокитой суды низших инстанций; неприспособленность законодательной базы империи к применению ее в условиях деревенской жизни; необходимость реализации фискальных функций в деревне после ликвидации вотчинного права помещика, неразвитость налоговой сферы в целом; невозможность выделения правительством требуемых средств для развития народного образования в условиях финансового и экономического кризиса, имевшего место после Крымской войны, и ряд других причин [1; 13, с. 22; 14, с. 122; 15; 17].

Однако пришедшая на смену реформаторским 1860—1870-м эпоха контреформ и поворот в государственной политике по отношению к крестьянам в сторону протекционизма, как известно, не только не сменили, а напротив — укрепили то, что когда-то замысливалось как временное. К таковым следует отнести и волостные суды. В 1889 г. в ходе введения института земских участковых начальников, с изданием новых правил о волостных судах последние были институционализированы, их компетенция — значительно расширена, земский начальник, будучи представителем дворянства, получил право контроля над волостными судами вплоть до отмены решений. И хотя этот шаг со стороны власти был скорее pragmatичным, поскольку стал попыткой регламентации, упорядочения работы волостного суда, постепенной унификации его правовых основ [11, с. 15—16], все же главные противоречия с повестки дня сняты не были: обычное крестьянское право мало поддавалось интеграции в правовое поле страны.

Объявив об использовании в качестве источника права традиции местности, но при этом создав искусственную административную единицу — волость, в которую часто объединялись не имевшие ранее ничего общего села [14, с. 21], творцы

реформы 1861 г. заложили «бомбу замедленного действия» под здание обновляющейся деревни, поскольку точно установить, какие традиции в какой деревне нужно применять в тех или иных спорных случаях, было довольно сложно, а если «тяжущиеся» происходили из разных сел, практически нереально, да и право-то устное — значит, доказать существование той или иной традиции фактически невозможно. Отчеты местных чиновников, губернаторов полны фактов, свидетельствовавших о том, что произвол, а не сельские традиции «правят» в волостных судах, что никаких традиций-то и вовсе нет, а есть лишь голословные ссылки на выносившиеся в определенных случаях в интересах отдельных лиц решения [6, с. 66—67]. Как следствие — правовой вакуум на селе в целом, подкупы, сговоры, лжесвидетельства в самих судах, в разных случаях — разные приговоры по одним и тем же делам, отсутствие всякого доверия со стороны крестьян к волостному правосудию, злоупотребления сельских должностных лиц — старшин, старост, писарей и ряд других явлений, свидетельствующих о полном бесправии вчерашнего крепостного, невозможности отстоять свои имущественные и личные права в суде [2, с. 15; 9, с. 49; 32, с. 54].

Уже в конце 1860-х гг. власть резюмирует: волостной суд не удался [8, с. 258]. Некоторое реформирование его в 1889 г. стало паллиативной мерой, не давшей существенных результатов [11, с. 17].

Попытки упорядочить обычное право хотя бы в пределах губернии, уезда, титанический труд этнографов, правоведов по сбору и унификации соответствующих традиций, работа правительенных комиссий (Любощинского начала 1870-х гг., особой группы в составе Кахановской начала 1880-х, ряда комиссий конца 1890-х) лишь актуализировали проблему, не принеся практических результатов [10, с. 73; 14, с. 21; 37, с. 147]. Невозможность апелляций по решениям волостного суда даже в сенате, предоставленное Общим положением о крестьянах 1861 г. право сельским сходам выселять «порочных» односельчан в Сибирь [4, с. 15] не только не обновляли село, а скорее консервиро-

вали традиционную культуру [25, с. 78], свидетельствовали о расколе российского социума, препятствовали унификации правового пространства империи и модернизации ее управленческой сферы, развитию предпринимательства, капитализации хозяйственной жизни страны в целом. Общественность констатировала: «крестьян отучают от законности» [6, с. 67]. Переочевав в новое столетие, «крестьянская юстиция» оставалась феноменальным явлением российской действительности. В начале 1900-х гг., как свидетельствуют архивные документы, крестьяне говорили: «лучше суд панский, чем крестьянский» [10, с. 79].

На рубеже XIX—XX вв. необходимость интенсификации аграрного производства и реформирования системы управления страной настоятельно потребовали унификации правовых отношений в селе, интеграции волостных судов в общую судебную систему империи, а процессы индивидуализации и капитализации крестьянского труда, повышение уровня грамотности народа создали условия для распространения на селе официального, «писаного» права. Современники отмечали: «знания среднего деревенского человека заметно увеличились количественно и качественно... народное образование играло в этом отношении преобладающую роль» [38, с. 8]. Представители общественности и местная бюрократия указывали: «могут ли быть установлены правильные отношения между разными классами населения, когда у них нет ни общего суда, ни общих законов? Могут ли крестьяне... руководствоваться законом, если закон их игнорирует?» [27, л. 382]; «отсутствие устойчивого права порождает экономическую неурядицу» [29, л. 233].

Ряд правительственных комиссий, разрабатывавших программы аграрной модернизации России, систематически актуализировали проблему волостного суда [30, с. 28].

Решающим шагом, во многом — реализацией предыдущих наработок в российском политикуме, стала разработанная правительством П. Столыпина реформа местного суда, введенная в жизнь уже по-

сле его смерти в 1912 г. [5, с. 178]. Это был шаг прогрессивный, но запоздалый. Сблизив волостной суд с возрожденным мирским судом, заменив обычное устное право в основаниях деятельности волостного суда правом общегосударственным, официальным, эта реформа ломала систему «крестьянской юстиции», а по сути — способствовала углублению культурного раскола села накануне кризисных военных и революционных лет, поскольку на фоне обострения социальных конфликтов между сельской буржуазией и беднотой добавился конфликт между носителями новой «культурной матрицы» и подавляющей массой носителей традиционной культуры, консервировавшейся в пореформенную эпоху.

Правовой нигилизм, враждебное отношение к интеллигенции, к «городским», отождествляемым с «панами», по-прежнему характеризовали село, поскольку письменная культура, школьное образование так и не стали для крестьян «своими», нормой их жизни [24, с. 98]. Архивные документы свидетельствуют: на реформу местного суда 1912 г. крестьянство ответило протестами, воспринимая этот шаг как попытку введения гospодами новых налогов [34, л. 2, 5 об.]. Крестьянский мир не просто встал на свою защиту, что само по себе естественно [24, с. 397—398]: в условиях войны и революционного реформаторства, крушения цивилизационных основ российской жизни, как отмечают исследователи, наблюдалась возврат архаичности, деградация крестьянского социума [24, с. 26; 36, с. 121], что, в свою очередь, имело трагические последствия для страны в условиях радикального реформирования ее судебной и управлеченческой сфер после февраля 1917 г. [7, с. 129; 24, с. 269]. И речь не только о грабежах, девиантном, деструктивном поведении крестьян при ослабленной государственной власти, о выживании села в условиях хозяйственной разрухи. Малограмотность, несформировавшееся правосознание народа, неумение жить по канонам «писаного» права подготовили почву для «успеха» революционного популизма, утверждения в стране тоталитарного режима.

Список использованных источников и литературы

1. Безгин В. Б. Волостной суд сельской России [Электронный ресурс] // Современные исследования социальных проблем. 2012. № 12 (20). URL: <http://sisp.nkras.ru/e-ru/issues/2012/no12.html> (дата обращения 1.07.2014).
2. Билимович А. Д. Крестьянский правопорядок по трудам местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. К. : Тип. Императорского ун-та им. Св. Владимира, 1904. 60 с.
3. Бурбанк Д. Правовая реформа и правовая культура: непризнанный успех волостных судов в имперской России // Правоведение. 2003. № 2 (247). С. 188—196.
4. Верховцева И. Г. Крестьянское самоуправление и борьба с преступностью в селе (вторая половина XIX в.) // Труды института крестьяноведения Южного Урала им. В. П. Данилова. Оренбург : ГБУ РЦРО, 2013. Вып. 4. С. 14—19.
5. Верховцева И. Г. Реформувати — не можна — скасувати: волосний суд у реформаторських планах російського істеблішменту початку ХХ ст. // Гілея: науковий вісник : зб. наукових праць. К. : ПП «Вид-во «Гілея», 2014. Вип. 84 (№ 5). С. 173—177.
6. Верховцева И. Г. Волосне правосуддя та проблеми селянського самоврядування другої половини XIX — початку ХХ ст. // Гілея: науковий вісник : зб. наукових праць. К. : ВІР УАН, 2013. Вип. 72 (№ 5). С. 65—69.
7. Верховцева И. Г. Волосні земства Правобережної України: перший досвід врядування // Питання аграрної історії України та Росії : матеріали четвертих наукових читань, присвячених пам'яті Д. П. Пойди. Дніпропетровськ, 2002. С. 126—131.
8. Верховцева И. Г. «Волосні суди у нас усюди не вдалися»: селянське правосуддя в Росії пореформеної доби // Гуржіївські історичні читання : зб. наук. праць. Черкаси : Черкаський національний університет ім. Б. Хмельницького, 2014. Вип. 7. С. 256—259.
9. Верховцева И. Г. Деспотизм поміщика замінений деспотизмом общини: П. О. Валусев про селянське самоврядування першого десятиріччя функціонування // Гілея: науковий вісник : зб. наукових праць. К. : ВІР УАН, 2013. Вип. 76 (№ 9). С. 48—50.
10. Верховцева И. Г. «Краще суд панський, ніж селянський»: волосний суд в Росії в умовах модернізації села (друга половина XIX — початок ХХ ст.) // Інтелігенція і влада: збірн. наук. праць. Серія: Історія. Одеса : Астропрінт, 2014. Вип. 30. С. 70—82.
11. Верховцева И. Г. Реформування волосного суду в Росії у 1889 р.: реванш консерваторів чи прагматичний крок? // Міжнародний науковий форум: актуальні питання науки і практики у ХХІ столітті : зб. матеріалів Міжнар. науково-практичної конференції (Київ, 11 червня 2014 р.). Київ : Центр науково-практичних студій, 2014. С. 13—18.
12. Верховцева И. Г. Становлення селянського самоврядування в Росії (за матеріалами ревізії волосних правлінь у 1863 р. В. П. Мещерським) //

Інтелігенція і влада : зб. наукових праць. Сер. Історія. Одеса : Астропrint, 2013. Вип. 29. С. 109—118.

13. Витте С. Ю. Записка по крестьянскому делу председателя Высочайше учрежденного особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности статс-секретаря С. Ю. Витте. СПб. : Тип. В. Ф. Киршбаума, 1904. 106 с.
14. Головин К. Ф. Сельская община в литературе и действительности. СПб. : Тип. М. Стасюлевича, 1887. 260 с.
15. Галкин А. Г. Волостной суд как проблема общественной жизни пореформенной России [Электронный ресурс] // Научный журнал КубГАУ. 2011. № 71 (07). URL: <http://ej.kubagro.ru/2011/07/pdf/25.pdf> (дата обращения 1.07.2014).
16. Дудзинская Е. А. Славянофилы и историческое право крестьян на землю // Социально-политическое и правовое положение крестьянства в дореволюционной России. Воронеж : Воронежский гос. ун-т, 1983. С. 24—30.
17. Евреинов В. А. Волостной суд в историческом развитии // Журнал министерства юстиции. 1910. № 7. С. 93—126; № 8. С. 74—118.
18. Егоров Б. Ф. Старшие славянофилы о власти и обществе // Власть, общество и реформы в России XIX — начала XX века: исследования, историография, источники. СПб. : Нестор-История, 2009. С. 90—102.
19. Земцов Л. И. Волостной суд в России в 60-х — первой половине 70-х годов XIX века (по материалам Центрального Черноземья). Воронеж : Воронежский гос. ун-т, 2002. 448 с.
20. Кирилин А. В. Крестьянское обычное право в волостных судах и государственная политика пореформенной России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. 23 с.
21. Корнилов А. А. Крестьянская реформа. СПб. : Типолит. Ф. Вайсберга, 1905. 271 с.
22. Крюкова С. С. Правовая культура русских крестьян в России XIX в.: проблемы и интерпретации // Этнографическое обозрение. 2003. № 1. С. 98—123.
23. Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства : в 2 т. Т. 2. СПб. : Дмитрий Буланин, 1999. 567 с.
24. Михайлюк О. В. Селянство Наддніпрянської України в перші десятиліття ХХ ст. (1900—1922 рр.): Соціокультурні трансформації : дис. ... д-ра іст. наук. Дніпропетровськ, 2009. 597 с.
25. Приходько Л. С. Русское крестьянство до революционной России в реалиях эпохи и социально-философском знании // Русская словесность. 2009. № 4. С. 78—82.
26. Риттих А. А. Крестьянский правопорядок. СПб. : Тип. В. Ф. Киршбаума, 1904. 447 с.
27. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1233. Оп. 1. Д. 405.
28. РГИА. Ф. 1233. Оп. 1. Д. 406.
29. РГИА. Ф. 1291. Оп. 54. Д. 34.
30. Священко З. В. Проурядові аграрні ініціативи в Російській імперії на початку ХХ ст. : автореф. дис. ... д-ра іст. наук. Донецьк, 2013. 37 с.
31. Сонин В. В., Федоров В. П. Правопонимание в дореволюционной немарксистской юридической мысли России // Государственный строй и политico-правовые идеи России второй половины XIX столетия : межвуз. сб. науч. тр. Воронеж : Воронежский гос. ун-т, 1987. С. 60—68.
32. Тарабанова Т. А. Состав волостных судов // Вестник Московского университета. Сер. 8, История. 1993. № 2. С. 45—54.
33. Христофоров И. А. Судьба реформы: Русское крестьянство в правительственный политики до и после отмены крепостного права (1830—1890-е гг.). М., 2011. 432 с.
34. Центральный государственный исторический архив Украины, г. Киев. Ф. 42. Оп. 863. Д. 238.
35. Чжао Янь. Проявление русской традиционной культуры в сельской общине // Вестник Московского университета. Сер. 12, Политические науки. 2006. № 3. С. 76—84.
36. Шанин Т. Обычное право в крестьянском сообществе // Общественные науки и современность. 2003. № 1. С. 116—121.
37. Шатковская Т. В. Правовая ментальность российских крестьян второй половины XIX века: опыт юридической антропометрии. Ростов-на-Дону : РГЭУ, 2000. 224 с.
38. Шредер Г. И. Мелкая земская единица в условиях русской жизни // Мелкая земская единица в 1902—1903 гг. : сб. статей. СПб. : Слово, 1903. Вып. 2. С. 1—89.

Проявление концепта «свой — чужой» в казачьей среде в пореформенный период

В статье рассматривается проявление концепта «свой — чужой» в казачьей среде. В пореформенный период народонаселение, проживающее на территории казачьих войск, имело неоднородный состав. Присутствие невойскового населения оказывало вредное влияние на старые казачьи традиции, стесняло казаков, уменьшая размеры земельных участков, находившихся в их владении и пользовании, а также вызывало нежелание казаков заниматься промыслами.

Ключевые слова: казачество, пореформенный период, «свой — чужой», иногородние, невойсковое сословие.

Концепт «свой — чужой» проявился в восприятии казаками лиц невойскового сословия. Ю. Н. Степанов в своем исследовании подчеркивает неразрывную связь концепта «свой — чужой» с самосознанием народа и самим понятием народа. Даные лексемы категоризуют мир, выделяя «своих», представителей казачьего сословия, и «чужих», т.е. тех, кто не относился к этому сословию, но проживал на войсковой территории, так или иначе участвуя в жизни станицы.

Словарь «Славянские древности» дает нам и цепочку связей, организующих пространство «своего» и «чужого». К ним относятся: кровно-родственные, семейные (род, семья), этнические (народ, нация), языковые (язык, диалект), конфессиональные (вера), социальное (общество, сословие) [5, с. 581— 582].

Формирование особого локального казачьего мира повлияло на самоопределение казачества как сословия, отличного от других групп населения в России. Это особенно проявилось в отношении к людям невойскового сословия. До 1861 г. постоянная оседлость невойскового населения на казачьей территории не допускалась. Основным контингентом иногородних в это время были беглые крепостные крестьяне, мещане, а также некоторые категории государственных крестьян, а среди них однодворцы, отставные солдаты и их семьи, казаки, вышедшие из состава казачьих полков, мастеровой люд и торговцы. Иногородних разыскивали и высыпали. В то же время местная администрация была заинтересована в использовании труда крестьян [6].

После отмены крепостного права крестьяне центральных губерний России в поисках земли и заработка устремились на окраины страны — в места, где не было помещичьего землевладения и земельной тесноты. С 1868 г. иногородним было разрешено селиться на казачьих землях. По указу «О дозволении лицам невойскового сословия приобретать недвижимую собственность в казачьих землях» «во всех без изъятия казачьих войсках русские подданные невойскового сословия получили право приобретать в собственность существующие на войсковых, городских и станичных землях дома и всякого рода строения на общем основании, не испрашивая согласия ни войскового начальства, ни городского или станичного общества. При этом земля продолжала оставаться собственностью войска» [6].

Среди представителей невойскового сословия можно выделить три группы: 1) иногородние, имеющие оседлость; 2) иногородние, оседлости не имеющие; 3) коренные жители невойскового сословия. К первой группе относились жители, приобретшие в станицах в собственность усадебные постройки с правом потомственного пользования находящейся под постройкой землей и с обязательством уплачивать за такое пользование «посаженную плату» до 10 рублей в год (за каждую сажень земли). Лица второй группы проживали на квартирах или частновладельческих землях в качестве арендаторов или нанимались в батраки к станичным богатеям. Эта меньшая по численности группа не имела оседлости, и положение этих людей было крайне тя-

желым. В третью группу входили те, кто устроился на казенных землях или приобрел земельные участки на правах частной собственности [6].

Применение закона о разрешении селиться на войсковой территории лиц невойскового сословия привело к переполнению иногородними жителями территорий казачьих войск.

По данным Л. И. Футорянского, удельный вес невойскового населения по отдельным казачьим областям на войсковой территории в 1900 г. составлял: в Терском — 80,4%, Донском — 57,2%, Кубанском — 55,4%, Уральском — 45,6%, Сибирском — 42,3%, Семиреченском — 19,9%, Оренбургском — 17,5%, Астраханском — 14,2%, Амурском — 12,1%, Забайкальском — 3,4%, Уссурийском — 2,2%.

В самих же станицах иногородние составляли 24%. В Донском — 13%, Кубанском — 43%, Терском — 12%, Оренбургском — 14%, Уральском — 26%, Астраханском — 16%, Семиреченском — 21%, Забайкальском — 3%, Амурском — 11%, Уссурийском — 2%. Следовательно, налицо было компактное казачье большинство [8, с. 50—51].

Присутствие невойскового населения оказывало вредное влияние на старые казачьи традиции, стесняло казаков, уменьшая размеры земельных участков, находившихся в их владении и пользовании [4, л. 126 об.], а также вызывало нежелание казаков заниматься промыслами. Казаки не любили ремесленничать, считая, что портняжничать, валенки валять, крышу чинить — это удел иногородних [2, с. 40—41].

Самохвалов — недавний житель станицы, прибывший из Орловской губернии. Там он занимался крестьянским трудом, но земли было так мало, что она не покармливалась семью. Приходилось промышлять другим ремеслом. В свободное время ходил в город, работал жестянщиком, майяром. Но и этого было недостаточно для сносной жизни. А тут пошли дети — лишние рты. Заработка не хватало. Простыл Самохвалов, что есть такая сытая страна, где из земли чуть ли не масло течет, где голодных никогда не бывает, потому что закрома у каждого набиты наливным зерном.

Распродав пожитки, усадил Самохвалов семью в поезд и поехал искать счастья и хлеба в этой заманчивой стране. Неприветливо встретила Донщина незваного пришельца. Два года перебирался он с семьей с хутора на хутор, ища такого места, где бы можно было обжиться своим хозяйством. Но такое желание «мужика» казаки всегда встречали сурово. Для «неказачьего» населения вводилась строгая регламентация на занятия различными видами хозяйственной деятельности. «Мужику» на казачьей земле самостоятельно сельским хозяйством заниматься нельзя. Его дело — батраком быть». Но Самохвалов — гордый «мужик», его не заставишь батрачить. Да и притом какой смысл: если бы он ремесла не знал, тогда другое дело. И решил Самохвалов отбросить пока что мечту в казачьем плодородном крае завести хозяйство.

Перебрался он в станицу Садковскую, вырыл себе землянку и стал промышлять ремеслом, а это оказалось небезвыгодным делом [2, с. 40—41], так как казаки ремесленничать не любили.

Дмитрий Петров в «Сказаниях о казаках» описывает интересный сюжет о том, как к дочери станичного атамана посоватался молодой иногородний приказчик, атаман же и слушать не хотел — не понравился ему жених из иногородних. Но дочь настояла на своем, поставив отцу ультиматум: если не выйдет замуж за приказчика, уйдет в монастырь. Атаману ничего не оставалось делать, как дать свое согласие. Однако атаман все время думал о зачислении зятя в казаки и, прося об этом проверяющего станицу ministra Куропаткина, говорил ему: «В казаки больно хочет он... тяготится мужичьим состоянием» [2, с. 29]. Следует отметить, что прием в казаки в пореформенный период был строго индивидуальным, ограниченным, поскольку рост казачьего населения негативно отражался на размерах паев.

Казаки по-разному относились к иногородним. Однажды на джигитовке в одной из станиц Донского казачьего войска свое мастерство показал иногородний человек, проживающий в казачьей станице. По толпе пронесся возбужденный говор. Кто восторгался, а кто и возмущался: «мужик проклятый!», «опозорил казаков!» и т.д. [2, с. 26—27].

В пьесе «Маруся-казачка» Митрофана Седина так показано отношение к иногородним: «Разве можно жить тут, когда тебя каждый пьяница в черкеске называет бродягой — бездомной собакой. Здесь куском хлеба подавившись. Презирают, будто бы мы пришли из какой-нибудь турецкой или другой поганой земли, а не из православной святой Руси» [7].

Однако когда речь шла о необходимости пополнения станичных обществ, представители невойского сословия воспринимались как «свои». Например, беспаспортный человек Андрей Симоненко вольготно чувствовал себя в станице Староминской и даже почитался за казака [1, л. 1, 3].

Негативное отношение к иногородним было не случайным. Так, на Кубани начиная с 70-х гг. XIX века, несмотря на развитость в экономическом плане казачьих хозяйств, они уступали крестьянским. Казаки осознавали, что военная служба в новых экономических условиях является тяжелым бременем, консервирующим хозяйство. Идеологи казачества заговорили об «оскудении казачества» и постарались искать виновников на стороне — в лице все увеличивающегося количества иногородних, причем не только за счет миграции, но и благодаря высокой рождаемости [3, л. 165].

Итак, начиная с 70-х гг. XIX века народонаселение, проживающее на территории казачьих войск, приобретает неоднородный состав. Появление новых людей

воспринимается с позиции «свой — чужой». Процессы капитализации, тяготы военной службы и неумение использовать пай ухудшили положение казачества. Виновником этого считали иногородних, несмотря на то, что они жили в своей массе гораздо беднее казаков [7]. С начала XX века наблюдается рост недовольства своим положением невойского населения в казачьих регионах, что проявляется в массовых и организованных выступлениях.

Список использованных источников и литературы

1. Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф. 396. Оп. 1. Д. 1115.
2. Петров (Бирюк) Д. И. Сказание о казаках. Роман-трилогия. М. : Вече, 1993.
3. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1276. Оп. 17. Д. 44.
4. РГИА. Ф. 1263. Оп. 4. Д. 43.
5. Славянские древности. Этнолингвистический словарь : в 5 т. / под ред. Н. И. Толстого. М. : Международные отношения, 2008. Т. 4: П (Переправа через воду) — С (Сито). 2009.
6. Узлов Ю. А. Особенности колониальной политики России на Северном Кавказе [Электронный ресурс] // Теория и практика общественного развития. 2011. № 3. URL: http://teoriapractica.ru/rus/files/archiv_zhurnala2011/3/istoriya/uzlov.pdf.
7. Федина И. М. Кубанское казачество и иногороднее население на рубеже XIX—XX вв. как отражение социальных парадигм кубанской станицы [Электронный ресурс] // Теория и практика общественного развития. 2012. № 2. <http://www.teoriapractica.ru/>
8. Футорянский Л. И. Казачество России на рубеже веков. Оренбург, 1997.

УДК 94(470.5)“1861/1917”:391

С. В. Голикова

«Борьба между сибиркой и “спинджаком”»: изменения в одежде сельских жителей Урала в 1861—1917 гг.

Рассмотрены изменения в одежде уральских крестьян за 1861—1917 гг. Показана борьба традиций и новаций в этой сфере материальной культуры, проникновение в деревню феномена моды. Эти процессы свидетельствовали о переменах в социальной идентичности сельских жителей.

Ключевые слова: социокультурная история, одежда, мода, традиция, новация, крестьянство.

Одежду сельских жителей пореформенного времени, как правило, изучают этнографы. Применяя классические для этого объекта исследования способы,

они много сделали: собрали массу фактов, предложили алгоритм описания этой сферы материальной культуры. Однако этнографический подход недостаточно

чувствителен для исследования интереснейшей фазы в развитии пореформенного материального быта, — он не позволяет понять, почему его составные части в деревне того времени развивались по разным траекториям. Крестьяне старались одеваться моднее, однако менять что-либо в своем жилище или пищевых привычках не спешили. Весь пореформенный период костюм оставался лидером изменений в быту. Однако феномен бурного развития культуры одежды, культуры щегольства среди народных масс Российской империи после Великих реформ остается не просто неизученным, а даже невыделенным, поскольку требует иных приемов анализа — семиотических, культурологических, социокультурных.

Возможности, предоставленные реформированием страны, начавшимся в 1860-е гг., сельские жители использовали в первую очередь для того, чтобы одеться. Хорошую, достойную жизнь им было трудно представить без модных новинок. Суть происходящего Д. К. Зеленин метафорически передавал именно через одежду: сельская местность, по его мнению, стала ареной «ожесточенной борьбы» между старым и новым — «между сибиркой и “спинджаком”». «“Спинджак”, — отмечал он, — дерзко предъявляет свои права на будущее и вытесняет бедную сибирку... Он занес в деревню новую, неведомую ей раньше жизнь, произвел впечатление, нашел последователей, поклонниц и играет роль цивилизатора». Даже «захолустье по внешнему виду обитателей начинало походить на подгородную деревню»: жизнь в нем принципиально менялась. Здесь появились «кавалеры», разряженные в «спинджаки по последнему фасону», в жилеты «при часах» и в брюках «на выпуск». Подражая им, местные «недоростки» старались «выгнуть из себя городских, бывальных»: на отцовские гроши они стали «шикарно» одеваться. Цивилизация оказала влияние «и на прекрасный пол, представительниц которого можно теперь встретить по праздникам “под ручку” с кавалерами, одетыми в платья “в талью”, в дорогих шалях или шляпах на головах и, конечно, при зонтах и носовых платках!...» [8, с. 158—159].

Как и предсказывал маститый этнограф, пиджак победил. Накануне революции в 1917 г. он вынужден был признать: «Весь уклад народной жизни теперь весьма быстро меняется; деревня начинает жить по-новому, и скоро, вероятно, уже трудно будет отличить деревенского жителя от городского». Знаток Урала призывал: «Пока не поздно, пока строй и обстановка народной жизни сохраняют еще, в некоторой степени, старину, — желательно описать этот быт возможно полнее и подробнее». Однако в «Программе для этнографического описания русских жителей Прикамского края» он не только показывал, на что обращать внимание при фиксации «старого», но и задавался вопросом о «современных модах в деревне» [9, с. 9, 11].

Предпочтения в одежде изменились без оглядки на традицию. Конечно, щегольство подвергалось традиционалистской критике. Религиозные деятели укоряли свою паству за беззастенчивую тягу к роскоши. «Раскольничий» собор в деревне Сарабили в 1868 г., например, постановил: «мужчинам не носить ситцевых рубах, картузов, в короткой одежде в часовню неходить, женщинам не кроить платьев и круглых (без клиньев) сарафанов». Эффективное соблюдение подобных запретов время от времени поддерживалось другими средствами воздействия на религиозную психику. По сообщению И. В. Змievского, летом 1863 г. «какая-то старая дева или вдова» распустила по селу Богородскому слух о том, что носить красную и вообще цветную одежду великий грех и тому, кто носит цветное, особенно красное, никакие грехи никогда не простятся. Они приравнивались к последователям антихриста. Можно носить одежду только черную и белую. При этом женщина ссылалась на видение, бывшее ей по дороге из Кунгура. Жители «начали жечь, рубить, зарывать в землю свои ситцевые наряды», продавали их «за бесценок» татарам [10, с. 119].

Обвинения и ограничения «снизу» дополнялись «насмешками» «сверху». Демонстративные претензии, охватившие не одно поколение женщин: щеголяли матери и дочери, — были досадны «образованной публике». В. И. Немирович-Данченко, на-

пример, крайне отрицательно относился к случаям ношения кринолинов в уральском селе. Население села Романова за два года до его приезда «предпочло» цивилизацию, «выражавшуюся в пении лакейских песен, в ношении “городских” платьев с талиями чуть не на затылке и шлейфами, хотя и ситцевыми, но в пол-улицы. Даже везде отмененный кринолин растопыривался на каждой местной красавице, воображавшей, что в нем-то вся сила и есть». «Тут у нас, какая вам скажу мадель (вместо мода) была. — Передавал он слова местных жителей. — Кармалинов этих не хватило, так на платья обручи подшивали. Так мы их с этого самого и прозвали ситцевые бочки!» [17, с. 177].

Эволюция одежды в пореформенное время затронула и материал, из которого ее создавали. Постепенно домашнее ткачество уходило в прошлое. Происходила замена «домотканины» на покупные материи. Наметился спрос на фабричные «произведения», однако у крестьянского населения вначале он был «крайне мал» и касался престижных, праздничных вещей, выходного костюма, нарядов для торжественных случаев. «В виде праздничной одежды, — писал В. Я. Заволжский в начале 1870-х гг. о северных волостях Вятской губернии, — если не у всякого мужчины, то, по крайней мере, у каждой женщины есть хотя одна сорочка и платок из бумажной фабричной ткани. Точно так же относительно обуви: всякий мужчина и женщина, хотя для торжественного для них дня брака, стараются приобрести для себя кожаную обувь» [7, с. 52].

В 1870-е гг. жители еще одного северного района — Вишерского края — стали крыть «праздничные» шубы покупным сукном. Сарафаны у них «в последнее время» кроились «из ситца с оборками». Однако самую значительную эволюцию претерпели женские головные уборы: «На голове бабы носили раньше кокошники... ныне же их носят мало, взамен их пошли моршни, то есть сшитые косынки из бумажной материи, ситца, а праздничные — из шелка» [15, с. 42].

На контрасте между праздничной и будничной одеждой построил, например, свое описание костюма жителей села Тра-

вянского Челябинского уезда Оренбургской губернии И. Виноградов: «Мужик в будни неопрятен, грязен, в праздники щеголеват: зимой в суконном тулупе или полушибке, в дорогой мерлушьей шапке, летом в бумажном или суконном кафтане с полушибковой опояской, в плисовых шароварах, спускающихся за голенищи знатных кунгурских сапог. Женщины, особенно девицы, очень нарядны: шубки, крытые драпом или сукном, летом полушибковые пальто с отделкой и шелковые сарафаны — не редкость». «Вообще, — заключал данный автор, — девицы не носят и в будни самодельщины, везде и всегда в фабричном» [3, с. 57].

Новинки быстрее проникали в праздничный гардероб сельчан. Тенденция к обновлению повседневной одежды пробивала себе дорогу с большим трудом и воспринималась кроме молодежи населением зажиточных торговых сел, например таких, как Дедово (Исаево) в той же Оренбургской губернии. «Стремление к опрятности заметно и в одежде: грязных лаптей и не менее грязного полушибка на мужчине и еще грязнейшей понявы на женщине в Дедове почти не встретишь. Одеяваются здесь или на манер зажиточных мещан, или хотя по-крестьянски, но чисто и прилично, а сапоги носят все», — писал о достижениях местной цивилизации В. Малмецкий. Праздничным костюмом у мужчин был «польский» кафтан или длиннополый сюртук, «редко» короткое пальто; у женщин — «московский» сарафан, а у «многих и платье, сшитое, конечно, простым фасоном». Эти наряды делались из тонкого сукна, разноцветных ситцев или шерстяных материй [16, с. 116—117, 228]. И. Удинцев также отмечал, что у женщин села Киргишанского, деревень Дубской и Нижней, которые были расположены ближе к г. Ирбиту, одежда была «более щеголеватой — шубы, пальто, платья, бурнусы, мантильи». В отдаленных деревнях Азейской, Гунинской, Фоминской довольствовались «более старинными» вещами — юбками, шугаями, дубасами [19, с. 415].

В последнее десятилетие XIX века вытеснение изделий домашнего ткачества фабричными материалами и новыми видами одежды наблюдалось на Урале повсеместно.

местно. У девушек села Воздвиженского Оренбургского уезда «вошло в моду ношение кофточек и запонов, приготовляемых из покупного материала — ситца». Шушpanы, которые раньше составляли выходной наряд, молодое поколение начало «избегать», и они становились уделом взрослой части населения [20, с. 898—899]. В селе Нижнем соседнего Челябинского уезда женщины «уже как бы стеснялись собственных изделий, употребляя их только под нижнее белье, а верхнюю одежду изготавливали из разноцветных ситцев, покупаемых в куртамышских (Куртамыш — ближайшая слобода. — С. Г.) лавках. Влияние моды и подражание городу в первую очередь сказывалось здесь на молодежи, которая «в мужской половине начинала носить пиджаки и сюртуки, а женщины — кофты и даже жакеты» [21, с. 872]. Если на мужчинах в данной местности можно еще было увидеть холщовые рубахи и шаровары, то жители села Кирябинского соседнего Троицкого уезда, по наблюдениям современника, «без пиджака или сюртука и хороших сапог и на улицу не выходили» [11, с. 875]. О сарафанах и лаптях здесь давно не было «и помину».

В первое десятилетие XX века покрой костюмов и материал, из которого они «устраивались», продолжали изменяться. М. Горбушин, например, сетовал на забвение казаками поселка Брединского Оренбургской губернии традиций домашнего ткачества: «Старики сеяли еще лен, который, сказывают, родился хорошо. Многие женщины занимались тканьем холста, были порядочные мастерицы, теперь же из молодых женщин ткать никто не умеет; холстинных рубах не встретишь. «Красна» (ткацкие станки) сохранились у двух-трех старух, которые кроме холста ткут еще половики и домашнее сукно. Все необходимые в казачьем быту вещи приготавляются из холста покупного, дорого стоящего и незавидного по качеству» [4, с. 596].

Подобную эволюцию одежды в постуреформенный период на примере истории отдельного поселения показал С. Коняхин. «В образе жизни крестьян села Рождественки, — отмечал он, — до уничтожения крепостного права и после уничтожения его громадная разница. В первое

время, т.е. во время «барщины» как на мужчинах, так и на женщинах начиная с рубашки и кончая верхней одеждой и обувью — все было самодельное, более носили из холста, причем белые рубахи с красными ластовицами для мужчин составляли предмет щегольства; о сапогах и говорить нечего; если и случались у кого сапоги, то владелец надевал их только в день своей свадьбы, да разве еще на Пасху; сапоги эти переходили от отца к сыну, от деда к внуку и так далее из поколения в поколение. Кафтан домашней работы, белые портняки и новые лапти с черными шерстяными или ременными обортами — вот лучший наряд «барского» крестьянина. Женщины также все носили самодельное: сарафаны пестряжные, фартуки тоже, платки из белого холста, затканного по краям красной бумагой. Холщовая рубаха и пестряжный сарафан, лапти — все это стало постепенно изгоняться и заменяться красной рубахой, ситцевым сарафаном и сапогами» [14, с. 392—393]. У их соседей — жителей Александровского прихода — наблюдался аналогичный процесс: «Холщовая белая рубаха с красными ластовицами стала только воспоминанием прошлого. Изгоняется из употребления и традиционный русский сарафан. Все костюмы стали устраиваться на «городской лад»» [12, с. 724].

Более сложным путем происходило распространение моды в районах продолжающейся колонизации, поскольку там переплелись два процесса — замена прежнего костюма на местный и одновременно более новый. У жителей деревни Борки из «преимущественно самодельной» она превратилась в покупную. Вместо холстины мужчины стали носить красную рубаху, пиджак и галоши, женщины — платье на «городской манер» [13, с. 234]. На новом месте и одежда саратовцев подверглась изменению: с «родины» мужчины из деревни Саратовки Оренбургской губернии пришли в высоких, черных поярковых шляпах, которые на новом месте заменили на фуражки и шапки местного производства [18, с. 220]. «Правда, не скоро все эти новшества вступили в права гражданства, так как старики старались поддержать старые порядки, да и ситцы были слишком

дороги — до 25—30 коп. за аршин», — комментировал С. Коняхин происходящую эволюцию.

Последняя причина — низкая покупательная способность сельского населения — оставалась тормозом распространения инноваций и в начале XX в. «Погоня за нарядами, — сообщал о существующих порядках в Александровском приходе Оренбургского уезда С. Коняхин, — значительно подрывает благосостояние хозяев. Особенно падки на наряды женщины, так что муж иногда бывает вынужден продавать чуть не последнюю корову или последний пуд пшеницы, чтобы купить жене или дочери платье к празднику» [12, с. 762]. На подрыв благосостояния хозяйства решались не все. О жителях села Саратовка того же уезда И. Покровский, например, писал: «В одежде саратовцев наблюдается скромность, переходящая часто в бедность». Здесь сохранялось традиционное, в зависимости от возраста, отношение к костюму. «Франтовски» наряжалась только молодежь — женихи, невесты и молодые супруги. «Хуже всех» одевали «детишек, которым нередко приходилось довольствоваться обносками от старших братьев и сестер, а в случае нужды ребенок нередко носил отцовскую шапку и материну кацавейку». Покупательские стратегии у такого населения были иными: «Приготовление платья нашими крестьянами делается два раза в год. Солидная заготовка делается осенью, когда хозяин и хозяйка отправляются в Илецкую Защиту с специальной целью «оторвать» на рубахи мужикам, бабам и детишкам. Весной, обычно к Пасхе, справляются сапоги и пиджак» [18, с. 220—221].

Подобная ситуация порождала смешение старого и нового, однако совершенно в иных соотношениях: не «новое» выделялось на фоне «старого», а «старое» проглядало на «новом». Молодежь этого же села зимой 1905 г. носила дипломат-(полу) пальто, однако обычной одеждой остальных оставались овчинные шубы и полу-шубки, «чаще всего» даже «нагольные», «то есть без покрышки». Летней мужской одеждой были пиджаки и кафтаны. Первые одевали и старики. «Конечно, — добавлял бытописатель, — только в тех слу-

чаях, когда шли в церковь» [18, с. 220]. В обиходе жительниц села Михайловского (Шарлык) того же Оренбургского уезда еще оставались поневы [6, с. 492].

Автор описания села Кисловского, расположенного уже не на Южном, а на Среднем Урале, в 1914 г. также писал, что костюмы его населения «в настоящее время мало чем отличаются от одежды средних городских жителей, хотя кой-где сохраняются еще деревенские черты». Мужские рубахи и сарафаны, «которые здесь еще носили», а также платья «по городскому» изготавливали «в большинстве случаев» из ситца. На головах замужних женщин «от былых времен» остался «поварник» или «кокошник» («чепчик со шнурками»), однако его прятали под платок. Многие уже даже платку предпочитали «файшонку» — плетеную из гаруса косянку. Функция традиционного головного убора оставалась прежней: «им удерживают волосы в одной куче на голове, чтобы не показать их постороннему человеку, что и теперь местами считается грехом». Белье, особенно штаны, становины (« $\frac{3}{4}$ женской рубашки») и женские юбки продолжали изготавливать из домашнего синего или темного холста [22, с. 511—512].

В отличие от одежды распространение новых типов обуви в большей степени подчинялось требованиям престижа. В. И. Немирович-Данченко еще в 1870-е годы писал: «Никого я по всему этому краю не встретил в лаптях. Пермский мужик всегда в исправных кожаных бахилах, которые сотнями тысяч заготовляются в Сарапуле, на Чусовой и в Кунгуре. Отсюда их развозят во все захолустья» [17, с. 200]. Характеризуя быт жителей села Юрмытского (Печеркино), расположенного вблизи г. Камышлова, И. Ашихмин в 1883 г. сообщал: «“лаптевщины” не бывает» [1, с. 99]. Презрительное отношение к плетеной обуви сквозит уже в самом строении слова. Однако если лапти сначала «проигравали» различным вариантам кожаной обуви, затем сапогам, то в конце XIX — начале XX века в деревенской среде настала мода на калоши.

«Приезжают разнаряженные гости, у которых даже в лучший летний день на ногах надеты блестящие резиновые га-

лоши», — описывал М. Горбушин праздничное одеяние в Косулинском приходе Челябинского уезда [5, с. 275]. Молодые парни и девушки селения Нижнее того же Челябинского уезда «непременно» носили «калоши». «И что особенно интересно, — отмечал представитель «просвещенной» публики особенности бытования этой новинки в крестьянской среде, — последние надеваются только в хорошую погоду, а в грязь или совсем их не употребляют, или носят в руках, чтобы надеть, прия в гости» [21, с. 872]. О поголовном «увлечении» резиновой обувью именно молодежи сохранилось много других свидетельств. «Последние годы среди молодежи сильно, без исключений, распространилось употребление калош», — писал И. Покровский о селе Саратовка Оренбургского уезда [18, с. 220]. «За последнее время молодежь стала щеголять в пиджаках и галошах, хотя бы то было в сухую летнюю погоду», — вторил ему С. Коняхин, характеризуя нравы села Рождественки того же уезда [14, с. 394]. Касаясь их соседей — жителей Александровского прихода, — он отметил наличие того же явления: «Кто позажиточнее, те стали носить галоши, о чем деды их и мечтать не смели» [12, с. 724]. Среди уральских сельчан наблюдалось явление, которое на общероссийском уровне описал и проанализировал известный этнограф П. Г. Богатырев. Именно этот сюжет понадобился ему при анализе эстетической функции деревенской одежды после того как она «сблизилась или полностью слилась» с городской одеждой. «В русской довоенной деревне (имеется в виду Первая мировая война. — С. Г.), — писал он, — в большой моде были калоши. Но крестьяне, и главным образом молодежь, носили их преимущественно не в грязь, а в праздничные и солнечные дни. Основной функцией калош в городе является предохранение ног от сырости и грязи, основной функцией тех же калош в деревне является функция эстетическая» [2, с. 272].

Мода и деревня в пореформенный период отлично ужились друг с другом. Сельская местность в это время колоссально расширила пространство моды. Культура одежды была тем тараном, ко-

торый пробивал зияющие бреши в традиционном быту, тем локомотивом, который нес сельскую глубинку в новое время и который далеко позади себя оставлял другие сферы материальной культуры: жилище, пищу и т.п.

Пореформенное время предоставило сельчанам новую возможность участвовать в круговороте моды, создавать ее. Именно посредством одежды происходила саморепрезентация пореформенной российской деревни. Язык костюма оказался необычайно востребован, собственно, он во многом и олицетворял новое пореформенное время. На одежду ложилась большая смысловая нагрузка: она оказалась тем важным и влиятельным посредником, который стоял между индивидом и социумом, маркировал нового пореформенного россиянина, позволяя ему выражать новые смыслы и значения. Потребительские интересы и консюмеризм сельских жителей в первую очередь находил выражение именно в предметах одежды и обуви. С помощью костюма целые социальные пласти и группы становились видимыми и значимыми. То, что крестьяне стали одеваться не по-крестьянски, означало процессы смены социальной идентичности.

71

Список использованной литературы

1. Ашихмин И. Юрмытское село Камышловского уезда в этнографическом отношении // Пермские епархиальные ведомости. 1883. № 8.
2. Богатырев П. Г. Функции национального костюма в Моравской Словакии // Богатырев П. Г. Народная культура славян. М. : О.Г.И, 2007.
3. Виноградов И. Церковно-приходская летопись села Травянского Свято-троицкой церкви // Оренбургские епархиальные ведомости. 1875. № 2.
4. Горбушин М. Брединский поселок. (Историко-статистический очерк) // Оренбургские епархиальные ведомости. 1908. № 27—28.
5. Горбушин М. Косулинский приход Челябинского уезда. (Историко-статистический очерк) // Оренбургские епархиальные ведомости. 1899. № 7.
6. Жинжин Н. Село Михайловское-Шарлык Оренбургского уезда. (Историко-статистический очерк по случаю столетнего юбилея) // Оренбургские епархиальные ведомости. 1910. № 30—31.
7. Заволжский В. Я. Исследование экономического быта населения северной части Вятской губернии. Вятка, 1871.
8. Зеленин Д. К. Кама и Вятка. Путеводитель и этнографическое описание Прикамского края. Юрьев, 1904.

9. Зеленин Д. К. Программа для этнографического описания русских жителей Прикамского края // Известия общества изучения Прикамского края. Сарапул, 1917.

10. Змиев И. В. О Богоявленских сельских ярмарках // Пермские губернские ведомости. 1865. № 29.

11. Кирябинская Цер.-приход. школа Троицкого уезда // Оренбургские епархиальные ведомости. 1898. № 22.

12. Коняхин С. Александровский приход Оренбургского уезда // Оренбургские епархиальные ведомости. 1905. № 22.

13. Коняхин С. Деревня Борки Оренбургского уезда // Оренбургские епархиальные ведомости. 1906. № 6.

14. Коняхин С. Село Рождественка Оренбургского уезда // Оренбургские епархиальные ведомости. 1907. № 28—29.

15. Крылов П. Н. Вишерский край: Исторический и бытовой очерк Северного Приуралья. Свердловск, 1926.

16. Малмецкий Вл. Село Исаево // Оренбургские епархиальные ведомости. 1873. № 3, 6.

17. Немирович-Данченко В. И. Кама и Урал. Т. 2. СПб., 1904.

18. Покровский В. Село Саратовка (Материалы для историко-статистического описания приходов Илецкой линии Оренбургской губернии и уезда) // Оренбургские епархиальные ведомости. 1905. № 6.

19. Удинцев И. Заметки о Киргизской слободе // Пермские губернские ведомости. 1866. № 102.

20. Чернавский Н. Село Вознесенское Оренбургского уезда (историко-статистический очерк) // Оренбургские епархиальные ведомости. 1897. № 23.

21. Чернавский Н. Село Нижнее Челябинского уезда (историко-статистический очерк) // Оренбургские епархиальные ведомости. 1898. № 22.

22. Шагов А. М. Кисловская волость Екатеринбургского уезда (санитарно-бытовое описание) // Врачебно-санитарная хроника Пермской губернии. 1914. № 9.

УДК 94(47).04

Э. Л. Дубман

«Корсунский уезд» во второй половине XVII — начале XVIII века: население и особенности его расселения

72

Статья посвящена изучению особенностей формирования Корсунского «внутреннего уезда» в процессе массовой колонизации южных территорий Среднего Поволжья. Рассмотрены складывание населения и специфика расселения на территории данного «уезда» в середине XVII — начале XVIII в.

Ключевые слова: «внутренний уезд», расселение, население, Южное Средневолжье.

Массовое заселение земель, лежащих к югу и юго-востоку от территории бывшего Казанского ханства и условно называемых нами Южным Средневолжьем, началось только со второй половины 1640-х годов. Их освоению способствовало создание совокупности оборонительных линий, перекрывших от нападений кочевников все лесостепное пограничье Европейской России: от границ с Речью Посполитой до среднего течения р. Камы. Восточный фланг ее составляли в Предволжье — Корсунская и Симбирская засечные черты, в Заволжье — Закамская. В колонизации новых территорий участвовали представители самых различных этнических, конфессиональных и социальных сообществ. Несмотря на противоречивость и конфликтность этого процесса, все его акторы решали общие задачи хозяйственного ос-

воения и включения в состав Московского государства пространства «Дикого поля», заселения практически никем не занятых «порозжих земель».

В условиях постоянной военной угрозы важнейшую роль в защите переселенцев и обеспечении на пограничных территориях, по выражению К. Маркса, «всеобщих условий всякого производства», играло государство. Нельзя не согласиться с С. Ф. Платоновым, писавшим, что в процессе колонизации новых территорий народ и государство «взаимно поддержкою умножают свои силы и энергию» [18, с. 93—94].

В статье рассмотрены особенности складывания населения и формирования системы расселения в западной части одного из «новых» уездов Южного Средневолжья — Симбирского. Его территория

прилегала к Симбирской и Корсунской засечным чертам и располагалась между Волгой и Сурой, к югу и юго-востоку от Алатырского, Свияжского и других уездов. При изучении начального освоения этого региона историки, как правило, основываются на работах Г. И. Перетятковича и сотрудников местных ученых архивных комиссий [17]. Между тем к настоящему времени в научный оборот введено значительное количество источников, позволяющих глубже раскрыть происходившие там процессы [5; 9].

Как правило, при строительстве отдельных засечных черт правительство полагало, что главная крепость (город, пригород) каждой из них станет центром нового уезда — Симбирского, Саранского, Инсарского, Керенского и др. В ходе расселения гарнизонов по отдельным крепостям и острогам складывалась особая иерархическая система управления обороноспособной линией, состоящая из воевод и голов. Например, воеводам Корсуна, являвшегося военно-административным центром Корсунской черты, подчинялись воеводы и головы Аргаша, Малого Корсуна, Тальского и прочих острогов. Эта военизированная система управления охватывала не только саму черту, но и обширные прилегающие к ней и заселенные служилыми и тяглыми людьми территории.

Однако не всегда на базе отдельных засечных линий возникали новые уезды. Так, не получили своего уезда Закамская, Корсунская и ряд других черт. Видимо, это было связано с природно-географическими особенностями местности, где они располагались, ее военно-стратегической значимостью. Но и в этих случаях правительенная администрация вынуждена была считаться с особым положением черты (или отдельного города-крепости) и прилегающего к ней пространства расселения, наделять их определенным статусом в составе новых уездов. Речь идет о так называемых «внутренних уездах», имевших автономию, отраженную в самых различных источниках того времени. Такие «внутренние уезды» были нередким явлением в лесостепном пограничье Московского государства. В. М. Важинский, изучая расселение по Белгородской и Севской чер-

там, делает вывод, что «...слово “уезд” в XVII в. еще не получило строгого смыслового значения. Под уездом подразумевали любую сельскую округу, тянувшую к крупному населенному пункту. Бывало, что и село с деревнями именовалось уездом» [2, с. 61]. Подобные «внутренние уезды» (Лаишевский, Сарапульский и Тетюшский) выделяла Д. А. Мустафина при анализе писцовой книги Казанского уезда 1647—1656 гг. [16, с. 18].

В Симбирском уезде «внутренние уезды» возникли вокруг Корсуна, а позднее и Сызрани. Процесс их складывания выявить весьма сложно. При возведении Симбирской, Корсунской и прилегающей к ней с запада Саранской черт (протяженностью около сотни километров каждая) [12, с. 31—39; 4] правительство исходило из принципа расселения вдоль них примерно равных контингентов служилых людей. Так, по данным «Сметного списка» вооруженных сил России 1651 г., на Корсунскую и Симбирскую линии перевели соответственно 2589 (служилых — 1801 и 788 — «дети их, братья и племянники») и 3775 (1776 служилых и 1999 — «дети их, братья и племянники») ратных людей [24, с. 30—31]. Пересчет суммарных данных списка, предпринятый Я. Е. Водарским и нами, показал небольшие погрешности, не влияющие существенно на конечные результаты. Несколько меньшей по численности была группа ратных людей, поселенных на Саранской линии, — 2148 (1535 человек и 613 их детей, братьев, племянников и захребетников, «которые в службу поспели») [24, с. 30].

Видимо, оптимальная численность гарнизонов была заранее запланирована при проектировании линий. Так, в царском указе 1648 г., посланном воеводе Курмыша С. И. Чеглокову, говорилось, что по Корсунской линии «в новых городах и в острогах велено устроить на вечное житье 2600 человек» [8, с. 22]. Своеобразный «показатель насыщенности» («защищенности») военными людьми этих оборонительных линий на каждый километр их укреплений составлял от 15 до 18 человек. При этом наиболее «военизированной» оказалась Корсунская черта. И это несмотря на то, что до половины ее протяженно-

сти приходилось на зону сплошных лесов, для защиты засек в которых требовалось гораздо меньшее количество служилых людей (хотя значительная часть Саранской линии также проходила лесами). Возможно, подобная ситуация объясняется тем, что около 60% численности ее гарнизонов составляли «мурзы и татары», а также новокрещены, в то время как на Симбирской и Саранской чертах большинство составляли русские служилые люди.

Такие различия были обусловлены ситуацией, складывающейся при комплектовании новых гарнизонов. Вряд ли Корсун, пригороды и остроги его черты находились ближе к районам, откуда переселялось автохтонное население для службы, чем, например, Атемар или Саранск. Вполне вероятной является и неполнота (неточность) данных «Сметного списка». Последнее становится очевидным при сопоставлении его сведений с материалами строельной книги по Симбирску и его черте.

Созданная спустя десять лет Смета военных сил России 1661—1663 гг. показывает резкий рост военизированного населения в регионе, но только по двум соседним с Корсунской чертам. По Симбирску и черте его численность составила 3353 человека (113 дворян и детей боярских, 2796 казаков и стрельцов, 444 служилых татар, чувашей и мордвы), по Саранской черте — 3479 человек. По Корсуну и Корсунской линии (2091 человек — казаков, стрельцов; татар, чувашей и мордвы, а также пушкарей) ситуация практически не изменилась. Среди ратных людей Симбирской и Саранской линий, по сравнению с данными сметы 1651 г., резко выросло количество служилых татар и мордвы [25, с. 50—52]. В данной смете учтены, по нашему мнению, в отличие от сметы 1651 г. только служилые люди. Строельной книги Корсуна и Корсунской черты не сохранилось, и установить расселение указанных групп служилых людей по пригородам, слободам и деревням не представляется возможным.

Основным населением, размещенным вдоль засечных черт в первое двадцатилетие после их строительства, являлись военные люди. Следует согласиться с мнени-

ем П. П. Смирнова о том, что «со второй четверти XVII столетия на восточной границе Московского государства, равно как и на южной, были созданы громадные резервуары, которые необходимо было быстро заполнить ратными людьми, и которые заполнялись путем принудительных переводов служилых людей и крестьян, обращавшихся в казаков, а также приборами на службу всякого рода добровольцев — гулящих людей» [26, с. 164—165].

Достаточно сложно в период с конца 1640-х до середины 1660-х гг. определить административную принадлежность Корсуна с чертой и степень его автономии. Какое-то время он со всеми поселениями входил в состав Саранского уезда и был приписан к Симбирскому только в середине 1660-х гг. при воеводе И. И. Дашкове [8, с. 122]. Дашков особо выделял эти территории, называя их отдельным уездом, когда в своей отписке в Приказ Тайных дел сообщал, что можно завести пашню: «...в Синбирском и в Корсуновском (???. — Э. Д.) и в Олатарском и в Сараском (Саранском. — Э. Д.) уездах» [23, стб. 603—604; 6, с. 254]. Указанное в «Росписном списке» уездного Симбирска 1670 г., значительное количество «книг» и прочих документов, хранившихся в приказной избе и связанных с «городом Корсуном и Корсунской чертой», свидетельствует об автономном положении последнего [22, с. 36—37, 87—95]. Термин «Корсунский уезд» нередко встречается в самых разных источниках второй половины XVII в. Вместе с тем его «включенность» в состав Симбирского уезда, подчиненность его властям вполне очевидна. Например, в наказе 1691 г. назначенному воеводой в Малый Корсунов и острог Сокольский Ф. Д. Кольцову указывалось: «...о всем писать в Синбирск, к стольнику и воеводе ко князю Ивану Щербатово да к дьяку ко Лву Горчакову» [1, с. 359].

Особое место Корсун с прилегающей к нему окружой занимал и в церковном управлении. Так, в 1651 г. он был приписан к Патриаршей области и сначала входил в Темниковскую, а затем в Саранскую десятину [27, с. 11; 28, с. 117]. Уже в следующем году была образована самостоятельная Корсунская десятина [11, с. 14],

существовавшая параллельно с Симбирской [11, с. 16]. Сведения о ней встречаются на протяжении всей второй половины XVII — начала XVIII в. При патриархе Никоне в десятине насчитывалось 29 храмов (тогда как в Симбирской только 18), а при Адриане — 33 [28, с. 83, 120, 164].

В последующие десятилетия различия между ареалами расселения, примыкающими к Симбирской (между Волгой и Барышем) и Корсунской чертам, только нарастили. Первый становится пространством массового расселения служилых людей по отечеству и прибору, служилого и тяглого автохтонного населения Среднего Поволжья, помещичьих крестьян. Об этом свидетельствуют материалы переписи 1678 г. и другие источники. Корсунские земли, лежащие внутри своеобразного залесенного треугольника между реками Сурой и Барышом, значительно отставали по числу селений и количеству населения. Здесь крайне слабо развивалось помещичье землевладение. Значительная часть этого региона была покрыта лесами и осваивалась гораздо медленнее прилегающих к нему с запада Саранского, а с востока — приволжских земель Симбирского уезда.

Наиболее полное представление об особенностях расселения на указанной территории, составе и численности ее жителей дает «Книга писцовая стольника Ивана Вельяминова да подъячего Афанасья Андреева 193, 194 и 195 годов» по «Карсуни и Карсунскому уезду» [19; 3; 10]. Судя по ее данным, к середине 1680-х гг. на территории этого «внутреннего уезда» сложилось в основном военизированное население: совокупность казачьих (6) и стрелецких (1) слобод; селений служилых татар, чувашей и мордвы (14); сел и слобод солдат выборного полка А. А. Шепелева (7). Сложно говорить об основаниях, по которым был определен район проведения писцового описания. Его двойственность показана уже в самом названии «Книги писцовой...». За пределами внимания писцов оказались Аргаш, Малый Корсунов и остроги Корсунской черты, при которых были свои слободы и другие сельские поселения. На пробелы в описании указывают материалы по Кор-

сунской и Симбирской десятинам Патриаршой области, а также ряд других источников [27; 11, с. 15—16, 18, 28, 30—31, 34; 28, с. 83, 120; 20, л. 500—544].

В самом Корсуне и прилегающей к нему стрелецкой слободе числились 15 пушкарей, 2 воротника и 180 стрельцов (земли были отмежеваны и еще на 320 «впредь прибранных») [19, л. 47]. В шести слободах: Вельдиватской, Вешкаймской, Казачьей, Кандаратской, Станишной, Киватцкой (последние 3 были селами) — насчитывалось 395 конных казаков и, судя по дополнительным отмежеванным участкам, предполагалось набрать еще 61 (все данные здесь и далее приведены по подсчетам писцов).

Расселение солдат выборного полка А. А. Шепелева на свободных землях Симбирского уезда началось сразу же после подавления «Разинщины» [15, с. 10, 12, 48, 112, 119, 132—134 и др.; 13, с. 73—106]. По словам А. В. Малова, «...за походы, бои и службы против разинцев, всех неверстанных участников должны были поверстать поместными и денежными окладами. Таким образом, все солдаты, которые добросовестно прошли через горнило Разинщины, должны были переместиться из списка вольных людей в единый список с детьми боярскими» [14, с. 157—159]. Расселенные на свободных и «примерных» землях слободы выборных солдат, как правило, имели меньше населения, чем стрелецкие и казачьи, — Майнская (13 солдат), Труслейская (20), Таволжанская (26), Потминская (40), с. Козмодемьянская (46), Воздвиженская (49), Сызганская (50).

Все эти военизированные поселения, как и немногочисленные владения симбирских помещиков, располагались в основном по западному берегу Барыша и другим небольшим рекам его бассейна. Ряд из них — Вешкаймская, Труслейская, Сызганская слободы и другие были основаны «за валом» на территории Завального стана по р. Вешкайме, Сызгану, Труслейке и т.д. В лесной зоне располагались 14 деревень, основанных служилыми мордвой (10), чувашами (2), татарами (1) и новокрещенами (1). В них числилось соответственно 212, 13, 65 и 5 служилых людей.

Из ясачного населения между Барышом и Сурой селилась только мордва (5 селений с 89 дворами и 6 пустых). Первоначально коренным жителям региона в этой местности принадлежало значительно большее количество земельных угодий. В материалах писцового описания постоянно встречаются сведения о выделении земель для новых поселенцев из бывших владений мордвы, чувашей и т.д.

Симбирское дворянство в освоении сурско-барышского междуречья делало только первые шаги. Из 10 помещиков, имевших здесь земли, только у 6 имелось по 2—3 бобыльских и крестьянских двора [19, л. 1—360 об.].

Судить о расселении на рассматриваемых территориях в начале XVIII в. позволяет перепись «оброчных статей» 1704 г. по Симбирскому уезду. Она содержит перечень поселений и основных категорий жителей, их населяющих (без указания их численности), практически для всей территории уезда, в том числе и для «корсунской» его части [21]. Следуя традиции писцовой книги 1685—87 гг., переписчики «оброчных статей» продолжали называть пространство между Сурой и Барышом «Корсунским уездом» в составе «большого» Симбирского уезда. Ключевыми пунктами «Корсунского уезда» они обозначают «города» Корсун и Аргаш; Малый Корсунский, Тальский и Сурский остроги, располагавшиеся по Корсунской линии.

Сельские поселения, как правило, занимали степные участки залесенной местности и шли вдоль укреплений черты, не поднимаясь выше изгиба Суры и междуречья Суры и Барыша (доходя примерно до широты Промзина городища). Всего переписчики насчитали до 18 (хотя, возможно, их было более) селений. Среди них 3 пригорода и 2 острога, а также 11 слобод и 2 деревни, населенных казаками, стрельцами и «жителями» (4), солдатами «служилыми» (1), служилыми мордовскими «мурзами» (1), крестьянами московской знати (2) и помещиков (1), крестьянаами (3), ясашной мордвой (1).

Напрашивается вывод об определенном запустении рассматриваемой местности по сравнению с данными писцовой книги «Корсунского уезда»; но скорее все-

го, это следствие лакун в самой книге [21, л. 75 об. — 110 об.].

Рассмотренные нами материалы позволяют говорить об определенном автономном статусе территорий, прилегающих к Корсунской черте, а также об особенностях формирования населения и системы расселения в междуречье Суры и Барыша. Процессы освоения новых пограничных территорий на юго-востоке Европейской России отличались неравномерностью, сложностью протекания.

Список использованных источников и литературы

1. Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. СПб., 1842. Т. 5.
2. Важинский В. М. Землевладение и складывание общин однодворцев в XVII веке. (По материалам южных уездов России). Воронеж, 1974.
3. Государственный архив Ульяновской области (далее ГАУО). Библиотека. Частная копия Корсуновских писцовых книг. Материалы исторические и юридические района бывшего Приказа Казанского Дворца. Т. IX. Рукопись.
4. ГАУО. Ф. Р-3632. Оп. 1. Д. 48, 74.
5. Гуркин В. А. Симбирская черта. М., 2000.
6. Гурлянд И. Я. Приказ Великого государя тайных дел. Ярославль, 1902.
7. Зерцалов А. Н. Материалы для истории Симбирска и его уезда. (Приходо-расходная книга Симбирской приказной избы 1665—1667 гг.). Симбирск, 1896.
8. Зерцалов А. Н. Материалы по истории Симбирского края XVII-го и XVIII-го вв. Симбирск, 1900.
9. Кадерова Т. Н. Организация обороны юго-восточных границ Российского государства и служилые люди в Мордовском крае во второй половине XVI — XVII веке : дис. ... канд. ист. наук. Саранск, 2001.
10. Книга писцовая писма и меры стольника Ивана Вельяминова да подьячего Афанасия Андреева 193, 194 и 195 годов [Электронный ресурс] // Древности Симбирского края. URL: <http://simbir-archeo.narod.ru/Russian/17vek/velyaminov/index.htm>
11. Красовский В. Э. Хронологический перечень событий Симбирской губернии. 1372—1901. Симбирск, 1901.
12. Лебедев В. И. Легенда или быль. По следам засечных сторожей. Пенза, 2006.
13. Малов А. В. Московские выборные полки солдатского строя в годы Разинской смуты (1666—1671) // Проблемы истории России : сб. науч. тр. Екатеринбург, 2005. Вып. 6. От Средневековья к современности.
14. Малов А. В. Московские выборные полки солдатского строя в начальный период своей истории. 1656—1671 гг. М., 2006.
15. Мартынов П. Селения Симбирского уезда. (Материалы для истории Симбирского дворянства и

частного землевладения в Симбирском уезде). Симбирск, 1903.

16. Мустафина Д. А., Ермолаев И. П. Писцовая книга Семена Волынского как исторический источник // Писцовая книга Казанского уезда 1647—1656 годов : публикация текста. М., 2001.
17. Перетяткович Г. Поволжье в XVII и начале XVIII века (очерки из истории колонизации края). Одесса, 1882.
18. Платонов С. Ф. К истории городов и путей на южной окраине Московского государства в XVI в. // Журнал Министерства народного просвещения. 1898. № 316. Март-апрель.
19. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 1209. Д. 441.
20. РГАДА. Ф. 1209. Оп. 4. Ч. II. Д. 5128. Л. 500—544.
21. РГАДА. Ф. 26. Оп. 2. Д. 54. Ч. IX.
22. Ростиславский список Симбирска 1670 года // Гуркин В. А. Симбирская черта. М. ; Ульяновск, 2000.
23. Русская историческая библиотека, издаваемая императорскою Археографическою комиссию. СПб., 1907. Т. 21.
24. «Сметный список» вооруженных сил России 1651 г. // Дворянство России и его крепостные крестьяне. XVII — первая половина XVIII в. М., 1989.
25. Сметы военных сил Московского государства 1661—1663 гг. // Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете. М., 1911. Кн. 3.
26. Смирнов П. Города Московского государства в первой половине XVII века. Т. 1. Количество и движение населения. Киев, 1919.
27. Холмогоров В. Материалы для истории Симбирского края до второй половины XVIII в. (Описание Симбирской и Карсунской десятин Патриаршей области). Симбирск, 1898.
28. Шимко И. И. Патриарший Казенный приказ // Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции. М., 1894. Кн. 9.

УДК 94(470.62).084.6:331.2

И. Г. Иванцов

Об оплате труда в колхозах в 1930-е гг. (на материалах Кубани)

Постановлением Севкавкрайкома ВКП(б) от 29.11.33 г. «О распределении доходов в колхозах в 1933 году» райкомы партии, контрольные комиссии и политотделы МТС обязывались обеспечить составление окончательных расчетов как натуральной, так и денежной части доходов к концу 1933 г. и в дальнейшем регулярно проводить выплаты без задержек. О том, как это происходило, кратко говорится в статье.

Ключевые слова: власть, руководство, хлебозаготовки, распределение доходов, оплата труда.

В начале 1930-х гг. широкие слои крестьянства на Северном Кавказе фактически были поставлены в безвыходное положение. Колхозы не обеспечивали своих работников необходимыми продуктами, что заставляло людей обеспечивать себя продуктами из личных хозяйств. Однако государство понимало, что оплата труда в колхозах является важным фактором стабилизации положения на селе.

Постановлением Севкавкрайкома ВКП(б) от 29.11.33 г. «О распределении доходов в колхозах в 1933 году» райкомы партии и политотделы МТС обязывались обеспечить составление окончательных расчетов как натуральной, так и денежной части доходов к 15 декабря 1933 г., чтобы к 25 января 1934 г. полностью рассчитаться с колхозниками. В постановлении определялся твердый минимум оплаты — 2 кг зерна на трудодень. При получении

богатых урожаев, по усмотрению политотделов, разрешалось выдавать больше. Поскольку денежная часть доходов сильно колебалась — от 2—5 копеек до 3—5 рублей на трудодень в отдельных хозяйствах, разумные расчеты денежной части выплат тоже должны были производить политотделы.

Б. Н. Шеболдаев, первый секретарь северокавказского крайкома, на инструктивном совещании о распределении доходов в колхозах (29.11.1933 г.) признал сложность проблемы. В колхозах к тому времени сложилась одна странная особенность. Там считали натуру отдельно, натуру платили МТС, ее распределяли иpusкали в оборот — сеяли, а все денежные поступления, попадавшие в колхоз, были особым счетом, их расход шел особым порядком. Таким образом, имелось два параллельных счета, но не было единого

77

баланса. Этим колхозы существенно отличались от госпредприятий.

Колхозу нужно было подсчитать все деньги, которые он получил и мог получить за реализацию продукции и в виде кредита, и в виде других поступлений от колхозной торговли и пр. Затем высчитать из этого все, что подлежит уплате по кредиту, по Госстраху, единому сельхозналогу (ЕСН) в 1933 г. Из остальных денег колхозы должны были отчислить 10—15% от валового дохода в денежном выражении в неделимые капитальные вложения. Остальное использовалось на обязательные отчисления, текущие нужды колхозного производства и распределение доходов колхозникам по трудодням. В результате всех подсчетов иногда на колхозника выходило от 2 до 5 копеек на трудодень [1, л. 229—230].

Спад крестьянского недовольства произошел в середине 1930-х гг., когда началось постепенное восстановление сельскохозяйственного производства, стали подниматься урожаи, возобновился рост поголовья скота. Несколько выше стала и оплата труда колхозников.

Руководство страны, учитывая трагические последствия голода 1932—1933 гг., пошло на некоторые послабления в отношении аграрного сектора. Были снижены нормы зернопоставок колхозов и единоличников, списаны задолженности по семенной, продовольственной и фуражной ссудам, недоимки с колхозов по натуроплате за работы МТС.

Отсрочивались на будущие годы задолженности колхозов по семенной, продовольственной и фуражной ссудам. Такая практика продолжала применяться и дальше, так как чаще всего колхозы были не в состоянии выполнять высокие планы государственных поставок.

Отводились земли под огороды и придомовые участки, что зависело от наличия свободных земель и прочих факторов. Так, количество земель, отводимых под огороды в Армянском районе, согласно решениям бюро райкома партии в 1934 году составляло: душевая норма — не более 0,03 га, на хозяйство в целом — не более 0,2 га [1, л. 4].

В других районах, где было больше сельскохозяйственных земель, выделя-

ли больше. Бюро Выселковского райкома ВКП(б) на своем заседании 14.05.1935 г. приняло решение «О принятии колхозами устава сельхозартели». Всем колхозам района рекомендовалось выделять от 0,70 до 1 га земли под приусадебные участки [8, л. 22].

На объединенном заседании бюро Белореченского райкома ВКП(б) и Президиума РИКа рассматривался вопрос «О сдельной расценке работ в трудоднях в колхозах района». Особо отмечалось, что при составлении годового баланса трудодней в Белореченском районе было недочтено 5550 трудодней [7, л. 49—50, 63]. Поскольку в колхозах района сдельная расценка работ в трудоднях была крайне разнообразной, нередко один и тот же вид работ в разных колхозах оценивался по разному. Констатировалось, что кроме самой пестроты оценки работ сложившаяся система в значительной степени отрицательно влияет и на организационно-хозяйственное укрепление колхозов.

В соответствии с решением крайкома ВКП(б) от 10.02.1933 г. и 05.03.1933 г. и постановлением НКЗ СССР от 28.11.1933 г. президент РИК и бюро РК ВКП(б) (08.02.1934 г.) постановили: установить на 1934 год следующую примерную сдельную расценку работ в трудоднях в колхозах района по группам работ:

1 группа работ: начисляется 0,5 трудодня за дневную норму выработки: 1. Сторожа внутри хозяйства; 2. Уборщицы; 3. Рассыльные; 4. Постоянный объездчик; 5. Кучер при правлении; 6. Кухарка в селе; 7. Няни при детских яслях и детплощадках, прочие равные по тяжести и квалификации работы.

2 группа (0,75 трудодня за дневную норму выработки): 1. Доярки 1 года работы; 2. Птичники; 3. Скотницы; 4. Бригадный повар (кухарка); 5. Бригадный и канцелярский учетчики; 6. Подручные в мастерских (ученики); 7. Сторож при молотьбе; 8. Письмоносы; 9. Пожарники; 10. Внутрихозяйственные перевозки; 11. Переборка корне-, клубнеплодов и овощей в селе; 12. Подпаски; 13. Секретарь правления.

3 группа (1 трудодень): 1. Разносчик снопов и розвязи; 2. Отвозка соломы

и половы у молотилки; 3. Дальняя перевозка грузов в зимнее время; 4. Сборщик овощей и плодов; 5. Сторожа по охране хлеба и посевов; 6. Инспектор по качеству; 7. Конюх, работающий 1 год; 8. Старшие птичницы; 9. Старшие доярки и доярки, работающие больше года; 10. Чабан; 11. Свинаярь; 12. Пастух; 13. Подсобный при конной культивации пропашных; 14. Сапожные работы; 15. Подгребание конными граблями; 16. Боронование; 17. Погоныч у плуга; 18. Стрижка овец; 19. Очистка садов; 20. Борьба с сельскохозяйственными вредителями; 21. Старшие пожарники; 22. Кладовщики; 23. Заведующий детскими яслими; 24. Ворошение сена; 25. Очистка полей от сорняков; 26. Разноска, разъезды; 27. Зерноочистка; 28. Набивка силоса. Прочие равные по тяжести и квалификации работы.

4 группа (1,25 трудодня): 1. Возка зерна и семян во время полевых работ; 2. Рулевой при конной культивации пропашных; 3. Уборка картофеля; 4. Счетовод, работающий 1 год; 5. Старший конюх и конюх, работающий свыше года; 6. Старший чабан; 7. Старший свинарь; 8. Старший пастух; 9. Работа у соломотряса и половы при молотилке; 10. Погоныч при сеялке; 11. Культивация пара; 12. Лущение стерни; 13. Копнение сена и хлеба; 14. Сушка снопов; 15. Сноска и укладка снопов; 16. Ломка кукурузы; 17. Высадка рассады; 18. Обрезка деревьев и винограда; 19. Опрыскивание ядами; 20. Протравливание семян; 21. Резка силоса; 22. Завхоз; 23. Мастеровые 2 руки (кузнецы, плотники, шорники); 24. Земляные работы на 1—3 метра глубины; 25. Бригадир, работающий 1 год.

5 группа (1,5 трудодня): 1. Пахарь малоквалифицированный; 2. Сеяльщик; 3. Вязка снопов; 4. Весовщик при молотилке; 5. Прицепщики у тракторных машин; 6. Квалифицированный счетовод, работающий свыше года; 7. Бригадир, работающий свыше года; 8. Заведующий фермой, работающий свыше года; 9. Член правления, ведающий отраслью; 10. Председатель правления колхоза до 75 дворов; 11. Полка пропашных вручную с прорывкой; 12. Уборка овощно-бахчевых семенников; 13. Резка подсолнуха; 14. Мастеро-

вые 1 руки (кузнецы, плотники, шорники); 15. Подача снопов на полок молотилки; 16. Скирдование соломы и хлеба; 17. Работа у мешков при молотьбе; 18. Глубокие земляные работы.

6 группа (1,75 трудодня): 1. Тракторист 2 категории по квалификации и стажу; 2. Квалифицированный пахарь; 3. Косьба хлеба косой; 4. Скидальщик на лобогрейке; 5. Ответственный скирдоправ; 6. Машинист при конной молотилке; 7. Мотыжение свеклы, моркови, лука, редиса с прорывкой; 8. Копка свеклы и моркови вручную; 9. Зубарь на сложной молотилке; 10. Председатель колхоза от 75 до 100 дворов; 11. Бухгалтер со специальным образованием; 12. Колхозники-специалисты сельского хозяйства со специальным образованием; 13. Пиккеристы; 14. Ломка и возка табака; 15. Кочегар у молотилки; 16. Машинист на конной сноповязалке.

7 группа (2 трудодня): 1. Старший тракторист; 2. Тракторист 1 категории по квалификации и стажу; 3. Комбайнер; 4. Машинист на тракторной сноповязалке; 5. Машинист на сложной молотилке. 6. Сеяльщик на сверхраннем севе; 7. Председатель колхоза свыше 100 дворов; 8. Бригадир тракторной бригады. Прочие равные по тяжести и квалификации работы [7, л. 49—52].

Таким образом, была проведена некоторая унификация оплаты труда, критериями в которой выступали сложность и тяжесть производимых работ, квалификация работников. Постепенно во вновь создаваемую «тарифную сетку» вносились изменения. Уже в марте 1934 года в связи с постановлениями КрайЗУ от 12.03.1934 г. и постановлениями крайкома и крайисполкома от 13.03.34 г. работа погонычей на пахоте и севе была перенесена из 3-й группы в 4-ю с начислением дневной нормы выработки 1,25 трудодня. Работы по боронованию были перенесены из 3-й группы в 5-ю с начислением 1,5 трудодня. Работа сеяльщиков перенесена из 5-й в 6-ю группу с начислением 1,75 трудодня [7, л. 131].

В лучшем положении в плане оплаты труда на селе находились партийные работники, служащие и т.д., поскольку они получали ее в денежном выражении. Например, Северокавказский крайком

ВКП(б) утвердил 1 мая 1933 года оклады освобожденных секретарей сельских партийных коллективов в Армянском районе — 110 рублей [2, л. 60].

На заседании бюро Армянского райкома от 1 февраля 1934 года все правления колхозов обязали не позже 10 февраля выдать всем колхозникам натуральную часть дохода за 1933 год по фактически выработанным трудодням, а также погасить задолженность натуральной и денежной части доходов за 1932 год.

Правлениям категорически запрещалось лишать дохода колхозников и разъяснялось, что лишение натуральной и денежной части дохода может произойти только в исключительных случаях и с тех лиц, которые своей вредительской работой наносили явный ущерб социалистическому хозяйству колхоза. Лишение разрешалось производить только после утверждения общим собранием колхоза и районо (районным земельным отделом).

Денежные расчеты с колхозниками за работу в 1933 году предписывалось производить немедленно после реализации всех табаков, ни в коем случае не допускать перенесения остатков доходов на следующий год [4, л. 21].

Азово-Черноморский крайком партии своим решением от 15.08.1934 г. приказал пересмотреть все штрафы, наложенные правлениями колхозов, бригадами на колхозников в 1934 году, отменить все неправильно наложенные. Кроме того, предлагалось пересмотреть состав всех исключенных из колхозов и восстановить в правах незаконно исключенных [5, л. 29].

22.08.1935 г. на заседании бюро Белореченского райкома ВКП(б) было решено организовать в районе комиссию по снятию судимости с колхозников под председательством т. Щербины (предрайисполкома), райпрокурора Бугаева, начальника райотделения НКВД Исакова и нарсудьи. Партийные РИКа через сельсоветы предлагалось разъяснить колхозникам, что в районе приступила к работе комиссия по снятию судимостей и значение этого вопроса [6, л. 43].

На основании решения ЦК и СНК от 29 июля 1935 г. и постановления бюро крайкома и президиума крайисполко-

ма от 1 июля 1935 г. бюро Белореченского райкома ВКП(б) приняло постановление «О снятии с колхозов и единоличников недоимок по подсолнуху». Этим постановлением с колхозов и единоличных хозяйств снимались все недоимки по поставкам подсолнуха из урожая 1934 года, по колхозам — 951 центнер, по единоличникам — 1192 центнера.

По натуроплате за работы МТС в 1933 г. разрешалось снять с колхозов задолженность в размере 912,07 центнера. За 1934 г. задолженность колхозов МТС — 253,95 центнера было решено взыскать полностью в 1935 году. Кроме того, были списаны недоимки по картофелеставкам из урожая 1934 г.: 1) с колхозов — 393 центнера; 2) колхозников — 441 центнер; 3) единоличников — 517 центнеров. Колхозы района освобождались от недоимок натуроплаты МТС по картофелю за 1934 год в размере 384,58 центнера [6, л. 48—50].

Для пресечения злоупотреблений северокавказский крайком запрещал изменять размер оплаты трудодня внутри колхозов и бригад для отдельных колхозников и в денежном, и в натуральном выражении. Было строго установлено, что административно-управленческий и обслуживающий персонал во всех колхозах может получать на свои трудодни хлеба не больше, чем получает лучший добровольственный колхозник-производственник в полеводстве, кроме председателей колхоза и бригадира полеводческой бригады, которым натуральная часть выдавалась полностью на все отработанные трудодни. Предписывалось строго выдерживать положение, чтобы на административно-управленческий аппарат колхозы тратили не больше 8% трудодней и 1,5% денежных доходов.

С 1 января 1935 г. отменили карточки на сельскохозяйственные продукты, введенные в 1929—1930 гг. Постепенно в колхозах и совхозах стала появляться техника, рос уровень доходов и жизни. Крупное коллективное хозяйство открыло новые возможности экономического и социального прогресса. Эти возможности могли быть реализованы тогда, когда трудовой коллектив являлся хозяином.

Однако реализация программы колханизации способствовала отчуждению земледельца от земли, от распределения произведенного его руками продукта. Колхоз так и не получил статуса кооператива в крестьянском понимании этого слова. К концу 1930-х гг. окончательно сложились система директивного планирования колхозного производства со стороны партийно-советского аппарата и напрямую с ним связанный уровень жизни крестьянства.

Таким образом, возникшая в 1930-е гг. колхозная система позволила власти решить две наиболее существенные задачи:

изымать в большой степени безвозмездно сельскохозяйственную продукцию и установить тотальный контроль над экономической, социальной, а порой и частной жизнью крестьян.

Список использованных источников

1. Центр документации новейшей истории Краснодарского края (ЦДНИКК). Ф. 12556. Оп. 1. Д. 1.
2. ЦДНИКК. Ф. 1415. Оп. 1. Д. 35.
3. ЦДНИКК. Ф. 1415. Оп. 1. Д. 37.
4. ЦДНИКК. Ф. 1415. Оп. 1. Д. 41.
5. ЦДНИКК. Ф. 1415. Оп. 1. Д. 43.
6. ЦДНИКК. Ф. 1550. Оп. 1. Д. 157.
7. ЦДНИКК. Ф. 1550. Оп. 1. Д. 74.
8. ЦДНИКК. Ф. 798. Оп. 1. Д. 3.

УДК 94(47)+930

П. С. Кабытов

Аграрная история Поволжья в научных трудах Н. Ф. Тагировой

В статье анализируется научно-исследовательская деятельность самарского историка Н. Ф. Тагировой. Определена проблематика ее исследований. Показан ее вклад в изучение социально-экономического строя помещичьих хозяйств Юго-Востока Европейской России, в определение пространства функционирования хлебного рынка Поволжья в начале XX века.

Ключевые слова: аграрная история, дворяне, помещичьи хозяйства, хлебный рынок, бизнес-сообщество.

81

В 1980-е годы аграрная история Поволжья активно разрабатывалась на кафедре российской истории Самарского государственного университета. Именно в это время шло становление самарской научной школы историков-аграрников, в которую помимо преподавателей кафедры входили студенты и аспиранты. Среди них особо выделялась Наиля Фаридовна Тагирова (в студенческие годы Амирова). Она родилась в семье самарского инженера Фарида Нургалиевича Амирова, который многие годы работал на предприятиях города Куйбышева, в том числе в Куйбышевском отделении государственного проектного института «Электропроект», а также на Куйбышевском металлургическом заводе им. В. И. Ленина [1, с. 68, 70—71].

Мама Н. Ф. Тагировой, Халида Имадиевна, окончила в 1953 г. Куйбышевский педагогический институт, работала в школе учителем английского языка, а затем

преподавателем кафедры иностранных языков Куйбышевского политехнического института. Интерес к гуманитарным наукам возник у Н. Ф. Тагировой на школьной скамье. Его пробудили у юной школьницы учитель истории школы № 153 г. Куйбышева В. П. Гладкова, учителя О. И. Гриценко, В. И. Яровая. Но особое восхищение вызывали занятия, которые шли в рамках факультатива по истории изобразительного искусства, которые вела О. И. Гриценко. Под ее влиянием возникла мечта «стать искусствоведом и ехать поступать в Уфу, в Уфимский институт искусств» [8], для того чтобы стать искусствоведом или реставратором. К числу любимых предметов относились русская литература и русский язык, которые преподавали Нина Семеновна Н и Лидия Сидоровна Бранчикова.

И все-таки вектор будущей профессии был подсказан отцом Ф. Н. Амиров-

вым, который на семейном совете мудро сказал: «Историки везде нужны: и в школе, и в вузе, и в партийных, и в советских органах» [8].

После окончания школы Н. Ф. Тагирова подала заявление на исторический факультет Куйбышевского государственного университета, но не прошла по конкурсу на дневное отделение. Под влиянием мамы переложила документы на заочное отделение и, наконец, получила так значимый для молодежи в те годы студенческий билет. Одновременно Н. Ф. Тагирова была принята на должность пионерской вожатой в родную 153-ю школу, где работала около двух лет. Затем течение жизни резко поменялось в связи с переходом на работу в Куйбышевский плановый институт (ныне Самарский государственный экономический университет), где она прошла путь от статистика, лаборанта кафедры до профессора, заведующего кафедрой и директора института.

С Н. Ф. Тагировой я познакомился в январе 1980 г., когда шло распределение студентов, специализирующихся на кафедре российской истории. Знакомство состоялось благодаря старосте группы Алевтине Суворовой, которая после занятия подошла ко мне с просьбой проконсультировать Н. Ф. Тагирову по поводу темы дипломной работы.

Я уже писал раньше о том, что, будучи аспирантом Казанского университета, я обнаружил в Государственном архиве Куйбышевской области фонд отделения Государственного Дворянского земельного банка, в котором отложилось свыше 70 тысяч единиц хранения, содержащих описи имений дворян Самарской, Уфимской и Оренбургской губерний. В Куйбышевском государственном университете в ходе работы спецсеминара по аграрной истории Поволжья я пытался найти студентов, которые приступили бы к выявлению и обработке материалов по истории помещичьего хозяйства и в дипломных сочинениях показали эволюцию социально-экономического строя помещичьих хозяйств на рубеже XIX — XX веков. Изучение этой проблематики было чрезвычайно важным для меня, так как в ходе изучения помещичьего хозяйства можно было

найти ответы на вопросы как о характере аграрного строя, так и об уровне развития аграрного капитализма.

Работа над этой проблемой началась в 1973 г., когда мы с П. А. Савельевым, студентом 3 курса, приступили к изучению этой проблематики. В 1976 г. П. И. Савельев защитил дипломную работу на тему «Помещичье хозяйство Самарской губернии в конце XIX — начале XX в.». В конце 1970-х гг. П. И. Савельев поступил в аспирантуру, где продолжил изучение этой темы с использованием математических и традиционных методов.

Обычно при выборе темы будущей дипломной работы я задаю студентам традиционный вопрос: «Какой проблемой вы желаете заниматься? Чем вы увлекаетесь? Вы поэт или бухгалтер?». Эти вопросы помогают безошибочно определить тему будущего исследования. Я предложил Н. Ф. Тагировой начинать собирать материалы по истории помещичьего хозяйства Уфимской губернии и обратить особое внимание на динамику дворянского землевладения и участие представителей благородного сословия в земельном рынке. В центре внимания молодого исследователя должны были находиться вопросы организации хозяйственной деятельности, взаимоотношения дворян с Дворянским земельным банком и Государственным банком и использование ими долгосрочного и соло-вексельного кредитов.

Меня не могли не восхищать упорство, настойчивость и целеустремленность Н. Ф. Тагировой в изучении теоретических проблем аграрной истории. Помимо работ В. И. Ленина она штудировала материалы дискуссий конца 50-х — 60-х гг. XX в. о характере аграрного строя и многоукладности экономики Российской империи. Поначалу эти на первый взгляд «скучные» проблемы ее не вдохновляли. Кроме того, она должна была осваивать помимо традиционных и математические методы. Эти трудности не вызывали воссторгов. Нужно было научиться преодолевать прежде всего себя и понять, что в эту проблематику вполне возможно «вдохнуть» поэтику и только тогда будет воссоздана яркая многокрасочная панорама хозяйственной жизни России. Я искренне

радовался тому, что студентка-заочница блестяще справилась с поставленными задачами и по итогам защиты была рекомендована для поступления в аспирантуру.

Пришлось внести коррективы в тему исследования. Н. Ф. Тагирова приступила к изучению помещичьего хозяйства в границах Юго-Востока Европейской России — на материалах Самарской, Оренбургской и Уфимской губерний [2]. Ее новое исследование было основательно фундировано. Помимо материалов Государственного архива Самарской области она привлекла документы, хранящиеся в фондах Российского государственного исторического архива, ввела в научный оборот источники, выявленные ею в Уфе и Оренбурге. Новые материалы были приведены докторанткой о предпринимательской деятельности дворян Юго-Востока Европейской России. Значительный интерес представляют выводы о характере и эволюции социально-экономического строя помещичьих хозяйств.

Защита кандидатской диссертации состоялась в марте 1989 г. в диссертационном совете при Куйбышевском государственном педагогическом институте. Отзыв ведущей организации был подписан руководителем отдела Уфимского института истории, языка и литературы Башкирского филиала АН СССР крупнейшим историком-аграрником Х. Ф. Усмановым. Официальным оппонентом выступал один из лидеров Средневолжского объединения историков-аграрников доктор исторических наук Ю. И. Смыков, который в своем ярком и эмоциональном выступлении отметил вклад Н. Ф. Тагировой в изучение проблем. Это было, в буквальном смысле этого слова, замечательное выступление, которое завершилось замечанием: «В диссертации нет ясного ответа на вопрос о существовании объективных предпосылок Октябрьской революции». Ответ был сформулирован в русле существовавших в то время представлений. Предпосылки были, так как уровень организации был высоким, капиталистическим.

В отзыве второго оппонента кандидата исторических наук, доцента Н. И. Булатовой также позитивно оценивались выводы и наблюдения соискателя о характере

социально-экономического строя помещичьих хозяйств.

Учеба в аспирантуре совпала с начавшейся перестройкой в СССР. Вал публицистики, в которой раскрывались «белые пятна» в отечественной истории, не мог не повлиять на Н. Ф. Тагирову. В то время члену КПСС Тагировой казалось, что партия сможет преодолеть возникающие трудности, но ее социальные ожидания, так же как и других граждан, уходили в песок, а вера во всемогущество партии и ее лидеров выветривалась. В условиях быстро меняющейся ситуации спасала семья — муж и дочь. К тому же надо было осваивать курсы лекций по истории экономики и социально-политической истории, разрабатывать проблематику семинарских занятий. Семья и кафедра поглотили все время. Но и в этих условиях она продолжала работу по написанию научных статей. Круг общения существенно расширился. Установились прочные контакты с М. И. Родновым, с которым Н. Ф. Тагирова познакомилась в 1986 г. в Уфе. Начался обмен информацией, монографиями, сборниками статей. Многое дало общение с заведующим кафедрой профессором Н. Л. Клейн, с преподавателями кафедры российской истории П. И. Савельевым, Н. А. Курковым.

Рубежом в научной карьере стал 1992 г., который открыл новый период в жизни Н. Ф. Тагировой. Она поступила в докторантуру при кафедре российской истории Самарского государственного университета. Автор этих строк рекомендовал докторантке начать изучение хлебного рынка Поволжья, который стал формироваться в постперестройочный период. На семейном совете и родители, и муж, и свекровь не возражали против ее решения. Особо значимой оказалась поддержка свекрови, которая сказала, что не будет возражать против научных командировок. Наиля Фаридовна сразу же стала участвовать в конкурсах на получение грантов. В 1995 г. выиграла грант Московского общественного научного фонда (МОНФ). Ею выявлено большое количество материалов, на основе которых написан текст, в котором дан анализ ярмарочной торговли в Поволжье в XIX — начале XX века.

В 1997 г. МОНФ утвердил грант на тему «Торгово-экономические связи в Поволжье (вторая половина XIX — начало XX в.)». Новые компетенции были приобретены Н. Ф. Тагировой в ходе ее участия в летней школе во Владимире. Ее участники разработали, а затем реализовали международный проект «Российская империя и региональный опыт управления». С российской стороны руководителями проекта были П. И. Савельев и А. В. Ремнев. Кроме того, Н. Ф. Тагировой был предоставлен в 1997—1998 гг. грант институтом «Открытое общество». Реальную помощь Н. Ф. Тагировой оказал Московский общественный научный фонд, который в 1999 г. опубликовал ее монографию. В ней подводились итоги изучения проблемы и был дан анализ функционирования хлебного рынка в Поволжье в конце XIX — начале XX в. [8]. Финансовая помощь со стороны фондов позволила Н. Ф. Тагировой активней включаться в работу по выявлению документов и материалов в государственных архивах, а также участвовать во многих научных конференциях и апробировать результаты диссертационного исследования.

Проблема, предложенная автором этих строк Н. Ф. Тагировой, не могла не вызвать эмоций. В том числе печальных. Ей было хорошо известно о существовании громадной литературы по этой проблематике, в которой давались различные оценки и обсуждались дискуссионные вопросы проблемы. На тот момент в качестве классического труда выступала монография И. Д. Ковальченко и Л. В. Милова о всероссийском аграрном рынке XVIII — начала XX в. [7]. В этой связи она должна была скрупулезно осваивать историографию проблемы и досконально изучить факторы, влиявшие на формирование концептуальных построений историков, а также лидеров представителей политических партий.

В ходе изучения историографической ситуации Н. Ф. Тагирова выделила три вектора в научном исследовании. Она рассматривала рынок как объект торговли. В центре внимания историка оказались организация торговли, ассортимент, объемы. В качестве второго направления вы-

ступает анализ формирования пространства хлебного рынка и его взаимодействие с всероссийским рынком. Изучение этой проблемы органично связано с историей городов и их роли в процессе формирования и функционирования хлебной торговли. Наконец, третье направление было связано с изучением инфраструктуры как транспортной, так и финансово-кредитной систем. Так или иначе, все эти проблемы нашли отражение в серии научных статей и в содержании докторской диссертации.

Защита докторской диссертации состоялась в феврале 2002 г. в диссертационном совете при Российском независимом институте социальных и национальных проблем, председателем которого был доктор исторических наук, профессор В. В. Шелохаев. Оппонентами выступали доктор исторических наук Ю. А. Петров (институт Российской истории РАН), Т. М. Китанина (Санкт-Петербургский государственный университет) и Н. А. Прокурякова (Московский педагогический государственный университет). В качестве ведущей организации диссертационный совет утвердил Ульяновский государственный университет. Защита докторской диссертации прошла успешно. Да иначе и не могло быть, так как исследование Н. Ф. Тагировой носило новаторский характер и было выполнено на междисциплинарном уровне.

Отмечу наиболее существенные результаты Н. Ф. Тагировой. Диссертация написана на материалах пяти поволжских губерний — Казанской, Симбирской, Самарской, Пензенской и Саратовской, которые органично входили в состав внутренней окраины Российской империи. В то же время в процессе исследования диссертант сумела представить границы поволжского рынка. В качестве крупных центров торговли, годовой оборот которых превышал 10 млн. пудов зерна, в него входили губернские административно-экономические центры Саратов, Самара, Пенза, Казань, а также уездные города Царицын, Бузулук, Сызрань, Чистополь и Покровская слобода [10]. Историк выделяет второй уровень хлебного рынка, представленный центрами регионального уровня (свыше 1 млн. пудов). В эту группу вошли

в Саратовской губернии города с пунктами Хвалынск, Сердобск, Камышин, железнодорожные станции Бекова, Салтыковка, Аткарск, в Самарской губернии — пристани Ровное, Баронск, Балаково, Духовицкое, Васильевка, Ставрополь, Красный Яр, станции Богатое, Неприк, Толтай (с. Кинель-Черкасы), Сорочинская, Абдулино, Бугуруслан, в Симбирской губернии город Симбирск, в Казанской — г. Тетюши, в Пензенской — станции Кузнецк, Башмаково, Саранск [2]. Исследователь также выделила пункты торговли с грузооборотом от 500 тыс. до 1 млн. пудов. Свыше 50 пунктов вошли в четвертый (мелкий, местный) уровень хлеботорговли.

Железнодорожные станции и крупные речные пристани выступали в качестве каркаса формирующихся экономических районов. Важное значение при определении пространства хлебного ранга Поволжья приобретала модернизированная во второй половине XIX — начале XX века система транспортного сообщения, которая оказывала мощное воздействие на процесс формирования регионального хлебного рынка. Картограммы, опубликованные в монографии Н. Ф. Тагировой, позволяют определить ядро хлебного рынка, которое представляло собой шестиугольник. В узлах его находились Казань, Саратов, Бузулук, Новоузенск, Сердобск, Бугульма, на ребрах — Свияжск, Ардатов, Николаевск, Бугуруслан, Чистополь [10, с. 260].

Исключительное положение в ядре хлебного рынка занимала Самара. Она находилась внутри шестиугольника и одновременно выступала в качестве крупного транспортного узла в волго-уральском каркасе.

Н. Ф. Тагирова сумела выявить вектор тяготения уездов, расположенных в лесной и лесостепной полосах, к территориям других экономических районов. Помимо транспортной инфраструктуры важное значение, по мнению Н. Ф. Тагировой, имели биржи, выступавшие в качестве главных игроков на хлебном рынке, кредитные учреждения, зернохранилища и элеваторы, которые в совокупности «представляли пучок связей» [10, с. 260—261], обеспечивающий бизнес-сообществу дея-

тельный участие в общероссийской хлебной торговле.

Отметим также важный вывод автора о вторичности демографических процессов. По ее мнению, появление центров торговли следовало «за развитием транспортной инфраструктуры» [10, с. 264].

Вольно или невольно Н. Ф. Тагирова по мере изучения деятельности регионального бизнес-сообщества пришла к выводу о том, что оно стало осознавать общность своих интересов, которая ярко проявлялась «в единой позиции по тарифному вопросу, в работе по улучшению фарватера реки Волга, в едином представительстве биржевых интересов в государственных и местных органах власти...» [10, с. 286].

По новому звучал вывод о том, что на западных территориях региона — в лесной и лесостепной полосах (Пензенская, Казанская и большая часть Саратовской губернии) сложилась оптимальная система размещения населенных и торговых пунктов (в виде кристаллеровской решетки); на востоке края (Самарская, восточная окраина Казанской губернии) пространственное расположение рынков в большей степени было очаговым [10, с. 282]. И далее она констатирует, что на западных территориях крестьянское хозяйство было многопрофильным, а в восточном — степном регионе развивалось монокультурное зерновое хозяйство [10, с. 282]. Н. Ф. Тагирова сумела убедительно показать все многообразие организационных форм, в том числе и представителей бизнес-сообщества, участвующих в хлебной торговле. Здесь были представлены как крестьяне, так и скупщики, банки, биржи. Она подчеркивает сохранение архаики, которая сочеталась с развитыми формами торговли.

Третий этап в творчестве Н. Ф. Тагировой начался после защиты докторской диссертации. В ее семье начались проблемы (болезнь мужа). Но профессиональная карьера складывалась успешно. Она была избрана по конкурсу на должность заведующего кафедрой экономической истории. Высшая аттестационная комиссия присвоила ей звание профессора. Повседневная рутина педагогической жизни: разработка лекционных курсов, рабочих программ, исторических материалов — органично

сочеталась с научной работой. Н. Ф. Тагирова продолжала сотрудничать с кафедрой российской истории [4]. Весьма значимым стало ее участие в подготовке и издании монографии по истории Самарского Поволжья [5]. Она включилась в реализацию ряда грантов, в том числе предоставленного институтом «Открытое общество» [6]. Совместно с П. С. Кабытовым и Э. Л. Дубманом она подготовила и опубликовала монографии по истории Юго-Востока Европейской России [9]. Следует отметить ее вклад в подготовку и издание коллективной монографии поволжских историков, в которой прослежено влияние имперской власти на развитие социально-экономического потенциала и социокультурной сферы региона. В новейшее время Н. Ф. Тагирова стала активно сотрудничать с коллективом института истории имени Марджани. Ее доклады на научно-теоретических конференциях в Казани и разделы в коллективной монографии, вышедшей в Казани, были позитивно восприняты научной общественностью России [11, 12].

Как практикующий историк, она не могла не участвовать в таком важном социокультурном проекте, как «Энциклопедия Самарской области». Она написала и опубликовала в этом издании большое количество статей. Кроме того перу Н. Ф. Тагировой принадлежит очерк о сельском хозяйстве Российской империи второй половины XIX — начала XX в., который вошел в состав «Экономической энциклопедии Российской Федерации». В 2012—2013 гг. совместно с автором этих строк она реализовала проект по истории банковского дела в Самарской губернии. Причем эта проблема рассмотрена на фоне всемирной истории эволюции финансовой системы мира и России [3].

К числу заслуг Н. Ф. Тагировой следует отнести и подготовку кадров высшей квалификации — кандидатов исторических и экономических наук. Под ее научным руководством защищено 13 кандидатских диссертаций. Среди множества обязанностей участие в диссертационных советах при Самарском государственном экономическом университете. По ее инициативе проведено три научных конференции, из них две — всероссийские.

Подведем итоги. В научном творчестве одного из ведущих представителей самарской исторической школы Н. Ф. Тагировой условно можно выделить три периода. Становление мировоззрения и профессиональных компетенций шло под воздействием преподавателей кафедры российской истории, где в рамках специализации определились научные интересы и тема дипломной работы, а затем кандидатской диссертации. Во второй период (1992—1999 гг.) научно-исследовательская проблематика существенно расширилась. В ходе разработки теоретических аспектов процесса формирования хлебного рынка, изучения корпуса разработанных источников были выявлены факторы, влиявшие на становление и эволюцию пространства регионального рынка, раскрыт механизм и особенности его функционирования в лесной местности и степной полосе Поволжья и показана его зависимость от транспортной инфраструктуры и финансово-кредитной системы. Эти процессы Н. Ф. Тагирова рассматривает в контексте функционирования российского рынка и хозяйственной конъюнктуры. В новейший период Н. Ф. Тагирова существенно расширила границы своей исследовательской работы и активно включилась в реализацию грантов, что оказало стимулирующее воздействие на изучение как общих закономерностей, так и особенностей развития аграрной истории Поволжья второй половины XIX — начала XX в.

Исследование выполнено при поддержке РГНФ, проект 13-01-00081.

Список использованной литературы

1. Амиров Ф. Н. Мои воспоминания, Самара, 2014.
2. Амирова (Тагирова) Н. Ф. Помещичье хозяйство Юго-Востока Европейской России в период империализма (1900—1917 гг.) : дис. ... канд. ист. наук. Куйбышев, 1989.
3. История банковского дела в Самарской губернии. М., 2013.
4. История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Вторая половина XIX — начало XX в. М., 2000.
5. Кабытов П. С., Дубман Э. Л., Тагирова Н. Ф. Поволжье — «внутренняя окраина» России: Государство и общество в освоении новых территорий (конец XVI — начало XX в.). Самара, 2002.

6. Кабытов П. С., Дубман Э. Л., Тагирова Н. Ф. *Очерки истории Юго-Востока Европейской России*. Самара, 2009.

7. Ковалченко И. Д., Милов Л. В. *Всероссийский аграрный рынок XVIII — начала XX в. Опыт количественного анализа*. М., 1974.

8. Личный архив автора. Запись воспоминаний Н. Ф. Тагировой.

9. *Очерки истории Поволжья и Приуралья в имперский период*. Саратов, 2010.

10. Тагирова Н. Ф. *Рынок Поволжья (вторая половина XIX — начало XX в.)*. М., 1999.

11. Тагирова Н. Ф. Социально-экономическое развитие региона // *История татар с древнейших времен* : в 7 т. Казань, 2013. Т. 6. Формирование татарской науки XIX — начала XX в. С. 228—237.

12. Тагирова Н. Ф. Великие реформы и социально-экономическое развитие региона // *История татар с древнейших времен* : в 7 т. Казань, 2013. Т. 6. Формирование татарской науки XIX — начала XX в. С. 263—276.

УДК 94(47)

Н. Н. Кабытова

Трансформация крестьянского социума в условиях войны и Великой российской революции

В статье анализируется влияние военного фактора в революции 1917 г., рассматривается роль тыловых воинских гарнизонов в изменении социокультурного облика деревни, постановка и решение аграрного вопроса солдатскими комитетами, советами, съездами.

Ключевые слова: революция 1917 г., аграрное движение, тыловые воинские гарнизоны, социокультурный облик деревни.

Военно-политические события 1914—1917 гг. коренным образом изменили социокультурное пространство российской деревни. Первая мировая война, затормозив процесс модернизации аграрных отношений в России, обострила социальные противоречия в деревне. С началом революционных событий подверглись разрушению традиционные устои сельского мира, крестьяне втягивались в обсуждение не только экономических, но и социополитических проблем. Особое влияние на трансформацию сельского социума оказали солдаты тыловых гарнизонов, в большинстве своем выходцы из крестьянской среды. Они непосредственно влияли на ход аграрной революции в 1917 году.

Событийная сторона революционного процесса 1917 года в общих чертах представлена. Однако и отечественные, и зарубежные историки, оперируя макроисторическими явлениями, часто схематизировали и нивелировали политические и социальные действия. Это исключительно осложнило выяснение происхождения Российской революции, закономерностей и особенностей ее развития и результатов. Специальное изучение региональных

модификаций революции необходимо в связи с тем, что в отечественной историографии длительное время превалировала тенденция единообразия процесса в центре и на местах. Между тем, несмотря на общий результат и последующую унификацию нового общественного строя, именно разнообразие функционирования социально-политических сил в регионах скорректировало первоначальное направление развития революции, военный фактор которой изучен недостаточно.

Пересмотр многих устоявшихся взглядов и сложившихся стереотипов о характере революционного процесса 1917 года в России, пополнение источников базы проблемы, ее недостаточная изученность и несомненная актуальность требуют специального рассмотрения.

Поведение и направленность действий «революционных потоков» в общих чертах представлена в историографии Российской революции 1917 года. Деятельность военных организаций тыловых гарнизонов российской провинции изучалась фрагментарно. Это зависело не столько от состояния источников базы, сколько от идейно-политической ситуации

87

Российская деревня в XVIII—XXI веках: социокультурное измерение

в обществе, методологических принципов и методов анализа социальных движений. Только на последнем этапе изучения проблемы в советской историографии (1970—1980-е гг.) солдатское движение стало рассматриваться как самостоятельная тема [11]. В конце XX — начале XXI в. исследователи сосредоточили свое внимание на социопсихологических аспектах российского революционизма [2]. Способы и методы использования военных организаций тыловых гарнизонов (советов, союзов, комитетов) в борьбе за власть изучены недостаточно и тенденциозно.

Демократические преобразования в Самаре были полностью поддержаны в частях воинского гарнизона. Известие о свержении самодержавия, несмотря на попытки командования скрыть эту информацию, быстро распространилось в казармах. Солдаты стали присоединяться к митингам рабочих, служащих, учащихся города, кое-где арестовывали офицеров. После получения приказа № 1 Петроградского Совета в войсковых частях Самарского гарнизона стали образовываться солдатские комитеты. Совет рабочих депутатов содействовал организации Совета солдатских депутатов, и 7 марта 1917 г. состоялось их первое совместное заседание [13].

Командный состав Самарского гарнизона, резонно опасаясь потери влияния на нижние чины, предложил создать общий Совет военных депутатов, в котором наряду с солдатами были бы представлены офицеры. Военнослужащие, избранные в Комитет народной власти, стали основой этого Совета. 8 марта состоялось первое совместное заседание солдатских и офицерских депутатов, где присутствовали 44 солдата и 19 офицеров. 9 марта был избран президиум Совета военных депутатов, по партийному составу преимущественно эсеро-меньшевистский. Председателем Совета стал прапорщик Филиппов [10, с. 12]. Руководство военного Совета пыталось ограничить участие солдат в революции рамками представительства в общественных организациях, но удержать их в казармах не удалось. Солдаты часто самовольно уходили из частей, требовали предоставления специальных отпусков на

период весенних полевых работ. Эти действия солдат направлялись большевистскими агитаторами, фракция которых во главе с товарищем председателя Совета М. И. Герасимовым была представлена в Совете военных депутатов.

В целом оперативность, открытость действий Самарского Комитета народной власти, проявившего лояльность ко всем революционным силам, позволила предотвратить в городе погромы и эксцессы в отношении представителей карательных структур старого режима.

В других губернских городах Поволжья либеральные общественные силы были менее оперативны и более осторожны в своей реакции на смену власти в столице. Командующий Казанским военным округом 28 февраля 1917 г. приказал начальникам гарнизонов не допустить разглашения среди солдат известий о победе революции. Саратовский губернатор распорядился 1 марта задержать выпуск газет, напечатавших телеграммы о событиях в Петрограде. В Симбирске губернатор даже 3 марта убеждал население не верить «ложным» слухам из столицы [15, с. 48]. Конечно, скрыть такое явление, как революционный переворот, невозможно. Однако думцы и земцы в этих городах не проявили инициативы раньше, чем на улицы вышли рабочие, солдаты, учащаяся молодежь.

Общественный городской исполнительный комитет был образован в Саратове 2 марта. Организационное собрание представителей общественных организаций проходило в зале заседаний городской Думы на втором этаже. Одновременно здесь же на первом этаже шло заседание Совета рабочих депутатов, который уже выбрал все исполнительные органы, наметил план революционной агитации и утвердил своих представителей в общественный исполнительный Комитет, только еще формируемый Думой. Дебаты о полномочиях Комитета затянулись до утра 3 марта, когда в конце концов он был учрежден из 16 человек. В общественный городской исполнительный Комитет вошли 6 представителей от Думы, 3 — от организаций юристов, по одному от потребительского общества и земства и 5 — от Сове-

та. 5 марта ОГИК объявил себя властью в губернии, выбрав председателем юриста А. А. Токарского и возложив обязанности губернского комиссара на народного социалиста Н. И. Семенова [15, с. 74].

Нерешительность общественного исполнительного Комитета способствовала принятию Саратовским Советом рабочих депутатов ряда самостоятельных решений по укреплению своего влияния в массах. Он включил в свой состав представителей от воинских частей и с 6 марта стал называться Советом рабочих и солдатских депутатов [9, с. 10]. Решительные действия Саратовского Совета в первые дни революции, выделяющие его из общей массы образовавшихся провинциальных советов, объясняются преобладанием в нем большевиков, лучше организованных, чем меньшевики и эсеры. Кроме того, здесь вполне проявился принцип «кто не успел, тот опоздал». На организационном собрании ОГИК всю ночь со 2 на 3 марта шли дебаты о судьбе представителей царской администрации. В конечном итоге военному комитету было поручено арестовать губернатора, вице-губернатора, полицмейстера, начальника жандармского управления и его помощника, но сделано это было под «унылое брюзжание по поводу «рабочих и военных авантюр». В ответ на это солдаты за ночь вместо пяти арестовали около трехсот «охранников порядка и спокойствия» [4, с. 26]. Такие действия неуправляемых масс могли перерасти в погромы и кровопролитие, а потому они подталкивали общественно-политические организации к консолидации.

Общественно-политические силы в Казани, крупнейшем административном центре Поволжья, были крайне осторожны и осмотрительны в своих действиях после свержения самодержавия. К тому же здесь находился штаб военного округа, что само по себе было сдерживающим фактором для разгула революционных страстей. 2 марта 1917 г., когда не осталось никаких сомнений о падении царского режима в Петрограде, в Казани по инициативе военно-промышленного комитета, в котором преобладали меньшевики, началась организация Совета рабочих депутатов [9, с. 13]. Партийные силы соци-

алистов здесь были в упадке. Казанский городской комитет партии социалистов-революционеров оформился 7 марта, а самостоятельная большевистская организация и вовсе начала функционировать лишь в конце марта 1917 г. [14, с. 112—113]. Первый состав Казанского Совета рабочих депутатов в большинстве своем был меньшевистско-эсеровским [10, с. 10].

В ходе демократических преобразований в Казани была устранена не только местная царская администрация, но и командование военным округом. Еще 2 марта 1917 г. в политической демонстрации на Театральной площади в Казани наряду с рабочими и студентами приняли участие солдаты, оказавшиеся по разным причинам в центре города. 3 марта командующий округом вынужден был признать Временное правительство и сообщить об этом специальной телеграммой по округу [12, с. 34]. Однако было уже поздно проявлять лояльность к новой власти со стороны генерала Сандецкого, который скомпрометировал себя поддержкой старого режима в первые дни революции. Казанский гарнизон восстал в ночь с 3 на 4 марта и под руководством Временного военного революционного комитета произвел аресты командующего округом вместе со штабными генералами и наиболее ненавистными офицерами, ранее притеснявшими солдат [12, с. 36].

В губернских городах Поволжья, явившихся средоточием влияния на общественную жизнь провинциальных дворянских фамилий, смена власти после Февральского переворота происходила без особых коллизий и потрясений. Пензенская городская Дума собралась на свое чрезвычайное собрание, созванное 3 марта 1917 г. с разрешения губернатора, в ходе которого было продемонстрировано единство представителя царской администрации и городского общественного управления в оценке происходивших в стране событий. Собрание, открытое в составе 40 гласных под председательством городского головы И. Н. Ашанина, постоянно пополнялось, на него вскоре прибыли председатель Пензенской уездной земской управы А. Н. Ермолов, князь Л. Н. Кугушев. По их инициативе думцы посла-

ли приветственные телеграммы «Председателю Государственной Думы М. В. Родзянко и Главе Нового Правительства князю Г. Е. Львову» [5, л. 99]. Затем, «независимо от сего, по предложению гласных В. А. Германа и Д. П. Белова, постановили «послать приветствие также «Его Императорскому высочеству Великому князю Николаю Николаевичу, Верховному главнокомандующему... и Военному министру Алексею Ивановичу Гучкову» [5, л. 99 об.].

Губернский исполнительный комитет, сформированный из представителей городского и земского самоуправления, 4 марта 1917 г. провел свое первое организационное заседание и выбрал Бюро исполнительного Комитета во главе с В. А. Германом [6, л. 1]. 5 марта В. А. Герман доложил на втором заседании Бюро, что «явился в канцелярию губернатора, уведомил его об отстранении от должности и вступил в исполнение возложенных на него обязанностей». В тот же день на вечернем заседании Бюро губернского исполнительного Комитета назначило губернским комиссаром В. А. Германа. Однако 6 марта по получении телеграммы из Петрограда обязанности губернского комиссара были возложены на председателя Пензенской губернской земской управы князя Л. Н. Кугушева [6, л. 2, 5].

Одновременно с конституированием губернской администрации 6 марта 1917 г. в Пензе на общем собрании представителей от солдат и офицеров гарнизона был образован Совет солдатских и офицерских депутатов. В него вошли 33 солдата, 22 офицера, 2 военврача и 2 военных чиновника. 8 марта были избраны председатель Совета прапорщик Ф. Т. Милов и 9 членов бюро, из которых двое были большевики, а остальные — меньшевики и эсеры [10, с. 16]. Совет рабочих депутатов сформировался позже. Только 10 марта на митинге в Народном доме было принято решение «о необходимости организовать Пензенский Совет рабочих депутатов, которых следует избирать от всех заводов, фабрик и мастерских». Всего в Совет было послано 100 человек, но его организационное оформление завершилось лишь после объединения с Советом военных депутатов

[10, с. 17]. Разумеется, влиять на процесс формирования новой власти в губернии он не мог, хотя его представители впоследствии были включены в Бюро губернского исполнительного комитета, постоянно пополнявшего свой состав.

В расстановке социальных и общественно-политических сил к осени 1917 года в отдельных регионах России имелись свои нюансы, но кризис власти имел всеобщий характер. Поскольку большевикам удалось не только захватить, но и удержать власть, следует обратить особое внимание на их тактику при локализации революции. В связи с этим необходимо выяснить способы установления власти советов в провинции, отличные от центра и своеобразные в каждой местности. Кризис местной администрации Временного правительства в губерниях Поволжья был порожден теми же причинами, что и в центре, но порядок их влияния на состояние власти был иной. Ведущим фактором взаимоотношений власти и общества осенью 1917 года здесь был аграрный вопрос, и большевики в борьбе за власть умело манипулировали традиционалистскими иллюзиями большинства социума. С учетом того обстоятельства, что большинство солдат — одетые в шинели крестьяне, роль воинских организаций в борьбе за власть имела определяющее значение.

Новая расстановка политических сил в России, сложившаяся в результате июльского 1917 года кризиса Временного правительства, привела к обострению борьбы за власть. Это не способствовало решению насущных экономических проблем общества, а политическую ситуацию делало крайне нестабильной. В стране активизировались правые и левые оппозиционные правительству силы, стремящиеся привлечь на свою сторону вооруженные силы.

Успеху большевиков в борьбе за власть способствовало изменение приоритетов в деятельности советов. В дни корниловского мятежа они ощутили себя организующей силой по отражению контрреволюционной угрозы и уже не захотели терять военно-политических функций власти. В то же время вину за хозяйственную разруху они целиком возлагали на административные органы Временного правитель-

ства. Робкие попытки Демократического совещания по новому конструированию власти носили паллиативный характер и не нашли ни политической, ни социальной поддержки на местах. Выступив на совещании против коалиции с кадетами, умеренные социалисты заняли большинство мест во Временном Совете Республики (Предпарламенте), но это не стабилизировало ситуацию в стране. Губернские комиссары Временного правительства в ряде случаев вынуждены были обращаться к местным советам за помощью для борьбы с погромами. Так, Пензенский губернский комиссар в конце октября 1917 года просил «Совет срочно сделать распоряжение об откомандировании взвода солдат для несения караульной службы при отделении уголовного розыска», подвергнутом накануне разгрому [7, л. 497].

Установление советской власти в Казани, явившейся исторически сложившимся административным и военным центром Поволжья и Приуралья, происходило синхронно с аналогичными событиями в столице. В то же время многонациональный характер населения города, явившегося к тому же центром поволжских татар, придавал октябрьским событиям исключительную остроту и своеобразие. Предметом специального рассмотрения стало участие мусульманских радикальных социалистов в привлечении татар, рабочих и солдат в ряды участников вооруженного восстания против местной администрации Временного правительства [3]. К началу восстания в гарнизоне исполком Казанского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов не принял решения о взятии власти. Однако большевики подталкивали солдат Казанского гарнизона на вооруженное сопротивление решениям местной гражданской и военной администрации и использовали их в борьбе за власть.

Самарские большевики были еще изобретательнее в борьбе за власть советов. 25 октября 1917 г., по получении известий из Петрограда, в Самаре состоялось экстренное заседание исполкомов Советов, которое вел председатель рабочей секции Совета рабочих и солдатских депутатов большевик В. В. Куйбышев. Представи-

тели губернского и гарнизонного Советов крестьянских депутатов, группы «Единство», эсеры и меньшевики высказались против перехода власти к советам. Более того, учитывая сложность момента, губернский Совет крестьянских депутатов вновь заявил о своей поддержке Временного правительства и выступил за немедленный созыв губернского всесословного съезда, который и должен был решить вопрос о власти [16, с. 547—548]. Оказавшись в меньшинстве на заседании исполкомов Советов, большевики изменили тактику. Они отказались от созыва всесословного съезда, 26 октября они пригласили на вечернее объединенное заседание не только членов исполкомов Советов, но и всех своих сторонников: представителей фабзавкомов и профсоюзов, железнодорожного и почтово-телефрафного союзов, полковых и ротных комитетов. Им удалось добиться поддержки и со стороны гарнизонного Совета крестьянских депутатов. Выступая на объединенном заседании губернского съезда Совета рабочих и солдатских депутатов вместе с левой частью IV губернского крестьянского съезда, В. В. Куйбышев так объяснял действия самарских большевиков: «Когда в октябрьские дни получились первые сведения о восстании рабочих и солдат в Петрограде, для нас было очевидным, что рабочие и солдаты должны установить на местах власть Советов. Мы созвали собрание Самарских Советов, и на нем при воздержавшихся крестьянах было решено создать революционный комитет для борьбы с буржуазным правительством Керенского, контрреволюцией и проводить в жизнь ту программу, которая 8 месяцев лежала под сукном... Мы с первых дней хотели идти рука об руку с крестьянами, но они не дали своих делегатов, и вместо них места были предоставлены гарнизонному Совету крестьянских депутатов» (15, 14 декабря).

Анализируя способы установления советской власти в губернских центрах Поволжья, необходимо выделить основные черты этого процесса и обратить внимание на разнообразие тактических приемов, примененных большевиками для достижения цели. Они в полной мере учитывали своеобразие общественно-полити-

ческой ситуации, сложившейся в той или иной местности. Бесплодные споры о «нелегитимности» советской власти, реанимировавшие доводы отставленных от власти осенью 1917 года демократов, ничего не дают для выяснения сути произошедших перемен общественного строя. Бессмысленно дебатировать вопрос о законности власти, образовавшейся в ходе революции, как с точки зрения ее характера, так и методов ее захвата или установления.

Установление советской власти в губернских центрах Поволжья осуществлялось большевиками в зависимости от расстановки общественно-политических сил в них и возможности привлечения на свою сторону радикальных и нейтрализации умеренных социалистов небольшевистского направления. Все другие демократические силы они обвиняли «контрреволюционными» и обвиняли их во всеобщей разрухе и кризисе власти. Осенью 1917 года у большевиков Поволжья потенциально существовала достаточная социальная база не только для взятия, но и удержания власти, но она была большей частью организована другими политическими партиями в советах и комитетах. Добиться большинства в советах рабочих и солдатских депутатов ко времени Октябрьского восстания в Петрограде им удалось лишь в трех из пяти центров исследуемого региона. В Казани, Самаре и Саратове советская власть была провозглашена вслед за Петроградом. В Казани и Саратове, действуя от имени Советов, большевики опирались прежде всего на воинские части местных гарнизонов. В Самаре им удалось создать и вооружить боеспособные красногвардейские отряды, что позволило не привлекать склонных к погромным действиям солдат.

Провозглашение советской власти в губернских и некоторых уездных центрах еще не означало победы нового строя на местах. Яркой иллюстрацией борьбы за привлечение крестьян на сторону советской власти явился Саратовский губернский крестьянский съезд, который начал работу 23 ноября 1917 г. без участия большевиков. Состав его делегатов постоянно пополнялся и к завершению заседаний вырос со 100 до 260 человек, но представители Камышинского и Кузнецкого уез-

дов на съезде отсутствовали [18, с. 166]. Саратовский Совет рабочих и солдатских депутатов приурочил свое заседание к началу работы крестьянского съезда. В залах обоих собраний присутствовало большое количество солдат, не являвшихся депутатами, но самим фактом присутствия оказывавших давление на решение вопроса о власти. Президиум Совета рабочих и солдатских депутатов включил их в состав делегации, посланной на крестьянский съезд с приглашением к объединенному заседанию. Посланцы Совета «упрашивали «отцов» покинуть заседание съезда и присоединиться к рабочим и солдатам, «истинным братьям крестьян» [1, с. 224—225]. Под давлением делегатов президиум крестьянского съезда принял предложение, пообещав явиться в Совет после обсуждения «текущего момента» и выработки наказа членам Учредительного собрания. Тем не менее 45 крестьян делегации рабочих и солдат удалось увести со съезда [1, с. 225].

5—9 декабря 1917 г. состоялся IV Самарский губернский крестьянский съезд. В его работе приняло участие 395 депутатов [17, 13 дек.], избранных уездными советами крестьянских депутатов и волостными земствами там, где они успели сформироваться после выборов в октябре 1917 года. Обсуждение вопроса о власти на съезде началось с взаимного обвинения лидеров советов в контрреволюции. Член исполкома Совета рабочих депутатов Николаев заявил, что крестьянский Совет своим выступлением против советской власти способствует контрреволюции. В ответ на это председатель Совета крестьянских депутатов Панюжев обвинил рабочий Совет в узурпации власти, заявив: «Нас не уполномочили наши избиратели делать то, что делали большевики» [17, 5 дек.]. Представитель «гарнизонного Совета крестьянских депутатов солдат Лаврентьев возмущенно заметил, что губернский Совет крестьянских депутатов в течение 7 месяцев его существования не выражал волю своих избирателей по всем другим вопросам». Особенно резко он критиковал руководство исполкома крестьянского совета за включение в список кандидатов в депутаты Учредительного

собрания И. М. Брушвита, которого 130-й полк исключил из своего состава.

Подводя итоги организации системы советской власти на местах, необходимо выделить основные тактические приемы, примененные большевиками и обеспечившие им успех в борьбе с другими претендентами на государственное управление. Общенациональный кризис, достигший в России осенью 1917 года своего апогея, связывался большевиками исключительно с «антинародной» политикой Временного правительства и сотрудничавшими с ним демократическими и умеренно социалистическими партиями и объединениями. В связи с этим они в первую очередь стремились дискредитировать эсеровское руководство советов крестьянских депутатов, выступивших против узурпации власти большевиками в октябре 1917 года. Декреты II Всероссийского съезда Советов широко пропагандировались в большевистской печати, на солдатских митингах, рабочих собраниях, крестьянских съездах. В уездные города и села были посланы агитаторы преимущественно из демобилизованных или самовольно покинувших свои части большевистски настроенных солдат, которые влияли на трансформацию крестьянского менталитета.

Исследование выполнено при поддержке РГНФ, проект 14-01-00277 «Военно-мобилизационные мероприятия в деревне Центрального Черноземья и Среднего Поволжья в годы Первой мировой войны (1914—1917 гг.)».

Список использованных источников и литературы

1. Антонов-Саратовский В. П. Под стягом пролетарской борьбы. Отрывки из воспоминаний о работе в Саратове за время с 1915 до 1918 г. М. ; Л., 1925.

2. Булдаков В. П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 2010; Бэдлок Цэра. Переписывая историю Российской революции: 1917 год в провинции // Отечественная история. 2007. № 4. С. 103—112; Колоницкий Б. И. Антибуржуазная пропаганда и «антибуржуйское» сознание // Отечественная история. 1994. № 1. С. 17—21; Плешаков Н. И. Тыловые гарнизоны Первой мировой войны (на примере Саратовской губернии) // Доклады Академии военных наук. Военная история. 2006. № 5 (23). С. 90—101; Поршнева О. С. Рабочие, крестьяне и солдаты России накануне и в годы Первой мировой войны. М.,

2004; Семенова Е. Ю. Мировоззрение городского населения Поволжья в годы первой мировой войны (1914 — начало 1918 г.): социальный, экономический, политический аспект. Самара, 2012; Уайлдман А. К. Армия и вопрос о легитимности власти в 1917 г. // Анатомия революции. 1917 год в России: массы, партии, власть. СПб., 1994. С. 238—251.

3. Валеев Р. К. Назревание общенационального кризиса и его проявление в Поволжье и на Урале в 1917 году. Казань, 1979. С. 155—183; Мухаряев М. К. Октябрь и национально-государственное строительство в Татарии. М., 1969. С. 46, 73, 99; Тагиров И. Р. В борьбе за власть Советов (Октябрь и национально-освободительное движение в Поволжье и на Урале, июль 1917 — март 1918 г.). Казань, 1977. С. 85—88; Нафигов Р. И. Мулланур Вахитов: Историко-биографический очерк. Казань, 1975.

4. Васькин В. В., Герасименко Г. А. Февральская революция в Нижнем Поволжье. Саратов, 1976.

5. Государственный архив Пензенской области (ГАПО). Ф. 109. Оп. 1. Д. 1255.

6. ГАПО. Ф. 206. Оп. 1. Д. 11.

7. ГАПО. Ф. 206. Оп. 1. Д. 4.

8. Герасименко Г., Рашитов Ф. Советы Нижнего Поволжья в Октябрьской революции. Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 1972.

9. Герасименко Г. А., Точеный Д. С. Советы Поволжья в 1917 году. Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 1977.

10. Захаров Н. С. Советы Среднего Поволжья в период борьбы за диктатуру пролетариата. Казань : Изд-во Казан. ун-та, 1977.

11. Ионенко И. М. Солдатские массы в Октябрьской революции. Казань, 1982; Ионенко С. И. Военная Казань в дни Триумфального шествия Советской власти // Страницы истории города Казани. Казань, 1981. С. 106—118; Миллер В. И. Солдатские комитеты русской армии в 1917 г. М., 1974; Минц И. И. История Великого Октября : в 3 т. М., 1977—1979; Ненароков А. П. 1917: краткая история, документы, фотографии. М., 1988; Соболев Г. Л. Революционное сознание рабочих и солдат Петрограда в 1917 году. Л., 1973; Цейтлин Р. С. В борьбе за солдатские массы: большевики и их политические противники в тыловых военных округах восточной России в мирный период развития революции 1917 г. Казань, 1987.

12. Ионенко И. М. Солдаты тыловых гарнизонов в борьбе за власть советов. Казань : Изд-во Казан. ун-та, 1976.

13. Известия Самарского Совета рабочих депутатов. 1917. 11 марта.

14. Летопись борьбы и свершений: Хроника партийной организации Татарии. 1883—1985. Казань, 1985. Кн. 1.

15. Октябрь в Поволжье. Саратов, 1967.

16. Попов Ф. Г. Летопись революционных событий в Самарской губернии. 1902—1917 / под ред. К. Я. Наякишина. Куйбышев, 1969.

17. Солдат, рабочий и крестьянин. Самара, 1917.

18. Хроника революционных событий в Саратовском Поволжье 1917—1918 гг. / под ред. Г. А. Герасименко [и др.]. Саратов : Приволжское кн. изд-во, 1968.

Кадровый состав органов уездного управления Уфимской губернии во второй половине XIX века

Статья посвящена анализу численности уездных органов управления Уфимской губернии во второй половине XIX века. В результате проведенного исследования автор приходит к выводу, что уездные правительственные чиновники были немногочисленны. Большой численностью отличались органы волостного и сельского управления.

Ключевые слова: уездное управление, Уфимская губерния, численность, кадровый состав.

Управление уездами в Уфимской губернии строилось и осуществлялось на основе принятого 19 февраля 1861 г. «Общего положения о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости». В результате буржуазных реформ 60—70-х гг. XIX в., перестройки местного управления и дальнейшей бюрократизации общества появляется целый ряд новых органов государственного управления. В то же время уездные правительственные чиновники были сравнительно немногочисленны, так как во второй половине XIX в. многие министерства и ведомства еще не имели своих представителей в системе уездного управления и ограничивались губернской инстанцией. По данным Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г., должностных лиц местного управленического персонала в уездах губернии проживало только 1676 человек, в том числе в Бирском уезде — 390 человек, Мензелинском — 302, Уфимском — 265, Стерлитамакском — 266, Златоустовском — 234 и Белебеевском — 219 человек [8, с. 90—96]. В это число не входили сельские старосты, низшие чины полиции, сотские, десятские и другие лица крестьянского сословного управления, которые были учтены в числе крестьян.

Анализ численности уездных чиновников показывает, что во второй половине XIX — начале XX в. наибольшее количество штатных должностей в местных органах управления занимали полицейские чиновники. В 1904 г. в губернии на штатных должностях уездных полицейских управлений насчитывалось 177 служащих. Из них 96 человек служили в Уфимском уездном полицейском управлении, 18 — в

Стерлитамакском, 18 — в Златоустовском, 15 — в Бирском, 15 — в Белебеевском и 14 — в Мензелинском [6, с. 14]. Уездные полицейские управления в губернии возглавляли шесть исправников. Уезды делились на станы во главе со становыми приставами. В 1865 г. в губернии было 27 становых приставов, в 1914 г. — 37 [18, л. 12—54].

Уездные присутствия, комитеты и комиссии были немногочисленны. В 1897 г. уездный комитет попечительства о народной трезвости насчитывал 17 человек, уездный распорядительный комитет — 13, уездное податное присутствие — 13, уездное казначейство — 5 человек [2, с. 166—187]. Из них не все служащие занимали штатные должности. Так, в 1904 г. в уездном по воинской повинности присутствии штатную должность занимал только один человек [18, л. 12].

Большой численностью отличались органы волостного и сельского управления. К концу XIX века в Уфимской губернии избиралось 177 волостных старшин, в том числе в Бирском уезде — 36, Стерлитамакском — 33, Мензелинском — 31, Белебеевском — 30, Уфимском — 27 и Златоустовском — 20 старшин [7, с. 101]. Еще больше было сельских старост. В 1897 г. в губернии насчитывалось 1909 сельских старост, из них 450 в Уфимском уезде, 344 — в Белебеевском, 297 — в Стерлитамакском, 357 — в Бирском, 116 — в Златоустовском и 345 — в Мензелинском уездах [14, с. 130].

Уездные исправники по происхождению были дворянами или выходцами из военного сословия и духовенства. В 1867 г. в губернии 80% уездных ис-

правников имели среднее образование [21, л. 104—603]. Так, белебеевский уездный исправник И. М. Бунин окончил Оренбургское военное училище, а мензелинский военный исправник А. Редик воспитывался в Павловском кадетском корпусе.

В уездных присутственных местах губернии большинство чиновников также происходили из дворян. Например, в 1867 г. из 65 уездных служащих, на которых удалось обнаружить служебные формуляры, дворянами по происхождению были 41,53% от общего количества, военными — 20%, детьми государственных служащих — 4,61%, духовенства — 3,07%, мещан — 3,07% [21, л. 4—625].

Как уже отмечалось, для нерусского населения губернии путь к поступлению на службу в государственные учреждения был, можно сказать, закрыт. Преградой служили сословные ограничения. По данным Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г., число нерусских служащих в органах администрации суда и полиции было незначительным. Например, башкиры составляли только 12,41% от общего количества служащих, татары — 6,50%, чуваши — 1,25%, мары — 1,25%, мордва — 0,47%. Основная масса государственных служащих (73,68% от общего числа) была по национальному признаку русской [8, с. 102—109; 320].

Центральное место в системе уездного управления занимали уездные предводители дворянства. Эта служба часто передавалась по наследству. Предводители дворянства в уездах Уфимской губернии традиционно являлись представителями фамилий наиболее родовитых и богатых дворян — Новиковых, Кугушевых, Дурасовых и других. Так, например, родовое имение мензелинского уездного предводителя дворянства А. Н. Пасмурова занимало 12 250 дес. земли. А земельные владения предводителя дворянства Бирского и Златоустовского уездов А. Топорнина составляли 6426 дес. [21, л. 320]. Предводители дворянства жалованье не получали. Их положение было основано не на денежном довольствии, а на поместном землевладении. Участие предводителей

дворянства в решении общих вопросов местного управления имело форму дворянской государственной службы, которая сохранилась вплоть до XX в.

Особенно много крупных землевладельцев было среди чиновников местных органов судебного ведомства. В 1878 г. в Уфимской губернии 228 кандидатов в мировые судьи владели землей площадью от 165,5 до 320 дес. Пять кандидатов в мировые судьи являлись собственниками домов, заводских и фабричных построек, оцененных от 2,1 тыс. руб. до 3 тыс. руб. [4, с. 27].

Высокооплачиваемой считалась должность земского участкового начальника. В соответствии с положением от 6 июня 1894 г. в Уфимской губернии земский участковый начальник имел годовое содержание в размере 2800 руб. [15, с. 719—721].

Годовое содержание судебных следователей составляло 1000 руб. Уездный судья получал от 514 до 525 руб. в год [22, л. 293]. После проведения судебной реформы к ежегодному содержанию участкового мирового судьи в 2700 руб. прибавилось добавочное в 1500 руб. в год [1, с. 88]. Почетному мировому судье жалованье не полагалось, за службу его повышали в чинах, награждали орденами и медалями.

Значительным было жалованье полицейских чиновников. Согласно штатному расписанию, утвержденному в 1862 г. в Уфимской губернии уездный исправник получал 1500 руб. в год, а его помощник соответственно 1000 руб. [19, л. 11]. К концу XIX в. содержание чиновников полиции еще более увеличилось. Так, уфимский уездный исправник стал получать 2000 руб. в год [15, с. 727]. В 1909 г., в соответствии с циркуляром департамента полиции «Об увеличении состава полицейских команд», годовое содержание уездных исправников составляло 2375 руб. [19, л. 10]. К 1916 г. уездный исправник имел за службу 3400 руб., а его помощник — 2400 руб. в год [16, л. 15].

Денежное содержание должностных лиц в органах крестьянского сословного управления Уфимской губернии было крайне низким. Особое положение зани-

мали только волостные старшины. В начале XX века в Уфимской губернии среднее годовое жалованье волостных старшин составляло 420 руб., причем у некоторых из них денежные оклады были гораздо выше. Так, содержание волостного старшины Дувань-Табынской волости Стерлитамакского уезда в 1910 г. составило 600 руб. в год [5, с. 78]. Кроме того, все они вели свое собственное хозяйство. Таким образом, волостные старшины получали довольно значительные для крестьян годовые оклады. Большая часть сельских старост не получала денежного оклада. Сотские и десятские из должностных лиц крестьянского сословного управления несли свою службу безвозмездно.

Управление крестьянами находилось в руках уездного по крестьянским делам присутствия. Заседания уездного по крестьянским делам присутствия назначались по мере поступления дел. Например, в Стерлитамакском уезде с 14 апреля по 7 июня 1880 г. заседания присутствия не проводились вообще, а в декабре присутствие собиралось четыре раза [13, л. 12]. В 1883 г. уфимский губернатор П. А. Полторацкий докладывал царю, что заседания уездных по крестьянским делам присутствий собирались не более одного раза в месяц [10, л. 181—183]. Во второй половине XIX столетия в уездных по крестьянским делам присутствиях Уфимской губернии, разбирались дела административного, судебного, хозяйственно-экономического характера, а также дела, касающиеся поземельного устройства крестьян, жалобы на взыскание податей и повинностей, споры о праве пользования и владения мирской землей.

Дела административного характера составляли в уездных присутственных местах Уфимской губернии 35% от всех дел [3, с. 36—41]. Судебные дела занимали в уездных присутственных местах Уфимской губернии 32% от общего количества дел [3, с. 81—89]. Материалы ревизии Уфимской губернии, проведенной в 1880—1881 гг. сенатором М. Е. Ковалевским, показывают, что «отправление правосудия в волостных судах часто сопровождалось нарушениями. Общие ревизии волостных правлений членами уездного

присутствия производились редко и преимущественно исправниками, которые при ревизии обращали внимание на деятельность волостных правлений по взысканию податей и сборов и вовсе не касались деятельности волостных судов» [3, с. 18]. Поземельному устройству крестьян Уфимской губернии было посвящено около 7% всех дел. Хозяйственно-экономические дела занимали 5% дел уездных по крестьянским делам присутствий. Из них 1% составляли дела по распоряжению мирскими капиталами, которые ограничивались рассмотрением приговоров, вносимых обществами в кредитные учреждения. Анализ архивных материалов показывает, что в Уфимской губернии строгого надзора за сохранением и употреблением мирских капиталов не существовало. В делах уездных присутствий не оказалось даже сведений о том, какие капиталы должны находиться в волостях и сельских обществах и в каком они положении [3, с. 2; 21].

Во второй половине XIX века для уездных присутственных мест Уфимской губернии была свойственна крайняя медлительность в выполнении дел. Так, в Стерлитамакском уездном по крестьянским делам присутствии дела о предании суду должностных лиц крестьянского управления, поступившие с 1857 г., не были разрешены в течение 10 и 20 лет. Только в 1873 г. поступило в Уфимское губернскоеправление 98 жалоб на действия уездных присутственных мест и должностных лиц. Из них на задержку в выполнении — 31 дело, на неправильные действия должностных лиц — 67 и по неосновательности — 51 дело. В результате 11 чиновников было предано суду [9, л. 349]. Недостатки в деятельности уездных по крестьянским делам присутствий Уфимской губернии усугублялись преступлениями должностных лиц. Например, только в 1867 г. поступило 135 жалоб на должностных лиц и уездные присутственные места [17, л. 4].

Важным звеном системы уездного управления в губернии являлись полицейские органы. Работу уездных полицейских органов в губернии затрудняли многочисленные обязанности, возлагаемые на полицию, разбросанность насе-

ленных пунктов на огромной территории и нехватка полицейских чинов. Об этом неоднократно говорилось в отчетах уфимских губернаторов [10, л. 179]. В 1881 г. сенатор М. Е. Ковалевский писал, что полиция в Уфимской губернии «представляет, как все учреждения этой губернии, безотрадную картину». Сенатор утверждал, что губернаторы смотрят более чем снисходительно на действия полиции и заботятся только о том, «чтобы удержать на местах стоящих уже на службе» [3, с. 16]. В Уфимской губернии ежегодно рассматривались факты грубого произвола, оскорбления и нанесения побоев ни в чем не повинным людям со стороны чиновников уездной полиции. Например, 1 марта 1910 г. полицейские стражники Кисмуллин, Шарафутдинов, Кожевников и другие решили проучить конокрадов в деревне Карагатки Бакаевской волости Уфимского уезда. Они избили Фахретдина, который скончался на следующий день. 20 марта, по указанию старосты, стражники избили крестьян Гизатуллина и Гайнетдина, повторяя при этом: «Не пьянствуй, не шатайся, худыми делами не занимайся». 26 марта в деревне Березовка Покровской волости стражники избили Гагина за то, что он не заложил для них свою лошадь. В результате расследования стражники были только «кудалены от службы» за превышение своих полномочий [20, л. 1—6].

Самым низшим звеном государственного аппарата являлись органы крестьянского сословного управления. В Уфимской губернии, по воспоминаниям современников, на сельском сходе «без водки ничего не делалось, а за водку сход творил все, что угодно» [5, с. 34]. Так, 12 мая 1910 г. в селе Табынское Стерлитамакского уезда около 20 человек явились к старосте и, насиливо вытащив его из избы, повели «присутствовать» на сельском сходе при самовольном отводе новых усадебных участков [5, с. 31]. В целом, утверждал в 1890 г. губернатор Л. Е. Норд, в деятельности сельского управления в губернии допускалось немало беспорядков, неисправностей, злоупотреблений и самоуправства. Негативные явления, по мнению губернатора, стали возможными из-за бездеятельности непременных чле-

нов уездных по крестьянским делам присутствий, в обязанность которых входит надзор за действиями должностных лиц сельского управления [11, л. 5]. В 1883 г. губернатор П. А. Полторацкий докладывал в Министерство внутренних дел, что в Уфимской губернии на сельские должности попадали люди «малограмотные или вовсе неграмотные, крайне неразвитые умственно и нравственно. Люди же способные уклонялись от этих должностей, так как жалованье было незначительным, а сельская служба была сопряжена с большой ответственностью» [12, л. 240].

Важную роль на сходе играл сельский староста, который в некоторых волостях Уфимской губернии избирался не на три, а на один год. В волостях губернии с преимущественно русским населением выборы старост были сопряжены с постоянными трудностями. Так, в 1910 г. земский участковый начальник Стерлитамакского уезда С. Р. Минцлов писал, что в старосты крестьян «тащат чуть ли не си-лой, и они вечно умоляют освободить их от должности». Выборы же должностных лиц в башкирских волостях — своего рода «выборы американского президента — тут интриги, тут и подкупы» [5, с. 30]. Законодательство не устанавливало конкретного содержания сельским старостам, и их труд не вознаграждался. Поэтому на общественных должностях не всегда оказывались способные и пользующиеся хорошей репутацией крестьяне. Должности помощников волостных старшин, заседателя или казначея существовали лишь в некоторых волостях Уфимской губернии, но и там, где они были, должностные лица находились в полном подчинении волостного старшины или несли свои специальные обязанности, не вмешиваясь в другие дела [3, с. 81—84].

Деятельность волостных правлений не контролировалась уездными по крестьянским делам присутствиями, так как их непременные члены не посещали волостные правления в течение одного, двух и более лет [10, л. 181—183]. Губернатор П. А. Полторацкий оценивал волостное управление губернии как сочетание сословного, нотариального и крестьянского управления [12, л. 238]. Анализ материа-

лов ревизии Уфимской губернии 1880—1881 гг. показывает, что полноправным хозяином правления был волостной писарь. Волостные писари ежедневно выполняли тяжелый канцелярский труд. Им вменялись в обязанность сбор и обобщение данных о количестве посевов в волости, о всходах трав, о численности населения и обработка других сведений.

В 1910 г. С. Р. Минцлов, касаясь долопроизводства в волостных правлениях, писал: «Писаря сознавались мне, что все пишется ими «на глаз». Волостной писарь — это та самая кляча, которая, в сущности говоря, везет всю Россию. Нет министерства, начиная с военного, которое не засыпало бы их требованиями; канцелярщина при этом разведена убийственная. Надо самому побывать в волостных правлениях и повидать горы книг, нужных только затем, чтобы радовать глаз господ ревизоров, над которыми корпят писаря и их помощники» [5, с. 5—10].

Нередкими были должностные преступления и в деятельности органов крестьянского сословного управления. Только в 1873 г. были удалены от должности 126 сельских старост «по неспособности, за нетрезвость, нерадение» и другие преступки [9, л. 240]. Множество злоупотреблений имело место и в деятельности волостных старшин. Например, волостной старшина Кармышевской волости Стерлитамакского уезда Шарипов постоянно устраивал комбинации с казенными деньгами. В результате ревизии, произведенной 18 марта 1911 г., было обнаружено хищение им казенных денег в сумме 671 руб. [5, с. 47—60]. Лишь в 1870 г. в губернии были уволены со службы 14 волостных старшин за пьянство и 9 за злоупотребление властью [17, л. 18].

Беспорядки наблюдались и в деятельности волостных правлений. Так, из накопившихся в банке 875 тыс. руб. денег государственных крестьян к 1881 г. имелось только 180 тыс. руб. Остальная часть капитала была растрочена и роздана в форме ссуды под проценты, которые обращались

волостными правлениями в свою пользу [13, л. 89].

Таким образом, уездное и волостное управления являлись важными элементами государственного механизма управления. Однако в деятельности их допускалось множество беспорядков и злоупотреблений. Для уездных учреждений были характерны крайняя медлительность в производстве дел, канцелярская волокита, должностные преступления.

Список использованных источников и литературы

1. Ишкулов Ф. А. Судебно-административная реформа в Башкортостане. Уфа, 1994. 148 с.
2. Календарь и справочная книжка Уфимской губернии на 1897 год / Изд. Уфим. губ. стат. ком. Уфа, 1897. 278 с.
3. Ковалевский М. Е. Результаты ревизии губернских и уездных учреждений от 2 сентября 1880 и 19 января 1881 гг. Правительственные крестьянские учреждения. СПб., [Б. г.].
4. Леонов Н. И. Буржуазные реформы 60—70-х гг. XIX в. в Башкирии. Уфа : Баш. гос. ун-т, 1993.
5. Минцлов С. Р. Очерки Приуралья. Восточная часть Стерлитамакского уезда. Дебри жизни. Дневник 1910—1915 / предисл. М. Рахимкулова. Уфа : Башк. кн. изд-во, 1992.
6. Обзор Уфимской губернии за 1870 год. Уфа, 1871.
7. Обзор Уфимской губернии за 1897 год. Уфа, 1898.
8. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. / Центр. стат. ком. Т. 28. СПб., 1904. 283 с. Т. 45, тетрадь 2. СПб., 1904.
9. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1263. Оп. 1. Д. 3726.
10. РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 4402.
11. РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 4872.
12. РГИА. Ф. 1282. Оп. 2. Д. 14.
13. РГИА. Ф. 1282. Оп. 2. Д. 9.
14. Сборник статистических сведений по Уфимской губернии / Стат. отд. Уфим. губ. зем. управы. Т. 7. Уфа, 1901.
15. Список лиц, служащих по ведомству МВД в губерниях, областях и градоначальствах. СПб., 1903.
16. Центральный исторический архив Республики Башкортостан (ЦИАРБ). Ф. 85. Оп. 1. Д. 3.
17. ЦИАРБ. Ф. 9. Оп. 1. Д. 1677.
18. ЦИАРБ. Ф. 9. Оп. 1. Д. 679.
19. ЦИАРБ. Ф. 9. Оп. 1. Д. 715.
20. ЦИАРБ. Ф. 9. Оп. 1. Д. 722.
21. ЦИАРБ. Ф. 9. Оп. 2. Д. 3.
22. ЦИАРБ. Ф. 9. Оп. 2. Д. 9.

E. A. Кирьянова

«Не хлебом единым...» (проблемы культурной трансформации российской деревни в середине 1930-х годов)

В статье выявлены основные проблемы процесса культурной трансформации российской деревни в 1930-е годы, проанализировано влияние на духовную жизнь крестьянства репрессивного законодательства, культа личности И. В. Сталина, других факторов. Сделан вывод об основных чертах духовного облика сельчан.

Ключевые слова: социокультурная трансформация, традиционализация, либерализация, административно-командная система, духовное развитие, массовое сознание, традиционная крестьянская культура.

Крестьянский вопрос являлся и является важнейшим в истории России. В течение XX века произошло превращение традиционного аграрного общества в индустриальное, а крестьянской страны — в страну бывших крестьян. Весьма тревожны и наблюдаемые в настоящее время тенденции кризиса современного сельского хозяйства и деревенской жизни. Но реальности сегодняшнего дня своими корнями связаны с прошлым, в том числе и там, где речь идет о культурной трансформации и духовном облике российской деревни, что требует более вдумчивого осмыслиения исторического опыта.

Социокультурная трансформация рассматривается современными российскими учеными как комплексный процесс, охватывающий все основные структуры общества, не сводящийся к реформам «сверху», а зависящий от действий массовых социальных групп. Н. И. Лапин характеризует два основных типа социокультурных трансформаций: традиционализация — возникновение и укрепление традиций, обеспечивающих приоритет предписанных норм и правил, и либерализация — расширение свободы выбора и ответственности субъектов, увеличение возможностей для инновационных действий [8, с. 33—34]. В этом контексте интересно рассмотреть процессы, протекавшие в российской деревне в 1930-е годы — период завершения колLECTивизации и становления советского колхозного строя. В качестве объекта исследования взят Центр России — территория современных Московской, Рязанской, Тульской, Калужской и Тверской областей, входив-

ших в 1930-е годы в состав единой Московской области.

Моральная атмосфера общества 1930-х годов, нравственное здоровье народа были отягощены проблемами повседневного существования. Но у людей того времени такие качества, как доброта, сочувствие, солидарность, встречались ничуть не реже, чем хамство, себялюбие, равнодушие. А коллективизм, военное и трудовое мужество, героическая самоотверженность были присущи им в большей мере, нежели другим поколениям. При этом необходимо отметить, что жили эти люди в особое время, когда делалось немало для догматизации духовной жизни общества, для духовного закрепощения человека.

Командно-административная система нуждалась в гражданине нового типа: беззаботно преданном существующему строю, фанатично исповедующем официальную идеологию, индифферентном к общечеловеческим ценностям. В результате широко осуществляемой в 1930-е годы манипуляции общественным сознанием, спекуляции на светлых идеалах и устремлениях людей произошла серьезная деформация духовной жизни общества. Доминирование быта, личного интереса в жизненных ориентациях колхозников, усиленные «огосударствлением» колхозов, репрессивным законодательством и насиждением культа личности И. В. Сталина, тормозили, а иногда и совсем блокировали духовное развитие крестьян, отражались на их массовом сознании и поведении, на всей культуре советской деревни.

Одним из направлений культурного развития деревни было строительство

школ, завершение ликвидации неграмотности. По данным социологического обследования, проведенного в исследуемом регионе в 1938 г., среди молодежи 95% умели писать и читать, неграмотных было 3,4%, умели только читать 1,6% [18, с. 47]. В 1934 г. в 41% колхозов имелись школы (в большинстве своем — начальные), к 1937 г. школы работали уже в 2/3 колхозов изучаемых областей [20, л. 10].

Начало 1930-х гг. характеризуется реорганизацией сети учреждений культуры в сельской местности, что отчасти было вызвано реформой административно-территориального деления страны (1930 г.), в ходе которой вместо упраздненных волостей и уездов создавались районы. В реорганизованной сети роль центров, объединяющих и координирующих деятельность культурно-просветительных учреждений в масштабе района, выполняли открывавшиеся в административных пунктах библиотеки и дома социалистической культуры. Что касается последних, то они представляли собой учреждения культуры комплексного типа, включавшие зрительный зал, студии, комнаты для кружковых занятий. Первые подобного рода учреждения культуры стали появляться еще в 1930/31 г. Многие из них создавались на базе существующих культурно-просветительных учреждений. Для рядовых населенных пунктов в качестве типовых были определены избы-читальни, красные уголки и библиотеки. При этом часть расположенных в крупных селениях библиотек, наряду с районными, создавалась в качестве самостоятельных учреждений.

В 1930-е гг. дома социалистической культуры, районные и частично сельские библиотеки, а также избы-читальни содержались за счет государственного бюджета. Остальные культурно-просветительные учреждения входили во внебюджетную сеть и финансировались за счет колхозов, различных предприятий и общественных организаций.

В колхозной деревне полным ходом шло создание новых культурно-просветительных учреждений: в 1934 г. 11% колхозов имели клубы, 28% колхозов — избы-читальни, 19% колхозов — библиотеки. В дома колхозников пришли книги —

14,5% семей колхозников имели дома учебники, 24% семей — социально-политическую литературу, 20,6% — агрономические книги, 22,4% — беллетристику (по данным обследований статистических органов в Московской области в 1934 г.) [21, л. 12].

Партийно-советское руководство делало немало для того, чтобы максимально контролировать и направлять культурное строительство в деревне. По подсчетам историков, общие расходы государства, колхозов и общественных организаций на социально-культурные мероприятия в расчете на одного человека увеличились в нашей стране с 61,73 руб. в 1932 г. до 234,74 руб. в 1937 г. [3, с. 17]. Но при этом подчеркивалось, что огромные масштабы культурного строительства, с одной стороны, и известная ограниченность возможностей государства по финансированию этого строительства, с другой стороны, вызвали необходимость привлечения средств самого населения. Для этого начиная с 1932 г. был введен «сбор на нужды культурного и хозяйственного строительства деревни» (культсбор) [17, 1932, № 2, ст. 10]. Им облагались колхозники и единоличники, при этом сельсоветы имели право освобождать полностью или частично от сбора отдельные нуждающиеся хозяйства. Сумма сбора с колхозников составляла от 5 до 20 руб. с хозяйства, а с единоличников — от 8 до 150 руб. с хозяйства [17, 1933, № 5, ст. 31]. С 1935 г. резко повысили ставки культсбора для единоличников, а в 1936 г. для этих хозяйств размер сбора равнялся 200% оклада сельхозналога за предшествующий год [17, 1935, № 4, ст. 31; 1936, № 40]. Так на практике осуществлялся «налоговый пресс», который надо было применить, по мнению Сталина, чтобы направить единоличников в нужное русло — в колхозы.

Несмотря на стремление партийно-советской верхушки догматизировать и регламентировать культурную жизнь, в 1930-е гг. появились такие формы работы в деревне, которые сейчас трудно даже представить, а тем более — осуществить. Так, в конце 1933 г. «Крестьянская газета» опубликовала обращение колхозников Краблинского района Московской области

к работникам искусства: «Просим мы вас помочь нам, колхозникам, отпраздновать весело и культурно наш великий праздник — годовщину Октября». Через неделю в газете появилось сообщение о том, что во многие районы Московской области поехали артисты, художники, музыканты: концертная бригада Большого театра — в Кораблинский район, работники Центрального дома самодеятельного искусства — в Веневский район, Московского театра революции — в Угодозаводский район, театр им. Моссовета — в Бежецкий район и т.д. [31].

С 1935 г. театры Москвы взяли шефство над районами Московской области (Большой театр — Шиловский район, МХАТ-1 — Сараевский район, МХАТ-2 — Тульский район, театр им. Мейерхольда — Рязанский район, театр оперетты — Бабынинский район и т.д.) [22, л. 219].

В Рязанском районе с 1935 г. стало традиционным проведение художественных олимпиад колхозной самодеятельности, проводились такие олимпиады вплоть до 1940 г. [23, л. 219]. Интересные формы работы были и в других районах области [24]. Безусловно, во многих местах эта работа носила политизированный характер. Так, в Скопинском районе зимой 1934—1935 гг. было объявлено, что основной целью массовой культурно-политической работы в деревне является четкое усвоение каждым колхозником: «а) Как и когда свергли царя; б) Что такое Октябрьская революция; в) Что такое Советская Конституция и как построена Советская власть; г) Что такое Коммунистическая партия; д) Вожди партии и всех трудящихся — Маркс, Энгельс, Ленин, Сталин» [25, л. 35].

Особенно широкий размах получила культурно-просветительная работа зимой 1935—1936 гг. В декабре 1935 г. принято постановление Московского областного комитета ВКП(б) «О культурно-просветительной работе в деревне на зимний период 1935—1936 гг.». В нем предполагалось организовать новые колхозные библиотеки и вовлечь в школы взрослых 300 тысяч колхозников для обучения родному языку, математике, географии, естествознанию и даже иностранному языку; организовать

экскурсии в музеи и картинные галереи Москвы и области и т.д. [26, л. 110—111]. Многое из запланированного так и осталось невыполненным, но немало было осуществлено: в колхозы направили 6440 лекторов, которые прочитали 12 807 лекций; послали 115 звуковых кинопередвижек; 116 выездов совершили московские театры; 64 тыс. колхозников посетили музеи Москвы и области; организовали 245 новых колхозных стационарных библиотек и 1902 библиотеки-переводчики и т.д. [27, л. 42].

В период организации и укрепления колхозов традиционная крестьянская культура сталкивалась с новой, насаждаемой дисциплинарными методами, пресной и местными активистами. Народное мировоззрение стало полем борьбы за «нового» человека. При этом и газеты, и местный актив бичевали не столько темные стороны жизни деревни, заслуживающие порицания (пьянство, разгул), сколько сам факт проявления старого быта. Часто сложившиеся в соответствии с традиционными представлениями формы отрывали от их исконного содержания, подменяли его новым «социалистическим», отчего и возник комический эффект. Например, устраивали «похороны» плохой работы сельсоветов [7, с. 38—39]. Специальные издания обличали суть и процедуру «старой свадьбы», отмечая, что, «участвуя в обычной свадьбе, нужно постепенно вводить в нее новые песни, новые свадебные игры, новые обряды» [11, с. 5]. «Красная свадьба» в деревне и вся последующая жизнь крестьянской семьи должна привести к тому, что женщина «все увереннее и смелее при поддержке законов рабоче-крестьянского государства освобождается от побоев привередника мужа и свое-волья гнущих в три погибели свекровей, свекровь, золовок, деверей и прочей новой родни» [11, с. 13]. Таким образом, религиозные обряды пытались заменить новыми — советскими («красными») обрядами, перевернуть их в духе верности новой идеологии. Вместо прежней свадьбы — комсомольская свадьба, вместо похорон — красные похороны.

Сохранились воспоминания крестьян о том, как это проходило в конце

1920-х гг.: «Запомнился случай «красных похорон». Жил у нас мужик, был он верующий, ходил в церковь, молился Богу. Потом большевики-безбожники проводить стали свою пропаганду, и он перестал верить в Бога. Перед тем как умереть, он наказал сыновьям, чтобы его хоронили «по-новому», без попа. По такому случаю из района приехал оркестр. Когда покойного выносили из дома, заиграла музыка. Сестры-старухи просили не делать этого, а то душу его не пустят «до царства небесного», ведь мимо храма божьего понесут. С песнями и барабаном. Когда покойник был погребен, то все стали расходиться. Многие, особенно старики, были недовольны таким обрядом, говорили: «Нельзя так. Не по-божески это» [2, с. 287].

Одной из проблем деревни 1920—1930-х гг. стало пьянство. По поводу «пьянства и нерадивости» мужиков сокрушались еще помещики, вредному влиянию пьянства приписывали все беды сельской жизни многочисленные правительственные комиссии. Но в дореволюционной России деревня употребляла алкоголь значительно меньше, чем город. В 1913 г. по различным губерниям в городе приходилось на душу населения от 18 до 43 л спиртных напитков, а на селе — от 4,5 до 8 л [15, с. 61]. В 1927 г. количество алкоголя в переводе на 40 градусов на одну душу в среднем в городе снизилось до 13,4, в деревне выросло до 9,3 л. Для сравнения укажем, что во Франции на душу населения алкоголя в переводе на 40 градусов в 1924—1926 гг. приходилось более 45 л, в Англии — 20 л.

В 1920-е гг. после эпохи войн и революций, ограничения продажи водки, сокращения дополнительных приработков крестьян в деревне поднимается волна самогоноварения. Кроме указанных факторов, производство самогона имело экономические корни. Отсутствие отхожих промыслов и удешевление хлеба привели к тому, что самогон стал служить необходимым материальным подспорьем многим хозяйствам. Продажа самогона оказывалась выгодной.

Расцвет самогоноварения имел следствием значительное увеличение употребления алкоголя в сельской местности,

несмотря на сокращение потребления водки. Стали пить не только в праздники, но и в будни зимой. Особенно отмечался рост потребления алкоголя среди молодежи 15—20 лет и даже детей, а также среди женщин. Административные меры борьбы с самогоноварением давали небольшой эффект. В конце 1920-х гг. самогон гнали в целом по РСФСР в 41,1% крестьянских хозяйств, из них 34,6% гнали для себя, 6,5% — на продажу [15, с. 65].

В начале 1930-х гг. официальная пропаганда называла религию и водку «кулацкими окопами» в деревенском быту [1, с. 148]. Консерватизм крестьянской жизни, сильное влияние общинных традиций были теми сдерживающими факторами, которые не позволяли крестьянину поставить самогон выше интересов собственного хозяйства. Самым опасным последствием бурного развития самогоноварения в деревне явилось раннее привлечение к алкоголю молодежи. Несмотря на все попытки партийно-государственной верхушки и общественности бороться с «зеленым змеем» [6, с. 20—22, 9, с. 74—88, 10, с. 30—42], эта борьба закончилась в пользу последнего. Более того, по мнению некоторых исследователей, в 1930-е гг. «и без того приносящий социальный урон обществу алкоголь использовался государством как средство поддержания спокойствия среди населения» [19, с. 10].

Все указанные факторы и обстоятельства не могут в полной мере характеризовать уровень и значение культурного развития деревни в 1930-е гг. И хотя Д. Бедный на одной из встреч с сельчанами заявлял в 1936 г.: «Культура брызжет из нас, мы — самая культурная нация» [30], вопрос этот требует определенного пояснения.

В 1930-е гг. возникло специфическое явление в духовной жизни советского народа, которое некоторые исследователи называют «раздвоением массового сознания, массового поведения, культуры» [4, с. 221—238], другие же — «феноменом иллюзорного сознания» [5, с. 45—46]. Речь идет о том, что почти одновременно массовую популярность получили сталинские высказывания о человеке — «винтике» и сотни песен, стихов, книг, фильмов,

утверждавших, что советский человек — «хозяин» своей необъятной Родины. Люди того времени не видели здесь противоречия: и слова о винтике, и строки о хозяине выражали их мироощущение.

Этим раздвоением массового сознания умело пользовалась власть, выдвигая широкий спектр обращенных к массам лозунгов, призывов, сменяя одну пропагандистскую кампанию другой, затрагивая лучшие и худшие стороны человеческой души. Власть апеллировала к патриотическим чувствам народа (крен в сторону исторической проблематики в литературе, кино; развертывание исторического образования), опиралась на героическое и создавала культ человека труда (широкая пропаганда достижений стахановцев, чкаловцев, папанинцев и др.). Но здесь же раздавались призывы к разоблачению врагов народа, к их поискам сначала среди кулаков и «буржуазных специалистов», затем — среди представителей эксплуататорских классов, «пробравшихся» в партию, в государственные и советские органы, в колхозы, затем — среди коммунистов, «завербованных иностранными разведками».

Преобразования 1930-х гг. рождали и развивали в массовом сознании чувство участия в небывалом, великим деле, создавали условия, в которых основная масса советских людей воспринимала себя в качестве первопроходцев, от которых в решающей мере зависит будущее человечества и страны. При этом повседневные отношения и повседневные заботы (в том числе не только добрые и благородные) занимали в их сознании не меньше места, чем душевные движения, обусловленные их вовлеченностью в исторические действия всенародного и всемирного масштаба, но последние зачастую доминировали.

Особенно такие чувства и ощущения захватывали колхозных активистов и других крестьян, искренне веривших в правильность осуществляемых в деревне перемен. Эти люди умели не поддаваться апатии и безразличию, они не колебались и не сомневались в однажды избранном пути. «Будущее казалось нам невиданно прекрасным, манило нас и будто находилось рядом, рукой подать, — надоно

лишь честно-пречестно работать, — вспоминала активная участница колхозификации в Рязанской области П. П. Чижова. — По-моему, это помогало нам преодолевать всяческие трудности... душевный настрой был таким, будто по утрам не на работу шли, а на праздник!» [14, с. 325].

Однако с большинством сельского населения дело обстояло иначе. Ведь в ходе сплошной колхозификации, при ее завершении массированным ударам подвергся весь жизненный уклад крестьян — вековые нравственные и психологические устои крестьянской жизни, закрывались и разрушались культовые сооружения, осмеливались и запрещались народные праздники и обычаи и т.д. Крестьяне вспоминали о том, что происходило в 1930-е гг., так: «Церкви стали разрушать, сбрасывали кресты, а колокола переливали на пушки. Старые люди все равно верили в Бога, 80% из них были против закрытия церкви, а 20% шли против религии. Бедные люди были особенно против религии, так как что беднякам — есть Бог или нет, все равно он с неба не сойдет и досыта не нахормит. Сильно верили в Бога богатые семьи» [2, с. 292].

Стремясь сохранить в равновесии свой внутренний мир, многие крестьяне упорно держались за традиционные религиозные верования, а административные меры борьбы с религией (закрытие церквей, репрессии в отношении священнослужителей и т.д.) отнюдь не ускоряли действительное распространение атеизма [28].

Необходимо отметить, что состояние религиозности российского крестьянства на протяжении конца 1920-х — первой половины 1930-х гг. характеризуется развитием противоречивых тенденций. Еще в 1927 г. современник отмечал: «Церковные праздники показывают, до какой степени выдохлась церковная жизнь в деревне... На третий день Пасхи “привезли” папа и стали носить иконы» [12, с. 28]. По итогам всесоюзной переписи населения 1937 г. 42,9% населения СССР являлись атеистами; более половины (56,2%) — верующими, большинство из которых (75,3%) — православные. Отношение к религии у 0,9% населения СССР осталось неизвестным [13, с. 59]. Районные упол-

номоченные по переписи в своих отчетах отмечали, что, с одной стороны, в народе слышались призывы «писаться верующими, тогда откроют церкви»; с другой — «появились слухи среди населения о том, что верующих будут ссылать, с верующих будут брать налоги, детей верующих выбросят из школы». В Московской области «поповские агитаторы» распространяли слухи о том, что «правильно сказано в Библии, придет время, когда верующие будут поставлены в одну сторону, неверующие — в другую, на верующих будут смотреть как на кулаков, поэтому нужно ничего не отвечать на этот вопрос или вообще избежать переписи» [13, с. 59].

В повседневной жизни российского населения происходило постепенное вытеснение Церкви из общественной жизни, из таких ее сфер, как культура, школа, дошкольные учреждения, армия и т.д. Организация религиозного культа была обставлена множеством ограничений. Господствовавшее коммунистическое мировоззрение не терпело конкурентов.

Серьезные перемены происходили в сознании сельской молодежи и детей. Уже в конце 1920-х гг. крестьянские дети указывали в своих сочинениях, что они хотят стать портными, столярами, сапожниками, учителями [12, с. 23]. Привлекательность называемых детьми профессий определялась не столько величиною материальной их обеспеченности (она невелика), сколько предполагаемой легкостью и формой этого желанного труда. Его условия были известны ребятам только понаслышке или издали, но влекли их к себе возможностью выхода из слишком трудной обстановки крестьянской жизни («В крестьянстве очень много работы», «Крестьянину плохо, потому что заработка плохая», «Надо каждую копейку заработать и все время ломаться надо» и т.д.) [12, с. 20, 21].

В целом весь спектр перемен в менталитете и умонастроениях крестьян можно свести к следующим основным процессам:

1. Тенденции архаизации крестьянского сознания, что нашло выражение в усилении традиционных механизмов коммуникации — слухи, толки, замыкание крестьян в узком кругу местных интересов, игнорирование элементарных требо-

ваний государства (сокрытие посевов, неуплата налогов, самогоноварение).

2. Позитивные изменения (расширение кругозора крестьян, рост общественных интересов и потребностей).

3. Негативные процессы — отход значительной части сельского населения от религии, деформация трудовой этики, нарастание уравнительных настроений, восприятие стереотипов коммунистической мифологии — классовой зависти, ненависти, вражды.

В 1930-е годы культурные преобразования протекали на фоне общественно-экономических перемен, направленных на «городское» преобразование сельского хозяйства страны. В эти годы претерпел существенные изменения характер труда крестьян. Еще на XVII съезде партии в 1934 г. отмечалось, что «старая деревня... начинает исчезать. На ее место вступает новая деревня с ее общественно-хозяйственными постройками, с ее клубами, радио, кино, школами, библиотеками и яслими, с ее тракторами, комбайнами, мототракторами, автомобилями» [29, с. 24]. Таким образом, в 1930-е годы в рассматриваемом регионе и в целом по стране десятки тысяч людей осваивали начала современной городской культуры, получали образование, приобщались к ценностям мировой цивилизации, но при этом происходило грубое и бессмысленно спешное разрушение устоев традиционного образа жизни и усвоение нового жизнеустройства. Место еще не развившихся, не усвоенных этими людьми культурных ценностей и духовного богатства занимали грубые формы псевдосоциалистической идеологии.

Список использованных источников и литературы

1. Алексеев И., Шишаков В. Кулацкие окопы. (Религия и водка в деревенском быту). М., 1930.
2. Бердинских В. Крестьянская цивилизация в России. М., 2001.
3. Вылцан М. А., Ким М. П. Культурное строительство в советской деревне (1933—1940 гг.) // Вопросы истории. 1966. № 5.
4. Гордон Л. А., Клопов Э. В. Что это было? Размышления о предпосылках и итогах того, что случилось с нами в 30—40-е годы. М., 1989.
5. Горинов М. М. Советская страна в 20-х — начале 30-х годов // Вопросы истории. 1990. № 11.

6. Коржихина Т. П. Борьба с алкоголизмом в 1920-е — начале 1930-х годов // Вопросы истории. 1985. № 9.

7. Крестьянская жизнь на страницах местной советской прессы периода коллективизации // Живая старина. 1997. № 1.

8. Лапин Н. И. Социокультурная трансформация России: либерализация versus традиционализация [Электронный ресурс] // Журнал социологии и социальной антропологии. 2000. Т. 3, № 3. С. 33—34. URL: www.old.jourssa.ru/2000/3/1cLapin.pdf

9. Литvak К. Б. Самогоноварение и потребление алкоголя в российской деревне 1920-х годов // Отечественная история. 1992. № 4.

10. Лебина Н. Б. Теневые стороны жизни советского города 20—30-х годов // Вопросы истории. 1994. № 2.

11. Марков В. Д. Красная свадьба в деревне. М., 1927.

12. Петров В. В. Быт деревни в сочинениях школьников. М., 1927.

13. Петюкова О. Н. Русская православная церковь в российской деревне в 1920-е годы : дис. ... канд. ист. наук. М., 1997.

14. Пешехонова М. И. [и др.]. Вместе с великим Сталиным. Отчеты делегатов II Всесоюзного съезда колхозников-ударников на общих собраниях колхозов. М., 1935.

15. Привалова Т. В. Быт российской деревни (60-е годы XIX в. — 20-е годы XX в.). М., 2000.

16. Прудникова Е. А. Труд и быт в колхозах. М., 1930.

17. Собрание законов СССР. 1932—1936.

18. Социальный облик колхозной молодежи. По материалам социологических обследований 1938 и 1969 гг. М., 1976.

19. Траншел К. Проблема пьянства в России и антиалкогольное движение в годы первой пятилетки (1928—1933 гг.) // История России: диалог российских и американских историков. Саратов, 1994.

20. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 1562. Оп. 78. Д. 211.

21. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 78. Д. 188.

22. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 21. Д. 3013.

23. Государственный архив Рязанской области (ГАРО). Ф. П-123. Оп. 21. Д. 313. Л. 219.

24. ГАРО. Ф. П-53. Оп. 1. Д. 46. Л. 4; Ф. Р-27. Оп. 1. Д. 49. Л. 55; Д. 132. Л. 249; Ф. Р-32. Оп. 4. Д. 4. Л. 106; Ф. Р-34. Оп. 1. Д. 13. Л. 11.

25. ГАРО. Ф. П-1437. Оп. 1. Д. 68.

26. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 21. Д. 3015.

27. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 21. Д. 3023.

28. Особенно активно процесс закрытия церквей шел в изучаемых областях в 1935—1938 гг. (ГАРО. Ф. Р-27. Оп. 1. Д. 80. Л. 49—57; Д. 157. Л. 273; Ф. Р-38. Оп. 1. Д. 132. Л. 15; Д. 239. Л. 178; Д. 240. Л. 1; Д. 243. Л. 11; Ф. Р-42. Оп. 1. Д. 395. Л. 155; Ф. П-222. Оп. 1. Д. 358. Л. 50; Ф. П-123. Оп. 1. Д. 217. Л. 69—70).

29. XVII съезд ВКП(б). Стенографический отчет. М., 1934.

30. Известия. 1936. 15 февр.

31. Крестьянская газета. 1933. 21, 26 окт.

105

УДК 94(477)“1917/1919”

Н. А. Ковалева

Социальные конфликты в украинской деревне в условиях «аграрной революции» (1917—1919 гг.)

В статье анализируются позиция и деятельность разных слоев сельского общества относительно уравнительного распределения земли, земельных переделов внутри общины, возвращения имущества землевладельцам. Источники свидетельствуют о возникновении социальных конфликтов при решении этих вопросов.

Ключевые слова: «аграрная революция», крестьянство, община / сельское общество, сельские сходы, передел земли.

В условиях «аграрной революции» (войны крестьян за землю с помещиками, государством) возросла роль общины, которая преимущественно пыталась защищать экономические интересы своих членов. Вместе с тем при решении имущественных вопросов в крестьянской общине возникали и социальные конфликты. Изучение проблемы социальных взаимо-

действий в сельском обществе периода «аграрной революции» 1917—1919 гг. позволяет понять трансформацию общинных связей досоветской деревни. Большевики, воплощая с 1920-х годов политику классового раскола деревни, ликвидировали существующие в ней социальные устои.

Проблема социальных взаимоотношений в украинской деревне 1917—1919 гг.

получила фрагментарное освещение в исторической литературе: М. А. Рубач в 1920-х годах исследовал этапы развития «аграрной революции» в 1917 г. [4], В. В. Кабанов в 1980-х гг. охарактеризовал особенности общинной организации крестьянства в условиях революции и гражданской войны [1]. Среди современных украинских исследователей проблему социокультурных процессов в среде крестьянства, в том числе и в условиях «аграрной революции», поставил днепропетровский исследователь А. В. Михайлюк [3]. Однако современная историческая наука не наполнила новым фактическим материалом и не осуществила теоретическое переосмысление проблемы социальных взаимоотношений в среде украинского крестьянства в 1917—1919 гг. Раскрыть проблему социальных конфликтов в украинской деревне в условиях «аграрной революции» позволяют материалы сельских сходов и нарративные источники. Целью данного исследования является характеристика позиции и деятельности разных социальных слоев сельского общества при решении имущественных вопросов в 1917—1919 гг.

Во время гражданской войны нередко единственным органом власти на селе являлся сельский сход. Полномочия сельского схода как органа самоуправления после Февральской революции 1917 г. были значительно расширены в сравнении с «Положением о сельском состоянии», действовавшим с 1902 г. Кроме рассмотрения административно-хозяйственных вопросов (ст. 62 содержит 20 позиций) [5, с. 14—15], сельские сходы получили возможность формировать новые органы местной власти и обсуждать пути и способы решения земельного вопроса, отношение к которому в крестьянской среде было неоднозначным.

Мирный и довольно законопослушный характер развитие «аграрной революции» приобрело в обществе с. Иосифовка Новомосковского уезда Екатеринославской губернии (лютеранская колония Иозефсталь своей особенностью имела наличие большого количества малоземельных крестьян). Летом 1917 г. в с. Иосифовка малоземельные и безземельные крестьяне

начали борьбу за пользование общественным сенокосом (им пользовались исключительно зажиточные крестьяне, которые из 511 дес. сенокоса засеяли 160 дес.). 10 июня 1917 г. сельский сход (93 домохозяина) во главе с заместителем сельского старосты решил разделить поровну между безземельными и малоземельными общинниками незасеянные сенокосные земли и начать сенокос [21, л. 32 об. — 33 об.]. 12 июня был созван новый сельский сход во главе с сельским старостой Вильгельмом Куном (42 участника), который признал незаконным приговор схода безземельных и малоземельных членов общества от 10 июня 1917 г. и избрал уполномоченных для обжалования его решения [21, л. 35 об. — 36]. С установлением власти гетмана П. Скоропадского вопрос о пользовании общественным сенокосом решили в свою пользу зажиточные крестьяне. 19 июня 1918 г. сельский сход Иосифовки (83 участника) постановил разделить 112 дес. общественно-го сенокоса в урочище Красном между многоземельными членами общины пропорционально количеству скота и с условием выплаты причитающихся за эту землю платежей [21, л. 129].

Раскололось общество Иосифовки и в вопросе раздела земли. 20 августа 1917 г. сход во главе с сельским старостой И. Куном (по подписям в приговоре зафиксирован 101 участник) принял решение: 108 дес. выгонной вспаханной земли, находящейся в пользовании только зажиточных крестьян, распределить поровну между членами общины; надельную полевую (общественную) землю в урочище Красном разделить поровну между 115 домохозяевами; для постройки усадеб тем, кто нуждался в них, выделить по $\frac{1}{4}$ дес. земли из общественной выгонной земли [21, л. 53—53 об.]. На следующий день, 21 августа 1917 г., на сельский сход во главе с тем же старостой И. Куном собрались 44 крестьянина и признали незаконными постановления 20 августа, принятые малоземельными и безземельными общинниками, для обжалования их приговоров избрали своих уполномоченных [21, л. 55 об.].

Осенью 1917 г. «аграрная революция» приобрела более радикальный характер,

деятельность крестьян направляется на захват помещичьей земли, имений, инвентаря. Крестьянская война против помещиков сплотила и зажиточных крестьян, и беднейшую часть деревни: в погромах помещичьих имений участвовали представители всех слоев крестьянства. Зажиточные крестьяне и середняки, имевшие своих лошадей и подводы, могли перевезти награбленное у помещика имущество, а также сразу засеять помещичью землю или просто лучше спрятать награбленное [7, с. 214; 4, с. 14]. Середняки в Южно-степной Украине, по наблюдениям селькора с. Снегиревки Херсонского округа М. Д. Шаповалова, в войне с помещиками занимали нейтральную позицию: «У меня, мол, есть немного, буду как-нибудь перебиваться, лишь бы меня не трогали» [6, с. 258]. Беднейшие крестьяне при разделе помещичьих имений получали зерновой хлеб. Солдатам с. Отбедо-Васильевка Херсонского уезда и губернии, мужья которых находились на фронте, из имения помещика А. И. Линке осенью 1917 г. было выделено 180 пудов ржи, а 300 пудов разобрали крестьяне окрестных сел [19, л. 5].

Весной-летом 1918 г. всталася проблема возвращения разграбленного крестьянами у помещиков имущества. Ответственность за его возвращение уездные старосты пытались возложить на сельские сходы. Нередко во время примирения села с помещиками сельские сходы распределяли сумму ущерба, нанесенного помещичьему имению, на всех крестьян, включая и тех, кто не участвовал в погромах и грабежах. «Благонамеренная часть крестьянства» (зажиточная) жаловалась летом 1918 г. на эти решения сельских сходов Подольскому губернскому старосте. Солидарную ответственность общества они объясняли тем, что большинство на сходе составляли крестьяне, участвовавшие в грабежах помещичьих имений [8, л. 25].

Наибольшей глубины социальные конфликты в сельском обществе достигли во время передела помещичьей земли зимой 1917—1918 гг., который нередко имел насилиственный характер и осуществлялся вооруженным путем. В с. Андреевка Монастырищенской волости Нежинско-

го уезда Черниговской губернии 29 марта 1918 г. сельский сход постановил разделить по уравнительной норме всю землю между трудовым населением. Однако назначенный сходом крестьянин не подписал приговор за неграмотных. Ночью 30 марта зажиточные крестьяне на своем собрании избрали двух делегатов для поездки к Нежинскому уездному комиссару [20, л. 4]. 1 апреля 1918 г. был созван новый сельский сход в полном составе (216 чел.) с участием исполнительного и земельного комитетов. Собрание раскололось на две части: бедных и зажиточных. Обсуждение длилось более 4 часов и чуть не превратилось в кулачную расправу. Земельный комитет Андреевки сложил свои полномочия, а сход был закрыт без какого-либо решения [20, л. 1—1 об., 4 об.]. 5 апреля общество Андреевки во главе с председателем сельского исполнительного комитета К. Багметом (количество участников не указано) постановило распределить по уравнительной норме земли под яровой посев на 1918 г. [20, л. 2].

С помощью огнестрельного оружия крестьяне с. Введенского Змиевского уезда Харьковской губернии (были установлены и задокументированы фамилии 12 участников) 10 апреля 1918 г. самовольно захватили более 200 дес. частно-владельческой земли (из общего количества 728 дес., которой их собственники владели с 1872 г.). С прошением прекратить самоуправные захваты 20 апреля 1918 г. к Харьковскому губернскому комиссару обратились 97 собственников села [22, л. 16—17]. Вооруженный винтовками отряд из 17 человек на сельском сходе в с. Юрово Плюсковской волости Мглинского уезда Черниговской губернии (ныне — Брянская область РФ) весной 1918 г. заставил зажиточных крестьян согласиться на уравнительный раздел земли [7, с. 132]. Ответственность за передел земли сельские сходы таким образом возлагали на все общество.

Другим объектом крестьянской войны, начавшейся летом — осенью 1917 г., стали хуторяне и отрубники. В общественном сознании жители хуторов и отрубники преимущественно считались людьми зажиточными, вспоминал крестьянин К. М.

Молчанов (с. Луганское Петровской волости Бахмутского уезда Екатеринославской губернии). При выходе из общины, как это было в его селе в 1910—1911 гг., отрубники забирали лучшие земли и пастища, стесняя оставшуюся крестьянскую общину [7, с. 194—195]. Поэтому общество и стремилось вернуть их в общину, чтобы улучшить землепользование и землеобеспеченность своих членов, поскольку в некоторых обществах земельные переделы не проводились более 20 лет.

Летом 1917 г. крестьянское движение против отрубников и хуторян началось в Харьковской, Екатеринославской, Черниговской губерниях [2, с. 54]. Сначала крестьяне препятствовали ведению отрубных хозяйств, забирали у них скот, хлеб. Затем начались поджоги хуторов, избиение отрубников и хуторян и даже убийства [6, с. 188; 7, с. 138, 195]. Отрубники, со своей стороны, до полусмерти избивали крестьян, получивших земельный надел на их участке [7, с. 195—196].

О крестьянском отношении к отрубникам и хуторянам в Харьковской губернии свидетельствуют приговоры сельских сходов по земельному вопросу, подготовленные для Учредительного собрания. Сельский сход Царевского общества Ново-Айдарской волости Старобельского уезда Харьковской губернии от 15 октября 1917 г. (89 из 127 домохозяев) признал за общиной право распоряжаться землей (наделение и установление сроков пользования) и постановил бесплатно передать в общину отрубную землю (и даже купленную) [12, л. 107]. Общинное пользование землей поддержали и сельские сходы Венделевского общества (16 октября, 32 из 40 домохозяев), Михайловского общества Ново-Айдарской волости Старобельского уезда (15 октября, 47 из 57 домохозяев) [12, л. 111, 113].

Сельский сход с. Подобная Краснопольской волости Уманского уезда Киевской губернии 14 февраля 1918 г. (228 участников), обсуждая вопрос об уравнительном разделе земли весной 1918 г., предложил включить отруба в общий передел [9, л. 36 об.]. 8 апреля 1918 г. общее собрание села (182 участника) постановило упразднить все отрубные участки в селе

после уборки хлеба с 1918 г. [9, л. 56 об.]. Решение немедленно уничтожить отрубные хозяйства и перейти к общинному землепользованию по передельной системе (шестилетние периоды пользования, форма передела четырехпольная) принял сход Подобной (153 чел.) 22 апреля 1919 г. Для осуществления передела избрали комиссию в составе 20 человек [10, л. 27—27 об.]. Общее собрание деревни 15 июня 1919 г. (200 чел.) постановило обеспечивать землей из отрубных хозяйств, превышающих норму в 1 десятину на душу, безземельных и малоземельных крестьян общества [10, л. 33]. Фактически ликвидация хуторов и отрубов завершилась в 1919 г., и в последующие годы [2, с. 55] отрубники и хуторяне вернулись в общину.

Раскол в крестьянской среде вызвали также переделы общественной земли (сроком от 1 до 12 лет), которые происходили летом — осенью 1919 г. в Харьковской и Полтавской губерниях. Земельные переделы уездными управлениями запрещались по разным причинам, однако приговоры сельских сходов интересны для характеристики крестьянских настроений в разных сельских общинах.

Количество участников сельских сходов, принимающих решение о проведении общественного передела земли, в большинстве случаев не соответствовало установленной законодательством норме в $\frac{2}{3}$ голосов. В приговорах многих обществ Старобельского уезда зафиксировано чуть более половины участников сельских сходов [15, л. 5; 16, л. 2—2 об.; 17, л. 1; 18, л. 2]. В Лозовском сельском обществе Парасковеевской волости Константиноградского уезда Полтавской губернии решение на сходе 3 августа 1919 г. о переделе надельной общественной земли принимали 126 человек от 370 дворов [11, л. 3].

Достичь согласия членов общества на земельный передел было очень сложно, несогласные (даже несколько человек) пытались обжаловать такие приговоры. 22 сентября 1919 г. сельский сход Бахмутовского общества Старобельского уезда (202 домохозяина из 483) принял решение осуществить второй передел земли, пред назначенной для весеннего посева, сроком на один год. Это решение было принято

114 голосами против 58. 26 сентября приговор обжаловали 95 домохозяев Бахмутовки [18, л. 2—4].

Решение сельского общества Верхней Покровки Старобельского уезда Харьковской губернии 7 июля 1919 г. (276 домохозяев из 397) провести общий передел земли сроком на 12 лет поддержали 180 членов общества при 91 несогласном [14, л. 3—4 об.]. В сентябре 1919 г. общество Верхней Покровки начало передел толочной земли сроком на один год. 20 сентября 1919 г. часть граждан подала жалобу начальнику Старобельского уезда на проводивших этот передел крестьян [13, л. 232]. Как показало дознание и «частные заявления» членов общества, первым начал пахать землю сельский староста Верхней Покровки Андрей Воронцов [13, л. 231—231 об.]. На сходах 7 и 13 октября Верхне-Покровское общество постановило уже вспаханную толочную землю оставить за вспахавшими, большую часть толочной земли переделить по-старому, а пострадавшим от передела вернуть отобранную землю [13, л. 233—233 об.].

Много нареканий вызвал передел земли в с. Колядовка (обществом хутора Михайловов). 17 августа 1919 г. пять жителей хутора написали прошение начальнику Старобельского уезда приостановить самовольный передел общественной надельной земли, начатый «самой малой частью» жителей хутора с целью получить землю на новорожденные души (предыдущий передел в обществе производился около 25 лет тому назад) [13, л. 85]. 19 августа прошение запретить обществу передел земли, принадлежащей его семье (ему лично, брату и матери), написал крестьянин того же общества Г. Недобега [13, л. 58]. 20 августа начальником Старобельского уезда было выдано предписание о прекращении передела [13, л. 61, 62]. 2 сентября с прошением запретить самовольный передел земли Михайловским обществом Колядовской волости обратились 28 членов этого общества, которые имели земли, укрепленные в собственность, или не желавшие осуществлять передел [13, л. 67]. 4 сентября начальник Старобельского уезда издал новое

предписание о прекращении самовольных переделов и проведении дознания [13, л. 71 об.]. Сельский староста Д. Михайлик три раза объявлял сельскому сходу о прекращении передела земли, но не мог остановить общество [13, л. 59]. Не послушалось общество и и. о. волостного старшины М. Бондаря. В Колядовку выехал помощник начальника Старобельского уезда, который констатировал, что передел земли был прекращен 13 сентября. По его личным впечатлениям, передел земли был желательным для сельского старосты и сельского писаря, почему они и не удерживали общество от насилиственных действий. По результатам дознания наказали волостного писаря Д. Дубровского (объявлен строгий выговор) и сельского старосту Д. Михайлику (оштрафован на 3 рубля) [13, л. 62, 64].

Социальные конфликты в сельских обществах в 1917—1919 гг. нередко решались вооруженным путем, сопровождались переделом имущества и даже человеческими жертвами. Середняки и зажиточные крестьяне принимали активное участие в погромах помещичьих имений в конце 1917 — начале 1918 г. Во время уравнительного раздела земли весной 1918 г. возросла роль беднейших крестьян. Крестьянское движение ликвидировало хутора и отруба, в ходе «аграрной революции» произошло осерднячивание деревни, ее социальная консолидация.

109

Российская деревня в XVIII—XXI веках: социокультурное измерение

Список использованных источников и литературы

1. Кабанов В. В. Октябрьская революция и крестьянская община // Исторические записки. М. : Наука, 1984. Т. 111. С. 100—150.
2. Качинский В. Очерки аграрной революции на Украине. Х. : Державне видавництво України, 1922. Вип. 1. 107 с.
3. Михайлюк О. В. Селянство України в перші десятиліття ХХ ст.: соціокультурні процеси. Д. : Інновація, 2007. 456 с.
4. Рубач М. А. Аграрная революция на Украине в 1917 г. // Летопись революции. 1927. № 5—6. С. 7—45.
5. Свод законов Российской империи. СПб., 1902. Т. 9: Положения о сельском состоянии.
6. 1917 год в деревне. М. ; Л. : ГИЗ, 1929. 360 с.
7. 1917 год в деревне (воспоминания крестьян). М. : Изд-во полит. лит., 1967. 288 с.
8. Центральный государственный архив высших органов власти и управления Украины (далее — ЦГАВОВУ). Ф. 433. Оп. 1. Д. 6.

9. ЦГАВОВУ. Ф. 737. Оп. 1. Д. 4.
 10. ЦГАВОВУ. Ф. 737. Оп. 1. Д. 5.
 11. ЦГАВОВУ. Ф. 897. Оп. 1. Д. 37.
 12. ЦГАВОВУ. Ф. 1326. Оп. 1. Д. 32.
 13. ЦГАВОВУ. Ф. 1339. Оп. 1. Д. 17.
 14. ЦГАВОВУ. Ф. 1339. Оп. 1. Д. 30.
 15. ЦГАВОВУ. Ф. 1339. Оп. 1. Д. 33.
 16. ЦГАВОВУ. Ф. 1339. Оп. 1. Д. 35.
 17. ЦГАВОВУ. Ф. 1339. Оп. 1. Д. 46.
 18. ЦГАВОВУ. Ф. 1339. Оп. 1. Д. 50.
 19. ЦГАВОВУ. Ф. 1416. Оп. 1. Д. 14.
 20. ЦГАВОВУ. Ф. 1617. Оп. 1. Д. 13.
 21. ЦГАВОВУ. Ф. 1982. Оп. 1. Д. 3.
 22. ЦГАВОВУ. Ф. 3056. Оп. 1. Д. 11.

УДК 94(47)+398

B. B. Кондрашин

Крестьянский фольклор о голоде 1932—1933 годов в Поволжье и на Южном Урале

Одним из ярких проявлений культуры традиционного крестьянского общества является фольклор. В нем запечатлено крестьянское восприятие окружающей крестьянский мир действительности, в том числе трагические страницы его истории.

Одной из них является голод 1932—1933 гг. В настоящее время эта тема получила особое внимание в отечественной и зарубежной историографии в связи с попыткой Украины доказать факт геноцида голodomором украинского народа в 1932—1933 гг. со стороны сталинского режима¹. На наш взгляд, главную роль в аргументации сторонников этой концепции и ее противников должна играть достоверная и разнообразная источниковая база². В данном контексте наряду с традиционными источниками возможно обратиться и к такому их виду, как фольклор.

В конце 1980-х — начале 1990-х гг. нами были проведены записи воспоминаний свидетелей голоды 1932—1933 гг. в 80 деревнях и 22 сельских районных центрах Пензенской, Самарской, Оренбургской, Саратовской и Волгоградской областей³. С помощью специально составленной анкеты и магнитофонной записи было проинтервьюировано 617 очевидцев этой трагедии в Поволжье и на Южном Урале. Территориально населенные пункты для записи воспоминаний свидетелей голоды выбирались с расчетом, чтобы охватить всю территорию указанного региона, пораженную голодом в 1932—1933 гг. Границы, в которых осуществлялась выборочная запись воспоминаний,

проходили по бывшим пограничным районам Нижне-Волжского и Средне-Волжского краев, граничащих ныне с территорией Казахстана, а также районами, не охваченными массовым голодом в 1932—1933 гг. Крайними точками на севере региона стали Никольский район Пензенской области, Челно-Вершинский район Самарской области, Шарлыкский район Оренбургской области, на юге — Иловлинский район Волгоградской области, на западе — Тамалинский район Пензенской области, Турковский и Романовский районы Саратовской области, Ново-Аннинский и Суровикинский районы Волгоградской области, на востоке — Новоорский и Домбаровский районы Оренбургской области. В пределах обозначенных границ выбор селений для записи воспоминаний осуществлялся по принципу равномерного охвата всей территории исследуемой области.

Основным средством извлечения информации из памяти старожилов поволжских и южноуральских деревень стало анкетирование. Вопросы анкеты «Свидетеля голоды 1932—1933 годов в деревне Поволжья» были составлены на основе изучения проблемы голоды в отечественной историографии. При составлении вопросов анкеты особое внимание было уделено такому аспекту проблемы, как отражение голоды 1932—1933 гг. в народном фольклоре (слухах, поговорках и т.д.), который справедливо считается в историографии «зеркалом» крестьянского менталитета. В частности, в анкете был вопрос: «Пом-

110

ните ли вы частушки, пословицы, поговорки, анекдоты о коллективизации и голоде 1932—1933 годов? Да или нет? Если да, то какие? Если нет, то сочинял ли их народ тогда и знали ли их в вашей деревне?».

Выбор свидетелей голода осуществлялся с таким расчетом, чтобы получить оценку событий 1932—1933 гг. в голодавших деревнях от представителей различных социальных групп сельского населения: простых колхозников, руководства колхозов, сельсоветов, единоличников, членов КПСС, занимавших данное социальное положение в начале 1930-х гг.

Полученные результаты дают основание заключить, что голод 1932—1933 гг. оставил неизгладимый след в народной памяти. Старожилы Поволжья и Южного Урала, пережившие голод, вспоминали: «В тридцать третьем году всю поели лебеду. Руки, ноги опухали. Умирали на ходу»⁴. В некоторых поволжских деревнях старики и старухи, в молодости пережившие голодомор, на заросших травой общих могилах местных кладбищ до последних дней своих поминали невинные его жертвы. На многих сельских кладбищах в незатронутых голодомором районах Пензенской области доныне имеются могилы «странников» — безымянных людей, умерших в окрестностях села, на дорогах в голодные 1932—1933 гг. За этими могилами ухаживают деревенские женщины и, приходя на кладбище, не преминут помолиться у этих могил за погибших на чужой стороне безвестных людей и своих родственников, сгинувших на чужбине. В селе Козловка Лопатинского района Пензенской области в память о горестных событиях 1932—1933 гг. сложилась традиция: во время игры в лото фишку «33» называть «голодным годом»⁵.

В воспоминаниях старожилов нашел отражение и такой аспект, как слухи, циркулирующие в селениях в 1932—1933 гг. в связи с наступившим голодом. Они касались главного вопроса — причины голода. Все слухи однозначно связывали голод с политикой Советского государства. Ни в одном из них не шла речь о других причинах (засухе, войне и т.д.). При этом в слухах персонифицировалась ответственность за трагедию. Главными ее виновни-

ками назывались И. В. Сталин и его ближайшее окружение, которые организовали голод для решения проблемы индустриализации и укрепления колхозного строя. Приведем примеры этих слухов в той редакции, в которой они были записаны нами в обследованных селениях со слов старожилов.

И. В. Сталин — главный виновник голодда.

«Про Сталина говорили, может быть, он русским мстит за Кавказ, который они за 40 лет завоевали»⁶.

«Когда Ленин умирал, Сталину приказывал: Досы (досыта. — В. К.) хлеба не давать, мяса не показывать»⁷.

«Дорогой товарищ Сталин, приходи к нам на блины...»⁸.

«В 1932 году была “сталинская выкачка золота”. Сделали голодовку для того, чтобы выкачать из населения золото. Были магазины Торгсина, в которых все продавали за золото. На золото можно было в Саратове в 1933 году в Торгсине купить продукты»⁹.

«Торгсин» — «Товарищи! Опомнитесь! Россия гибнет! Сталин истребляет народ!»¹⁰. Именно таким образом во время голода 1932—1933 гг. в народе расшифровывали название торгового учреждения, продававшего продукты питания иностранцам и советским гражданам за валюту и изделия из драгоценных металлов.

«В 1933 году элеваторы были полны хлеба, но хлеб этот не давали. Сталин запретил давать хлеб, и люди умерли от голодда. Надо было Сталину проучить мужиков за то, что они не работали. В колхозах порядка не было»¹¹.

«Голодуха специально была организована Сталиным. Он кулаков, самых хозяев, забрал, а беднота ничего не умела. Им надо было только командовать. Они разорили все»¹².

Таким образом, ходившие в народе слухи объясняли голод злой волей Сталина, который как выходец с Кавказа «мстил русским» за его завоевание. Также он «забрал хлеб и продовольствие» ради затеянной им индустриализации и коллективизации. Показателен слух о связи политики Сталина с «ленинским приказом» «не давать хлеба и мяса» народу. О самом В. И.

Ленине и его связи с голодом в селе Мачеха Киквидзенского района Волгоградской области нами записана следующая частушка со слов Ф. В. и А. П. Таракановых:

«А у нашего колхоза зарезали кошку.

А Шилов (председатель колхоза. —

В. К.) давал приказ варить понемножку.

А у нашем колхозе зарезали мерина.

Три недели кишки ели и поминали Ленина».

В поволжских деревнях существовал и слух о причастности Л. Д. Троцкого к трагедии 1932—1933 гг.: «Когда Ленин умирал, Троцкому приказывал: людям хлеба не давать и деньги не показывать»¹³.

В 1933 году по селениям Нижне-Волжского края ходил слух об особой роли «всесоюзного старосты», председателя ЦИК СССР М. И. Калинина в организации голода. Вот как воспроизвел его житель районного центра Турки Саратовской области А. Г. Семикин: «Была молва, что этот искусственный голод сделан Калининым, чтобы люди шли в колхоз. Чтобы колхозник привык к колхозу, как Дуров (дрессировщик. — В. К.) животных приучал голодом. Если колхозник перенесет голод, то привыкнет и лучше будет ценить колхозное производство»¹⁴.

В свидетельствах очевидцев очень ярко прозвучала мысль о неразрывной связи голода 1932—1933 гг. с экспортом зерна за границу и чрезмерными налогами, буквально «дравшими шкуру» с крестьян. Она была зафиксирована и в ходивших по селениям тайных разговорах между односельчанами, которые нередко были облечены в стихотворную форму. Приведем наиболее типичные из них в редакции опрошенных нами свидетелей голода:

«Дранку, барду, кукурузу — Советскому Союзу.

А рожь, пшеницу отправили на... за границу»¹⁵.

«Пшеницу за границу, яйца в коопацию,

... на мясозаготовку, м... на облигацию»¹⁶.

«Рожь, пшеницу отправили за границу.

А цыганку, лебеду — колхозникам на еду»¹⁷.

«Рожь, пшеницу за границу, а овес, кукурузу — Советскому Союзу»¹⁸.

«Пшеницу — за границу, рожь, картошку — на вино.

Как в Зерклинском колхозе — то спектакль, то кино».

«Пшеницу за границу, яйца в коопацию,

Старых девок на дрова, ребят на облигацию»¹⁹.

Судя по рассказам очевидцев, в голодавших селениях ходили слухи о курьезных фактах на почве голода, имевших место в городах, как правило, на базарах или в других общественных местах. Они рассматривались старожилами в качестве своеобразных форм протesta народа против антнародной политики власти. Это были анекдоты или рассказы анекдотического характера, осуждавшие колективизацию и антикрестьянскую политику власти. Среди них нами со слов очевидцев записаны следующие:

«Учитель в сельской школе спрашивает:

— Что это за скелет?

— Ваня отвечает: «Это скелет колхозника».

— А почему?

Ваня: «Да он все сдал: мясо сдал, яйца и кости сдал. Вот и скелет у колхозника остался!»²⁰.

«Одного крестьянина спросили: «Пойдешь в колхоз? — Тот отвечает — «нет». — Почему? Что, тебе Советская власть не нравится? — А он ответил: «У лошади спросили: «Что тебе больше нравится — телега или сани?» — Лошадь ответила: «Однаково шею трут, что сани, что телега»»²¹.

«В Саратове на главной улице Советской на столбе повесили дохлую курицу и написали: «Отчего ты повесилась? — С хозяина требуют яйца, а я несусь только столько-то». Рядом вешали картошку и писали: «Ее затерзали. И план надо выполнять, и хозяину надо есть, а она раз в год родит. Она через это повесилась». Рядом с дохлой курицей на табличке или на листке еще писали: «Повесилась курица на столбе. Курица не может столько снести, а хозяин ее заставляет план выполнять. Она через это повесилась»²².

«Председатель колхоза едет домой с работы, там, на дороге, волки сидят, не да-

ют дорогу. Он кричит, а они не идут! Сено все скжег, а они не идут! «Сейчас я вас в колхоз свой запишу!» — сказал он. Они хвост поджали и убежали»²³.

«Разругались две спекулянтки. Одна другой говорит: «Ты б..., с... немазаная! С кобелем живешь!» Та отвечает: «Я с кобелем — ладно, а ты — с колхозником!»» (колхозник жил хуже собаки. — *B. K.*)²⁴.

В ходе записи воспоминаний о причинах, масштабах и последствиях трагедии 1932—1933 гг. нами не установлен ни один факт, указывающий на наличие в действиях власти по организации голода какого бы то ни было этнического мотива. На эту тему вообще не выявлено никаких слухов, анекдотов, поговорок, частушек и т.д. Все опрошенные очевидцы трагедии едины во мнении, что голод явился результатом политики насильтвенной коллективизации, принудительных хлебозаготовок и других обязательных налогов в пользу государства, разоривших деревню. В 102 селениях, расположенных на бывшей территории Нижне-Волжского и Средне-Волжского краев, нами были опрошены представители всех народов, традиционно проживавших в регионе (449 русских, 69 украинцев, 42 мордвина, 39 чувашей, 10 немцев, 7 татар, 4 казаха и 4 литовца). Никто из них не сказал, что голодом морили какую-то одну нацию за счет других. Степень остроты голода определялась не национальной принадлежностью села, а его территориальным расположением в регионе и экономической специализацией. В эпицентре голода оказались селения, расположенные в районах, специализировавшихся на товарном зерновом производстве. В них последствия хлебозаготовительной кампании и форсированной коллективизации в целом равным образом оказались на продовольственном положении населения. То есть голод в равной степени поразил русские, мордовские, украинские и другие селения.

В связи с этим вряд ли правомерно имеющееся в историографии утверждение о том, что в Республике немцев Поволжья больше всего оказались поражены голодом немецкие поселения. Социологическое обследование девяти населенных пунктов, расположенных на бывшей

территории АССРНП, входящих в настоящее время в состав Саратовской и Волгоградской областей, указывает на то, что в действительности существенной разницы в протекании голода в селениях с чисто немецким населением и в близлежащих украинских и русских поселениях не наблюдалось. В частности, такой вывод основывается на анализе результатов опроса очевидцев голода в трех русских селах (Вознесеновке Марксовского района Саратовской области, Савинке Палласовского района и Новая Полтавка Старо-Полтавского района Волгоградской области) и двух украинских (Шумейке Энгельсского района и Семеновке Мокроусовского района Саратовской области), безвыездно проживавших на данной территории, в том числе до депортации немецкого населения из Поволжья в 1941 г. Все они указали на факт сильнейшего голода в их селениях, не уступавшего по интенсивности соседним немецким поселениям. В 1932—1933 гг. представители всех национальностей Поволжья и Южного Урала в полной мере хватили лиха. Но больше всего пострадали те селения, которые находились в зоне сплошной коллективизации и специализировались на зерновом производстве.

Установленные нами фольклорные источники обстоятельств голода 1932—1933 гг. позволяют заключить, что народная оценка причин этой трагедии в главном совпадает с выводами современных историков, которые основаны на глубоком и всестороннем анализе архивных источников²⁵. Это был организованный голод, результат аграрной политики сталинского руководства СССР, трагедия всего советского крестьянства.

Примечания

1. Капустян А. Т. Национальная историография голода 1932—1933 гг. в Украине // Уральский исторический вестник. Екатеринбург, 2008. № 2 (19). С. 96—101.

2. О работе в данном направлении российских ученых см.: Голод в СССР. 1930—1934 гг. М. : Федеральное архивное агентство, 2009; Отечественные архивы. 2009. № 2. С. 94—127.

3. Кондрашин В. В. Голод 1932—1933 годов: трагедия российской деревни. М., 2008. С. 43—47.

4. М. В. Чуваткина, село Осановка, Балтайский район, Саратовская область. Архив автора.

5. Кондрашин В., Пеннер Д. Голод 1932—1933 годов в советской деревне (на материалах Поволжья, Дона и Кубани). Самара ; Пенза, 2002. С. 8.

6. К. С. Болдырева, районный центр Суровикино, Волгоградская область. Архив автора.

7. А. К. Нагорнова, село Краишево, Еланский район, Волгоградская область. Архив автора.

8. А. В. Зиброва, село Барановка, Аткарский район, Саратовская область. Архив автора.

9. П. М. Боровиков, село Золотое, Красноармейский район, Саратовская область. Архив автора.

10. Кондрашин В. В. Голод 1932—1933 годов... С. 514.

11. А. А. Галяшин, районный центр Сергиевск, Самарская область. Архив автора.

12. В. Н. Литвинов, село Солодушино, Николаевский район, Волгоградская область. Архив автора.

13. М. П. Козлова, районный центр Калач-на-Дону, Волгоградская область. Архив автора.

14. Кондрашин В. В. Голод 1932—1933 годов... С. 512.

15. А. В. Бочкирева, село Гремячка, Новобурасский район, Саратовская область. Архив автора.

16. И. А. Горохов, село Монастырское, Калининский район, Саратовская область. Архив автора.

17. В. Ф. Романова, районный центр Балтай, Саратовская область. Архив автора.

18. С. Ф. Чалышев, село Лысые Горы, Лысогорский район, Саратовской области. Архив автора.

19. А. П. Сергеева, село Зеркло, Шарлыкский район, Оренбургская область. Архив автора.

20. В. Г. Карясова, Е. В. Карясова, село Канувка, Безенчукский район, Самарская область. Архив автора.

21. С. Н. Филатов, районный центр Ртищево, Саратовская область. Архив автора.

22. А. П. Словеснов, село Барановка, Аткарский район, Саратовская область. Архив автора.

23. П. Т. Сальников, село Красногор, Саракташский район, Оренбургская область. Архив автора.

24. Он же.

25. Кондрашин В. В. Голод 1932—1933 годов... С. 23—35.

УДК 94(47)

Г. Е. Корнилов

Культурная модернизация уральской деревни: направления, результаты

114

В статье анализируется процесс культурной составляющей аграрного перехода с конца XIX века до конца 1930-х годов на материалах уральской деревни. На основе исторических документов выявлены основные направления культурной трансформации деревни: ликвидация неграмотности, рост грамотности, развитие средств массовой информации, изменение ценностных ориентаций крестьян, секуляризация сознания; определены размах, масштабы и результаты культурной трансформации деревни; выявлены акторы процесса. Внедрение культурных инноваций проходило различными путями и методами, однако традиционные элементы крестьянской культуры на данной фазе аграрного перехода сохраняли свое значение в жизни крестьянства.

Ключевые слова: модернизация, аграрный переход, неграмотность, образование, культурно-просветительские учреждения, секуляризация, община, традиционная крестьянская культура.

Модернизация России конца XIX — начала XXI века охватила все сферы жизни деревни — экономическую, социальную, политическую, демографическую, поселенческую, культурную. Аграрный переход (модернизация аграрной сферы и сельского социума) охватил все столетие, первая фаза составила первую половину XX века. Культурная трансформация деревни представляла единый процесс, суть которого не менялась, несмотря на перемены политического курса. Культурная модернизация охватила культурную сферу села и ценностные ориентации крестьян, секуляризацию образования, распростране-

ние грамотности, развитие средств распространения информации, приобщение селян к достижениям культуры и науки. Процесс имел внутреннюю периодизацию: конец XIX в. — 1920-е гг. (период эволюционных изменений, войн и революционных катаклизмов); конец 1920-х — 1930-е гг.; конец 1930-х — 1950-е гг.*

* В. П. Данилов в статье «К изучению культуры и быта советской доколхозной деревни» отмечал, что культура доколхозной деревни оставалась в целом традиционной крестьянской культурой. В духовной культуре традиция оказывается намного прочнее [4, с. 384—385]. В целом разделяя мнение выдающегося ученого, автор настоящей работы обращает внимание на инновации в культурной жизни уральской деревни доколхозного периода.

В основу положены основные решаемые задачи и их результативность. Трансформационный процесс захватил все основные структуры и системы деревни, его ход и итог в решающей степени зависели от массовых действий крестьянства.

Развитие образования и грамотности явилось основным показателем культурной трансформации села на первой фазе аграрного перехода. На рубеже XIX—XX вв. оживление экономической жизни вызвало потребность в грамотных людях. Неграмотность основной части населения Российской империи представляла собой существенную социальную проблему, разрешение которой было необходимым условием для поступательного развития общества. К началу XX века в России сложились основные предпосылки ликвидации неграмотности: достижение всеобщей грамотности было осознано как важнейшая социальная задача, что было отражено в программах всех политических партий; ликвидация неграмотности признавалась неотложной государственной задачей.

По наблюдениям земцев, образованные крестьяне были более восприимчивы к нововведениям и, как следствие, экономически благополучнее. Показатель грамотности населения Урала, по данным переписи 1897 г., составлял 23,9% для лиц от 10 лет и старше [34, с. 159—181]. Доля грамотного населения в Пермской губернии, по данным переписи 1897 г., составляла 19,2% и была несколько ниже, чем в среднем по России (21,1%). Грамотность крестьянства в сравнении с другими со словесными группами была наименьшей. Существенное различие существовало в грамотности мужчин (26,4%) и женщин (8,8%) [24, с. X]. Низкий уровень грамотности женского населения объясняется тем, что образование для женщин крестьянами считалось излишним. Земским анкетным исследованием было выяснено, что «если громадное большинство населения относится сочувственно к обучению мальчиков, то нельзя то же самое сказать относительно обучения девочек». Некоторые из корреспондентов заявляли, что «обучать девочек каждую не стоит», «для чего бабе быть грамотной, ведь

у печи с кочергой и ухватом много знания не требуется, а в солдаты баб не берут» [2, с. 34—35].

Данные об уровне грамотности населения на конец XIX века являются отправными в изучении аграрного перехода в культурной сфере. Структура сельских школ в стране была достаточно сложной, основным типом школ были земские и церковно-приходские, казачьи, магометанские и другие. Сельские школы не финансировались государством, получали лишь единовременные пособия казны. Несмотря на крайне скучное финансирование сельских школ и бедственное материальное положение народных учителей, в начале XX века в России сформировалось достаточно четкое представление о развитии образования на селе, согласно которому сельская среда обладает значительным воспитательным потенциалом, обусловленным ее близостью к природе, относительной простотой и доступностью в обучении крестьянскому труду, сохранением в сельской местности традиций народной педагогики (хотя признавался низкий культурный уровень крестьянства и идеализировалась крестьянская община).

Грамотность крестьянского населения Пермской губернии обуславливалась уровнем социально-экономического развития. Наиболее высокий процент фиксировался вблизи губернского центра, в Пермском уезде количество грамотных мужчин составляло 35,4%, женщин — 14,6%. Более высокий процент грамотного крестьянского населения был характерен для уездов с развитой горнозаводской промышленностью. Данные подворных переписей 1899—1900 гг. фиксировали различный уровень грамотности в уездах губернии [12, с. 70—84]. Наибольший удельный вес грамотных наблюдался в промышленно развитых Красноуфимском, Верхотурском и Екатеринбургском уездах, наименьший — в сельскохозяйственном и лесопромышленном Шадринском и Чердынском. В промышленно развитых уездах он был равен примерно 25%. Современники отмечали, что обучение не всегда гарантировало получение даже элементарных умений письма, чтения, счета, а полученные знания зачастую частично

утрачивались, что приводило к феномену полуграмотности [45, с. 85].

Росту образования в среде крестьянства способствовало вовлечение крестьян в сферу рыночных отношений в самых разнообразных формах, в том числе в виде отхода на постоянные или временные заработки, что свойственно для промышленно развитых территорий [27, с. 44]. Побудительными мотивами получения образования выступали сугубо утилитарные цели: необходимость элементарных хозяйственных подсчетов, участие в делах общества, льготы по отбыванию воинской повинности, для поступления на службу и торговли.

Развитие школьной сети, в первую очередь за счет земства, способствовало росту грамотности в крестьянской среде. Так, в Екатеринбургском уезде уровень грамотности населения повысился с 9,2% в 1887 г. до 28,2% в 1912 г. Для мужчин этот показатель составил 38,8%, для женщин — 17,6%. Если учитывать грамотность населения старше 8 лет, то в 1912 г. для мужчин она достигла 51,0%, для женщин — 23,2%. В возрасте 8—10 лет получали начальное образование 74,0% лиц мужского пола и 43,5% женского. По типам школ учащиеся распределялись следующим образом: в земских школах обучались 74,0%, министерских — 5,2%, церковно-приходских — 10,0%, других учебных заведениях — 10,8% [27, с. 46; 16, с. 10—12].

Земские статистики полагали, что наиболее важным фактором, задерживающим распространение грамотности, являлась потребность крестьянского хозяйства в рабочей силе подростков и детей. Рост обеспеченности хозяйства рабочей силой вызывал определенное увеличение грамотности, причем возрастание грамотности мужского пола было более явным, чем женского. Относительное материальное благополучие (выражавшееся в количестве земли на душу и количестве рабочих лошадей на хозяйство) заметного влияния на увеличение доли грамотных не оказывало. Уровень грамотности, во многом определявший потенциальные возможности хозяйственного развития, варьировался в зависимости от степени про-

мышленного развития территории, а также обеспеченности хозяйства трудовыми ресурсами.

На основе одного лишь энтузиазма общественности, без должной поддержки государства задача повышения уровня грамотности сельского населения не могла решаться эффективно. Созданных школ обучения грамоте сельского населения до 1917 г. было явно недостаточно, несмотря на то, что просветительская деятельность земства способствовала ее активизации. Более трех четвертей сельского населения Урала к 1917 г. оставалось неграмотным. Наиболее широкий размах процесс внедрения школьного обучения и ликвидации неграмотности взрослого населения приобрел только в годы Советской власти.

Преобразования в деревне 1920—1930-х годов осуществлялись во взаимосвязи с так называемой культурной революцией, ее целью было социалистическое переустройство деревни и формирование нового класса колхозного крестьянства, послушного и подчиненного властям. Процессы индустриализации и урбанизации затронули деревню, подрывая сельский уклад жизни и способствуя переходу от традиционной культуры к урбанистической. Анализ исторических документов показывает, что на первой фазе аграрного перехода, особенно в 20—30-е годы, в образе жизни крестьянства, его представлениях четко проявилось действие двух противоположных тенденций. Первая связана с постепенным угасанием и постепенным исчезновением традиционных форм жизнедеятельности и заменой их новыми, характерными для горожан. Среди них появление сферы общественного обслуживания, государственно-правовое регулирование труда и быта, новые формы досуга: лекции, радио, кино, военно-физкультурная деятельность, художественная самодеятельность и др. Для второй тенденции характерно воспроизведение старых традиционных для деревни способов мышления и жизнедеятельности. Действие этой тенденции заметнее проявлялось в психологическом климате села, формах социальной организации жизни.

Одним из теоретических обоснований ломки деревенского уклада жизни было

высказывание И. Сталина о том, что «деревня идет и должна идти за городом как в материальном, так и в культурном отношении» [39, с. 78]. Официальной пропагандой открыто или завуалированно в общественном сознании укреплялось ложное представление о том, что крестьянство темное, невежественное, забитое, что оно пассивно и аполитично, непонятливо. Известно, что сельскохозяйственное производство имеет четко выраженные региональные особенности, является наиболее сложным видом трудовой деятельности и не столько в связи с тяжелым физическим трудом, сколько с большим и умственным напряжением крестьянина, которому приходится учитывать природные факторы. Стalinское руководство сбросило со счетов особенности крестьянского хозяйства, трудовой опыт крестьянства, его духовные традиции, рациональность сельского уклада жизни, формы организации общественной жизни.

Высокомерное отношение к крестьянину, к «деревенщине», и к сельскохозяйственному труду как к простому привело на практике к мелочной опеке над крестьянством, что выражалось в бесчисленном количестве постановлений, указаний и распоряжений властей. Диктат в отношении крестьянства ужесточался.

Установление нового социалистического способа производства, рост военной экономики, достигнутые на базе индустриализации и коллективизации, явились, как это ни парадоксально, основой для культурного преобразования деревни. Из года в год росли расходы государства на культурное обслуживание населения. За годы второй пятилетки они выросли по стране в 3,7 раза, особенно быстрыми темпами увеличивались средства на развитие просвещения (см. табл. 1).

За годы третьей пятилетки темпы субсидирования социальной сферы упали, однако они выросли на 33%, то же относилось и к просвещению (рост 37%). В связи с резким ростом выделяемых средств на наркоматы обороны и военно-морского флота (они выросли в 3,2 раза и достигли 32,5% от всех расходов) изменился удельный вес расходных статей бюджета. Доля средств на социально-культурные меро-

приятия сократилась с 29 до 23,5%, а на просвещение — с 15,5 до 12,9%.

Таблица 1

Расходные статьи государственного бюджета СССР, млрд. рублей*

	1937 г.	1940 г.	Рост, %
Всего расходов	106,1	174,4	164
в том числе народное хозяйство	43,4	58,3	134
Социально-культурные мероприятия:	30,3	40,9	133
а) по государственному бюджету	25,7	35,9	140
в том числе просвещение	16,4	22,5	137
здравоохранение и физкультура	7,0	9,0	129
пособия многодетным матерям	1,0	1,2	120
б) по бюджету соцстраха	5,1	5,0	98
Наркомат обороны и Наркомат военно-морского флота	17,5	56,7	324
Расходы по содержанию органов государственного управления и расходы по судебным учреждениям (включая НКВД)	7,4	13,5	182
Расходы по государственным заеммам	3,5	2,8	80

* Составлено по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 1073. Л. 193.

117

В то же время в местных бюджетах областей и республик Урала доля средств, направляемых на социальную сферу, выросла с 57% от всех расходов в 1933 г. до 72% в 1940 г. При этом до 45% всех расходов шло на просвещение [28, л. 62—67]. В Оренбургской области при увеличении бюджета за 1935—1938 гг. в 2,1 раза затраты на просвещение выросли в 2,3 раза (их доля составляла соответственно 39 и 48% всех расходов) [48, с. 22]. Сессия Верховного Совета Удмуртской АССР предусмотрела на 1940 г. ассигнования на социально-культурные мероприятия в сумме 130,1 млн. рублей, что на 12,4 млн. больше предыдущего года, они составили 65,5% общих затрат. В 1940 г. на строительство школ в городах было выделено 0,8 млн. руб., в сельской местности — 1,3 млн. руб., интернатов — 0,5 млн. руб. [44, с. 15,

16]. Основные затраты на культурное развитие несло государство.

Культурное строительство на селе требовало огромных затрат, поэтому в 1930-е годы широко привлекались средства сельского населения (в виде культсбора) и сельскохозяйственных артелей, которые отпускали часть своих доходов на подготовку кадров и другие культурно-бытовые цели (строительство и содержание детсадов, яслей, библиотек). Культсбор среди налоговых платежей сельского населения составлял 21—28%. За годы только третьей пятилетки расходы колхозников Урала на культурные нужды выросли с 29,6 млн. руб. в 1938 г. до 39,8 млн. руб. в 1940 г., что составляло соответственно 3,7 и 4,1% от всех расходов и отчислений сельхозартелей [30, д. 411, л. 18; 33; д. 3533, л. 23—25]. Увеличение государственных расходов на социально-культурные мероприятия было решающим условием культурного строительства в уральской деревне.

В 1920—30-е годы был осуществлен рывок по ликвидации неграмотности сельского населения Урала. Необходимость ее в значительной степени обуславливалась экономическими потребностями общества. Во-первых, форсированная индустриализация требовала притока грамотных работников, основным источником которых было неграмотное или малограмотное крестьянство. Во-вторых, создание боеспособной армии, необходимой для обеспечения безопасности страны, требовало обучения грамоте населения призывающего возраста. В-третьих, грамотность населения вызывалась необходимостью обеспечения политico-идеологического воздействия на общественное сознание через систему средств массовой информации, прежде всего через периодическую печать. Ликвидация неграмотности признавалась неотложной государственной задачей.

В деревнях открывались школы для неграмотных и малограмотных, расширялась сеть школ для взрослых. В территориальных рамках Оренбургской области до революции 1917 г. была одна школа для взрослых, в 1938 г. только на селе функционировали 356 стационарных школ

для неграмотных с 8,2 тыс. обучавшихся, 381 — для малограмотных с 7,8 тыс. человек, 33 — неполных средних и средних школ для взрослых с 1,2 тыс. учащихся [46, д. 919, л. 41]. По переписи 1939 г. в общеобразовательных школах для взрослых и школах для неграмотных и малограмотных обучалось в сельской местности Урала 41,4 тыс. человек (46% из них в возрасте 18—29 лет, 34% — 30—39 лет). Число обучавшихся в школах для взрослых в 1938/39 учебном году по сравнению с 1934/35 учебным годом выросло в 7,8 раза, а в сельской местности — в 17,3 раза [29, д. 824, л. 31, 32; 32; д. 306, л. 7; д. 331, л. 7; д. 334, л. 5; д. 336, л. 7; д. 350, л. 7; 13; д. 900, л. 22; 48, с. 25]. Особенность интенсивная работа по ликвидации неграмотности проводилась среди молодежи допризывного возраста, чтобы обеспечить грамотное пополнение Красной Армии.

Вместе с работой по ликвидации неграмотности местные власти решали задачи школьного строительства, повышения образовательного уровня сельских жителей. В годы первой пятилетки в основном была решена задача осуществления всеобщего обязательного начального образования, которое было введено в 1930 г. [21, с. 111—113]. Всеобуч стал всенародным делом, что и определило его успех [26, с. 105—131]. В годы второй пятилетки проводилась работа по введению обязательного семилетнего образования, а в 1939 г. XVIII съезд партии поставил задачу завершения этой работы. Для уральской деревни этого времени был характерен огромный размах школьного строительства. Увеличение сети сельских школ, учащихся и учителей показано в таблице 2.

В деревне были созданы необходимые минимальные условия для обучения детей. Количественные показатели впечатляли: число школ увеличилось с 1914 до 1941 г. в 1,8 раза, учащихся — в 3,3 раза, учителей — в 5 раз. При этом темпы школьного строительства в уральской деревне были выше, чем по РСФСР [22, с. 48, 49]. Значительно изменилась структура сельских школ. Если в 1914 г. практически все сельские школы на Урале были только начальными, то в 1940 г. они

Таблица 2

Школьная сеть и количество учащихся и учителей в сельской местности Урала в 1914—1941 гг.*

Учебный год	1914/15	1927/29	1932/33	1937/38	1940/41
Всего школ	7630	8455	12801	12938	14025
в том числе: начальных	7602	8128	11703	10840	11096
неполных средних	28	162	1093	1793	2370
средних	—	18	3	284	545
Всего учащихся, тыс.	509,3	552,8	1038,8	1492,8	1686,4
в том числе: 1—4 классов	нет св.	533,5	919,6	1152,8	1160,9
5—7 классов	нет св.	18,3	118,8	323,5	469,8
8—10 классов	нет св.	1,0	0,4	16,5	55,7
Всего учителей, тыс.	11,8	15,4	30,2	45,2	59,5

* Рассчитано по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 17. Д. 798. Л. 30, 41, 46, 48, 50, 63; Д. 799. Л. 28, 39, 44, 46, 48, 61.

составляли среди всех школ 79%, до 17% выросла доля неполных средних школ. В 1920-е гг. на селе появились средние школы, к 1932 г. их число сократилось из-за реорганизации в техникумы и другие средние учебные заведения подготовки кадров, а после 1932/33 учебного года, страшного голода вновь развернулось их строительство, особенно активно — в мирные годы третьей пятилетки.

Школы в сельской местности размещались неравномерно. В Оренбургской области одна сельская начальная школа обслуживала в среднем 3, неполная средняя школа — 11, средняя школа — 40 населенных пунктов [47, л. 4]. Отдаленность от дома была большим неудобством для сельских учащихся. Кроме того, значительная часть сельских школ располагалась в приспособленных помещениях, занятия проводились в две-три смены. Несмотря на трудности, охват всеобщим начальным образованием сельских детей был почти полным. В предвоенные годы предпринимались попытки перехода ко всеобщему обязательному семилетнему образованию.

Более быстрыми темпами, чем рост школ, шло увеличение учащихся — в уральской деревне в 3,3 раза, по РСФСР — в 2,25 раза. Непрерывно росло на селе количество учеников 5—7 классов, на Урале в 1940/41 учебном году их училось в 25,7 раза больше, чем в 1927/28 учебном году, по РСФСР — в 11,3 раза. В 1940 г. они составляли 28% среди всех учащихся сельских школ. В сельской местности Удмуртии в 1939 г. охват детей пятью классами составлял 85,1% от числа окончивших 4-й класс, в восьмые клас-

сы приняли 32,1% окончивших 7-й класс [44, с. 31]. Быстрыми темпами росло число учащихся 8—10 классов.

Благодаря широко развернувшейся подготовке преподавателей сельские школы региона были обеспечены учительскими кадрами. Их число с 1914 по 1941 г. увеличилось в уральской деревне в 5 раз, по РСФСР — в 4,2 раза. Однако уровень их подготовки был невысоким. Весной 1940 г. проведена аттестация учителей. Около 5% учителей Свердловской области по ее итогам освободили от работы с детьми. Из 15 238 учителей области только 5,7% имели высшее образование, 14,1% — незаконченное высшее, 36,7% — общее среднее и педагогическое; 43,5% учителей не имели среднего образования [10, л. 1, 2]. В целом по сельским школам Урала каждый третий учитель имел только низшее образование (в объеме начальной школы). Достаточно низкий уровень образования учителей безусловно влиял на качество обучения. В целом же сельские учителя, работая в сложных условиях, успешно решали задачи обучения. В 1939 г. впервые за успехи в учебно-воспитательной работе Президиум Верховного Совета СССР наградил большую группу сельских учителей Урала орденами и медалями. Самую высокую награду — орден Ленина получили 32 учителя, среди них Н. А. Алексеева, Р. Х. Ахмадулин, Г. И. Голов, А. М. Дерябина, Е. А. Королева, А. С. Кугубаев, А. Ф. Метелев, И. И. Фирсов, П. Ф. Худякова, М. В. Шутов и другие. 64 учителя были награждены орденом Трудового Красного знамени, 75 — орденом «Знак Почета», большая группа сельских учителей удостоилась медалей

«За трудовую доблесть» и «За трудовое отличие» [25].

Материалы Всесоюзных переписей населения 1926 и 1939 гг. дали возможность проанализировать состояние грамотности сельского населения Урала по всем основным демографическим признакам: возрасту, полу, национальности (данные в административных границах 1939 года).

Как свидетельствуют данные таблицы 3, в уральской деревне в межпереписной период произошли коренные изменения в области ликвидации неграмотности. Значительный рост удельного веса грамотных в сельской местности Урала наблюдался среди всего населения, по всем возрастным и половым группам. Ликвидация неграмотности на Урале шла более высокими темпами, чем в целом по стране. Если в 1926 г. уровень грамотных в деревнях в возрасте 9—49 лет только в Пермской и Свердловской областях превышал общесоюзный, то в 1939 г. по всем

районам региона, кроме Удмуртии, показатель грамотности был выше, чем в среднем по СССР и РСФСР.

Изменились пропорции уровня грамотности по возрастным группам. По переписи 1926 г. наиболее высокий процент грамотных зафиксирован в возрастной группе 20—49 лет, в 1939 г. самая высокая доля грамотности была среди сельской молодежи в возрасте 9—19 лет. К концу 1930-х годов сложился резкий разрыв по грамотности между молодежью и старшим поколением (50 лет и старше). Этот разрыв охватывал не только количественные показатели. В 1930-е годы наблюдалась и глубокая дифференциация по возрастным группам в уровне образования. Это результат коренной ломки социальных отношений в деревне. Грамотная сельская молодежь определяла адаптацию жителей деревни к урбанистической культуре, способствовала освоению новых культурных привычек, норм и представлений.

Таблица 3

Грамотность сельского населения Урала по материалам Всесоюзных переписей населения 1926 г. и 1939 г., % грамотных в соответствующем возрасте*

Республика, область	Пол	9—19 лет		20—49 лет		9—49 лет		50 лет и старше	
		1926	1939	1926	1939	1926	1939	1926	1939
Башкирская	муж.	57,1	97,7	64,0	88,3	61,0	92,4	29,5	48,7
	жен.	31,3	96,2	24,0	65,5	27,1	77,0	6,1	21,3
	всего	43,7	97,0	42,3	75,9	42,9	84,6	16,3	32,3
Оренбургская	муж.	57,9	98,1	75,1	91,7	67,5	94,3	41,2	63,8
	жен.	32,9	96,8	29,1	66,8	30,6	78,2	8,3	18,7
	всего	45,0	97,4	50,2	78,3	48,0	85,9	22,3	36,1
Пермская	муж.	72,0	97,2	77,1	92,0	74,9	94,0	32,9	53,0
	жен.	46,7	96,0	36,0	67,0	40,0	77,3	5,6	14,4
	всего	58,7	96,6	53,4	78,2	55,5	85,0	17,8	29,6
Свердловская	муж.	71,0	96,9	76,6	41,9	74,3	93,9	35,0	56,9
	жен.	45,6	96,3	35,2	68,5	39,2	78,6	6,5	17,1
	всего	58,0	93,6	54,0	79,3	55,5	85,8	19,2	32,5
Удмуртская	муж.	64,4	98,1	69,8	92,7	67,4	94,8	23,9	46,6
	жен.	33,2	97,0	22,3	61,8	26,5	74,4	2,8	9,6
	всего	48,3	97,5	42,9	75,8	45,1	83,9	12,3	24,3
Челябинская	муж.	62,1	97,0	72,2	90,6	67,8	93,2	35,2	54,6
	жен.	35,4	96,3	28,8	66,1	31,4	77,4	6,3	15,6
	всего	48,4	96,6	48,1	77,2	48,2	84,8	18,8	30,1
СССР	муж.					67,3	91,6		
	жен.					35,4	76,8		
	всего					50,6	84,0		

* Рассчитано по: Народное образование, наука и культура в СССР : стат. сб. М., 1971. С. 21; РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 306. Л. 5; Д. 323. Л. 5; Д. 331. Л. 5; Д. 334. Л. 4; Д. 336. Л. 5; Д. 350. Л. 5.

Особенно бросается в глаза прогресс грамотных среди женщин в межпереписной период, приближение его к уровню грамотности мужской части сельского населения. При одинаковой доступности образования для обоих полов мужчины, вследствие того что раньше и активнее вовлекались в процесс общественного производства, сохраняли еще более высокий уровень грамотности. Практически на протяжении жизни одного поколения была преодолена одна из сторон социального неравенства — ограниченный доступ женщин к образованию, к культуре. Доля грамотных как среди мужского, так и среди женского сельского населения Урала в 1939 г. была выше, чем по стране в среднем: соответственно среди мужского — 93,5 и 91,6%, среди женского — 77,4 и 75,8%. Обучение женщин было наиболее сложным, поскольку являлось частью радикальных преобразований всей системы гендерных отношений в российском обществе. Ликвидация неграмотности среди женщин в определенной степени продиктована экономической необходимостью, поскольку они составляли значительную часть трудоспособного населения и без их участия в производстве невозможно было осуществить индустриализацию и колективизацию. Обучение грамоте женщин и учеба девочек в школах рассматривались как важная социальная задача, необходимое условие достижения реального равенства женщин с мужчинами и превращения их в активную социальную силу.

В межпереписной период проявилась еще одна особенность культурного строительства — темпы ликвидации неграмотности среди сельского населения региона были выше, чем среди городского. Это позволило сократить разрыв между городом и деревней по уровню грамотности. Если в возрастной группе 9—19 лет это различие было уже малосущественно, то в других возрастных группах продолжало сохраняться. Так, в 1939 г. грамотных в возрасте 9—49 лет среди горожан Урала было 92,9%, среди селян — 85,0%.

Существенно сократился разрыв в грамотности среди различных народов, проживавших в уральской деревне. При этом следует заметить, что некоторые на-

роды в начале века были сплошь неграмотны, не имели своей письменной культуры. Ликвидация неграмотности среди ранее отсталых народов шла высокими темпами.

Перепись населения 1920 г. зафиксировала грамотных среди русского населения уральской деревни 22—24%, украинского — 23—25%, белорусского — 29—34%, татарского — 17—20%, башкирского — 5—8%, мордовского — 15—24%, казахского — 4—5% [40, с. 22—24; 41, с. 8—9; 42, с. 56—58; 43, с. 6, 7]. Перепись 1939 г. показала огромные перемены. Грамотных среди сельского населения Урала в возрасте 9—49 лет было: 87% русских, 92,4% украинцев, 89,5% белорусов, 83% татар, 80% удмуртов, 79,9% башкир, 77,8% мордвы, 77,1% коми-пермяков, 51,1% казахов [31, д. 306, л. 11; д. 323, л. 10; д. 331, л. 10; д. 334, л. 8; д. 336, л. 11, 12; д. 350, л. 9]. Это, безусловно, большой успех, хотя различия в уровне грамотных среди различных этносов еще сохранялись. Кроме того, грамотным считался человек, умеющий читать, хотя бы и очень медленно. Лиц, которые умели только подписывать свою фамилию, а читать совсем не умели, записывали неграмотными. Вместе с ликвидацией неграмотности шел процесс уничтожения «вредных» (как тогда считали) национальных традиций, обычаев и обрядов, которые были связаны «с темнотой и невежеством деревенского населения».

Всесоюзная перепись населения 1939 г. показала, что неграмотность основной массы трудоспособного населения России была преодолена. В результате деятельности государственных и общественно-политических организаций уровень грамотности населения на Урале к концу 1930-х годов был близок к аналогичным показателем по СССР. В то же время перепись 1939 г. показала, что грамотность населения, особенно сельского, еще не была сплошной. Неграмотной оставалась только та категория населения, которая в силу объективных причин не могла овладеть грамотой (в основном пожилые люди, не способные учиться, или малограмотные, потерявшие навыки чтения). Поэтому на Урале, как и по стране в целом, к концу

1930-х гг. ликвидация азбучной неграмотности населения, особенно взрослых, была в основном завершена.

К концу 1930-х годов среди сельского населения региона заметно увеличилось число специалистов сельского хозяйства, имеющих среднее и высшее образование, а в ряде мест они появились впервые.

Развитие высшего сельскохозяйственного образования на Урале началось с 1917 г. с открытием агрономического и ветеринарного факультетов во вновь созданном Пермском университете. В 1920 г. в составе Уральского государственного университета имелся сельскохозяйственный факультет, который в 1925 г. перевели в Пермский университет.

Необходимость подготовки кадров для сельского хозяйства особенно остро встала с проведением колхозизации. В 1929—1930 гг. в Уральской области открыли три вуза: Пермский сельскохозяйственный, Троицкий ветеринарный и Челябинский механизации сельского хозяйства. К 1939 г. в регионе имелось 5 сельскохозяйственных институтов, в которых обучалось 2,4 тыс. студентов, и 31 сельскохозяйственный техникум с 7,5 тыс. студентов [18, с. 121, 130, 131]. В 1940 г. был открыт еще Свердловский сельскохозяйственный институт, а число сельхозтехникумов увеличилось до 49 [35, с. 5].

В уральской деревне ощущалась нехватка специалистов сельского хозяйства. Многие выпускники вузов и техникумов оседали в городах. К началу 1941 г. в регионе имелось 17,8 тыс. колхозов, в которых трудилось 252 агронома, 4016 агротехников, 1162 зоотехника, 6628 ветеринарных специалистов. В большей части должности занимали практики без специального образования. Среди агрономов МТС Урала лишь 44% имели высшее и средне-специальное образование, среди механиков — 18% [29, д. 788, л. 2, 6, 7, 8; д. 793, л. 305, 313, 319, 321—323, 326]. Для 1930-х годов характерна огромная по масштабам текучесть кадров специалистов. Она усугубилась во 2-й половине 30-х годов массовыми репрессиями специалистов сельского хозяйства. 40—42% специалистов МТС Урала в 1940 г. имели стаж работы не бо-

лее 3-х лет [30, д. 415, л. 1; д. 418, л. 10, 13, 22; д. 422а, л. 41, 45, 49, 53].

По данным Всесоюзной переписи населения 17 января 1939 г. среднее образование имели в уральской деревне 254,2 тыс. человек (31% от всего населения со средним образованием), высшее — 9,1 тыс. (18%). Однако среди всего населения доля этих лиц была мизерной. На 1000 человек сельского населения приходилось на Урале 0,9—1,4 лица с высшим и 27,7—30,6 лица со средним образованием. По этому показателю уральское село значительно отставало от города, а регион в целом — от средних данных по стране [31, д. 331, л. 6; д. 334, л. 4; д. 336, л. 6; д. 350, л. 6].

Решение задачи укрепления колхозно-совхозного строя требовало подготовки руководящих кадров с агрономическими знаниями, экономической подготовкой. В годы первой пятилетки эту проблему решали созданные Высшие коммунистические сельскохозяйственные школы (ВКСХШ). В Свердловске по постановлению Уралобкома ВКП(б) в декабре 1932 г. Урало-Сибирский коммунистический университет им. В. И. Ленина был реорганизован в ВКСХШ им. Ленина. Она готовила кадры для «социалистического земледелия», которые должны были обладать широким политическим кругозором и достаточными знаниями в области сельскохозяйственной техники, агрономии, животноводства, организации сельхозпроизводства. Обучение длилось 2—3 года. Программа включала 16 общетеоретических и специальных дисциплин. До 1939 г. ВКСХШ выпустила около 1 тыс. специалистов.

Во всех областях и республиках Урала действовали районные колхозные школы. В Башкирии работали 46 районных и 1 республиканская школа, в Оренбуржье — 42 районных и 1 областная. В 1940 г. они были преобразованы в годичные сельскохозяйственные школы. На Урале их было 48, в них обучалось 10,2 тыс. человек. Они готовили массовые кадры для колхозов. К концу 1930-х годов 22% председателей колхозов Урала, 44% бухгалтеров и счетоводов, 17% бригадиров-растениеводов, 21% бригадиров-животноводов и

30% заведующих товарными животноводческими фермами имели специальную подготовку. Полное и неполное среднее образование имели 5—13% руководящих колхозных работников [7, д. 7805, л. 3, 123; 33, д. 3535, л. 46—65]. Значительная часть из них была выдвинута на руководящую работу в конце 1930-х годов из среды колхозников. Годовые отчеты колхозов Урала за 1940 г. показывают, что стаж работы до одного года имели 44% председателей, 33,5% бухгалтеров и счетоводов, 47,3% бригадиров-растениеводов и 46,4% заведующих фермами [7, д. 3465, л. 140, 142, 144, 146; 30, д. 418, л. 1, 4, 16, 25].

Больших размеров достигла подготовка механизаторских кадров, они обучались в школах механизации сельского хозяйства и на курсах при МТС и совхозах. Годовые отчеты показывают, что число работников МТС Урала выросло с 67,6 тыс. в 1937 г. до 87,6 тыс. человек в 1940 г., в их числе 17,3 тыс. комбайнеров, 14,6 тыс. тракторных бригадиров, около 19 тыс. рабочих, занятых на ремонте. Кроме того, на учете в МТС находились 69,2 тыс. трактористов-колхозников. Росла подготовка женщин-механизаторов [19, с. 91—94; 30, д. 422а, л. 37].

Активно шел процесс формирования кадров массовых профессий. Он выразился в выделении внутри колхозного крестьянства групп людей различных профессий — чабанов, доярок, телятниц, свинарей, конюхов, овощеводов и др. Они получали минимальные специальные знания, изучали агро- и зоотехнику на курсах, семинарах, в кружках. Перепись населения 1939 г. зафиксировала 36,2 тыс. сельских жителей Урала, которые обучались в курсовой сети. Наиболее распространенными формами подготовки кадров в конце 1920-х — начале 30-х годов были курсы, совпартшколы, сельскохозяйственные школы и колхозные двухгодичные институты. Все они готовили организаторов колхозного движения.

Для второй половины 1930-х годов был характерен довольно широкий охват крестьянских масс профессионально-техническим обучением. Подготовка кадров массовых профессий не только обеспечивала сельскохозяйственные предприятия и

артели работниками со специальной подготовкой, но и поднимала уровень сельскохозяйственных знаний крестьян. Уровень профессиональной квалификации и образовательной подготовки был важной предпосылкой формирования научного мировоззрения.

Таким образом, в 1930-е годы серьезно изменились масштабы народного образования, приведшие к полному охвату подрастающего поколения начальной школой, широко развернувшейся специальной подготовкой крестьянства. Особенно заметный сдвиг произошел в уральской деревне, он был осуществлен благодаря жесткому регулированию сельской жизни колхозной системой. Устав сельскохозяйственной артели ограничивал личное хозяйство крестьянина приусадебным участком, у большинства колхозников исчезало хозяйствское отношение к земле, желание работать на пределе своих и семейных сил. Уничтожение собственного хозяйства вело к тому, что не было острой необходимости использовать труд подростков и детей, что было традиционным для единоличного хозяйствования. Не было необходимости забирать детей из школы. Изменение характера и условий труда в колхозах, совхозах и МТС вело к тому, что крестьянину не нужно было быть универсалом, стало вполне достаточным овладеть одной специальностью или не иметь ее совсем.

Постепенно школы становились центрами культуры и образования на селе и составили ядро образовательного пространства сельской округи, выполняя просветительскую миссию среди крестьянского населения. Важное значение в формировании культурного облика класса крестьян занимала культурно-массовая работа. В период так называемого социалистического строительства, когда большинство крестьян имели низкий уровень грамотности, главная задача состояла в том, чтобы через сельские учреждения культуры обеспечить культурное просвещение крестьян, приблизить их к начальным урбанистической культуры. Основное внимание уделялось культурно-просветительным учреждениям. Это вполне оправданно, так как других очагов культуры кроме изб-читален, клубов и библиотек

за годы Советской власти для крестьян не было создано.

В конце 1920-х — начале 1930-х годов практически единственным центром культурной жизни являлись избы-читальни. Их число с каждым годом росло: в 1927 г. в уральской деревне было 2007 изб-читален, в 1932 г. — 2735, в 1937 г. — 2939, в 1940 г. — 4909, то есть увеличилось в 2,5 раза [29, д. 824, л. 9, 10]. Избы-читальни были местом общения и просвещения для крестьян. Громкое чтение книг и газет приходили слушать крестьяне всех возрастов. Опыт передовых сельских культурно-просветительных учреждений популяризировался. Оборонно-массовой работой выделялись Липовская изба-читальня Туринского района Свердловской области и Сафаровская изба-читальня Чишминского района Башкирской АССР, художественным воспитанием — Кузьминовская изба-читальня и Еланский колхозный клуб Оренбургской области, Нижне-Иргинский дом культуры Красноуфимского района Свердловской области. Распространялся опыт постановки политico-просветительной работы избы-читальни колхоза «Красный Урал» Агаповского района Челябинской области, Ильинской избы-читальни Камышловского района Свердловской области, опыт Гробовской избы-читальни Нижне-Сергинского района Свердловской области по пропаганде агротехнических знаний, достижений новаторов производства [3, с. 3, 13, 17, 24, 26; 8, д. 135, л. 25; д. 160, л. 76, 86; д. 164, л. 2—12].

Во время проведения политических кампаний сельские культпросветучреждения обязаны были агитационно-массовой работой охватывать практически все взрослое население деревни. В избах-читальнях, клубах и домах культуры Челябинской области 32 тыс. агитаторов, готовясь к выборам в Верховный Совет СССР 1937 г., вели занятия в кружках по изучению Конституции СССР, «Положения о выборах», в которых занималось 850 тыс. человек. При подготовке выборов в Верховный Совет РСФСР 1938 г. 25 тыс. агитаторов области проводили работу в кружках с 700 тыс. сельских жителей. В области выпускалось около 10 тыс. стенных газет [23, л. 44, 45, 83].

Во 2-й половине 1930-х годов распространяются кроме изб-читален и другие формы организации культурной жизни селян. Намечается тенденция строить культурно-просветительную и политico-воспитательную работу по городскому типу. В конце 1938 г. на Урале было 193 районных дома культуры, 9385 сельских клубов, в том числе 4137 колхозных [18, с. 165, 166]. Однако значительная часть клубных учреждений мало чем отличалась от изб-читален, находилась в приспособленных помещениях — преобразованных кулацких домах, церквях. В годы третьей пятилетки началось строительство специальных клубных зданий.

Культурно-просветительные учреждения вели работу по различным направлениям, здесь читались лекции, работали кружки художественной самодеятельности, устраивались вечера. В уральской деревне быстро выросло число киноустановок — с 4 в 1913 г. до 1321 в 1938 г. В годы третьей пятилетки их количество увеличилось до 1466. В основном это были кинопередвижки — в 1938 г. их насчитывалось 1051, в 1940 г. — 1020 [29, д. 824, л. 21, 22; д. 825, л. 14—19].

На Урале значительно расширилась сеть театров. В 1913 г. их было 7, в 1932 г. — 47, в 1939 г. — 63 [29, д. 825, л. 3, 13]. Впервые появились колхозно-совхозные театры, которые знакомили жителей села с классической и советской драматургией. До революции в границах современной Оренбургской области было 2 театра, а к концу 1930-х годов — 10, из них 6 работали в сельской местности, в том числе два национальных театра (татарский и украинский). С их помощью развивалась сельская художественная самодеятельность. В сельских районах области 12 тыс. человек занимались в 1033 кружках художественной самодеятельности, в том числе в 501 драматическом, 243 хоровых, 207 музыкальных [46, д. 900, л. 13].

Бюджетные обследования колхозников Свердловской области в 1936 и 1937 гг. свидетельствуют, что 27—38% семей посещали кино, 3—13% спектакли, 1—11% — лекции. 70—90% платных посещений оплачивал колхоз. Пользовалась всеми видами культурных развлече-

чений колхозная молодежь. Выборочное обследование молодежи в возрасте 16—25 лет в восьми областях и одной автономной республике страны, в том числе и в Свердловской области, показало, что 95,3% опрошенных посещали кино (на одного зрителя с января по август 1938 г. приходилось 16,8 посещения), театры, концерты — 74,6% (7,6 посещения), лекции — 41,5% (5,7 посещения), музеи и выставки — 20,9% (2,5 посещения), спортивные мероприятия — 25,7% (7,4 посещения) [6, с. 175; 11, л. 32; 13, с. 158—165; 14, с. 21; 30, с. 108].

Преувеличивать эти данные не следует. Бюджетные обследования показали, что только от 1 до 4% колхозных семей в Свердловской области и 2,4% их членов занимались в кружках при культпросвет-учреждениях. Обследование колхозной молодежи в 1938 г. дало более высокие показатели: 12,0% среди опрошенных занимались в драматических кружках, 15,6% — в музыкальных, 10,7% — в литературных, 13,9% — в физкультурных, 13,6% — в оборонных [там же].

Жажда знаний, рост культурных запросов и потребностей сельских жителей, порожденные ликвидацией неграмотности и ростом уровня образования, требовали широкого доступа к книге. Число сельских библиотек на Урале в годы коллективизации сократилось с 1868 в 1927 г. до 1642 в 1932 г., но затем неуклонно росло и составило 6207 в 1939 г., а количество книг в них увеличилось с 2181,1 тыс. до 4387,3 тыс. экземпляров [29, д. 824, л. 2, 3].

В среднем на одну колхозную семью в Свердловской области прочитывалось от 2 до 7 книг в месяц. В то же время, как свидетельствовали обследования, только от 4 до 14% членов семей читали книги. Среди колхозной молодежи интерес к книге был значительно выше: 55,7% опрошенных читали общественно-политическую литературу, 63,4% — художественную, 54,3% — постоянно пользовались услугами библиотеки. Как показывают источники, приобретение культурных навыков — привычка к чтению книг и газет, просмотру кинофильмов и др. в 1930-е годы постепенно набирало силу. В семьях колхозников Свердловской области до

50% членов постоянно читали газеты, 28—35% — периодически. А среди колхозной молодежи читавших газеты постоянно было 69%.

Широкое распространение и использование получили в деревне газеты и журналы. Число издаваемых на Урале газет выросло с 40 в 1913 г. до 60 в 1928 г. и до 722 в 1939 г. В 1940 г. был прекращен выпуск части газет (в частности, в МТС и совхозах), их число уменьшилось до 377, среди них было 320 районных газет (из них 27 издавались на татарском языке, 22 — на башкирском, 21 — на удмуртском, по 2 — на чувашском и марийском, 4 — на казахском, по одной — на немецком и коми-пермяцком) [29, д. 774, л. 10, 14, 16—18, 21; д. 824, л. 26, 27]. Для 1920—30-х гг. характерно массовое общение крестьян с прессой, широкое распространение получило селькоровское движение. В крестьянских письмах чаще содержалось недовольство своим положением. Посылая письма во власть, крестьяне надеялись разрешить проблемы и нужды деревни, улучшить свое положение [13, с. 131—147].

В 1920—1930-е гг. на Урале развернулось строительство сельских электростанций. В конце 1930-х гг. на Урале электроэнергией пользовались 2,4% колхозов, 24% машинно-тракторных станций и 31% совхозов [17, с. 54, 55]. Их мощности были невелики, однако они способствовали развитию в деревне новых процессов, новой жизни. Электрификация коренным образом изменила облик и быт деревни. Там, где появились «лампочки Ильича», по-новому стала осуществляться работа в сельских больницах, детских яслях, библиотеках и школах, в клубах и избах-читальнях. Колхозники в вечернее время могли заниматься производительным трудом, колхозная молодежь — плодотворно учиться в школе, стало больше времени и на приготовление уроков, и на занятия художественной самодеятельностью. Изменения произошли в жизни каждого человека, поскольку ранее он был связан с природным циклом дня и ночи.

Новым явлением, пришедшим в деревню вместе с электрификацией, стало радиовещание, установка звукового кино

и налаживание телефонной связи в сельских советах, правлениях колхозов, клубах и избах-читальнях.

Радиофикацию на Урале в 1920—1930-е гг. вели областные Общества друзей радио. Так, в Свердловской области к 1935 г. насчитывалось 124 радиоузла, около 35 000 трансляционных точек, более 3700 эфирных установок. Накануне войны в области было электрифицированы и радиофицированы 18% изб-читален, 34% колхозных клубов, 10% колхозов [13, с. 168]. В Молотовской и Челябинской областях фиксировалась подобная ситуация.

Электрификация создала условия для кинофикации, появились установки звукового кино в сельских клубах и избах-читальнях. К 1937 г. киносеансы посещала уже практически треть сельского населения региона.

С электрификацией сельской местности были тесно связаны и работы по прокладке телефонной связи. В первую очередь телефонные линии прокладывали от райцентра к сельсоветам, к совхозам, МТС и в последнюю очередь до колхозов. К 1940 г. в Челябинской области, которая являлась лидером этого процесса на Урале, были телефонизированы почти все МТС, 80% сельсоветов и 15% колхозов.

В результате сельской электрификации колхозники Урала получили возможность пользоваться теми же материальными благами, что и жители городов — электрическим освещением, телефонной и радиосвязью, киноискусством. Радио, кино, печать сыграли огромную роль в приобщении жителей деревни к урбанистической культуре, стали каналом трансляции городских ценностей, содействовали урбанизации сознания, ценностных ориентаций и образа жизни. Учреждения образования и культуры способствовали изменению механизмов социализации и инкультурации, снижению действия традиционного типа функционирования социокультурного опыта. На первой фазе аграрного перехода процесс размывания традиционной крестьянской культуры осуществлялся наиболее активно.

Все сельские учреждения культуры обязаны заниматься пропагандистской

работой, разжигать энтузиазм, маскировать недостатки, выделять достижения. Сталинская система низводила человека до роли «винтика», проявляла грубое пренебрежение к его интересам и потребностям. Городские формы жизнедеятельности порой внедрялись насильственными методами. Особенно это касалось раздувания культа Сталина, внедрения атеистического воспитания, уничтожения церкви. Тем не менее крестьянские традиции, представления продолжали существовать, играли в деревне существенную роль, особенно в регуляции социальных процессов.

На рубеже 1920—1930-х гг. осуществлялась государственная политика, направленная на подавление тех элементов крестьянской культуры, которые осуществляли воспроизводство патриархальных ценностей, а следовательно, выступали препятствием модернизации деревни. Одной из традиций подавляющей части крестьянства России являлась приверженность православному христианству. Русское православие связывалось в сознании с национальной российской историей, освещало трудовую деятельность крестьянства, пронизывало быт, переплеталось с моралью и нравственностью, несло идеологическую функцию, то есть определяло все основные сферы жизни крестьянства. Потеря традиционности образа жизни и ментальности крестьянства связана с процессом раскрепощения, который с особой силой проявился в 1930-е годы.

Давление на церковь нашло отражение в Декларации митрополита Сергия (июль 1927 г.). В ней говорилось, что «церковные деятели не с врагами нашего советского государства и не с безумными орудиями их интриг, а с нашим народом и нашим Правительством... Нам нужно не на словах, а на деле показать, что верными гражданами Советского Союза, лояльными к советской власти, могут быть не только равнодушные к православию люди, не только изменники ему, но и самые ревностные приверженцы его, для которых оно дорого, как истина и жизнь, со всеми его доктринаами и преданиями, со всем его каноническим и богослужебным укладом. Мы хотим быть православными и в то же время сознавать Советский Союз нашей

гражданской родиной, радости и успехи которой — наши радости и успехи, а неудачи — наши неудачи. <...> Оставаясь православными, мы помним свой долг быть гражданами Союза не только из страха, но и по совести» [1, с. 511, 512; 9, д. 47, л. 16]. Русская православная церковь заявила о том, что она встала на путь лояльного сотрудничества с советскими властями на основе полного признания политики в религиозном вопросе.

В мае 1931 г. Президиум ВЦИК РСФСР принял «Положение о Постоянной Центральной и местных комиссиях по рассмотрению религиозных вопросов» [37, с. 248, 249]. Комиссии по религиозным делам при облисполкомах и СНК автономных республик, существовавшие до ноября 1938 г., поставили под контроль религиозную деятельность населения, несмотря на то, что Конституция СССР от 5 декабря 1936 г. провозглашала свободу совести. В статье 124 записано: «В целях обеспечения за гражданами свободы совести церковь в СССР отделена от государства и школа от церкви. Свобода от правления религиозных культов и свобода антирелигиозной пропаганды признаются за всеми гражданами» [15].

Несмотря на объявленную лояльность церковнослужителей к властям, политика ликвидации церквей и массированная антирелигиозная пропаганда усиливались. Основным воздействием на верующих являлись дискредитация и подавление деятельности РПЦ. Другим направлением было разрушение знаковой структуры православия: закрытие храмов, изъятие церковных ценностей, запрет колокольного звона. В Свердловской области количество культовых зданий к концу 1930-х годов сократилось в три раза [20, с. 138]. В Молотовской области (ныне Пермский край) до революции 1917 г. было 1103 православных молитвенных здания, из них 630 церквей, 405 часовен и 8 монастырей. К концу 1930-х годов на 56 районов области оставалось 25 действующих церквей и несколько часовен, а в 41 районе их не осталось. Закрытые церкви использовались под школы, избы-читальни, клубы, кинотеатры, для хозяйственных нужд — под зернохранилища, столовые, магазины,

мастерские, общежития, военные казармы [9, д. 2, л. 65; д. 62, л. 5—7].

Если на рубеже 1920—1930-х годов крестьянство сопротивлялось преобразованиям, то после 1934 г. сломленные голодом и террором крестьяне смирились с новой системой как с чем-то неизбежным. Это «приспособление» проявилось в том, что число верующих оставалось значительным. По Всесоюзной переписи населения 1937 г., единственный раз зафиксировавшей отношение к религии, из 98,4 млн. человек в возрасте 16 лет и старше неверующими считали себя 42,2 млн., а верующими православными — 41,6 млн. Относительно большее число верующих было среди женщин и особенно среди сельского населения [5, с. 106—115]. Приведенные цифры свидетельствовали о традиционной приверженности христианству части населения. В то же время эти цифры свидетельствуют и о том, что часть населения отошла от религии, от церкви. Успешная культурная трансформация села была невозможна без отделения церкви от школы, от государства. Распространение научных знаний, рост грамотности, технологический прогресс способствовали процессу секуляризации сознания крестьян. Роль церкви и ее влияние на жизнь общества были минимизированы.

Вся жизнь крестьянина зависела от крестьянской общины, крестьянского мира, она предопределялась факторами колlettивного землепользования, круговой порукой, традиционным мировоззрением, бытовыми связями. До 1917 г. предпринимались попытки разрушения общины. По замыслу аграрной реформы П. А. Столыпина предполагалось разделить управленческие и хозяйствственные функции общины. Однако это было осуществлено только Советской властью после образования сельских советов, воспринявших у общины административно-фискальные функции и статус органа государственной власти. Возможности земельных обществ воздействовать на семейные, нравственные и культурные отношения были затруднены. Ликвидация общины [36] вела и к ликвидации патриархальных устоев. В 1930 г. сплошная коллективизация сопровождалась кампанией по закрытию храмов и преследованию священников.

В 1930-е годы, когда активно внедрялись новые, характерные для горожан, формы жизнедеятельности и были достигнуты заметные результаты — ликвидация неграмотности взрослого населения, широкое развитие школьного образования, создание слоя квалифицированных кадров сельского хозяйства, в значительной мере сохранялась традиционная передача транслируемых деревенским обществом религиозных ценностей и норм. В то же время быстрыми темпами продолжалась ломка уклада сельской жизни — разъединялись сферы труда и быта, бывшие веками слитными; уходил в прошлое размежеванный ритм жизни, во многом определявшийся ритмами природы и сезонностью сельскохозяйственных работ, освящаемых и одухотворенных церковью, теперь он больше зависел от распоряжений властей; постепенно исчезала локальная замкнутость «мира деревни», ограничивавшая возможность контактов. При всем различии и противоположности этих тенденций, характерных для разных эпох — доколхозной и колхозной, в жизни деревни на уровне обыденного сознания и повседневного поведения не произошло качественных изменений.

Для первой стадии аграрного перехода был характерен культурный симбиоз, при котором в деревне независимо существовали традиции и современность. Одни элементы развивались динамично, другие отставали в своем развитии, содержали в себе архаические черты. В начале XX века эволюционные изменения российского общества были прерваны чередой войн и революционных катаклизмов. Привычный уклад и традиционные институты крестьянского мира были подвергнуты мощному воздействию. В конце 1920-х и в 1930-е гг. начала осуществляться целенаправленная государственная политика по подавлению традиционной культуры деревни.

На рубеже XX—XXI вв. процесс аграрного перехода в России продолжился. Для успешного осуществления его задач необходимо учесть важность культуры как фактора повышения качества населения и общественного процесса. Вместе с тем нельзя не принимать во внимание

зависимость культурных процессов от экономических, демографических, политических, социальных, ментальных изменений. Осмысление и учет этого диалектического взаимодействия и взаимовлияния необходимы в современном российском обществе.

Список использованных источников и литературы

1. Акты Св. Тихона, патриарха московского и всея Руси / сост. М. Е. Губонин. М., 1994.
2. Бобылев Д. М. Какая школа нужна деревне (отзывы крестьян о школе). По материалам статистического исследования Пермского губернского земства. Пермь, 1908.
3. В помощь политпросветработнику. Лучший опыт работы культпросветучреждений. Свердловск, 1939.
4. Данилов В. П. К изучению культуры и быта советской доколхозной деревни // Советская культура. История и современность. М., 1983. С. 376—389.
5. Всесоюзная перепись населения 1937 г. Краткие итоги. М., 1991.
6. Вылцан М. А. Советская деревня накануне Великой Отечественной войны (1938—1940 гг.). М., 1970.
7. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 310. Оп. 1. Д. 3465.
8. ГАРФ. Ф. 2306. Оп. 39.
9. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2.
10. Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. 233. Оп. 3. Д. 1249.
11. ГАСО. Ф. 1813. Оп. 1. Д. 170.
12. Грачев К. В., Кирьянов И. К. Рост образовательного уровня крестьянства Урала в капиталистический период // Из истории демократической культуры на Урале (XVIII — начало XX в.). Пермь, 1986.
13. Колхозная жизнь на Урале. 1935—1953 / сост. Х. Кесслер, Г. Е. Корнилов. М., 2006.
14. Комсомольский работник. 1939. № 20—21.
15. Конституция СССР 1936 года. М., 1937.
16. Краткая подворная перепись Екатеринбургского уезда Екатеринбургского уезда, Пермской губернии. Пермь, 1912.
17. Кузьмина А. П. Электрификация села на Урале в 1920 — 1953 гг. // Уральский исторический вестник. 2013. № 1 (38).
18. Культурное строительство СССР : стат. сб. М. ; Л., 1940.
19. МТС во второй пятилетке. М., 1939.
20. Музафарова Н. И. Партийное руководство атеистическим воспитанием трудящихся на Урале в годы социалистического строительства (1917—1937). Иркутск, 1987.
21. Народное образование в СССР. Общеобразовательная школа : сб. документов. 1917—1973 гг. М., 1974.
22. Народное образование, наука и культура в СССР : стат. сб. М., 1971.

23. Объединенный государственный архив Челябинской области (ОГАЧО). Ф. П-288. Оп. 2. Д. 346.

24. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Вып. 31. Пермская губерния. СПб., 1904.

25. Правда. 1939. 5—13 мая.

26. Попов М. В., Протасова Э. Е., Бахтина И. Л., Мосунова Т. Г. Государство и начальное образование в уральской деревне в 1920—1941 гг. Екатеринбург, 2009.

27. Пьянков С. А. Крестьянское хозяйство Пермской губернии в конце XIX — начале XX века. Екатеринбург, 2014.

28. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 1562. Оп. 16.

29. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 17.

30. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 323.

31. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 326.

32. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336.

33. РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 3. Д. 3535.

34. Сафонов А. А. Грамотность населения Урала в конце XIX в.: источниковедческое исследование материалов Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. Екатеринбург, 2011.

35. Свердловский сельскохозяйственный институт. 1940—1990 гг. Свердловск, 1990.

36. Постановление ВЦИК и СНК РСФСР «О ликвидации земельных обществ в районах

сплошной коллективизации» от 30 июля 1930 г. // Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства РСФСР. 1930. № 51. Ст. 621.

37. Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства РСФСР. 1931. № 27. С. 248—249.

38. Социалистическое сельское хозяйство СССР : стат. сб. М. ; Л., 1939.

39. Сталин И. В. К вопросам ленинизма // Сочинения. М., 1948. Т. 8.

40. Статистический сборник по Екатеринбургской губернии за 1922 год. Екатеринбург, 1923.

41. Статистический сборник по Оренбургской губернии. 1923. Оренбург, 1923.

42. Статистический сборник Челябинской губернии за 1920—1923 гг. Челябинск, 1923.

43. Статистический справочник по Вятской губернии. 1925 г. Вятка, 1926.

44. Третья сессия Верховного Совета Удмуртской АССР. 15—17 июня 1940 г. : стенограф. отчет. Ижевск, 1940.

45. Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Пермская губерния. Вып. 30. СПб., 1903.

46. Центр документации новейшей истории Оренбургской области (ЦДНИОО). Ф. 371. Оп. 3.

47. ЦДНИОО. Ф. 1003. Оп. 2. Д. 120.

48. Чкаловская область в цифрах. Чкалов, 1939.

УДК 94(477)«1919/1920»

C. B. Корновенко

Белое движение Юга России в Украине 1919 г.: борьба за хлеб

В статье изложены особенности решения одной из наиболее важных проблем социально-экономического характера — уборочной страды 1919 г. в земледельческих районах Украины, находившихся под контролем Главнокомандующего Вооруженными Силами Юга России. Проанализированы меры, принятые гражданскими властями Белого движения Юга России по уборке урожая 1919 г. в Украине. Изложены как положительные результаты кампаний по сбору урожая 1919 г., так и трудности, негативно сказавшиеся на ее реализации. Сделан вывод о том, что определяющими факторами, которые обусловили препятствия в этом процессе, были эпизодические злоупотребления помещиков и локальные очаги крестьянского повстанческого сопротивления.

Ключевые слова: уборочная страда, Главнокомандующий Вооруженными Силами Юга России, Белое движение Юга России, Украина.

Весной — осенью 1919 г. значительную часть территорий, находившихся под контролем Главнокомандующего Вооруженными Силами Юга России (далее — ВСЮР), составляли земледельческие районы Украины. Большинство населения — крестьяне. В связи с этим перед Особым совещанием возникла острая потребность в незамедлительном решении проблем социально-экономического ха-

рактера. Одна из наиболее важных — уборочная страда 1919 г.

В современной украинской и российской историографии история Белого движения Юга России изучена достаточно глубоко. Подтверждением этому служат монографии, диссертации, научные публикации украинских и российских историков. Несмотря на это, перспективным считаем дальнейшее исследование мер,

129

проводимых гражданскими властями Белого движения Юга России, по уборке урожая 1919 г. в Украине. Объясняется это тем, что данный аспект, во-первых, малоизучен, во-вторых, хлебный вопрос, как и земельный, был весьма важным в годы революции. От него непосредственно зависело продовольственное снабжение армии и тыла.

Автор ставит своей целью проанализировать мероприятия гражданских властей Белого движения Юга России по уборке урожая 1919 г. в Украине.

Надежды властей на высокий урожай 1919 г. вполне оправдались. Например, на Полтавщине урожай хлебов, по подсчетам белых, составил 161 млн. пуд.: ржи — 58,5 млн. пуд., пшеницы — 48 млн. пуд., ячменя — 19 млн. пуд., овса — 21,5 млн. пуд., гречки — 10 млн. пуд., проса — 4 млн. пуд. [9]. Неплохой урожай выдался и в других украинских губерниях, находившихся под управлением Главнокомандующего ВСЮР.

Высокий урожай порождал новую проблему — его уборку. Для юридического урегулирования этого вопроса 9 июля 1919 г. Особым совещанием были одобрены подписанные А. Деникиным «Правила о сборе урожая 1919 г. в местностях, находящихся под контролем Главнокомандующего Вооруженными Силами на Юге России». Структурно документ содержал 12 пунктов, которыми регулировался сбор урожая 1919 г. Их содержание учитывало социально-экономическую и общественно-политическую ситуацию на селе. В документе, в частности, содержались следующие положения:

1) сбор урожая 1919 г. хлебов, льна, конопли, подсолнечника и других масленичных растений возлагался на тех, кто засеял поля, несмотря на юридические основания пользования/владения землей: на крестьян, сельские общины, крестьянские общества и т.п. $\frac{2}{3}$ собранного урожая 1919 г. принадлежали тем, кто засеял поля и собрал урожай, а $\frac{1}{3}$ — землевладельцам, арендаторам и т.д. Те, кто засеяли поля и собрали урожай, свозили его на то «место, где обычно происходила молотьба»;

2) если урожай собирали не те, кто засеял поля, то они платили засевщикам за

выполненные работы, возвращали семена, или проводили с ними другие расчеты;

3) сбор урожая картофеля, свеклы, моркови и других корнеплодов и овощей, а также табака, посаженных на огородах и полях (кроме тех, что расположены на землях имений, кроме свеклы и других семенных саженцев на полях), возлагался на тех, кто их засеял, несмотря на юридические основания пользования / владения землей: крестьян, сельские общины, крестьянские общества и т.п. Из собранного ими урожая $\frac{5}{6}$ принадлежит им, $\frac{1}{6}$ — землевладельцам, арендаторам и т.д. Те, кто засеяли поля и собрали урожай, свозили его в указанное место;

4) если крестьяне, сельские общины, крестьянские общества собрали урожай картофеля, свеклы, моркови и других корнеплодов и овощей, а также табака, посаженных на огородах и полях, и свезли в свои хозяйства, то они платят натурай или деньгами фактическим собственникам $\frac{1}{3}$ часть. Если расчеты ведутся деньгами, то по твердым ценам или по справочным;

5) в случае отсутствия тех, кто засеял поля, волостной старшина обязывался наять из окрестных сел крестьян для сбора урожая;

6) нанятая волостной старшиной рабочая сила за сбор урожая получала не более $\frac{1}{2}$ от его размера. Остальное свозилось и сохранялось до появления фактических владельцев земель, на которых был собран урожай. В том случае, если последние не появлялись до 1.01.1920 г., $\frac{1}{2}$ часть урожая, что им принадлежала, продавалась волостным старшиной. Полученные от продажи средства волостной старшина передавал голове мирового съезда, который отдавал их фактическому владельцу земли;

7) в том случае, если отсутствуют засевщики, сбор урожая принадлежит фактическим владельцам. Если и их нет, то вступает в силу ст. 5 правил. Однако в таком случае те, кто собирают урожай, получают $\frac{2}{3}$ его части, а фактические владельцы — $\frac{1}{3}$;

8) весь урожай сахарной свеклы принадлежал сахарному заводу, на угодьях которого он был собран. В случае, если

завод не работал, — другому сахарному заводу, указанному начальником уезда;

9) также весь урожай свеклы, засеянной крестьянами, сельскими общинами, крестьянскими обществами и т.д., должен был быть ими собран и полностью передан сахарному заводу;

10) те, кто специализировался на выращивании семян сахарной свеклы, получают необходимую для этого долю от урожая;

11) сахарный завод рассчитывался за полученный им урожай сахарной свеклы. Фактические владельцы получали $\frac{1}{6}$ от стоимости урожая, а те, кто засеял поля и собрал урожай, — $\frac{5}{6}$;

12) урожай фруктовых и ягодных садов принадлежал полностью их фактическим владельцам [10].

5 июля 1919 г. Особое совещание и Главнокомандующий ВСЮР обнародовали еще один документ, которым регламентировался сбор урожая 1919 г. Он касался правил о сборе трав в 1919 г. на территориях, находившихся под контролем Главнокомандующего ВСЮР. Их содержание в целом воспроизводило положения правил о сборе урожая зерновых и корнеплодов. В частности, на самозахваченных землях сбор урожая трав надлежало проводить тем, кто эти земли захватил; урожай распределялся поровну между юридическими собственниками и теми, кто захватил и собрал урожай [11]. Регламентация осталенных случаев, коллизий, которые могли случиться во время сбора урожая трав, происходила в соответствии с правилами о сборе урожая зерновых и корнеплодов.

Действие обоих законодательных актов распространялось только на украинские губернии и уезды (соответственно), находившиеся под властью Белого движения Юга России: Таврическую, Екатеринославскую, Полтавскую, Харьковскую; Черкасский, Чигиринский, Уманский, Звенигородский, Каневский, Таращанский, Васильковский Киевской губернии [8].

Мы считаем, что приведенные выше положения правил о сборе урожая 1919 г. на территориях, подконтрольных Главнокомандующему ВСЮР, были политически корректными, социально компромиссными, экономически выгодными для всех

субъектов хозяйственной деятельности аграрного сектора экономики украинских губерний 1919 г. По нашему мнению, указанные выше положения о праве на урожай 1919 г. ставили задачу восстановить товарно-денежные отношения между государством и крестьянством, способствовать, с одной стороны, обеспечению крестьянских хозяйств необходимыми промтоварами, с другой — налаживанию нормального продовольственного снабжения городов, армии. Фактически этим документом правительство А. Деникина, признавая факт крестьянских самозахватов, не употребляло против этого карательных мер. Напротив, Главнокомандующий ВСЮР отошел от позиции защиты помещиков, чего не удалось сделать во время наработок принципов аграрной реформы, отдав крестьянам предпочтение государственного протекционизма. Интересы крупных земельных собственников были представлены в значительно меньшей степени, чем интересы крестьянства. Кроме того, институт частной собственности, отраженный в «Декларации генерала А. Деникина по аграрному вопросу», полностью реализовывался на практике.

В советской украинской и современной российской историографии «Правила о сборе урожая 1919 г. на территориях, находящихся под управлением Главнокомандующего Вооруженными Силами на Юге России», неоднократно критиковались исследователями. В частности, ученые М. Супруненко, В. Федюк доказывают, что правилами «снова были восстановлены царские порядки, и крестьянин снова должен был работать на помещика, отдавая ему неизвестно за что треть урожая» [14, с. 130], размер ставки — слишком большой [18, с. 46]. По нашему мнению, это утверждение является дискуссионным, поскольку, во-первых, треть крестьянами выплачивалась за то, что они самовольно, без согласия собственника, пользовались чужой собственностью; во-вторых, ставки уплаты, по сравнению с другими подобными законами, например Директории УНР и советской власти, были меньше.

Согласно закону Директории УНР относительно урожая 1919 г., все хозяйства, имеющие в своем пользовании зем-

лю, должны были передать республике по твердым ценам, которые определяло Министерство народного хозяйства, зерновые продукты в таком количестве: «хозяйства, имеющие 2 дес. земли, освобождаются от повинности, имеющие 2—3 дес. — 3 пуд., 3—4 дес. — 5 пуд., 4—5 дес. — 8 пуд., 5—6 дес. — 12 пуд., 6—7 дес. — 17 пуд., 7—8 дес. — 23 пуд., 8—9 дес. — 30 пуд., 9—10 дес. — 38 пуд., 10—11 дес. — 47 пуд., 11—12 дес. — 57 пуд., 12—13 дес. — 68 пуд., 13—14 дес. — 80 пуд., 14—15 дес. — 93 пуд. Хозяйства, которые имели земли более 15 дес., обязывались отдать государству $\frac{1}{2}$ урожая» [21].

При большевиках ситуация была еще труднее. Как правило, крестьяне сообщали, что советская власть оставляла «часть урожая беднякам, а все остальное свозилось в коммуны, на ток, откуда вывозилось бесконтрольно и без отчета перед крестьянством» [13]. В сводке спецслужб белых за 19 октября 1919 г. говорилось: «Среди крестьян прифронтовой полосы больше всего озлобление вызывал отбор продотрядами всего урожая, для крестьян оставили из расчета 1 фунт на душу до нового урожая» [12, л. 39]. Исполком Звенигородского уезда Киевской губернии в августе 1919 г., во время жатвы, обязал крестьян $\frac{2}{3}$ урожая отдавать государству, свозя его на места, определенные государством [22, л. 10]. Решением Балаклавского районного военно-революционного комитета весь урожай садов, виноградников и земель, находящихся у частных лиц и организаций, переходил в государственные органы, работники получали процент, определенный комиссией [3, л. 8 об.]. Именно в случае с большевиками вполне резонно, по нашему мнению, возникает вопрос: за что платить, если власть провозглашала, что земля — всенародная собственность.

Вместе с тем указанные выше части урожая, остававшиеся крестьянам и владельцам земель и арендаторам, правительство А. Деникина увеличило в пользу крестьян. 26 сентября 1919 г. Особое совещание одобрило, а Главнокомандующий ВСЮР подписал новую редакцию правил об урожае. Согласно им, экс-владельцы земель получали лишь пятую часть урожая

зерновых и десятую — урожая корнеплодов [4, с. 110—111].

Проанализированные исторические источники, в частности секретные сведения Освага, не фиксируют резко негативного неприятия крестьянами украинских губерний, находившихся под управлением Главнокомандующего ВСЮР, правил о сборе урожая 1919 г. или вооруженного сопротивления крестьян их реализации. Так, Г. Бурлаков, заместитель начальника УЗиЗа, ссылаясь на сведения, доходившие из отделов этого учреждения на местах, констатировал, что отношение крестьянства к аграрной политике Особого совещания «доброжелательное, к нам в управление не поступало сообщений о случаях недовольства или недоразумения на этой почве» [7].

На Полтавщине сбор урожая проходил интенсивными темпами при благоприятных погодно-климатических условиях. Темпы могли быть еще выше, если бы не дефицит рабочих рук и сельскохозяйственного инвентаря. Наемным работникам во время жатвы на Полтавщине платили от 100 до 150 руб. в день [16]. Сведения Зафронтбюро по Полтавщине фиксировали следующее: «...помещики вернулись... ведут себя сдержанно и силы не применяют» [6, с. 535]. В Кременчугском и Лохвицком уездах Полтавской губернии «крупные землевладельцы восстанавливают разрушенные хозяйства. Урожай реализуется беспроблемно» [15, с. 152].

На Харьковщине жатва также проходила без особых осложнений, при подобных, как и на Полтавщине, обстоятельствах. Заработка плата во время жатвы составляла 100 руб. в день для женщин и 150 — для мужчин. Имели место расчеты и натурой. Отношения между крестьянами, хуторянами, крупными землевладельцами и управляющими имениями современниками классифицировались как «миролюбивые»; отношения между крестьянскими общинами и управляющими — как «выжидательные» и в отдельных случаях «неприязненные»; отношение всех к правилам — доброжелательное, но крестьяне больше склонны рассчитываться с владельцами земель деньгами [1]. Такой расчет был выгоден прежде крестьянам,

поскольку проводился по фиксированным ценам. Поскольку крестьяне владели значительной массой бумажных денег, особенного бремени во время этих расчетов они не испытывали. С другой стороны, гражданским властям это тоже было выгодно, поскольку из обращения изымались средства и таким образом можно было несколько сдерживать инфляцию. Наименее заинтересованными в такой форме расчетов были крупные землевладельцы, учитывая крайне тяжелую финансовую ситуацию на территориях, находившихся под контролем Главнокомандующего ВСЮР. Однако власть не применяла репрессивных или иных мероприятий, какими бы запрещалась такая форма расчетов за урожай 1919 г., отдавая предпочтение прокрестьянской позиции по этому вопросу.

Разнообразные по происхождению исторические источники, привлеченные нами к исследованию, позволяют констатировать, что гражданская администрация белых как в центре, так и на местах не стояла в стороне от решения важных текущих социально-экономических вопросов. Прежде всего речь идет о жатве. Как мы уже указывали, дефицит рабочих рук, тягловой силы и т.п. был одной из проблем, отрицательно сказывающейся на сборе урожая 1919 г. Для решения этой проблемы Особое совещание, Главнокомандующий применяли энергичные меры. Приказом А. Деникина от 9 июля 1919 г. военные, координируя свои действия с гражданскими властями, обязывались «3. На помощь земледельческому населению во время жатвы и посевной отпускать хозяевам, требующим рабочего скота, лошадей из военных обозов, а также привлеченных к отбыванию гужевой повинности хотя бы на один или два дня для полевых работ, а также в свободное от нарядов время». Кроме того, приказ предусматривал освобождение от мобилизации крестьян, в семьях которых, кроме мужа, подлежащего мобилизации, не было других работников. В случае если такой крестьянин уже был мобилизован, то его демобилизовывали или он получал необходимый отпуск для участия в жатве [20, л. 24 об., 37]. Так, переписка между начальниками уездов о выполнении правил сбора урожая

показывает, что на местах администрация выполняла приказ Главнокомандующего о предоставлении крестьянам помощи во время жатвы. В частности, в Симферопольском, Феодосийском, Джанкойском уездах к жатве активно приобщались военные, помогая крестьянам. По соглашению между Симферопольским комендантом и Таврическим губернатором отпуск получили немцы-колонисты для проведения и оказания помощи во время жатвы [2, с. 45—46, 53].

Однако кроме положительных результатов кампании по сбору урожая 1919 г. стали возникать трудности, негативно сказывающиеся на ее реализации. Наибольшей сложностью, учитывая особенности революции и гражданской войны как социокультурного и исторического явления, было обеспечение спокойствия в тылу. Обычно разные политические режимы, сменявшие друг друга на протяжении революции в украинских губерниях, контролировали ситуацию в городах, близлежащих селах и на железнодорожных узлах. Остальная территория находилась или в сфере влияния атаманов, или оставалась «без власти». Например, только в правобережных уездах Киевской губернии насчитывалось 22 атамана [5, с. 232]. Это были локальные очаги массового крестьянского движения сопротивления, начавшегося еще при Гетманате П. Скоропадского. Такое положение дел деструктивно влияло на деятельность органов гражданской власти того или иного военно-политического режима, выполнение ими распоряжений центральных властей. Белые не были исключением в этой ситуации. Одновременно, и мы солидарны в этом с мнением В. Федюка, было бы не совсем корректно крестьянское повстанческое движение связывать только с аграрной политикой того или иного политического режима. Кроме всего прочего, оно было следствием войны между городом и селом [17, с. 376]. От себя добавим, что оно было проявлением социальной и общественно-политической активности крестьянства в годы революции и гражданской войны.

Недовольство крестьян вызвали хотя и эпизодические, но злоупотребления со стороны помещиков, которые возвра-

щались. Как правило, это случалось в тех местностях, в которых гражданская администрация белых вела себя инертно. Сообщения советских подпольщиков содержали информацию, согласно которой «в Бахмутском и Мариупольском уездах помещики, кроме законной трети урожая, принимают 380 руб. с десятины. В Изюмском уезде берут половину урожая...» [6, с. 325—326]. В Волчанском уезде на Харьковщине помещики вторично требовали у крестьян треть урожая. При этом считали эту долю не только урожая 1919 г., а также с урожаев предыдущих лет. «...Вмешательства властей для искоренения этого зла не было» [19, с. 163—164], — докладывали агенты Освага.

Таким образом, уборка урожая 1919 г. в украинских губерниях, находившихся под контролем Главнокомандующего ВСЮР, юридически регламентировалась «Правилами...». Их содержание носило прокрестьянский характер, не вызвало вооруженного сопротивления со стороны крестьян. Во время жатвы Особое совещание, гражданская администрация белых на местах принимали меры, направленные на оказание помощи крестьянам. Отмечая в целом положительную динамику уборки урожая 1919 г., констатируем, что препятствиями в этом процессе были эпизодические злоупотребления помещиков и локальные очаги крестьянского повстанческого сопротивления.

Список использованных источников и литературы

1. Анкета о состоянии сельского хозяйства в Харьковской губернии // Родина. 1919. № 60.
2. Государственный архив Автономной Республики Крым. Ф. Р-2235. Оп. 1. Д. 5. 57 л.
3. Государственный архив г. Севастополя. Ф. Р-244. Оп. 1. Д. 22. 8 л.
4. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-439. Оп. 1. Д. 110. 360 л.
5. ГАРФ. Ф. Р-446. Оп. 2. Л. 45. 298 л.
6. Гражданская война на Украине. 1918—1920 гг. : сб. документов и материалов : в 3 т., 4 кн. К., 1967. Т. 2. 918 с.
7. Землеустройство (Беседа с помощником начальника Управления земледелия и землеустройства Г. Бурлаковым) // Объединение. 1919. № 4.
8. Киевлянин. 1919. № 53.
9. Полтава // Новая Россия. 1919. № 56.
10. Правила о сборе урожая 1919 г. в местностях, находящихся под контролем Главнокомандующего Вооруженными Силами на Юге России // Киевлянин. 1919. № 25.
11. Правила об уборке сена // Таврический день. 1919. 8 июля.
12. Российский государственный военный архив. Ф. Р-39540с. Оп. 1. Д. 52.
13. Сельские земельные комитеты (Из бесед с селянами) // Новый пахарь. 1919. 16 окт.
14. Супруненко М. З історії боротьби більшовиків України проти Денікінщини : дис. ... канд. іст. наук. Уфа, 1942. 375 с.
15. Трудящиеся Полтавщины в борьбе за установление и укрепление советской власти (1917—1920 гг.) : сб. документов и материалов. Полтава, 1957. 238 с.
16. Уборка хлебов // Полтавский день. 1919. 1 авг.
17. Федюк В. Белое движение на Юге России : дис. ... д-ра ист. наук. Ярославль, 1995. 572 с.
18. Федюк В. Деникинская диктатура и ее крах. Ярославль, 1990. 72 с.
19. Харьковщина в период гражданской войны и иностранной военной интервенции. 1918—1920 гг. Харьков, 1973. 323 с.
20. Центральный государственный архив высших органов власти Украины. Ф. 4175. Оп. 1. Д. 2. 43 л.
21. Центральный государственный архив общественных организаций Украины (ЦГАОУ). Ф. 1. Оп. 20. Д. 36. 190 л.
22. ЦГАОУ. Ф. 1. Оп. 20. Д. 55. 74 л.

А. И. Кортунов

Земельные споры казаков крепости (станицы) Уртазымской и башкир 6-го башкирского кантона (первая половина XIX в.)

В работе проведено исследование проблемы земельных споров между казаками Уртазымской крепости (станицы) и башкирами соседних Карагай-Кипчакской, Бурзянской и Тангаурской волостей в первой половине XIX столетия. Подробно освещается вопрос прав на землю луговых территорий по речке Большой Уртазымке 6-го башкирского кантона и уртазымских казаков.

Ключевые слова: земельный спор, уртазымские казаки, крепость, станица, башкиры, башкирский кантон, размежевание.

В настоящее время актуальными в отечественной и зарубежной исторической науке остаются вопросы присоединения, заселения и хозяйственного освоения юго-восточных окраин Российского государства в XVIII—XIX столетиях. Данные процессы растянулись на несколько столетий, что было связано с открытым противодействием народов Уральского региона проникновению в регион новой российской администрации, а вместе с ними и многочисленных переселенцев (крестьян, военно-служилых людей и др.). Откровенной колониальной политикой российского правительства в XVIII—XIX вв. были недовольны башкиры и другие местные народы, что, в свою очередь, приводило к постоянным локальным конфликтам. Активное строительство в первой половине XVIII столетия городов и крепостей в регионе, а также огромной по протяженности Оренбургской пограничной линии привело к еще большей конфронтации, что в конечном итоге закончилось Пугачевским восстанием, в котором, как известно, приняли самое непосредственное участие представители почти всех местных народов.

Одним из малоизученных вопросов истории земельных отношений на Оренбургской пограничной линии является противостояние казаков крепости (станицы) Уртазымской и жителей 6-го башкирского кантона. Отметим, что Уртазымская крепость была заложена в 1743 г. при речке Уртазымке в 65 верстах к югу от Кизильской крепости на башкирской земле. Строительством занимались солдаты двух драгунских и пяти пехотных

рот, часть из которых впоследствии стали первопоселенцами крепости. В общей сложности за Уртазымской крепостью было закреплено около 68 490 десятин удобной земли. Крепость представляла собой земляное укрепление, обнесенное рвом и валом, с пушками по углам. Так как она была построена на башкирской земле, конфликтные ситуации возникали здесь довольно часто [1, с. 111; 8, с. 53].

Из архивных источников мы узнаем, что в 1774 г. в гарнизоне Уртазымской крепости, возглавляемом капитаном В. Щукиным, служило 74 солдата и офицера, здесь же проживало 15 отставных солдат. В мае 1774 г. крепость была разорена пугачевцами. Впоследствии ее восстановили, но уже на другом месте, на берегу Яика (Урала) [2, л. 327—329].

В конце XVIII века в Уртазымской крепости в основном служили солдаты регулярных частей, казаков сюда перевели только в начале XIX столетия. Исключением стало временное заселение в крепость в 1795 г. ссыльных донских казаков. Жили они там почти 5 лет под строгим наблюдением гарнизонного начальства, пока их не перевели в Рассыпную [3, л. 1—22].

В конце XVIII — начале XIX в. выходит ряд указов о переводе из Оренбургской губернии регулярных полков с полевой артиллерией на запад Российской империи. После этого указами от 19 августа и 28 ноября 1804 г. были утверждены правила по устройству Оренбургской пограничной линии и определено для ее охраны 4 линейных гарнизонных батальона. Первый линейный Оренбургский батальон располагался на Верхнеозерной дистан-

ции, второй на Орской, третий на Верхнеуральской и четвертый на Троицкой. Комплектовались эти батальоны рекрутами, поселенными пахотными солдатскими детьми и др. [4, с. 476—477; 5, с. 715].

В 1805 г. Оренбургским военным губернатором Григорием Семеновичем Волконским в продолжение начатых реформ было предложено расселить исетских казаков в количестве 1181 человека из Кичигинской, Коельской, Челябинской, Чебаркульской, Миасской, Еткульской, Еманжелинской и Уйской крепостей. В том же году их разместили в крепости Таналыкскую, Уртазымскую, Кизильскую, Магнитную, Усть-Уйскую и их редуты. После вывода в 1805 г. из Уртазымского укрепления постоянных регулярных войск туда были переселены 86 казачьих семей из Коельской крепости и 12 семей из Кичигинской [7, с. 93].

Переселение казаков с семьями, по всей видимости, затянулось на два года. Из архивных источников мы узнаем, что земли вокруг Уртазымской крепости и по речке Большой Уртазымке казаки получили только к 1807 г. С этого времени и началось их открытое противостояние с башкирами и постоянные земельные споры. Соседние дачи владения башкир Карагай-Кипчакской, Бурзянской и Тангаурской волостей были обмежеваны еще в 1801, 1802 и 1803 гг. и закреплены за ними позднее неоднократно. Казаки же с годами претендовали на все большие угодья, что вызывало недовольство у их соседей [9, л. 45—45 об.].

После многочисленных жалоб башкир на притеснения со стороны казаков в 1814 г. поднимается вопрос о размежевании дачи казенной земли Уртазымской крепости. По результатам отдельных замеров, проведенных землемерами Семеновым и Фомичевым, возникли определенные несоответствия. Семенов определил площадь удобной земли в 67 134 десятины, а Фомичев — в 65 880 десятин. Как итог выходит распоряжение о дополнительной проверке, которая затянулась на неопределенное время. Несмотря на это, предписанием Оренбургского военного губернатора Г. С. Волконского коменданту крепости Уртазымской от 31 мая 1815 г. за

№ 3518 башкирам было «запрещено сближать свои хутора и пользоваться сенокосными местами к линии ближе 25 верст» [1, с. 199; 9, л. 45—45 об.].

В 20—30-х гг. XIX в. правительством рассматривался вопрос о земельном обеспечении 25 военных укреплений на Оренбургской пограничной линии, где не было надлежащей 15-верстной пропорции от границы. Комиссия согласилась с необходимостью передачи гарнизонам крепостей из владения башкир 267 088 десятин, из казенного ведомства — 206 117 десятин. Однако тогда же, в 1829 г., против переселений с территории пограничной линии выступил министр финансов Е. Ф. Канкрин, ссылаясь на то, что «лучшая ограда границы империи есть умножение населения». Через несколько лет Сенат все же распорядился о нарезке 15-верстной пропорции к приграничным укреплениям. Население этих территорий следовало перевести в подчинение Оренбургскому казачьему войску. Башкиры могли либо покинуть эти земли, либо причислиться в состав войска [1, с. 301].

Таким образом, вопрос о владении прикрепостными землями был решен, но казаки все же стремились к расширению своих владений и за пределы этой полосы. В частности, в 1841 г. между башкирами 6-го кантонов 7 юрты и казаками полка № 4 станицы Уртазымской (по Положению об Оренбургском казачьем войске 1840 г. все крепости переименовывались в станицы) возник спор о земле, находящейся по обе стороны речки Большой Уртазымки начиная от устья впадающей в нее с правой стороны речки Мунчи до ущелья выше речки Сосновки. Для разрешения этого спора в 1842 г. командующим Башкиро-Мещерякским войском стряпчему Соколову было поручено «сделать дознание» о том, кому принадлежит данная земля [9, л. 45—45 об.].

Поверенный Соколов выяснил, что покосные места на оспариваемых территориях находятся внутри земельных владений башкир Карагай-Кипчакской, Бурзянской и Тангаурской волостей, обмежеванных еще в начале XIX в. и утвержденных за ними решением Оренбургской межевой Конторы 24 февраля 1828 г. Так-

же Соколов определил, что в Генеральном плане Уртазымской станицы данного участка не значится. В итоге заключение поверенного Соколова было объявлено казакам Уртазымской станицы, с тем, чтобы они не присваивали не принадлежащих им земель [9, л. 45—45 об.].

Несмотря на это, в подтверждение своих прав на оспариваемую землю уртазымские казаки сообщили: 1) что места по речке Уртазымке, которую оспаривают башкиры, состояли в пользовании их (уртазымских казаков) с самого заселения линии (около 1807 г.); 2) что в 1815 г. предписанием бывшего Оренбургского военного губернатора князя Волконского коменданту крепости Уртазымской, основанного на постановлении Оренбургской губернской канцелярии 1743 г. и утвержденным Правительствующим Сенатом, башкирам запрещено сближать свои хутора и пользование сенокосными местами к линии ближе 25 верст [9, л. 45—45 об.].

Уртазымские казаки утверждали, что после этого башкиры не высказывали своих претензий на места по речке Уртазымке вплоть до 1842 г. И именно поэтому казаки Уртазымской станицы ходатайствовали об оставлении за ними по речке Уртазымке нужной им земли. Также казаки настаивали на том, чтобы выводы стряпчего Соколова в настоящее время не принимались за основу, потому что по силе 1 пункта § 4 Высочайше Утвержденного 12 декабря 1840 г. Положения об Оренбургском казачьем войске все земли, которыми пользовались линейные жители без участия в том башкир и мещеряков до 1840 г., «должны оставаться в казачьем ведомстве без всякого за них вознаграждения» [6, с. 798; 9, л. 46].

В ответ на замечания обеих сторон Правление Оренбургского казачьего войска 24 ноября 1844 г. предписало начальству полка № 4 через своего заседателя и в присутствии депутата с башкирской стороны удостовериться посредством опроса людей из соседних селений, «действительно ли земля по речке Уртазымке, оспариваемая башкирами, состояла в пользовании линейных жителей, с кото-

рого времени и на каком пространстве?». В итоге после долгой переписки в 1848 г. наказной атаман Оренбургского казачьего войска генерал-лейтенант Цукато приказал местному начальству решить спор между сословиями с предварительным тщательным выяснением обстоятельств пользования спорным участком земли [9, л. 46 об., 47 об.].

К сожалению, мы не обнаружили документов, свидетельствующих об окончательном разрешении спорной ситуации между уртазымскими казаками и башкирами и вынесении какого-либо вердикта по оспариваемому участку земли. Скорее всего, данное дело затянулось на долгие годы и было завершено только после очередного размежевания прилинейных территорий.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда в рамках проекта «Российские крепости как центры генерации государственности в этническом и конфессиональном пространстве Юго-Востока России в XVII—XIX вв.» (№ 14-01-00364).

Список использованных источников и литературы

1. Акманов А. И. Земельные отношения в Башкортостане и башкирское землевладение во второй половине XVI — начале XX в. Уфа, 2007.
2. Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Ф. 173. Оп. 11. Д. 728.
3. ГАОО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3.
4. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ РИ) с 1649 г. Собр. 1. Т. XXVIII (1804—1805 гг.). № 21426.
5. ПСЗ РИ с 1649 г. Собр. 1. Т. XXVIII (1804—1805 гг.). № 21533.
6. ПСЗ РИ. Собр. 2. Т. XV. Отд. 1 (1840 г.). № 14041.
7. Стариakov Ф. М. Историко-статистический очерк Оренбургского казачьего войска с приложением статьи о домашнем быте оренбургских казаков. Оренбург, 1891.
8. Стариakov Ф. М. Исторический очерк присоединения к России Оренбургского края и участия в этом местного казачества. Оренбург, 1891.
9. Центральный исторический архив Республики Башкортостан. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 5952. Л. 45—45 об.

Музейная политика и судьба религиозного культурного наследия в 1920-е годы (на материалах Урала)

В статье рассмотрена политика государства в отношении сохранения культурного наследия в 1920-е годы. Показана противоречивость ее осуществления в отношении религиозных объектов, которая привела к исчезновению многих памятников истории и культуры.

Ключевые слова: культурное наследие, музейная политика, памятники истории и культуры.

В истории музейного дела в силу объективных причин период 1920—1930-х гг. оказался наименее изученным. Прежде всего это связано с ограниченным доступом к архивным источникам данного периода. Изучение музейной политики в годы первых пятилеток строилось на официальных открытых источниках, что резко сужало возможности исследователей. Ввиду этого ранний период деятельности органов охраны памятников России, а также послевоенная государственная музейная политика СССР рассмотрены более детально, чем события конца 1920-х гг.

Особенно актуальна данная тема в связи с тем, что в 1990-е гг. остро встал вопрос о взаимоотношениях работников культуры, представляющих государственные музейные объединения, и представителей религиозных организаций, прежде всего Православной церкви. В центре внимания общества оказались проблемы возвращения культурных ценностей из музеев в храмы, конфликты из-за церковных зданий и монастырских территорий, занятых музеями.

Они выдвинули на первый план задачу, связанную с изучением на новой основе истории вопроса о музейной политике государства в 1920—1930-е гг. Возникла настоятельная необходимость научного анализа как известных, так и вновь открытых источников по музейному делу, относящихся к указанному периоду. Имущественные споры между музеями и церковью уходят своими корнями в события 1920—1930-х гг. Основы современного конфликта между музеями и церковью были заложены в те годы, когда происходило изъятие имущества церкви в пользу государства и частичный перевод его в музей-

ные объекты. Осуществленный благодаря усилиям образованной части русского общества процесс музеефикации церковной собственности позволил хотя бы частично сохранить для потомков обретенную на уничтожение материальную и духовную культуру дореволюционной России, хотя и не гарантировал ее неприкосновенности.

На Урале эта ситуация осложнялась тем, что здесь продолжалась внутренняя борьба, принявшая формы вооруженного противоборства. Урал находился в очаге Гражданской войны.

Отрыв от Центра, мнение о том, что в крае памятники якобы отсутствовали, и наконец, нехватка специалистов привели к тому, что созданные в губерниях секции по делам музеев и охране памятников искусства и старины не работали.

Сложная ситуация наблюдалась в Перми. В августе 1919 г. здесь был создан подотдел искусств и охраны памятников, но его основную цель губоно определил как «эстетическое воспитание пролетарских масс». В г. Тюмени приказом № 17 ВРК от 23 сентября 1919 г. предписывалось «всем лицам, у которых находятся произведения искусства, библиотеки, независимо от того кому они принадлежат и у кого стоят на учете, обязаны дать о таковых сведения» [1, с. 321—322]. 27 декабря 1919 г. по предложению прибывшего в Пермь уполномоченного Наркомпроса по Уралу и Сибири Равделя наконец сформировали особую секцию музеев и охраны памятников [3, л. 11, 37]. Но она фактически бездействовала.

В период с 1918 по 1925 г. закладывались основы новых взаимоотношений между государственной и церковной властью. На основании декрета от 20 января /

2 февраля 1918 года церковь была лишена имущественных прав. Принадлежащие церкви монастыри и храмы упразднялись и постепенно передавались в ведение государства. Одной из форм сохранения религиозных культурных ценностей стало создание музеев на территории храмов и монастырей. Совещание Екатеринбургского губернского внешкольного подотдела по вопросу об учете и охране художественных ценностей 4 июля 1920 г. обсудило положение, в котором находились культурные ценности после изгнания белых. Часть вещей, собранных на квартирах, была передана местными реквизиционными подотделами в музейный фонд УОЛЕ. Поднимался вопрос и об охране бывшей Харитоновской усадьбы, где располагалась часовня со стариным иконостасом. Но ввиду того что военные части заняли ее помещение, иконы частично были сняты и переданы в музей УОЛЕ [5, л. 4].

В 1918—1922 гг. фактически фиксировались те объекты, которые составляли культурно-исторический фонд старины и лишь потенциально являлись памятниками. Доказательством тому могут служить следующие факты. Из выявленных за первые пять лет деятельности Отдела 450 бывших помещичьих усадеб за тот же период было снято с учета 250, а сочтено достойными музеефикации, т.е. признано полноправными памятниками, только 19. Такое же положение обнаружилось и при изучении монастырских ансамблей: из первоначально зарегистрированных 200 за те же годы признаны памятниками зодчества лишь 33, преобразованы в музеи и того меньше — 12 [4, л. 33].

Следует отметить, что, во-первых, обследование, по сути дела, проводилось исключительно в центральных, северо-западных и поволжских губерниях. На Севере, Урале, в Сибири оно затронуло самую незначительную часть памятников — художественные коллекции, оставив без внимания многочисленные и разнообразные произведения зодчества. Во-вторых, при их учете игнорировались недвижимые памятники истории. Наконец, в-третьих, из-за сложности выявления памятников зодчества к ним относились в основном культовые здания.

Переломным моментом в музейной политике явились события 1921 г. — голод в Поволжье и последовавшая за этим кампания по изъятию церковных ценностей весны 1922 г. Изъятие церковных ценностей мобилизовало сотрудников Главнауки Наркомпроса на принятие решений о судьбе монастырей и храмов и приданье им статуса музеев-монастырей. Музеи, размещавшиеся в монастырях и храмах, получили названия историко-культурных учреждений. В их деятельности принимали участие как светские ученые, ревстараты, деятели культуры, так и представители церкви. Обязательное участие квалифицированных специалистов при отборе церковного имущества, подлежащего реализации, обеспечивало выявление и сохранение уникальных памятников церковного искусства.

23 февраля 1922 г. ВЦИК принял декрет «О порядке изъятия церковных ценностей, находящихся в пользовании групп верующих» [10, статья 217]. Юридическим основанием этого документа служил декрет Совнаркома РСФСР от 23 января 1918 г. «Об отделении церкви от государства», который объявлял собственность церковных и религиозных обществ народным достоянием* [9]. Так что теперь голодный народ лишь фактически изымал то, что юридически было его собственностью уже четыре года.

Порядок изъятия ценностей разъяснялся совместной инструкцией Центральной комиссии помощи голодающим (ЦК Помгол) и Наркомата юстиции [10, статья 218]. Особый пункт (6) инструкции предусматривал участие в изъятиях ценностей представителей губернского комитета по делам музеев и охране памятников искусства и старины, народного быта и природы (губмузей). Отобранные ими предметы передавались на хранение в музей. В целях максимального выявления и обеспечения сохранности исторических памятников среди церковного имущества 4 марта 1922 г. Музейный отдел утвердил специальную инструкцию [2, л. 49], определившую круг предметов, запрещенных к

* Прямая ссылка на этот декрет была в декрете ВЦИК от 2 января 1922 г.

ликвидации, и порядок изъятия ценностей. Не допускалась ликвидация ценностей, созданных до 1725 г. и более поздних, но имевших высокое художественное и бытовое значение. Запрещалось нарушение целостности ансамблей — древних храмов, иконостасов.

Челябинским губкомом на места был направлен циркуляр «Об изъятии церковных ценностей» (с пометкой «совершенно секретно») [7, л. 9]. Рекомендовалось возможно осторожное отношение к данному вопросу. Изъятие необходимо было начинать с наиболее крупных, богатых церквей, а затем переходить к другим. Рекомендовалось приступать к изъятию и в молельных домах других культов (синагог, костелов, мечетей), чтобы подчеркнуть, что это не гонения на православную церковь.

В Екатеринбургской губернии руководить церковной политикой был назначен секретарь губкома Н. И. Уфимцев, за подписью которого сохранились многочисленные документы о выполненной работе [14, л. 9]. Уполномоченные в уездах были ознакомлены с инструкцией, согласно которой изъятию подлежали «все, без исключения, вещи из золота, серебра и драгоценных камней, золотое, серебряное и с камнями шитье» [13, л. 6 об.]. Результаты изъятия тотчас же должны были сообщаться в вышестоящие органы, а также в газету с указанием церкви и количества изъятого.

Несмотря на проводимые мероприятия, Уралбюро ЦК неоднократно обращало внимание губкомов на слабую деятельность по изъятию церковных ценностей во всех губерниях Урала и требовало усиления данной работы [11, л. 2; 12, л. 86]. Только за один день, 27 апреля 1922 г., из церквей г. Екатеринбурга было вывезено 7 пудов серебра и золота и около 150 крупной и средней величины бриллиантов и других драгоценных камней [11]. Только из одного Екатерининского собора г. Екатеринбурга комиссией по изъятию церковных ценностей, возглавляемой Б. Дидковским, было вывезено «13 изумрудов, 10 розовых шерлов, 23 тяжеловеса и аквамарина, более 120 аметистов, более 100 ободков и коронок, украшенных топазами, горным хрусталем и другими камнями». Всего было изъято серебра и самоцветов

10 пудов 14 фунтов 50 золотников 72 доли (около 170 кг) [6, с. 80].

Однако и после этого на местах нередко игнорировался порядок изъятия церковных ценностей. Не приглашались сотрудники губмузеев, и тогда вывозилось все подряд, в том числе и предметы XV—XVII вв., имевшие музейное значение; ценные предметы ломались при упаковке и перевозке; комиссии по изъятию возвращались для вторичного отбора ценностей уже без музейных специалистов. Очень часто эксперты, отстаивавшие каждый исторически значительный предмет, встречали сопротивление остальных членов комиссии, движимых полученной инструкцией о полном изъятии.

Итак, с одной стороны, советское правительство принимало меры по спасению предметов, имевших историческое и культурное значение. С другой стороны, кампания помощи голодающим носила ярко выраженный политический и антицерковный характер.

В ходе проводимых мероприятий, грубых нарушений законодательства и нормативных документов в одночасье храмы потеряли то, что создавалось несколькими поколениями русских мастеров.

Следует отметить, что центральные музеи пытались воспрепятствовать вывозу ценностей за границу, призывая в своих обращениях к правительству о необходимости отказаться от изъятия музейных предметов, неотъемлемой части культурного достояния страны. К сожалению, такого рода протесты музеев не могли оказать какого-либо влияния на проводимую правительством политику по отношению к культурному наследию.

Последствия проводимых мероприятий можно было наблюдать до недавнего времени. Многие центральные монастыри (Соловецкий, Сузdalский) «превратились» в политические изоляторы и концлагеря, на Урале Верхотурский монастырь был переоборудован под склад зерна, десятки усадеб стали домами отъезда и санаториями.

Таким образом, процесс охраны культурного наследия в первые годы Советской власти был противоречивым. Во-первых, в системе советских и государ-

ственных органов были созданы специальные структуры по охране памятников и проведена первая регистрация памятников искусства и старины.

Во-вторых, новое законодательство регламентировало с определенных идеологических позиций положение культурных ценностей в обществе и формировало основы государственной системы их охраны и использования.

В-третьих, произошла сознательная утрата целого ряда культурных ценностей прошлого вследствие их «идеологического несоответствия», «хозяйственной целесообразности», «финансовой необходимости».

Деятельность комиссий по охране памятников старины на Урале в 1920-е гг. показала то, что в крае имелось огромное количество культурных ценностей, подлежащих сохранению. Экономические реформы, голод отрицательно сказывались на судьбе исторических реликвий. Принятие законодательных актов не всегда свидетельствовало о том, что памятники находились под охраной местных властей. Отсутствие реальных мероприятий приводило

к разрушению культурного наследия, что отрицательно сказывалось на понимании этой проблемы государством и обществом.

Список использованных источников и литературы

1. Борьба за власть Советов в Тобольской (Тюменской) губернии (1917—1920 гг.) : сб. документальных материалов. Свердловск, 1967.
2. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 2307. Оп. 8. Д. 130.
3. Государственный архив Пермского края. Ф. 23. Оп. 1. Д. 1. Л. 48—50 об.; Д. 12.
4. ГАРФ. Ф. 2307. Оп. 9. Д. 47.
5. Государственный архив Свердловской области. Ф. Р-7. Оп. 1. Д. 26.
6. Манькова И. Л. Храм в сердце и памяти (очерки истории екатеринбургского Екатерининского собора). Екатеринбург, 2000.
7. Объединенный государственный архив Челябинской области (ОГАЧО). Ф. П-77. Оп. 1. Д. 367. Л. 9.
8. ОГАЧО. Ф. П-77. Оп. 1. Д. 571.
9. СУ РСФСР. 1918. № 18. Ст. 263.
10. СУ РСФСР. 1922. № 19. Ст. 217.
11. Уральский рабочий. 1922. 29 апр.
12. Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО). Ф. 76. Оп. 1. Д. 26.
13. ЦДООСО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 653.
14. ЦДООСО. Ф. 1494. Оп. 1. Д. 74.

141

УДК 94(47)

О. А. Курсеева

«Крестьянство — фундамент государства» (Князь П. Л. Ухтомский о крестьянском вопросе в начале XX века)

В статье анализируются взгляды князя П. Л. Ухтомского по крестьянскому вопросу в начале XX века. Он предлагал разрушить общину, уничтожить круговую поруку, закрепить наделы в частную собственность, уравнять крестьян в правах, реформировать местное управление, приобщить крестьян к просвещению, что сделает их опорой государства.

Ключевые слова: П. Л. Ухтомский, крестьянство, община, частная собственность, гражданские права, Казанская губерния.

Крестьянский вопрос являлся краеугольным камнем внутренней политики Российской империи на протяжении веков. Дворянство как первенствующее словие основой своего благополучия считало поместное землевладение. После отмены крепостного права связь между дворянством и крестьянством была поколеблена, но не разорвана. Землевладельцы нуждались в рабочей силе и были кровно

заинтересованы в добрососедских отношениях с крестьянами. В связи с этим вопросы экономического и правового положения сельских тружеников неоднократно обсуждались дворянскими и земскими съездами.

В Казанской губернии одним из инициаторов подобных дискуссий был князь П. Л. Ухтомский. Павел Леонидович Ухтомский происходил из князей Москов-

ской губернии (род. в 1861 г.), окончил Санкт-Петербургский университет, владел 807 дес. земли в Свияжском уезде Казанской губернии, жил в с. Макулове того же уезда. В совместном владении с женой находилось 1500 дес. земли в Тетюшском уезде Казанской губернии. С 1887 г. являлся почетным мировым судьей по Свияжскому уезду. С 1905 по 1914 г. был уездным предводителем дворянства указанного уезда. Скончался в 1914 г. [3, л. 98].

П. Л. Ухтомский неоднократно выступал с докладами по аграрному вопросу на губернском дворянском собрании, земском собрании, заседаниях местных комитетов Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности Казанской губернии [2, л. 20—29; 4, л. 10—16; 10, с. 104—107].

Князь П. Л. Ухтомский был глубоко убежден, что «крестьянство — фундамент государства» [2, л. 25 об.]. В связи с этим верховная власть и правительство должны предпринять ряд мер по его укреплению. Но «Россия создалась и крепка самодержавием. Полнота верховной власти и всеобъемлемость верховной воли возможны только при всеобъемлющем знании народных нужд» [2, л. 29]. Свою задачу князь видел в «верноподданнической обязанности открывать царю нужды земли» [там же].

Изучая ситуацию и анализируя историю крестьянского вопроса, П. Л. Ухтомский опирался на собственный опыт крупного помещика, статистические материалы, труды российских и зарубежных ученых, таких как К. П. Победоносцев, В. И. Сергеевич, Б. Н. Чичерин, Г. Л. Маурер и др. [11, с. 2—4].

Экономический кризис на рубеже XIX—XX веков, по мнению Ухтомского, был вызван односторонней финансовой политикой, проводившейся под руководством С. Ю. Витте. Министр финансов покровительствовал фабрично-заводской промышленности, «забывая о земледелии, пренебрегая им» [2, л. 21].

Модернизационные процессы в стране после крушения крепостничества привели к «разложению старого патриархального семейного и общественного строя», которое «особенно болезненно проявляется

в деревне» [2, л. 21 об.]. Князь с горечью констатировал, что «нового мерила жизни еще не могла выработать, и нравственные начала семейного и общественного воспитания в жизни почти не воздаются: шумливый успех лицемеров и беззаконников служит тому лучшим доказательством. Ввиду примеров удачи лиц недостойных начинают и в столице, и в деревне, и наверху, и внизу ставить целью жизни одно лишь самоуслаждение» [2, л. 21 об.].

Ухтомский считал, что нравственный климат зависит от государства, которое не утвердило законодательные нормы «для выросших потребностей народной жизни», сохранило правовую обособленность многомиллионной крестьянской массы от действия общих законов, не создало «в крестьянском быту такого правопорядка, который обеспечил бы крестьянину охрану нравственных и материальных потребностей его личности» [2, л. 21 об.].

Особое внимание П. Л. Ухтомский уделил сельской общине. Он, солидаризируясь со взглядами известнейших правоведов К. П. Победоносцева и В. И. Сергеевича, утверждал, что сельская община не является «исключительным продуктом славянского общинного духа», общинное землевладение и в начале XX в. продолжало существовать в Индии и на острове Ява, а также в Швейцарии [11, с. 2]. В России оно поддерживалось государственной системой податей и повинностей и обязательной круговой порукой. Но если К. П. Победоносцев считал, что превращение крестьян в собственников земли прежде временно и приведет к их пролетаризации, то П. Л. Ухтомский утверждал, что личная собственность крестьян на землю будет способствовать повышению урожаев, росту народонаселения, превращению крестьян в опору государства [11, с. 8—9]. Основываясь на данных Центрального статистического комитета с 1895 по 1901 г., Ухтомский сравнил урожайность владений частного, подворного и общинного землевладения и пришел к выводу о неэффективности общинных земель и даже их хозяйственной убыточности [2, л. 21 об. — 22 об.]. Он прямо называл общину орудием угнетения слабых сильным, ведущим к массовой недоимочности

и обеднению [2, л. 21 об.], и заявлял, что «сельская община совершенно не заслуживает особой поддержки со стороны закона и правительства» [2, л. 22 об.].

Кроме того, с общинным псевдоравенством П. Л. Ухтомский связывал «социалистические мечтания», к которым относился резко отрицательно [2, л. 23 об.].

Но, по глубокому убеждению князя, крестьяне страдают от «бесправия и беззащитности личности», которые ведут их «под гору вниз, к нужде и разорению» [2, л. 23 об.]. П. Л. Ухтомский предлагал цельную, продуманную систему мер по превращению крестьян в равноправных граждан. Он считал, что «при широком развитии прав личности — этой крепкой опоры семьи, собственности и государства» — немыслимо осуществление социалистической программы [2, л. 29].

Князь доказывал необходимость свободы для населения страны, так как она — основа и источник гражданской активности, а «истинный порядок может быть основан только на правосознании граждан» [8, л. 10—10 об.].

П. Л. Ухтомский отчетливо осознавал несовершенство существовавшей системы местного управления. Земские начальники воспринимались крестьянами как господа, что не способствовало возникновению доверительных отношений. Сельская полиция работала бесплатно, поэтому «она всегда или замешана в преступлениях или скрывает их следы» [2, л. 26 об. — 28]. «Сельские старосты — не лучшие люди, они являются орудием сельской толпы» [2, л. 27].

В этих условиях государство должно расширить компетенцию сельских властей и ввести достойную оплату, что позволит обеспечить ей доверие народа [2, л. 27]. Сельские сходы слишком многочисленны и неэффективны, приводят к пустой трате времени, их необходимо заменить на сход выборных [2, л. 27 об.].

Права, которые получит крестьянство, Ухтомский предлагал надежно защищать, поскольку «в нашей сельской жизни разнородные суды пестротою ответственности калечат и без того не твердые понятия крестьянства о праве и правовой справедливости» [2, л. 28 об.].

Крестьяне должны быть подсудны общему коронному или выборному судье с заседателями из крестьян [там же].

Превращение крестьян в равноправных граждан должно повлечь изменения в экономической сфере. Сельские хозяева без всяких сословных различий должны быть допущены ко всем благам и льготам государственного земельного кредита [2, л. 25 об.].

П. Л. Ухтомский настаивал на необходимости борьбы с невежеством крестьян, приобщения их к образованию [2, л. 22 об.]. Свои соображения князь озвучил на губернском дворянском собрании в 1902 г. [2, л. 20—29], также он выступил в качестве докладчика в Казанском и Свияжском уездных комитетах Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности в том же году [10, с. 104—107]. Казанский уездный комитет под председательством А. Н. Боратынского поддержал П. Л. Ухтомского и пришел к заключению, что «только правоспособность и независимость крестьян друг от друга и общий для всех суд могут быть истинными охранителями собственности» [5, л. 13—14 об.].

П. Л. Ухтомский принял участие и в обсуждении вопроса об объединении земств в общероссийское земское совещание, в результате которого было принято решение о желательности «увенчания здания» земства общероссийским органом [9, л. 16—16 об.]. Это постановление было исключено из официальной публикации, а комитет причислен к неблагонадежным в политическом отношении [9, л. 12 об.]. А. Н. Боратынский занесен в списки членов местных комитетов, подозреваемых в либеральной деятельности [9, л. 4].

К сожалению, верховная власть не услышала голоса своих подданных и по итогам Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности последовала лишь отмена круговой поруки в 1903 г.

Аграрное движение в годы революции 1905—1907 гг. вновь актуализировало крестьянский вопрос. Его обсудили в земском и дворянском собраниях [1; 7]. На общем собрании земских гласных Казанской губернии из 183 человек 87

представляли сельские общества [7, с. 3]. 15 декабря 1905 г. крестьяне заявили, что крупные землевладельцы должны продать часть земли, гласные-дворяне считали, что только Государственная Дума может решить этот вопрос.

Князь П. Л. Ухтомский пытался возвратить к голосу разума, предостерегая против усиленного отчуждения помещичьих земель, так как в результате уменьшится сбор хлеба, а рабочие лишатся своих заработков [7, с. 30—31]. Но собрание приняло резолюцию о том, что Государственная Дума в первую очередь должна решить вопрос о наделении крестьян землей и обязательном отчуждении частновладельческих земель в случае государственной необходимости [7, с. 31].

Уже через два месяца на чрезвычайном дворянском собрании решили ограничиться ликвидацией общины, превращением крестьян в мелких собственников и уравнением их в правах с другими сословиями. Тогда они явятся в Думу «как собственники и у них не будет причин восставать против частной собственности» [5, л. 264—268]. Аргументы П. Л. Ухтомского были услышаны и развернуты, дворяне опасались, что принудительное отчуждение помещичьих земель может привести к банкротству России из-за сокращения вывоза хлеба за границу и отсутствия средств для выплат по займам [5, л. 264—265].

Таким образом, князь П. Л. Ухтомский был одним из представителей либерально настроенного дворянства, которое подталкивало власть к умеренным, но необходимым реформам. Он считал, что в XX веке невозможно прогрессивное развитие без приобщения к гражданским правам и ценностям всего населения, в том числе крестьянства. Свобода и частная собственность на землю, а также приобщение

к просвещению должны были, по мысли Ухтомского, превратить крестьян в опору государства, тем самым обеспечив процветание России.

Аналогичные взгляды были присущи части дворян и земских деятелей европейской части страны [6, с. 29—207], что соответствовало реформаторскому компаративному контексту начала XX века.

Широкая и глубокая программа обновления России, предложенная П. А. Столыпиным, была адекватным ответом на запросы либерального дворянства, земских деятелей и значительной части крестьянства, но, увы, в полном объеме она не осуществилась в силу целого ряда объективных и субъективных причин.

Исследование выполнено при поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта «Административная политика российского правительства на Южном Урале в конце XVIII — XX в.», проект № 14-11-02007.

Список использованной литературы

1. Доклад LX чрезвычайному Казанскому губернскому земскому собранию по земельным вопросам. Казань : тип. В. М. Ключникова, 1906. 14 с.
2. Национальный архив Республики Татарстан (НАРТ). Ф. 1. Оп. 4. Д. 630.
3. НАРТ. Ф. 350. Оп. 1. Д. 1774.
4. НАРТ. Ф. 407. Оп. 1. Д. 798.
5. НАРТ. Ф. 407. Оп. 1. Д. 833.
6. Прокопович С. Н. Местные люди о нуждах России. СПб. : тип. И. Гольдберга, 1904. 275 с.
7. Протокол общего собрания земских гласных Казанской губернии 12—15 декабря 1905 года. Казань : тип. В. М. Ключникова, 1906. 40 с.
8. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1233. Оп. 1. Д. 207.
9. РГИА. Ф. 1282. Оп. 2. Д. 1027.
10. Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Т. XIII. Казанская губерния. СПб. : Отд. тип. П. П. Сойкина, 1903. 241 с.
11. Ухтомский П. Л. Доклад о некоторых мерах к улучшению благосостояния населения Казанской губернии. М. : Книга по требованию, 2012. 56 с.

В. А. Лабузов

Декрет о земле и его реализация на Южном Урале в годы Гражданской войны

26 октября 1917 года II Всероссийский съезд Советов принял Декрет о земле, который отменял помещичью собственность на землю немедленно и без всякого выкупа. Помещичьи, удельные, монастырские, церковные земли со всем инвентарем и постройками переходили в распоряжение волостных земельных комитетов и уездных Советов крестьянских депутатов впредь до Учредительного собрания. Статьи Декрета устанавливали новые принципы землевладения и землепользования: частная собственность на землю отменялась, запрещалась продажа, аренда и залог земли. Вся земля объявлялась всенародным достоянием и переходила в исключительную собственность государства, фактически национализировалась¹.

Подобное обстоятельство означало, что право ограниченного и безраздельного распоряжения землей, регулирования земельных и социально-экономических отношений в деревне отныне принадлежит Советскому государству.

Декрет о земле носил декларативный характер и был неоднозначно встречен различными группами сельского населения Южного Урала.

В документе не учитывались особенности хозяйственного быта той части населения региона, которая занималась скотоводством. Отсюда явное непонимание декрета основной частью киргизского населения. Лидеры башкирского национального движения также выступили с резкой критикой переворота и аграрного закона большевиков. В фармане (указе) Башкирского центрального шуро (совета) от 11 ноября 1917 года указывалось, что лозунг «Вся земля — крестьянам!» и Декрет о земле привели к захватам земель, лесов и имущества башкир, к вооруженным столкновениям между крестьянами².

Весьма настороженно встретили Декрет о земле казаки, особенно тех местно-

стей, которые территориально примыкали к местам компактного проживания иногородних.

Естественно, что законодательный акт большевиков был положительно оценен малоземельным крестьянством региона и, как это ни парадоксально звучит, зажиточным переселенческим сельским населением Уфимской и Оренбургской губерний, которые увидели реальную возможность увеличить свое земельное обеспечение за счет коренного населения — башкир и киргизов.

Явно препятствовали претворению в жизнь положений Декрета земельные комитеты Южного Урала. Уфимский губернский земельный комитет во главе с правыми эсерами попытался противодействовать проведению большевистской земельной политики, предлагая отложить решение аграрного вопроса до Созыва Учредительного собрания. Однако в начале декабря решением V губернского съезда Советов крестьянских депутатов губернский комитет был распущен³.

Оренбургский уездный земельный комитет опубликовал постановление «О мерах прекращения беспорядков в Оренбургском уезде в связи с агитацией большевиков и распространением декрета о земле Ленина-Ульянова по уезду»⁴.

В постановлении отмечалось, что «в целях немедленного прекращения хищнического истребления лесов, частновладельческих имений, расхищения продовольственных продуктов... в целях прекращения преступной деятельности безответственных лиц, подстрекающих население к захвату и грабежу... организовать вооруженную силу»⁵.

Таким образом, реализация положений Декрета о земле с момента его опубликования была затруднена из-за противодействия организаций, призванных осуществлять донаделение землей, и весь-

ма неоднозначного отношения определенных групп сельского населения Южного Урала.

Абсолютное большинство исследователей аграрных отношений на Южном Урале утверждают, что ликвидация помещичьего землевладения в регионе началась в конце 1917 года⁶.

На наш взгляд, подобный вывод был все же явно поспешным и нуждается в уточнении. Действительно, представители новой, Советской в данном случае, власти могли заявить о своих намерениях передать земли так называемого нетрудового пользования крестьянам. Состоявшийся в Оренбурге в марте 1918 года I губернский съезд Советов, например, отметил, что 819 800 десятин земель нетрудового пользования поступило в распределение между трудовым населением⁷.

Однако определение «поступило в распределение» вовсе не означало фактического распределения земли между крестьянами. Кроме того, нуждается в уточнении и цифра поступивших в распределение земель — 819 800 десятин. Во-первых, она явно завышена, во-вторых, приведенные данные являются одним из вариантов переданного (поступившего) количества земли. Иные цифры приводили позднее Н. К. Лисовский, М. Д. Машин и др.⁸ Во-вторых, вряд ли подобное распределение могло осуществиться на практике. До 18 (31) января 1918 года регион контролировался А. И. Дутовым, который однозначно не был заинтересован в реализации Декрета о земле.

По нашему мнению, попытки передела земли в губернии, да и на Южном Урале в целом, в период с октября 1917 года по март 1918 следует трактовать как мероприятия, носящие эпизодический характер.

Ход Гражданской войны на территории края позволяет утверждать, что повсеместная передача и закрепление земель нетрудового пользования за крестьянами вряд ли были осуществимы не только осенью 1917 года, но и в дальнейшем.

Уже 28 октября 1917 года власть на территории Оренбургской губернии перешла в руки атамана Оренбургского казачьего войска (ОКВ) А. И. Дутова, установившего вскоре связь с Комитетом

членов Учредительного собрания (Комуч) в Самаре. Через несколько месяцев Войсковое правительство ОКВ объявило «территорию Войска Оренбургского особой частью Государства Российского» и постановило именовать его впредь Область Войска Оренбургского, тем самым присвоив себе полномочия государственной власти. С 25 июля 1918 года в институт уполномоченных Комуча была включена большая часть Уфимской губернии, за исключением Златоустовского уезда, который оказался под контролем Омска (Сибирское областное правительство). Самостоятельная власть оформилась в Челябинском уезде Оренбургской губернии, где в июне 1918 года власть перешла в руки так называемого Комитета Народной власти (КНВ), созданного по инициативе правых эсеров. Правда, комитет продержался недолго и уже 17 июля 1918 года на базе Челябинского КНВ был сформирован Комиссариат Приуралья, также подчинявшийся Омску.

Помимо Комуча, Сибирского правительства и Войскового правительства на власть в отдельных районах Южного Урала претендовали и некоторые иные «правительства». 19 августа 1918 года в Екатеринбурге было сформировано Временное областное правительство Урала, объявившее своей целью объединить весь Урал. На земли Оренбургской губернии (без Оренбурга) заявило свои права правительство Башкортостана.

Естественно, что названные выше правительства не были сторонниками аграрной политики большевиков. Так, с 8 по 20 декабря 1917 года в Оренбурге состоялся курултай башкир, который высказался против огосударствления (национализации) земли и уравнительного землепользования, принятых II съездом Советов⁹. Решением курултая было образовано правительство «автономного Башкортостана», которое распространило свою власть на территории Малой Башкирии (ее восточной части). 2 сентября 1918 года в этой части Башкирии было принято Обязательное постановление правительства № 1, вскоре дополненное Постановлением № 2¹⁰. Башкирскому населению запрещалось сдавать землю в аренду, предлагалось ан-

нулировать все старые земельные сделки, заключенные с русскими переселенцами. Частновладельческие земли не подлежали переделу. В октябре 1919 года Башревком под руководством А. З. Валидова издал «Временные правила» пользования землей, согласно которым вся земля должна была поступить в распоряжение трудящихся и распределяться на сельских сходах¹¹. Таким образом, в Оренбургской губернии (в границах 1917 года) и на территории Малой Башкирии переделы земли осенью 1917 — в марте 1918 года не могли осуществиться по достаточно простой причине — образовавшаяся в регионах власть была против реализации Декрета о земле¹².

Сложнее ответить на вопрос о том, в какие сроки осуществлялись переделы земли в Уфимской губернии. Мы уже отмечали, что даже те исследователи аграрных отношений, которые соотносят процессы поравнения земли с осенью-зимой 1917 года и зимой-весной 1918 года, замечают, что передел земли в основном сводился к погромам помещичьих имений и отдельным случаям распределения земель нетрудового пользования. Таким образом, речь может идти лишь о стихийных и единичных попытках захвата земли¹³.

Возникали проблемы и с распределением захваченной крестьянами земли. Правила, регламентирующие подобные процессы, отсутствовали. Земельный комитет региона возглавить работу по передаче земли не захотел.

В декабре 1917 года V губернский (Уфимский) съезд Советов крестьянских депутатов распускает правоэсеровский губернский земельный комитет, выступавший против Декрета о земле, и принимает «Временную инструкцию о реорганизации земельных комитетов и о передаче всех земель в их ведение и распоряжение»¹⁴.

Определенное время решения съезда не выполнялись. Лишь спустя три месяца, 25 апреля 1918 года, Уфимский совет принимает постановление «О разделе земель во временное пользование на посев 1918 года»¹⁵. В постановлении, в частности, косвенно подтверждалось отсутствие массовых переделов земли осенью 1917 — зимой 1918 года и отмечалось, что все земли губернии вне зависимости от фор-

мы собственности поступают в распределение между населением во временное уравнительное пользование без наемного труда на посев одного 1918 года¹⁶.

Именно с весной 1918 года, на наш взгляд, следует соотносить начало планомерной работы по передаче и уравнительному разделу земли не только в Уфимской губернии, но и в других регионах Южного Урала.

В Оренбургской губернии постановление о переделе земли было принято в марте 1918 года на I губернском съезде советов рабочих, крестьянских, казачьих и башкирских депутатов¹⁷. В постановлении, в частности, отмечалось, что «все частновладельческие, казенные, удельные, кабинетские, монастырские, церковные и вообще хозяйства нетрудового пользования» должны были поступить в распоряжение волостных, уездных и губернских Советов: «в пользование всему трудовому населению без различия пола, возраста, сословия и национальности»¹⁸.

На съезде также были приняты «Дополнения к закону о социализации земли», разработанные Оренбургской земельной комиссией, которые в основном повторяли, с учетом местной специфики, положения Декрета о земле и закона о ее социализации. Казачье, местное и переселившееся население уравнивалось в правах, живой и мертвый инвентарь хозяйств нетрудового типа передавался товариществам, коммунам и союзам и т.д. В то же время «Дополнения» явно ущемляли интересы башкир и казахов, ведущих кочевой образ жизни, поскольку требовали изъятия у последних излишков рабочего скота, при этом «норма необходимого для хозяйств этого типа скота отсутствовала»¹⁹.

Резкая и частая смена военной и политической обстановки на протяжении 1918 — первой половины 1919 года не позволила крестьянству Южного Урала воспользоваться положениями Декрета об отмене помещичьей собственности на землю и соответствующего циркуляра Наркомзема РСФСР от 16 сентября 1918 года в полном объеме.

В Оренбургской губернии, на значительной части Башкирии и в Челябинской губернии аграрная политика Советской

власти фактически стала осуществляться после изгнания белых, со второй половины 1919 года²⁰.

Примечания

1. Аграрная политика Советской власти (1917—1918 гг.): Документы и материалы. М. : Издво АН СССР, 1957. С. 13.
2. Аминев З. А. Октябрьская социалистическая революция и гражданская война в Башкирии (1917—1919 гг.). Уфа, 1966. С. 201.
3. Давлетшин Р. А. История крестьянства Башкортостана. 1917—1940 годы. Уфа : Гилем, 2001. С. 14.
4. ГАРФ. Ф. 930. Оп. 1. Д. 50. Л. 86.
5. Там же.
6. Шнейдер Д. М. Аграрные преобразования в Башкирии в 1919—1922 гг. // Из истории Башкирской АССР : сб. статей. Уфа, 1959. С. 64. Давлетшин Р. А. Указ. соч. С. 14 и др.
7. ГАОО. Ф. Р-261. Оп. 1. Д. 2705. Л. 12 об.
8. Н. К. Лисовский говорил о 879 922,1 дес. земли, перешедшей в руки крестьянства на территории Оренбургского казачьего войска. М. Д. Машин был ближе к истине и называл цифру в 400 000 дес. [см.: Лисовский Н. 1917 год на Урале. Челябинск, 1967. С. 544; Машин М. Д., Половинко В. П. Осуществление первых социалистических преобразований в уральской деревне в период установления и упрочения Советской власти (октябрь 1917 — июнь 1918 г.) // Проведение аграрной политики Советской власти в Зауралье. Челябинск, 1976. С. 74, 82].
9. Раимов Р. М. Образование Башкирской Автономной Советской Социалистической республики. М., 1952. С. 144.
10. Шнейдер Д. М. Аграрные преобразования в Башкирии в 1919—1922 гг. // Из истории Башкирской АССР. Уфа, 1959. С. 68.
11. Шнейдер Д. М. Аграрные преобразования в Башкирии в 1919—1922 гг. С. 68.
12. О невозможности передела земли в октябре 1917 — январе 1918 года говорит Л. И. Футорянский, который, в частности, привел возвзание Оренбургского ВРК от 23 января 1918 г. о переходе частнособственных земель в распоряжение земельных крестьянских комитетов. Правда, исследователь впадает в другую крайность, отмечая, что «в апреле-мае (1918) конфискация крупных частновладельческих земель была завершена, перераспределены и наделенные земли» [см.: Футорянский Л. И. Продовольственная и аграрная политика двух властей (1917—1920 гг.). Оренбург, 1996. С. 10, 14].
13. Д. М. Шнейдер, например, приводил данные о переделе земли лишь в нескольких волостях Уфимской губернии и на этом основании делал вывод о том, что к весне 1918 года в Уфимской губернии в основном закончилась ликвидация помешичьего, удельного и крупного частного землевладения [см.: Шнейдер Д. М. Осуществление ленинского Декрета о земле в Башкирии // Ученые записки БГУ. Уфа, 1957. Вып. 1. С. 120].
14. Очерки по истории Башкирской АССР. Т. 2 (Советский период). Уфа, 1966. С. 74.
15. Известия Уфимского губернского СНК. 1918. 26 апр. (№ 81).
16. Раимов Р. М. Указ. соч. С. 116.
17. ГАОО. Ф. Р-261. Оп. 1. Д. 19. Л. 15.
18. Там же.
19. Раимов Р. М. Указ. соч. С. 162.
20. С подобной точкой зрения отчасти согласны М. Д. Машин и В. П. Половинко, которые, признавая передел крестьянами земли весной 1918 года, все же отмечали, что в этот период из количества земель, взятых на учет, не все земли были переданы крестьянству [см.: Машин М. Д., Половинко В. П. Осуществление первых социалистических преобразований в уральской деревне в период установления и упрочения Советской власти. Октябрь 1917 — июнь 1918 г. // Проведение аграрной политики Советской власти в Зауралье. Челябинск, 1976. С. 82].

УДК 93:342.5(045)

С. В. Любичанковский

Борьба Е. И. Барановского с произволом оренбургских помещиков-крепостников в середине XIX века: казус «Колокола»

В статье описывается противостояние оренбургского губернатора Е. И. Барановского произволу местных помещиков — наиболее крупных владельцев крепостных крестьян. Проанализирован уникальный механизм борьбы с ними, основанный на обращении к помощи влиятельной газеты «Колокол», запрещенной в Российской империи.

Ключевые слова: крестьяне, крепостное право, «Колокол», Оренбургский край.

В марте 1858 года Е. И. Барановский назначен гражданским губернатором и сразу же стал вести большую работу по подготовке крестьянской реформы или, как тогда говорили, «по улучшению быта

помещичьих крестьян» [2]. Это был человек широких взглядов. По свидетельству сенатора Я. А. Соловьева, принимавшего деятельное участие в подготовке реформы, из всех российских губернаторов во

время подготовки горячо сочувствовали ей только четверо: нижегородский — А. Н. Муравьев, самарский — К. К. Гrot, калужский — В. А. Арцимович, оренбургский — Е. И. Барановский [4].

Для того чтобы лучше понять, с какими трудностями пришлось сталкиваться Е. И. Барановскому в процессе подготовки крестьянской реформы, напомним, что в середине XIX века Южный Урал продолжал оставаться крупным центром цветной и черной металлургии России, а также производителем хлеба.

Оренбургская губерния, занимая обширные пространства, была третьей по величине губернией в Европейской России. Большинство ее уездов являлись сельскохозяйственными, в четырех — Уфимском, Троицком, Верхнеуральском и Стерлитамакском — находились горные заводы. В состав губернии входили Оренбургское и Башкиро-Мещерякское казачьи войска, имевшие особое управление. Государственные крестьяне в Оренбургской губернии составляли 23,1%, большая часть проживала в ее западных, юго-западных и северо-восточных уездах. Основная масса удельных крестьян была сосредоточена в Бирском, Уфимском и Мензелинском уездах. По численности помещичьих крестьян на первом месте стоял Уфимский уезд, за ним шли Мензелинский, Стерлитамакский, Белебеевский и Оренбургский уезды. В Троицком и Челябинском уездах помещичьих крестьян было немного (1,9 и 1 тыс.), еще меньше — в Верхнеуральском уезде (всего 135 человек).

Понимая значимость предстоящей реформы, Е. И. Барановский энергично взялся за ее подготовку. Для этого гражданскому губернатору прежде всего было необходимо четко ориентироваться в обстановке, знать, как обстоит дело на местах. Тем более что 1858 год был очень непростым. Слухи, бродившие в России по поводу предстоящей реформы, будоражили крестьянские умы. Участились случаи крестьянского неповиновения. Е. И. Барановский лично расследовал каждый случай, давал оценку происходившему.

Выступая против жестокого обращения крепостников-помещиков и горнозаводчиков со своими крепостными людьми

и используя свою власть гражданского губернатора, Е. И. Барановский начал расследование вопиющих злоупотреблений в имениях помещиков Жадовского, Тимашевых, заводчиков Пашкова, Сухозанета и других. Следственные материалы об этих «плантаторах», носившие обличительный характер, не без участия Е. И. Барановского, вскоре опубликовал А. И. Герцен в своем «Колоколе». Е. И. Барановский послал эти материалы своему другу С. Т. Аксакову, а один из его сыновей — Иван Сергеевич, отправившись за границу, взял их с собой и передал А. И. Герцену. Прочитав записку о жестокости Жадовского, С. Т. Аксаков писал Е. И. Барановскому, что это «еще более страшное явление, чем описанный им в “Семейной хронике” тиранствующий помещик Куролесов». «Этот изверг, которому и имени нет. Скажите, неужели он не сослан на каторгу?» — заключил С. Т. Аксаков [3].

В «Записке» о «системе» разнузданной эксплуатации и бесчеловечных изымательств в имении оренбургского помещика генерала Жадовского, опубликованной А. И. Герценом в приложении к «Колоколу», имевшей характерное название «Под суд!», описывалось следующее. В сообщении «Тайный советник Жадовский» [6, с. 41], составленном по отчету старшего чиновника особых поручений при Оренбургском и самарском генерал-губернаторе коллежского асессора Попова, говорилось о «характере» управления помещика крестьянами села Анастасино. Крестьяне Жадовского были ущемлены во всем: при наличии богатых и обширных земельных угодий жадовские крестьяне имели по четверти десятины; так же обстояло дело с лугами для сенокосов, лесными угодьями. Все леса были в собственности помещика, единственное, что было разрешено, — это очищать лес от валежника и использовать его потом для крестьянских нужд.

Помещик, имея винокуренный завод, мастерские, коннозаводческое хозяйство и др., для того чтобы и самому процветать, и содержать хозяйство в полном порядке, все тяготы спустил на крестьян. Он первоначально назначил 30 рублей серебром или 105 рублей ассигнациями с

каждого тягла ежегодно. Для изыскания этих средств крестьянам предоставлялось право их заработать, но только здесь же — в селе Анастасьево. Оброк должны были платить исключительно все, и только смерть признавалась причиной неуплаты. Барин сам устанавливал цены за отдельные виды работ — они колебались от 17 коп. до 1 руб. Таким образом, крестьяне Жадовского были обязаны заработать назначенный владельцем оброк, кормить и одевать свою семью, содержать жилище и хозяйство. Вместе с тем как местные жители те же крестьяне из тех же средств должны были вносить государственные подати: подушную, рекрутскую, испытывать массу повинностей. Чтобы выполнять все перечисленное, крестьяне должны были работать круглый год, включая праздники и ночное время.

В «Колоколе» подробно анализировалась система закабаления и эксплуатации крестьян, которую практиковал Жадовский. Делался вывод о том, что положение негров на плантациях было сопоставимо с положением крестьян Жадовского.

В записке «О заводах генерал-адъютанта Сухозанета и его супруги» была дана информация о тех порядках, которые существовали на Юрзинском чугуноплавильном заводе. Дошедшие до оренбургского губернатора слухи стали причиной для выяснения притеснений, творящихся на заводе.

Показание губернского жандармского штаб-офицера и уфимского земского исправника содержали следующие сведения. Число крестьян Юрзинского завода составляло 5000 душ мужского пола. Режим работы трудоспособного населения зависел от прихода заводчицы — жены И. О. Сухозанета. Было отмечено и то, что «уроки» по некоторым цехам увеличивались до того, что выполнение их не было возможным. Помимо этого, «работая все семь дней в неделю, ни один мастер не в состоянии выделать назначенного по положению урока; не исполнивший же этого подвергается вычету из получаемой платы» [6, с. 27], не редки были случаи, когда рабочий оставался должным хозяину. Вычеты делали буквально за все: за расход угля больше нормы, за меньшую выплавку чугуна и т.д.

Заработка плата едва составляла 8 руб. ассигнациями, а часть крестьян ее вообще не получала. Тот же хлеб, что выдавался заводоуправлением в счет зарплаты, реализовывался по завышенным ценам. На заводе практиковалось наказание розгами до 100 ударов. Медицинской службы не было. Как следствие, среди крестьян нередкими были случаи пьянства, воровства и т.д. По заключению автора заметки, «вообще стремление владельца Юрзинского завода состоит в том, чтобы как можно более извлечь для себя выгод, которые действительно достигают такой цифры, что ежегодный доход равняется почти капиталу, употребляемому на основание всего завода» [6, с. 28].

В том же томе «Колокола» была помещена «Копия с записки, представленной Е. И. Барановским генерал-адъютанту Катенину о положении крестьян, присланных к заводу купца Подъячева» [6, с. 30]. В «Записке» давалась ужасающая картина положения крестьян, работавших на указанном заводе, расположенным в Мензелинском уезде. Так, в частности, говорилось о том, что «в самом заводе поселены одни семейства крестьян, и не более 15-ти человек рабочих в фабрике... Прочие же крестьяне, начиная с мальчиков 8-ми и 9-ти летнего возраста, работают в рудниках постоянно, бывая в домах своих в течение года не более трех раз: на Рождество, на два или на три дня, на Святую пасху и в страдное время... Помещения для крестьян устроены в тесных и душных землянках... Печей для приготовления пищи в них нет... Питаясь лишь хлебом и водою, не получая ни приварки, ни мяса для поддержки сил, истощенные работники... подвержены болезням» [6, с. 32].

В «Записке» указано на непомерно большие «уроки», жестокость приказчиков, штрафы и т.п. Положение крестьян являлось настолько невыносимым, что вызвало необходимость назначить следственную комиссию. Комиссия, обследовав жилище и хозяйство крестьян, сделала однозначный вывод: хозяйство крестьян находилось в полном упадке. И даже это крестьяне еще могли терпеть, если бы не издевательства за гранью закона. Чего стоило одно то, что за три месяца помещик

сменил девять управляющих. Одним из последних был назначен дворовый 17 лет, в обязанности которого вменялось доставлять помещику молоденьких девушек, которые подвергались насилию и растлению.

Крестьяне подвергались избиению, издевательствам. Последней же каплей, переполнившей чашу их терпения, стал случай, когда помещик издал распоряжение «о разлучении анастасьевских крестьян с семействами и о назначении одних в солдаты, других в ополченцы, третьих в арестантские роты и четвертых, преимущественно дряхлых стариков, в Сибирь» [6, с. 44]. Интересно, что на эти материалы обратил внимание и сам император. Известно, что «Колокол», хотя и был запрещен цензурой, читался в Зимнем дворце. Александр II повелел разобраться в сути описанных в «Колоколе» событий, благодаря чему произволу местных крепостников был положен конец.

Однако, по мнению Ю. С. Зобова, публикации в «Колоколе» не прошли для их автора бесследно. М. В. Авдеев, обвиненный в связях с А. И. Герценом, был сослан в Пензу. Пострадал и Е. И. Барановский. Несмотря на все заслуги и «усердие по службе» на посту оренбургского вице-губернатора (с 18 июня 1853 г.), а с мая 1858 г. — гражданского губернатора, Е. И. Барановский в июле 1861 г. получил указ Сената о переводе его в Саратовскую губернию гражданским губернатором [5]. Е. И. Барановский позднее вспоминал, что в Саратов он прибыл «с весьма неудобной для начальника губернии репутацией бе-

зусловного пристрастного защитника во что бы то ни стало одного крестьянского сословия в ущерб дворянам-помещикам» [1]. Вскоре же он вообще был отправлен в отставку [7; 8].

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «“Оренбургский край — трансграничный и поликультурный регион Российской империи”: научный (академический) сборник документов по истории Оренбургского края в дореволюционный период», проект № 12-31-01281/а2.

Список использованной литературы

1. Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Ф. 6. Оп. 6. Д. 13786. Л. 1.
2. ГАОО. Ф. 6. Оп. 6. Д. 13450. Л. 1—1 об.
3. Гуднов Г. Ф., Гуднова З. И. С. Т. Аксаков: семья и окружение. Уфа, 1991. С. 221.
4. Записки сенатора Я. А. Соловьева о крестьянском деле // Русская старина. 1882. Октябрь. С. 137.
5. Зобов Ю. С. Е. И. Барановский — «красный» губернатор-реформатор // Реформы и реформаторы в России : сб. статей. Оренбург, 2003. С. 69.
6. «Колокол». А. И. Герцен. Факсимильное изд. Т. 10. М., 1969.
7. Любичанковский С. В. «Государственный младенец»: сослуживец о Петре Валуеве // Родина. 2011. № 6. С. 100—109.
8. Любичанковский С. В. П. А. Валуев и Е. И. Барановский: история взаимоотношений (к вопросу о механизмах карьерного роста и падения реформаторов эпохи Александра II) // Александр II. Трагедия реформатора: люди в судьбах реформ, реформы в судьбах людей : сб. статей. СПб., 2012. С. 133—147.

Социальные аспекты заболеваемости трахомой сельского населения Оренбургской губернии конца XIX — начала XX века

В статье представлены материалы по эпидемиологии трахомы, дана оценка социальных и гигиенических условий распространения заболевания. Приведены первые организационные мероприятия по ликвидации трахомы среди сельского населения Оренбургской губернии в конце XIX — начале XX века.

Ключевые слова: трахома, социально-гигиенические условия, сельское население, Оренбургская губерния.

Трахома — антропонозное заболевание, поражающее только людей, распространение которого обусловлено как общественными, так и индивидуальными трансформациями, лежащими в основе жизнеобеспечения населения.

Цель настоящей работы состояла в изучении заболеваемости трахомой сельского населения Оренбургской губернии на рубеже XIX и XX веков как наиболее значимого показателя общественного здоровья и качества жизни.

Материалом для исследования послужили документы созданного в Оренбурге 1 июля 1900 г. Оренбургского медико-статистического бюро: отчеты [2, 3], справки, материалы первого совещания врачей Оренбурга [5]. Были привлечены также фонды областной публичной библиотеки им. Н. К. Крупской [1, 4].

Трахома — заболевание конъюнктивы и роговицы глаза, исходящее из Египта и впервые описанное египетскими врачами в XVII—XVI вв. до н.э. [1, с. 293].

Многовековые эмпирические наблюдения народной медицины, обобщения знахарей, врачевателей древности, становление научных знаний в области микробиологии, эпидемиологии и глазных болезней показали, что трахома имеет микробную этиологию и передается от человека к человеку. Заболевание начинается и развивается медленно. Первыми симптомами являются зуд, гиперемия век, ощущение инородного тела в глазах. Затем развивается деформация век, их заворот (реснички обращаются внутрь глаза), или выворот (наружу), происходит повреждение роговицы и, как следствие, слепота. Заболевание особенно быстро распро-

странялось среди беднейших слоев населения. Этому способствовали социальные условия жизни: скученность проживания, нечистоплотность, несоблюдение основных элементарных гигиенических ритуалов, нехватка чистой воды. Перенос возбудителя инфекции от больного человека здоровому осуществлялся через выделения (гной, слизь, слезы и др.) прямым (непосредственный контакт) и косвенным путем — посредством загрязненных рук, одежды, предметов гигиены, общей воды для умывания. Было замечено и многократно подтверждено, что в распространении трахомы большую роль играли социальные и гигиенические условия жизни населения, уровень бытового жизнеобеспечения, общей культуры и санитарно-гигиенические установки.

Можно с высокой степенью вероятности утверждать, что трахома в Оренбургской губернии имела древнее происхождение. Этому способствовали не только убогость проживания сельского населения и низкий уровень общей и гигиенической культуры, но и социальный статус: кочевые народности, переселенцы, крестьяне, ведущие оседлый образ жизни. Немаловажную роль играли природно-климатические условия, в частности дефицит источников чистой воды.

Статус, функции и социальная ориентация пограничного региона способствовали проникновению возбудителя как с запада (переселенцы, рекогносцировка войск после оккупации Франции), так и с востока. Оренбургская губерния являлась окраинным регионом России и имела не только общие границы с азиатскими странами, но и торговые пути из Индии,

Бухары, Хивы, Коканда и др. По территории будущей Оренбургской губернии проходило так называемое «великое переселение народов», путями которого шло естественное движение воинствующих кочевников из Центральной Азии на запад. Через наши края проходил также «шелковый путь».

К концу XIX века Оренбургская губерния, оставаясь форпостом России на азиатском направлении, была сельскохозяйственным регионом, в котором сельское население составляло до 90,5% от общей численности проживающих в нем [4, с. 59]. Неоднородное по национальному составу, оно было представлено русскими, башкирами, мордвой, татарами, немцами и др. Жизнь крестьянского населения была очень тяжелой: обработка сельскохозяйственных угодий, содержание скота, минимальная обустроенностъ быта.

Существовали сложности в соблюдении и реализации основных гигиенических ритуалов: тесные, плохо ухоженные жилые помещения, недостаток чистой питьевой воды, загрязненность естественных водоемов. Реки, особенно в восточной части губернии, имели степной характер, с медленным течением, низкими берегами, обильными зарослями. Стоячие водоемы, как, впрочем, и проточные, загрязнялись естественными отходами скота, приходящего на водоем. Отхожие места в сельских подворьях были необустроеными, содержание домашнего скота практически на территории проживания усиливало убогость быта.

Все эти естественно-природные и социальные факторы сформировали благоприятные условия для развития и распространения инфекционных заболеваний: тифов, кишечных инфекций, бруцеллеза, оспы, туберкулеза. Одним из наиболее распространенных заболеваний того периода стала трахома.

Как показал анализ используемых в работе архивных материалов, в 1913 году было зарегистрировано 3648 случаев заболевания трахомой, что составило 249 больных на 1000 жителей. Наибольшую группу (53,3%) составляли лица, занимающиеся земледелием, на втором месте (31,8%) — чернорабочие, т.е. наименее обеспеченная

часть общества, стоящая на низком уровне социальной иерархии [4, с. 33].

Медицинскую помощь сельскому населению, в том числе в борьбе с трахомой, до середины XIX века оказывали знахари, позднее «солдатские вдовы» или отставные солдаты, участвовавшие в помощи раненым в войсках и владевшие примитивными медицинскими знаниями и манипуляциями.

Становление организованной медицинской помощи населению Оренбургской губернии при глазных заболеваниях, среди которых основная роль принадлежала трахоме, осуществлялось постепенно и реализовывалось в несколько этапов.

Начало организации медицинской (врачебной и фельдшерской) помощи при заболевании глаз относят к 80—90-м годам XIX века. Первые централизованные приемы больных в уездных больницах начинают осуществляться с 1891 по 1895 г. В 1895 г. появился первый «летучий отряд» по оказанию помощи больным трахомой и другими глазными болезнями. В этот период (до 1899 г.) было положено начало квалифицированной врачебной помощи сельскому населению, так как «летучие отряды» разъезжали по территории губернии, осматривали, оказывали помощь и попечительствовали над слепыми, в том числе проживающими в сельской местности.

Первые стационарные больницы для лечения глазных болезней появились в губернии в 1900 г. При некоторых больницах выделялись отдельные койки. Следует отметить, что ни в одном документе, регламентирующем организацию помощи больным глазной патологии, в том числе трахомой, не содержатся рекомендации об улучшении социально-гигиенических, бытовых условий жизни, обеспечении санитарного контроля и надзора.

Трахома в Оренбуржье была ликвидирована спустя более полувека после введения в практику первых мероприятий по оказанию квалифицированной помощи больным, что явилось несомненной заслугой организации здравоохранения советского периода и общего повышения качества жизни сельского населения.

Тем не менее представленный материал имеет не только гносеологическое зна-

чение, но и ориентирует на необходимость соблюдения высокого уровня социальных, культурных и гигиенических норм жизнеобеспечения. По данным ВОЗ, в настоящее время активной формой трахомы на земном шаре болеет свыше 150 миллионов человек, главным образом в странах Африки, Ближнего Востока, Азии, с которыми Оренбуржье, как динамично развивающийся регион, имеет весьма тесные контакты в области торговли, промышленности, туризма и других направлениях.

Список использованной литературы

1. Бароян О. В., Бредли. Д. Дж. Современные взгляды на тропическую патологию // Трахома. М. : Медицина, 1979. С. 293—319.

УДК 94(47).084.2:316.343.64

Р. Р. Магомедов, Л. В. Гришакова

Большевистские лидеры и их политические оппоненты о российском крестьянстве как социальной силе в революции 1917 года

Статья посвящена анализу взглядов руководителей-большевиков и их политических оппонентов о роли крестьянства России как движущей социальной силы в Октябрьской революции 1917 г. В статье делается вывод о том, В. И. Ленин и его соратники рассматривали крестьянство как серьезный фактор, способный помешать построению социализма в нашей стране и распространению его в Европе. Политические оппоненты большевиков признавали, что в мелкокрестьянской России большевистский вариант социального эксперимента обрекает ее на величайшую трагедию.

Ключевые слова: российская революция, большевики, политические оппоненты, социалистическая революция, крестьянство, социальный эксперимент.

Еще в начале XX века В. И. Ленин в своих работах уделяет много внимания проблемам перспектив российской революции и потенциальных факторов, которые должны были обеспечить ее успешное развитие от буржуазно-демократического этапа к социалистическому. Поэтому не удивительно, что руководитель большевистского направления в РСДРП принимает активное участие в дискуссиях и спорах об уроках 1905 года и о будущей судьбе российской революции. В. И. Ленин был уверен в том, что для победоносного перехода от буржуазно-демократической революции к социализму в крестьянской России обязательно наличие двух главных факторов — внутреннего и внешнего содержания. Это — поддержка пролетариата полупролетарскими элементами русской

2. Рожков Я. И. Обзор заразных заболеваний Оренбургской губернии, зарегистрированных по карточной системе за 1914 г. / Оренбургская губернская земская управа. Оренбург, 1916. 98 с.

3. Сведения о заразных болезнях, зарегистрированных по карточной системе за 1913 г. / Оренбургская губернская земская управа, санитарный отдел. Оренбург, 1915. 42 с.

4. Смотрина О. С. Крестьянство Оренбургской губернии в начале XX века (1900 — октябрь 1917). Оренбург : Изд-во ОГПУ, 2008. 287 с.

5. Совещание врачей Оренбургской губернии с участием Губернского распорядительного комитета, Городского Управления и Войскового Хозяйственного Правления. Первый съезд, 25 февраля — 3 марта 1903 г. Оренбург : Типогр. губернского правления, 1903. 91 с.

деревни и социалистическая революция в более развитых в индустриальном отношении странах Европы.

В. И. Ленин ничуть не сомневается в возможности использовать внешний фактор в успехе социалистической революции, так как его возникновение он связывает с развитием революционного процесса в самой России. Вождь большевиков подчеркивал, что буржуазно-демократическая революция «даст нам возможность поднять Европу, а европейский пролетариат, сбросив с себя иго буржуазии, в свою очередь поможет нам совершить социалистический переворот» [2, с. 71].

Определенные сомнения вызывал у В. И. Ленина внутренний фактор — поддержка социальной революции со стороны многомиллионного российского кре-

ства. Он вынужден был признать, что на определенном этапе развития революции в России крестьяне в силу своей классовой природы (они собственники, производители товарного хлеба. — Р. М., Л. Г.) и, следовательно, неприятия социалистических идеалов отойдут от рабочего класса и это неизбежно приведет к гибели демократической революции.

В. И. Ленин также предупреждал о возможности конфликта между рабочими и имущей частью крестьянства в ходе перехода от буржуазно-демократического этапа революции к социалистическому. В частности, на IV съезде РСДРП он подчеркивал, что после победы демократической революции «мелкий хозяин» неизбежно повернет против пролетариата и «тем скорее, чем скорее будут сброшены все общие враги пролетариата и хозяинчики...» [3, с. 362].

Такой сценарий развития революционного процесса в стране заставлял В. И. Ленина признать, что «у нашей демократической республики нет никакого резерва, кроме социалистического пролетариата на Западе» [там же].

Февральская революция добавила оптимизма большевикам в реализации своей главной стратегической задачи — совершить социальную революцию в планетарном масштабе. Лидер большевиков подчеркивал, что «задача пролетариата России — довести до конца буржуазно-демократическую революцию в России, дабы разжечь социалистическую революцию в Европе» [4, с. 49]. Однако большевистские вожди торопятся с переходом к социалистическому этапу развития социальной революции. При этом они признаются, что Россия не готова к социализму, однако, в отличие от 1905 года, Европа созрела к социалистической революции [7, с. 188]. Правда, Н. И. Бухарин в письменной полемике с В. И. Лениным в 1915 году указывал, что Россия, которая не готова к социализму как «изолированное государство» и «хозяйство», вместе со своей крупной индустрией с победой европейского пролетариата включится в общеевропейскую социалистическую систему. Учитывая, что Россия многомиллионная мелкобуржуазная страна, Бухарин не об-

ходится и крестьянский вопрос. Крестьян подчинят, по его мнению, задачам социализма через индустриализацию сельского хозяйства. Он выражает надежду, что они против социализма в России не пойдут. В противном случае Бухарин допускает, что если крестьянство выступит против новой власти, то крестьянское движение будет подавлено с помощью социалистической Европы [8, с. 169].

Н. И. Бухарина сильно волнует вопрос экспорта революции из России в Европу. При этом он опасается социально-классового состава русской армии, которая должна стать главным инструментом в развитии мировой социальной революции. «Наши войска на 9/10 из крестьян», — подчеркивает Н. И. Бухарин [там же].

Эта проблема продолжала волновать большевиков и после октябрьского переворота. В связи с этим Л. Троцкий предлагает и успешно реализовывает свой план управления армией, состоявшей из крестьян. На заключительном этапе гражданской войны он признавал, что в создании регулярной армии большевики не ограничивались дисциплинарными мерами, а прибегали к широким репрессиям. Без репрессий, — подчеркивал Троцкий, — большевики не сумели бы создать боеспособную армию, заставив «ленивого мужика... штыком пойти в бой» [9, с. 162].

Оппоненты большевиков обвиняли их в политическом авантюризме, признавая, что революция 1917 года в России была движением солдатских масс против войны, стремлением крестьянских масс к немедленному захвату земли и борьбой рабочих против раз渲ла промышленности. «Никаких элементов социалистической революции, — продолжали они, — во всем этом движении нет, ибо солдатские и крестьянские массы по своим стремлениям совершенно чужды социализму...» [1].

Об этом говорил и пролетарский писатель М. Горький. Он считал, что большевики взялись «зажечь из сырых русских поленьев костер, огонь которого осветил бы западный мир». «Костер зажгли, пишет он, — он горит плохо, воняет Русью, грязненькой, пьяной и жестокой». Горький предупреждает большевистских лидеров, что коммунистический эксперимент

проводится в стране, где 85% населения составляют крестьяне. Он признает, что Ленин имел бесстрашие начать процесс общеевропейской социальной революции в стране, где значительный процент крестьян хочет быть сытенькими буржуями. Бесстрашие Ленина начать социальный эксперимент в отсталой в экономическом отношении стране Горький считает безумием [6, с. 91].

О том, что идеи социализма и мировой революции были чужды крестьянству, пишет член РКП(б) П. Шевчук в своем письме Ленину в декабре 1918 года: «Резолюциям не следует доверять, как и подпискам, ибо люди, расходясь, шепчут: «К черту! Лишь бы отстали. Плевать!» [5, с. 15].

К. Цеткин в 1924 году видела трагедию русской революции «в противоречии между вполне осознанной и страстной волей к возможно быстрому созданию и полному осуществлению коммунистического строя, с одной стороны, и слабостью и отсталостью той социальной среды, в которой революционной воле пришлось действовать, — с другой» [10, с. 33].

Таким образом, большевистские вожди рассматривали крестьянство как реакционную силу, способную помешать их социальному эксперименту на российской

почве и попыткам расширения его географии за счет развитых в экономическом отношении стран Европы. Сознание большинства крестьян не овладело идеей социализма и его распространения за пределы собственной страны.

Список использованных источников и литературы

1. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 1235. Оп. 2. Ед. хр. 11. Л. 58.
2. Ленин В. И. Две тактики социал-демократии в буржуазно-демократической революции // Полн. собр. соч. Т. 11.
3. Ленин В. И. Заключительное слово по аграрному вопросу // Полн. собр. соч. Т. 12.
4. Ленин В. И. Несколько тезисов // Полн. собр. соч. Т. 27.
5. Ленину о Ленине. Письма 1918—1921 гг. // Неизвестная Россия. XX век. М., 1992.
6. Магомедов Р. Р. М. Горький о России, о Ленине и о мировой революции // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. 2001. № 3 (24).
7. Магомедов Р. Р. Русско-японская война (1904—1905) и ее место в концепции В. И. Ленина о мировой революции // Вестник Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина. 2014. Т. 4, № 2.
8. Письма Н. И. Бухарина В. И. Ленину (1915) // Вопр. истории. 1990. № 3. С. 169.
9. Троцкий Л. Д. К истории русской революции. М., 1999.
10. Цеткин К. Октябрьская революция. М., 1924.

УДК 94.2(470)“18/19”

E. В. Миронова

Особенности взаимоотношений помещиков и крестьян Казанской губернии на рубеже XIX—XX веков

Статья посвящена проблеме взаимоотношений землевладельцев и крестьян в Казанской губернии с 1891 до 1907 г. Автор проанализировал причины столкновений крестьян с помещиками в данный период и показал отношение дворян губернии к ситуации в деревне.

Ключевые слова: Казанская губерния, конец XIX — начало XX века, первая российская революция, дворянство, крестьянство, неурожайные годы.

После отмены крепостного права зависимость помещичьего хозяйства от сельского населения сохранилась — крестьяне служили управляющими, старостами, караульщиками, нанимались в батраки, торговали с землевладельцами, всей общиной брали землю в испольную или денежную аренду.

«С крестьянами... живите в ладу, без них не проживешь, — советовал своим детям помещик Спасского уезда Казанской губернии В. Т. Молостцов в 1896 г. — Это наша главная рабочая сила, так что расходиться с ними из-за пустяков — можно потерять многое. Сделал крестьянину большую услугу в трудную минуту, он ее

не забудет, да и другой на то же будет надеяться» [3, л. 2—2 об.].

Это была одна из причин, по которой дворяне помогали жителям окрестных деревень. Особенно сильно в материальной поддержке крестьяне нуждались в период сильных неурожаев, постигших Поволжье в 1891, 1898 гг. Зависимость крестьянских хозяйств от погодных условий объяснялась низким уровнем культурного земледелия. Господство общинного землепользования и присущая крестьянскому населению консервативность препятствовали агротехническому прогрессу вплоть до столыпинской реформы. Общинники сеяли в условленный день, совершенно не учитывая различия в качестве земельных участков; слабо внедряли усовершенствованные орудия труда. Кроме того, в 5 уездах губернии до половины крестьян были малоземельными, что ставило их в зависимость от помещичьих владений и условий работы на них.

Ситуация усугублялась тем, что стихийные бедствия сказывались и на прибыли поместий, что заставляло землевладельцев проводить реорганизацию хозяйства. Это делалось главным образом за счет изменений в сложившихся десятилетиями условиях предоставления земли крестьянам, что становилось причиной серьезных конфликтов. Так, по результатам реформы 1861 г. деревня Бутлеровка оказалась окружена помещичьими землями и «гнать ли скотину, ехать ли на работы» жителям приходилось через барские поля, что и создало почву для споров, носивших до определенной поры «частный, домашний характер» [10, л. 2—2 об.].

После нескольких неурожайных лет в конце XIX в. управляющий поместья А. М. Бутлерова дворянин Н. А. Аристов стал периодически менять условия работ, что переполнило чашу крестьянского терпения. Сначала им не были предоставлены лесные поляны для выпаса скота, а луга были отданы в аренду другому сельскому обществу, затем от крестьян потребовали ранней вспашки пара, тем самым лишив их возможности пасти свой скот на паровом поле. Получив наряд свезти снопы на гумно, крестьяне попросили трехдневной отсрочки, так как из-за погодных условий

не успевали завершить сев на своих полях, но получили отказ. Когда же крестьяне пытались бойкотировать новые условия работ, им было отказано в праве пользования выгоном и в испольной аренде земли. Не имея собственных лугов и опасаясь штрафов за потраву, некоторые крестьяне перенесли скотину в иные селения, а недостающую землю арендовали у других помещиков. После этого крестьяне решили, что никогда и никто из них не будет трудиться у помещика Бутлерова, продавать продукты в его усадьбу, а за нарушение этого постановления ввели штраф в размере 1 руб. [10, л. 3].

Когда до управляющего Н. А. Аристова дошли слухи о том, что крестьяне действительно наказывали своих односельчан за работы на бутлеровских полях, он обратился с жалобой к спасскому уездному исправнику, а уездное по крестьянским делам присутствие признало решение сельского общества незаконным и подвергло виновных взысканию. Управляющий имением тем временем принял людей, находившихся в Чистополе в административной ссылке, приказав им никого из посторонних не пускать. Те «веселья энергично начали исполнять свои обязанности, не стесняясь никакими мерами, нагайки были в полном ходу, а когда они оказывались неудобны, то горцы стреляли из ружей» [10, л. 3 об.]. Результатом стали убитая крестьянка и 1 раненый запасный рядовой из близлежащих деревень. Вскоре Аристов вновь сформировал вооруженный «караул», что вызвало очередную волну беспорядков. Вероятно, радикальные меры, к которым прибегнул дворянин, были обусловлены горячностью, присущей молодому управляющему, а также отсутствием времени для проведения длительных переговоров с крестьянами, потому что он сам владел значительным хозяйством в соседнем Чистопольском уезде.

Вышеописанный эпизод в Бутлеровском имении представляет собой скорее исключительный пример принятия управляющим чрезвычайных мер с целью защиты помещичьих земель от посягательств. Вооруженные отряды для охраны поместий стали широко наниматься только в революцию 1905—1907 гг. На рубеже ве-

ков большинство помещиков полагались на представителей государственной власти, о чем свидетельствуют материалы фонда канцелярии губернатора Национального архива Республики Татарстан, насыщенные докладами о разбирательствах управляющих и самих владельцев с деревенскими жителями. Иногда действия крестьян наносили землевладельцам серьезный материальный ущерб. Например, жители деревни Яшевки Тетюшского уезда самовольно вырубили лес, принадлежавший семье Терениных, развезли из хозяйствского сарая кирпичи и солому. Несколько крестьян деревни Васильевки подожгли хлебный амбар, которым владел дворянин Н. Фигнер, а также потребовали от служащих экономии покинуть усадьбу [9, л. 4—4 об.]. Помещики терпели убытки, связанные не только с уроном, нанесенным их имуществу, но и возможностью заниматься хозяйственной деятельностью в нормальных условиях — не существовало гарантий, что обозы с зерном не будут разграблены по дороге на рынок, крестьяне отказывались работать и т.д.

Отказ от испольщины под влиянием неурожаев 1890-х гг. и разного рода недородов в начале 1900-х гг. происходил повсеместно. В ответ некоторые сельские общества всем сходом решали впредь не работать на дворян и вводили штрафы для односельчан, нанимавшихся в экономию. Приговоры становились известны исправникам, и старост наказывали за их составление. Так формировалось взаимное недоверие. В условиях повсеместного роста крестьянского недовольства помещики опасались за свою безопасность. Так, полковник В. В. Молостов, помня свой отказ окрестным жителям сдавать землю в испольшу и непростые взаимоотношения с некоторыми из них, решил проверить настроения местного населения [13, л. 41—43]. После дознания, проведенного уездным исправником среди крестьян, выяснилось, что общинники не держали зла на соседа и даже были ему признательны за помощь, оказанную во время эпидемии холеры и голода 1891—1892 гг. Семья генерала Лисовского, встревоженная слухами о возможной расправе жителей села Бездны с их сыном, студентом-медиком, повинным,

по мнению местных крестьян, в распространении холеры, обратилась к полиции. С целью «ограждения спокойствия» дворян к их поместью были приставлены уездный пристав 1-го стана, полицейский урядник и стражник, а сын Лисовских приступил к оказанию медицинской помощи заразившимся холерой крестьянам [14, л. 8].

Надо заметить, что пострадавшему от неурожая крестьянству помочь поступала и от дворян, не связанных экономически узами с крестьянством или не живших в поместьях вовсе, действовавших прежде всего из общечеловеческих нравственных побуждений. Недороды хлебов, засуха, наводнения, пожары и другие бедствия были постоянными спутниками в хозяйственной деятельности землевладельцев. Некоторые помещики жертвовали деньги на создание капитала, из которого выплачивались проценты в пользу бывших крепостных крестьян. Например, спасская помещица кавалерственная дама Киселева завещала своим бывшим крепостным 17 селений разных губерний банковские билеты на сумму до 40 тыс. руб. В результате жителями 3-х деревень — Матвеевки, Караваева и Хлебодаровки Спасского уезда были получены деньги в неурожайную пору 1890-х гг. [11, л. 1, 77 об.]. Аналогичные капиталы завещали бывшим крепостным другие землевладельцы, среди них Е. Г. Яковлева, П. А. Демерта и т.д. [12, л. 1—2; 16, л. 1, 9 об.]. В неурожайные годы дворяне организовывали детские приюты на время страды. Например, по инициативе баронессы Икскуль подобное учреждение было открыто в 1891 г. в деревне Нижней Серде Лайшевского уезда. Сюда были приглашены несколько пожилых крестьянок, которые присматривали за детьми, кормили их. В 1893 г. здесь пребывало до 30 детей. Учитывая значение заведения, уездная управа после согласования с губернатором определила денежное пособие на последующее содержание [15, л. 1—2, 4—8].

В 1899 г. деревню вновь настиг сильный голод, развились заболевания цингой. Помещики стали открывать в селах столовые. Так, тетюшская землевладелица Т. И. Горемыкина организовала в соседней де-

ревне Тоньшерме бесплатное питание для 100 жителей. На 180 крестьян Казанского уезда были рассчитаны столовые помещицы В. А. Депрейс. На средства жены надворного советника В. Я. Парамоновой и колледжского асессора А. П. Котелова были открыты столовые для 900 жителей Свияжского уезда [17, л. 7—9; 18, л. 5; 19, л. 1].

Поддержка земледельцев не была постоянной, но примеры бескорыстных благотворительных акций свидетельствовали о готовности дворян прийти на помощь в трудное время.

В начале XX века взаимоотношения помещиков и крестьян значительно ухудшились. В 1900—1903 гг. разразился экономический кризис, в результате которого сузился рынок труда, пополнились ряды безработных [23, с. 79]. На 1905—1907 гг. пришлись сильные неурожаи, заставившие крестьян вновь обратиться к управляющим поместий с просьбой (и требованием) увеличить площадь сдаваемой земли, облегчить условия работ. Однако удовлетворение их стало бы разорительным для дворян, поэтому приходилось отказывать. В ряде случаев сельские общества устраивали забастовки. В 1906 г. этот способ воздействия на помещиков был применен по отношению к спасским дворянам К. В. Молостову, М. С. Толстому, И. П. Лихачеву и др. Четверть местных крестьян имели дарственныенаделы и находились в сильной зависимости от помещичьих угодий [5, л. 20—21 об.].

В то же время землевладельцы сами испытывали трудности перевода поместий на капиталистические рельсы и льготы для крестьян были невозможными. Так, полковник Молостов в 1902 г. взял ссуду в размере 119 тыс. руб. Из материалов Дворянского банка следует, что кредит не погашался, в ноябре 1906 г. должнику пришлось просить о рассрочке выплаты в связи с постигшим неурожаем [20, л. 62]. После вмешательства исправника, сделавшего внушения крестьянам, последние были вынуждены принять условия помещиков. Другого выбора у работников и не могло быть — в апреле 1906 г. правительство приняло особые «Правила против возникновения стачек среди сельских рабочих», грозившие зачинщикам тюрем-

ным заключением до 4 лет, а за сопротивление войскам и стражникам — ссылкой до 8 лет [23, с. 430].

Характерно, что подобного рода давление крестьян на помещиков встречалось и до революции, однако в новых условиях оно стало именоваться в рапортах полицейских чинов «забастовками», а их участники — «революционерами». Уездные исправники рапортовали о «брожениях» крестьян во всех пунктах Спасского, Чистопольского, Мамадышского и Лаишевского уездов и на основе «Правил» против стачек оперативно находили и арестовывали «зачинщиков» и «подстрекателей». Стоит полагать, что представители местной власти, опасаясь обвинения в бездействии, целенаправленно подбирали факты, которые говорили бы о «революционности» крестьян.

Так, осенью 1906 г. прошел слух о подготовке поджогов в имениях во время масштабной ярмарки в г. Спасске. В уезд были высланы отряды казаков. Пожары, действительно, произошли. В одном случае был обнаружен труп преступника — им оказался напившийся во время ярмарки крестьянин. В трех других эпизодах поджигатель найден не был. Проявилась неспособность полицейских чинов предотвратить преступление [7, л. 30 об.]. С окончанием праздника, по сообщению спасского уездного исправника, пьяный разгул прекратился, и жизнь вошла в обычную колею.

На основе данных, полученных Д. И. Люкшиным при изучении жалоб дворян в Казанское губернское жандармское управление за 1906—1907 гг., видно, что аграрные беспорядки были вызваны тяжелым экономическим положением крестьянства и имели стихийный характер [2, с. 51—52].

Среди объективных условий, влиявших на активность масс (малоземелье, неурожай, низкая оплата труда, высокие арендные цены на землю), была пропаганда, следствием которой стали преступления «против существующего строя и порядка управления». Так, дочь потомственного дворянина П. К. Булича сагиттировала крестьян соседнего сельского общества совершить ограбление в поместье своего отца [6, л. 1—7 об.]. Вероят-

но, пропаганда являлась не столько причиной беспорядков, сколько подкрепляла враждебное отношение к некоторым землевладельцам или управляющим. Свияжский уездный исправник сообщал, что в его уезде агитационную работу проводил профессор Императорского Казанского университета А. В. Васильев: устраивал беседы, обеспечивал население литературой. Все это, по мнению исправника, воспитало дух и способствовало стихийному аграрному движению [4, л. 3, 12, 14 об.].

Все же удельный вес выступлений по отношению ко всей массе сельских жителей был ничтожным. По сведениям спасского исправника, таких крестьян в его уезде насчитывалось не более 30 человек. В подавляющем большинстве они радели за мирные способы разрешения конфликтов. Для установления справедливости крестьяне обращались в судебно-полицейские органы. Правда, незнание юридических тонкостей обрекало их попытки на неудачу. Например, господин Булыгин, помещик Спасского уезда, решил продать землю Матаковскому товариществу. О своем «преимущественном праве» на покупку продаваемой земли заявили члены другого общества, из года в год бравшие ее в испольную аренду. Однако в удовлетворении иска было отказано, так как требование крестьян являлось противозаконным [4, л. 1—3].

Такая же попытка отстоять свое право на землю была предпринята в декабре 1905 г. жителями с. Турминское Свияжского уезда. Заверив нотариально договор с поверенным помещицы А. А. Кроль на покупку 408 дес. земли, крестьяне были уверены, что стали собственниками. Но супруг помещицы Г. Е. Кроль, он же законный владелец хутора, отказался от продажи недвижимости [8, л. 1—3 об., 33].

Анализ речей землевладельцев позволяет прояснить сложившуюся в деревне обстановку и взгляды на нее поместного дворянства. Высшее сословие Казанской губернии не было монолитным, оно включало людей с разным имущественным достатком, противоположными интересами, сталкивающимися позициями. Среди них были сторонники решительных мер в отношении аграрных беспорядков, но были

и выразители умеренных действий. Первые были в меньшинстве, однако именно они задавали тон «крестьянской проблеме» в Дворянском собрании, из их же числа делегаты присутствовали на всероссийских съездах дворянства. Одним из них был крупный землевладелец князь Ухтомский, проживавший в сельской усадьбе и находившийся в тесном контакте с окрестными жителями. В первый год революции он обвинил правительство в непринятии мер по расследованию беспорядков и хищений. В крестьянах князь видел серьезную опасность, поэтому он предлагал сделать крестьян частными собственниками. Его поддержал спасский предводитель дворянства Н. Д. Сазонов, признавший притязания крестьян на землю [1, с. 64]. Опасаясь использования недовольства жителей революционерами, помещики были готовы на уступки. Главным мероприятием по снижению накала в деревне виделось предоставление права свободного выхода из общины, кроме того, признавался частичный выкуп земли. Также высказывались предложения об использовании репрессий, что в целом отражало настроения землевладельцев, писавших жалобы исправникам и губернаторам.

Несмотря на очевидное напряжение в деревне, выливавшееся в формы открытого противостояния крестьян помещикам, некоторые из дворян (Д. А. Корсаков, А. Н. Боратынский и др.) предлагали не спешить с наделением крестьян землей. Оба землевладельца проживали в Казани и вообще не вели дела в своих поместьях, но они участвовали в делах местного управления и знали о нуждах населения не понаслышке. Так, профессор Корсаков был видным земским деятелем, служил почетным мировым судьей Казанского уезда. Будучи сторонником постепенного, поступательного развития, он говорил, что «такое исконно русское учреждение... двумя заседаниями уничтожать нельзя, тем более что крестьяне сами стоят за общину...», поэтому рассмотрение этой проблемы он предлагал передать сначала местным комитетам, потом Думе [1, с. 62, 63].

Землевладелец Д. В. Пенинский предлагал право на определение дальнейшей судьбы общины предоставить крестьянам,

говоря, что это «исконно народное учреждение, если она выгодна для крестьянина — он в ней и останется, если же нет, то выйдет, переселится» [1, с. 64]. Вероятно, его точка зрения объяснялась тем, что поместье дворянина не зависело от соседних сельских обществ — в хозяйстве Пенинского применялся труд наемных рабочих (годовых, сдельных, поденных). В Казанский уезд, где располагалось имение, устремлялись работники из других районов губернии, обеспечивая стабильное предложение рабочих рук. Произведенная продукция сбывалась не местным жителям, а вывозилась в столицу [21, л. 7; 22, л. 28].

Таким образом, взаимоотношения казанских помещиков с крестьянами в конце XIX — начале XX века характеризуются ростом противоречий в договорных отношениях, что принимало открытые формы противостояния, доходившие до истребления дворянского имущества, покушения на управляющих. И хотя организованного оппозиционного движения среди крестьян Казанской губернии не сложилось, существовала реальная угроза жизни, здоровью и собственности помещиков и служащего персонала в дворянских экономиях. Помещики, жившие среди крестьян и хорошо их знавшие, осознавали мотивы действий крестьян. Но удовлетворение требований было гибельным для помещи-

чих хозяйств, поэтому дворяне солидаризировались с разрабатывавшимся в правительенных кругах проектом аграрной реформы по разрушению обчины и наследию крестьян земельной собственностью.

Список использованных источников

1. Журналы чрезвычайного Казанского губернского собрания дворянства, 1—3 июня 1905, 16—20 февраля и 19 марта 1906 г. Казань, 1906. 84 с.
2. Люкшин Д. И. Крестьяне-общинники Казанской губернии в социально-политических сдвигах начала XX века : дис. ... канд. ист. наук. Казань, 1995. 196 с.
3. Национальный архив Республики Татарстан (НАРТ). Ф. 1183. Оп. 1. Д. 23.
4. НАРТ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 859.
5. НАРТ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 2402.
6. НАРТ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 2460.
7. НАРТ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 2555.
8. НАРТ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 2699.
9. НАРТ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 3188.
10. НАРТ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 7089.
11. НАРТ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 7956.
12. НАРТ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 8331.
13. НАРТ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 8738.
14. НАРТ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 8813.
15. НАРТ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 9456.
16. НАРТ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 9819.
17. НАРТ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 11764.
18. НАРТ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 11768.
19. НАРТ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 11784.
20. НАРТ. Ф. 259. Оп. 1. Д. 448.
21. НАРТ. Ф. 259. Оп. 1. Д. 500.
22. НАРТ. Ф. 259. Оп. 1. Д. 1010.
23. Первая революция в России: взгляд через столетие. М., 2005. 602 с.

161

Российская деревня в XVII—XXI веках: социокультурное измерение

УДК 37.014(470.5)(091)

Т. Г. Мосунова

Национальная школа и начальный всеобуч на Урале в 1920—1930-е годы

Введение начального всеобуча в советской России, являясь частью модернизационного процесса, имело специфические особенности, в первую очередь — особую роль государственной политики в области образования. В статье рассматривается этнообразовательная политика, деятельность партийно-государственных органов по охвату обязательным начальным обучением детей национальных меньшинств Урала.

Ключевые слова: национальная школа, национальные меньшинства, начальный всеобуч, этнополитика, этнос, коренизация.

Россия — государство с уникальным разнообразием условий жизни народов на обширном евразийском пространстве. Население России представляет собой как компактно, так и дисперсно расселенные

этносы, национальное большинство и национальное меньшинство. Понятие «национальное меньшинство», «нацмен» широко использовалось в 1920-е годы [9, с. 174—175].

По количеству нерусских этносов самым большим регионом РСФСР, за исключением автономных республик, являлась Уральская область (1924—1934 гг.). По переписи 1926 г. в ней представителей нерусских народов было 9,8%. Всего насчитывалось свыше 50 различных этносов. Они преимущественно занимались сельским хозяйством, поэтому сельская школа в значительной степени была национальной [14, с. 14; 3, л. 33—45]. Опыт школ Урала позволяет выявить типичные черты школьного обучения многочисленных этнических и языковых групп страны.

Этнообразовательная политика является частью такого важного направления внутренней политики государства, как национальная (этническая) [6, с. 71—72]. В сфере «национальной» политики в течение двенадцати лет, отделявших первую Конституцию СССР (1924 г.) от «сталинской» Конституции (1936 г.), в регионах страны происходили динамичные процессы перестройки управления этническими отношениями. Противоречивость советской национальной политики достаточно здраво прослеживается в сфере образования. Социально-политические силы, пришедшие к власти в октябре 1917 г., ставили целью совершить прыжок в высокоразвитую, постбуржуазную цивилизацию. Важнейшим условием движения страны по пути модернизации являлось преобразование основ духовного развития общества, в частности введение всеобщего обучения и построение школьной сети. При этом советская власть обратилась к выводам выдающихся педагогов К. Д. Ушинского, Ф. И. Буслаева, Ф. Ф. Советкина, И. Я. Яковлева и других о том, что создание школы на родном языке учащихся станет самым коротким путем приобщения детей к основам современной культуры.

Основные принципы организации школ среди этнических групп были разработаны Государственной комиссией по просвещению, сформулированы в специальных постановлениях Наркомпроса РСФСР «О школах национальных меньшинств» (1918 г.), «О просветительной работе среди национальных меньшинств в РСФСР» (1926 г.), а также в «Положении

об организации дела просвещения народов нерусского языка» (1919 г.). Перечисленные документы утвердили право всех национальностей, населявших РСФСР, вести обучение на родном языке на обеих ступенях единой трудовой школы и в высшей школе, предусматривали издание учебников на родном языке, подготовку кадров. Национальные школы объявлялись государственными, на них полностью распространялось «Положение о единой трудовой школе РСФСР» [10, с. 31, 133, 145]. Становление и развитие школьного образования шло в тесной взаимосвязи с общим ходом исторических трансформаций в России. С 1926 г. началась плановая работа по подготовке и осуществлению начального всеобуча в стране.

В целях реализации курса на выравнивание уровня всех народов, организации решения этнических проблем, руководства культурно-хозяйственным строительством в Уральской области было создано 14 национальных районов и 228 сельских советов. В 1932 г. в Уральской области уже насчитывалось 318 национальных сельсоветов. Административной сетью было охвачено 70% нерусского населения [14, с. 14—15]. Возможность вести административное управление и судопроизводство, обучение в школах и культурно-просветительную работу на родном языке появилась в связи с политикой коренизации, т.е. подготовкой и выдвижением кадров, знающих язык, быт, традиции конкретного этноса.

В повседневной работе приходилось учитывать, что основная масса этнических меньшинств края относилась к числу тех народов, которые в силу отсталости не могли полностью реализовать свои права и добиться решения проблем без действенной помощи. Такая помощь была оказана, и выражалась она прежде всего в создании специальных органов, непосредственно занимавшихся этническими проблемами. Так, с 1921 г. при агитационно-пропагандистских отделах Уралбюро РКП(б), затем Уралобкома и окружкомов ВКП(б) существовали подотделы национальных меньшинств. Они регулярно участвовали в работе общих областных, окружных совещаний и в работе отделов обкома и окруж-

комов партии и таким образом отражали вопросы национальной политики в общих директивах. В случае необходимости принимались и специальные решения [15, л. 134]. В 1930 г. произошла реорганизация аппарата обкома ВКП(б), для работы среди нерусских народов при отделе культуры и пропаганды был создан специальный сектор. В этот период на руководящей работе находилось уже немало представителей народов Урала — М. Г. Усманов, С. Хасанкаев, Б. Кадыров, А. Ибрагимов, Т. Сабитов и другие [21, л. 5].

В целях наиболее полного обслуживания этнических групп при облисполкоме и ряде окрискомов с 1926 г. существовал институт уполномоченных по работе среди нерусского населения, а с 1932 г. — отдел национальных меньшинств при Уральском областном исполнительном комитете. Организационным и руководящим центром, осуществлявшим непосредственное руководство и управление просвещением, являлся Совет (с 1929 г. Комитет) по просвещению национальных меньшинств при областном отделе народного образования.

Вскоре такие же комитеты организовали при девяти окружных отделах народного образования. Эти органы следили за тем, чтобы система просвещения строилась с учетом культурно-экономического уровня, языка, бытовых условий, наличия кадров, национальных обычаяев и традиций народов. Также при облисполкоме существовал Комитет содействия народностям северных окраин [4, л. 5].

Характеризуя партийно-государственное руководство решением национального вопроса в крае в 1920-е годы, следует подчеркнуть его неформальный характер. Оно было оперативным и инициативным, разнообразным по формам и методам. С конца 20-х годов стал делаться упор на проведение ударных кампаний вместо систематического руководства национальным строительством, усиливался формализм в работе. Кампанейский стиль являлся элементом складывавшейся командно-административной системы руководства. Борьба против «национал-уклонизма», развернувшаяся после XVI съезда ВКП(б) в 1930 г., усилила межэтническую

напряженность. С середины 30-х годов в партийных комитетах были упразднены национальные секторы, не стали проводиться совещания работников нерусской национальности. Ликвидация организационных форм работы с национальными меньшинствами обусловила постепенное сокращение, а затем и исчезновение сюжетов этнической жизни из практики партийно-государственной работы на последующих этапах советской истории. Динамизм, присущий начальному этапу формирования полиэтничного государства Советов, был существенно утрачен и подорван нарушениями законности в период культа личности. Смена курса была связана с общей установкой о «решенности национального вопроса в СССР» и форсированием межэтнического сближения. После этого любое заявление о существовании каких-либо национальных проблем расценивалось как буржуазный национализм, а тот, кто говорил о них, подвергался преследованиям. Данный курс господствовал многие годы, что несло большой вред стране.

Реализация курса на выравнивание уровня образования народов, в частности подготовка и осуществление всеобщего обязательного обучения, требовала планового подхода. На президиуме облисполкома 10 августа 1927 г. был утвержден особый план, который предусматривал ряд специфических моментов в школьном строительстве у этноменьшинств: пятилетний курс обучения, повышенные нормы учебно-хозяйственных расходов, привлечение учителей из других областей и республик, преподавание на двух языках. Этот план постоянно дорабатывался и корректировался [11, с. 102; 12, с. 77]. Конкретные планы введения всеобщего обучения детей этнических групп появились в Челябинском, Кунгурском, Тюменском и некоторых других округах [2, л. 21; 16, л. 217, 135]. Работа в области планирования активизировалась в связи с разработкой первого пятилетнего плана культурного развития страны. Темпы культурного строительства среди национальных меньшинств предусматривались более высокие, чем среди русского населения. Поэтому и сроки введения начального

всеобуча для большинства нерусского населения Урала устанавливались те же, что и для русского. Отклонение от общих сроков допускалось только для туземцев Севера. Для них 1932/33 г. должен был стать первым годом обязательного обучения детей 8 лет [22, л. 157]. В плане культурного развития на вторую пятилетку ставилась задача в 1933 г. завершить и закрепить начальный всеобуч, а также ввести всеобщее семилетнее обучение в промышленных районах и районах сплошной коллективизации.

Реальность выполнения плановых заданий зависела прежде всего от их финансового обеспечения. Для развития национальной школы необходимы были средства гораздо значительнее тех, которые выделялись для общих школ. Дополнительные расходы вызваны тем, что, во-первых, в начальных школах этнических групп обучение велось на двух языках — родном и русском, что делало обязательным переход на пятилетний срок обучения. Поэтому был необходим штат преподавателей сверх установленных норм для общих школ. Недостаточный общеобразовательный уровень педагогов национальных школ требовал средств на их переподготовку. Во-вторых, крайне слабой являлась учебно-материальная база национальных школ. У тюрко-татарских народов по закону шариата учащимся не полагалось сидеть на партах и скамейках. Поэтому никакого «наследства» школьного инвентаря эти народы не имели. В 1927 г. обеспеченность нерусских школ помещениями составляла 25% [13, л. 353]. Во второй половине 1920-х годов доля расходов на школу в большинстве национальных районов Уральской области была ниже областных показателей. Переходным событием явилось утверждение областного бюджета в 1929 г. В нем было предусмотрено увеличение учебно-хозяйственных расходов на 50% для национальных учреждений областного значения [13, л. 150].

Успехи хозяйственного строительства к концу 1920-х годов значительно расширили финансовые возможности советского государства вообще и Уральской области в частности. Национальным округам

и районам стали предоставляться более значительные дотации. Например, чтобы подтянуть отстающие участки просветительной работы среди этнических меньшинств, областным бюджетом было выделено 30 тыс. руб. в 1929 г. и 250 тыс. в 1931 г. [7, с. 52].

Несмотря на рост бюджетных ассигнований, подготовить и осуществить всеобщее обязательное обучение было невозможно без привлечения внебюджетных средств. Первый Всесоюзный съезд по всеобучу выдвинул лозунг: «На каждый полтинник государственных средств — рубль общественности». Самым распространенным внебюджетным источником вплоть до середины 30-х гг. являлось так называемое самообложение населения на культурные нужды. В 1928/29 г. на Урале самообложение населения составило 10% всех ассигнований на просвещение из местного бюджета. По мере введения всеобуча отчисления от самообложения населения на нужды народного образования увеличивались. Дополнительное финансирование за счет общественности (отчисления хозорганов, вклады населения, средства от субботников) в 1929/30 г. составило 34,1% бюджетных средств в Уральской области. Этот показатель был выше для нерусского населения края — 44% [23, л. 72].

Среди мероприятий по подготовке всеобщего обязательного начального обучения важное место занимала деятельность по увеличению охвата детей школой. К началу плановой подготовки всеобуча охват детей 8—11 лет обучением на Урале составлял 47,2%, а детей этнических групп — 35,9%. Причем процент охвата детей различных этносов школой был неодинаков. У татар и башкир он равнялся 42,6; у коми-пермяков — 36,6; удмуртов — 48,3; марийцев — 30,1; мордвы — 25,3, а у детей северных народов — 16. Остро стояла проблема посещения школ девочками [18, л. 4].

Чтобы сделать доступным обучение для детей различной этнической принадлежности, проводилась работа по следующим направлениям: развитие сети национальных школ, открытие школ-интернатов, организация подвоза детей, проживающих

в отдаленных деревнях, а также детского питания, оказание материальной помощи малообеспеченным детям. При этом ведущим принципом культурного строительства являлся принцип развертывания народной инициативы, опоры на массы трудящихся. Существует мнение, что полного охвата подрастающего поколения невозможно было бы добиться при всем значении энтузиазма народа «без использования директивного хозяйственно-политического механизма, способного “подхлестывать” общество, мобилизовать силы и средства, не считаясь с экономическими и социальными ограничениями» [5, с. 53].

Действительно, на решающей стадии борьбы за всеобуч степень мобилизации общественности на помощь школе была чрезвычайно велика. Формы привлечения общественности к культурному строительству — это культпоходы, культэстафеты, культпости, месячники и декады смотра всеобуча, субботники. Между отдельными районами развертывалось социалистическое соревнование на лучшее проведение всеобуча.

В целом благодаря всей системе мероприятий в рамках кампании «всеноардный подход за всеобуч» на Урале уже в 1930/31 учебном году удалось достичь значительных успехов. Плановые задания по всеобучу были выполнены. Так же как и для русского населения, для большинства этнических меньшинств края 1930/31 учебный год стал годом введения всеобщего начального обучения. Начиная с 1932/33 учебного года всеобуч стал вводиться на севере области. Главным достижением в области национального просвещения явилось подтягивание уровня ранее отсталых народов до среднеобластных показателей введения начального всеобуча. Президиум Комитета по просвещению национальностей при НКП РСФСР 25 июня 1933 г. сделал вывод, что среди компактно проживающих масс национальных меньшинств Уральской области в основном осуществлен начальный всеобуч [13, л. 148].

За годы второй пятилетки были в значительной степени закреплены достигнутые ранее результаты начального всеобуча. Охват детей 8—11 лет школой в Коми-Пермяцком национальном округе, в Ялано-

Катайском и Кунашакском национальных районах Челябинской области доходил до 95%, что соответствовало фактическому охвату детей в Свердловской и Челябинской областях [25, л. 276; 26, с. 257].

Однако степень доступности обучения была неодинаковой в различных национальных районах. Наряду с передовыми районами существовали такие, где охват начальной школой оставался на уровне 88% (Аргаяшский район). Таким образом, при значительном сокращении так называемых «культурных ножниц» между нерусским и русским населением ликвидировать полностью отставание национального всеобуча от общеобластных показателей не удалось.

На результатах охвата школой детей этнических групп, безусловно, отразились смена политического курса, связанная с выводом о «решенности национального вопроса в СССР», а также сильные и слабые стороны административно-командного стиля руководства. Штурмовые методы 1929—1931 гг., эффективные в период борьбы за введение всеобуча, мало способствовали закреплению и развитию его в 1930-е гг. Как свидетельствуют документы, после первых достигнутых успехов, как правило, появлялась самоуспокоенность, формализм, ослабление внимания партийных, государственных органов и общественности к вопросам обязательного обучения. В конце второй пятилетки причиной замедления темпов работы стали массовые репрессии и увольнения руководящих работников отделов народного образования. Полностью реализовать намеченные планы по развитию школьного обучения не позволили также объективные причины. Учитывая, что национальные школы в большинстве своем сельские, правомерно при объяснении их отставания иметь в виду объективные трудности социально-экономического, культурного и бытового развития деревни в переходный период.

Список использованных источников и литературы

1. Вопросы руководства просвещением Урала. Свердловск, 1927.
2. ГАСО. Ф. 233. Оп. 1. Д. 580.

3. ГАСО. Ф. 233. Оп. 1. Д. 68.

4. ГАРФ. Ф. 296. Оп. 1. Д. 25.

5. Гордон Л. А., Клопов Э. В. Что это было?: Размышления о предпосылках и итогах того, что случилось с нами в 30—40-е годы. М., 1989.

6. Государственная национальная политика: проблемы и перспективы. Екатеринбург, 2005.

7. Контрольные цифры хозяйственного и социально-культурного строительства Урала 1931 г. Свердловск, 1931.

8. Культфронт Урала. 1931. № 9—10.

9. Попов М. В., Протасова Э. Е., Бахтина И. Л., Мосунова Т. Г. Государство и начальное образование в уральской деревне в 1920—1941 гг. Екатеринбург, 2009. Гл. IV.

10. Народное образование в СССР. Общеобразовательная школа. Сборник документов. 1917—1973 гг. М., 1974.

11. Просвещение на Урале. 1927. № 2.

12. Просвещение на Урале. 1928. № 9.

13. РГАСПИ. Ф. 1235. Оп. 125. Д. 31.

14. Уральский коммунист. 1930. № 5—6.

15. ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 3. Д. 18.

16. ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 6. Д. 156.

17. ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 6. Д. 465.

18. ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 6. Д. 466.

19. ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 7. Д. 427.

20. ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 7. Д. 432.

21. ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 8. Д. 25.

22. ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 8. Д. 654.

23. ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 11. Д. 1226.

24. ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 12. Д. 1752.

25. ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 15. Д. 256.

26. Чуфаров В. Г. Деятельность партийных организаций Урала по осуществлению культурной революции (1920—1937 гг.). Свердловск, 1970.

УДК 39(470.56)

Ф. М. Надшин

Этнические и региональные особенности башкирских деревень Оренбургской губернии (XVIII—XX вв.)

Статья посвящена этническим и региональным особенностям башкирских деревень Оренбургской губернии (XVIII—XX вв.). Автор проводит ретроспективный анализ причин возникновения оседлых поселений башкир региона, достаточно подробно описывает особенности их планировки. Затрагиваются вопросы организации и функционирования башкирских дворов, всесторонне освещаются особенности материальной культуры башкирского народа в целом и башкир Оренбургской области в частности.

166

Ключевые слова: кочевое скотоводство, оседлость, земледелие, амбар, мечеть, кузница, мясо-молочная пища.

Понятие «аул» возникло еще в глубокой древности у некоторых тюркских народов и означало общину кочевников, циклично перемещавшуюся с мест зимнего выпаса скота на летнюю кочевку. Позже этот термин закрепился в их языках в значении поселения — «деревня» [6, с. 65—66]. В число указанных народов входят и башкиры, в языке которых сельское поселение обозначается словом «ауыл». По мнению этнографа Р. Г. Кузеева, появление башкирских поселений относится к XI веку. Он связывал это с началом процесса перехода башкир от кочевого скотоводства к полукочевому «с более или менее длительным пребыванием в зимнее время на одном месте» [3, с. 280]. Тем не менее о наличии постоянных зимних стоянок по берегам рек у башкир еще в X в. отмечали многие средневековые авторы. Например, арабский путешественник Идриси (XII в.),

основываясь на трудах географов IX—X веков, четко зафиксировал наличие у башкир следов оседлой жизни и земледелия. Так, в картографической части своего труда он поместил в стране башкир четыре города: Каракыя, Минджан, Мазира и Казира [1, с. 324].

Опираясь на свои многолетние исследования, башкирские археологи Н. А. Мажитов и А. Н. Султанова пришли к выводу о том, что «выразительным признаком образа жизни башкирских племен IX—XII веков служат следы около 100 селищ и городищ со значительными культурными отложениями... Сам факт их существования бесспорно указывает на относительную оседлость башкир» [4, с. 195]. Существование у башкирских племен IX—XII веков земледелия археологически засвидетельствовано находками обгорелых злаков полбы, каменных жерновов и железных

серпов. Археологи уверены в том, что башкирский этнос формировался как прямой наследник культуры бахмутинских, турбаслинских и ранних кааякуповских племен Южного Урала. Археологический материал показывает, что поселения на Южном Урале состояли из небольших прямоугольных жилищ полуземляночного типа (площадью 25—30 кв. м), принадлежавших малым семьям, которые уже в VII—VIII веках становятся самостоятельной ячейкой общества и хозяйственной единицей.

С началом татаро-монгольского нашествия многие башкирские племена вынуждены были покинуть свои старые кочевья и поселения. Значительная часть башкир была оттеснена в малодоступные горнолесные районы, где процесс оседания и аулообразования стал идти более активно. Другая часть, по-видимому, снова вернулась к куренному кочеванию, то есть кочеванию на ограниченной территории в составе отдельного кровнородственного коллектива — рода. Появление более или менее постоянных стационарных поселений у кочевых народов следует связывать с переходом к полукочевому скотоводству. В таких условиях на родовой территории появляются более или менее постоянные места для сезонных стойбищ — зимовки и летовки. С развитием в башкирском обществе классовых отношений, обнищанием рядовых масс и накоплением богатств в руках отдельных семей происходит распад общин-куреней на несколько родственных и неродственных групп. В период кочевания родовыми подразделениями часть населения, особенно бедняки, стала заниматься земледелием, сенокошением и оставаться на зимовьях и в летнее время. В связи с этим зимние поселения начинают превращаться в более постоянные аулы, которые на первых порах были весьма небольшими.

Присоединение Башкирии к Русскому государству и связанная с ним колонизация края, рост численности пришлого населения, прежде всего в его западной части, привели к полному исчезновению возможностей ведения даже полукочевого хозяйства и повсеместному переходу башкир этого региона к оседлой жизни. Так,

кунгурский бургомистр Юхнев в 1726 г. писал о башкирах Осинской дороги следующее: «Хлеба имеют много и пашни, и летом не кочуют в степи, но по домам живут, как русские», а коренные жители Казанской дороги «имеют дворы хорошие, токмо половина из них летом кочует в степи». Значительную роль в процессе перехода башкир к оседлому образу жизни, в особенности в юго-восточном регионе Башкортостана, сыграла административная политика правительства. Если в западном Башкортостане к XVI—XVII векам уже давно существовали постоянные аулы, то в восточных и южных районах Башкортостана в указанный период процесс аулообразования еще не завершился. Башкирские деревни юго-восточных районов Башкортостана стали отражаться в документах лишь в конце XVI — начале XVII века. Данные за 1743 г. указывают на то, что во всех четырех дорогах (без населенных пунктов Исетской провинции и 23 волостей Уфимского уезда) было 1642 башкирских деревни, из них в Сибирской дороге находилось 219, в Осинской — 216, в Ногайской — 349, в Казанской — 858 башкирских поселений. Наиболее полный список башкирских деревень составлен в конце XVIII века.

По данным V ревизии 1795 г., всего насчитывалось 2408 башкирских населенных пунктов. В начале XIX века обнаруживается в основном то же количество деревень, что означает стабилизацию башкирских населенных пунктов к концу XVIII в. По VII ревизии 1816 г. насчитывалось около 2000 башкирских населенных пунктов. Некоторое сокращение количества деревень произошло вследствие принудительного укрупнения населенных пунктов в первой половине XIX в.

В 1843 г. Оренбургский военный губернатор утвердил типовой план, согласно которому была произведена принудительная перестройка жилищ и деревень башкир, что привело к укрупнению и сокращению общего их количества. Теперь башкирские аулы, обычно состоящие из 3—10 дворов, должны были иметь по меньшей мере 25—30 дворов каждый.

Тип хозяйства, уклад жизни, общественные отношения у восточных и запад-

ных башкир были неодинаковы. Поэтому у башкир существовало в сущности 2 типа аулов: аймаки — поселения родовых подразделений и аулы соседской территориальной общины [2, с. 99—104]. Аулы первой группы на начальных порах (до XVII века) были небольшими и представляли собой зимние поселения. А в конце XVII века в документах встречаются деревни и у восточных башкир, где проживали неродственные группы.

Кроме аулов (деревень) у башкир существовали следующие типы поселений: выселки, хутора, кочевья. Выселки возникали путем выделения части дворов из деревень на принадлежащие им земли. С точки зрения размеров и населенности выселки на рубеже XVIII—XIX веков уже не отличались от аулов. Выселки, хутора были характерны в основном для восточной части Башкортостана, где процесс аулообразования к этому времени еще оставался незавершенным.

Таким образом, господствующим типом поселения у башкир в конце XVIII первой половине XIX века была деревня (аул). Именно тогда и происходит стабилизация башкирских поселений и завершается формирование их в аулы, имеющие каждый одну, две и более улиц. Аул в этом отношении становится похожим на русскую деревню.

В башкирских аулах дом, усадьба, двор именовались термином «йорт». Этот термин имеет исконно тюркское происхождение. В древнетюркском словаре ему соответствует термин «jurt» в значении «дом, владение, земля, страна». В узком значении понятие «йорт» означает дом, усадьбу и хозяйственные постройки: летнюю кухню, клеть, баню, сараи, навес, помещение для молодняка, погреб, коптильню, овин, гумно и др.

Интересным является этнографическое обозрение башкирского двора оседлого населения Пермской губернии Н. С. Поповым на рубеже XVIII—XIX веков. Описывая быт башкир Екатеринбургского уезда, он заметил, что «юрты их находятся посреди двора и ограды... Против юрты — амбар, скотные дворы отдалены от них на 30 и более сажен». Кроме обычных изб, справедливо подчеркивал Н. С.

Попов, имеются «летние дома для содержания хлеба и имущества, амбары и житницы, стоящие в довольно отдалении от юрт, а для скота — дворы, хлевы и стайки». За хозяйственными постройками находились огороды, а в них бани.

Башкирский историк А. З. Асфандиаров приводит интереснейшие материалы об имущественном состоянии отдельного башкирского двора в д. Шарипово Каршинской волости Бирского уезда, относящиеся к 1818 г. Бывший кантонный начальник Ахтам Шарипов был обвинен в сокрытии преступников, совершивших кражу казенных денег. В связи с этим его имение было описано и оценено в 7655 рублей. По описи всего движимого и недвижимого имущества во дворе Шарипова имелись: дом из пяти капитальных комнат, оцененный в 1 тыс. руб.; перед ним две клети и возле них «в ряд изба с сенями из липы, покрытые полубинами и лубьями (в 200 руб.), две осиновые избы, рядом алачуга» (летник) и «баня пятистенная». Двор имел ограду из липовых и сосновых досок и бревен, а также ворота из сосновых досок. Из транспортных средств передвижения у него были 3 повозки: первая — «кожаная летняя с откидным верхом и окованными колесами», другая — «на рессорах кожаная старая», третья — зимняя, «обитая с откидным верхом». Имелись сани, был легкий экипаж, а также «простая выездная развалинка». В домах было описано множество предметов быта, посуда, мебель. Описали также его мельницу «о двух поставах» на реке Кармасан, а также по 5 кобыл, меринов и коров. Эти данные довольно полно раскрывают состояние двора богатого башкира, крупного феодала из рода Мряковых. Из-за смерти Ахтама Шарипова его имение не подлежало конфискации. Но зато описали имущество 11 чиновников и рядовых башкир этого селения, находившихся в его команде. Приведенные материалы показывают зависимость состоятельности двора от социального положения их владельцев в обществе. В то же время обнаруживается, что и рядовые башкиры не всегда находились в одинаковом имущественном положении. Так, например, один из них имел во дворе две избы с двумя или четырьмя окнами и

некоторую мебель (Ярмухамет Юсупов), а другие довольствовались домом с одним окном.

Таким образом, можно утверждать, что дворы в аулах оседлых башкир являлись довольно организованными, в лесных местах дома в основном строились из бревен, что нельзя сказать в отношении аулов южных и восточных башкир. В. Зефиров, описывая башкирские аулы Стерлитамакского уезда, писал, что они напоминают «мудреный лабиринт всех переулков и закоулков», который имеет «беспорядочное расположение улиц». «Смотря на них (деревни), невольно подумаешь, — подчеркивал он, — что набежавший вихрь перевертел, перекрутил все по-своему и оставил деревню в самом хаотическом положении. Едешь, кажется, по улице и во все неожиданно встретишь на пути то плетень, то ворота, то амбар или что-нибудь подобное». Такую же характеристику давали губернатор и командующий Башкиро-мещерякским войском домам и аулам башкир Челябинского, Верхнеуральского и Оренбургского уездов. «Их дома состоят из самых бедных лачуг, большей частью без крыш и многие даже без полов», а деревни «не имеют никакого устройства, дома без дворов, разбросаны в совершенном беспорядке и так тесно, что пространство, необходимое для одного домохозяина, занято несколькими лачугами». Такое отношение южных и восточных башкир к своим домам следует объяснить тем, что башкиры, ведущие полукочевое хозяйство, еще не были заинтересованы в благоустройстве своих зимних поселений, считая их временными, и отдавали предпочтение благоустройству войлочных юрт (тирмэ-йорт), служивших для скотоводов-башкира традиционным, экономически оправданным, удобным и, по сути, главным жилищем.

В 40-х годах XIX века начался новый этап в организации башкирских аулов, связанный с подписанием вышеупомянутого типового плана башкирского аула. Согласно данному плану, промежуток между дворами должен был составлять не менее 12 сажен, а дома по улицам отстояли один против другого на 15—19 сажен. То есть он предусматривал прямые и ши-

рокие улицы в башкирских селениях. Бани и кузницы, пожароопасные строения, должны были строить на берегах рек, озер и вблизи оврагов. Каждый дворохозяин получил разрешение на заготовку до 200 бревен для строительства новых домов. Многосемейным дворам предписывалось строить не один, а два дома с сенями. Хозяева новых домов обязывались ставить голландские печи вместо традиционных съуалов. Наряду с этими мероприятиями активизировалась политика насильственного перевода полукочевых башкир к оседлости, что значительно способствовало росту количества дворов, организованных по русским образцам.

Результаты мероприятий были внушительными: значительно обновился жилищный фонд кантонов, увеличилось общее количество дворов. Если в 1795 г. их было 30 514, то в 1826 — 46 795, а в 1853 — 74 414. Определенный интерес у исследователей вызывает не только количество башкирских населенных пунктов, но и их размеры. По подсчетам А. З. Асфандиярова, в 1795 г. башкирское население в 19 уездах Оренбургской, Пермской и Вятской губерний проживало в 1548 деревнях, в среднем на каждую деревню приходилось 19,8 двора. По данным «Экономических примечаний к Генеральному межеванию земель Оренбургской губернии», где даны сведения по V ревизии 1795 года, в 12 уездах Оренбургской губернии насчитывалось 1347 башкирских деревень, состоящих из 26 187 дворов. Эти данные позволяют вычислить среднюю дворность башкирских деревень Оренбургской губернии: 26 187 : 1347 = 19,4. Таким образом, в конце XVIII века в Оренбургской губернии башкирские деревни, которые составляли 87% от общего количества башкирских населенных пунктов 3-х губерний (1548), в среднем состояли из 19,4 двора.

В первой четверти XIX века средний показатель дворности башкирских аулов заметно возрос. Так, в 1826 г. в 12 башкирских кантонах насчитывалось 1804 деревни, а в них имелось 47 480 дворов. Значит, на одну башкирскую деревню в среднем приходилось 26,3 двора. Дальнейший рост дворности башкирских деревень наблюдался

ется к середине XIX века. Об этом свидетельствует «Отчет о состоянии Башкиро-мещерякского войска по гражданскому управлению за 1853 год». В 1859 г. наблюдается самая высокая средняя дворность башкирских деревень губернии — 52,6 двора, что, видимо, объясняется последствиями политики принуждения башкир к оседлости, наиболее сильно проявившейся в данном полукочевом регионе. К середине XIX века, таким образом, произошли заметные изменения в хозяйственной жизни башкир, связанные прежде всего с переводом полукочевых башкир к оседлости. Они стягивались в крупные населенные пункты, эта тенденция особенно была заметна в северо-западных районах. Заметно увеличились размеры аулов и на юго-востоке, которые стали принимать вид прочных оседлых поселений.

Современная Оренбургская область является частью огромной территории исторической Башкирии, и поэтому башкиры, проживающие здесь, являются неотъемлемой составной частью единого башкирского этноса. Неоспоримым является тот факт, что оренбургские башкиры являются коренными жителями своего края. У нас представлены все родоплеменные объединения башкир, существующие издревле: юрматы, кипчак, бурзян, табын, катай, мин, усерган, тамьян. Традиционная культура башкир Оренбуржья в своей основе абсолютно идентична традиционной культуре народа в целом. В языковом отношении оренбургские башкиры не отличаются от башкир, проживающих в центральных, южных и юго-восточных районах Башкортостана. По данным Всероссийской переписи населения в 2010 году общая численность башкир составила 1 584 554 человека, из которых 46 696 проживало на территории Оренбургской области. Это означает, что в нашей области проживает 3,148% от общего числа башкир. По этому показателю мы уступаем лишь Челябинской области. В Оренбуржье насчитываются более сотни поселений с башкирским населением. Значительная часть башкир проживает в городах области и в поселениях со смешанным составом населения.

Как было сказано выше, основание большинства башкирских деревень связа-

но с переходом полукочевого населения к оседлости. В полной мере это утверждение относится и к башкирским деревням современного Оренбуржья. Некоторая их часть в ряде случаев является выселками из более крупных деревень. В процессе становления башкирских поселений можно отметить несколько этапов. Еще при сезонном кочевании у башкир наряду с весенними, летними и осенними стоянками существовали зимовки, которые становились ядрами будущих поселений. Традиционное хозяйственное занятие в виде кочевого и полукочевого скотоводства обусловило то, что основным типом жилища башкир в течение многих веков служила юрта, покрытая несколькими слоями войлока, которая в зимнее время дополнительно обкладывалась снегом. Величина юрты определялась числом складных решеток, составляющих стены. Наиболее распространенными были юрты на 6—8 решеток. Богатые башкиры обзаводились юртами для приема гостей, крытыми белым войлоком.

В Оренбуржье решетчатые юрты встречались вплоть до начала XX века. В то же время в жилищах башкир наблюдалось значительное разнообразие. Исследователи подразделяли их на две обширные категории: временные и постоянные. В период выездов на летние пастбища и выполнения сезонных сельскохозяйственных работ башкиры строили временные жилища в виде различных шалашей из подручных материалов. Из-за дефицита строевого леса срубные постройки в степной зоне Оренбуржья встречались довольно редко. Обитатели южных и восточных степей чаще всего строили плетневые мазанки, полуземлянки или жилища из камня-плитняка и сырцового кирпича — самана, в состав которого входят глина и солома. Саманный кирпич был оптимальным строительным материалом из-за своей доступности и хороших теплоизоляционных свойств. Эти жилища сооружались с покатой земляной (глинобитной) или двускатной соломенной крышей. Саманные и дерновые мазанки были особенно характерны для деревень в долинах Тока, Большого и Малого Урана, а также по Большому Иргизу и Камелику. В XIX веке

из самана строили здесь не только большую часть домов, но и мечети [7, с. 120].

За редким исключением жилища башкир имели довольно убогий вид. До середины XIX века башкирские деревни на взгляд европейца представляли хаотичное, стихийно сформировавшееся скопище лачуг. Подобная «кучевая» планировка селений была неудобной для учета хозяйств. В связи с этим в 40—50-е годы XIX века по предписаниям оренбургского губернатора были проведены мероприятия по упорядочению застройки башкирских аулов. Типовой план предусматривал уличную планировку и определял не только ширину улиц, расстояние между домами, но и размеры, общий вид домов, место для некоторых хозяйственных построек. Реформирование башкирских деревень было проведено в сжатые сроки. Уже к началу 1850-х гг. появились десятки новых поселений, жилой фонд обновился на треть, застройка деревень приобрела систему [8, с. 47—48]. Архитектурным и организационным центром аула было здание мечети. На некотором расстоянии от деревни на сухом приподнятом месте обустраивалось кладбище.

Тем не менее башкирские деревни отличались своей открытостью, широкими улицами, большими расстояниями между домами, отсутствием зеленых насаждений. Выдающийся русский ученый-этнолог С. И. Руденко отмечал, что «в башкирских деревнях вообще ни во дворе, ни около дома не встречалось ни деревца, ни кустарника, ни тем более сада» [5, с. 248]. Следствием господствовавших в прошлом патриархально-общинных отношений являлось отсутствие каких-либо оград вокруг усадеб. Переход населения от полукочевого образа жизни к оседлости отразился на их застройке. Приусадебный хозяйственный комплекс наряду с огорожениями полузакрытого типа, летними очагами пополнился такими постройками, как бани и амбары. Размеры усадеб, расположение жилых и надворных построек сильно варьировались в зависимости от уровня обеспеченности семей. Зажиточные семьи имели несколько амбаров: отдельно для зерна, для муки, для мяса. А у многих бедняков их не было вообще —

имевшийся небольшой запас продовольствия они держали в домах или кладовке в сенях. Следует отметить, что хозяйственные постройки никогда не имели входа непосредственно из избы.

Нарушение кровнородственных связей, резкое сокращение вотчинных территорий, оседание на башкирских землях большого количества переселенцев, развитие земледелия и торговли вызвали во второй половине XIX века бурный рост населенных пунктов. Наряду с укрупнением имевшихся башкирских сел появлялись и поселения со смешанным этническим составом. Эти процессы не могли не отразиться на материальной культуре башкир Оренбуржья. Постепенно традиционный сельский дом был значительно модифицирован: увеличилась жилая площадь и высота потолков, появилось деление помещений на функциональные части (гостиную, детскую, кухню, спальню и т.д.). Почти в каждой усадьбе появились летние кухни, бани, погреба. На приусадебных участках выращиваются овощи и картофель, большинство домов окружают фруктовые деревья и кустарники. В настоящее время внешний облик сельских домов и усадеб башкир практически не отличается от аналогичных объектов материальной культуры других народов, населяющих Оренбуржье.

Необходимой принадлежностью во внутреннем устройстве башкирского жилища были деревянные нары, представлявшие собой деревянный помост во всю стену. Ширина нар была не менее 1,5 метров, а высота от пола составляла около 50 сантиметров. Нары застилались кошмами, поверх которых расстилались шерстяные половики или ковры. Как правило, в башкирских избах отсутствовала мебель, и поэтому нары использовались как для сна и отдыха, так и для приема пищи. У боковых стен на нарах обычно ставился сундук со всевозможной рухлядью и складывалась горка из войлока, ковров, перин и подушек. Над нарами, на некотором расстоянии от потолка укреплялась жердь, на которой развешивали шубы и другие одежды. С появлением в доме мебели нары сохранились в основном на кухне. Особый колорит кухонной части помещения

придавала разнообразная деревянная и берестяная утварь, широко применявшаяся в быту. Стены дома не оклеивались обоями и не белились. Нередко на них помещались литографии с изображениями мусульманских святынь или сурь из Корана, выполненные арабской вязью.

Для обогрева жилища и приготовления пищи длительное время служили примитивные печи каминного типа. Постепенно они были заменены на более совершенные, слегка видоизмененные русские печи. Для отопления использовались различные виды топлива. Так как лишь незначительная часть территории современной Оренбургской области была богата лесом, наиболее распространеными видами топлива являлись кизяк и хворост. В настоящее время интерьер жилища оренбургских башкир практически унифицировался. Элементы традиционного внутреннего убранства жилищ в основном сохраняются только на селе.

В заключение уместно кратко охарактеризовать такие важные элементы материальной культуры башкирского населения, как национальный костюм и особенности пищевых традиций. При этом следует сказать, что материалы последних всероссийских переписей показывают, что у башкир сохраняется относительно высокий удельный вес сельского населения. Сложившийся на протяжении многих столетий национальный костюм башкир привлекает внимание своей практичностью и простотой. При изготовлении традиционной одежды башкиры широко использовали материалы животного происхождения: овчину, кожи, войлок. Зажиточная часть населения могла позволить себе верхнюю одежду из шелка, бархата, парчи и других восточных тканей. Повседневный костюм представлял собой длинную рубаху, надеваемую навыпуск поверх холщовых или хлопчатобумажных штанов. Знатные башкиры нередко носили камзолы с рукавом до локтя или безрукавные. В южных районах Башкирии и примыкающей к ним территории Оренбуржья более распространенной была одежда казачьего покроя — сшитые из темной ткани приталенные кафтаны-казакины с рукавом, стоячим воротником и глухой застежкой.

В торжественные дни на камзолы и казакины надевали приталенные бешметы, просторные плотные халаты-еляны или чапаны. Издавна сезонной и праздничной теплой одеждой у башкир являлись шерстяные чекмени. Для зимы чекмени и бешметы шили на меху. Во многих семьях имелись овчинные шубы и тулуны. Праздничными считались шубы из лисьего или волчьего меха. Рабочая и зимняя одежда, как правило, подпоясывалась ремнем или кушаком. Распространенной верхней одеждой женщин были тканевые еляны, чекмени и кафтаны.

Праздничные и свадебные верхние костюмы отделялись вышивкой, сукном, позументом, на грудь и полы нашивались кораллы, бисер, перламутр, монеты и серебряные подвески. Башкирский национальный костюмный комплекс имел свои локальные варианты. Исследователи отмечают, что особенности самаро-иргизского комплекса (по рекам Большой и Малый Уран, Иргиз, Камелик, Самара, Ток) объясняются историей формирования этой группы башкир. Переселенцы с юга Башкирии соединили элементы культуры юго-восточного и юго-западного этнографических районов.

К началу XX века башкирский костюм претерпел значительные изменения по сравнению с одеждой XVIII—XIX веков. Он все более и более унифицировался и при его изготовлении стали широко применяться фабричные материалы. Обнищание и нужда нередко заставляли башкир продавать или закладывать одежду и головные уборы из ценных видов меха, украшения из серебра и кораллов. В 1920-е годы вернувшиеся домой участники Первой мировой и Гражданской войн продолжали носить одежду и обувь военного образца, так как одежды в деревнях не хватало. В 1930-е годы мужская одежда уже в основном была фабричного изготовления. Урбанизация и насаждение в сельских условиях городского образа жизни повсеместно привели к нивелированию самобытных форм культуры. В современных условиях лишь в отдельных семьях образцы традиционной одежды сохраняются как культурная реликвия. Проводимые ежегодно в Оренбуржье областные

праздники башкирской культуры с участием художественных коллективов из Башкортостана и местных самодеятельных коллективов демонстрируют живой интерес народа к своей истории и культуре.

Для пищевых традиций башкир характерным является сочетание мясных и молочных продуктов с зерновыми и мучными. Удельный вес тех или иных видов продуктов у башкир, проживавших в различных территориях, существенно различался и зависел от преобладающих традиционных хозяйственных занятий. У южных башкир, в том числе и у оренбургских башкир, длительное время сохранявших полукочевой уклад жизни, ассортимент мясных и молочных блюд был более разнообразен. Питание каждой семьи, естественно, зависело от материальных возможностей. Потребление мяса зависело не только от достатка в доме, но и от состояния скотоводства в том или ином уезде. Важным продуктом питания являлось коровье молоко. Оно употреблялось в свежем виде, на нем готовили мучные и крупяные каши и жидкие блюда. Важное место в повседневном питании занимали масло, сливки, творог и кисломолочные продукты. Во многих семьях впрок заготавливалось значительное количество особого вида сухого сыра — корота, обладающего питательными и целебными свойствами. Сырьем для него служило длительно киснувшее в кадках молоко. Освежающим, хорошо утоляющим жажду напитком являлся айран, получаемый путем разведения ключевой водой кислого молока. Большой популярностью пользовался издревле известный в скотоводческом мире напиток — кумыс, приготовляемый из кобыльего молока.

Башкиры предпочитали вареное, приготовленное в котлах мясо. Особенно вкусными и полезными считались конина и баранина. Как правило, мясо употребляли с отваренной лапшой или картофелем (с XIX века). Свинина по законам шариата не употреблялась вовсе. За исключением крови и желез внутренней секреции в пищу употреблялись все части туш животных. Распространенными способами хранения мясных продуктов были соление, вяление и копчение.

Значительное место в рационе башкир занимали различные блюда, приготовленные из злаков. В повседневном питании были популярны различные супы, похлебки, изделия из теста. Цельное, прокаленное в котлах зерно было излюбленным лакомством взрослых и детей. Повсюду был популярен талкан — истолченное на зернотерке или в ступе проваренное и высушенное или прожаренное зерно. Перед употреблением его разваривали кипятком, заправляли маслом или размешивали в горячем молоке. В результате быстро получалось вкусное и питательное блюдо. Башкиры также охотно использовали в пищу рыбу, мед и различные дикорастущие растения и ягоды.

На протяжении веков у башкир выработался неукоснительно соблюдаемый этикет гостеприимства. Любые общественные события и праздники всегда сопровождались коллективными трапезами. Несмотря на то, что культура питания оказалась более инертной, чем другие стороны народного быта, новые веяния проникли и сюда.

Во второй половине XX века кухня оренбургских башкир заметно видоизменилась — в ней появились блюда, не характерные для этого народа: салаты, соления, варения и т.д. Питание стало более разнообразным, в рационе башкир увеличилась доля овощей и фруктов. На столах стали появляться даже грибы, которых башкиры никогда не ели. Несмотря на то что в городах и поселках традиции заметно ослаблены, в семьях башкир наблюдается пристрастие к определенной пище, соблюдается установленный порядок приема гостей. Более прочными являются традиции питания в сельской местности, где нередко традиционная мясо-молочная кухня сохраняется практически в полном объеме. В семьях с возросшими материальными возможностями наблюдается стремление к возрождению национальных традиций питания.

Культура каждого народа является продуктом длительного исторического развития. Ее деление на две большие области — материальную и духовную весьма условно, так как в реальной действительности эти элементы находятся

в неразрывной и тесной взаимосвязи. На протяжении столетий она подвергается воздействию различных внешних факторов и нивелировке. Усиливающиеся в мире глобализационные процессы носят объективный характер и угрожают самому существованию небольших наций. Чтобы успешно противостоять этим негативным тенденциям, каждый народ должен беречь основы своей материальной и духовной культуры и в то же время обладать восприимчивостью к новым веяниям. Без широкого использования культуры прошлого ни один народ не может успешно продвигаться вперед, нарушение преемственности культуры может привести к утрате национальной самобытности и иным тяжелым последствиям.

Список использованных источников

1. Булатов А. Б. Восточные средневековые авторы о башкирах // Археология и этнография Башкирии. Уфа, 1971. Т. 4.
2. Кузеев Р. Г. Очерки исторической этнографии башкир. Ч. 1. Уфа, 1957.
3. Кузеев Р. Г. Развитие хозяйства башкир в X—XIX вв. (К истории перехода башкир от кочевого скотоводства к земледелию) // Археология и этнография Башкирии. Уфа, 1968. Т. 3.
4. Мажитов Н. А., Султанова А. Н. История Башкортостана с древнейших времен до XVI в. Уфа, 1994.
5. Руденко С. И. Башкиры: историко-этнографические очерки. М. ; Л., 1955.
6. Севорян Э. В. Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на гласные. М., 1974.
7. Шитова С. Н. Материальная культура // Башкиры: этническая история, традиционная культура. Уфа, 2002.
8. Шитова С. Н. Традиционное поселение и жилище башкир. М., 1984.

УДК 338.43.02(09)

B. B. Наукацкий

Государственная аграрная политика и сельское население России в 1960—2012 гг.

174

В статье анализируется влияние аграрной политики государства на динамику и тенденции демографических процессов в сельской местности России и отдельных регионов Юга в 1960-е годы — начале XXI века.

Ключевые слова: аграрная политика, сельское хозяйство, сельское население, Россия.

В 1960-е годы — начале XXI века российское сельское хозяйство и село пережили противоречивые, неоднозначные процессы развития в экономической и социально-демографической сферах. При всей их специфике в различные периоды истории неизменным оставалось сокращение численности сельского населения и нарастание проблем в сфере трудовых отношений, демографии села. Целью данной статьи является анализ влияния аграрной политики государства на динамику и тенденции демографических процессов в

сельской местности России и отдельных регионов Юга в 1960-е годы — начале XXI века. Проведенный анализ опирается главным образом на материалы переписей населения 1959—2010 гг.

Приведем итоговые статистические сведения об изменении численности городского и сельского населения за 1959—2010 гг. по России в целом и по некоторым регионам Юга России (табл. 1 и 2) [4, с. 29].

Как видно из приведенных данных, на протяжении всего исследуемого периода наблюдалось сокращение численности

Таблица 1

Численность сельского населения по итогам всеобщих переписей

Регион	Год					
	1959	1970	1979	1989	2002	2010
Российская Федерация, млн. человек	55,9	49,1	42,2	39,0	38,7	37,6
Краснодарский край, тыс. человек	2075,0	2154,0	2115,0	2121,0	2346,0	2461,2
Ставропольский край, тыс. человек	1083,0	1098,0	1073,0	1111,0	1186,0	1193,5
Ростовская область, тыс. человек	1412,9	1410,9	1275,2	1237,4	1427,6	1403,0

Таблица 2

Удельный вес сельского населения, % к общей численности

Регион	Год					
	1959	1970	1979	1989	2002	2010
Российская Федерация	47,6	37,7	30,7	26,5	26,7	26,3
Краснодарский край	61,0	53,0	48,1	45,7	46,5	47,1
Ставропольский край	69,0	57,5	50,2	46,4	44,0	42,8
Ростовская область	42,7	36,8	31,3	29,0	32,4	32,8

и удельного веса сельского населения по России в целом; по регионам Юга эта тенденция проявлялась до 2002 г., а в 2010 г. в Краснодарском крае и Ростовской области удельный вес сельского населения стал увеличиваться, причем в первом случае растет и численность сельского населения.

Очевидно, что на изменение численности сельского населения России оказывали влияние разнообразные факторы (миграция, естественный прирост населения и др.), но каждый из этих факторов определялся характером и особенностями социально-экономической и аграрной политики государства и отличался определенной региональной спецификой. Следует также подчеркнуть, что в 1990-е годы рост численности сельского населения на Юге России происходил главным образом за счет роста числа мигрантов. В последующие годы сокращение численности сельского населения происходило в основном за счет естественной убыли населения. Иными словами, в XXI веке наблюдается неуклонное снижение численности сельского населения и по России в целом, и по большинству ее регионов. По сравнению с переписью населения 2002 г. численность населения России уменьшилась на 2,3 млн. человек, в том числе в городских населенных пунктах — на 1,1 млн. человек, в сельской местности — на 1,2 млн. человек.

Как справедливо отмечается в литературе, «современная аграрная политика формируется под воздействием сложного

комплекса факторов, связанных с кардинальной трансформацией экономической и социальной структуры общества, возрастанием роли инновационной и экологической составляющих, ростом требований к качеству продуктов питания и охране окружающей среды, динамичным изменением агропродовольственных рынков и усилением их глобализации» [1, с. 21].

С другой стороны, необходимо подчеркнуть, что именно ослабление роли государства в регулировании аграрной экономики с начала 1990-х годов привело к возникновению острых социальных проблем, которые приобрели хронический характер. Во многом именно из-за обострения социально-демографических проблем потенциал российского АПК используется недостаточно. В самом деле, имея 2% мирового населения, 8,9% мировых пахотных земель, 2,6% пастбищ, 20% мировых запасов пресной воды, 8,2% мирового производства минеральных удобрений, аграрная экономика России длительное время находится в кризисном состоянии.

Как свидетельствует анализ, проведенный российскими экономистами, доля населения, занятого в сельском хозяйстве, по отношению ко всей экономике снизилась в 1990—2012 гг. в меньшей степени, чем доля других макроэкономических показателей развития аграрной сферы (табл. 3) [1, с. 24].

Можно сделать вывод, что российское аграрное производство стало более

175

Российская деревня в XVIII—XXI веках: социокультурное измерение

Доля сельского хозяйства в макроэкономических показателях России, %

Год	1990	1995	2000	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012
Валовая добавленная стоимость	16,4	7,0	6,6	5,1	4,6	4,6	4,2	4,4	3,6	4,2	3,7
Численность занятого населения	12,9	14,7	13,9	10,1	9,9	8,9	8,5	8,3	7,7	7,7	7,3
Основные фонды	11,4	11,6	7,1	3,6	3,4	3,2	3,1	3,0	3,1	2,9	2,5
Инвестиции в основной капитал	15,9	3,5	2,7	4,0	4,9	5,5	4,4	4,1	3,3	3,5	3,8

Таблица 3

трудоемким, менее производительным и технически оснащенным, утратило производственно-технический потенциал. Это выражается в значительном износе основных фондов, применении архаичных и ресурсоемких технологий производства продукции, понижении квалификации работающих и конкурентоспособности агропродовольственной продукции [1, с. 24].

С одной стороны, очевидно, что модернизация отраслей АПК должна быть нацелена не только на оснащение производства современными технологиями (что так или иначе происходит), но и на подготовку кадров, способных к освоению и использованию этой техники и технологий. Между тем продолжается убыль сельского населения, старение работников, сокращение численности молодежи. Без решения социальных проблем в этом вопросе не обойтись.

«Средняя заработная плата в аграрной сфере — одна из самых низких в экономике: 51% средней зарплаты по России. И рождаемость на селе — пока самая низкая, а смертность, наоборот, высокая. Продолжается отток трудоспособного населения из села, обостряющий кадровый дефицит. С таким качеством жизни никакой экономический прорыв невозможен» [7, с. 11—12]. Остро нуждается село в газификации, строительстве жилья, дорог, объектов соцкультбыта. Социально-психологический климат в сельском социуме ухудшается, высоки миграционные настроения. По данным социологических обследований Центра социальной политики и мониторинга сельского развития ВНИИЭСХ, миграционные настроения имеются у 25,2% сельчан, а среди молодежи 16—30 лет — у 41,3%. В этих условиях нельзя недооценивать необходимость создания цивилизованных условий жизни на селе.

Правда, не следует забывать и о том, что в сельском хозяйстве России, с одной стороны, наблюдается тренд роста объемов производства сельскохозяйственной продукции, а с другой — фундаментальные причины не позволяют говорить об устойчивом и стабильном развитии аграрной сферы. С процессами динамичного развития и стагнации в экономике связан рост социального расслоения на селе.

В настоящее время в сельской глубинке можно наблюдать всю палитру человеческого жизнеустройства — от деградации целых поселений до идиллических картин деревенской жизни, когда предоставляют социальные льготы и люди живут в достатке. Подобная социальная пестрота отражает экономическое состояние российского села [3, с. 120].

С другой стороны, одна из острых проблем современного села — занятость сельского населения. Механизация, автоматизация объективно снижают потребность в рабочей силе в отраслях сельхозпроизводства. Чтобы занять сельское население, необходимо организовать семейные фермы, помогать в развитии традиционных промыслов, направлять развитие малых сельских территорий, стимулировать развитие различных форм кооперативов [7, с. 6].

Несомненно, что ни одну из названных проблем нельзя решить без увеличения уровня протекционизма в аграрной политике современной России. Сошлемся в этой связи на аргументы одного из ведущих экономистов-аграрников современной России И. Буздалова. По его мнению, «наиболее слабое звено в политике — ущемление ее протекционистской составляющей, обусловленной особыми условиями ведения сельского хозяйства, его зависимостью от природных факторов, низкой привлекательностью для частных инвесторов и т.д. Вследствие замены после нэпа протекционистской политики пресловутой политикой «перекачки» сельское хозяйство России оказалось в состоянии глубокого аграрного кризиса. ... И сколько бы сейчас ни говорили об успехах в сельском хозяйстве, ссылаясь на экспорт зерна, отрасль не преодолела возникшего в начале нынешних реформ сопоставимого с последствиями коллективизации провала» [2, с. 10].

Бюджетная политика по отношению к сельскому хозяйству, даже после принятия приоритетного национального проекта «Развитие АПК» на 2006—2007 гг., мало изменилась. Ресурсная база сельского хозяйства, особенно социальной сферы, сельская демография (за исключением небольшого числа современных маяков)

крайне деградированы. «При оплате сельскохозяйственного труда, почти вдвое заниженной по сравнению со средним по экономике уровнем, подрываются стимулы к высокопроизводительному труду, что в условиях сохраняющегося ценового диспаритета привело к фактической убыточности отрасли. Это, как и кредиторская задолженность сельхозорганизаций, перешедшая все мыслимые границы и достигшая беспрецедентного уровня (в 2012 г. свыше 1,7 трлн. руб., что почти на 40% превышает всю их выручку от реализации продукции, товаров и услуг), — наглядные признаки финансового банкротства российского сельского хозяйства и общего его системного кризиса» [2, с. 11].

«Власти ссылаются на ограниченность ресурсов, “утверженные” параметры государственного бюджета страны, в том числе его аграрного сегмента. Но ограниченные финансовые возможности государства характерны для любой страны, и те из них, которые достигли огромного прогресса в сельском развитии и на этой основе общих успехов в экономике, формируют структуру бюджета в соответствии с задачами пропорционального, сбалансированного социально-экономического развития, на деле создающего возможность всесторонней модернизации сельского хозяйства. Даже в вошедшей в Таможенный союз с Россией Республике Беларусь доля аграрного бюджета составляет 12%, а в бюджете ЕС превышает 40% против 1,4% в России (в дореформенный период в СССР эта доля составляла свыше 15%, в годы нэпа — 7,5%). Нынешняя

бюджетная политика с ее спортивными, военными, космическими щедростями в корне противоречит последовательной интенсификации, следовательно, системной модернизации и инновационному преобразованию всего процесса сельского развития» [2, с. 12].

В связи со сказанным остановимся подробнее на характеристике демографического потенциала сельских территорий. Значительный урон демографическому и трудовому потенциалу сельских территорий наносит миграция сельского населения в города. В 2009 г. из сельских поселений выбыло 635,2 тыс. человек, в том числе 304,3 тыс. в возрасте 14—29 лет.

В Ростовской области, как и в России в целом, идет процесс постепенного старения, он сопровождается ростом среднего возраста населения и изменениями возрастной структуры населения — снижением доли детей и ростом доли лиц старших возрастов, что ярче всего проявляется в динамике коэффициентов демографической нагрузки (табл. 4) [6, с. 61].

Данные таблицы 4 показывают, что демографическая нагрузка пожилыми постоянно растет как по России в целом, так и по отдельным регионам, демографическая нагрузка детьми интенсивно снижается до 2010 г., вызывая снижение и общей демографической нагрузки. В 2012 г. впервые с 1990 г. наблюдается рост коэффициента замещения и соответственно рост общей нагрузки.

Видим, что в Ростовской области ситуация наиболее сложная. Здесь самый низкий коэффициент замещения, его рост в

177

Российская деревня в XVIII—XXI веках: социокультурное измерение

Таблица 4

Коэффициенты демографической нагрузки на трудоспособный возраст

Регион	На 1000 человек трудоспособного возраста приходится лиц нетрудоспособных возрастов											
	всего (коэффициент общей демографической нагрузки)				молодое трудоспособного возраста (коэффициент замещения)				старше трудоспособного возраста (коэффициент нагрузки пожилыми)			
	1990	2000	2010	2012	1990	2000	2010	2012	1990	2000	2010	2012
Российская Федерация	764	662	626	664	429	323	264	280	335	339	362	384
Южный федеральный округ	799	706	658	691	426	329	267	279	373	377	391	412
Краснодарский край	832	726	675	703	431	335	275	287	401	391	400	416
Ростовская область	774	699	646	678	406	314	249	260	368	385	397	418
Ставропольский край	818	715	635	662	462	355	283	292	356	360	352	370

2012 г. также невелик по сравнению с РФ, ЮФО и другими регионами, а нагрузка пожилыми увеличивается наиболее активно, достигая в 2012 г. наибольшего значения среди объектов сравнения. При этом возрастная структура Ростовской области более регрессивна, чем в целом по России: доля детей и лиц трудоспособного возраста меньше (15,1% против 16,2% и 60,8% против 61,6%), лиц пенсионного возраста — больше (24,1% против 22,2%) [5, с. 206].

Таким образом, в 60—80-е годы сокращение численности населения происходило в условиях плановой системы при существенном наращивании социального потенциала села. Решить проблему кадров на селе государство не смогло, тем самым доказав недостаточную эффективность административных регуляторов данного процесса. Следует, разумеется, при этом иметь в виду, что сокращение численности сельского населения во многом объяснялось недоурбанизированностью сельских территорий страны, тем фактом, что в стране объективно должно было происходить сокращение сельского населения.

В последние 20 лет проблема приобрела несколько иную окраску. Сокращение численности сельского населения происходило в принципиально иной социально-экономической среде. Обратим внимание только на одно обстоятельство. Несомненно, что при изучении проблемы плодотворным может быть многофакторный подход, учет всего комплекса причин и предпосылок. Тем не менее полагаем возможным утверждать, что поскольку общественное бытие определяет общественное сознание, определяющим, приоритетным фактором в нарастании проблем в социально-демографической сфере на селе стал фактор экономический — обрушение производства и деградация сельской экономики, падение уровня жизни.

Во-первых, принципиально изменилась социальная политика на селе. Государство во многом отказалось от продолжения прежней патерналистской линии в отношении села и сельского населения. Конечно, и прежде патернализм был не всегда эффективен. Тем не менее государство считало своей обязанностью развитие социальной сферы села.

Современная социальная политика на селе приобрела принципиально иной вид. От решения ряда социальных проблем государство отказалось, возложив эти функции на местную власть и самих граждан. Правда, в последние годы принят ряд масштабных программ, концепций в области сельского хозяйства и социальной сферы села, но в принципиальном плане эти решения не выходят за рамки принятой стратегии.

Во-вторых, утверждение рыночных механизмов в АПК принципиально изменило кадровую ситуацию на селе. Происходит не только снижение численности сельского населения, но и деградация социальной сферы, ухудшается демографическая ситуация, что неизбежно отражается на кадровой проблеме.

В настоящее время в связи с утверждением рыночных механизмов в экономике России картина изменилась. Анализ статистических данных свидетельствует, что рост производства сельскохозяйственной продукции происходит в условиях углубляющейся деградации социальной сферы села и усиления негативных тенденций в развитии трудового потенциала на селе. Если в прежней системе считалось аксиомой, что для стабильного роста производства в колхозах и совхозах необходимо решение социальных проблем села, то в настоящее время рост производства имеет место в условиях стагнации социальной сферы. Иначе говоря, социальное развитие села не рассматривается как условие роста производства. Социальная сфера не имеет прямого и непосредственного отношения к производству. Во всяком случае, бизнес не считает нужным инвестировать средства в социальную сферу села. К сожалению, в официальной статистической отчетности не предусмотрены сведения о том, каково участие различных хозяйствующих субъектов в социальном строительстве на селе.

Правда, такое стало возможным только в условиях, когда задача всестороннего развития аграрной сферы и не ставится. Обеспечить рост производства зерна и еще некоторых видов продукции оказалось возможным в ситуации социальной деградации села. Рост производства зерна в приоритетном порядке можно обеспе-

чить на базе современной высокопроизводительной техники при использовании ограниченного числа работников. Рынок не нуждается в сохранении численности сельского населения, в контроле над пространством. В результате на селе растет безработица, усиливается миграция молодежи, село стареет и вымирает.

Разумеется, прежняя советская колхозно-совхозная социально-экономическая система была далеко не оптимальной и нуждалась в глубоком реформировании. Однако реформаторы не учли, что в этой системе имелось немало в основном адекватных достигнутому уровню производительных сил элементов и механизмов (техника и технологии, концентрация производства, элементы социальной и иной инфраструктуры, система подготовки кадров и проч.), которые не следовало разрушать, обваливая тем самым весь АПК в глубокий кризис, до сих пор не преодоленный.

Несомненно, решающее влияние на социальное и демографическое развитие села оказало изменение характера государственной социально-экономической и аграрной политики. Произошла смена парадигмы социально-экономического развития села. В результате официально провозглашенный приоритет развития АПК не обеспечивается достаточной господдержкой.

Для выхода из сложившейся ситуации необходима смена парадигмы социально-

экономического развития села. Разумеется, многолетний опыт функционирования советской модели показал невозможность оптимального решения проблем села и сельского хозяйства в ее рамках. Вместе с тем более двадцати лет формирования либерально-рыночной модели развития села продемонстрировали неэффективность и этой модели, нуждающейся в глубоком реформировании.

Список использованной литературы

1. Боговиз А. Особенности формирования и направления аграрной политики России // АПК: экономика, управление. 2014. № 5.
2. Буздалов И. Теоретические основы формирования эффективной системы аграрных отношений // АПК: экономика, управление. 2014. № 2.
3. Голубев А. Парадоксы развития аграрной экономики России // Вопросы экономики. 2012. № 1.
4. Демографический ежегодник России. 2002 : стат. сб. / Госкомстат России. М., 2002. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/peregis2010/croc/peregis_itogi1612.htm
5. Особенности развития экономики и социальной сферы Ростовской области в 2009—2011 годах: анализ, тенденции, перспективы / коллектив авт.; науч. рук. Н. Г. Кузнецов, В. В. Емельянов. Ростов-на-Дону, 2012. 268 с.
6. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2013 : стат. сб. / Росстат. М., 2013. 990 с.
7. Хицков И., Чогут Г., Петропавловский В. Без системной экономики агросектор не обновить // АПК: экономика, управление. 2014. № 6.

179

Российская деревня в XVIII—XXI веках: социокультурное измерение

УДК 94(477).316.334“1954/1965”

А. Ф. Никилев

Жилищно-коммунальная сфера села середины 1950-х — середины 1960-х годов (на примере Украинской ССР)

Проанализировано состояние жилищно-коммунальной сферы села. Показано, что низкое качество жилых помещений, неудовлетворительный уровень обеспеченности их элементарными удобствами были реалиями повседневной жизни села середины 1950-х — середины 1960-х годов.

Ключевые слова: украинское село, жилищно-коммунальная сфера села, электрификация, телефонизация, радиофикация.

Проблема жилищно-коммунального развития села не является приоритетной в исследованиях историков. Поэтому данный аспект аграрной истории не нашел должного освещения и до сих пор во многом остается на уровне упрощенного

понимания. И хотя по данной проблематике имеются публикации И. В. Рыбака, который сделал попытку рассмотрения социальной инфраструктуры села за период советской власти [5; 6], а также появились исследования на уровне статей ряда исто-

риков [1; 15], историография ее остается достаточно ограниченной. Именно состояние изучения данной проблемы и определило выбор ее в качестве предмета данного сообщения.

Новое руководство СССР, которое стало во главе страны после смерти И. Сталина, провозгласило политику кругого подъема сельского хозяйства. Однако финансовые средства, выделяемые для ее проведения с 1954 по 1965 г., направлялись не на комплексное развитие села как целостной социально-экономической системы, важной составляющей общества, а лишь на развитие материально-технической базы сельскохозяйственного производства. Решение социальных, бытовых, жилищно-коммунальных, культурных проблем, по традиции предыдущего периода, не считалось важным. В этом же русле действовали и сами хозяйства, от которых требовалось в первую очередь повышение экономических показателей, которые по этой же причине данные вопросы не ставили в разряд приоритетных. К тому же в силу недостаточности своих бюджетов они были не в состоянии без поддержки государства решить многие социальные, в том числе и жилищно-коммунальные проблемы своих колхозников и самих населенных пунктов.

Как результат, данной сферой села пренебрегали. Поэтому в сельской местности, как и в городе, на тот период проблема жилья стояла очень остро. Строительство, восстановление и ремонт помещений, в отличие от города, где это делалось государством, крестьяне осуществляли собственными руками и за личные средства. Причем ни первых, ни вторых хронически не хватало. Поэтому жилищно-коммунальные условия в колхозах и совхозах были чрезвычайно сложными. Даже в середине 1950-х гг. часть сельских работников продолжала жить в непригодных для этого помещениях: в землянках и полуzemлянках [5, с. 129; 8, с. 25, 26].

Село же на тот момент являло собой сосредоточение сооружений, возведенных преимущественно во второй половине XIX — начале XX века или, в лучшем случае, в 1920-х гг., когда имел место эконо-

мический подъем. Это были глинобитные, из самана (в степной местности), деревянные (в лесной зоне), преимущественно однокомнатные домики с однорамными окнами и глиняной доливкой (специальным глиняно-соломенным покрытием, которое после просушки обмазывалось жидкой глиной и затем обновлялось по мере необходимости). Покрыты дома были в основном соломой и камышом. При этом в большинстве из них такая кровля требовала замены, ибо была трухлявой, поточенной воробьями, которые в ней делали свои гнезда, в связи с чем она теряла свою водостойкость, протекала и имела неприглядный вид. Только к концу 1950-х годов количество таких построек в общем составе жилого фонда села хоть и медленно, но несколько уменьшается. Так, если в начале 1950-х годов 86% сельских семей проживали в глинобитных, деревянных и саманных домах, 94% — в помещениях под соломой и камышом, при этом лишь 4% жилищ имели деревянный пол (хотя бы частично) [6, с. 95], то в 1959 г. глинобитные, саманные и деревянные хаты, по официальным данным, составляли 77%, жилье с соломенными и камышовыми крышами — 71% [6, с. 124].

Удобства для проживания в таких жилищах были крайне ограниченными. Они служили крестьянам одновременно и кухней, и столовой, и спальней, и местом для проведения торжественных и печальных событий, когда собирались достаточно много народа. В то же время в определенное время года они превращались в убежище для новорожденного молодняка крупного рогатого скота, овец, коз. В одном из закутков их содержали до тех пор, пока они не подрастали и пока погодные условия не позволяли переместить их в надлежащее для них место. Это, безусловно, порождало антисанитарию. Ведь в помещениях при этом был неприятный запах от пребывания животных и их испражнений.

Для обогрева помещения служила печь, которая располагалась посреди комнаты для наиболее оптимального использования ее тепла. Топливом служил никак не уголь. Для села это было недоступной мечтой и большой роскошью исходя из его стоимости, а также сложности его достав-

ки. Ведь он находился на межрайонных базах, т.е. местах, где имелись железнодорожные пути и куда можно было доставлять вагоны с углем. Оттуда, за десятки километров, он развозился по селам, но не централизованно, а самовывозом, т.е. транспортом тех, кто за ним приезжал. Сама процедура от получения транспорта и до привоза угля ко двору длилась от двух суток и больше, в зависимости от экономического состояния хозяйства, от погоды, состояния дорог. О газовом отоплении никто и мыслить не мог. Начало газификации села Украины было положено лишь в 1961 г., и на 1965 г., по официальным данным, газ был подведен лишь к 160 тыс. домов [3, с. 500].

Поэтому село использовало традиционные виды топлива — солому, стебли кукурузы и подсолнечника, очищенные от зерна початки кукурузы, сухой коровяк в натуральном виде или, для получения большего жара, смешанный с мокрой глиной, сформованный и высушенный в виде брикетов (в степной местности), дерево и ветви (в лесной зоне).

При этом следует отметить и такую важную особенность сельского быта, как отсутствие в крестьянских жилищах холодного и горячего водоснабжения, а также нахождение мест санитарно-гигиенического назначения вне жилых помещений. К тому же последние часто были не оборудованы или примитивно оборудованы, что особенно усложняло пользование ими в дождливую, холодную пору года, особенно зимой, в ночное время. В сельской местности возможности для пользования водой, даже холодной, были достаточно ограниченными. Ввиду отсутствия водопроводов крестьяне вынуждены были носить воду из колодцев или из речки, собирать дождевую воду.

Вообще, государство проблемой водопроводного обеспечения села не занималось. По этой причине даже в 1965 г., по официальным данным, лишь 3% сельского населения имели возможность пользоваться водопроводной водой [9, с. 22]. Однако это преимущественно касалось жителей поселков городского типа и районных центров, а не колхозов. К тому же понятие «пользование водопроводом» означа-

ло лишь проведение его по улице и установку вдоль нее, в зависимости от длины, одной или нескольких колонок, а не подведение труб хотя бы во двор, не говоря уже о монтаже водопровода в самом жилом помещении.

В сельской местности республики было немало населенных пунктов, где по различным природно-геологическим причинам возможности для рытья колодцев были ограничены. Поэтому там часто копался один колодец на несколько десятков дворов. Люди вынуждены были ходить за водой за много сотен метров, что затрудняло пользование ею. Были территории (скажем, Николаевская, Херсонская, Одесская, Запорожская, Днепропетровская области), где крестьяне вследствие дефицита воды вынуждены были ее завозить и за каждую цистерну платить. Хранилась такая вода в специальных емкостях, от чего она частично теряла свои качества. Пользование такой водой нередко приводило к нарушению санитарной гигиены и серьезным инфекционным заболеваниям. Состояние обеспечения водой определяло и соответствующий уровень пользования ею, вносило в эту составляющую быта сельских жителей определенные ограничения.

В этом же ряду стояла и проблема освещения крестьянских жилищ и населенных пунктов. Село республики, в своем большинстве, до середины 1960-х гг. пользовалось керосиновыми лампами. На середину 1950-х гг. было электрифицировано лишь 3712 колхозов [6, с. 139], или приблизительно 11,3% их общего количества. Однако даже в этой категории хозяйств ситуация была далекой от идеальной. Суть в том, что статистическая документация фиксировала не уровень электрификации, а лишь сам ее факт. Поэтому, если в колхозе работал хотя бы один электродвигатель или светила одна электролампочка, такое хозяйство уже считалось электрифицированным. По официальным данным, в этот период лишь в 11,8% хозяйств частично освещались жилые помещения [13, л. 3]. Это означало, что лишь некоторые дома пользовались электричеством, да и то по нескольку часов в сутки с утра и вечером. Типовой была ситуация, когда даже в пре-

делах одного хозяйства не все населенные пункты были подключены к электросети. Например, на начало 1965 г. 27,4% населенных пунктов, на территории которых находились колхозы, совсем не пользовались электричеством и лишь в 62,1% сельских жилых помещений пользовались им [9, л. 21—22].

Таким образом, большинство жилищ на селе не было обеспечено электропитанием вообще, а в тех, где оно имелось, существовали значительные временные ограничения в пользовании им. Поэтому приходилось отказываться от многих вещей: чтения книг в вечернюю пору, пользования электрорадиоприемниками, приборами для укладки волос.

Большинство крестьянских хозяйств не были и радиофицированы. Через политику государства относительно села этот вопрос, как и множество других, решался крайне медленно. В 1954 г. 7200 сел республики вообще не были подключены к радиотрансляционной сети [6, с. 100]. Однако и в селах «радиофицированных» далеко не в каждом доме был установлен репродуктор. Лишь 18,7% жилых помещений имели радиоточки [6, с. 100]. Немало было регионов, где уровень обеспеченности таким достижением цивилизации был значительно ниже, чем среднереспубликанский показатель. Например, в Сталинском районе на Днепропетровщине уровень радиофикации составлял 5,5% [2, с. 8].

Вследствие недостаточного внимания государства к этим проблемам и перекладывания организационных, хозяйственных, финансовых проблем его радиофикации на бюджеты колхозов, село и в последующие годы не смогло удовлетворить потребности своих жителей в радиофикации жилья. Даже в середине 1960-х гг. лишь 70% сельских жилых помещений имели репродукторы [10, с. 24], значительную часть которых составляли однопрограммные, устаревшей конструкции, так называемые «тарелки», выпускаемые отечественной промышленностью еще с 1930-х гг.

Качество получаемых селом радиоуслуг оставалось низким: имели место нарушения расписания работы радиовещания, передачи часто проводились в со-

ответствии с желаниями колхозных радиоставов, в ходе трансляции происходило переключение на совсем другие программы. В самих хозяйствах не хватало репродукторов большой мощности для вещания в каждом населенном пункте. В лучшем случае имелся один такой на центральной усадьбе колхоза и вещание происходило на какую-то одну часть села. Вследствие частого выхода из строя принимающей аппаратуры даже имевшиеся репродукторы не работали. Каждая такая пауза продолжалась по несколько дней, а то и недель.

В ряду дефицитных для села достижений цивилизации важное место занимала телефонная связь. Даже в 1965 г. 14 040 сел, или более 40% их числа, 34% больниц, 51,5% аптек, 77,3% школ не имели телефонной связи [12, с. 152]. В ряде областей этот показатель был еще ниже. Во многих из них имелись административные единицы, где ситуация была крайне сложной. Там почти каждое второе село не имело телефонной связи. Например, в Петровском районе Кировоградской области 45% сел не имели телефона и при этом находились от ближайшего населенного пункта, где он имелся, за 5—7 км [12, с. 167]. Это значило, что в случае потребности срочной медицинской или иной помощи сложно было рассчитывать на ее своевременное оказание. Поэтому нередко из-за потери времени для прибытия к телефонному аппарату больного просто не успевали довезти до больницы, а в случае родов их принимали посреди степи или в лесу.

Были районы, где практически все медицинские учреждения и учебные заведения не имели телефонной связи. Например, в Черниговской области в Бахмутском районе в 1965 г. лишь две из восьми больниц имели телефонную связь, из всей сети школ — тоже только две, в Борзнянском районе — только три школы, расположенные в районном центре, в Коропском — две больницы и лишь одна школа [11, с. 123].

В комплексе проблем жилищно-коммунального характера важное место занимала и проблема обустройства территорий населенных пунктов. Села не имели четкого плана застройки. Этот процесс со временем их основания происходил сти-

хийно. Усадьбы часто располагались одна от другой на значительных расстояниях. Нормального сообщения между ними не было. Улицы застраивались хаотично, поэтому часто таковыми их можно было назвать достаточно условно. Они не были надлежащим образом обустроены, не имели пешеходных дорожек. Проезжие части их были грунтовые, и в сухую погоду при проезде машины или прохождении стада крупного рогатого скота поднималась густая пыль, которая долго не оседала, а во время непогоды создавались большие и глубокие лужи, которые долго не высыхали, усложняя движение и людей, и транспорта, который еще больше разрушал дорогу. О том, что такая картина была типичной для многих украинских сел, свидетельствуют материалы сессии Катеринопольского сельского совета Кривичанского района Днепропетровской области, обычной по своему территориальному расположению единицы республики, состоявшейся в апреле 1965 г. Как и большинство сел Украины, административный центр сельсовета село Катеринополь являлось «глубинкой». Оно располагалось за девять километров от железнодорожной станции и конечной остановки автобусного маршрута, который соединял областной центр с населенным пунктом при станции, и за 30 — от районного центра. Вот каким был уровень благоустройства в нем и ближайших к нему сел, зафиксированный в протоколе заседания сессии (сохранены язык и стиль оригинала. — A. H.): «Узяти село Катеринопіль. Як увійдеш у село, то можна утопитись у грязі. А взяти двори, що робиться у дворах: брудно, багато мусора по дворах. Крім того, навоз виносять на шлях. У муляці він гніє і воняє, не можна пройти. Таке саме в селах Водяне, Биково (населенные пункты, что входили в состав данного сельсовета. — O. H.). Там хати обідрані, а серед села стоять хати — одні димарі стримлять» [2, с. 19].

Таким образом, жилищные и коммунальные проблемы села, сложность их решения как для хозяйств, так и для самих

сельских жителей, неспособность колхозов и совхозов обеспечить надлежащим образом жилищные, бытовые потребности своих тружеников, необустроенность населенных пунктов, низкий уровень обеспеченности их элементарными удобствами и необходимыми видами коммуникации — все это было реалиями жизни села Украинской ССР 1950-х — середины 1960-х гг.

Список использованной литературы

1. Ісайкіна О. Побут міського населення України в повоєнний період (1945—1955 рр.) // Історія повсякденності: теорія та практика : матеріали Всеукр. наук. конф., Переяслав-Хмельницький, 14—15 трав. 2010 р. / [Упоряд.: О. М. Лукашевич, Т. Ю. Нагайко]. Переяслав-Хмельницький, 2010. С. 181—184.
2. Государственный архив Днепропетровской области (ГАДО). Ф. 19. Оп. 29. Д. 18.
3. Історія селянства Української РСР : у 2 т. К. : Наук. думка, 1967. Т. 11.
4. Личный архив автора. — Воспоминания о реалиях повседневного бытия на селе во второй половине 1940-х — первой половине 1950-х гг.: Берестень Г. П., Горбачовой Т. М., Костогрыз К. С., Кукоба В. П., Крекотень В. И., Махлай Т. Г., Махлай О. К., Никилевой Л. А., Одуд К. Д., Шило М. С.
5. Рибак І. В. Соціальна інфраструктура українського села: зміни, труднощі, проблеми (20 — поч. 90-х рр.). К. : Рідний край, 1997.
6. Рибак І. В. Соціально-побутова інфраструктура українського села. 1921—1991 рр. К.-П. : Абетка, 2000.
7. Світленко С. І., Білокінь А. Н. Приорілля: Історико-краєзнавчі нариси. Д. : Вид-во ДНУ, 2004. Фотоілюстрації.
8. Центральный государственный архив высших органов власти и управления Украины (ЦГАВОВУ). Ф. 27. Оп. 19. Д. 4643.
9. ЦГАВОВУ. Ф. 582. Оп. 24. Д. 1206.
10. ЦГАВОВУ. Ф. 582. Оп. 24. Д. 1247.
11. ЦГАВОВУ. Ф. 1. Оп. 22. Д. 135.
12. ЦГАВОВУ. Ф. 1. Оп. 22. Д. 136.
13. Центральный государственный архив общественных объединений Украины (ЦГАОУ). Ф. 1. Оп. 30. Д. 2172.
14. ЦГАОУ. Ф. 1. Оп. 80. Д. 1193.
15. Янковська О. Повсякденне життя громадян УРСР як втілення політики держави (1945—1953 рр.) // Історія повсякденності: теорія та практика : матеріали Всеукр. наук. конф., Переяслав-Хмельницький, 14—15 трав. 2010 р. / [Упоряд.: О. М. Лукашевич, Т. Ю. Нагайко]. Переяслав-Хмельницький, 2010. С. 176—178.

Участие Крестьянского поземельного банка в землеустройстве переселенцев Уфимской губернии в 1883 — 1890-е гг.

Статья посвящена исследованию основных направлений и результатов кредитной деятельности Уфимского отделения Крестьянского поземельного банка в деле землеустройства крестьян-переселенцев в Уфимской губернии в 1883 — 1890-е годы.

Ключевые слова: переселенцы, Крестьянский поземельный банк, Уфимская губерния, землеустройство.

В условиях пореформенной России вовлечение аграрного сектора в процесс капиталистической модернизации происходил крайне медленно и противоречиво. Важным направлением аграрной политики государства в решении проблемы малоземелья и социального расслоения российской деревни стала организация переселенческого движения в многоземельные районы, в числе которых была и Уфимская губерния. Одним из ключевых мероприятий по организации землеустройства крестьян-переселенцев в крае стала кредитная деятельность Уфимского отделения Крестьянского поземельного банка, который открыл свои действия в 1883 году.

Крестьянская колонизация Уфимской губернии началась после реформы 1861 года и достигла широкого размаха в 1880-е и 1890-е годы, что объясняется усилившейся в эти годы перепродажей башкирских земель на основании законов 1869 и 1871 годов, а также проведением Самаро-Оренбургской (1877 г.) и Самаро-Златоустовской (1888—1890 гг.) железных дорог [6, л. 206—207; 12, с. 173—174; 16, с. 80—108]. Значительный подъем переселенческого движения отмечен в 1891—1895 гг., основным импульсом чему послужил неурожай во внутренних губерниях России, совпавший по времени с учреждением Сибирского переселенческого комитета [7, с. 82].

В связи с этим кредитная деятельность Крестьянского поземельного банка приобрела особую роль, поскольку в первый период своего функционирования (1883—1895 годы) он создал наиболее благоприятные условия кредитования для

товарищеских и общественных покупок. В 1883—1889 гг. Банк выдавал единоличным покупателям ссуду в размере $\frac{1}{2}$ покупной стоимости, тогда как обществам и товариществам — от $\frac{3}{4}$ до $\frac{4}{5}$ [2, л. 1—46; 3, л. 1—3; 13, с. 68; 19, л. 370—410]. Согласно данным «Обзора...», до 1 января 1894 г. крестьянами было заключено свыше 11 000 сделок и приобретено до 2 000 000 десятин земли, причем ссуд было выдано на 70 000 000 рублей, а к услугам Банка прибегали чаще всего лица, владеющие небольшими участками [8, с. 47]. По подсчетам исследователя А. Зака, за 13-летний период деятельности Банка товарищеские покупки составили 58% всех сделок [4, с. 104—105]. Аналогичные подсчеты подтвердили указанную тенденцию и на региональном уровне: за период 1883—1895 гг. в Уфимской губернии товарищеские покупки составили 64% всех сделок.

17 мая 1884 г. особое совещание министров под председательством Александра III, изучив доклад министра внутренних дел по переселенческому вопросу, высказалось за то, чтобы деятельность Банка по переселениям крестьян в малонаселенные губернии приняла самые широкие размеры [1, с. 52]. Уже с первых дней своей деятельности Крестьянский поземельный банк стал оказывать активное содействие крестьянским переселенцам на частновладельческие земли «многоземельных» губерний. Так, за 1884—1888 гг. переселенцами было куплено при содействии Крестьянского банка 241 395 десятин, что составляло 19,6% всей купленной земли [5, с. 103; 11, с. 46—48]. В 1890-е годы фактически большинство покупателей-

переселенцев обращалось за содействием к Банку. Например, в Уфимском уезде в 122 поселках землю купили при помощи Банка, в 51 поселке — на собственные средства [16, с. 229—230]. Для сравнения в Оренбургской губернии к 1894 году переселенцы приобрели в собственность 49 613 десятин земли, в том числе 30 496 десятин — при содействии Крестьянского банка. Незначительность покупок земли в Оренбургской губернии объяснялась медленностью размежевания вотчинных дач, а также тем, что здесь башкирские земли были расхищены в меньших размерах, чем в Уфимской губернии [17]. По обследованиям 1897 г. из 116 535 переселенцев, проживавших в 733 поселках Уфимской губернии (без Мензелинского и Златоустовского уездов), 35 705 душ (39,3%) обосновались на арендованных землях, 80 830 (60,7%) — на купленных (в том числе 42 092 души (31,6%) — на землях, приобретенных при содействии Крестьянского поземельного банка).

В Уфимской губернии преобладающая часть переселенцев осела в Стерлитамакском уезде (63 736 душ, или 33,4% от общего количества), Уфимском (49 321 душа, или 25,8%) и Белебеевском (41 993, или 22%) уездах, которые располагали удобными для хлебопашества землями и имели сравнительно редкое население. Около трех четвертых помещичьих земель губернии находилось в пределах этих уездов. Наплыв переселенцев в Бирский уезд был несколько меньше (26 729 душ, или 14%), чем в первые три уезда. Западная половина его рано подверглась колонизации, а северо-восточная часть изобиловала неудобными для земледелия горно-лесными местностями.

В густонаселенном Мензелинском уезде обосновалось лишь 2000 переселенцев (1% общего числа). Мало привлекал переселенцев Златоустовский уезд (7165 душ, или 3,8%), хотя он был заселен слабо. Гористая местность, суровые климатические условия, незначительность помещичьих земель и незавершенность размежевания башкирских дач сдерживали крестьян от поселения в этом уезде. Об этом факте также свидетельствуют обзоры Уфимской губернии и отчеты

Крестьянского банка [9]. Так, по данным 1893 г., количество приобретенной через Банк земли в Уфимской губернии составило 15 410 десятин, из них 12 127 десятин, или 78,7%, пришлось на Стерлитамакский, Уфимский и Белебеевский уезды [10, с. 70—71].

Как было отмечено, земли переселенцами приобретались в составе сельских обществ и товариществ. Особенно широко была распространена сделка в составе товарищества, что было удобно для совместной аренды и покупки земли. В отличие от других районов России, здесь широко практиковалась покупка земли крупными товариществами, которые больше подходили к понятию сельского общества. Вероятно, из-за этого происходила путаница понятий в действиях самих крестьян, когда члены одного сельского общества составляли товарищество для закупки земли, причем пользовались печатью и знаками старост своего общества. Иногда крестьяне намеренно шли на создание фиктивных обществ, чтобы избежать юридических препон в приобретении земли через Банк [16, с. 231—232].

Важным этапом стало принятие нового устава Крестьянского банка в 1895 г. Банк получил возможность самостоятельной инициативы в приобретении земли и заключении сделок, это позволило ему расширить масштабы операций, целенаправленность которых вновь определялась преимущественным кредитованием товарищеских сделок и поддержкой переселенцев. Крестьяне же понимали сущность реформы 1895 г. не только в количественном росте функций и операций Банка, но придавали не меньшее значение статье 52 устава, согласно которой размер ссуды увеличивался до 90% специальной оценки [18]. Несмотря на сельскохозяйственный кризис, который разразился в первые годы действия устава и проявился в общем падении хлебных цен, крестьяне торопились при содействии Банка расширить свое землевладение. По мнению А. В. Красика, благодаря этому кризису на рынке возросло предложение частновладельческих земель [5, с. 46—48].

Так, в 1896—1903 гг. площадь купленной земли при участии Банка по Рос-

ции составила 400 900 299 десятин, а в Уфимской губернии — 348 442 десятины. По сравнению с предшествующим этапом увеличение площади приобретенной земли составило в общероссийском масштабе в 2 раза, в Уфимской губернии — в 1,7 раза. Росту числа сделок способствовал и тот факт, что во второй период особое развитие получают переселенческие покупки. В 1898—1905 гг. переселенцами было куплено при содействии Банка 1 831 145 десятин, или 34,6% всей купленной за это время земли [5, с. 142].

Как правило, переселенческие покупки осуществлялись более выгодно в тех районах, которые были менее заселены и имели широкое предложение земли. В частности, согласно результатам отчета за 1896 г., усиление спроса на ссуды в Уфимской губернии было обусловлено не только сельскохозяйственным кризисом, но прежде всего переселенческим движением. После 1891 г. переселенческое движение заметно возросло, также в это время было закончено размежевание обширной башкирской дачи, в которой было много крестьянских поселков, арендованных на башкирских землях. Эти поселки немедленно воспользовались возможностью купить землю, в том числе и при содействии Банка.

В 1894 и 1895 гг. переселенческое движение направлялось мимо Уфимской губернии — в Сибирь, и даже среди уфимских крестьян было сильное движение в пользу переселения туда же. С 1896 г. переселение в Уфимскую губернию вновь усилилось, и в ней стали приискивать земли многие группы переселенцев, оставшиеся недовольными Сибирью [11, с. 49].

При этом, заключая сделки с крестьянами-переселенцами, выступая посредником, Банк большое внимание уделял платежеспособности покупщиков Банка. Так, Банком была разрешена ссуда Тамбовскому товариществу для покупки земли у башкир-вотчинников деревни Чукараклы в Белебеевском уезде. При этом Банк указывал на обстоятельство, что участок находится вблизи железной дороги, следовательно, крестьяне имели полную возможность платить по ссуде [15]. На-

пример, Ключевскому товариществу переселенцев Павловской волости в Оренбургском уезде банком было отказано в ссуде, так как оно имело много недоимок и, следовательно, не могло внести даже первоначальный аванс [14].

Согласно исследованиям Х. Ф. Усманова, в период 1860—1890-х гг. наблюдался поступательный рост посевных площадей в крае, причем резкий скачок в их росте пришелся на 1890-е гг. В значительной степени этому способствовал приток переселенцев, а в 1890-е гг. большую роль в этом сыграли открытие Самаро-Златоустовской железной дороги, улучшение сельскохозяйственной техники и рост предпринимательского земледелия. Так, в Уфимской губернии посевы заметно выросли в Белебеевском и Стерлитамакском уездах, где количество приобретаемой крестьянами банковской земли было наиболее значительным. Если в 1881—1885 гг. на их долю приходилось 26% посевной площади губернии, то в 1886—1900 гг. — 36% [17, с. 327—328].

Х. Ф. Усманов отмечал, что, несмотря на сравнительно высокую урожайность, помещичьи хозяйства играли незначительную роль в производстве хлеба в крае. Например, в 1903 г. в Уфимской губернии из 65 млн. пудов собранного хлеба лишь 4,9 млн. пудов (7,6%) принадлежало частновладельцам, а 60 млн. пудов (92,4%) дали крестьянские хозяйства [17, с. 333]. В том же году в Уфимской губернии из 1 807 390 десятин посевов 1 703 611 десятин (94,2%) принадлежало крестьянам, 103 779 десятин (5,8%) — частновладельцам, главным образом купцам и помещикам [17, с. 328]. Поэтому рост крестьянского землевладения, в том числе и при участии Крестьянского банка, стал одним из факторов развития торгового земледелия в крае и в целом капитализации сельского хозяйства.

Новый этап в деятельности Крестьянского поземельного банка был связан с осуществлением столыпинской аграрной реформы, которая, как известно, имела целью создание хуторских и отрубных хозяйств. И в этот период Банк продолжал быть главным механизмом в деле землеустройства переселенцев в крае.

Список использованных источников и литературы

1. Вдовин В. Крестьянский поземельный банк (1883—1895 гг.). М., 1959.
2. Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Ф. 13. Оп. 1. Д. 344.
3. ГАОО. Ф. 164. Оп. 1. Д. 160.
4. Зак А. Крестьянский поземельный банк. 1883—1910 годы. М., 1911. С. 104—105.
5. Красик А. В. Крестьянский поземельный банк. Его деятельность с 1883 по 1905 г. Юрьев, 1910.
6. Научный архив Уфимского научного центра Российской академии наук (НА УНЦ РАН). Ф. 51. Оп. 1. Д. 87.
7. Никитин М. Основные моменты колонизации Башкирии // Хозяйство Башкирии. 1928. № 6—7.
8. Обзор деятельности Крестьянского поземельного банка за 1883—1904 гг. СПб., 1906.
9. Обзоры Уфимской губернии за 1883—1895 гг.
10. Отчет Крестьянского поземельного банка за 1893 г. СПб., 1894.
11. Отчет Крестьянского поземельного банка за 1896 г. СПб., 1897.
12. Очерки по истории Башкирской АССР. Т. 1, ч. 2. Уфа, 1959.
13. Проскурякова Н. А. Крестьянский поземельный банк // Отечественная история. 1998. № 3.
14. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 592. Оп. 22. Д. 40. Л. 3—16.
15. РГИА. Ф. 592. Оп. 35. Д. 55. Л. 23—38.
16. Самородов Д. П. Русское крестьянское переселение в Башкирию в преформенный период. 60—90-е гг. XIX века. Стерлитамак, 1996.
17. Усманов Х. Ф. Развитие капитализма в сельском хозяйстве Башкирии в преформенный период. М., 1981.
18. Устав Крестьянского поземельного банка. С. 24, ст. 52.
19. Центральный исторический архив Республики Башкортостан (ЦИАРБ). Ф. И-336. Оп. 1. Д. 3281.

УДК 94(47)

E. B. Пахомова

Освоение целины на страницах мемуаров Н. С. Хрущева

В статье ставится задача охарактеризовать воспоминания Н. С. Хрущева как уникальный источник по истории массового освоения целины. Основное внимание сосредоточено на изучении позиции Н. С. Хрущева относительно подготовки, реализации и итогов данной кампании.

Ключевые слова: аграрное развитие, освоение целины, мемуары, Н. С. Хрущев, исторический источник.

Несмотря на то что история освоения целины являлась объектом пристального внимания со стороны не одного поколения историков, удивляет тот факт, что вплоть до настоящего времени в процессе научных исследований практически не был задействован такой уникальный исторический источник, как воспоминания Н. С. Хрущева. На страницах мемуаров бывшего первого секретаря ЦК КПСС целинная кампания занимает довольно скромное место, тем не менее рассказ самого инициатора такого крупномасштабного мероприятия представляет несомненный интерес.

Есть основания полагать, что в самых общих чертах идея освоения целины и залежей на повестке дня появилась накануне сентябрьского (1953 г.) пленума ЦК партии. Н. С. Хрущев пишет о том, что на первом же после смерти И. В. Сталина

пленуме ЦК КПСС ему предложили сделать доклад о производстве сельскохозяйственных продуктов, однако он отказался, поскольку, по его собственным словам, не был подготовлен по данному вопросу и не мог внести конкретных предложений, подкрепленных убедительными доводами. Поэтому доклад перенесли на сентябрь 1953 г., когда был запланирован специальный пленум, посвященный сельскохозяйственным проблемам. Изучив положение дел в аграрном секторе, Н. С. Хрущев занялся поиском потенциальных возможностей увеличения производства сельскохозяйственной продукции, и прежде всего зерна. По его мнению, единственно возможным выходом из сложившейся ситуации могло стать только расширение посевных площадей посредством освоения целинных и залежных земель. Именно тогда внимание Н. С. Хрущева привлек-

187

ли «необъятные просторы Казахстана», где, как он был наслышан, в сельскохозяйственной обработке находились очень небольшие площади [2, с. 410].

Примечательно, и на это указывает сам Н. С. Хрущев, что знакомиться с интересующим его вопросом он начал с распросов секретаря Компартии Казахской ССР Ж. Ш. Шаяхметова, пришедшего в ЦК из органов внутренних дел. В мемуарах данное обстоятельство он объяснил тем, что, являясь казахом, руководитель республики, безусловно, хорошо знал свой край. Н. С. Хрущев следующим образом передает содержание их разговора: «Я допытывался: какое количество земель находится в распашке? Какие площади пригодны под распашку, но не распахиваются? Какие там снимают урожай? Каковы перспективные возможности земель, которые могут быть распаханы?» [2, с. 410]. Неудивительно, что, не будучи специалистом в области сельского хозяйства и не располагая специально подготовленными сведениями, Ж. Ш. Шаяхметов не мог дать исчерпывающих ответов на поставленные вопросы. Однако у его собеседника было другое мнение. Н. С. Хрущев был убежден, что секретарь Компартии Казахстана говорил «неискренне, занижал возможности» республики. В частности, он уверял, что земли, пригодные к освоению, уже распаханы, поэтому перспективы дальнейшего расширения посевных площадей в регионе отсутствуют: какие-то земли распахать можно, но не более 3 млн. га. Такое развитие ситуации Н. С. Хрущева не устраивало. По приблизительным подсчетам, освоенные и засеянные пшеницей 3 млн. га в среднем должны были дать 1—1,5 млн. ц товарного зерна (при урожайности 5 ц/га), что само по себе было весьма ощутимой прибавкой к зерновому балансу страны, однако если учитывать затраты на содержание людей, занятых освоением новых земель, то выгода становилась незначительной [2, с. 410].

Не добившись желаемого результата от секретаря Компартии Казахской ССР, Н. С. Хрущев обратился за поддержкой к секретарям обкомов партии республики. В мемуарах он отметил, что они были казахами, «но глубже знали местные воз-

можности». Получив заверения в том, что вполне реально получить заметную прибавку в производстве зерна за счет введения в оборот новых посевных площадей, Н. С. Хрущев отметил, что говорили они «более искренне и со знанием дела». При этом особо подчеркивалось, что только после этого работниками Министерства сельского хозяйства СССР и Госплана СССР были предоставлены сведения о возможностях освоения целинных земель в других регионах страны [2, с. 411].

В числе прочих вопрос об освоении целины прозвучал на сентябрьском (1953 г.) пленуме ЦК КПСС, хотя решение о первом этапе распашки новых земель (8 млн. га) было принято уже после его окончания. Вероятнее всего, запланированные изначально показатели были определены произвольно, так как в воспоминаниях записано: «Эту цифру мы изыскали с помощью секретарей обкомов партии, хотя вышеназванный секретарь ЦК продолжал отстаивать меньшую цифру» [2, с. 411—412].

В своих мемуарах Н. С. Хрущев демонстрировал крайне негативное отношение к руководителю компартии Казахстана, о чем, в частности, свидетельствует, тот факт, что его имя ни разу не было упомянуто в тексте. Чаще всего употреблялась формулировка «тот секретарь». Фактически Н. С. Хрущев обвинил Ж. Ш. Шаяхметова в том, что он знал о потенциальных возможностях Казахстана, но по политическим мотивам противился освоению целины: «Тот секретарь понимал, что если увеличить площади под зерно, то обрабатывать их казахи сами не смогут. Зато в Казахстане жило много людей других национальностей, главным образом украинцев и русских. Он понимал, хотя никто этого и не скрывал, что придется звать на помощь добровольцев, желающих поехать на освоение целинных земель. Мы-то были уверены, что их найдется нужное количество, а он этого вовсе не хотел, ибо тогда еще сильнее снизится удельный вес коренного населения в Казахстане. Секретари же обкомов как коммунисты смотрели на этот вопрос с более правильных позиций, не отрывая интересов казахского народа от интересов всех советских людей» [2, с. 411—412].

Проявленная неуступчивость привела к тому, что Ж. Ш. Шаяхметова на посту первого секретаря ЦК Компартии Казахстана сменил П. К. Пономаренко, который, по замечанию Н. С. Хрущева, имел большой опыт партийно-государственной работы, хорошо знал сельское хозяйство и имел широкий политический кругозор [2, с. 412].

Позже споры вокруг освоения целины разгорелись в Президиуме ЦК КПСС, так как ряд партийных функционеров сомневались в целесообразности столь массовой кампании. Сkeptическое отношение к предложенной Н. С. Хрущевым идеи продемонстрировал В. М. Молотов, который, по утверждению автора, совершенно не понимал сельскохозяйственного производства, постоянно задавал вопросы, которые казались ему непонятными, и требовал разъяснений. Основная дискуссия развернулась по вопросам о масштабах предстоявшей кампании, ее целесообразности и окупаемости. Тем не менее имевшиеся разногласия удалось преодолеть, и Н. С. Хрущев с удовлетворением отметил, что на пленуме «консерваторы» проголосовали за освоение новых земель [2, с. 414].

В процессе подготовки целинной кампании одним из наиболее сложных был вопрос о том, через какой срок освоенные земли дадут желаемый результат. Иными словами, предстояло сделать выбор: организовать переселение на целину немедленно (с 1953 г.) или начинать ее освоение с создания инфраструктуры. Н. С. Хрущев признавал, что сначала следовало бы создать необходимые условия для жизни, а затем уже приступать к переселению, при этом возникал вопрос: «Кто будет строить?». Таким образом, необходимо было привлекать строительных рабочих, а зерно требовалось немедленно; получался зачарованный круг [2, с. 413].

В целом Н. С. Хрущев демонстрирует довольно упрощенное видение проблем освоения целины. В частности, он писал: «Товарищи, давайте обратимся с призывом к советской молодежи, к комсомолу... Пусть возьмутся за освоение новых земель. Попросим их сознательно отнестись к потребностям страны. Я убежден, что мы встретим горячий отклик и поднимем

сотни тысяч людей... Освоение целинных земель — это труд, который будет оплачен, получат к тому же моральное удовлетворение от того, что они, осваивая новые земли, приумножат богатство страны. Я убежден, что найдутся энтузиасты. В армии из резерва возьмем палатки. Выделим трактора и временно перестанем давать трактора другим регионам, ведь невозможно за один раз увеличить их выпуск. В обжитых местах опытные трактористы как-то сумеют на старой технике работать до трех лет. А за это время мы постараемся увеличить количество выпускаемых тракторов, чтобы удовлетворить запросы как старых колхозов и совхозов, так и новых, на целинных землях» [2, с. 413—414].

Весной 1954 г., уже после начала «великой эпопеи» освоения новых земель, Н. С. Хрущев предпринял первую для него поездку в Казахстан. По его собственному признанию, являясь инициатором массовой распашки целины, до того времени он конкретно не представлял себе степных условий в деталях. Большое впечатление на первого секретаря ЦК КПСС произвели необытные целинные просторы, о чем свидетельствует записанная в мемуарах поговорка, распространенная у переселенцев: «На одном конце поля тракторист завтракает, на другом обедает, а вернувшись, ужинает». Н. С. Хрущев подчеркивал, что новоселам было нелегко преодолевать трудности «палаточного существования» и привыкать к сравнительно изолированным условиям жизни. Затем первый секретарь ЦК КПСС побывал в Казахстане уже во время уборки, его интересовал результат организованной им кампании [2, с. 415].

Со временем такие поездки стали регулярными. Н. С. Хрущев признавался, что любил выезжать на целинные земли во время уборки урожая: «Вот едешь на автомашине и, насколько хватает глаз, видишь бесконечные поля пшеницы. Когда она выбросит колос, засеянные просторы схожи с морской водой, особенно когда гуляют ветровые волны и возникает зыбь» [2, с. 419]. Когда в 1964 г., последнем году политической карьеры, он выезжал на целину, то, по его собственному выражению,

«переживал вершину личного счастья», потому что, проехав большие расстояния, практически повсеместно видел прекрасный урожай, самый высокий за годы освоения новых земель [там же].

Такие поездки Н. С. Хрущев находил весьма полезными, так как о многих трудностях можно было узнать непосредственно от первоцелинников. Например, во время первой поездки в Казахстан в ходе общения с переселенцами он узнал, что в их составе преобладают молодые парни и не хватает девушек. Приехав обратно, Н. С. Хрущев посоветовал комсомолу направить на целину девушек, для которых «найдутся и работа, и женихи». В перспективе это должно было способствовать созданию семей, рождению детей, появлению местного населения, которые со временем превратились бы в старожилов [2, с. 415].

В процессе одной из поездок неожиданно для Н. С. Хрущева возник вопрос о том, какие хозяйства организовать на новых землях. В воспоминаниях оговаривается, что изначально на целине планировали создавать и колхозы, и совхозы, однако позже остановились на совхозах как на более прогрессивной системе, чем колхозы, поддававшейся большему влиянию со стороны государства; к тому же производство зерна в совхозах обходилось в несколько раз дешевле. Однако эти детали были додуманы позже. На первых порах основное внимание сосредоточили на колхозах, то есть стали организовывать новые и расширять существовавшие, укрепляя их за счет приезжих работников [2, с. 413].

Н. С. Хрущев пишет: «Во время очередной поездки на целину я беседовал с агрономом местной МТС... попавшим туда еще до освоения новых земель. Там чередовались и старые, и новые совхозы и колхозы, которые обслуживала МТС. «Товарищ Н. С. Хрущев, — сказал он, — наша МТС обеспечивает главным образом колхозы. Хочу спросить: «За что мы отдаем колхозникам зерно, собранное на целинных землях?» Я удивился: «Как за что? За то, что они трудятся». Он улыбнулся: «Ну, нет, колхозы на целинных землях — сплошная фикция. Государство завезло сюда тракторы и другие машины, МТС пашет, сеет, а

если надо, то дает и минеральные удобрения, хотя их тут мало. Потом посевы созревают, мы их убираем и затем ищем колхозников, чтобы развезти им по домам зерно в оплату за трудодни» [2, с. 417]. Н. С. Хрущев был вынужден признать правоту сказанного: в колхозах при возделывании полевых культур отмечался высокий уровень ручного труда, чисто зерновые хозяйства на целине были практически полностью механизированы; в колхозах на полях трудились работники МТС, а не колхозники, таким образом, вышло, что колхозники на целинных землях «почти ничего не делали». К тому же колхозы создавать было труднее, чем совхозы, а стоимость совхозной пшеницы была ниже, чем колхозной. Соглашаясь с тем, что колхозы на целине необходимо преобразовать в совхозы, Н. С. Хрущев особо подчеркнул, что перенесение в районы освоения новых земель схемы, применявшейся в средней полосе, было ошибкой [2, с. 417].

Интересна позиция Н. С. Хрущева относительно итогов широкомасштабной кампании: «В ходе освоения целины у партийных и советских руководителей... разгорелся аппетит. К 1960 году заново освоенных земель набралось свыше 60 млн. гектаров. Повысился общесоюзный сбор зерна. Это потребовало больших капиталовложений на жилищное строительство, строительство машинно-тракторных станций, создание совхозов. Деньги оккупились с лихвой даже с учетом того, что там урожайные, малоурожайные и неурожайные годы чередуются. В аналогичных условиях работают канадцы, которые свою засушливую зону называют районами рискованного земледелия. Да и у нас наличествовал риск. Однако даже в неурожайные годы целинный хлеб был не дороже того, который выращивался в обжитых районах. В целом проведенное в жизнь грандиозное мероприятие оказалось экономически выгодным» [2, с. 419]. Благодаря освоению целины Казахстан занял третье место в СССР по количеству населения (оттесив Белоруссию) и второе место в стране по производству зерна (уступая только РСФСР) [2, с. 421].

Автор не обошел вниманием и допущенные при проведении целинной кам-

пании очевидные промахи. Во-первых, не все вовлеченные в сельскохозяйственный оборот земли оказались пригодными для освоения; иногда распахивали земли с неглубоким полезным слоем, которые вообще не следовало включать в оборот. Во-вторых, распахав огромные степные просторы, целинники столкнулись с проблемой пыльных бурь и вынуждены были изыскивать новые способы обработки земель. В-третьих, колоссальные усилия прилагались для создания новых конструкций приспособленных к условиям целинных земель почвообрабатывающих орудий. В-четвертых, в районах освоения земель возникла проблема создания селекционных, приспособленных к местным условиям сортов. В-пятых, в первые годы целинной кампании отмечался дефицит материальных ресурсов и т.д. [2, с. 416—420].

Несмотря на все трудности, по утверждению Н. С. Хрущева, с освоением целинных земель в стране открылись большие возможности для производства товарного хлеба. Он писал: «Новые земли оказались для нас просто кладом» [2, с. 419]. Целинный хлеб был самым дешевым. В первые годы на новых землях, как правило, сеяли пшеницу и получали высокие урожаи. Автор отмечал, что целинные хозяйства не ограничивались производством монокультуры и постоянно повышали свою доходность, научившись со временем выращивать ячмень, просо, гречиху, сахарную свеклу, лен-кудряш, засевать сады и лесозащитные полосы, сеять кукурузу на силос, что открывало возможности для развития мясного и мо-

лочного животноводства. Несмотря на это, Н. С. Хрущев настаивал на том, что все-таки добиться желаемого изобилия не удалось. Прежде всего, он имел в виду не только удовлетворение потребностей советского государства, но и запросы других социалистических стран. Он сожалел о том, что СССР не смог выйти на международный рынок, чтобы продавать зерно на Запад. В качестве основной причины этого был назван низкий уровень ведения сельского хозяйства, обусловленный недостатком опыта, техники и минеральных удобрений [2, с. 416—421].

Таким образом, для воспоминаний Н. С. Хрущева, созданных им уже после отстранения от власти, характерны следующие особенности: во-первых, в описании событий прослеживается некоторая непоследовательность и даже избирательность; во-вторых, довольно часто отсутствует их хронологическая разбивка, в результате чего проблематично установить хотя бы приблизительную дату происходившего; в-третьих, позиция автора по ряду вопросов, как правило, носит ярко выраженный эмоциональный характер и не имеет четкой аргументации. Помимо этого, нельзя обойти стороной тот факт, что при рассмотрении событий целинной эпохи Н. С. Хрущева преимущественно интересовала территория Казахстана.

191

Список использованной литературы

1. Мемуары Н. С. Хрущева // Вопросы истории. 1994. № 12. С. 91—113.
2. Хрущев Н. С. Воспоминания: Избранные фрагменты. М. : Вагриус, 1997. 511 с.

Крестьянские и мещанские сообщества Камско-Вятского региона XIX — начала XX века: некоторые аспекты взаимоотношений

Статья рассматривает основные векторы взаимоотношений крестьянских и мещанских сообществ Камско-Вятского региона в XIX — начале XX в. Особое внимание уделено отдельным проектам местной власти, которые в перспективе могли повлиять на два основных сословия края.

Ключевые слова: Вятская губерния, крестьянство, мещане, сословие, община, писарь, влияние власти.

Одним из важнейших факторов формирования идентичности, своей принадлежности к той или группе, является противопоставление себя в ней представителям других групп. Как правило, дихотомия «Мы — они» используется в этнологических исследованиях, однако, например, для истории России имперской эпохи не менее важно обращение к идентификации/самоидентификации социальных групп населения. Крупнейшими сословиями дореволюционного периода отечественной истории были сельские жители — крестьяне и горожане-мещане. Будучи основными податными категориями населения и, казалось бы, не обладая «свободами», они, тем не менее, по своей сути являлись зависимыми автономными единицами имперского организма. В обращении к ним в сравнении видится одно из перспективных направлений исторических исследований.

По мнению современных отечественных историков, любому органу самоуправления должны быть присущи следующие признаки: он является представителем местного общества; обладает самостоятельностью и инициативой в выборе способов осуществления возложенных на него государством задач; обладает правами юридического лица; контролируется общественным мнением; самостоятельно принимает постановления, которые могут отменяться и корректироваться государственными органами¹. Все это характерно крестьянскому и мещанскому самоуправлению. Можно говорить о большей формализованности мещанских общин в сравнении с крестьянскими и, разумеется, значительном размытии их товарно-денежными отношениями. Об

этом, в частности, свидетельствует распространенность заверенных договоров между людьми с одинаковым сословным статусом об отдаче детей в заработки и обучение ремеслу, которая для провинциального города была реальностью и накануне Великих реформ, а пореформенной деревне часто приходилось обращаться для разрешения возникающих конфликтов даже выше волостного суда². Не видит государство и разницы между городскими и сельскими «обществами», когда наделяет последние правом принять или отказать в приеме людей, преступивших закон.

Крестьянин не представлял себя вне общины. Без ощущения ее поддержки он чувствовал себя изгоем, готовым пойти на многое. Характерным выглядит заявление, сделанное в марте 1835 г. жителями Дробино-Алтынской волости Сарапульского уезда Вятской губернии Павлом и Сергеем Сусловыми. Они жили «распутной жизнью», при поддержке волостного головы занимались вымогательством «в подарок» денег в своей и соседней Дебесской волостях, угрожая оговорить крестьян в совместных кражах. Чтобы убедить в серьезности своих угроз, показать, что им нечего терять, мошенники присовокупляли: «Нам, однако, идти в Сибирь, ибо и общество от нас отказалось».

Заметим, что и в конце XIX века подавляющую часть ссыльнопоселенцев составляли этапированные по приговору сельских обывателей, до реформ принадлежавших, например, к заводским категориям) за «порочное поведение». И точно так же в июне 1857 г. Вятская судебная палата приговорила сарапульского мещанина Петра Пешехонова, лишив всех «прав и преиму-

ществ», заключить в рабочий дом на 1,5 года и потом отдать под надзор полиции или общества, если последнее «пожелает принять», на 3,5 года³.

Мирские приговоры «об удалении из общества» были обязательны для обоих податных сословий⁴. Таким же образом можно скорее ожидать слова: «Служить не буду и к присяге не пойду, а насилию свести никто не имеет права», — от мещанина, чем от крестьянина. Именно так отказался занять должность комиссара, следящего за городскими имуществами, житель Сарапула Е. К. Ижболдин, несмотря на свою победу по большинству «избирательных баллов» на трехлетие 1859—1862 гг. Правда, при более подробном расследовании выяснилось, что отказник по «бедному состоянию» выступил кандидатом вместо купца А. Т. Адамова, однако потом отказался от принятых ранее денежных обязательств. Возможно, подобным образом Ижболдин до этого уже занимал общественные должности счетчика и городового старосты⁵.

Особой, признаваемой и даже навязываемой функцией крестьянской общины в большей степени и мещанского общества в меньшей было обеспечение внутреннего порядка. Несмотря на екатерининские преобразования, в частности появление уездной полиции и городовых, жители продолжали отвечать за поддержание общественного спокойствия по принципу круговой поруки. В местных архивах сохранилась масса свидетельств тому. В деревне «мирские люди» под руководством «сельского начальства» проводили предварительное расследование правонарушения, прежде чем оно оказывалось известным земскому суду. Немаловажной эта функция была и для мещан.

Фактически бок о бок жили крестьяне и мещане в «ненастоящем городе» Глазове. Соответственно, организация поиска утонувшего весной 1808 г. человека здесь была вменена старостам от обоих сословий⁶. И наоборот, в 1830 г. жители д. Кестымской и поч. Падеры Глазовского уезда Вятской губернии, в числе которых были глазовские мещане, совместно в судебных органах борются за покосы в урочище «Гординское городище»⁷. От-

носительно мало изменилась ситуация и в конце XIX в. Преимущественно крестьянско-мещанский состав населения в 1895 г. позволил Глазовскому уездному съезду земских начальников в ответ на предложение губернского присутствия о сокращении в уезде числа земских участков дать свой проект, предусматривавший упразднение должности городского судьи и присоединение г. Глазова к прилегающему земскому участку (с переводом двух более отдаленных волостей в состав соседних участков). Отмечалось, что сравнительно небольшое число дел городского судьи (около 300 в год) «не обременит» земского начальника «при двух оставляемых в участке волостях, тем более что нотариальная часть с учреждением ныне... должности нотариуса из ведения городского судьи изъята». Интересно также, что впервые такое предложение прозвучало еще в 1890 г. от лица уездного временного комитета, готовившего на месте преобразование 1891 г.⁸

Пожалуй, важнейшим отличием мещанских сообществ от крестьянских было непосредственное и тесное соседство с представителями других сословий, как правило, с более высоким социальным статусом. Одним из итогов этого соседства была большая подверженность влиянию последних. Во многих аспектах дореформенного самоуправления они официально представляли как «городское купеческое и мещанское общество». Немаловажную роль в подобных контактах играл как раз конфессиональный фактор. В силу меньшего влияния светских и особенно официальных духовных властей именно по материалам старообрядческих сообществ они предстают наиболее выпукло. Так, в марте 1837 г. протоиерей В. Блинов рапортовал «вышестоящему начальству», что сарапульский купец Г. В. Колчин «на раскольников имеет сильное влияние и усвояет себе непозволительные права», более того, «повелительно» приказывает голове изгнать из городской думы единоверцев, собирает у себя и приводит в думу толпу старообрядцев, чтобы предотвратить организацию единоверческой церкви. По мнению священника, ни городская полиция, ни даже городничий не препятство-

вали функционированию организованной купцом старообрядческой часовни, в которой мещанин Л. Курбатов выступал чтецом, мещанин Е. Зайцев исправлял требы, а сам Колчин распоряжался доходами часовни⁹.

Несомненным было также влияние городских старообрядческих общин на сельскую округу. В свою очередь, староверие могло оказывать влияние либо, как минимум, препятствовать развитию православия среди нерусских народов края. Например, в Малмыжском уезде Вятской губернии большеучинский священник С. Стефанов в 1848 г. приписывал староверам утверждение, «что необходимо должно быть множество вер на земле». По его мнению, именно они могли неблаготворно для православной веры влиять на удмуртов-язычников, внушать им, «что я нарушаю древние веры, особенно когда в церкви пред исповедию и святого причастием я надевал на вотяков кресты, не имевших оных, а также говаривал для удобства принятия святых таинств подстригать им усы, что раскольникам кажется противно и несносно»¹⁰.

Важна еще одна сторона влияния мещан на крестьянство: очень часто именно представители этого городского сословия после 1827 г. занимали должности писарей сельского и волостного уровней и неизбежно оказывали непосредственное влияние на их функционирование. Более того, справедливым можно считать замечание, что на протяжении всего XIX века писарь был «полноправным хозяином волостного правления»¹¹. Повсеместно крестьянские прошения во властные органы также написаны им, не меньшее влияние на крестьян имели мещане, очень часто торговавшие (вплоть до экзотического «камня-крововика для питья после ушибления») или служившие по питейной части, оценщиками и т.д. Они могут также заниматься сельским хозяйством и попросту «проживать» в деревне. В значительнейшей степени именно эти люди являлись проводниками городской культуры (в первую очередь, повседневной) среди крестьянства, причем и в негативном плане тоже. Например, в ноябре 1798 г. отлучившийся «без письменного позволения начальства», находящийся под судом

глазовский мещанин Василий Шутов был обнаружен «обращающимся» в д. Кестымской «с подозрительными людьми, татарами Бекзентаем Филимоновым и Тагиром Ромироновым»¹².

Тот же волостной писарь из мещан очень часто может использовать свое служебное положение в корыстных целях. Так, вятский мещанин П. С. Хохряков в 1834 г. брал деньги с удмуртских крестьян Можгинской волости Елабужского уезда за узаконивание усыновления¹³. Наконец, волостной писарь может даже поспособствовать развитию старообрядчества. По крайней мере, именно на него указали в 1815 г. жители поч. Вихарева Муки-Каксинской волости будущего (с 1816 г.) Малмыжского уезда, объясняя свой уход «в раскол» после VI ревизии (1811 г.): «...когда ж писарем Барминым объявлено было им, не пожелает ли кто из них записаться в старообрядчество, сказывая, что бы вышло о том дозволение от начальства, по поводу чего и записались они в старообрядчество в sectу, называемую поповщину». Примерно то же самое «показывали» и жители поч. Яшкина на писаря Пафнутьева. Помимо писарей обвинялись и священники Средненикольского старообрядческого монастыря Саратовской губернии И. Ларионов и И. Иванов, которые служили литургии в молельнях починков Вихарева, Кривоглазова «с прочими»¹⁴.

Помимо внутренних ресурсов, самым главным источником пополнения городских сословий в целом и мещанства в частности естественным образом выступало крестьянство. В полигэтничном Камско-Вятском крае это было и нерусское население деревни. В ряду многочисленных примеров тому были дети некоего татарина Шарыпа, после смерти отца прописавшиеся в г. Елабугу «в мещане». Через более чем 30 лет после этого, в первые пореформенные годы, в никем не занятое место по речке Чаш под «общим названием Чаш-Шарыповское» Большекибынской волости Елабужского уезда подали прошение на заселение бывшие крепостные мастеровые из пос. Пудем Глазовского уезда Порфирий Иванов «с товарищи»¹⁵.

Интересно, что отдельные представители региональной власти считали,

что подобные процессы препятствуют кардинальному улучшению состояния аграрного сектора экономики. В Вятской губернии на рубеже 1840—1850-х гг. появился проект изменения «политического состояния земледельческого класса». Он принадлежал асессору палаты государственных имуществ Микульскому и его непосредственному начальнику А. Д. Игнатьеву, которые работали с самого основания палаты и пришли к выводу о необходимости изменения правового положения государственных крестьян, а именно введения для них звания, соответствовавшего статусу почетного гражданина у городских сословий. А. Д. Игнатьев писал по этому поводу: «В осуществлении идей в изменении хозяйства тем более является необходимым действовать не словесными и письменными доводами, но примером и дарованием особенных преимуществ земледельцам, отличившимся на поприще разного рода улучшений в сельском хозяйстве».

Данное новшество, по мнению заявителей, позволило бы прекратить переход зажиточных крестьян в более привилегированные сословия, что, в свою очередь, сохранило бы их капиталы в сельском хозяйстве, а в конечном итоге позволило бы совершить «всеобщий переворот» в аграрном производстве. Проектом предполагалось введение званий личных и потомственных (в зависимости от степени вклада в усовершенствование сельского хозяйства) почетных земледельцев, свободных от подушного оклада, рекрутской повинности, телесных наказаний, имеющих преобладающий голос на общинах сходах, исключительное право занимать должности волостных голов и др. Эти предложения рассматривались ученым комитетом Министерства государственных имуществ и были отвергнуты. Окончательный вердикт по проекту предусматривал лишь принятие его «к сведению» и исследование частоты переходов государственных крестьян в купцы и мещане с включением полученных сведений в годовые отчеты¹⁶. Записаться в мещане бывший крепостной мог и попросту, не дождавшись надела в «многоземельном» с. Ермолаеве Сарапульского уезда¹⁷.

На рубеже XIX—XX вв. представители новой власти на местах — земские начальники, рассуждая о «нуждах сельскохозяйственной промышленности», также не обошли вниманием взаимоотношения основных сословий сельского и городского населения дореволюционной России. В числе предложений, исходивших от начальника 8-го участка Глазовского уезда А. П. Булгакова в 1902 г., было разрешить продажу крестьянских наделов (недоимочных или «выбылых») разночинцам и мещанам. По его мнению, таким образом крестьянская община все равно избавлялась бы от «негодной» земли, а приобретатели-городяне так или иначе стали бы ее использовать или даже завели «порядочное сельское хозяйство». Последнее послужило бы «уроком для тех же крестьян, которым, кстати, за отсутствием в Глазовском уезде частновладельческих сельских хозяйств и учиться не у кого». Более того, полагал проектант, все это якобы могло развить хуторское хозяйство и доказать крестьянам «несостоятельность их общинного и чрезполосного владения, при котором улучшения ведения хозяйства ждать нельзя». Интересно, что он допускал наиболее вероятный итог — перепродажу ранее купленной земли тем же крестьянам, но со значительной маржой, однако «мужик, купив ее на свои, как говорится, «кровные», другой раз ее не спустит»¹⁸. Собственно, для этого времени действительностью была активная предпринимательская деятельность мещанства в деревне, однако, пожалуй, наиболее очевидным объектом ее приложения стало взятие в аренду мельниц или открытие трактира¹⁹. Говорить о реальности его благотворного влияния на состояние крестьянского хозяйства даже в перспективе было бы преждевременным.

При всей, казалось бы, различности самых массовых сословий Имперской России — сельского и городского, сам факт их податного состояния в большой степени сближал их, способствовал достаточно интенсивным контактам и взаимопроникновению. Вместе с тем материалы Камско-Вятского региона свидетельствуют об относительной узости контактов крестьянства с мещанами, особенно в эко-

номической сфере. Говорить о стирании сословных границ, росте маргинализации этих сословий и размывании сословной идентичности для края, по всей видимости, преждевременно даже для начала XX века.

Работа выполнена в рамках проекта молодых ученых и аспирантов УрО РАН 2014 года, проект 14-6-НП-238 «Сообщество крестьян и мещан Камско-Вятского региона: факторы формирования идентичности. XIX — начало XX в.».

Примечания

1. Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.). СПб., 2000. Т. 1. С. 429; Писарькова Л. Ф. Развитие местного самоуправления в России до великих реформ: обычай, повинность, право // Отечественная история. 2001. № 2. С. 6.
2. См., например: ЦГАУР. Ф. 237. Оп. 1. Д. 297. Л. 5—5 об.; Ф. 96. Оп. 1. Д. 240. Л. 6—7 об.
3. См., например: Пислегин Н. В. Община в обыденной жизни крестьян Удмуртии: материалы конца XVIII — первой половины XIX века // Вестник Удмуртского университета. 2013. Сер. 5: История и филология. Вып. 1. С. 3; ЦГАУР. Ф. 237. Оп. 1. Д. 91. Л. 53.
4. См., например: ЦГАУР. Ф. 241. Оп. 1. Д. 3. Л. 222—224.

5. ЦГАУР. Ф. 237. Оп. 1. Д. 536. Л. 1—8.
6. ЦГАУР. Ф. 126. Оп. 1. Д. 53. Л. 60 об.
7. ЦГАУР. Ф. 126. Оп. 1. Д. 49. Л. 1—5, 7—9; Д. 208. Л. 281—286 об.; Д. 681. Л. 2—3, 5—6, 128, 129, 144, 174—175 об., 181 об., 212—212 об., 218—219, 222; Хрестоматия по истории Удмуртии : в 2 т. Т. 1: Документы и материалы. 1136—1917. Ижевск, 2007. С. 337—341.
8. ЦГАУР. Ф. 96. Оп. 1. Д. 498. Л. 5—6.
9. ЦГАУР. Ф. 237. Оп. 1. Д. 204. Л. 1—2 об.; Д. 536. Л. 6 об. — 7 об.
10. ГАКО. Ф. 56. Оп. 1. Д. 278. Л. 17.
11. См., например: Хайрутдинов Р. Р. Управление государственной деревней Казанской губернии (конец XVIII — первая треть XIX в.). Казань, 2002. С. 71, 132.
12. ЦГАУР. Ф. 126. Оп. 1. Д. 23. Л. 685.
13. НАРТ. Ф. 986. Оп. 1. Д. 27. Л. 1—3 об., 13, 45, 46.
14. ГАКО. Ф. 56. Оп. 1. Д. 5. Л. 17, 123—124.
15. ГАКО. Ф. 576. Оп. 1д. Д. 161. Л. 13.
16. Пислегин Н. В. Удмуртия первой половины XIX в.: региональное отражение аграрных преобразований // Аграрная экономика в контексте российских модернизаций XIX—XX веков: эволюция и кризисы : сб. статей. Оренбург, 2009. С. 267—272.
17. ГАКО. Ф. 576. Оп. 1а. Д. 10. Л. 82.
18. ЦГАУР. Ф. 113. Оп. 1. Д. 105. Л. 120—120 об.
19. См., например: ЦГАУР. Ф. 328. Оп. 1. Д. 1. Л. 18 об.; Ф. 96. Оп. 1. Д. 1001. Л. 14; Ф. 93. Оп. 1. Д. 64. Л. 1.

196

УДК 94(47)+314(091)

P. H. Рахимов

«Этнизация» сословных структур Южного Урала в эпоху «мобилизации этничности»: к этнической истории сословия тептярей

Статья посвящена интерпретации этнической истории сословия тептярей и бобылей, существовавшего в XVIII — первой половине XIX века в Башкирии, имевшего полигэтнический состав. После упразднения Башкирского войска тептяри, пополнив крестьянство Южного Урала, с конца XIX века по 1926 г. фиксировались по языковому признаку, позднее собственному этническому самосознанию, отголоскам прежнего сословного «тептярского» менталитета. Ряд современных исследователей считает их этносословной группой, часть, модернизируя историю в процессе «мобилизации этничности», относит исключительно к татарам или башкирам, некоторые утверждают о «тептярском этносе».

Ключевые слова: сословие тептярей, башкирское общество, народы Поволжья и Южного Урала, этническая история, крестьянство Башкирии.

Наследием эпохи интеграционных процессов на Южном Урале, протекавших в XVIII — первой половине XIX века, было пополнение после 1865 г. его крестьянства личным составом упраздненного Башкирского войска, включавшего башкир, мещеряков (мишарей) и с

1855 г. представителей сословия тептярей. В течение XVII—XVIII веков социальная группа, существовавшая в башкирском обществе из числа вытесненных из родовой общины башкир, получивших статус припущенников, пополнилась бежавшими из Поволжья в Башкирию мордвой, чува-

шами, марицами, татарами, удмуртами. Необходимость иметь рабочую силу для осуществления задач, стоявших перед Оренбургской экспедицией (строительство крепостей, перевозка грузов, развитие земледелия), привела к тому, что эта социальная группа, ставшая полиэтничной в 30-е годы XVIII века, была закреплена государством в качестве сословия тептярей и бобылей [17]. Оно занимало промежуточное положение между служилым населением (башкиры и мишари) и государственными крестьянами. После завершения создания Оренбургской пограничной линии и увеличения городского и сельского населения (государственные, горнозаводские, частновладельческие крестьяне, в основном русские) сословие было привлечено к военной службе, формируя тептярские полки, просуществовавшие до 1835 г.

Вопросы, связанные с этническим составом тептярского сословия, величиной представителей того или иного этноса в его составе, являются до сих пор не до конца выясненными и остаются предметом дискуссий историков и этнологов.

Большинство историков, изучавших тептярей, едины во мнении о полиэтничности сословия. В его составе называются башкиры, татары, марицы, удмурты, чуваши, мордва. В разное время в составе тептярей удельный вес представителей того или иного этноса колебался. Ученые также солидарны с утверждением о том, что в Башкирии в XVIII—XIX веках начали развиваться процессы языковой, впоследствии этнической ассимиляции.

В составе волны нерусских переселенцев, направлявшихся в Башкирию в первой трети XVIII века, преобладали марицы и татары. Об этом свидетельствуют данные переписи 1722—1723 гг., проведенной в Уфимском уезде: из 11 349 д.м.п., попавших в перепись, марицев было 4847 д.м.п. (42,7%), татар 4124 д.м.п. (36,3%) [19]. Имеющиеся данные по второй ревизии (1747 г.) по Осинской дороге также регистрируют значительное число марицев и татар [20, л. 301—783]. В целом с I по II ревизию численность населения Оренбургской губернии увеличилась с 38,7 тыс. до 82,5 тыс. д.м.п., со II по III

ревизию общий прирост в Южном Приуралье составил 20,8%, а в абсолютных цифрах размеры переселенческого движения в Южное Приуралье превосходили миграционные потоки, направлявшиеся в другие районы России [4, с. 45, 47].

Татары, у которых основная волна миграции приходилась на 40-е годы XVIII века, продолжали переселяться в Башкирию и в последующее время, до начала XIX века. Переселение марицев продолжалось до 60-х годов, затем ослабло и в 60—90-е годы XVIII века вновь оживилось [8, с. 237]. С 40-х годов усилилась доля представителей мордвы, которая до этого времени была незначительной. Небольшое число чувашей в Башкирии в 50—60-е годы XVIII века стало резко увеличиваться за счет их миграции (более 14 тыс. д.м.п.). Этнический состав переселенцев в Южное Приуралье в 1744—1762 гг. представлял следующую картину: татар 8201 (17,5%), русских 26 904 (57,3%), чувашей 7000 (14,9%), мордвы 3005 (6,4%), марицев 1224 д.м.п., удмуртов 112 д.м.п. [8, с. 129]. Как видно из этих цифр, лидировали представители татарского и чувашского этносов.

Кроме представителей татарского, марийского, чувашского, мордовского, удмуртского этносов, в число тептярей в XVIII — первой половине XIX века продолжали попадать и башкиры, которые не были ранее в их числе [22, л. 61; 21, л. 9, 53]. Известны случаи зачисления в тептяри казахов, в основном в первой половине XIX века, в 1807 г. — К. Жаикбаев, в 1826 г. — Т. Амангильдин [25, л. 1; 15, л. 79]. К концу XVIII века волна переселения постепенно стала уменьшаться и Генеральное межевание зафиксировало следующий этнический состав тептярей: более 20 тыс. д.м.п. татар (40%), более 19 тыс. д.м.п. марицев (38%), более 9 тыс. д.м.п. чувашей (18%), около 2 тыс. д.м.п. удмуртов, башкир и мордвы (около 4%) [18, с. 177].

Как видим, миграционные движения в первой половине XVIII века оказали значительное воздействие на состав населения западной и северо-западной Башкирии вообще и на становление сословия тептярей в частности. Объединение

представителей разных народов в одном сословии, т.е. общность социально-экономическая, культурная и политическая, способствовало развитию этнических процессов внутри сословия, которые со второй половины XVIII века значительно активизировались.

Этнические процессы изучались в основном этнографами, лингвистами, демографами, но не историками, причем изучение процессов основывалось на специальном инструментарии, что не всегда вело к пониманию динамики процессов в силу определенной ограниченности каждого метода. Часто более поздний материал, позволяющий составить некоторую картину этнических процессов, бездоказательно переносился на ранние периоды, причем исторический материал, письменные источники либо не использовались, либо игнорировались. Изучению подвергались в основном западные и северо-западные районы Башкирии, где этнические процессы шли активней и с более раннего периода. Тем не менее часто выводы, полученные на основании изучения материалов этого региона, проецировались на всю Башкирию. Рассматривались в основном этнические процессы внутри и между татарским и башкирским этносами, что справедливо ввиду их большой численности, однако этнические процессы, связанные с финноязычной частью населения, практически не исследовались. Проблема трактовки результатов Всероссийской переписи 1897 г. остается до сих пор слабым местом источниковедения и методологии истории Башкирии. Отсутствует критический подход к дореволюционной историографии, часто мнения неспециалистов, случайных авторов, результаты кратких исследований дореволюционных историков, некоторые из которых пересказывают более ранние работы, преподносятся как достоверные, что вносит дополнительные трудности.

Обратимся непосредственно к представлениям об этнических процессах, протекавших внутри тептярского сословия во второй половине XVIII — начале XX века. В советской этнографии первым их сформулировал Р. Г. Кузеев, представлявший их следующим образом: конгломерат групп

и народностей преимущественно тюркоязычного происхождения, на который оказывали этническое влияние башкиры, существовавший в конце XVII — начале XVIII века, к концу века в силу этнических процессов между татарами и башкирами превратился в этнографическую группу переходного типа. В начале XIX века сложилось, а к середине закрепилось различие между тептярами как местной этнографической группой и татарами. В конце этого века на группу оказала влияние новая волна переселенцев — татар. История развития тептярей как особой этнографической группы и башкир западной и северо-западной Башкирии шла параллельно. В силу смешанных браков, единства хозяйства, территориальной близости завершилась тем, что тептяри ассимилировались башкирами [9, с. 349, 357—358]. Этническое самосознание тептярей в конце XIX века отражало самосознание башкир, поскольку самыми большими компонентами, образовавшими тептярей, были татары и башкиры [10, с. 100].

В 1988 г. Р. Г. Кузеев дополнил свои рассуждения тем, что сложилась этнографическая группа тептярей со смешанными чертами культуры, особенностями в разговорной речи и «тептярским» самосознанием. По его мнению, это был редкий в истории пример перерастания в XVII—XIX веках сословности в этничность на протяжении доступного для достоверных источников времени. Сам переход из сословности в этничность объективно стимулировался в XVIII — первой половине XIX века законодательными актами царского правительства. В целом, по его мнению, в составе тептярей башкиры составляли около 25%, финно-угорские народы — 20—25%, татары — около 50%. Этот этнодемографический фактор, а также другие причины обусловили формирование тептярей как промежуточной, переходной преимущественно между башкирами и татарами этнографической группы. По X ревизии (1858 г.) численность тептярей составляла 300—350 тыс. человек. Сама конкретная культурно-языковая характеристика тептярей различалась в зависимости от района расселения и этнического окружения. Западная (или че-

нинско-мензелинская) подгруппа тептярей близка по культуре и языку к закамским татарам. Северо-западная (или приуральская) подгруппа тептярей не отличалась от проживавших здесь башкир, испытавших, однако, татарское культурно-языковое влияние. Восточная (или учалинская) подгруппа тептярей по укладу жизни и языку заметно сближалась с зауральскими башкирами [13, с. 71].

Вторую модель реконструкции тептярской истории предложил Д. М. Исхаков. По ней этнические процессы среди тептярей выглядели так: тептяри образуются во второй половине XVI века как социально-экономическая группа. В начале XVIII века она подразделялась на тептярей (туркоязычные народы: татары, чуваши, башкиры) и бобылей (финноязычные народы: марийцы, удмурты и мордва). К середине века тептярская часть в силу этнических процессов в узком смысле, т.е. связанных с «трансформационными» процессами, которые в конечном итоге ведут к перемене этнической принадлежности, т.е. этнического самосознания, обособляется в особую этническую группу [6, с. 37—42; 7, с. 29—30]. Основу группы составили татары, смешавшиеся с башкирами и ассимилировавшие чувашей, небольшое число бесермян и марийцев. Группа приобрела этноним и особое этническое самосознание, но полного отделения ее от основной массы татар не произошло.

На основе данных диалектологии Исхаков в этой группе выделяет четыре подгруппы (мензелинскую, бузулукско-бугурусланскую, бирскую и восточно-приуральскую), которые используют пять говоров среднего диалекта татарского языка (мензелинский, камышлинский, бирский, златоустовский, учалинский). В конце XIX — начале XX века тептяри потеряли обособленность и влились обратно в ряды татар, увлекая за собой и башкир, тесно связанных с ними. Этот процесс завершился к середине 1920-х годов. Затем группа вошла частично в состав башкир, частично в состав татар. В настоящее время бывшие тептяри — татары, что позволяет считать их как особую этнографическую группу татар Среднего Поволжья и Приуралья.

Башкиры же западных и северо-западных районов Башкирии, зафиксированные как башкиры, не имели на самом деле своего этнического самосознания, поэтому были быстро ассимилированы татарами, отсюда их необходимо считать и в более ранний период не башкирами, а некой переходной группой между башкирами и татарами.

Финноязычная группа бобылей, отличавшаяся от тептярей по языку, религии, культурно-бытовым особенностям, подвергалась воздействию этнических процессов в широком смысле, т.е. изменением любого из основных элементов этноса, прежде всего языка и культуры, которые могут и не отражаться непосредственным образом на самом существовании данного этноса. Поэтому каждый из составляющих ее этносов развивался самостоятельно и в 1920-х годах полностью влился в состав своих этносов.

Третью модель этнических процессов среди тептярей сформулировал А. З. Асфандияров: тептяри — башкирская социальная группа, которая в конце XVII — начале XVIII века активно пополняется пришлым из Поволжья и Прикамья населением, в котором были как туркоязычные, так и финноязычные представители. Эта группа преобразуется в многонациональное сословие в 30—90-е годы XVIII века. После отмены кантонной системы, во второй половине XIX века тептяри из социальной категории постепенно перерастают в социально-национальную группу крестьян, т.е. тептяри из татар тяготели к татарам, тептяри из марийцев — к марийцам и т.д. Большинство тептярей вошло в состав татар, увлекая за собой башкир-тептярей и башкир-вотчинников западной и северо-западной Башкирии. Это вхождение было вызвано сближением башкир и татар, в конечном счете ассимиляцией первых последними. Основными факторами такого сближения, которое шло не только в конце XIX — начале XX века, но и раньше, были: близость в языке, культурно-бытовом отношении, общие социально-экономические отношения, общая религия, политический фактор (образования советских автономных республик), демографический (численное преоблада-

ние татар), территориальное смешение, смешанные браки, причем башкиры брали больше в жены татарок, чем отдавали им (по Исхакову, наоборот). Коренным же населением западной и северо-западной Башкирии были мензелинские и бугульминские башкиры (а не некая переходная группа), которые в результате длительного многовекового процесса к началу XX века в значительной степени были ассимилированы татарами [1, 2, с. 36—49].

Таким образом, по мнению этнологов, тептяри — этнографическая группа переходного типа между башкирами и татарами, существовавшая с конца XVIII века, причем обособленно от татар (Кузеев), особая этническая группа татар, существовавшая с середины XVIII века (Исхаков). По мнению историков, — это сословие полигнитического характера, с преобладанием в данной группе татар, ассимилировавших башкир, чувашей, часть марицев (Асфандияров, Рахимов).

Процессы «перестройки» привели к глубокому кризису советского общества, завершившемуся в 1991 г. распадом СССР. Кризис сопровождался процессами пробуждения этнического сознания, объединения вокруг национальных (националистических) лидеров и программ, всего, что получило название «мобилизация этничности»: «возрождение» национальной символики, борьба за особый статус «своего» якобы гонимого языка, поиски древних корней «своего» народа.

В отношении истории Южного Урала в связи с этими процессами наблюдались попытки создания новых этносов — часть публицистов и краеведов стала на позиции конструирования «казачьего этноса» под надуманным лозунгом, что «казаки не сословие, а особый народ, не имеющий отношения к русским». Предпринимались попытки конструирования «этносов» кряшен, нагайбаков, кипчаков.

Интересные трансформации претерпела тептярская тема. Р. Г. Кузеев развил свои подходы: в 1992 г. он считал, что тептяри — «переходная между башкирами и татарами этническая общность» [11, с. 22], в 1993, 1994 гг. — «этнографическая группа, состоявшая из татар, чувашей, марицев, мордвы, удмуртов,

потерявших вотчинные земельные права башкир» [14, с. 38]. Его поддержал И. М. Габдрахимов: тептяри — этнографическая группа на особом положении с преобладающей долей татар в составе тептярей в северо-западной и западной Башкирии. Затем тептяри и мишари, учитывавшиеся в статистических документах XIX — начала XX века (до переписи населения 1926 г.) как особые этнические группы, к середине XX века влились в состав татар. Небольшая часть тептярей вошла в состав башкир, чувашей, марицев, удмуртов и мордвы [5, с. 27].

Исхаков по-прежнему относил тептярей к татарам, появилась и довольно экзотическая версия о том, что тептяри — особая этносословная группа казанских татар, потомков татарских служилых людей, проживающих в северо-западном Приуралье, подвергшихся в языковом отношении сильному влиянию со стороны башкир [23, с. 32].

В конечном счете этнолог Р. И. Якупов довел поиски нового этноса до логического конца. Он заявил о «формировании этнической общности, осознающей свою языковую и этнокультурную идентичность» [27, с. 254]. Им даже «выявлена» материальная культура тептярей, одежда, язык и исследовано современное состояние самосознания тептярей.

Действительно, в результате волны миграций в первой половине XVIII века в Башкирию тептярская (преимущественно башкирская) социальная группа стала наполняться припущенниками из представителей народов Поволжья и Прикамья. С середины XVIII века внутри этой группы начали протекать процессы ассимиляции между башкирами и татарами в силу их близости в языке, культуре, сословном, религиозном отношениях. В разных районах ассимиляция шла либо в сторону татарского, либо в сторону башкирского этносов. Например, тептяри Верхнеуральского уезда, появившиеся в нем в середине XVIII века, через определенное время были ассимилированы башкирами, так как их было большинство, хотя и сохраняли в языке пласти татарских слов, элементы культуры [26, с. 335]. Башкиры-гайнинцы в силу своего географического положения

были ассимилированы татарами, хотя и сохраняли свое этническое самосознание [2, с. 45]. Подвергались ассимиляции чуваши, причем как татарами, так и башкирами [8, с. 245; 16, с. 73]. Подвергались частичной ассимиляции татарами и марийцы [24, с. 70]. Но в целом марийцы, удмурты, мордва значительной ассимиляции не подверглись, поскольку со временем своего переселения жили компактно, а ввиду языковых и религиозных различий сохранили свое этническое положение.

В силу этнических процессов сложилась ситуация, когда татарский этнос внутри сословия стал преобладающим. Кроме того, финноязычные народы, находящиеся в составе сословия, также являлись тептярами, хотя и оставались в рамках своей этнической идентификации. Отмена кантонной системы, тем самым и упразднение как такового сословия тептярей и бобылей, сразу выявили этнические процессы, шедшие в нем ранее. Тептяри, сохранившие свою этническую принадлежность либо приобретшие ее в силу процесса ассимиляции, идентифицировали себя по ней (что и показала перепись 1897 г.), однако свое старое сословное название тептяри некоторое время сохраняли (почему в последующих переписях они и вспоминали о нем). Что же касается тех тептярей, которые в переписях устойчиво значились как тептяри, т.е. не идентифицировались по этническому признаку, хотя сословие уже не существовало, то в данном случае речь должна идти не о «тептярском этническом самосознании» либо о «тептярском языке», а именно эти положения считаются аргументами в пользу определения тептярей как особой этнической группы, а об устойчиво закрепившемся тептярском менталитете.

Перепись 1897 г., которая вела учет по языковому признаку, а не по прежней сословной системе, таким образом, продемонстрировала, насколько сохранилась тептярская ментальность, а не этничность, среди бывших представителей данного сословия. Резко изменился менталитет не только бывших тептярей, но и всех российских народов во время и после революции и гражданской войны. Именно такое изменение в сторону уменьшения

числа тептярей показали переписи 1920 и 1926 гг., причем это изменение шло одновременно с этническими процессами ассимиляции башкир и тептярей татарами на западе и северо-западе Башкирии с образованием автономных республик, политический фактор ускорил этот процесс. Поэтому попытки показать этнический состав тептярей в начале XIX века по этносам, составляющим сословие, вряд ли будут достаточно достоверными, в особенности касаясь тех, кто идентифицировал себя как тептяр. В составе этих тептярей были как татары, так и башкиры, и чуваши, возможно, представители других (в частности, марийского) народов. Одно можно выявить точно — большинство их составляли татары, и их число росло. Этот процесс в начале XX века замечен исследователями-современниками, в частности Г. Н. Ахмаровым [3].

Возможно также предположить, что выработка тептярского менталитета, некоторые языковые процессы, определенные этнические ассимиляционные процессы могли бы в дальнейшем способствовать созданию нового этноса. Однако исторического времени для этого уже не было, а изменившиеся политические, социальные и экономические условия не только оставили этот вопрос не решенным, но и способствовали полному исчезновению сословия тептярей из истории Башкирии.

201

Российская деревня в XVIII—XXI веках: социокультурное измерение

Список использованных источников и литературы

1. Асфандияров А. З. Тептяри (социально-экономическое и лингвистическое содержание термина) // Башкирская этнонимия. Уфа : БФАН, 1986.
2. Асфандияров А. З. Семья и брак у башкир в XVIII — первой половине XIX в. Уфа : БГУ, 1989.
3. Ахмаров Г. Н. Тептяри и их происхождение. Казань : Типо-лит. имп. ун-та, 1907.
4. Брук С. И., Кабузан В. М. Миграция населения в России в XVIII — начале XX в. (Численность, структура, география) // История СССР. 1984. № 4.
5. Габдрахиков И. М. Этнокультурные результаты миграционных процессов в северо-западной Башкирии (конец XVI — начало XX в.) // Этнологические исследования в Башкортостане. Уфа : УНЦ РАН, 1994.
6. Исхаков Д. М. Тептяри: Опыт этностатистического изучения // Советская этнография. 1979. № 4.
7. Исхаков Д. М. Расселение и численность татар в Поволжско-Приуральской историко-этнографической области в XVIII—XIX вв. // Советская этнография. 1980. № 4.

8. Кабузан В. М. Народы России в XVIII в. Численность и этнический состав. М. : Наука, 1990.

9. Кузеев Р. Г. Численность башкир и некоторые этнические процессы в Башкирии в XVI—XX вв. // Археология и этнография Башкирии. Уфа : БФАН СССР, 1968.

10. Кузеев Р. Г., Моисеева Н. Н. Ареальные методы выделения этнографических групп на территории Башкирии в XVII—XIX вв. // Ареальные исследования в языкоизнании и этнографии. Уфа : БФАН СССР, 1985.

11. Кузеев Р. Г. Национальная консолидация и межэтническая интеграция (история, современность, перспектива) // Современные этнические процессы в Башкортостане: состояние, проблемы, перспективы исследования. Уфа : БНЦ УрО РАН, 1992.

12. Кузеев Р. Г. Миграции в Среднем Поволжье и на Южном Урале в XVI—XIX вв. и их влияние на расселение, численность, этнический состав и этнографическую структуру населения региона // Россия и Восток: Проблемы взаимодействия. Уфа : УНЦ РАН, 1993.

13. Кузеев Р. Г. О характере присоединения народов Волго-Уральского региона к Русскому государству и некоторые вопросы их средневековой истории // Этнологические исследования в Башкортостане. Уфа : УНЦ РАН, 1994.

14. Кузеев Р. Г. Миграции в Среднем Поволжье и на Южном Урале в XVI—XIX вв. и их влияние на расселение, численность, этнический состав и этнографическую структуру населения региона // Этнологические исследования в Башкортостане. Уфа : УНЦ РАН, 1994.

15. Отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 364. Кап. 8. Д. 7.

16. Рамазанова Д. Б. К вопросу об истории формирования татарских говоров северо-западной Башкирии (дополнительные материалы) // Исследования по лексике и грамматике татарского языка. Казань : ИЯЛИ КФАН СССР, 1986.

17. Рахимов Р. Н. «За чей счет банкет?», или Продовольственное обеспечение процессов интеграции Оренбургья в XVIII веке // Аграрное развитие и продовольственная безопасность России в XVIII—XX веках : сб. статей. Оренбург : Изд-во ОГПУ, 2006.

18. Рахматуллин У. Х. Население Башкирии в XVII—XVIII вв.: Вопросы формирования небашкирского населения. М. : Наука, 1988.

19. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 350. Оп. 2. Д. 3790.

20. РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 3791.

21. РГАДА. Ф. 350. Д. 3804.

22. РГАДА. Ф. 350. Оп. 1. Д. 3806.

23. Сопов А. Казачество единый корень? // Родина. 2010. № 6.

24. Хайду П. Уральские языки и народы. М. : Прогресс, 1985.

25. Центральный исторический архив Республики Башкортостан. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 683.

26. Юлдашев А. А. Говор тептярей Учалинского района Башкирской АССР // Академику Владимиру Александровичу Гордлевскому к его семидесятипятилетию. М. : Наука, 1953.

27. Якупов Р. И. Тептяри: историко-этнологические очерки. К проблеме генезиса этничности. М. : Старый сад, 2002.

202

УДК 94(47)

М. И. Роднов

Уровень рыночного хозяйства у помещиков Оренбургской губернии накануне 1861 года (имение П. И. Сергеева)

На примере имения Сергеева показан уровень развития рыночных отношений в дворянских хозяйствах Оренбургской губернии накануне реформы 1861 года, доминирование рыночных принципов организации производства, хотя и основанного на использовании принудительного труда, как на плантациях южных штатов США.

Ключевые слова: дворянские хозяйства, предпринимательская экономика, крепостное крестьянство, баршина, тягло, община, оброчное хозяйство.

В российской историографии начала XXI века практически утихли споры об уровне развития аграрного сектора экономики, мало кого волнует, что преобладало в помещичьей деревне — капиталистические отношения или отработки, в какой степени дворянская экономия работала на рынок или представляла собой достаточно замкнутую, самодовлеющую структуру, поставлявшую на продажу лишь излишки

для обеспечения повышенных запросов барской семьи и уплаты налогов. В современной литературе акцент в изучении помещичьего мира перенесен на воспетую дворянскую усадьбу как социокультурный феномен. Действительно, именно через нее шло проникновение в традиционную деревню всевозможных инноваций — от новых культур до декоративных садовых насаждений. Но в числе инноваций важ-

ное место занимало рыночное (предпринимательское) хозяйствование помещика. Неизбежно вовлеченные в эти экономические контакты крестьяне учились торговать, осваивали основы товарно-денежного оборота, видели свою выгоду. Не случайно масса русских предпринимателей второй половины XIX века вышла из крепостного крестьянства.

Важным источником для анализа ситуации в помещичьем хозяйстве является информация, собранная при подготовке реформы 1861 г., в частности по крупным имениям¹. Этот источник хорошо известен специалистам², хотя споры о достоверности сведений продолжаются³. Рассмотрим имения дворянина Петра Ивановича Сергеева. Это был не рядовой помещик, инженер, путеек (он проектировал линию железной дороги Самара — Оренбург), предприниматель, чья судьба вызывает интерес современных исследователей⁴. В Уфимском уезде к северу от Уфы при селе Богородском находилась главная усадьба П. И. Сергеева⁵ (355 д. м. п. крестьян и 39 дворовых), рядом с которой располагались 82 крестьянских двора («сверх того 11 дворов, принадлежащих дворовым и выстроенных ими самими»).

В пользовании крестьян (дворовых рассматривать не будем) находилось 200 дес. усадебной земли (0,56 дес. на мужскую душу) и 800 дес. пашни (по 2,25 дес. на душу). Кроме того, всем крестьянам было отведено 300 дес. сенокосу «по лесу» и они получали «дрова и строевой лес» от барина. Всей удобной земли на душу приходилось в Богородском 3,66 дес.

Все крестьянские семьи находились на барщине, «издельных» тягол в Богородском было 137. То есть в ряде случаев одним двором (всего 82, а тягол 137) жили семьи родственников, которых барский управляющий не объединял в единое тягло, а наоборот, разделял, понимая, что они ведут отдельное самостоятельное хозяйствование.

Тягло — это хозяйственная единица, устанавливаемая в каждом поместье отдельно, включавшая количество земли и сумму повинностей. В Богородском «тягла наделены по 6 дес. пахотной земли.

Хозяйство трехпольное с удобрением. Из дворовых 11 чел. состоят на оброке, по 10 р. каждый».

В 1861 г. имение Сергеева за долги предпринимателя находилось в опеке. Управлял поместьем опекун, коллежский советник Петровский, который проживал в самой усадьбе⁶. Опекуну не нужна была многочисленная дворовая челядь, и он перевел ее на оброк.

Как и в абсолютном большинстве крупных дворянских имений Уфимского уезда, крестьяне трудились на барщине, обрабатывали барскую пашню, а собранное зерно поступало в барские амбары (в Богородском склады разделяли собственно усадьбу и село). Помещик накапливал значительные объемы зерна, которое продавалось, вывозилось на ближайшие речные пристани. Ориентированное на рынок хозяйство являлось основой дворянского поместья Сергеева, как и большинства крупных дворян Уфимского уезда.

Основное количество земли дворянина П. И. Сергеева, однако, не состояло в пользовании крестьян. Это было уже его личное владение, управлявшееся из помещичьей конторы. Всей удобной земли у него имелось 7766,97 дес. (еще неудобной 33,58 дес.), в том числе кустарника и леса было 8607 дес. (в источнике ошибка, скорее всего 7607). Таким образом, в непосредственном распоряжении помещика (его конторы, опекуна) находились в основном лесные площади.

При подготовке отмены крепостного права фактически впервые была предпринята попытка собрать более или менее точные сведения о помещичьем и крестьянском землевладении (ранее государство интересовало только число ревизских душ — налогоплательщиков). Это оказалось сложной задачей, потому что в реальной действительности земли помещика и крестьян четко не были разделены (в Богородском крестьянам выделили 300 дес. сенокосу в лесу, хотя своего леса у крестьян вообще не имелось). На каждое из 137 «тягол» — единицы обложения внутри поместья — было выделено по 6 дес. пахотной земли. $137 \times 6 = 822$ дес. Столько всего пашни получили и обрабатывали все крестьяне Богородского, и «в

пользовании» крестьян в документе указана близкая величина — 800 дес.

Краткие сведения по имению П. И. Сергеева в канун реформы 1861 г. показывают, что практически вся пригодная для сельскохозяйственного использования земля находилась в руках крестьян. Барин вообще не жил в усадьбе, не вел никакого самостоятельного хозяйства, но собранный крестьянский хлеб продавал. Это было, без сомнения, рыночно ориентированное, чисто предпринимательское хозяйство, которое, правда, велось за счет принудительного труда (наподобие плантационного хозяйства южных штатов США). Внутренние потребности имения были минимальны, семейство П. И. Сергеева сюда лишь изредка наезжало, многочисленную прислугу не случайно перевели на оброк, чтобы не кормить лакеев, поваров и конюхов, опекун тоже был человек временный.

Аналогичное оброчное хозяйство вели почти все крупные помещики Уфимского уезда, чему способствовали близость имений к городу, где проживали сами дворяне, доступность оперативного управления, а также наличие близких речных пристаней, через которые всегда можно было вывезти и продать собранный хлеб (выращенный крепостными). Всего в Уфимском уезде из 33 крупных поместий лишь в шести единичные крестьянские семьи (тягла) состояли на оброке. Имелось единственное поместье Н. Ф. Воронецкой (сельцо Федоровка), где оброчные крестьяне преобладали над барщинными (100 и 48)⁷. Но в других уездах Оренбургской губернии ситуация была иная. После от-

мены крепостного права происходит гибель рыночного дворянского хозяйства, замена его полунатуральным крестьянским укладом. На смену малоэффективной, основанной на рабском труде, но предпринимательской экономике крупных дворян пришло господство патриархальной традиционалистской, антирыночной общины.

Примечания

1. Приложение к трудам Редакционных комиссий для составления положений о крестьянах, выходящих из крепостной зависимости. Сведения о помещичьих имениях. Т. II. Извлечения из описаний имений по великокорсийским губерниям. СПб., 1860. Извлечение из описаний помещичьих имений в 100 душ и свыше. Оренбургская губерния.
2. Давлетбаев Б. С. Крестьянская реформа 1861 года в Башкирии. М., 1983; и др.
3. Кащенко С. Г. Освобождение крестьян на Северо-Западе России. Экономические последствия реформы 19 февраля 1861 г. М. ; СПб., 2009; Христофоров И. А. От Сперанского до Столыпина: крестьянская реформа и проблема землеустройства // Российская история. 2011. № 4; Абсалимов Ю. М., Азamatова Г. Б., Гайнуллина А. В., Роднов М. И., Тагирова Л. Ф. Уфимские помещики: типы источников, виды документации. Уфа, 2013.
4. Мордовина О. С. Судьба инженера // Река времени. 2012: Мир южноуральской усадьбы / отв. ред. Ю. М. Абсалимов, М. И. Роднов. Уфа, 2012; Ее же. Опыт реконструкции планировки дворянской усадьбы Уфимской губернии XIX—XX вв. // Река времени. 2014 / отв. ред. М. И. Роднов. Уфа, 2014.
5. Приложение к трудам Редакционных комиссий. С. 4—5.
6. Ведомость о помещичьих имениях по Уфимскому уезду [в 1861 г.] / публикация М. И. Роднова // Река времени. 2011 / отв. ред. М. И. Роднов. Уфа, 2011. С. 133. По данным прессы, в Богословском было 120 дворов всего и 9066 дес. земли [там же, с. 130].
7. Приложение к трудам Редакционных комиссий. С. 2.

Д. Н. Ряпусова

Образ сельского киномеханика на страницах уральской периодики послевоенных лет

Статья посвящена раскрытию собирательного образа сельского киномеханика в региональной и местной прессе послевоенных лет. В результате изучения общественного мнения о профессиональных и личностных качествах демонстраторов фильмов прослеживается степень удовлетворенности жителей уральского села уровнем предоставляемых киноуслуг.

Ключевые слова: Урал, культура села, кинообслуживание, киномеханик, периодическая печать, общественное мнение.

Во второй половине 1940-х — начале 1950-х гг. в жизни уральской деревни происходили заметные преобразования. В трудовую практику и быт колхозного крестьянства активно внедрялось электричество, а вместе с ним повсеместно проникали уже известные, но по-прежнему малодоступные для сельчан «атрибуты» преимущественно городской культуры — радио и кино. Как и ранее, информационное поле повседневности жителей села в значительной степени формировалось посредством газет. На страницах региональной прессы и в изданиях нижестоящего уровня публиковались местные материалы, которые вызывали живой интерес и чувство сопричастности происходившему в родном колхозе, районе, области, стране. Являясь своеобразным рупором общественного мнения, газеты активно предоставляли свои страницы не только профессиональным журналистам и корреспондентам, но и выходцам из народа, в том числе глашатаям «от сохи и лопаты».

Областные издания, районные и колхозные многотиражки выступали важным инструментом советской идеологической системы. С одной стороны, пресса декларировала и укрепляла официальную точку зрения на развитие государства и общества, с другой — в известной мере выявляла пороки и отклонения, корректировала неверное понимание текущих целей и задач, порицала предпринимаемые в связи с этим «кошибочные» действия.

Признавая ценность изучения газетных материалов с точки зрения идеологии и пропаганды, на наш взгляд, следует указать на необходимость разносторонне-

го и комплексного анализа многочисленных «сигналов с мест», представленных на страницах периодики. Помимо прочего их можно интерпретировать в качестве попыток общественности повлиять на ситуацию, сложившуюся в той или иной значимой для социума сфере. В настоящей статье речь пойдет об оценках профессиональной деятельности сельских киномехаников, которые напрямую или опосредованно звучали в заметках и публикациях послевоенных лет.

Характер материалов, выявленных нами посредством контент-анализа, неоднороден. Наиболее ощутимая содержательная разница прослеживается между статьями крупных областных изданий («Звезда», «Челябинский рабочий», «Уральский рабочий») и сводками районных, а также колхозных газет. Чем предположительно «ближе» оказывался потенциальный адресат информационного сообщения, тем проще и лаконичнее звучал авторский текст (да и сам автор зачастую происходил из той же социокультурной среды, к аудитории которой он взвывал). При освещении темы, вынесенной в заголовок сообщения, местная периодика содержала больше конкретики, разговор на ее страницах зачастую строился «по существу», опускались или сводились до минимума традиционные обороты, пространные фразы о роли кино в жизни советского государства и заслугах «вождей» в деле его широкого распространения.

Публикации, содержащие суждения о личности и деятельности киномеханика на селе, условно можно разделить на три группы. Самую многочисленную из

них составили небольшие заметки и сообщения (подготовленные, в том числе, на основе обзора писем, полученных редакциями газет). Их авторами выступали возмущенные (значительно реже — благодарные) зрители, либо местные партийные деятели и ответственные работники культурного фронта. Обывательские заметки нередко отличались своеобразной экспрессией, образностью и детальностью изложения. Вторая группа — статьи (в том числе передовые), написанные по сложившемуся «канону» специальными корреспондентами, а также публицистические очерки, которые в достаточно сдержанном тоне информировали читателя о «кинодостижениях» и выявляли всевозможные отклонения в деле продвижения кино в массы. Третью немногочисленную группу составили фельетоны. Их отличает наличие завершенного сюжета, они пронизаны иронией, посредством которой высмеивается несовершенство системы кинообслуживания жителей села, а также пороки конкретных киноработников, включая киномехаников.

После окончания Великой Отечественной войны на Урале, как и в целом по стране, развернулась реализация плана сплошной кинофикации¹. Основной упор при этом делался на сельсоветы и колхозы областей и республик, благодаря чему кино стремительно приобретало популярность сельской аудитории.

Люди с неподдельным интересом и радостью встречали организацию кинотеатров в деревне. Не меньшим энтузиазмом и надеждами публики сопровождались приезды кинопередвижки в уральскую глубинку. Первое столкновение с «живыми картинками» для многих становилось поистине ошеломляющим. С нескрываемым потрясением воспринимали звуковое кино люди преклонных лет. Так, в селе Шурала Невьянского района пенсионерка Коновалова, посмотрев фильм «Секретарь райкома», отметила: «Вот до чего дожила, что картины стали живыми и разговаривают!». В селе Талица Сухоложского района престарелая колхозница Неустроева после просмотра фильма «Клятва» во вновь открытом кинотеатре заявила: «Наше село считалось самым глухим в районе. Мы

никогда не думали об электричестве, а теперь у нас горит “лампочка Ильича” и установлено звуковое кино...»². Изумленным невиданными достижениями прогресса женщинам вторил конюх колхоза «Красный Октябрь» Михаил Тимофеевич Неустроев. Будучи завсегдатаем талицких кинопоказов, он удовлетворенно информировал корреспондента «Уральского рабочего»: «Город у нас стал, а не село — электричество, кино. До чего приятно после трудового дня пойти и посмотреть кинокартину! Вот это настоящая забота о крестьянстве...»³.

Спустя год после появления звуковой киноустановки в селе Мельничном Свердловской области 60-летняя птичница колхоза «Свободный труд» Анастасия Семеновна Афанасьева рассуждала: «Раньше о кино мы знали только понаслышке, рассказывали, будто на стене появляются живые картины да еще разговаривают. Кто верил этому, а другие нет. Да и как верить-то: по-разному об этом судили. Мы никогда даже не мечтали, что в нашей далекой уральской деревне будет кино. Но товарищ Сталин не забыл и о нас. Я помню первый день, когда показывали у нас кино, по деревне прошел слух, что у нас будут живые картины. Народу в клуб собралось — яблоку негде упасть, каждому хотелось убедиться, правильно ли говорили. А теперь мы уже ничему и не удивляемся...»⁴.

Сам факт проникновения кино на село воспринимался уральцами чрезвычайно положительно. Просмотры фильмов не только разнообразили досуговую сторону деревенского быта. Они содействовали росту осведомленности и расширению кругозора людей. 62-летний колхозник Василий Евграфович Бекетов, житель Сухоложского района, проводя своеобразную саморефлексию, высказал насчет влияния кино на подрастающее поколение следующее: «Как стал посещать кино — понимать стал больше, видеть стал дальше. В хорошее время живем мы. Смотрю я на ребятишек и радуюсь — счастливое у них детство. С малых лет им открывают глаза. Не то, что жили мы — кроме сохи да избы ничего не знали. А они, как посмотрят кинокартину, — споров у них сколько, а если

увидят военную картину, то сейчас военную игру затевают»⁵.

Нельзя сказать, что страницы местной прессы изобиловали яркими впечатлениями и радужными отзывами после столкновения с «важнейшим из искусств». Скорее напротив, материалы периодической печати послевоенных лет рисуют нам заметное расхождение между тем, что ожидал от «живых картинок» сельский зритель, и тем, что получалось по итогам «рутинной» работы большинства киномехаников.

Значительная часть жителей села разделяла идею о том, что работа киномеханика ответственна и почетна. По утвердившемуся мнению, последний был призван выполнять дело большой важности — обеспечивать бесперебойную демонстрацию кинокартин, организовывать досуг колхозников. Газетные публикации передают читателю эмоциональный настрой сельских тружеников, томящихся в ожидании приезда кинопередвижки. «По дорогам района движется пара лошадей, запряженных в телегу. На ней — чемоданы с кинопередвижкой и коробки с фильмами. Участник Отечественной войны киномеханик И. Бронштейн — желанный гость в колхозах, совхозах, МТС. Недавно он впервые демонстрировал звуковой фильм “Зигмунд Колосовский” в одном из самых отдаленных сельсоветов — Калугинском. Колхозники выехали встретить киномеханика. В клубе было чисто и многолюдно. Зрители пришли задолго до начала сеанса, пели песни...»⁶. «Киномеханик — желанный гость в каждом селе, поселке, на железнодорожной станции, разъезде, лесоучастке. И хотя заранее известно, что такого-то числа состоятся сеансы, появления механика здесь ждут с нетерпением, особенно юные зрители, а увидев его, радостно встречают: “Механик пришел! Картина будет!”...»⁷.

Однако нередко случалось и так, что приезд киномеханика оборачивался полным разочарованием, а волшебного кинодейства либо не случалось вовсе, либо оно превращалось в настоящее испытание для собравшихся. Более того, чтобы посмотреть фильм, зрителям приходилось брать инициативу в свои руки. В заметке с характерным названием «Иван приехал!»

Г. Толстов описывает горький опыт взаимодействия жителей Козыревского сельсовета Челябинской области с киномехаником Иваном Кузиным: «11 часов ночи. Из клуба поселка Севастьяново вырываются громоподобные звуки. Это подростки учатся при помощи киноаппарата издавать различные звуки. Наконец, радостный голос возвещает: “Иван приехал!”. Прибывает киномеханик Кузин в таком состоянии, когда говорят, что и “лыка не вяжет”. Должен был демонстрироваться фильм “Странный брак”, по утверждению Кузина, детский фильм, поэтому он пропускает детей. В 12 часов ночи на экране появляются немые кадры фильма. <...> Обычно фильмы демонстрируют посторонние люди, чаще всего подростки, сам киномеханик уходит опохмеляться...»⁸.

Группа молодых колхозников сельхозартели им. Ленина Варненского района Челябинской области придала огласке еще один вопиющий факт неуважения к зрителю со стороны киномеханика. В коллективной заметке указывалось, что в селе Бородиновке, самом крупном в районе, кинокартини показывают крайне редко. «В один из июньских дней т. Васильев все же привез в село кинокартину «Венгерские мелодии». К назначенному часу собрались зрители, но пьяный киномеханик и его помощник не смогли завести мотор. Так колхозники и не посмотрели кинофильм. Васильев выехал с картиной в село Успеновку. Но случилось так, что в тот же день в село Бородиновку заехала автокинопередвижка и доставила кинокартину «Возвращение Василия Бортникова». Узнав об этом, Васильев сорвал афишу, вывешенную им в Успеновке, и вернулся в Бородиновку смотреть новую картину...»⁹.

Судя по газетным публикациям, пьянство киномехаников являлось настоящим бичом, и страдали от этой «горькой практики», конечно же, зрители¹⁰. Регулярность появления сообщений подобного плана формирует представление о царивших среди киноработников безнаказанности и вседозволенности. Например, старший агроном Нижне-Санарской МТС И. Кныш доводит до читателей случай, когда более 100 колхозников собрались в сельском клубе для просмотра картины

«Возвращение Василия Бортникова» и четыре часа ожидали киномеханика Копылова, который тем временем с шофером Филипповым «навеселе сидел в чайной. Солидно подвыпив, явились они в клуб в нетрезвом состоянии». На свое усмотрение продавали билеты — одним давали контрамарки, другим нет, хотя деньги брали у всех присутствующих. Во время кинопросмотра бобина с кинопленкой часто слетала. Такое «издевательство» продолжалось до двух часов ночи¹¹.

Наиболее одиозные личности, неоднократно увлекаемые «зеленым змеем», становились персонажами разоблачительных фельетонов, обретая своего рода бессмертие на страницах газет. П. Варламов посвятил сатирический очерк под двусмысленным названием «Негодные кинокадры» описанию повседневных «трудовых практик» сотрудников златоустовского отделения «Главкинопроката». В этой показательной истории среди главных действующих лиц, предающихся беспробудному пьянству, появляются киномеханики, которых автор именует «эпизодическими лицами». Следуя заведенным в отделении «Главкинопроката» порядкам, «эпизодические лица» «ставят» пол-литра за порчу нового фильма, в разгар рабочего дня «расслабляются» в ресторане «Таганай», устраивая при этом сцены, которые автор по цензурным соображениям вынужден опустить. Вся описанная вакханалия заканчивается приездом ревизора и разоблачением шайки пьяниц и расхитителей государственной собственности¹².

Наряду с сигналами о пьянстве ответственных киноработников частый сюжет на страницах региональной и местной прессы — негодование по поводу низкого уровня квалификации киномехаников и их неуважительного отношения к зрителям. «Киномеханик тов. Степанов, обслуживающий фильмами дер. Шмаково, халатно относится к порученной работе. Для того чтобы посмотреть кино, колхозникам приходится несколько часов сидеть в ожидании начала кинокартины. У тов. Степанова беспрерывные непорядки и поломки аппарата...»¹³. В письме в редакцию газеты «Колхозная жизнь» К. Крюков повествует о постоянных «томительных

ожиданиях» зрителей Зайковского района Свердловской области во время устранения технических неполадок киномехаником. Комментируя работу демонстраторов посещаемого им кинозала, автор строк констатирует: «Затемнение единственного окна производится куском фанеры, которая обычно в середине сеанса неожиданно падает, прихлопнув при этом кого-нибудь из зрителей. Почему же для затемнения нельзя приобрести плотную темную штору? Не говорит ли это о пренебрежении к элементарной культуре, к зрителю?...»¹⁴.

Характерный случай зрительских «киноиспытаний», которые выпадали на долю карагайских школьников, приводит Я. Воробьев, отмечая, что «не удается карагайцам посмотреть ни одного фильма без каких-либо фокусов механика». В частности, во время показа картины «Сын полка» ребят ждало полное разочарование. «С первых же кадров на экране двигались только мутные силуэты, издававшие то хрюп, то свист. Иногда исчезало и это, и ребята сидели в полной темноте. Трюкач-механик устраивал сюрприз за сюрпризом: он вместо второй пускал третью часть, иногда картина шла вверх ногами...»¹⁵.

Аналогичная ситуация складывалась во время демонстрации культового фильма «Молодая гвардия» в селе Наследниково Челябинской области. Очень слабую слышимость во время демонстрации картины киномеханик Шишкин объяснил ее плохим озвучанием и заявил: «Поэтому, граждане, я буду действовать по своему усмотрению». «Не долго думая, механик сразу же после первой части начал демонстрировать четвертую. Однако слышимость от этого нисколько не улучшилась. А затем МТС выключила свет, и зрителям так и не удалось досмотреть этот фильм»¹⁶.

Здесь в качестве своеобразного оправдания «обвиняемых» следует оговориться, что в исследуемый период типичным недостатком отечественной киносети оставалось ее неудовлетворительное техническое оснащение. Слабая проекция, прерывистость звуковой подачи, частые разрывы ленты, длительное отсутствие электроэнергии, поломка аппаратуры и

т. п. приводили к тому, что двухчасовой сеанс мог растянуться до 5—6 часов, а в отдельных случаях переносился на другой день. Учитывая, что показ фильма нередко начинался в полночь, сельчане вынужденно покидали зрительный зал и отправлялись выполнять неотложные хозяйствственные работы, так и не дождавшись развязки. Как подмечали сами зрители, претерпевавшие «ненормальности в работе сельских киномехаников», для них это был в буквальном смысле слова «рекорд терпеливости»¹⁷.

Подчеркнем, что попадавшие в печать претензии жителей колхозной деревни в отношении содержания кинорепертуара оказывались единичными. Данный факт свидетельствует о неискущенности рассматриваемой киноаудитории, ее готовности довольствоваться тем, что предлагалось для просмотров, лишь бы это действительно можно было видеть и понимать.

«Что может быть ужаснее, когда вместо бархатного голоса Качалова слышишь нечто невнятное или когда при неестественно медленном темпе проекции лирическое сопрано певицы вдруг звучит как сочный бас Михайлова? Ничего не остается от волшебных мелодий Чайковского или блистательной оркестровки Римского-Корсакова. Такое демонстрирование фильмов — преступление перед зрителями, подолгу простоявшими в очереди за билетами или приезжающими за десятки километров посмотреть новую картину», — констатировал на страницах «Правды» М. Чиаурели¹⁸. Слова одного из самых востребованных сталинских режиссеров находили массу подтверждений в уральской «киноповседневности».

«В с. Париж кино — единственное развлечение трудящихся. Но так показывать кинофильмы, как механик тов. Ишменев И. Н., — это насмешка над важнейшей отраслью искусства. <...> Видимость скверная, звук — ничего общего не имеющий с человеческим голосом. Вместо песен — ужасный шум и треск. Просто хочется заткнуть уши и быть подальше...»¹⁹, — рассказывал неравнодушный зритель. Во время просмотров картин жители села зачастую попадали в атмо-

сферу «свиста и визга», «невнятного прерывающегося хрипа», испытывали на себе «душераздирающий рев льва, который продолжается до конца фильма», либо, наоборот, ощущив всю силу воздействия звукового кино, вынужденно возвращались в бытность «Великого немого»²⁰. Тем временем киномеханик «продолжал хладнокровно гнать ленту за лентой, не обращая внимания на возмущение зрителя». После подобных сеансов, делясь впечатлениями от картины, разочарованный и растерянный участник кинодейства воскликнул: «ничего не понял!»²¹.

Общеизвестной для сельской киносети являлась проблема нарушения маршрутов киномеханиками. Стремясь повысить сборы от кинопоказа, демонстраторы нередко обезжали небольшие населенные пункты, в которых ожидалась мелкая выручка. Вследствие этого у многих сельчан возможность просмотра фильмов появлялась лишь несколько раз в год или же вообще отсутствовала, тогда как в отдельных сельсоветах и даже деревнях скапливалось одновременно по несколько передвижек. В этой связи со страниц газет звучало вполне справедливое недовольство тем, что киномеханики по своему усмотрению едут «когда хотят и куда хотят»²².

Возникали и такие ситуации, когда никакими разумными доводами оправдать действия нерадивых демонстраторов было попросту невозможно. Не отличался добросовестным отношением к труду киномеханик села Ключевка Челябинской области по фамилии Малин. Регулярно появляясь перед киноаудиторией в пьяном виде, в один из праздничных дней, когда в клубе собралось большое количество зрителей, он сорвал кинопоказ, отправившись вместе с движком на свадьбу к бухгалтеру сельпо. «Там он пробыл всю ночь, освещая с помощью движка свадебный стол»²³. Механик Селезнев и моторист Шишилин, «пребывая в Алифкуловском сельсовете, творили беззакония: торговали фиктивными билетами, фильм демонстрировали безобразно, на сеансах вели себя недостойно»²⁴.

Отменяя киносеансы по своему усмотрению, при этом чувствуя себя абсолютным хозяином положения, механик

колхоза им. Кирова и Полетаевской МТС Челябинской области Н. Бочаров. «А когда т. Бочарову делают замечания на его недостатки, он отвечает: «Что вы мне указываете, я знаю, что делаю. Я больше вас работаю», — сокрушалась заведующая клубом²⁵. Ощущение ничем не ограниченной свободы и вседозволенности прочитывается в словах старшего киномеханика районного дома культуры села Бурино Хафизова, который высокомерно пресекал любые возражения недовольных зрителей: «Вы что пристали ко мне? Если захочу, то совсем не буду демонстрировать картину...». Требуя организации обещанного и оплаченного кинозрелища, сельчане не раз отправлялись «в поход» и «были членом» перед горе-механиком, который в конечном итоге «ретировался», так и не выполнив своих обязанностей²⁶. Вполне обоснованно из-под пера раздосадованных и разгневанных зрителей на головы непутевых демонстраторов нередко сыпались язвительные эпитеты вроде: «кинофокусник», «киновор», «кинохалтурщик» и т.п.²⁷

Еще одной газетной формой выражения недовольства низким качеством киноуслуг и халатностью отдельных киномехаников являлась публикация карикатур. Так, например, из газеты в газету в исследуемый период кочевал рисунок С. Кузьминой, изображавший на фоне переполненного зала сельского клуба двух негодящих зрителей и киномеханика, пытающегося наскоро починить разорвавшуюся киноленту (рис. 1).

При этом менялся лишь сопроводительный текст под рисунком. В частности, в очередном выпуске одной из районных газет Челябинской области данная карикатура была дополнена следующим изречением: «Когда бы я ни зашла в клуб Парижского сельского совета, всегда вижу одну и ту же картину: кинолента рвется, видимость скверная, вместо человеческой речи — шум и треск»²⁹. Подобные «плоды» народного творчества во многом довершали словесный образ, служили наглядной иллюстрацией для читателя.

Как уже отмечалось выше, хвала и положительные отзывы в адрес киномехаников на страницах региональной

Рис. 1. Карикатурный газетный образ сельского киномеханика. Автор С. Кузьмина²⁸

прессы послевоенных лет были явлением сравнительно редким. Среди наиболее успешных работников сельской киносети Урала газеты называют Евгения Николаевича Маланина — механика одной из кинопередвижек Кунгурского района Молотовской области, которому за систематическое перевыполнение плана кинообслуживания населения Министерство кинематографии РСФСР объявило благодарность; двух обладателей аттестатов «Отличник кинематографии» — киномеханика сельского стационара Свердловской области Семена Леонтьевича Антонова, механика Троицкого отдела кинофикации Челябинской области Бориса Владимировича Курочкина — обладателя ордена «Знак почета», получившего за высокую организацию своей работы от Министерства кинематографии РСФСР новый автомобиль для кинопередвижки³⁰.

При анализе выявленных публикаций наиболее целостный и завершенный положительный образ сельского киномеханика складывается о Б. В. Курочкине, который «систематически, строго по графику и заданному маршруту обслуживает закрепленные за ним колхозные села»³¹. Сухость телеграфных фраз передовой статьи в областной газете преодолевается в

очерке Ю. Владимирской. Описывая момент долгожданной встречи жителей села Карсы с киномехаником, автор поясняет, что Борис Курочкин вот уже десять лет работает сельским киномехаником в Троицком районе. «За эти годы он приобрел славу отличного работника, снискал себе самое горячее расположение колхозников и сельской интелигенции». Подчеркивая, что на кинопросмотры к Курочкину народ идет с большим рвением, корреспондент раскрывает «секрет» успеха киномеханика. По мнению автора, он состоит в том, что «скромный труженик фронта социалистической культуры» постоянно в курсе всех хозяйственных дел обслуживаемых им колхозов, прислушивается к запросам колхозников и старается наиболее полно удовлетворить их. При этом в каких бы условиях ни демонстрировался фильм — на открытой площадке полевого стана или в помещении клуба, красного уголка, — картина всегда идет у него безупречно: звук чист, изображение четкое. И в награду за труд Борис Курочкин регулярно получает призательные отклики зрителей: «Вы всегда наш желанный гость. Благодарим за отличный показ фильма. Просим бывать чаще», — пишут рабочие 8-го конезавода; «Очень довольны работой т. Курочкина. Ждем почаще. Привозите новые фильмы», — вторят им колхозники сельхозартели «13 лет Октября»³².

По сообщению Н. Шамаровой, «с душой» трудились практически все киномеханики Шалинского района. В качестве примера «профессиональной самоотверженности» она приводит случай, когда нагруженный тяжелыми металлическими коробками механик Макурин перебрался по тонкому весеннему льду через реку Чусовую в Старой Утке на Заводской участок и провел намеченный по плану сеанс³³. За ответственное отношение к порученному делу большим уважением среди сельчан пользовались два молодых паренька — киномеханик и моторист, обслуживавшие группу колхозов Агаповского района Челябинской области. Не называя фамилий, корреспондент сообщал, что ребята не прекращали свою работу даже во время поломки служебной автомашины, поскольку изыскали возможность ис-

пользовать для нужд кинообслуживания колхозные подводы³⁴.

Образы добросовестных людей, с любовью относящихся к своей профессии, передает читателю М. Югов. Среди сельских киноработников Каслинского района Челябинской области он называет Набокова, Двойникова и Атмажитова, заботившихся об уюте зрителя и качестве показа фильмов. По сообщению автора, они не допускали срывов кинопоказов, содержали в исправности и чистоте аппаратуру, проигрывали перед сеансами грампластинки, поэтому люди охотно шли к ним, зная, что могут культурно провести свой досуг³⁵.

Если сквозь призму положительных отзывов взглянуть глазами жителя колхозной деревни на образцового киномеханика, то окажется, что чаще всего от него требовалось лишь по совести исполнять свои основные обязанности. В этом случае демонстратор едва ли не гарантированно становился всеобщим любимцем и желанным гостем разноликой сельской публики. Так, в числе главных заслуг Григория Павлина, Бориса Саца и Бориса Косолапова назывались: регулярное проведение киносеансов, в том числе для детской аудитории, организация бесед с колхозниками о содержании кинофильмов и достижениях советского киноискусства, демонстрирование научно-популярных и документальных лент³⁶. По сути, все перечисленное входило в функционал, очерченный должностной инструкцией демонстратора фильмов.

В целом ряде проанализированных публикаций подчеркивалась активность и творческий подход к делу отдельных киномехаников. В частности, демонстратор Пономарев, обслуживавший шалинские колхозы им. Чапаева и «Урал», выступил инициатором выпуска «световой газеты», которая сообщала о местных передовиках производства, критиковала нарушителей колхозного устава и тунеядцев. Это вызывало большой интерес среди зрителей и привлекало народ в кино³⁷. Аналогичные кинорепортажи перед сеансами практиковали в своей деятельности уже упоминаемые Б. В. Курочкин и Е. Н. Маланин³⁸.

В конечном итоге достаточно непросто однозначно ответить на вопрос: в ка-

кой мере именно личностный фактор влиял на качество оказываемых на селе «киноуслуг»? Но представляется, что в решающей. Существовавшая система кинообслуживания была единой по всей стране, однако «встраивались» в нее киномеханики по-разному. Примеры «передовиков» тех лет свидетельствуют о весьма высоких показателях производственной деятельности, о фактах получения признания со стороны кинозрителей и руководства отрасли. В противовес тому имеется немало случаев крайнего недовольства и неудовлетворенности сельчан от кинопосещений.

Проводя некий срез общественного мнения, необходимо учитывать, что многочисленные трудности, свойственные советской системе кинофикации и проката второй половины 1940-х — начала 1950-х гг., чаще всего воспринимались на местах как халатность и просчеты конкретных людей. Для простого обывателя спрос оказывался коротким — непосредственный «поставщик» культурных благ — киномеханик — должен был держать ответ и за неслаженное функционирование кинематографической отрасли, и, что вполне логично, за свой конкретный участок работы и уровень профессионализма.

Формируемый посредством региональной и местной печати собирательный образ сельского киномеханика послевоенных лет имеет заметную поляризацию. Демонстратор фильмов зачастую представлял перед читателем в достаточно темном обличии либо же, напротив (но значительно реже), в очень светлых красках. Полутона при описании фактически отсутствовали. Взяться за перо и воспользоваться возможностями прессы людей побуждали, как правило, особые случаи — переполнение радостью, желание высказать благодарность или недовольство, поделиться обидой за неоправданные ожидания и т. п. Исключение составляли лишь плановые статьи специальных корреспондентов. Поэтому представляется, что степень искренности авторов при передаче настроений жителей колхозной деревни и их отношения к фигуре киномеханика на селе была достаточно велика, а описанная в периодической печати ситуация в полноте

отражает спектр мнений публики второй половины 1940-х — начала 1950-х гг. по исследуемому вопросу.

Статья подготовлена по бюджетной программе № 0120136 и программе фундаментальных исследований ОИФН № 12-Т-6-1003.

Примечания

1. Ряпусова Д. Н. Проведение сплошной кинофикации сельсоветов Свердловской области: задачи, мероприятия, результаты // История как ценность и ценностное отношение к истории. Четырнадцатые всероссийские историко-педагогические чтения : сб. науч. статей : в 3 ч. Екатеринбург, 2010. Ч. 3. С. 26—31.
2. ГАСО. Ф. Р-2103. Оп. 1. Д. 41 а. Л. 177.
3. Звуковое кино в колхозе // Уральский рабочий. 1948. 25 янв.
4. Там же.
5. Там же.
6. Кино в колхозе // Уральский рабочий. 1946. 29 июня.
7. Шамарова Н. На шалинских киноэкранах // Уральский рабочий. 1950. 4 июня.
8. Толстов Г. Иван приехал! // Знамя Октября. 1953. 27 марта.
9. Гапоненко П. Улучшить кинообслуживание населения // Челябинский рабочий. 1953. 26 авг.
10. Улучшить кинообслуживание села // Челябинский рабочий. 1949. 28 сент.; Атрошкин Л. Без уважения к зрителю // Вперед. 1953. 21 окт.; Мухин А. О качестве кинопоказа в Полднево // Знамя коммунара. 1953. 11 дек.; и др.
11. Кныш И. С 9 часов вечера до 2 часов ночи // Вперед. 1953. 29 мая.
12. Варламов П. Негодные кинокадры. Сценарий о художествах работников отделения «Главкинопроката» // Златоустовский рабочий. 1953. 26 июня.
13. Усов В. Халатность в работе // Колхозная жизнь. 1951. 27 сент.
14. Крюков К. О киносеансах // Колхозная жизнь. 1949. 17 июня.
15. Воробьев Я. Карагайские кинофокусники // Звезда. 1947. 18 февр.
16. О сельских кинопередвижках // Челябинский рабочий. 1949. 24 сент.
17. Так называемое кинообслуживание // Звезда. 1948. 23 окт.; Наладить кинообслуживание сельского населения // Голос колхозника. 1950. 18 нояб.; Мамин Н. Длительный киносеанс // Голос колхозника. 1951. 18 февр.; Коньков Л. Пять часов — на киносеанс... // Уральский рабочий. 1949. 3 апр.; Улучшить кинообслуживание // Звезда. 1950. 29 авг.; Улучшить кинообслуживание сельских зрителей // Сталинский путь. 1953. 19 июня; и др.
18. Чиаурели М. Сегодня и завтра советского кинематографа // Правда. 1947. 2 янв.
19. Улучшить кинообслуживание // По сталинскому пути. 1953. 22 нояб.

20. Калмыков А. Кинофикаторы за работой // Уральский рабочий. 1946. 23 нояб.; Улучшить кинообслуживание // Колхозная жизнь. 1949. 8 сент.; Толстов Г. Указ. соч.

21. Мелешкин Н. Изdevательство над кинозрителем // Колхозная правда. 1953. 3 сент.

22. Кино — важное средство воспитания трудящихся // Звезда. 1951. 2 нояб.; Гапоненко П. Указ. соч.

23. Свадьба с движком // Вперед. 1953. 10 мая.

24. Картина не меняется // Знамя победы. 1953. 7 окт.

25. Щербинина А. Когда мечты зрителей не сбылись // Заветы Ленина. 1953. 26 нояб.

26. Картина не меняется...

27. Дельцы от кино // Знамя коммунара. 1953. 31 авг.

28. Голос колхозника. 1953. 24 сент.; По сталинскому пути. 1953. 22 нояб. Знамя победы. 1953. 7 окт.; и др.

29. По сталинскому пути. 1953. 22 нояб.

30. Улучшать кинообслуживание сельского населения // Уральский рабочий. 1949. 27 марта; Владиславская Ю. Сельский киномеханик // Челябинский рабочий. 1950. 14 мая; ГАСО. Ф. Р-2103. Оп. 1. Д. 48. Л. 67—70; Д. 51. Л. 41, 238, 240.

31. Улучшать кинообслуживание сельского населения // Челябинский рабочий. 1949. 27 марта.

32. Владимирская Ю. Указ. соч.

33. Шамарова Н. Указ. соч.

34. Аркадьев Н. Сельская кинопередвижка // Челябинский рабочий. 1949. 28 окт.

35. Югов М. Равняться на передовых киномехаников // Красное знамя. 1953. 14 июня.

36. Рубцова Е. Сельские киномеханики // Сталинская смена. 1953. 27 сент.

37. Шамарова Н. Указ. соч.

38. Владимирская Ю. Указ. соч.; Сельская киногазета // Звезда. 1946. 12 нояб.

УДК 94(574)

3. Г. Сактаганова

Целинная эпопея в Казахстане: практика реализации, проблемы, итоги

В статье на основе материалов казахстанских и российских архивов рассматривается освоение целинных земель в Казахстане. Анализ документального материала позволяет автору обозначить проблемы и итоги реализации целинной эпопеи, выделив как положительные, так и негативные последствия кампании.

Ключевые слова: целинная эпопея, история Казахстана, целина, массовая распашка земель.

Распашка целинных земель в Казахстане связана с началом XX в., с массовым крестьянским переселением из российских деревень в казахские. В целом следует выделить три этапа освоения целинных земель в Казахстане. Первый этап — в период столыпинской аграрной реформы (с 1906 г.), второй этап — в период осуществления сталинской сплошной коллективизации (1927—1930-е гг.). И третий, самый масштабный этап, — в период хрущевской декады (1954—1960-е гг.).

Проанализируем хрущевскую кампанию по освоению целинных земель в Казахстане. В записке, направленной в январе 1954 г. в ЦК КПСС, Н. Хрущев сообщал, что в стране неуклонно снижается производство зерна, но из года в год увеличивается расход хлебопродуктов [10, с. 170]. Главный путь увеличения производства зерновых культур, по мнению Н. Хрущева, — резкое расширение посевных площадей. В планах — освоить «целину», в том числе огромные простран-

ства степей в Северном Казахстане. Это стало крупнейшим аграрным проектом, реализованным во времена Хрущева, игнорировавшего мнение руководства Казахстана, которое ссылалось на отсутствие транспортных путей для вывоза хлеба, острую нехватку специалистов, помещений для хранения зерна и т.п. Конкретный план освоения целины был представлен казахстанским руководством в ЦК КПСС в ноябре 1953 г., посевные площади Казахстана планировалось увеличить на 2,5 млн. гектаров [9, с. 498]. Но этого было недостаточно, Казахстан уже был запроектирован как крупный целинный регион, и никакие экономические расчеты не могли остановить запущенный в действие механизм. Но целинные земли не пустовали: степные пространства Казахстана использовались как пастбища, кормовая территория для коневодства. Но Н. Хрущев считал, что «в Казахстане курица дает большие доходы, чем лошадь» [12, л. 137]. Мнение Хрущева не совпадало с мнением

213

руководства республики, которое стремилось сохранить кормовую базу животноводства. По настоянию Хрущева произошла смена руководства республики. Вместо Ж. Шаяхметова первым секретарем ЦК КПК был назначен П. К. Пономаренко, правительство республики возглавил Д. А. Кунаев.

В 1954 г. прошел февральско-мартовский пленум ЦК КПСС, принявший постановление «О дальнейшем увеличении производства зерна в стране и об освоении целинных и залежных земель», и из 13 млн. га целинных и залежных земель, которые подлежали освоению в целом по Советскому Союзу, на долю Казахстана было установлено задание в 6,3 млн. га [5, с. 373].

В Российском государственном архиве социально-политической истории в фонде 625 (фонд П. К. Пономаренко) на-ми обнаружена интересная статья «Битва за зерно» из американской газеты «Нью-Йорк таймс» за 2 ноября 1954 г. Перевод был сделан специально для П. Пономаренко. Приведем выдержку из этой статьи. «Сейчас эта центральноазиатская республика (имеется в виду Казахстан. — З. С.) должна устроить свои посевные площади и производство зерна к концу 1956 г. В течение 1954—1955 гг. около 50 млн. акров целинных и залежных земель, которые сейчас пустуют или используются в качестве пастбища, должны быть вспаханы и засеяны. В течение этого процесса по меньшей мере несколько сот тысяч людей будут, очевидно, перемещены из Европейской России в Казахстан, продолжая, таким образом, вторжение русских и украинцев на земли, некогда принадлежавшие туземному казахскому народу. В основном эти земли являются засушливыми и полузасушливыми, где посевам каждый год угрожает страшная опасность засухи. Мы здесь, в США, по собственному опыту знаем высокую стоимость вспашки сухих земель под пшеницу, когда наблюдаются пылевые бури в результате повторения периодов без дождей» [18, л. 499—500].

Американские журналисты являлись не первыми оппонентами массовой распашки земель в Казахстане. Вопрос о возможной распашке казахстанской целины

разрабатывался в начале XX века и Переселенческим Управлением, затем новый бум возник в 1920-е годы накануне колхозизации. В этот период в печати развернулась дискуссия по поводу перспективы земледелия на аридных пространствах республики. Это публикации А. Донича, И. Ларина, А. Рыбникова, М. Сириуса, А. Челинцева, К. Чувелева, С. Швецова [2, с. 212—223]. Так, М. Сириус в своих трудах утверждал, что «в аридных районах Казахстана рентабельность сухого земледелия при данном уровне развития производительных сил крайне проблематична» [19, с. 36]. Представитель Наркомата земледелия К. Султанбеков еще в 1927 г. предостерегал от форсированного и непродуманного развития зернового хозяйства, предупреждая, что это неизбежно приведет к кризису скотоводства [20, л. 11]. Аридные пространства республики занимают 181 млн. га, или 66,2% всей площади республики, если же учесть степень возможной засушливости, то почти 100% площади (за исключением юго-восточного Казахстана) [2, с. 203].

Уровень развития аграрной культуры в 1950-е гг. отличался от 1930-х гг. лишь более широким использованием машинной техники и незначительным уменьшением доли ручного труда в аграрном секторе. Поэтому для столь масштабного освоения целинных и залежных земель требовалась более значительная подготовительная работа по тщательному выявлению и отбору пахотопригодных земель, по созданию рациональной системы земледелия, селекционная работа по созданию морозо- и засухоустойчивых сортов пшеницы, материально-техническому обеспечению целины, жилищному строительству, подготовке кадров т.п. Однако такой работы не было, поэтому, как и в предшествующие периоды советской истории, эта реформа носила характер чрезвычайной кампании. Волонтерский подход при проведении данных реформ обрекал их на множество тактических ошибок, приводя к стратегическим просчетам.

Архивные материалы позволяют отследить рвение партийного и государственного синклита по выполнению данной программы. Земельный баланс

Госземреста 1931 г. определил наличие пахотоспособных земель в Казахстане в 41,345 млн. га; экспликационная комиссия Наркомзема КазССР 1932 г. насчитывала 40,596 млн. га. Всего же земель, которые сочли пахотопригодными, — 47,5 млн. га [18, л. 549—550]. Итак, полученный результат совпал с обозначенным заданием партии и правительства.

Государство направило на осуществление этого проекта всю свою мощь — финансовую, техническую, трудовую. Сравним расходы из государственного бюджета в сельское хозяйство Казахстана в период 1940—1950-х гг. Рост капиталовложений в аграрный сектор заметно опережал рост вложений бюджета в народное хозяйство вообще. Произошло значительное увеличение расходов в сельское хозяйство в 1950 г. по сравнению с 1940 г. Рост составил 347%. В последующие годы бюджетные вложения в сельское хозяйство увеличивались на 8—19% ежегодно. Вложения увеличились с 970,3 млн. рублей в 1953 г. до 2062,9 млн. рублей в 1954 г., составив третью часть расхода бюджета, и до 4572,2 млн. рублей в 1955 г., составив почти половину расходной части бюджета. В принципе, это было явлением беспрецедентным: в 1940-х — начале 1950-х годов из расходной части бюджета на аграрный сектор шло не более 22%. Но рост бюджетных вложений в аграрный сегмент в 1955 г. превысил все предшествующие и последующие вложения в период 1940—1960-х годов. В 1955 г. вложенные в аграрный сектор средства по сравнению с 1940 г. возросли в 18 раз, в сравнении с 1950 — в 5, с 1953 — в 4 раза [7, с. 351].

За целинный период была значительно укреплена материально-техническая база сельского хозяйства путем увеличения капитальных вложений, расширения парка тракторов, комбайнов и других машин. В 1954—1958 гг. промышленность поставила сельскому хозяйству 664 тыс. различных тракторов (или более 1 млн. тракторов в переводе на 15-сильные), 361 тыс. зерновых комбайнов и большое количество других сельскохозяйственных машин [8, с. 182—183].

В 1955 г. при плане 7,5 млн. га было вспахано 9,4 млн. га целинной нови, а за

1954—1955 гг. было поднято 17,9 млн. га вместо 15,3 млн. по плану [15, л. 83]. Уже в 1954 г. за счет освоения новых земель посевная площадь в колхозах и совхозах увеличилась на 1,7 млн. га, производство зерна выросло на 35%. Республика сдала в 1954 г. государству 238,6 млн. пудов хлеба, что на 98 млн. пудов больше, чем в 1953 г.

В 1955 г. в Казахстане разразилась сильная засуха, подобной которой не отмечалось десятки лет. Урожайность зерновых была крайне низкой — 2,9 центнера с гектара [17, л. 7]. В целинных совхозах урожайность составила 1,5—2 центнера с 1 га [16, л. 89]. И хотя в целом посевные площади зерновых культур в 1955 г. увеличились почти в 2 раза (с 8372,5 тыс. га до 16 217,6 тыс.), валовой сбор зерна в этом же году не только не возрос, а даже уменьшился на 40%. Валовой сбор дал лишь 272 млн. пудов, в результате чего республика сдала государству лишь 103 млн. пудов хлеба, из них 80% хлеба с целинных земель [15, л. 83—87]. В этот год в совхозах Казахской ССР зерновые культуры погибли на площади 1272 тыс. га (20,9% площади зерновых культур) [16, л. 89].

Кроме засухи, в качестве основного фактора в отчетах хозяйственников называется «проведенная наспех вспашка из-за больших площадей, так как совхозы получили задания по сверхплановому посеву без наличия подготовленных земель». Отмечается, что «целину поднимали наспех, как правило, по неразделенным пластам, без нормальной заделки семян производили посев, поэтому на большей части этих площадей не получили даже всходов» [16, л. 89]. Кроме того, из-за неорганизованности, недостаточного количества и неудовлетворительного использования машинной техники уборка зерновых культур производилась до конца октября. Затягивание уборки на 40—50 дней, а иногда и до 75 дней приводило к массовым потерям урожая [11, л. 168—169]. Летом в 1955 г. только в Кокчетавской области зерновые культуры погибли на площади 123,3 тыс. га. Засуха 1955 г. обнажила проблемы не только целинной кампании — ее недостаточную подготовленность, отсутствие научных расчетов, прогнозов, слабую мате-

риально-техническую базу, несмотря на кажущуюся масштабность таких работ, и т.д., но и в целом проблемы экстенсивной модели аграрного развития СССР. И все просчеты и ошибки 1955 г. были типичны для всех последующих лет. Несвоевременный и некачественный ремонт тракторов, их недостаточное количество, проблемы с горюче-смазочными материалами и т.п. приводили к затягиванию сроков сева, уборки и других полевых работ. В 1959 г. в республике остался нескосенным и неубранным хлеб на площади в 1,618 млн. га [3, л. 46].

Однако подобные цифровые материалы не всплывали в официальных отчетах, докладах и т.п. Лишь победные реляции могли сопровождать течение этого крупномасштабного проекта. Реализованная на практике экстенсивная модель решения проблемы дефицита зерна позволила на некоторое время снять остроту в этом направлении.

Резкое увеличение посевных площадей под зерновыми культурами произошло в первые целинные годы — 1954—1956: в 1954 г. — на 19%, в 1955 — на 131, в 1956 г. — на 220% по сравнению с доцелинным 1953 г. Самым благоприятным для хлеборобов республики в исследуемый период стал 1956 г. Урожайность зерна поднялась до 10,6 центнера с гектара, хотя все равно не достигла запланированной для целины планки в 14—15 центнеров. Такой урожайный год за 25 лет (с 1940 по 1965 г.) был единственный. Валовой сбор зерна в 1956 г. в 4,4 раза превысил валовой сбор 1953, в 3,1 раза — валовой сбор 1954 и в 5 раз — 1955 г. В последующие 1950—1960-е гг. существенной динамики ни в количестве посевных площадей, ни в валовом сборе, ни в государственных закупках не отслеживалось.

В ходе освоения целины Северный Казахстан превратился в крупную зерновую базу. Если в 1953 г. здесь засевалось 6,7 млн. га пшеницы (3,4% всех пахотных земель СССР), то к 1964 г. площадь пашни возросла в 3,3 раза, составив 21,9 млн. га (9,9% пашни СССР). За десятилетие площадь посевов всех зерновых культур увеличилась в регионе в 4,1 раза, а посевы основной товарной культуры — яро-

вой пшеницы возросли в 4,8 раза. Государственные закупки увеличились более чем в 5,5 раза и достигли в среднем за 1954—1958 гг. 5,73 млн. тонн. По объемам заготовок зерна Северный Казахстан уступал в эти годы только Украине и Западной Сибири [16, л. 72—73, 106—107]. Особая ценность зерновых культур целинных районов заключалась в том, что здесь выращивали твердую пшеницу, ее сильные сорта, отличающиеся высоким содержанием белка. Во многом благодаря целине по содержанию белковых веществ в пшенице СССР стал занимать первое место в мире, северные области Казахстана давали пшеницу с максимальным содержанием белка до 20,5% [3, л. 54]. В 1958 г. общая площадь посевов, отведенных под сильные и твердые сорта пшеницы, составит в абсолютных показателях более 3,2 млн. га (в сравнении с 1950 г. больше в 10 раз).

Рентабельность целинной кампании активно доказывалась в советской историографии. Но аспект экономической целесообразности трудно иллюстрируется, ибо многие факторы рентабельности зернового производства советская статистика игнорировала. Проиллюстрируем: за 1956—1980 гг. государственные капитальные вложения в сельское хозяйство республики составили 44,702 млрд. рублей [6, с. 35], но необходимо учитывать, что государство продавало технику и другие материалы по сниженным ценам, а закупочные цены на продукцию сельского хозяйства несколько раз поднимались, кроме того, ежегодно на целине использовалась огромная масса «дarmовых» трудовых ресурсов: студенчество, школьники, рабочие-горожане, солдаты срочной службы и т.д. Также был весьма значительным расход энергетических ресурсов (горюче-смазочных материалов) в связи с отдаленностью хлебных полей от зернотоков. Средняя урожайность в 1954—1965 гг. составила 7 центнеров с га, тогда как вкладывалось в целинный гектар в качестве семенного материала 1—2 центнера. И если учесть огромные потери зерна во время уборки, транспортировки, хранения и т.п., то экономическая целесообразность целины становится весьма сомнительной. В архивных фондах обнаруживается

множество свидетельств, подтверждающих экономические просчеты целинной кампании. Однако они не были опубликованы, чтобы не «портить» картину благополучия на целине. И естественно, что ни хозяйственники, ни статистические органы, ни ученые не занимались общими подсчетами потерь и убытков на целинной ниве. Целинная эпопея форсировала создание новых совхозов, причем зачастую целесообразность их создания также не просчитывалась экономически. В наследство от целины республика получила не перспективные и депрессивные населенные пункты. Непродуманное размещение населения привело к тому, что за первые два года нового третьего тысячелетия в РК самоликвидировалось около трехсот населенных пунктов [4].

Одной из серьезных проблем целины было то, что многие зерновые хозяйства создавались на малопродуктивных землях. Долгое время такие хозяйства были убыточными и существовали за счет дотаций государства. В 1963 г. в республике убыточными были около 500 хозяйств (394 совхоза и 106 колхозов, это 22% от всех хозяйств). Причем максимальное количество отстающих хозяйств было в целинном крае — 215 (27% от всех хозяйств целинных районов) [14, л. 85—87].

Экстенсивная модель аграрного развития требовала для более или менее стабильного функционирования все больших и больших вложений. А властные структуры в лице партийно-советских органов требовали в отчетности показателей, адекватных вложениям, выполнения все растущих плановых заданий. Нереальность их выполнения рождала приписки, фальсификацию в отчетах руководителей предприятий, районов, областей. В основных зерновых областях зафиксированы приписки, недостача и порча зерна: из урожая 1958 г. — в размере 1184,2 тыс. т, 1959 г. — 159 тыс. т, 1960 — 143 тыс. т. Всего за 3 года — 1486,2 тыс. т [3, л. 172]. Это учтенные данные. Можно предположить, насколько значительную цифру составляют неучтенные данные. Однако даже масштабные фальсификации не решали проблему выполнения завышенных планов. Только в 1958 г. задание по сдаче

и продаже государству зерна не выполнил 51 район из 204 сельских районов республики (25% от общего числа) [13, л. 21].

Массовая распашка целинных земель привела к значительным экологическим проблемам. В годы целины (1957—1958 гг.) в результате беспрецедентных распашек начались пыльные бури на легких почвах в Павлодарской области, а в начале 1960-х гг. процессы дефляции охватили земли всего целинного региона. К 1960 г. в Северном Казахстане было подвержено ветровой эрозии более 9 млн. га почв, что равнялось тогда примерно всей сельскохозяйственной площади Франции [1, с. 271]. Кроме того, целина породила ряд негативных социально-демографических последствий. Обширные миграционные потоки из европейской части СССР привели к тому, что удельный вес титульного этноса в национальной структуре населения Казахстана снизился до 30%, в результате возникла объективная угроза языку, социокультурным институтам и всей системе жизнеобеспечения казахского этноса. А это не могло не отразиться на всем комплексе межнациональных отношений, порождая здесь взрывоопасные проблемы и ситуации [1, с. 277].

Целина в тот период не оправдала себя экономически, создала значительные социальные, этнодемографические, экологические проблемы. Однако, по нашему мнению, в целом для Казахской ССР в процессе освоения целины преобладали положительные моменты. Целина сыграла огромную роль в создании в регионе обширной социальной и производственной инфраструктуры, возникновении новых и расцвете старых городов. Также позитивные итоги целины заключались в огромном потоке капиталовложений, которые аграрный сектор республики, находясь на периферии и как второстепенный сегмент экономики, и территориально, не получил бы никогда, если бы не целинная кампания. Этот компонент позволил аграрному сектору Казахстана выйти если не качественно, то хотя бы количественно на новый уровень. Крупные вложения в аграрный сектор республики способствовали, пусть даже временному, его заметному оживлению.

Список использованных источников и литературы

1. Абылхожин Ж. Б. Очерки социально-экономической истории Казахстана. XX век. Алматы : Ун-т «Туран», 1997. 360 с.
2. Абылхожин Ж. Традиционная структура Казахстана. Алматы : Гылым, 1991. 240 с.
3. Архив Президента РК. Ф. 708. Оп. 33. Д. 1570.
4. Казахстанская правда. 2004. 7 февр.
5. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов. Т. 8. М. : Политиздат, 1985.
6. Народное хозяйство Казахской ССР в 1986 году. Алматы : Казахстан, 1987. 135 с.
7. Народное хозяйство Казахской ССР : стат. сб. Алматы : Казгосиздат, 1957. 381 с.
8. Нейштадт С. А. Экономическое развитие Казахской ССР. Алматы : Наука, 1960. 384 с.
9. Очерки истории Коммунистической партии Казахстана. Алма-Ата : Казгосиздат, 1963. 671 с.
10. Пихоя Р. Г. Советский Союз: история власти. 1945—1991. Новосибирск : Сибирский хронограф, 2000. 680 с.
11. РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 420.
12. РГАНИ. Ф. 4. Оп. 9. Д. 1502.
13. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 31. Д. 169.
14. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 45. Д. 33.
15. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 45. Д. 71.
16. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 45. Д. 94.
17. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 89. Д. 225.
18. РГАСПИ. Ф. 625. Оп. 1. Д. 99.
19. Сириус М. Г. К вопросу о более рациональном направлении сельского хозяйства в Северном Казахстане // Народное хозяйство Казахстана. 1928. № 6—7. С. 36—42.
20. ЦГА РК. Ф. 962. Оп. 1. Д. 264.

УДК 94

Д. А. Сафонов

Отречемся от старого «мира»: крушение сельской общины и общинности

В статье предпринята попытка определить, что из себя представляло разрушение сельской общины. По мнению автора, это прежде всего процесс распада внутреннего единства на уровне сознания людей. Он был исторически обусловлен и ускорялся по мере усиления связей членов общины с внешним миром одновременно с ослаблением внутриобщинных связей.

Ключевые слова: община, «мир», разрушение, общность, внешние и внутренние факторы.

218

Исторически традиционно крестьянская община («міръ» в прежнем написании) воспринималась как нечто постоянное, как некая константа, присущая российскому крестьянскому сообществу. Именно на общину указывали славянофилы, полагая ее важным элементом крестьянского бытия и идентичности, именно в общине народники видели гарантированную основу будущего социалистического переустройства, именно за ее сохранение ратовали критики Столыпина и именно ее разрушение ставилось ему же в вину советскими историками как едва ли не основная цель всего реформаторского процесса.

Действительно, на протяжении достаточно длительного периода крестьянская община была единственной мыслимой формой организации земледельцев. Сам факт, что община просуществовала столетия, был весомым аргументом в пользу ее полезности и востребованности крестьянами, а любые насильтственные действия

против нее расценивались как покушение на самое святое у крестьян. Отсюда соответствующий счет предъявлялся (в разное время и представителями разных политических взглядов) П. А. Столыпину, а потом — большевикам/коммунистам, разрушившим каждую конкретную крестьянскую общность своим классовым подходом и натравливанием одной части населения деревни на другую. Уместно упомянуть о существующем мнении относительно того, что коммунисты, создавая колхозы, использовали «коллективную» память, взяв из прошлого прежде всего фискальную функцию.

Хотим мы этого, или нет, но складывается достаточно четкое мнение, что община просто не пережила резких пертурбаций первой половины XX века под воздействием разрушающих факторов извне. А поскольку под воздействием упомянутых факторов разрушено было много чего, и это далеко не всегда имело отрицательные

последствия, то есть основание для рас- суждений относительно того, исчерпала ли в реальности община свой внутренний ре- сурс или же мы имеем дело с разрушением жизнеспособного организма, еще могуще- го существовать и приносить пользу.

Тут и возникает некая терминологи- ческая путаница: о какой именно общи- не идет речь? Самое общее определение общине (или «міру») может дать каждый, даже не являющийся специалистом в об- ласти истории, но этого будет недостат-очно. Ни одно историческое понятие, су- ществовавшее на протяжении достаточно длительного времени (в данном случае — веков) никак не может оставаться неиз- менным; иными словами, при постоянстве термина его наполнение может и должно постоянно меняться.

Следовательно, крестьянская общи- на неизбежно менялась, в определенном смысле эволюционировала, и не каждое изменение, не каждая новация обязатель- но являлись признаком ломки, тем более что не вполне ясно, что следует принять за исходный образец.

Конкретная деревня представляла со- бой определенный организм, и общность ее имела ряд моментов: политический, экономический, духовный, и все они в определенном смысле эволюционировали. Но исходной была идея именно общности, единства. Микрокосм деревни был на про- тяжении долгого времени достаточно зам- кнут, причем «внутрь».

Несомненно, в общине всегда суще- ствовало неравенство, но при этом со- хранялось равенство. Несмотря на кажу- щуюся казуистичность данного посыла, противоречия мы не видим. При равном праве на земельный пай семья, имеющая больше мужчин, имела явные преимуще- ства против семьи с дочерьми. Равенство было не в реальности, равенство было в возможностях. Да, в деревне были свои бедняки, свои (скажем условно) богатые, свои кулаки-мироеды (вероятно, стоит упомянуть, что это не кулаки «советского» времени, в XIX веке так именовались члены общин, не занимавшиеся земледель- ческим трудом, а жившие как бы за счет «міра», — торговцы, держатели питейных лавок и т.п.), но все равно, они сначала

были «свои» и лишь потом учитывалось все остальное. Внутренняя жизнь общины скреплялась огромным и ненаблюдаемым из сегодняшнего дня множеством лич- ных связей между ее членами: симпатий и антипатий, дружбы и соседства; иными словами — сосуществования, причем со- существования стабильного, постоянно- го, безальтернативного, — т.е. общность воспринималась не просто как данность, но как единственно возможная. Не будем забывать, что на протяжении достаточно длительного времени население деревень было маломобильно.

В крестьянском мировоззрении реаль- ность воспринималась через деление всех на «мы» и «они» — когда «міръ» противо- стоял всему остальному окружающему ми- ру: властям, помещику и т.п. В любой кон- фликтной ситуации деревенское общество выступало единой силой. Это мы наблюда- ем и в дореформенное время, и порефор- менное. Во всех земельных спорах вокруг условий тех же уставных грамот община выступала как одна из сторон. Примени- тельно к Южному Уралу нам известны примеры, когда сход требовал общего одо- брения того или иного решения, в опреде- ленном смысле принуждая несогласных. Однако со временем ситуаций, когда не- согласные отказывались подчиняться или начинали действовать самостоительно, становилось все больше и больше. Доста- точно традиционно для советской историо- графии было связывать появление этого явления с проникновением капиталисти- ческих отношений в деревню, ростом не- равенства и, как следствие, появлением разницы интересов. Что, собственно, да- ет основание рассуждать о реальном ра-венстве в «докапиталистическую» эпоху, имея в виду не наступление капитализма в России, но приход капиталистических от-ношений в сельскую среду. Наиболее по- пулярным доказательством был факт, что некоторые бедные крестьяне на сходах по сути поддерживали точку зрения богатых по причине нахождения от них в экономи- ческой зависимости. Но даже кажущееся равенство голоса на сходе, которым обла- дал каждый односельчанин, судя по ма-териалам начала XX века, не было гаран- тией принятия реально демократических

решений. Источники констатируют влияние, которое более обеспеченные сельчане имели на менее обеспеченных при принятии «нужных» решений. Но тут стоит уточнить: а действительно ли подобное есть результат именно капиталистического расслоения? Манипулирование подобного рода мероприятиями мы наблюдаем даже в вечевом Новгороде.

В новых условиях (мы имеем в виду развитие капитализма) произошло не только расслоение крестьян, но резко и ощутимо выросла крестьянская мобильность — условно выход за пределы села. «Міръ» стал раскрываться миру — возросло число тех, кто стал уходить из села; и в итоге начали рваться одна за другой эти множественные нити, до того скреплявшие общину как целое. И даже возвращающиеся были уже немного другими — с новыми связями и контактами «там», за пределами своего села. Показательно, на наш взгляд, что уже в конце XIX века местные оренбургские газеты печалились о «падении нравственности» у крестьян, уходивших в города на заработки, имея в виду прежде всего появление у них иных ценностных ориентиров и исчезновение прежнего пieteta в отношении «своей» общины, ее правил, ценностей и проч. Когда мы говорим о «разрушении» общины столыпинской реформой, то както не обращаем должного внимания, что последняя не столько разрушила общину, сколько перевела ряд важных моментов

внутридеревенских отношений — в данном случае связанных с землей — в общегосударственное правовое пространство. Что же касается внутренних связей/взаимосвязей общины, то никто их специально и целенаправленно не разрушал — ни в одном нормативном акте, связанном с реформой, ни в одном публичном заявлении, как, впрочем, и в известных практических шагах, никто не покушался на «человеческий фактор».

Если сделать некий допуск — а именно: реформы Столыпина не было бы, а потом не было бы 1917-го года с его «агарной революцией» — т.е. гипотетически исключить внешние факторы воздействия, то осталась бы тогда община? На наш взгляд, нет. Внутренний мир общины начал разрушаться еще до этих событий, и процесс этот шел бы при любых внешних условиях независимо от политического строя или господствующих экономических отношений. Разумеется, «политическая» составляющая неизбежно влияла бы на этот процесс, более того — влияла бы ощутимо, эффективно — но именно только влияла, а не вела его.

Община именно как общность рушилась сама по себе, медленно, но верно, по мере того как рвались внутренние связи, а рвались они потому, что в разы стало возрастать информационное проникновение внешнего мира. И этот продолжающийся процесс по-прежнему неотвратимо ломает все закрытые общности.

УДК 94(470.62)“1917”

С. М. Сивков

Отношение казачества и крестьянства Кубанской области к важнейшим событиям в России и регионе в первой половине 1917 года

В статье рассмотрена позиция сельского населения (казачества и крестьянства) по различным общественным вопросам, выявлены структура и настроения сельского населения, проанализировано его отношение к политическим событиям.

Ключевые слова: Гражданская война, казачество, иногороднее крестьянство.

К началу революционных событий и гражданской войны 1917—1922 гг. сельское население Кубанской области представляло собой достаточно пеструю кар-

тину. В последнее десятилетие большое количество ученых занималось проблемами причин начала гражданской войны на Кубани, рассматривались различные

асpekты данного явления. Можно выделить работы Ж. О. Абреговой [1], Н. А. Почещхова [1, 16], В. Н. Сергеева [18], А. А. Черкасова [21], В. Н. Шарафутдинова [22] и многих других. Однако данная проблема требует дополнительного рассмотрения.

Главная специфическая черта Кубани в рассматриваемый период заключалась в ее казачьем характере, в том, что она являлась одной из самых крупных казачьих областей России.

В административном отношении область подразделялась на 7 отделов, во главе которых находились атаманы.

Население области по отделам составляло:

- Екатеринодарский отдел — 351,8 тыс. чел.;
- Ейский отдел — 411,8 тыс. чел.;
- Баталпашинский отдел — 309,3 тыс. чел.;
- Лабинский отдел — 528,2 тыс. чел.;
- Кавказский отдел — 469 тыс. чел.;
- Майкопский отдел — 416,4 тыс. чел.;
- Таманский отдел — 493,5 тыс. чел.

[13, с. 11].

В основном население являлось сельским. По сведениям, приведенным известным ростовским ученым профессором А. И. Козловым, в Кубанской области городское население составляло 20% [5, с. 9], что соответствовало и обще-российской картине начала XX века.

Как отмечал майкопский исследователь Н. А. Почещхов: «По числу жителей многие станицы и села не уступали средним городам и отдельным губерниям России» [16, с. 106].

По состоянию на 1 января 1914 года в Кубанской области насчитывалось 5 городов и 428 других населенных пунктов [17, с. 134].

Количество городов по отделам составляло: Екатеринодарский — 2, Ейский — 1, Баталпашинский — 0, Лабинский — 1, Кавказский — 0, Майкопский — 1, Таманский — 1 [13, с. 11].

Другой особенностью Кубанской области стало разделение населения на казачье и иногороднее (крестьянство). Казачье население преобладало в Екатеринодар-

ском, Ейском, Кавказском и Таманском отделах, а иногороднее — в Баталпашинском, Лабинском и Майкопском.

К иногороднему населению относились переселенцы, не вступившие в общину и не получившие земельного надела. Их процент в области значительно пре-восходил показатель на Дону. Чаще всего в работах различных авторов эти цифры расходятся. В коллективной монографии «Октябрь на Дону и Северном Кавка-зе» определено, что казачество составляло 45,8% населения, а иногородние 39% [14, с. 18]. Другие авторы утверждают, что иногородние составляли более 50% на-селения области. Причиной расхождений является отнесение в эту группу коренных крестьян, которые составляли 13,7% насе-ления и были переселенцами начального периода пореформенного времени, успели получить земельные наделы. Все они яв-лялись членами сельских общин [5, с. 9].

Неоднообразной являлась и социаль-ная картина среди иногороднего насе-ления, которое подразделялось на оседлых и неоседлых. Первые вели на арендован-ной или покупной земле собственное хо-зяйство, вторые, «квартиранты», ничего этого не имели, существовали исключи-тельно за счет сдачи в наем своего труда, хотя его оплата была довольно высока от-носительно других регионов. Следует от-метить, что последняя группа населения представляла наиболее взрывоопасный слой для Кубани.

По этническому составу 42,6% со-ставляли русские и 47,4% украинцы. Тем не менее перед казачеством неоднократ-но вставал вопрос о его этническом про-исхождении. Многие казаки не отождест-вляли себя ни с русским, ни с украинским народом.

Исторически получилось так, что кубанское казачество официально сфор-мировано из нескольких казачьих войск. Крупнейшими группами стали «черно-морцы», входившие ранее в состав Чер-номорского казачьего войска, и «линей-цы» — из числа казаков, проходивших службу на Кавказской линии.

«Черноморские» казаки преобладали в Екатеринодарском, Ейском, Кавказском и Таманском отделах, а «линейцы» — в

Баталпашинском, Лабинском и Майкопском отделах. Отношения между ними не заладились с самого начала, а с 1917 года еще более обострились.

К августу 1917 года в Украине и в казачьем руководстве сложилась непростая ситуация. Украина требовала своей независимости, делая при этом заявление о своих территориальных претензиях на земли Кубани, что обострило отношения между «линейцами», как сторонниками сохранения унитарного государства, и «черноморцами», выходцами из Запорожской Сечи, активно выступавшими за федерализацию Российского государства.

Стремительный естественный прирост населения и поток переселенцев в сельские местности обострял земельный вопрос между казачеством и другими группами населения. С 1910 по 1915 год душевой пай значительно сократился. Так, например, в ст. Выселки — на 47%, Старошербиновской — на 27%, Динской — на 25%, Кавказской — на 32%, Уманской — на 23%, Кореновской и Лабинской — на 17%, Пашковской — на 13% (подсчет автора) [6, с. 282—388; 7, с. 432—547].

Вместе с тем основную массу хозяйств Кубанской области составляли зажиточные. Они отличались высокой степенью насыщенности сельхозмашинами и орудиями.

92% населения области придерживалось православной веры [2, с. 140].

Политические партии, действовавшие на территории Кубанской области, в сельской местности не получили серьезной поддержки ни среди казачьего, ни среди иногороднего населения.

Вступление в Первую мировую войну Турции усилило исламистские и пантюркские настроения среди горских народов, проживавших на территории области.

По воспоминаниям кубанского меньшевика Л. В. Балкевича: «Революция 1917 года застала провинцию врасплох, в Кубанской области революционных настроений не было. Были настроения общего недовольства...» [19, л. 1]. Реакцией на свержение Николая II стал страх перед будущим «без царя-батюшки».

Начавшийся процесс не могли остановить сомнения сельского населения. На

местах начинают формироваться отдельские гражданские комитеты. Большинство из них поддержало политику Временного Правительства на продолжение мировой войны [4, с. 248].

Сложнее обстояло дело при формировании советов. В ряде отделов, например Баталпашинском, формирование советов шло медленно, не встречая поддержки со стороны казачьей части населения [43, с. 249, 252].

Мирный процесс формирования власти в значительной степени обострялся земельными противоречиями между казачеством и иногородним населением. Распространялись слухи о том, что у казаков будут отбирать землю [9].

Рада, проходившая в Екатеринодаре с 17 по 22 апреля 1917 года, постановила по земельному вопросу, что общинные земли станиц и хуторов, а также леса и угодья, принадлежавшие раньше казачеству, должны быть неотчуждаемы [15], выражая интересы только казачьего населения области. По меткому выражению С. Г. Турутана, «иногородним оставались лишь рожки да ножки, ибо 75% неказачьих земель были выделены из казачьих наделов» [20, л. 16].

На съезде крестьянских и казачьих депутатов ряда сел, хуторов и станиц, состоявшемся 25 апреля (8 мая) в Армавире, принято постановление: «Землей могут пользоваться все желающие обрабатывать ее своим трудом» [3, с. 148]. Похожая резолюция принимается делегатами крестьянского съезда, проходившего в х. Романовском [23, с. 120]. Учитывая высокую степень использования в казачьих хозяйствах наемного труда иногороднего населения, следует сделать вывод о негативной оценке данного акта со стороны зажиточного казачества.

По мере снижения роли гражданских комитетов на местах накалялась политическая обстановка. В ст. Гривенской казачье население выражало свое недовольство гражданским комитетом лишь потому, что во главе его стоял не казак, а в Невинномысской из 12 казачьих представителей в комитете осталось только 2 [9, 10, 11, 12].

Таким образом, сельское население Кубанской области в начале 1917 года не

выступало как единый монолит. Оно было расколото на казаков, иногородних и горцев, а те, в свою очередь, на «черноморцев», «линейцев», «коренных крестьян», «оседлых» и «неоседлых».

В центре всех проблем оставались земельный вопрос и вопрос будущего государственного устройства. Единства не было ни в казачьем, ни в крестьянском обществах, что и привело к развитию конфликта, переросшего в широкомасштабную гражданскую войну.

Уменьшение земельных наделов обострило ситуацию, которая приобрела характер бурных дискуссий в последующем развитии событий.

Список использованной литературы

1. Абрегова Ж. О., Почешхов Н. А. Периодические издания: место и значение при реконструкции событий гражданской войны на Кубани (1917—1921 гг.) // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2012. № 1. С. 11—14.
2. Андреева О. В. Динамика религиозных воззрений населения Кубани (конец XVIII в. — XX в.) // Краснодару — 200 лет. Краснодар, 1993. С. 138—141.
3. Аутлев М. Г. Революционное творчество солдат-фронтовиков и иногородних крестьян Кубанской области в период борьбы за власть Советов // Казачество в Октябрьской революции и гражданской войне. Черкесск, 1984. С. 85—88.
4. Добачев И. К. Казачество Баталпашинского отдела в 1917—1920 гг. // Казачество в революциях и гражданской войне. Черкесск, 1988. С. 247—255.
5. Козлов А. И. Борьба за власть Советов в Черноморской губернии (1917—1920 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ростов-на-Дону, 1965.
6. Кубанский календарь на 1910 г. Екатеринодар, 1910.
7. Кубанский календарь на 1915 г. Екатеринодар, 1915.
8. Листок войны. 1917. 8 марта.
9. Листок войны. 1917. 9 июня.
10. Листок войны. 1917. 17 июня.
11. Листок войны. 1917. 18 июня.
12. Листок войны. 1917. 19 июня.
13. Мерхалев Дм. Материалы по экономическому положению Кубанского края. Производство и потребление главнейших продуктов на Кубани. Вып. 1. Екатеринодар, 1919. 77 с.
14. Октябрь на Дону и Северном Кавказе. Ростов-на-Дону, 1977. 304 с.
15. Постановления съезда представителей станиц казачьего населения Кубанской области, состоявшегося с 17 по 22 апреля 1917 г. в г. Екатеринодаре. Екатеринодар, 1917.
16. Почешхов Н. А. К вопросу о статистических источниках истории гражданской войны на Кубани (1917—1921 гг.) // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2011. № 3. С. 104—107.
17. Россия. 1913 год. СПб., 1995.
18. Сергеев В. Н. Строительство гражданского общества и казачество Южной России (март — октябрь 1917 г.) // Северо-Кавказский юридический вестник. 2010. № 4. С. 7—15.
19. Центр документации новейшей истории Краснодарского края (ЦДНИКК). Ф. 2830. Оп. 1. Д. 205.
20. ЦДНИКК. Ф. 2830. Оп. 1. Д. 1388.
21. Черкасов А. А. К вопросу о Гражданской войне на Кубани и Черноморье, 1917—1922 гг.: причины, ход, итоги // История и историки в контексте времени. 2004. № 2. С. 34—54.
22. Шарафутдинов В. Н. Гражданская война на Кубани и Черноморье (1917—1922 гг.): «третья сила» в социально-политическом противостоянии // Былые годы. Российский исторический журнал. 2007. № 3 (5). С. 27—29.
23. Янчевский Н. Л. Гражданская борьба на Северном Кавказе. Т. 1. Ростов-на-Дону, 1927.

223

Российская деревня в XVII—XXI веках: социокультурное измерение

УДК 631.95

Л. С. Таршилова

Экологические проблемы региональной агропродовольственной системы

Задача удовлетворения потребности в продуктах питания сельского населения органически связана с интенсификацией использования природных ресурсов и усилением воздействия агропромышленного производства на окружающую среду. В связи с этим важное значение имеет рассмотрение экологических аспектов

развития агропродовольственной системы (АПС). В то же время оценка эколого-экономических результатов ресурсосбережения в сферах АПС, вопросы расширения вовлечения вторичных ресурсов и отходов отраслей в хозяйственный оборот исследованы не в полной мере и, учитывая масштабы агропромышленного производ-

ства, приобретают все большую актуальность.

В региональной АПС природная среда выступает как единый для всех природопользователей источник ресурсов и как среда размещения. Поэтому возникает необходимость увязки и согласования функционирования агропромышленных предприятий, обеспечения их территориально-экономической и экологической совместимости. Активизация природоохранной функции общества привела к необходимости экологизации процессов формирования АПС. Под экологизацией принято понимать территориальную организацию производства с учетом рационального ресурсопотребления и охраны природы [4]. Соотношение функций ресурсопотребления и природоохранной во многом зависит от развивающегося и преобладающего в регионе исследования вида природопользования — агропромышленного, что, в свою очередь, связано со специфическими процессами формирования АПС.

Экологизация производства необходима прежде всего в региональных АПС. Сложность проблем природопользования в таких системах обусловлена большими масштабами антропогенной деятельности. Специфика природопользования в региональных АПС вытекает из особенностей ее структуры. В процессе исследования Западно-Казахстанской АПС в ее составе были выделены отраслевая, функциональная и территориальная структуры [3].

Отраслевая структура АПС региона характеризуется недостаточной степенью диверсификации. Ведущей отраслью является сельское хозяйство, на долю которого приходится 74,8% всей продукции АПС. На базе значительных объемов производства сельскохозяйственной продукции в регионе получила развитие перерабатывающая промышленность (8,5% продукции АПС). Производство средств производства получило здесь ограниченное развитие (11% продукции АПС). Узким звеном системы является инфраструктура. Отставание в развитии дорожной сети, элеваторов, хранилищ, складов, холодильников составляет одну из существенных диспропорций в функционировании АПС региона.

на. Вследствие этого возникают большие потери сельхозпродукции при хранении, транспортировке (10—17% валовой продукции).

Общая экологическая ситуация в региональной АПС определяется составом и структурой используемой части природно-ресурсного потенциала. Ресурсо-потребление основано на природно-ресурсных циклах, которые представляют собой совокупности превращений и пространственных перемещений определенного вещества или группы веществ, проходящих на всех этапах использования его человеком (включая его выявление, подготовку к эксплуатации, извлечение из природной среды, переработку, потребление, возвращение в природу) и протекающих в рамках общественного звена общего круговорота данного вещества или веществ на Земле [1]. Структура и количество природно-ресурсных циклов во многом определяют сложность и отраслевую направленность природопользования в региональной АПС. Согласованное развитие звеньев циклов по извлечению ресурса, его переработке и производству конечного продукта, использованию отходов и восстановлению ресурса представляет одно из основных направлений экологизации агропромышленного производства. В пределах Западно-Казахстанской области ведущим является цикл почвенно-климатических ресурсов и сельскохозяйственного сырья.

В процессе исследования функциональной структуры региональной АПС был выделен агрегированный цикл, представляющий собой систему циклов, базирующихся на выращивании и переработке конкретных видов сельскохозяйственного сырья.

В отличие от природно-ресурсного агропромышленный цикл охватывает не все стадии превращений и перемещений используемого вещества природы, т.е. понятие агропромышленного цикла (АПЦ) более узкое, чем природно-ресурсного. В зависимости от вида используемого сельскохозяйственного сырья АПЦ бывают двух типов — растениеводческо-промышленные и животноводческо-промышленные. Среди характерных особенностей АПЦ региона следует выделить их мало-

численность и усеченность отдельных циклов (в частности, овощепромышленного), а также отсутствие ряда вспомогательных и обслуживающих производств практически во всех циклах. Это, в свою очередь, способствует развитию внешних экономических связей региона с другими областями по приобретению средств производства, тары.

Между элементами функциональной структуры циклов существуют устойчивые производственно-экономические связи, среди которых наибольшей интенсивностью обладают вертикальные связи «сырье — переработка». Значительную роль играют также связи между основными и сопутствующими производствами. Менее интенсивны производственные связи между основными, обслуживающими и вспомогательными производствами. Взаимодействие отдельных АПЦ между собой особенно интенсивно на уровне сельскохозяйственного звена. Наибольшей степенью взаимосвязей характеризуются животноводческо-промышленные циклы (мясопромышленный и молокопромышленный), для которых начальные стадии (кормопроизводство, селекция и семенное дело, выращивание молодняка) являются практически совместными. Растениеводческо-промышленные циклы взаимодействуют между собой посредством системы севооборотов. На стадии кормопроизводства растениеводческо-промышленные циклы тесно связаны с животноводческо-промышленными.

Первоначально нарушение экологического равновесия в сельскохозяйственном звене цикла проявляется в виде физических изменений (дефляция, эрозия, деградация почвенного покрова), которые затем могут привести к негативным экономическим последствиям: снижению производительности труда, уменьшению продуктивности угодий.

Для Западно-Казахстанской области характерны сильные дефляционные процессы, здесь наиболее развита водная и ветровая эрозия. Водной эрозии подвержено 454,0 тыс. га. Дефляция не только сокращает размеры сельскохозяйственных угодий, но и обедняет их плодородие, вымывая и выдувая микроэлементы. Наблю-

дается и перенасыщение вредными солями (засоление), чрезмерная концентрация в них пестицидов и гербицидов.

Выход из сложившегося положения возможен на основе внедрения прогрессивных почвосберегающих и защитных технологий. Для защиты земель от эрозии используются работы по безотвальной обработке почвы с сохранением стерни, а также посев специальными противоэррозионными сеялками. Они составляют 93% от всего объема выполняемой рекультивации сельскохозяйственных земель [2]. По многолетним наблюдениям, это дает прирост урожайности пшеницы на 2,7—5,6 ц/га. Внедрение прогрессивных, экологически обоснованных технологий в сферах АПС позволяет преодолеть ограниченность природных ресурсов.

В животноводстве одним из самых уязвимых мест является низкий конечный коэффициент полезного использования исходного органического вещества. Выращиваемые кормовые культуры и естественные корма до сих пор используются далеко не полностью. 70% питательных веществ расходуется на поддержание существования организма животного и лишь остальное их количество дает привес. До человека доходит в виде продуктов животноводства менее 10% питательных веществ, содержащихся во всех кормах, полученных на полях. Накапливающиеся отходы животноводства не используются в земледелии полностью, наносят ущерб природной среде путем загрязнения водоемов сточными водами, чрезмерного удобрения почв и выделения в атмосферу аммиака.

На основе использования первичных продуктов растениеводства и животноводства сложилась серия отраслей пищевой и легкой промышленности, которые составляют промышленное звено цикла. Данные отрасли утилизируют исходное сырье с далеко не одинаковой полнотой.

В зернопромышленном цикле 25% произведенного зерна поступает на промышленную переработку на мукомольно-крупяные предприятия, 9% идет на семена, 16% — на корм скоту. Стадии данного цикла территориально разобщены. Производство и заготовка зерна осуществля-

ются в сельской местности, а переработка тяготеет к областному центру. На базе отходов промышленного звена развивается сопутствующее производство — комбикормовое, на которое используется 35,1 тыс. т зерна и отходов и производится 65,1 тыс. т комбикормов. Отруби и отходы при заготовке и хранении поступают непосредственно на сельскохозяйственные предприятия на корм скоту.

В плодоовощепромышленном цикле на промышленную переработку поступает всего 4% сельскохозяйственного сырья в связи с недостаточностью перерабатывающих мощностей. Сопутствующие и обслуживающие производства цикла развиты слабо, так как обособленных специализированных предприятий по утилизации плодовоовощных отходов в области нет.

В мясопромышленном цикле в промышленном звене может перерабатываться до 76% произведенного в области мяса. Остальная часть вывозится в другие регионы, в результате чего возникают большие потери при перегонах (7—10%). Мощности холодильных установок позволяют обеспечить хранение только 26% произведенных мясопродуктов, что сдерживает развитие перерабатывающей промышленности. При переработке отходов мясного производства возникает группа сопутствующих производств по переработке кож, овчинно-мехового сырья, шерсти, утилизации крови, костей, кишечного, эндокринно-ферментного сырья. Некоторые виды продукции после первичной обработки вывозятся за пределы области — 30% производства.

В молокопромышленном цикле побочные продукты молока используются на корм скоту — 40%, 43% — в дальнейшей промышленной переработке, 17% составляют потери. В области нет мощностей по переработке обезжиренного молока, пахты, сыворотки. Между тем эти отходы являются ценным сырьем для производства заменителя цельного молока, обезжиренной молочной продукции.

Комплексная переработка сырья позволяет существенно увеличить производство при имеющейся сырьевой базе. Например, при существующих технологиях ресурсы вторичного сырья, образующиеся

в процессе переработки молока и использующиеся пока лишь частично, по своей массе составляют $\frac{2}{3}$ первоначального объема, в них содержится 50% всех ресурсов белка, 75% углеводов. Комплексная переработка дает возможность удешевить производство конечной продукции.

У межотраслевых систем, развивающихся на основе многостадийных циклов, промышленно-природное взаимодействие наиболее сложное и масштабное. Интенсивность и количество видов такого взаимодействия зависят от разветвленности соответствующего цикла, развития в нем одной или нескольких ветвей, попутных производств. Создание последних обусловлено прежде всего возможностями комплексного использования базисного природного сырья.

В региональных АПС большое внимание уделяется обеспечению равномерного распределения техногенной и антропогенной нагрузки на территорию, определению видов и масштабов мелиорации, наиболее целесообразных в данной экологической обстановке.

Одним из направлений экологизации агропромышленного производства является совершенствование территориальной структуры региональной АПС с учетом экологических факторов не только при изменении границ интегральных агропромышленных подрайонов и микрорайонов, но и при функционировании существующих. Здесь необходимо смягчение резкой неравномерности антропогенной нагрузки узловых центров и периферийных частей, выравнивание уровня экологического развития всех элементов территориальной структуры региональной АПС.

Список использованной литературы

1. Комар И. В. Рациональное использование природных ресурсов и ресурсные циклы. М. : Наука, 1975. 212 с.
2. Мониторинг развития аула : стат. сб. / Управление статистики Западно-Казахстанской области. Уральск, 2013. 104 с.
3. Таршилова Л. С. Интегральная агропродовольственная система региона: особенности и проблемы функционирования // Современные научно-исследовательские технологии. М., 2012. № 10. С. 69—70.
4. Чигаркин А. В. Экологическое ресурсоведение : учеб. пособие. Алматы : Казак университети, 2004. 238 с.

И. А. Тропов

Помещичья земля и хозяйственная деятельность крестьян на Северо-Западе России (1917—1918 гг.)

В статье рассматривается отношение крестьян Северо-Запада России к помещичьей собственности в 1917—1918 гг. На основе анализа источников личного происхождения и документов советского делопроизводства показано, что крестьяне зачастую не проявляли интереса к захвату земельных владений помещиков, а ограничивались распределением движимого имущества (зерна, сельскохозяйственного инвентаря и пр.).

Ключевые слова: крестьяне, помещичья земля, аграрный вопрос.

В крайне напряженной обстановке, сложившейся в России к осени 1917 г., казалось бы, трудно обнаружить вопрос, который бы одинаково трактовался представителями различных политических партий. Между тем, как это ни покажется странным на первый взгляд, таким вопросом был аграрный. И Временное правительство, и его оппоненты «справа» и «слева» одинаково понимали, что сутью аграрного вопроса в России является проблема раздела земельной собственности между многомиллионным крестьянством. Происходившие с весны 1917 г. и расшившиеся к осени того же года захваты и разграбления крестьянами-общинниками частных владений (помещичьих усадеб, а также земель отрубников и хуторян), самовольная рубка казенного леса, а также захваты покосов и других участков друг у друга убеждали и политиков, и простых обывателей в том, что именно получение земли является «альфой и омегой» крестьянского движения в России.

Современные историки также преимущественно исходят из того, что лозунг «справедливого» решения земельного вопроса, т.е. преобразования аграрного сектора на базе ликвидации частной собственности и уравнительного распределения земли, был в целом близок и понятен основной массе сельского населения. Эта идея, по словам А. Н. Медушевского, «представляла собой абстрактное выражение порядков крестьянской общины в масштабах государства» [9, с. 395]. Однако рассмотрение особенностей взглядов и деятельности крестьян на Северо-Западе России после октября 1917 г. побуждает говорить о том, что обладание землей не

являлось для крестьян (по крайней мере, в указанном регионе) такой неоспоримой ценностью, как это принято считать.

Правовой основой земельной реформы в Советской России стали два документа: Декрет о земле от 26 октября 1917 г. и «Основной закон о социализации земли» от 27 января 1918 г. Главное содержание реформы состояло в отмене частной собственности на землю. Ее распорядителем становились волостные земельные комитеты и местные Советы в лице своих земельных отделов (земотделов). Для граждан вводилось так называемое уравнительное трудовое землепользование. Земли должны были поступить в общий передел, и после его осуществления каждому желающему — представителю «трудового народа» (не делая различий между деревенскими жителями и «пришлым» — городским — населением) надлежало, исходя из местных условий, выделить землю по трудовой норме, т.е. по количеству работников в крестьянской семье, или по потребительской норме, т.е. по количеству имеющихся в семье «едоков» [6, с. 17—20, 407—414].

Реализация заложенных в советском законодательстве принципов и норм выводила на первый план отношения собственности. Однако в сознании крестьян эта категория не была абстрактной. При ближайшем рассмотрении вопрос о земельной собственности распадался на ряд составных частей — это «нетрудовые» частные земельные владения (прежде всего помещичьи), «трудовые» частные крестьянские угодья (полученные в ходе столыпинской аграрной реформы земли хуторян и отрубников, а также еди-

ноличные или приобретенные «в товариществе» купчие земли), надельные земли крестьян-общинников и, наконец, бывшие казенные (государственные) земельные участки. В данной статье речь пойдет о бывших помещичьих землях на Северо-Западе России.

«Владельческие» имения, разгром которых, как уже отмечалось, активно происходил с весны 1917 г., практически полностью опустели весной — летом 1918 года [5, с. 264—287]. Бывшие владельцы и управляющие либо бежали сами, либо изгонялись крестьянами [12, с. 219]. Но это не означало, что крестьяне сразу же проявляли интерес к бывшим помещичьим землям, пуская их в передел. Известный русский экономист А. Н. Челинцев еще в 1920-х гг. доказал, что эволюция владельческих и крестьянских хозяйств в России шла разными путями, в результате чего к 1917 г. они представляли собой две несходные по своему внутреннему устройству производственные системы [19, с. 214]. Будем учитывать также, что дворянские имения далеко не всегда были хозяйственными единицами, — нередко они являлись лишь местом летнего отдыха для дворянских семей. Становится понятным, что никакого простого и быстрого приспособления помещичьих «культурных имений» к нуждам крестьянского хозяйства в таких условиях просто не могло произойти.

В результате крестьяне проявляли особый интерес к изъятию из имений частновладельческого скота, инвентаря и хлебных запасов. Часть конфискованного брали на учет земельные комитеты или земельные отделы, направлявшие в помещичьи имения специальных уполномоченных, и затем распределяли между крестьянами. Так, например, в Зуевской волости Холмского уезда Псковской губернии крестьяне получили из местного помещичьего имения 900 пуд. хлеба, 3000 пуд. сена и 90 пуд. мяса [2, с. 37]. Но в ряде случаев, пользуясь слабостью местных учетных органов и стремясь к быстрому обогащению за счет ненавистного помещичьего хозяйства, крестьяне в ходе стихийного движения самовольно угоняли скот, расхищали ценности, сельскохозяйственный инвентарь, мебель и

прочее имущество, разбирали постройки, иногда жгли их [2, с. 39; 7, с. 165; 10, с. 111; 18, с. 46].

Помимо захвата движимого имущества, предметом вожделений крестьян северо-западных губерний России был лес, объявленный большевиками государственной собственностью. Между тем, по свидетельству известного деятеля революционного движения писателя и этнографа В. Г. Тан-Богораза, в лесных полосах Северо-Запада России крестьяне не желали этого признавать. Они активно «использовались» лесными массивами, «построились и шире и пышнее». «И до сих пор, — писал автор в 1924 г., — у редкого крестьянина нет поставленной новенькой клети или запасенных бревен, нарубленных с выбором, с любовью и, конечно, бесплатно» [15, с. 6]. Наряду с хищнической вырубкой леса с целью заготовки строительных материалов и дров в некоторых местах северо-западного региона происходила расчистка лесных участков под пашню. Но, по свидетельствам современников, решить такую задачу было под силу «не слабым, а сильным», т.е. сравнительно небольшой прослойке зажиточных крестьян [17, с. 69].

Частновладельческие земли при этом нередко вообще оставались вне поля зрения селян и пустовали, как будто бы не представляя особой ценности в глазах крестьянства. О такой ситуации свидетельствуют, в частности, письма и воспоминания крестьян, опубликованные в начале 1920-х гг., т.е. в тот период, когда еще существовала возможность сравнительно свободной оценки событий, проходивших в стране в первые послереволюционные годы. Так, в 1923 г. в одном из номеров еженедельника «Красная деревня», издаваемого Областным Бюро ЦК Петрогубкома РКП(б), было помещено письмо крестьянина Лужского уезда Петроградской губернии А. Селезнева, вспоминавшего, как в деревнях уезда «с самой революции крестьянам землю было не разделить». Автор живописал многочисленные конфликты между крестьянами Лужского уезда по поводу их надельных и купчих земель, а в то же время вокруг конфликтующих сторон располагались «боль-

шие богатые пустующие земли, владения бывших помещиков», на которые крестьяне не выказывали никаких претензий [14].

Воспоминания крестьян подтверждаются документами советского делопроизводства. Так, представители местных советов Псковской губернии нередко сообщали о затягивании учета частновладельческих земель, которые к началу лета 1918 г. в некоторых уездах все еще находились «в руках помещиков» [2, с. 42]. В Новоладожском уезде Петроградской губернии из имевшихся здесь 120 имений к середине 1918 г. было конфисковано 14, т.е. немногим более 10% [18, с. 47]. Материалы II съезда Советов Вологодской губернии (декабрь 1918 г.) показывают, в частности, что конфискованные Советской властью помещичьи земли были взяты на учет в 144 волостях губернии, но лишь в 36 из них (25%) они были полностью распределены (правда, не известно — фактически распределены или лишь формально), а в оставшихся 108 волостях Вологодской губернии вообще никакого распределения помещичьего земельного фонда не производилось либо производилось частично [4, с. 210—211].

Можно предположить, что столь незначительные результаты в распределении конфискованных помещичьих земель после прихода к власти большевиков отчасти были связаны со слабостью местных органов власти, испытывавших в условиях экономического кризиса и эскалации Гражданской войны немалые трудности в своей деятельности [16, с. 265—315]. Однако многочисленные источники личного происхождения и советские делопроизводственные документы показывают, что распределению помещичьих угодий противились прежде всего сами крестьяне.

Можно легко понять упорные отказы крестьян «брать помещичьи земли или распределять скот, мотивированные боязнью немецкой расправы» [2, с. 43]. Это было наиболее характерным для тех территории Петроградской и Псковской губерний, которые в 1918 г. попали в зону временной германской оккупации (Гдовский, Островский, Псковский и другие уезды).

Но довольно странным, на первый взгляд, выглядит нежелание крестьян рас-

пределять помещичью землю на территориях, непосредственно не затронутых интервенцией и в целом подконтрольных большевизированным Советам [11, с. 6—7]. Выяснить причины такой ситуации позволяет обращение к материалам I съезда земельных отделов и сельскохозяйственных коммун Северной области, состоявшегося в начале октября 1918 г. Обобщив многочисленные сообщения с мест, наркомат земледелия Союза коммун Северной области (СКСО) пришел к заключению о том, что крестьянство «не желало приступать к временному переделу земли». Основная проблема заключалась именно в этом! Сельское население региона, как отмечалось на съезде, в принципе не возражало бы «против передела земли в постоянное пользование, но оно вполне естественно не хотело соглашаться на временное распределение земли, так как распределение земли, произведенное на основе таких временных инструкций, без всякой системы и плана, могло явиться не землеустройством его, а землерасустройством» [11, с. 25].

Сказанное, конечно, не означает, что земля вообще не перераспределялась. Так, в Псковской губернии из почти 2,5 млн. дес. помещичьей земли было конфисковано и распределено около 1585 тыс. (63,4%), включая земли, отошедшие под совхозы, артели и прочие виды «социалистического землепользования» (подсчитано по: [2, с. 35, 42]). В некоторых местах Новгородской губернии, как видно из материалов «Вестника областного комисариата земледелия» СКСО, вскоре после революции из конфискованных земель был сформирован некий «запасной фонд», с помощью которого частично «удовлетворялись нужды населения в покосах и пашнях», частично же формировались «сельскохозяйственные коммуны и товарищества» [4, с. 308]. Иными словами, высвободившихся после конфискации владельческих земель было намного больше, чем реально распределенных. Часть из них использовалась некоторыми крестьянами «по старинке», в форме аренды. Более 18% всех бывших частновладельческих земель в северо-западном регионе страны стали площадкой для проводимого

большевистской властью эксперимента по введению «социалистических форм хозяйствования» (совхозов, коммун и др.), не получивших, впрочем, особой поддержки населения [18, с. 51; 20, с. 157].

Ярко выраженный интерес к получению пахотных земель на Северо-Западе Советской России проявили, пожалуй, две категории населения. Это, во-первых, малоземельные или безземельные местные крестьяне [3, с. 211] и, во-вторых, «пришлое» население, представленное возвращавшимися в родные деревни солдатами [13, с. 34], а также крестьянами-отходниками, не имевшими возможности прокормиться в городе в условиях нараставшего кризиса промышленного производства. Только из Петрограда в 1918 г. вследствие проведенной демобилизации военной промышленности, а также из-за проблем продовольственного обеспечения «убыло около 300 тыс. рабочих, значительная часть которых оказалась в конечном счете в деревне» [8, с. 114]. Горожане, возвращавшиеся в родные деревни, сталкивались с явным нежеланием крестьян выделять им общинные земли. Вступать в конфликт против большинства было делом бесполезным и опасным, поэтому новоприбывшим ничего не оставалось, как брать (по сути, захватывать) пустовавшие земли и формировать на них, по столыпинскому образцу, «хутора» и «отруба». Данная ситуация была выявлена «постфактум» в ходе выборочного обследования крестьянского землепользования в Петроградской (Ленинградской) губернии и отражена в одной из публикаций Ленгубстата [1, с. 33].

Таким образом, следует различать отношение крестьян Северо-Запада России к помещичьей земле как некой абстрактной ценности и отношение к земле как виду собственности, подлежащему перераспределению и закреплению на определенных основаниях. Безусловно, крестьяне были заинтересованы в улучшении своего материального положения путем увеличения землепользования. Однако же идея захвата и уравнительного распределения помещичьих земельных угодий не была характерной для массового сознания крестьян Северо-Запада России в 1917—1918 гг.

Захвату подвергалась преимущественно движимая собственность и лес, но не земля. За небольшим исключением, крестьяне стремились к тому, чтобы, во-первых, земельный передел давал бы им определенную выгоду (а выгоды от перераспределения получали далеко не все категории крестьян) и, во-вторых, к тому, чтобы закрепить за собой землю не на временной и нелегитимной, а на официальной и постоянной основе.

Список использованной литературы

1. Бюллетень Ленинградского губернского статистического отдела. 1925. № 13.
2. Васильев М. В. Крестьяне Псковской губернии в годы Гражданской войны 1917—1920 гг.: дис. канд. ист. наук. Псков, 2014.
3. Вестник Областного комиссариата земледелия. 1918. № 4.
4. Вестник Областного комиссариата земледелия. 1919. № 10—11.
5. Данилов В. П. Перераспределение земельного фонда России в результате Великой Октябрьской революции // Ленинский декрет о земле в действии : сб. статей / отв. ред. И. И. Минц. М. : Наука, 1979.
6. Декреты Советской власти. Т. 1. М. : Политиздат, 1957.
7. Ерицян Х. А. Советы крестьянских депутатов в Октябрьской революции. М. : Изд-во социально-экономической литературы, 1960.
8. Кабытов П. С. и др. Русское крестьянство: этапы духовного освобождения. М. : Мысль, 1988.
9. Медушевский А. Н. Проекты аграрных реформ в России: XVIII — начало XXI века. М. : Наука, 2005.
10. Островский Э. В. Октябрь и начало аграрных преобразований на Северо-Западе России (октябрь 1917 — июль 1918 г.) // Ленинский декрет о земле в действии : сб. статей / отв. ред. И. И. Минц. М. : Наука, 1979.
11. Первый съезд Земельных отделов и сельскохозяйственных коммун Северной области. 1—7 окт. 1918 г. Труды съезда. Пг. : Ком. земледелия СКСО, 1918.
12. Першин П. Н. Аграрная революция в России: Историко-экономическое исследование. Кн. 2: Аграрные преобразования Великой Октябрьской социалистической революции (1917—1918 гг.). М. : Наука, 1966.
13. Саблин В. А. Аграрная революция на Европейском Севере России. 1917—1921. (Социальные и экономические результаты). Вологда : [ИПЦ «Легия»], 2002.
14. Селезнев А. Как мы раздобылись пахотой // Красная деревня. 1923. № 34.
15. Тан В. Г. Революция в деревне // Революция в деревне : очерки. М. ; Л. : Красная новь, 1924.
16. Тропов И. А. Эволюция местных органов государственной власти в России (1917—1920-е гг.). СПб. : Изд-во ГУАП, 2011.

17. Феноменов М. Я. Современная деревня: Опыт краеведческого обследования одной деревни (д. Гадыши Валдайского уезда Новгородской губернии). Л. ; М. : Госиздат, 1925.

18. Филимонов А. В. Крестьянство и начало совхозного строительства на Северо-Западе России (1917—1920 гг.) // Вестник Псковского государственного педагогического университета. Сер. «Социально-гуманитарные и психолого-педагогические науки». 2011. № 13.

19. Челинцев А. Н. Русское сельское хозяйство перед революцией. 2-е изд. М. : Кооп. изд-во «Новый агроном», 1928.

20. Шишкун В. А. Власть. Политика. Экономика. Послереволюционная Россия (1917—1928 гг.). СПб. : Дмитрий Буланин, 1997.

УДК 94(574)

С. К. Удербаева

**Казахский чиновник Семиречья, востоковед, агроном, переводчик
Сабатаев Сатылган**

Интересны и трагичны судьбы казахских деятелей, формировавшихся и начавших свою общественно-политическую деятельность на рубеже XIX—XX веков. Наступило время, когда открыты архивы, исследователи изучают документы, возвращая своему народу память, открывают целую плеяду видных казахских деятелей, проживших короткую, но яркую жизнь.

Один из таких деятелей — первый казахский востоковед, агроном, чиновник, выходец из Семиречья Сабатаев Сатылган, активно сотрудничавший в правительстве и совете Алаш-орды.

С. Сабатаев родился в ауле № 7 Большой Алматинской волости Верненского уезда Жетысуской области в обычной казахской семье. Рано потерял родителей, познал нужду, но благодаря своим природным способностям, старанию и стремлению к знаниям он в 1885 году поступает в Верненскую мужскую гимназию [5, с. 87].

Верненская мужская гимназия — среднее общеобразовательное заведение города Верного, функционировавшее в конце XIX — начале XX века. Была открыта в 1876 г. как среднее учебное заведение гуманитарно-филологического направления, в 1881 г. была преобразована в полную классическую гимназию. В 1899 г. в Верненской мужской гимназии обучалось 260 учащихся. В 1919 г. здесь находился Верненский городской комитет Российской Коммунистического Союза молодежи. Первое здание Верненской мужской гимназии было разрушено земле-

трясением в 1887 г. В 1895 г. на этом же месте по проекту архитектора П. В. Гурдэ было возведено новое здание гимназии (ул. Казыбекби, 28), в 1940 г. оно было реконструировано [1, с. 410].

В 1877 г. при гимназии был учрежден Верненский пансион. В начале XX века в пансионе на казенном коштном воспитании находилось 42 мальчика (20 — местных национальностей, 22 — русской), среди них известные в будущем партийные и советские деятели Д. Барибаев, Т. Бокин, У. Джандосов, А. Розыбакиев. Здание пансиона было возведено в 1907 году на территории мужской и женской гимназий, деревянное, одноэтажное с цокольным помещением, прямоугольное в плане, с боковыми ризалитами на южном и восточном фасадах. В центре главного фасада на высоком каменном крыльце на уровне боковых объемов расположен вход в здание, завершенный треугольным фронтоном.

Появлением в городе Верном мужской гимназии, носившей название прогимназии до 1 июля 1881 года, Семиречье обязано первому генерал-губернатору Туркестанского края Константину Петровичу Кауфману, который ходатайствовал перед правительством об учреждении в г. Верном общеобразовательного среднего учебного заведения. В мае 1875 г. Общее Собрание Государственного совета, рассмотрев представление Министерства просвещения, предложило учредить в Туркестанском крае: а) управление по учебной части по примеру подобных заве-

231

дений, существующих в Сибири, с определением при генерал-губернаторе главного инспектора училищ; б) две прогимназии в городах Ташкенте и Верном.

Весть об этом с большим удовлетворением встретил военный губернатор Семиреченской области Герасим Алексеевич Колпаковский, в планы которого входило, чтобы просветительская деятельность прогимназии простиралась не на одни только привилегированные сословия русского населения, но и на казаков и киргизов. Он тотчас по открытии прогимназии постарался определить в нее 7 киргизов, а также 18 казачьих сыновей. Главный инспектор училищ Туркестанского края Александр Людвигович Кун отправился в Петербург и занялся нелегким делом подбора педагогического персонала. В те годы найти хороших преподавателей для гимназии и прогимназии было не просто даже для Европейской России, не говоря уже об окраине Российской империи, какой являлся Туркестанский край [4].

Но А. Л. Кун справился с этим сложным заданием, и 16 апреля 1876 г. приказом Туркестанского генерал-губернатора были назначены в прогимназию: Д. К. Новак — инспектором Верненской прогимназии, преподаватель Кронштадтской гимназии Евгений Груздев — преподавателем русского языка, кандидат физико-математического факультета Николай Смирнов — преподавателем математики, помощник классных наставников С.-Петербургской Введенской прогимназии Михаил Богоявленский — преподавателем приготовительного класса. Следующим приказом Туркестанского генерал-губернатора уже от 1 мая были назначены: Шнайдер — преподавателем французского языка, а помощник классных наставников Кронштадтской гимназии Иван Калинин — преподавателем немецкого языка, бухгалтер Псковской мужской гимназии Павел Богушевич — помощником классных наставников, учитель образцового при Гатчинской учительской семинарии начального училища Михаил Костин — учителем чистописания. Законоучителем был назначен настоятель Туркестанского кафедрального собора протоиерей Николай Георгиевич

Высоцкий. На должность преподавателя истории и географии — кандидат императорского С.-Петербургского университета Дмитрий Городецкий. Положенную по штату должность врача занял верненский уездный врач Соболевский [4].

На наем помещения в распоряжение военного губернатора были отпущены 1500 рублей. Был арендован двухэтажный дом Верненского купца Алимова за 850 рублей в год. Прогимназия начала свою деятельность 7 сентября 1876 г. В приготовительный класс было принято 20 учеников, в первый — 25 и во второй класс — 6. Всего 51 ученик. С 1 июня 1879 г. четырехклассная прогимназия была преобразована в шестиклассную, а с 1 июля 1881 г. — в полную классическую гимназию.

При основании в городе Верном среднего учебного заведения администрация имела в виду, кроме общей для всех гимназий цели, еще и другую важную цель — дать местному кочевому населению возможность получить среднее образование и продолжить дальнейшее обучение в вузах Российской империи. В 1877 г. при прогимназии была учреждена киргизская ученическая квартира, преобразованная впоследствии в пансион, где вместе с русскими учениками воспитывались и дети киргизов, которые поступали затем в гимназию или уже обучались в ней [4].

В 1882 г. гимназия получила прекрасное двухэтажное здание для своего помещения, которое состояло из трех каменных корпусов, соединенных между собой галереями. Строили здание и сдавали в эксплуатацию постепенно, корпусами. Эти корпуса были возведены по проекту Ташкентской гимназии, а именно по проекту военного инженера Янчевского, и стоили областному бюджету около 190 тысяч рублей. Профессор архитектуры В. А. Нильсен отмечал, что «архитектура их отличается от Ташкентского оригинала применением оштукатуренных фасадов с более тонким рисунком деталей, осуществленных под руководством городского архитектора Гурдэ» [4].

Именно во время учебы в Верненской гимназии у С. Сабатаева проявились способности к изучению иностранных

языков, в том числе и древних. Директор гимназии М. Вахрушев дал такую характеристику ученику С. Сабатаеву: «Характер у Сабатаева за все время его пребывания в гимназии был уживчивый, простодушный, кроткий, незлобивый. Все указанное время С. Сабатаев был замечательно трудолюбив и дорожил тем образованием, которое получал в русской школе, что, между прочим, доказывается и тем отрадным фактом, что из всех киргиз (казахов), обучающихся в последние годы в старших классах, лишь он один изучал греческий язык, который для него, как для киргиза (казаха), вовсе не обязателен. Сабатаев изъявил желание поступить в Московский Лазаревский институт восточных языков. При доброй и твердой воле, при замечательном трудолюбии из Сабатаева может выработаться способный и добросовестный деятель в избранной им сфере» [5, с. 87].

С. Сабатаева можно назвать полиглотом: он владел греческим, латинским, немецким, французским, русским языками. Как предсказал директор, так и произошло — в 1895 г. С. Сабатаев поступает в Московский Лазаревский институт восточных языков.

Лазаревский институт восточных языков (ЛИВЯ) — учебное заведение, центр армянской культуры в России. Открыто в 1815 г. как частное училище на средства и во владениях семьи Лазаревых, которые по уставу стали его попечителями. В 1827 г. получило название Институт восточных языков. В 1835 г. он приравнен к правительенным гимназиям. Его полная программа сочетала российское среднее и высшее образование с изучением армянской и восточных культур. ЛИВЯ состоял из гимназических (6 лет обучения) и лицейских (3 года) классов. Лицейские в середине XIX в. преобразованы в специальные классы с преподаванием по программе восточного факультета Петербургского университета; ЛИВЯ, таким образом, приобрел значение и одного из востоковедческих центров России. По уставу 1872 г. институт перешел в ведение Министерства народного просвещения. Учащиеся делились на пансионеров (большинство),

полупансионеров и приходящих. Уставы института традиционно поощряли самостоятельность учащихся в освоении знаний, состязательность в занятиях. Лазаревский институт восточных языков был закрыт в 1918 г. [2, 3].

Во время учебы Сабатаев активно участвовал в работе этнографического отдела Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете, часто выступал на его заседаниях с сообщениями [5, с. 87]. Мало кто знает, что в научном журнале «Этнографическое обозрение» (№ 3 за 1900 г.) была опубликована его статья «Суд аксакалов и суд третейский у киргизов Кустанайского уезда Тургайской области».

С. Сабатаев стал первым казахом, получившим высшее образование в этом престижном учебном заведении. С ним на одном курсе учился Владимир Александрович Гордлевский (1876—1956) — впоследствии советский востоковед-турколог, специалист по турецкому языку, литературе, фольклору и истории Турции, член-корреспондент АН СССР с 1929 г., академик АН СССР с 1946 г.

Архивные фонды ЦГА РК содержат интересные сведения о том периоде жизни Сатылгана Сабатаева, когда он вернулся на родину в Семиречье после окончания Лазаревского института восточных языков. 30 сентября 1899 г. Сатылган Сабатаев написал прошение Военному губернатору Семиреченской области о предоставлении ему какой-либо должности в Семиреченской области. В прошении он указывает себя как киргиза Алматинской волости Верненского уезда С. С. [8].

Как свидетельствуют архивные документы, в это время он находился в Кокпекты Семипалатинской области в качестве члена экспедиции по исследованию Степных областей [8].

В деле № 999 фонда И-44 ЦГА РК содержится формулярный список о службе письменного переводчика Пишпекского уездного управления Сатылгана Сабатаева, составленный 14 декабря 1899 г. [9]. В нем представлена следующая информация:

Чин, имя, отчество, фамилия, лет от роду, вероисповедание, знаки отличия и получаемое содержание	Из какого звания происходит	Есть ли имение	Где получил воспитание, окончил ли полный курс наук в учебном заведении, когда вступил в службу и какими чинами
Не имеющий чина С. С., письменный переводчик Пишпекского уездного управления, род. 24 мая 1874 г. Вероисповедания магометанского, знаков отличия не имеет. Жалованья 533 руб. 33 1/5 к. Столовых 266 руб. 66 2/3 к.	Из киргиз Большебалматинской волости Верненского уезда	Нет	Окончил курс Лазаревского института с правом на чин 12 класса, в чем имеет аттестат, выданный 29 октября 1899 г. за № 2522. Приказом г. военного губернатора Семир. области от 20 ноября 1899 г. за № 583 определен на службу по административно-полицейскому управлению с назначением на должность письменного переводчика при Пишпекском уездном управлении.

В 1899—1906 гг. С. Сабатаев работает переводчиком Пишпекского, Жаркентского уездного управления Жетысуской области, в 1901—1906 гг. — переводчиком Жаркентского уездного управления, служащим переселенческого учреждения Жетысуской области, в 1906—1908 гг. — служащим Главного управления по земледелию и оседлости Жетысуской области, в 1916—1917 гг. он служащий в сельскохозяйственных органах Лепсинского уезда.

Интересно, что, перейдя в 1906 г. на работу в Семиреченское областное переселенческое управление, а затем в Главное управление земледелия и землеустройства Семиреченской области, через два года целеустремленный Сатылган Сабатаев с целью получить специальные знания в этой области поступает и в 1915 г. заканчивает Московский сельскохозяйственный институт [5, с. 88]. Ныне это Российской государственный аграрный университет — МСХА имени К. А. Тимирязева, до 1894 г. — Петровская земледельческая и лесная академия, до 1917 г. — Московский сельскохозяйственный институт, до 1994 г. — Сельскохозяйственная академия имени К. А. Тимирязева (ТСХА), до 2005 г. — Московская сельскохозяйственная академия имени К. А. Тимирязева (МСХА).

Российский государственный аграрный университет имени К. А. Тимирязева, или «Тимирязевская академия», — высшее аграрное учебное заведение, одно из старейших высших учебных заведений России. Датой основания этого учебного заведения считается 3 декабря 1865 г., когда вышло распоряжение об открытии

Петровской земледельческой и лесной академии. 25 января 1866 г. состоялось открытие лекций [6].

Таким образом, Сатылган Сабатаев стал первым казахским ученым агрономом, получившим профильное высшее образование. И одним из первых казахов, закончившим два престижных высших учебных заведения.

После окончания института он работает в сельскохозяйственных учреждениях Семипалатинской области — Урджаре и Каркаралинске. Работал переводчиком в Пишпекском и Джаркентском уездных управлениях, иногда даже исполнял обязанности городского пристава Джаркента.

Интересный архивный факт приведен в книге известного музыковеда Жаркына Шакаримова. Исполняющий обязанности Семипалатинского районного агронома С. Сабатаев 10 апреля 1917 года принимает в качестве рабочего на мясокомбинат будущего известного певца Амре Кашаубаева. Другой знаток казахской истории — Сапаргали Бегалин свидетельствует, что С. Сабатаев был тонким ценителем казахской народной песни. Естественно, он имел возможность слушать одаренного певца Амре Кашаубаева [7].

После падения царской власти С. Сабатаев принимал активное участие в общественно-политической жизни казахского общества: проводил собрания Семипалатинского областного казахского комитета в марте 1917 г., был избран членом правления Семипалатинского казахского комитета. Во время повсеместных выборов земства наравне с такими выда-

234

ющимися национальными политическими деятелями, как А. Букейханов, Ж. Акбаев, Л. Ермаков, И. Тарабаев, С. Сабатаев тоже был выдвинут в члены Семипалатинского областного земства [7].

На Втором общеказахском съезде, который проходил 5—13 декабря 1917 г. в Оренбурге, он был избран кандидатом Всеказахского народного совета или членом правительства Алашорды, то есть министром. Как уроженец Семиречья, он также принял участие во Втором Семиреченском областном съезде Алашорды, проходившем в январе 1918 г. в г. Верном. Здесь он занимается вопросами автономии и организации милиции. Однако, заподозрив в наступательных действиях белых, казачьих армий и алашского движения угрозу своему существованию, большевики организовали в Верном массовые митинги протеста и совершили красный переворот.

В марте 1918 г. были арестованы лидеры Семиреченской Алашорды О. Альжанов, И. Жайнаков, С. Сабатаев и др. В ответ на незаконный арест лидеров алашского движения в Семиречье из всех уездов области начали поступать письма и телеграммы с требованиями немедленного освобождения их из тюрьмы. 17 апреля 1918 г. С. Сабатаев был выпущен на свободу и немедленно выехал в Семипалатинск. С этого времени он всецело поглощен делами земства и Алаша [7].

Вместе с другими алашскими деятелями он активно принимает участие в организации первого Алашского конного полка в Семипалатинской области. Правительство и совет Алашорды добиваются от Сибирского правительства назначения С. Сабатаева главным специалистом по сельскому хозяйству. Поскольку он вхо-

дил в состав правительства Алашорды, его вполне можно назвать первым министром сельского хозяйства Алашорды. В первые годы советской власти он работал в Каркаралинске агрономом. Погиб нелепо 15 апреля 1921 года в местности Ботакара Каркаралинского уезда от рук красногвардейцев, которые преследовали остатки белых, отступавших в сторону китайской границы [7].

Вот такими были деятели казахского народа на рубеже XIX—XX веков — незаурядными, одаренными, во многом Первыми с большой буквы. Слово «первый» в отношении Сатылгана Сабатаева звучит неоднократно, но не только потому, что он действительно был первым казахом востоковедом, агрономом, переводчиком Абая и т.д., но потому, что в делах, поступках, своей жизни он был первым.

Список использованных источников и литературы

1. Алма-Ата. Энциклопедия / гл. ред. М. К. Козыбаев. Алма-Ата : Гл. ред. Казахской Советской энциклопедии, 1983. 608 с.
2. Амирханян А. Тайны дома Лазаревых. М., 1992.
3. Базиянц А. П. Лазаревский институт восточных языков. М., 1959.
4. Букетова Н. Исторический очерк [Электронный ресурс]. URL: <http://star.spgk.kz/Uchrezhdeniya-Vernenskoyi-muzhskoyi-gimnazii.html> (дата обращения 20.04.2014 г.).
5. Казахи в России: Биографический сборник : в 2 т. М. : Вега, 2008. Т. 1. 308 с.
6. Российский государственный аграрный университет — МСХА имени К. А. Тимирязева [Электронный ресурс]. URL: <http://culture.ru/atlas/obekt/783> (дата обращения 20.04.2014 г.).
7. Рыжков В. Первые переводчики стихов Абая [Электронный ресурс]. URL: <http://newsite.kazpravda.kz/print/1123617149> (дата обращения 20.04.2014 г.).
8. ЦГА РК. Ф. И-44. Оп. 1. Д. 1153. Л. 1—1 об.
9. ЦГА РК. Ф. И-44. Оп. 1. Д. 999. Л. 20.

Участие местных Советов депутатов трудящихся Чкаловской области в решении вопросов сельского хозяйства в 1946—1953 гг.

Статья посвящена деятельности местных органов власти Чкаловской области по решению вопросов аграрной отрасли, проведению посевных и заготовительных кампаний в 1946—1953 гг., организации социалистических соревнований сельских органов власти за достижение высоких показателей.

Ключевые слова: местные органы власти, Чкаловская область, послевоенные годы.

После окончания Великой Отечественной войны перед Советским государством встали новые задачи. В первую очередь речь шла о возвращении к мирному строительству на основе восстановления народного хозяйства.

В военное время Южный Урал превратился в мощный центр промышленного и сельскохозяйственного производства. Сюда были эвакуированы многие предприятия и промышленное оборудование с западных областей. Не менее значимой стала организация работы аграрной отрасли, снабжавшей фронт и города продовольственными товарами. Послевоенное строительство шло в русле активизации сельскохозяйственного производства и сохранения промышленного потенциала края.

Первые послевоенные годы стали достаточно сложными для сельского хозяйства южноуральского региона. Сказывалась нехватка рабочей силы, тягла и техники. Последняя направлялась в основном в недавно освобожденные районы. Только к концу четвертой пятилетки усилился приток техники и в другие районы страны. В 1950 г. в МТС Урала поступило 4025 новых тракторов и 2231 комбайн [22, с. 18].

Наряду с указанными выше обстоятельствами поступавшие в Центральный Комитет партии А. А. Жданову, Н. С. Патоличеву докладные записки с мест свидетельствовали о гибели части озимых посевов 1945/46 г. в ряде районов Урала, Сибири и Приуралья [10, л. 79]. В результате весной 1946 г. для оказания помощи обкомам ВКП(б) в реализации директив ЦК партии организационно-инструкторский отдел Центрального Комитета ВКП(б) командировал в парторганизации 22 областей, краев и республик

своих работников. Не стала исключением Чкаловская область, являвшаяся одной из крупнейших аграрных территорий востока страны. Сотрудники ЦК партии выезжали на места, оказывали помощь партийным и советским работникам в организации подготовки к весеннему севу, улучшении работы по материально-бытовому обслуживанию населения [10, л. 61]. Аналогичные действия предпринимались в дальнейшем. С целью решения вопросов заготовки кормов и подготовки к хлебоуборке 1947 г. Совет Министров РСФСР решением от 8 июля 1947 г. командировал в Чкаловскую область заместителя министра Министерства совхозов РСФСР М. А. Нутрецова [8, с. 333, 334]. В ходе заготовительной кампании 1951 г. Центральный Комитет партии поручил сельскохозяйственному отделу ЦК подобрать группу работников для направления в республики, края и области для оказания помощи в обеспечении выполнения и перевыполнения плана заготовок картофеля [16, л. 2].

Особое значение в подъеме аграрной отрасли Чкаловской области имело проведение посевных и заготовительных кампаний. Решением Чкаловского облисполкома № 917 от 22 июля 1945 г. для оказания помощи колхозам и совхозам области по вывозу сельхозпродуктов урожая 1945 г. в соответствии с постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) «Об уборке урожая и заготовках сельскохозяйственных продуктов в 1945 году» председатели городских и районных исполкомов обязывались мобилизовать на период заготовок до 50% действующего автотранспорта всех предприятий, учреждений и организаций, находившихся на территории городов и районов, независимо от ведомственной

подчиненности и характера выполняемых работ. Устанавливалось обязательное задание по вывозу зерна и других сельхозпродуктов на государственные заготовительные пункты на каждую мобилизованную автомашину [5, л. 113]. Перед предприятиями ставилась задача направить мобилизуемые машины в те районы, над которыми они шефствовали. Автотранспорт в городах районного подчинения и районах использовался в пределах своего района [5, л. 114]. Чкаловский облисполком возложил лично на председателей районных исполнкомов руководство распределением автомашин на вывозку сельхозпродуктов внутри района.

Несмотря на принятые меры, заготовительные кампании проходили в достаточно сложных условиях. К примеру, на заседании организационного бюро ЦК ВКП(б) 1 октября 1946 г. отмечался неудовлетворительный ход хлебозаготовок по Чкаловской области. Для оказания помощи местным органам власти в область прибыла группа партийных работников во главе с Н. М. Мироновым и С. М. Баевым, чтобы совместно с областным руководством принять необходимые меры по ликвидации отставания колхозов и совхозов со сдачей зерна государству и обеспечить безусловное выполнение установленного плана хлебозаготовок [12, л. 87]. Рассматривая повторно вопрос о ходе заготовок хлеба на территории Чкаловской области, оргбюро ЦК партии 5 октября 1946 г. вновь признало невыполнение плана. В частности, отмечалось, что во многих колхозах и совхозах большое количество зерна находится на токах и в амбарамах, своевременно не подрабатывается, не сдается государству и «преднамеренно некоторыми руководителями колхозов и совхозов сдерживается с тем, чтобы переждать острый период хлебозаготовок и укрыть хлеб от государства» [13, с. 80, 81].

Аналогичная ситуация наблюдалась в Челябинской и Курганской областях. Среди причин, которые привели к невыполнению плановых показателей, называлось неудовлетворительное руководство проведением заготовительной кампании со стороны советских органов. Так, «ввиду крайне низкого уровня критики и само-

kritiki в Чкаловской партийной организации некоторые руководящие районные партийные и советские работники, будучи в прошлом сами нарушителями Устава сельхозартели, не находят в себе мужества, чтобы признать и быстрее исправить допущенные беззакония, не выступают перед колхозниками с докладами и не проводят с ними бесед о постановлении» [14, л. 90]. Многие областные партийные и советские работники, посещая колхозы, не принимали личного участия в общих собраниях колхозников, ограничиваясь директивами.

Чкаловское областное руководство регулярно докладывало в ЦК партии о ходе заготовительной кампании. Так, Чкаловский облисполком и обком ВКП(б) сообщали о выполнении постановления Совета Министров СССР и ЦК партии от 25 октября 1946 г. по состоянию на 1 декабря текущего года. В проведении ноябрьской сплошной проверки состояния сохранности хлеба на всех заготовительных пунктах принимало участие 232 члена районной комиссии и специалистов сельского хозяйства. За это время на пунктах заготзерно проверили 200 тыс. тонн хлеба, госсортфонда — 6 тыс. тонн. Неблагополучное положение с сохранностью хлеба выявлено на пунктах заготзерно, где на день проверки в наличии находилось 30 500 тонн сырого хлеба, 58 800 тонн влажного хлеба, 90 тыс. тонн сорного хлеба. За ноябрь 1946 г. органы МВД установили на заготовительных пунктах 29 случаев хищения 64 центнеров хлеба, привлечены к ответственности 30 человек, отстранены от работы как не внушающие доверия или судимые в прошлом 21 заведующий пунктами и складами, 71 охранник, 9 человек прочих работников [18, л. 180].

Стремясь обеспечить посевные кампании необходимыми ресурсами, союзное и республиканское руководство уделяло внимание ремонту сельхозтехники, завозу горючего для обеспечения ее работы, направляли своих представителей для консультаций на места. Так, ввиду неудовлетворительного хода ремонта тракторов и сельскохозяйственных машин в совхозах Главного управления молочных и мясных совхозов Юго-Востока в кон-

це 1946 г. перед директором Чкаловского треста молочно-свиноводческих совхозов А. Т. Антоненко ставилась задача немедленно командировать работников треста в совхозы, не выполнившие график ремонта тракторов, комбайнов, сенокосилок и сельхозмашин [7, л. 13]. 13 декабря 1946 г. последовало решение «О завозе горючего и масел для сельского хозяйства к весеннему севу 1947 года». Было отмечено, что на 1 декабря 1946 г. местные органы власти Чкаловской области при наличии достаточного количества горючего на нефтебазах обеспечили его реализацию в МТС и совхозах области менее чем наполовину [14, л. 32]. Перед Главнефтехеснабом при Совете Министров СССР и Министерством путей сообщений ставилась задача обеспечить безусловное выполнение в установленные правительством сроки планов отгрузки горючего и масел для МТС и совхозов на весенний сев [14, л. 33]. В первом полугодии 1947 г. в Чкаловскую область было завезено более 200 тракторов, оказана помощь семенами в 45 тыс. тонн [4, л. 6].

Принятые меры, однако, не позволили местным органам власти обеспечить проведение на высоком уровне заготовительной кампании 1946/47 г. В частности, рассмотрев отчет Чкаловского обкома партии и облисполкома о деятельности по реализации постановления Совета Министров СССР и ЦК ВКП(б) от 14 января 1947 г. «О мерах полного обеспечения засыпки семян зерновых и других сельскохозяйственных культур к весеннему севу в колхозах и совхозах», союзное руководство признало работу местных органов власти неудовлетворительной. По данным Министерства сельского хозяйства СССР, в период с 20 января по 10 февраля 1947 г. прирост семенных фондов зерновых культур в колхозах Чкаловской области составил только 2 тыс. центнеров [15, л. 73]. К примеру, Матвеевский райисполком и райземотдел не обеспечили к 5 февраля 1947 г. ремонт сельхозинвентаря в колхозах района. В результате план ремонта плугов был выполнен на 32%, конных сеялок — на 27%, борон — на 50%. Руководитель Матвеевского районного земельного отдела и главный агроном «не вникали

в причины отставания отдельных колхозов и не оказывали практической помощи в улучшении их работы» [23, с. 2]. Союзное руководство обязало Чкаловский обком партии и облисполком добиться улучшения работы райкомов и райисполкомов.

С целью обеспечения контроля за сдачей хлеба государству 18 марта 1947 г. вводились должности межрайонных государственных инспекторов по определению урожайности. По Чкаловскому пункту была назначена Я. В. Бугрова, по Орскому — П. Г. Ларионова, по Бузулукскому пункту — И. Н. Абросимова [17, л. 103, 105]. В целом, как свидетельствуют архивные данные, в период с 1938 по 1946 г. Чкаловский облисполком не сумел обеспечить выполнение плана хлебозаготовок. Из 2068 колхозов регулярно реализовывали заготовительный план по хлебу только 200—250. Кроме того, за восемь предшествовавших лет колхозы области ни разу не подготовили в полном объеме семенной материал и были вынуждены получать государственную семенную ссуду. Чкаловский облисполком в этой ситуации разрешал заимствование семян у колхозов, имевших излишки семян и выполнивших план хлебозаготовок [19, л. 78, 79].

На семнадцатой сессии Чкаловского областного Совета депутатов трудящихся, состоявшейся 8—9 января 1947 г., в центре внимания находился вопрос «О ходе выполнения постановления Совета Министров СССР и ЦК ВКП(б) от 19 января 1946 г. «О мерах по ликвидации нарушений Устава сельскохозяйственной артели в колхозах» по Чкаловской области». Депутаты отметили, что большинство исполнкомов районных и сельских Советов проявляли медлительность в исправлении нарушений Устава, ограничиваясь формальным проведением общих собраний колхозников. Более того, председатели Державинского, Сакмарского, Тоцкого и других райисполкомов, а также некоторые районные советские и земельные работники в прошлом являлись нарушителями Устава сельхозартели. Чкаловский областной земельный отдел не сумел организовать деятельность районных земельных отделов и МТС в деле выполнения постановления Совета Министров СССР и ЦК

ВКП(б) по организационно-хозяйственному укреплению колхозов [3, л. 2].

Сессия потребовала от областного земельного отдела, председателей районных и сельских советов до 20 января 1947 г. провести повторную проверку по всем колхозам и обеспечить сокращение раздутых штатов по всем колхозам, а также затрат трудодней на их оплату и денежных расходов до норм, установленных Уставом сельхозартели. Перед районным руководством ставилась задача в кратчайший срок закончить работу по возвращению колхозам растищенного имущества и скота и погашению дебиторской задолженности [3, л. 3 об.]. Чкаловский облисполком обязывался организовать систематические выезды руководящих работников области и районов для личного разъяснения колхозникам постановления правительства и партии и оказания конкретной помощи колхозам по выявлению и устранению всех нарушений Устава сельхозартели [3, л. 4, 4 об.].

Вопросы, рассмотренные на семнадцатой сессии Чкаловского облсовета, нашли дальнейшее отражение в ходе работы областного совещания председателей сельсоветов, прошедшего в Чкалове 20—21 июня 1947 г. Участники совещания отметили сокращение посевных площадей в колхозах области в 1946 г. по сравнению с 1940 г. на 36%, а посева пшеницы за аналогичный период — с 1100 тыс. га до 760 тыс. га. Наиболее резкое снижение посевных площадей наблюдалось в Адамовском, Белозерском, Илекском, Ново-Орском, Октябрьском, Сакмарском, Секретарском, Тепловском, Шарлыкском районах [4, л. 2].

Участники совещания предложили депутатам сельсоветов вместе с агрономами принимать участие в проверке качества работы, обеспечивать ежедневную приемку прополочных площадей бригадиром от колхозников и председателем колхоза от бригадиров [4, л. 12]. Особого внимания заслужили передовые сельсоветы Чкаловской области — Сухореченский, Медведский (Тоцкий район), Бердинский (Чкаловский район), которые успешно справились с работой по вспашке паров. В частности, Нижне-Павловский сельсо-

вет Чкаловского района, возглавляемый инвалидом Отечественной войны, орденоносцем П. Е. Сычевым, сумел добиться подчинения всей деятельности колхозов и сельского совета интересам сева.

Сельскохозяйственная комиссия сельсовета во главе с депутатом В. Т. Горбуновым, состоявшая из 19 человек и 50 человек активы, провела три общественных смотра готовности каждого колхоза к севу, оказывая правлениям колхозов помочь в устраниении недостатков, в нужных случаях вносила вопросы на рассмотрение исполнкома. Перед выходом в поле 14 депутатов сельсовета, члены сельисполкома были распределены по участкам, связанным с весенним севом [4, л. 24].

Наряду с Нижне-Павловским сельсоветом хорошо организовали весенний сев Медведский сельсовет Тоцкого района, Сухореченский сельский совет Бузулукского района, Архангельский сельсовет Домбаровского района, Дедуровский сельский совет Чкаловского района, Акабинский сельсовет Ак-Булакского района и др. Председатели указанных сельских советов в своей деятельности опирались на широкий советский актив, по существу разбирались с возможностями каждого колхоза для проведения той или иной работы с предполагаемой организацией труда, «своим советом и практической помощью в организации колхозников способствовали полному использованию этих возможностей и при этом особое внимание уделяли отстающим колхозам, нуждавшимся в помощи сельсовета» [4, л. 27, 28].

Одновременно с этим областное совещание председателей сельсоветов констатировало отставание по вспашке паров в большинстве сельсоветов Асекеевского, Мордово-Боклинского, Ново-Покровского, Павловского, Пономаревского, Сок-Кармалинского, Соль-Илецкого, Шарлыкского районов [4, л. 13]. Например, в Никольском сельсовете, на территории которого располагался колхоз «Красные огни», тракторы бездействовали, тягловая сила «использовалась на любых работах и ни один конный плуг не выделялся на подъем паров» [там же, л. 14]. Областное совещание поставило перед Никольским

сельсоветом задачу обеспечить составление каждым колхозом плана уборочных работ, провести уборку всеми уборочными средствами, добиться обсуждения составленного плана на общих собраниях колхозников [там же, л. 17].

В условиях отставания части сельских советов Чкаловской области по сельскохозяйственным показателям областное руководство пошло по пути активизации их деятельности, используя проверенный способ — социалистическое соревнование. Союзное руководство не раз признавало, что соцсоревнование являлось мощным средством мобилизации масс на выполнение послевоенного пятилетнего плана [11, л. 3].

Руководящая роль в этом процессе отводилась местным органам власти. Так, решением Чкаловского облисполкома № 865 от 21 июня 1947 г. были подведены предварительные итоги соцсоревнования сельсоветов в честь тридцатилетия Великой Октябрьской революции. Лучших показателей в работе достигли 19 сельсоветов области, в том числе Абдрахмановский сельсовет Абдулинского района, Федоровский сельсовет Буртинского района, Кумакский сельсовет Ново-Орского района и др. [4, л. 193, 194, 195, 196—202].

Особое значение приобрел личный пример депутатов. К примеру, А. И. Тимошенко, победившая во Всесоюзном социалистическом соревновании звеньевых за получение высоких урожаев по Ак-Булакскому району в 1947 г., была избрана депутатом райсовета. В 1948 г. она продолжила сочетать обязанности депутата и труженика колхоза [9, с. 2]. 5 октября 1947 г. областная газета «Чкаловская коммуна» опубликовала обращение колхозников, работников МТС, совхозов и специалистов сельского хозяйства Чкаловской области к И. В. Сталину, в котором среди прочих достижений говорилось об успехах колхоза «Большевик» Курманаевского района, возглавляемого депутатом Верховного Совета РСФСР т. Зориным, досрочно выполнившего годовой план хлебозаготовок в августе 1947 г. [2, с. 1].

В целом ведущую роль местных органов власти в вопросах развития аграрной отрасли не раз признавало союзное

руководство. Так, например, 14 ноября 1947 г. Министерство совхозов РСФСР ходатайствовало перед Советом Министров РСФСР о необходимости внести изменение в главу 11 Положения о краевых, областных советах депутатов трудящихся и их исполнительных комитетах и изложить в следующей редакции: советские органы «контролируют проведение в жизнь решений партии и правительства совхозами, оказывая им необходимую помощь в выполнении производственных планов и в превращении в образцовые высокопроизводительные хозяйства» [8, с. 70].

В 1947 г. развернулось областное соревнование за выработку 1000 га пахоты на условный трактор, инициатором которого стала комсомольско-молодежная бригада Н. Жабина, трудившаяся в Гамалеевской МТС Сорочинского района. Соцсоревнование, поддержанное Чкаловским облисполкомом, развернулось во всех районах области. В результате 250 молодежных тракторных бригад выполнили свои обязательства.

Подводя итоги соревнования, начатого по почину комсомольско-молодежного комбайнового агрегата мастера комбайновой уборки И. Воропаева из Сорочинского района, партийные и советские органы вынесли решения о награждении 8 комсомольцев и молодых колхозников орденами Ленина, 15 — орденами Трудового Красного Знамени, 192 — медалями «За трудовую доблесть» и «За трудовое отличие» [1, с. 12].

Наряду с организацией и проведением социалистических соревнований местные органы власти пошли по пути возвращения в сельское хозяйство специалистов данной отрасли. Особое внимание обращалось на агрономические кадры, работавшие не по специальности. К началу 1948 г. было выявлено 8307 специалистов сельского хозяйства, занятых в организациях, не связанных с аграрной сферой. Движение за переход специалистов в колхозы и МТС возглавили партийные и советские работники, получившие аграрное образование. В результате в 1947—1948 гг. на работу из районных центров Чкаловской области в деревню перевели около 2 тыс. человек [20, с. 138].

В последующие годы местные органы власти продолжали уделять пристальное внимание развитию аграрной отрасли края. Союзное правительство в течение 1947—1949 гг. запланировало передать Чкаловской области машинно-тракторный парк в 4105 гусеничных тракторов, выделить на строительство и ремонт машинно-тракторных станций, машинно-тракторных мастерских и ремонтных заводов 16,5 млн. руб. [21, с. 4]. Совет Министров РСФСР постановлением от 6 апреля 1949 г. № 1291 «Об оказании помощи областям, краям и республикам легковым автотранспортом на время весенних полевых работ 1949 года» разрешил Чкаловскому облисполку привлечь 70 автомашин учреждений, организаций и предприятий, находившихся на территории области, независимо от ведомственного подчинения, и передать их в распоряжение райисполкомов, районных отделов сельского хозяйства сроком на три месяца [6, л. 163, 165].

Таким образом, местные органы власти Чкаловской области в послевоенные годы осуществляли разностороннюю деятельность по реализации поставленных союзным и республиканским правительством задач, оперативно реагируя на возникавшие трудности и изыскивая возможности для скорейшего выполнения государственных планов.

Статья подготовлена при поддержке РГНФ (грант № 14-11-56002).

УДК 94(470.55/.57):61

А. В. Федорова, Ю. В. Кузнецова

Медицинская интеллигенция южноуральского села в годы Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.)

Статья раскрывает профессиональную деятельность сельской медицинской интеллигенции Южного Урала в годы Великой Отечественной войны, направленную на обеспечение тыла здоровым населением. Основное внимание в работе автор акцентирует на лечебно-оздоровительной деятельности, на обслуживании работников колхозов, совхозов в период полевых работ, на охране материнства и детства.

Ключевые слова: сельская медицинская интеллигенция, Великая Отечественная война, лечебно-оздоровительная деятельность, медицинское обслуживание, охрана материнства и детства.

Достижения медицины и здравоохранения в годы Великой Отечественной войны — славная страница истории, не-преходящая ценность для следующих по-

Список использованных источников и литературы

1. Бурмистров, И. Комсомол Чкаловской области в социалистическом строительстве. Чкалов : Чкал. изд-во, 1950. 18 с.
2. Великому вождю и учителю Товарищу Сталину // Чкаловская коммуна. 1947. 5 окт.
3. Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Ф. Р-1014. Оп. 1. Д. 681.
4. ГАОО. Ф. Р-1014. Оп. 1. Д. 685.
5. ГАОО. Ф. Р-1014. Оп. 1. Д. 733.
6. ГАРФ. Ф. А-178. Оп. 1. Д. 822.
7. ГАРФ. Ф. А-317. Оп. 1. Д. 125.
8. ГАРФ. Ф. А-317. Оп. 1. Д. 147.
9. Женщина в колхозе — большая сила // Колхозная правда. Ак-Булакский р-н. 1948. 8 марта.
10. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 88. Д. 690.
11. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 116. Д. 610.
12. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 116. Д. 277.
13. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 116. Д. 279.
14. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 116. Д. 287.
15. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 116. Д. 297.
16. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 116. Д. 620.
17. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 116. Д. 866.
18. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 122. Д. 168.
19. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 122. Д. 181.
20. Советская деревня в первые послевоенные годы. 1946—1950 / ред. кол.: И. М. Волков (отв. ред.), И. Е. Зеленин, Н. А. Ивницкий, В. В. Кабанов. М. : Наука, 1978. 511 с.
21. Социалистические обязательства колхозников и колхозниц, работников МТС и совхозов, специалистов сельского хозяйства Чкаловской области в соревновании с работниками сельского хозяйства Куйбышевской области на 1947 год. Чкалов : ОГИЗ : Чкал. изд-во, 1947. 8 с.
22. Толмачева Р. П. Колхозы Урала в послевоенные годы (1946—1958) : автореф. дис ... д-ра ист. наук. Саратов, 1982. 35 с.
23. Усилить подготовку к весеннему севу // По Ленинскому пути. Матвеевский р-н. 1947. 6 февр.

241

Российская деревня в XVIII—XXI веках: социокультурное измерение

ний, медицинская интеллигенция сделала в тылу очень многое для предотвращения возникновения эпидемий, обеспечения населения медицинской помощью.

В историографии проблемы можно выделить два качественных периода: «советский» — с 1941 г. до конца 80-х — начала 90-х гг. XX в. и «постсоветский» — с рубежа 80—90-х гг. XX в. по настоящее время. Основы исследования темы заложили труды, появившиеся в годы войны. Они представлены газетно-журнальными статьями и брошюрами руководящих партийно-советских работников, ветеранов ВКП(б), видных ученых. Например, это статьи М. И. Калинина, Г. А. Митерева, С. А. Колесникова, Н. А. Барана, С. Л. Тапельзона и других. Указанные публикации определяли приоритетные цели и задачи работы органов и учреждений здравоохранения в военное время [2, 20, 21, 26, 27, 38].

Тем не менее они не носили исследовательского характера, имели актуально-прикладную, медико-пропагандистскую направленность и не давали полного представления о профессиональной деятельности сельской медицинской интеллигенции Южного Урала. Ценность их заключается в подведении первых итогов героического труда медиков на фронте и в тылу.

Анализу лечебно-профилактической и санитарно-противоэпидемической деятельности медицинских кадров, медицинскому обслуживанию отдельных категорий населения в послевоенное время были посвящены брошюры Н. А. Виноградова, И. Д. Страшун, Г. А. Баткиса. Эти публикации не содержат критического анализа медико-санитарной деятельности военного времени [3, 6, 7, 8].

Литература военных и первых послевоенных лет в целом носила пропагандистский, информационно-инструктивный, фактографический характер. Данные о деятельности сельских медицинских кадров Южного Урала не представлены.

После XX съезда КПСС историки получили доступ к более широкому кругу документальных материалов, развернулось издание ранее неизвестных архивных и статистических данных, расширилась проблематика изысканий. В 60—80-х гг. XX в. преобладающим становится ком-

плексный подход к исследованию социально-экономической истории военных лет. Систематизации истории здравоохранения как одной из сфер социальной политики государства способствовало появление фундаментальных трудов по истории Великой Отечественной войны [5].

Противоэпидемическая, лечебно-профилактическая деятельность сельской медицинской интеллигенции затрагивалась в монографиях, раскрывающих взаимодействие госпитального и гражданского здравоохранения тыловых районов [4, 24]. Частичная информация содержалась в исследованиях, посвященных отдельным социальным группам населения [1, 34].

В целом первый период историографии характеризуется введением в научный оборот большого по объему фактического материала, носящего рекомендательный характер. Однако проблема профессиональной деятельности сельской медицинской интеллигенции Южного Урала оставалась малоизученной.

На рубеже 80—90-х гг. XX в. вопросы профессиональной деятельности медицинских кадров получили отражение в работах М. С. Зинич, Н. П. Палецких [19]. Н. П. Палецких останавливается на анализе проблем, с которыми столкнулось гражданское здравоохранение тыла в период войны, раскрывает деятельность партийных и советских органов в решении поставленных задач, работу лечебно-профилактических учреждений, участие сельских медиков в решении оборонных задач [31, 32, 33].

В начале XXI в. выходит ряд монографий, посвященных истории медицины. Авторы дают современную трактовку более чем тысячелетней истории медицины России. Деятельность медицинских кадров в годы Великой Отечественной войны не представлена [25, 36].

Таким образом, анализ литературы свидетельствует о том, что профессиональная деятельность сельской медицинской интеллигенции южноуральского региона периода войны подвергалась изучению в качестве сопутствующих, подчиненных сюжетов общих тем. Самостоятельным предметом исторического исследования она не являлась.

На протяжении всей войны выходили приказы и постановления Наркомздрава СССР, Народного комиссара обороны Союза ССР, направленные на улучшение медицинского обслуживания населения тыловых регионов. Среди них можно указать следующие: «Об участии общих (неинфекционных) больниц в борьбе с инфекционными заболеваниями» (12.11.1941 г.), «О правильном использовании республиканских и местных курортов для лечения и долечивания раненых бойцов, командиров и политработников Красной Армии» (6.08.1942 г.), «О мероприятиях по борьбе с туберкулезом» (31.08.1942 г.), «О мерах предупреждения заболеваний сыпным тифом» (23.09.1942 г.), «О мероприятиях по улучшению работы органов здравоохранения и детских учреждений по медицинскому обслуживанию детей и усилению их питания» (13.11.1942 г.) и ряд других [18].

Много внимания в период войны стало уделяться лечебно-профилактическому и лечебно-оздоровительному обслуживанию всех категорий сельского населения. Важным звеном являлось оказание скорой медицинской помощи. Медперсоналу высшей и средней квалификации помогали проводить лечебно-оздоровительную работу колхозные медицинские сестры и сестры-общественницы после прохождения краткосрочных курсов Красного Креста [6, с. 20].

Большое значение имело оказание скорой медицинской помощи. Она должна была обеспечивать первую, незамедлительную помощь при несчастных случаях, а также полную и своевременную госпитализацию больных. Положение ее в связи с военным временем ухудшилось, так как весь автотранспорт мобилизовали на военные и хозяйствственные нужды. Врачи, фельдшера добирались до больных пешком, например врачи поселков Карабаш, Уфалей, Кыштым Челябинской области [29, л. 34]. В некоторых сельских районах устанавливалось дежурство медперсонала для обслуживания экстренных случаев, например в Краснохолмском районе Чкаловской области с июля 1944 г. [12, л. 16]. Но одной из распространенных форм лечебно-оздоровительной помощи было посещение врачом больного на дому. Общее

количество посещений на дому сельскими врачами Чкаловской области за 1943 г. составило 152,77 тыс. человек, средним медицинским персоналом — 134,8 тыс. человек, приняли родов на дому 6541 [11, л. 68, 69; 15, л. 124 об.]. В Челябинской области врачи посетили 48 049 тыс. человек, средний медперсонал — 94 794 тыс. человек, приняли родов на дому — 2016 [16, л. 106, 107; 30, л. 44].

Одними из лучших медработников по лечебному обслуживанию в Чкаловской области являлись врачи Сакмарского района А. Н. Закс, М. Д. Филипас; фельдшеры Г. А. Фурсов, М. С. Брудная [12, л. 6]. Медсестру Буранного района А. Резниченко за добросовестно проделанную работу в 1944 г. рекомендовали на утверждение заведующей райздравотделом [40, л. 56]. В Курганской области отличились Песчанский врачебный участок Галкинского района (заведующая — кандидат медицинских наук М. Белоусова), Катайская больница (заведующий Кирпищиков), Частоозерский врачебный участок (заведующий П. Д. Замириалов) [23, с. 2]. Для повышения эффективности лечебной работы применялись физиотерапия, лечебная гимнастика, массаж, солнцелечение [28, с. 2].

Актуальным как в предвоенные годы, так и в годы войны являлось медицинское обслуживание работников колхозов, совхозов в период полевых работ [37, с. 34]. Этому способствовали приказы Наркомздрава. Основными мероприятиями были: своевременное проведение профилактических прививок; организация месячников чистоты для своевременной очистки полевых станов, населенных пунктов; обследование источников питьевой воды; подготовка пищевых объектов; снижение трудопотерь по болезни; оказание доврачебной медицинской и родильной помощи и др. Широкое распространение на Южном Урале получили санитарные посты, передвижные медицинские пункты, которые проводили медико-санитарное обслуживание полевых станов и бригад. Колхозные медсестры оказывали доврачебную помощь. На село посыпались аптечки первой помощи для полевых бригад [35, с. 615]. В сельских амбулаториях часы приема для населения устанавливались в наи-

более удобное для населения время (раннее утро и вечерние часы). Так, фельдшер Куртамышского района Курганской области Фалькова на период полевых работ часы амбулаторного приема установила с 5 до 9 утра и с 6 до 8 вечера [28, с. 2].

Большое значение на селе придавалось охране материнства и детства. Еще в апреле 1941 г. органы здравоохранения организовали патронаж детей до 1 года жизни [13, л. 143]. С ноября 1942 г. повсеместно учреждалась должность районного педиатра, восстанавливалась участковая система обслуживания детского населения консультациями и поликлиниками [24, с. 31]. Лучше всего организовали работу по медобслуживанию больных детей сотрудники Коровинской больницы (главный врач Моисеев), Шарлыкской районной больницы (главврач Самуйло), Соль-Илецкой (главврач Лившиц), Троицкого Дома грудного ребенка (заведующая Т. Лозовая) Чкаловской области [39, л. 12].

Нередко сельские медицинские кадры региона принимали новые, ранее не использовавшиеся меры. По инициативе врачей Кировского района Курганской области Кузнецовой и Д. А. Туговой в 1944 г. для больных детей организовали колхозный детский санаторий на 10 коек, в колхозных яслях создали условия для борьбы с ракитом и дистрофией. Это снизило смертность среди детей [10, л. 46]. Их примеру последовали другие врачи области: Н. А. Рокина — зав. Каргапольским райздравотделом, А. Н. Филиппова — зав. Половинским райздравотделом, Е. П. Ряхми — райпедиатор Мостовского района, А. Н. Филиппова — заведующая Половинским медучастком. Кизильский райздравотдел Челябинской области организовал детский санаторий для лечения ракита. Здесь прошли лечение 120 детей. Всего по области летом 1944 г. было открыто 23 сельских санатория, которые поставили на ноги 4150 ослабленных детей [31, с. 116].

Проводилось и расширение постоянной и сезонной ясельной сети за счет колхозов и МТС, что позволило привлекать к полевым работам женщин. Приказом Наркомпроса здравоохранения РСФСР и Наркома земледелия РСФСР № 15/79 от

24 февраля 1944 г. «О развертывании сезонных детских яслей на период полевых работ 1944 г.» в каждом колхозе организовывались детские ясли для обслуживания детей колхозниц на время полевых работ. Укомплектование их осуществлялось преимущественно медсестрами, прошедшими курсы и работавшими под руководством участковых врачей, также привлекались учителя, учащиеся, пионерские организации. Контроль за яслями возлагался на райздравотдел и районного педиатра [41, л. 12 об. — 13]. В Кизильском районе Челябинской области действовало 27 колхозных ясель, объединивших 1340 детей [9, л. 44], по Чкаловской области открыли 96 сезонных яслей [14, л. 89, 91].

Сельские медицинские работники Южного Урала применяли и новшества в практике здравоохранения. Они организовали глино-, торфо-, грязелечение, применяли обезболивание родов и переливание крови, выполняли сложные хирургические операции, практиковали лечебную гимнастику [22, с. 184]. Например, врач Частоозерской больницы Курганской области П. Замиралов с фельдшерами организовали аэро-, гелиотерапию, гемотерапию, хвойные ванны, а также грязелечение для инвалидов Отечественной войны [17, с. 2].

Таким образом, война внесла значительные изменения в профессиональную деятельность сельской медицинской интелигенции. Теперь она решала не только традиционные в рамках мирного времени задачи, но и продиктованные специфическими условиями новой обстановки как в стране в целом, так и на Южном Урале. Несмотря на тяжелое время, врачи и средний медицинский персонал справились со всеми трудностями.

Список использованных источников и литературы

1. Арутюнян Ю. В. Советское крестьянство в годы Великой Отечественной войны. М. : Наука, 1970. 466 с.
2. Баран Н. А. Медицинское обслуживание сельского населения в военное время // Советское здравоохранение. 1943. № 3. С. 10—15.
3. Баткис Г. А. Организация здравоохранения. М. : Медгиз, 1948. 565 с.
4. Бейлихис Г. А. Очерки истории охраны труда и здоровья рабочих в СССР. М. : Медицина, 1971. 191 с.

5. Великая Отечественная война Советского Союза 1941—1945 гг. : в 6 т. М. : Воениздат, 1965.

6. Виноградов Н. А. Здравоохранение в годы Великой Отечественной войны (1941—1945). М. : Медгиз, 1955. 40 с.

7. Виноградов Н. А. Основные принципы советского здравоохранения. М. : Медгиз, 1954. 44 с.

8. Виноградов Н. А., Страшун И. Д. Охрана здоровья трудящихся в Советском Союзе. М. : Медгиз, 1945. 45 с.

9. Государственный архив Курганской области (ГАКО). Ф. Р-1595. Оп. 1. Д. 63.

10. ГАКО. Ф. Р-1607. Оп. 1. Д. 67.

11. Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Ф. Р-846. Оп. 2. Д. 394.

12. ГАОО. Ф. Р-1465. Оп. 1. Д. 169.

13. ГАОО. Ф. Р-1465. Оп. 1. Д. 426.

14. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. А-310. Оп. 1. Д. 192.

15. ГАРФ. Ф. А-482. Оп. 47. Д. 1721.

16. ГАРФ. Ф. А-482. Оп. 47. Д. 2738.

17. Замиралов П. Наша здравница // Красный Курган. 1944. 19 сент.

18. Здравоохранение в годы Великой Отечественной войны 1941—1945. Сборник документов и материалов / под ред. М. И. Барсукова, Д. Д. Кувшинского. М. : Медицина, 1977. 576 с.

19. Зинич М. С. Будни военного лихолетья 1941—1945. М. : Ин-т Рос. истории РАН, 1994. 127 с.

20. Калинин М. И. О здравоохранении и медицине. М. : Медицина, 1962. 125 с.

21. Колесников С. А. Советское здравоохранение в дни Отечественной войны // Советская медицина. 1943. № 7—8. С. 1—8.

22. Корнилов Г. Е. Уральская деревня в период Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.). Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1990. 221 с.

23. Красный Курган. 1944. 5 авг.

24. Кузьмин М. К. Советская медицина в годы Великой Отечественной войны (очерки). М. : Медицина, 1979. 240 с.

25. Мирский М. Б. Медицина России X—XX веков: очерки истории. М. : РОССПЭН, 2005. 632 с.

26. Митерев Г. А. Все на службу фронта // Советская медицина. 1941. № 13—14. С. 4—7.

27. Митерев Г. А. Задачи здравоохранения в годы Великой Отечественной войны // Медицинские работники в Отечественной войне. М. : Медгиз, 1942. 79 с.

28. Областной съезд сельских врачей // Красный Курган. 1944. 28 июля.

29. Объединенный государственный архив Челябинской области (ОГАЧО). Ф. Р-804. Оп. 7. Д. 128.

30. ОГАЧО. Ф. Р-1595. Оп. 1. Д. 63.

31. Палецких Н. П. Сельская интеллигенция Челябинской области — фронту // Всемирно-историческая победа советского народа в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. : материалы науч. конф. Челябинск : ЧВ ВАИУ, 1985. С. 114—117.

32. Палецких Н. П. Система здравоохранения и медицинское обслуживание населения Урала в годы Великой Отечественной войны // Вестник ЧГАУ. 1995. № 9. С. 11—17.

33. Палецких Н. П. Социальная политика на Урале в период Великой Отечественной войны. Челябинск : ЧГАУ, 1995. 184 с.

34. Савельев В. М., Саввин В. П. Советская интеллигенция в годы Великой Отечественной войны. М. : Мысль, 1974. 285 с.

35. Сорок лет советского здравоохранения. 1917—1957. М. : Медгиз, 1957. 656 с.

36. Сорокина Т. К. История медицины. М. : Академия, 2007. 560 с.

37. Становление охраны здоровья народа на Южном Урале / сост. О. К. Соколов, Р. С. Алексеева, Г. Ф. Еремин, А. С. Старицын. Челябинск : Юж.-Урал. кн. изд-во, 1970. 87 с.

38. Тапельзон С. Л. Состояние сельского здравоохранения в годы войны // Советское здравоохранение. 1943. № 6. С. 29—38.

39. Центр документации новейшей истории Оренбургской области (ЦДНИОО). Ф. 371. Оп. 7. Д. 172.

40. ЦДНИОО. Ф. 1326. Оп. 6. Д. 28.

41. ЦДНИОО. Ф. 3756. Оп. 1. Д. 1.

245

Российская деревня в XVII—XXI веках: социокультурное измерение

УДК 94(47+57)

В. В. Филатов

Отношение уральского крестьянства к коллективизации: *pro et contra*

Исследовано отношение сельского населения уральского региона к коллективизации в начале 1930-х годов. На основе разнообразных источников показано неоднозначное восприятие крестьянством социалистических преобразований в деревне. Большая часть бедняков и батраков поддерживала коллективизацию и раскулачивание, а другая часть сельского социума выступала против этого.

Ключевые слова: Урал, крестьянство, коллективизация, раскулачивание, протест.

Насильственная коллективизация и раскулачивание стали трагической страницей в истории крестьянства. Принятое властями решение по ускоренному переходу индивидуальных подворий в кол-

лективные хозяйства раскололо сельский социум на сторонников форсированных социалистических преобразований и тех, кто пытался своими действиями предотвратить этот процесс. Важно выявить ме-

ния и действия двух противоположных сторон в отношении данного исторического явления в жизни села.

Социальный состав сельского населения в Уральском регионе накануне колхозизации представлял собой следующее: в 1929 г. большую часть селян Уральской области составляли середняки (65,8%), на второй позиции находились бедняки (22,5%), далее шли рабочие (10,1%) и так называемые кулаки (1,6%), а в Башкирии — 65,3%, 24%, 9,5% и 1,2% соответственно [3, л. 1]. В то время большинство бедняков и батраков одобрительно относились к аграрной политике советского государства. Новые колхозные хозяйства, особенно коммуны, отвечали их эгалитарным устремлениям — работать поменьше, а получать наравне со всеми. Середняки неоднозначно воспринимали нововведения. Составляя $\frac{2}{3}$ деревни, они осторожно реагировали на социалистические преобразования. Некоторые из них осознанно поддерживали колхозизацию, другие были вынуждены адаптироваться к существовавшим условиям.

В переломные моменты истории в сознании людей вместе с новыми представлениями сохраняются прежние ценности. В конце 1920-х годов и вплоть до 1940-х годов в крестьянской среде ценности дореволюционной России уживались с опытом «военного коммунизма», новой экономической политики и колхозно-совхозного строительства. В российском крестьянстве сохранялся своеобразный дуализм. С одной стороны, крестьянин являлся индивидуалистом-собственником, а с другой — коллективистом. Аграрная политика советской власти учитывала некоторые элементы крестьянской психологии. Идея замены колхоза общинного на колхозный получила поддержку среди определенной группы селян, хотя большая часть крестьян была предрасположена к свободному кооперативному объединению, нежели насильтственному обобществлению.

Решение руководства страны о колхозизации и раскулачивании получило поддержку основной части бедняков и батраков деревни и части середняков. Этому способствовали преференции для данной

категории селян. Это касалось натуральных и денежных повинностей. Льготное налогообложение, привилегии при заготовках сельхозпродукции стимулировали верноподданнические настроения неимущей категории крестьянства. Советское государство также обеспечивало их приоритет в землепользовании, землеустройстве и по другим вопросам.

Поэтому вполне естественно, что беднейшие хозяйства были на стороне формированной колхозизации, в желании в кратчайшие сроки покончить с ненавистными состоятельными соседями. Материалы источников свидетельствовали о желании некоторых батраков, бедняков и колхозников немедленно уничтожить кулаков.

Активисты Тюменского округа Уральской области хотели устроить для кулаков «Варфоломеевскую ночь» и покончить с ними. В Ирбитском округе бедняки Скородумовского сельсовета на общегражданском собрании по раскулачиванию заявляли, что «мы не грабим, а изымаем у змеи жало, обезвреживаем ее». В д. Симонова Зайковского района были выкрики на собрании: «Чего тут разговаривать. Сейчас же надо гнать в три шеи кулаков из дома и забирать все до нитки». В Ольховском районе Шадринского округа бедняки на собрании говорили: «Мы давно от партии и советской власти ждали таких решительных действий по отношению к кулаку; если бы это было сделано раньше, мы, наверное, были бы колхозизированы». В с. Козловское Чашинского района Курганского округа беднота, батрачество и середняки пришли на собрание с лозунгами и требованиями немедленного выселения кулаков [12, с. 84—85].

В августе 1931 г. уральские чекисты сообщали в центр о политических настроениях населения в связи с выселением кулачества. В докладной записке сообщалось, что «изъятие кулачества со стороны основной части колхозников, бедноты и середняков проходило с большим подъемом и сопровождалось рядом досрочных выполнений хозяйственно-политических кампаний» [14, с. 46].

Сельское население по-разному реагировало на выселение зажиточных кре-

стян. Одни протестовали, другие проявляли солидарность с решением властей.

На бедняцких и общих собраниях выселение кулачества в Уральской области одобрялось такого рода высказываниями: «Правильно сделан удар по кулаку», «Советская власть знает, кого убрать», «Довольно поработали на кулаков» и т.п. При отправке выселенцев в д. Ваньки Сарапульского округа из толпы были выкрики: «Довольно, паразиты, попили нашей крови, так вам и надо» [5, с. 441]. Не всегда с сочувствием и помощью встречали раскулаченных на новом месте. На ст. Тавда местное население увидело много багажа у выселяемых, и в толпе раздались возгласы: «Плохо раскулачили! У нас не так раскулачивали, надо их еще здесь повторно “по-настоящему” раскулачить» [4, с. 231].

Общеизвестно, что создание колхозов шло насильственным путем при поддержке бедняцкой части села. При создании Саломатовской коммуны Шадринского округа местные партработники заявляли: «Кто не пойдет в коммуну, тому пустим пулью в лоб, кто не вступит — лишится надела и даже покоса», и с ними соглашались бедняки. На бедняцком собрании с. Медведовское приняли решение, что «против всех препятствующих идти в колхоз принимать репрессивные меры, вплоть до привлечения к судебной ответственности» [15, с. 179].

Однако в бедняцко-батрацкой среде не все единодушно одобряли нововведения властей. Подобное недовольство можно проследить по таким словам: «Хлеб отобрали, сами партийцы прикреплены к закрытым распределителям, а нас батраков морят голодом...» [19, л. 74]. Не везде инициатива властей получила полную поддержку бедняков. Уполномоченный Курганского окружкома 25 января 1930 г. информировал Уралобком партии, что «в отношении ликвидации кулака в большинстве случаев беднота отмалчивается, есть единичные случаи, когда беднота защищает кулаков, предлагая принимать их в колхоз».

Уполномоченный по Лопатинскому району сообщал 26 января 1930 г. в Курганский окружком, что «кулачество как класс ликвидируется вовсю, даже боль-

ше... Настроение бедноты боевое, сердняка тоже, но не всего». Уполномоченный по Глядянскому району сообщал в Курганский окружком партии 28 января 1930 г., что наблюдались следующие отрицательные явления: а) в отдельных случаях боевость обидеть кулака; б) их защита, что тот или иной кулак — хороший человек; в) чего хотите делайте с кулаками, но помимо нас (бедноты) и т.д. В этом уполномоченный увидел слабую работу с беднотой и в отдельных случаях неприязнь неорганизованной бедноты к колхозной [12, с. 78]. В январе 1930 г. в одной из деревень Викуловского района Ишимского округа беднота проголосовала за выселение всех кулаков, а после жалостливого обращения к ним кулаков на следующий день выступила против их выселения [18, л. 9—10].

Другие крестьяне открыто или латентно протестовали против коллективизации и ликвидации зажиточных хозяйств. Раскулаченная Е. Камашова из д. Дубровск Киясовского района Удмуртии задавала вопрос: «Ладно, у нас все отобрали, выгнали из дома, отправили в чужие края... Но кого нашим добром обогатили? Бедняков? Или лентяев-пьяниц? Лишили нас счастья, родителей, дома... А кто это сделал? Советская власть? Или черная зависть к добру и достатку, нажитому непомерным трудом?» [1, с. 167—168]. Эти вопросы остались без ответа. Курс на раскулачивание не предусматривал ответа на подобные вопросы.

Из анонимного письма из д. Шуралы Невьянского района (март 1930 г.) явствовало, как менялись взгляды бывших сторонников советской власти. В нем с горечью звучали слова: «Товарищи красные! Были сначала вы нам хорошие, но теперь вы нас подводите... Вот сейчас идет у нас выселка, раскулачивание, непричинно страдают и будут страдать семьи, дети, что теперь с голоду подыхать, ничего не дают им. Я уже как хвалил Советскую власть, но теперь меня вынуждает до невозможности — черт побери вашу власть, чтобы ей провалиться на весь век в разгромождение» [2, с. 508—509].

Осуществление плана по раскулачиванию крестьянства вызвало бурную волну протестного движения и всколыхнуло

деревню. Шаги по изоляции способных оказать сопротивление крестьян, предпринятые властью накануне массовой колханизации, позволили с меньшими потерями начать широкомасштабные действия по раскулачиванию, высылке зажиточных крестьян за пределы мест проживания. Однако сопротивление селян насилиственному переходу к социализму все же происходило, особенно на первом этапе.

За первые месяцы 1930 г., когда начались массовая колханизация и раскулачивание, отмечен всплеск выступлений крестьянства. Хотя данные источников разнятся, но все они показывают рост антисоветских выступлений.

Ответная реакция на внеэкономический нажим выливалась в активное и пассивное сопротивление. Вынужденные защищать свое хозяйство, свои попранные права, крестьяне шли на крайние меры, включая физическое уничтожение организаторов и исполнителей партийных установок.

По информации ОГПУ, 27 января 1930 г. контрреволюционные образования были вскрыты в Ишимском округе. В отношении колхозов у них были лозунги такого содержания: «В колхозы входить и взрывать изнутри, нужно сейчас всем идти в колхозы, так как и жить от этого пока легче и лучше, можно будет проводить работу по развалу этих колхозов». Операция против кулаков вскрыла чрезвычайную засоренность бывшими людьми хозяйственных организаций, прежде всего заготовительных. Используя свое положение по службе в этих организациях, участники разъезжали по району, распространяли слухи о восстании, активизировали повстанческие настроения среди кулаков.

В с. Ярково Тюменского округа контрреволюционная организация ставила задачу сорвать посевную кампанию. По заседенному уголовному делу арестовали 15 кулаков-лишенцев. В Тугулымском и Талицком районах организация проводила вербовку кулаков-лишенцев-пятикратников. Они ставили задачу активной борьбы с мероприятиями советской власти, убийства ответственных работников, подкупа бедноты в целях отказа ее от колханизации. В Частинском районе Сарапульского

округа организация готовила вооруженное восстание, изыскивала оружие, проводила вербовку новых членов. Контрреволюционная повстанческая организация была выявлена в п. Сергеево Юрлинского района Тюменского округа. Она состояла из 33 контрреволюционных кулаков, бывших участников восстаний, и готовила восстание против советской власти.

Крупная контрреволюционная повстанческая кулацкая организация из кулаков, бывших белогвардейцев и бандитов охватила ряд районов Ишимского, Курганского округов. Восстание намечалось на 25 января. Было организовано восемь боевых групп, назначены коменданты, начальники штабов и установлен пароль. В результате операции арестовали 55 человек [4, с. 248].

Подобных чекистских сводок имелось немало. Все они способствовали разжиганию истерии по отношению к зажиточному крестьянству и определению контрреволюционеров там, где их не было и в помине. За одиночными действиями зажиточных крестьян или случайными группами чекистам мерились контрреволюционные организации, подрывавшие устои социалистического строя. Любое несогласие с указаниями руководителей трактовалось как враждебная деятельность. Хотя статистические данные в ряде случаев не совпадали, но все же они показывали, какой размах приобрела повсеместная акция чекистов по изоляции мифических кулаков-контрреволюционеров. Возможно, среди арестованных и имелись явные противники советской власти, готовые с оружием в руках защищать свою свободу. Однако масштабы операции не соответствовали реальным возможностям противодействия со стороны неорганизованного крестьянства.

Насколько «эффективно» работали чекисты в 1930 г. в Уральском регионе и на Средней Волге можно проследить по следующим показателям. Больше всего кулаков 1-й категории выявили в Уральской области (6456). Здесь же нашли больше и контрреволюционных организаций (27). Однако численность арестованных в Средне-Волжском крае (849) превышала данные Уральской области, хотя контрре-

воловицо-организаций было вдвое меньше. По количеству выявленных кулацких группировок (398) и арестованных по ним (4248) лидировали Башкирия и Средне-Волжский край соответственно. Характерно, что во всех трех районах Урала не обнаружили кулацких банд, тогда как в стране таковые имелись [4, с. 140—141]. Все это свидетельствовало о том, что на Урале кулаки в основном не сопротивлялись с оружием в руках, а арестовывали лишь тех, кто в своих высказываниях угрожал советской власти. Причем и это не всегда было доказано. Ставилась задача ликвидировать кулака, и все средства были хороши: от надуманных контрреволюционных организаций и групп до банд. Немало зажиточных крестьян оказалось за решеткой лишь за то, что имели личную собственность больше, чем у других, и открыто выражали недовольство властью.

В сводках ПП ОГПУ Уральской области публиковались данные об антисоветских выступлениях кулаков. Только на почве выселения кулаков за январь-март 1930 г. произошло девять крупных выступлений крестьян с численностью 1200 человек. Из-за сбора семенного фонда и обобществления состоялось 33 выступления, в которых участвовало 2252 человека [17, л. 47].

В связи с обобществлением имущества за январь — начало апреля 1930 г. в Уральской области произошло 118 массовых выступлений. В связи с выселением кулаков в области отмечено 15 выступлений крестьян с 2,4 тыс. участниками, в связи со сбором семенного фонда и обобществлением — 74 выступления (4,2 тыс. человек) [12, с. 236]. В большинстве случаев выступления носили стихийный, неорганизованный характер.

В 1930 г. в Уральской области несогласие с начавшейся коллективизацией и раскулачиванием проявилось в террористических актах. В этой области было проведено 977 террористических актов, а в Башкирии состоялся 291 теракт [13, с. 24]. В Уральской области 15,8% терактов были направлены против работников низового советского аппарата; 24,1% — против колхозников; 32,1% — против активистов; 22,6% — против колхозов; 5,4% — против

советских общественных организаций; а в Башкирии — 17,9%; 26,8%; 37,1%; 12,4%; 5,8% соответственно. По социальному составу 812 террористов Уральской области состояли на 56,7% из кулаков, на 19,7% — из середняков, на 8,9% — из бедняков, тогда как в Башкирии — 60,7%; 12,6%; 5,9% соответственно [5, с. 787, 790—791, 801, 804—805, 807—808].

С 1 января по 1 апреля 1930 г. в Уральской области было арестовано 5394 так называемых контрреволюционера, из них 533 человека являлись якобы членами 27 контрреволюционных организаций, а 1913 человек — членами 300 группировок и еще 2228 одиничек — по терминологии тех лет — кулацко-белогвардейскими элементами [20, л. 26].

Не только раскулачивание вызывало негативную реакцию крестьянства. Немало крестьян пострадало, лишившись избирательных прав. В 1930 г. в Уральской области было лишено избирательных прав 124,2 тыс. человек, но после проверки это число уменьшилось на 18,9 тыс. человек (на 15,2%). Проверки показывали, что порой лишали прав без всяких на то оснований, очень часто за выступления против колхозов. В число лишенцев попадали и бедняки, и середняки. Но затем разбирались с лишенцами. Если они могли доказать несостоинность принятого решения, то восстанавливались в правах. В Егоршинском районе был восстановлен в правах почти каждый третий крестьянин [12, с. 21].

Организация заготовок также имела по своей сути репрессивный характер по отношению к зажиточному крестьянству. Невыполнение спущенного сверху плана вне зависимости от особенностей текущего года, а год на год не приходился ввиду особых природно-климатических условий Урала, предполагало целый комплекс административно-уголовного воздействия на несдатчиков, недоимщиков. Задания носили явно классовый характер, когда ради быстрой коллективизации крестьянства правовые акты по отношению к единоличникам предусматривали особые меры нажима. Этот нажим вел к разорению индивидуальных хозяйств, к репрессиям [11, с. 56—73].

Ущемление единоличников по всем направлениям хозяйственной деятельности привело к сокращению их посевных площадей, уменьшению поголовья скота. Это также вызывало протест крестьян [6, с. 500—505; 8, с. 136—138; 9, с. 60—69; 10, с. 49—53].

Коллективизация коренным образом изменила систему землеустройства и землепользования. Приоритет получили колхозы и совхозы. Крестьян-единоличников вынуждали сворачивать производство. Они получали худшие земли как по качеству, так и по удаленности от места жительства. На этой почве возникало недовольство [7, с. 104—113]. Классовый подход отмечался и при распределении семенных фондов, и по другим направлениям [16, с. 62—64]. Крестьяне пытались протестовать, но безуспешно.

Коллективизация и раскулачивание стали апогеем раскрепощивания. Процесс коллективизации был неоднозначно встречен в сельском социуме. Основная часть бедняков и батраков, часть середняков поддержали эти мероприятия советской власти.

Несогласные селяне протестовали. Кто-то это делал явно, вплоть до применения насилия в отношении активистов коллективизации. Другие пытались выражать свой протест тайно. Многочисленные факты из жизни уральской деревни того времени свидетельствуют о бесчеловечном отношении к раскулачиваемым, насилиственном принуждении к вступлению в колхоз с помощью не только уговоров, но и экономических санкций к индивидуальным хозяйствам.

Жестокость, переходящая все границы дозволенного, унижение, надругательство над крестьянами, преуспевшими в подъеме своего хозяйства, стали обычным явлением того времени. Беззаконие, произвол не могли не вызывать ответную реакцию.

Попытки как-то остановить жестокость, протестовать против бесчеловечного раскулачивания наталкивались на расправу правоохранительных органов, охранявших право государства, а не отдельной личности. Единичные случаи выступлений жестоко подавлялись. Доведенные до отчаяния люди шли на крайние

меры, вплоть до человекаубийства, защищая свою свободу и достоинство, но все это заканчивалось неволей или расстрелом. Активный и пассивный протест не мог остановить начавшееся социалистическое переустройство деревни.

Список использованных источников

1. Никитина Г. А. Удмуртская община в советский период (1917 — начало 30-х годов). Ижевск, 1998. 225 с.
2. Общество и власть. Российская провинция. 1917—1985. Документы и материалы. Т. 1. 1917—1941. Свердловская область. Екатеринбург, 2005. 788 с.
3. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 73. Д. 113.
4. Советская деревня глазами ВЧК — ОГПУ — НКВД. 1918—1939. Документы и материалы : в 4 т. М., 2005. Т. 3, кн. 1. 864 с.
5. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927—1939. Документы и материалы : в 5 т. Т. 2 (ноябрь 1929 — декабрь 1930 г.). М. : РОССПЭН, 2000. 927 с.
6. Филатов В. В. Единоличные крестьянские хозяйства Урала в условиях сталинской модернизации // Аграрная сфера в контексте российских модернизаций XVIII—XX веков: макро- и микро-процессы : сб. статей. Оренбург : ГУ «РЦРО», 2010. С. 500—505.
7. Филатов В. В. Землеустройство на Урале в конце 1920-х — 1930-е гг. // Вопр. истории. 2006. № 11. С. 104—113.
8. Филатов В. В. Индустриализация и социально-демографические изменения в уральских селах второй половины 1920-х — начала 1940-х годов // Социологические исследования. 2012. № 1. С. 134—144.
9. Филатов В. В. Уральское село, 1927—1941 гг.: динамика и темпы развития животноводства : монография. Магнитогорск : ГОУ ВПО «МГТУ», 2006. 264 с.
10. Филатов В. В. Уральское село, 1927—1941 гг.: динамика и темпы развития земледелия : монография. Магнитогорск : ГОУ ВПО «МГТУ», 2006. 260 с.
11. Филатов В. В. Уральское село, 1927—1941 гг.: продуктивные и денежные повинности. Магнитогорск : ГОУ ВПО «МГТУ», 2007. 370 с.
12. Филатов В. В. Уральское село, 1927—1941 гг.: раскрепощивание. Магнитогорск : ГОУ ВПО «МГТУ», 2010. 333 с.
13. Филатов В. В. Уральское село, 1927—1941 гг.: состояние преступности. Магнитогорск : ГОУ ВПО «МГТУ», 2009. 438 с.
14. Филатов В. В. Уральское село, 1927—1941 гг.: ссылка раскулаченных. Магнитогорск : ГОУ ВПО «МГТУ», 2010. 253 с.
15. Филатов В. В. Уральское село, 1927—1941 гг.: функционирование карательной системы. Магнитогорск : ГОУ ВПО «МГТУ», 2009. 245 с.
16. Филатов В. В. Формирование и распределение семенных фондов на Урале во второй полу-

вине 1920-х — начале 1930-х гг. // Клио. 2007. № 4. С. 62—64.

17. ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 8. Д. 104.

18. ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 8. Д. 19.

19. ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 8. Д. 529.

20. ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 9. Д. 49.

УДК 94 (47)“1940/1965”

С. В. Филатов

О развитии потребительской части бюджета колхозной семьи в 1940—1965 годах (на материалах Ростовской области)

Статья посвящена проблеме эволюции потребительской части бюджета колхозной семьи, свидетельствующей как о росте благосостояния крестьянства, так и о качественном его преобразовании. Автор характеризует уменьшение доли необходимых для жизнеобеспечения семьи расходов как предпосылку смены типов потребления.

Ключевые слова: крестьянство, колхозы, уровень жизни, потребление, семейный бюджет, доходы.

Проблемы материального благосостояния колхозного крестьянства в середине XX века неоднократно поднимались в исторической литературе. В первых работах, затрагивавших вопросы эволюции благосостояния крестьян послевоенного периода, преимущественно анализировался уровень и структура доходов семьи, изменения которых служили, по мнению авторов, объективным индикатором роста благосостояния [1, 19, 20]. Однако уже в исследованиях П. А. Игнатовского, А. Ф. Тарасова, В. Б. Островского второй половины 1960-х гг. была справедливо обоснована значимость для характеристики уровня жизни также и показателей денежных расходов (потребления) колхозного двора [16, 17, 18]. Тем не менее лишь с конца 1980-х годов, когда необходимая статистика бюджетных обследований крестьянских домохозяйств оказалась доступнее исследователям, данный методологический подход нашел практическое применение в публикациях О. М. Вербицкой, М. А. Безнина, Н. С. Иванова и др. [2, 4, 13, 15].

Накопленный отечественной исторической наукой исследовательский материал позволяет сделать вывод о заметном росте благосостояния крестьян в послевоенный период. Вместе с тем важно подчеркнуть, что 1950-е — середина 1960-х гг. стали периодом не только количественных, но и начала качественных перемен в благосостоянии колхозных дворов. Данная тенденция явственно прослеживается

посредством измерения количественных характеристик семейного бюджета колхозника показателем, определяемым как величина условно-свободной части располагаемого семейного расхода. К ней, как правило, относятся денежные средства, остающиеся после вычета из них обязательных платежей и малоэластичных статей расходов [14, с. 7]. В этой связи при анализе соотношений основных статей расходов в потребительском бюджете крестьян важно учитывать не только их общий уровень, но и изменение удельного веса затрат на самые необходимые для жизнеобеспечения семьи статьи (расходы на продукты питания, одежду, обувь, поддержку ЛПХ, оплату налогов). Остальные виды (статьи) расходов ввиду их менее регулярного характера оставались во власти потребительских предпочтений семьи. Направленность данной условно-свободной части доходов, как нам кажется, объективно отражала процесс смены традиционного (минимального) на современный (применительно к 1960-м гг. — накопительный) тип потребления. Анализ материалов бюджетных обследований домохозяйств колхозников Ростовской области 1940—1965 гг. иллюстрирует этот процесс [3; 5, л. 1—15; 6, л. 17; 7, л. 12; 8, л. 17; 9, л. 10; 10, л. 51; 11, л. 43—48, 97—98].

Так, по данным бюджетных обследований, общие денежные расходы семьи донского крестьянина выросли в рассматриваемый период в 6,5 раза, с 285 рублей

251

Российская деревня в XVIII—XXI веках: социокультурное измерение

в 1940 г. до 1844 рублей в 1965 г. [там же]. Увеличению расходов способствовал не только рост денежного заработка колхозного двора, но и развитие сети предприятий торговли, сферы услуг, рост объемов товарооборота на селе. Благодаря высоким темпам роста денежных доходов крестьянской семьи, особенно в 1950-е гг., общая доля обязательных и малоэластичных расходов в крестьянском бюджете неуклонно снижалась, несмотря на то, что по некоторым статьям наблюдалось увеличение расходов в абсолютном и относительном выражении.

Определяющее значение в сокращении доли малоэластичных расходов имели мероприятия 1950-х гг. по снижению ставки сельхозналога, отмене денежных выплат в счет обязательных поставок с ЛПХ, подписки на облигации госзаймов. Доля средств, выделяемых на эти цели, существенно сократилась — с 9,6% в 1940 г. до 1,6% в 1965 г. [там же].

Важной частью расходов семьи оставались затраты по поддержанию воспроизводства в ЛПХ (покупка скота, птицы, пчел). В среднем средств на данные нужды стало отпускаться больше (24 рубля в 1940 г., 32 рубля в первой половине 1960-х годов), но при этом доля данной статьи уменьшилась с 7,7 до 2,6% [там же].

Расширение в послевоенной донской деревне сети магазинов, а также недостаток ряда продуктов питания, прошедших промышленную обработку, вызвали рост доли денежных затрат на приобретение продовольственных товаров с 10% в 1940 г. до 26% в начале 1960-х гг. В 4 раза выросли по данным статьям и абсолютные показатели. Самой незначительной статьей по абсолютным и относительным характеристикам затрат денежных средств на питание было приобретение продуктов леса, рыболовства и охоты, хотя и здесь расходы выросли за 1950-е гг. в 3,5 раза, с 1,5 в 1940 г. до 5,3 рубля в первой половине 1960-х гг. [3; 5, л. 1—15; 6, л. 17; 7, л. 12; 8, л. 17; 9, л. 10; 10, л. 51; 11, л. 43—48, 97—98].

Выросло приобретение крестьянской семьей товаров легкой промышленности, а именно тканей, готовой одежды, головных уборов, обуви. В 1940 г. на данные

цели расходовалось 83 рубля, тогда как в 1965 г. — 295 рублей, или в 3,5 раза больше. Тем не менее удельный вес расходов на приобретение товаров легкой промышленности за этот период несколько снизился — с 30 до 16% [там же].

Таким образом, абсолютные показатели наиболее необходимых денежных расходов в бюджете крестьянской семьи Ростовской области, за исключением налогов и различных выплат, увеличились. В относительном же выражении данные затраты снизились с 75% в 1940 г. до 50% в 1965 г. [там же]. Это означало, что в послевоенный период у донских земледельцев заметно расширялись возможности потребления товаров и услуг, преображавших традиционный крестьянский быт и досуг.

В течение 1950-х гг. свободные денежные средства направлялись крестьянами на улучшение жилищных условий. Значительно больше колхозники стали приобретать построек, строительных, горючих материалов. В десятки раз увеличились расходы на стройматериалы — с 1 руб. до 82 руб., или с 0,4 до 16% всех расходуемых средств. На покупку построек денежные расходы за четверть века увеличились в 15 раз, с 3 руб. до 465 руб., или с 0,5 до 3,2% в относительном выражении. В 11,7 раза больше — с 0,7 руб. в 1940 г. до 62 руб. в 1965 г. — расходовалось крестьянами денежных средств на приобретение керосина и каменного угля, необходимых в отоплении и освещении жилища. В относительном выражении расходы по указанной статье возросли с 0,3% в 1940 г. до 3,4% в 1965 г. [3; 5, л. 1—15; 6, л. 17; 7, л. 12; 8, л. 17; 9, л. 10; 10, л. 51; 11, л. 43—48, 97—98].

Важное место в структуре потребления колхозного двора заняли мебель, предметы длительного пользования, различная бытовая техника, культтовары. В 1,5 раза, с 16 руб. в 1940 г. до 55 руб. в 1965 г., возросли расходы на приобретение предметов домашнего обихода, хотя в общей структуре расходов доля данной статьи сократилась с 5,7 до 3% в 1965 г. [там же].

С течением времени все большее количество крестьян Ростовской области обзаводилось автотранспортом. Автомобилей покупалось еще мало, но мотоциклы

и велосипеды в 1950-е гг. уверенно стали входить в крестьянский быт. В среднем до 15 рублей в середине 1960-х гг. с 5,7 рубля в начале 1950-х гг., или в 2,7 раза, выросли расходы семьи на данные цели [5, л. 1—15; 6, л. 17; 7, л. 12; 8, л. 17; 9, л. 10; 10, л. 51; 11, л. 43—48, 97—98]. Однако это незначительно отразилось на доле затрат, которая составляла всего 3% общих расходов. Тем не менее, например, уже в 1963 г. колхозники Ростовской области затратили на приобретение средств передвижения в 2,3 раза больше денег, чем в 1958 г. [18, с. 373].

В 2—2,5 раза увеличились затраты семьи на потребление предметов санитарии и гигиены (мыла, парфюмерии, зубного порошка, различного крема, одеколонов и лекарственных препаратов). В относительном же выражении доля данных расходов была невелика, составляя от 0,5 до 1,3% в течение периода [3; 5, л. 1—15; 6, л. 17; 7, л. 12; 8, л. 17; 9, л. 10; 10, л. 51; 11, л. 43—48, 97—98].

Перемены в благосостоянии крестьянства в течение 1950-х гг. означали не только увеличение потребления промышленных товаров. Важной статьей расходов бюджета становились затраты на различные услуги — транспорт, ремонт и возвведение построек, пошив одежды, ремонт обуви и т.п. Общая доля затрат по указанным статьям выросла с 2,4% в 1940 г. до 13,3% в 1965 г., или с 8,4 до 243 руб. [там же]. Это обуславливалось, с одной стороны, появлением скромной сферы услуг на селе, с другой — качественными переменами в потребительском поведении крестьянской семьи, отказывавшейся от традиций домашнего самообслуживания.

Вместе с тем трудности снабжения деревни промтоварами и неразвитость сельской социальной инфраструктуры по мере роста доходов крестьян вели к формированию отложенного спроса, выражавшегося в увеличении накоплений. Пиковых показателей в рассматриваемый период данная статья семейного бюджета донского земледельца достигла в первой половине 1960-х гг. Так, в течение 1960—1965 гг. сумма хранившихся в сберегательных кассах и домашних «кубышках» денежных средств возросла в 1,5 раза, с 97 до 159

руб., или с 6,3 до 8,6% относительно всех расходов семьи [там же].

Таким образом, в потребительской структуре бюджета донских крестьян в течение 1940—1965 гг. произошли заметные изменения. Несмотря на военное лихолетье, трудности послевоенного хозяйственного возрождения, ошибки реформирования аграрной сферы конца 1950-х — начала 1960-х гг., доходы крестьянской семьи возрастили, что обусловило качественные сдвиги в потреблении колхозной семьи. С 1950-х гг. закрепляется тенденция денатурализации потребления, расширяются возможности колхозной семьи по приобретению «городских» товаров и использованию сферы услуг. Так к середине 1960-х гг. были заложены предпосылки перехода от сельского образа жизни к урбанизированному, от традиционных вкусы к новым, от желания иметь минимум жизнеобеспечивающих благ к стремлению пользоваться как можно более разнообразным их набором.

Список использованных источников и литературы

1. Артюшин В. А. Партийные организации Кубани в борьбе за крутой подъем сельского хозяйства (1953—1960 гг.). Краснодар : Политиздат, 1961. 169 с.
2. Безнин М. А. Крестьянский двор в Российском Нечерноземье 1950—1965 гг. Вологда : Изд-во ВГПУ, 1991. 250 с.
3. Бюджеты рабочих, служащих и колхозников РСФСР : стат. сб. М., 1959. С. 156, 158, 164, 170, 186, 202—203, 208—209, 214—215, 226—227, 232—233 // Портал «Исторические материалы» [Электронный ресурс]. URL: http://istmat.info/files/uploads/25584/byudzhety_rsfsr_1959_-2.pdf
4. Вербицкая О. М. Российское крестьянство: от Сталина к Хрущеву. Середина 40-х — начало 60-х годов. М. : Наука, 1992. 255 с.
5. Государственный архив Ростовской области (ГАРО). Ф. Р-4034. Оп. 11. Д. 1918.
6. ГАРО. Ф. Р-4034. Оп. 9. Д. 2047а.
7. ГАРО. Ф. Р-4034. Оп. 9. Д. 2249.
8. ГАРО. Ф. Р-4034. Оп. 9. Д. 2412.
9. ГАРО. Ф. Р-4034. Оп. 9. Д. 2677.
10. ГАРО. Ф. Р-4034. Оп. 9. Д. 3058.
11. ГАРО. Ф. Р-4034. Оп. 9. Д. 3400.
12. ГАРО. Ф. Р-4034. Оп. 9. Д. 4а.
13. Гулин К. А., Димони Т. М., Карпов С. Г. Бюджет и имущество крестьян Европейского Севера России второй половины XX века. Вологда : Изд-во ВГПУ, 2003. 280 с.
14. Жеребин В. М., Ермакова Н. А. Уровень жизни — как он понимается сегодня // Вопросы статистики. 2000. № 8. С. 7—15.

15. Иванов Н. С. Раскрестьянивание деревни (середина 40-х годов — 50-е годы) // Судьбы российского крестьянства. М. : РГГУ, 1996.
16. Игнатовский П. А. Социально-экономические изменения в советской деревне. М. : Политиздат, 1966. 244 с.
17. Островский В. Б. Колхозное крестьянство СССР. Политика партии в деревне и ее социально-экономические результаты. Саратов : Изд-во Саратовского государственного ун-та, 1967. 329 с.
18. Тарасов А. Ф. Развитие колхозной собственности в общенародную. Ростов-на-Дону : Изд-во Ростов. гос. ун-та, 1967. 379 с.
19. Фуров В. Г. Забота КПСС о повышении благосостояния и культурного уровня колхозного крестьянства (1953—1959 гг.). На материалах Алтайского края, Новосибирской и Омской областей. М. : Наука, 1960. 189 с.
20. Шуклецов В. Т. Организационно-хозяйственное укрепление колхозов и подъем материального благосостояния колхозного крестьянства в 1953—1957 гг. (По материалам Новосибирской области). М. : Наука, 1960. 233 с.

УДК 316.6

П. П. Фролкин, В. П. Фролкина

Кадровые проблемы сельского хозяйства и развития аграрного профессионального образования в Российской Федерации

В статье рассматриваются проблемы занятости и безработицы в аграрном секторе экономики, подготовки кадров в системе аграрного профессионального образования РФ. Авторы исследуют структуру, причины и последствия занятости в сельском хозяйстве. Обсуждаются оптимальные направления и механизмы решения кадровых проблем, перспективы развития аграрного профессионального образования в условиях реформирования аграрного сектора экономики. Делается выводы о необходимости формирования целостной и эффективной системы содействия занятости и снижения сельской безработицы, подготовки кадров для сельского хозяйства и кадровой политики на федеральном и региональном уровнях власти.

Ключевые слова: сельская безработица, кадровые проблемы, аграрное профессиональное образование, аграрные преобразования.

254

Российская деревня в XVIII—XXI веках: социокультурное измерение

Научный и общественный интерес к избранной теме вполне объясним многими важными обстоятельствами. Рыночные преобразования, системный кризис и резкий спад производства, а также иные факторы обусловили появление многих серьезных проблем в агропромышленном комплексе РФ. Одной из них является его кадровое обеспечение. Вопросы занятости и безработицы в сельской местности — центральная проблема дальнейшего развития АПК РФ. Россия стала одной из немногих стран с переходной экономикой, где рыночные реформы в аграрной сфере обусловили резкое падение объемов производства, снижение жизненного уровня населения и резкий рост безработицы.

В официальных документах Правительства Российской Федерации последнего времени указывается на необходимость системного подхода к кадровому обеспечению АПК. Очевидно, что существующая система профессиональной подготовки кадров и аграрного профессионального

образования нуждается в серьезной модернизации, вызванной изменениями структуры производства в аграрном секторе и спроса на специалистов.

Важнейшими вопросами кадрового обеспечения АПК, на наш взгляд, являются: острый дефицит кадров, способных овладевать современными технологиями, машинами и оборудованием; дефицит кадров управления, способных обеспечить эффективное развитие предприятий; низкая закрепляемость специалистов, подготовленных на дневных отделениях аграрных вузов. В процессе преобразований производительность труда в аграрном секторе экономики значительно уменьшилась, в то время как занятость населения на селе снижалась гораздо медленнее, чем в целом по народному хозяйству. К примеру, совокупное количество занятых работников в сельском хозяйстве, включая все основные формы хозяйствования, в 2000 году по сравнению с 1990 годом снизилось всего лишь на 15% [3, с. 23].

По данным статистики в 2000-е годы уровень безработицы в сельской местности был существенно выше, а уровень занятости экономически активного населения — значительно ниже, чем в городе. К примеру, в 2006 году в сельской местности проживало 24,5 млн. человек трудоспособного возраста, что составляло более 61% от общей численности сельского населения страны. Из названной категории населения было занято в экономике 51,8%, а 9,7% сельского населения являлись безработными [1, с. 29].

За годы реформ в стране произошло резкое сокращение занятости на крупных сельхозпредприятиях и увеличение занятости в фермерских и личных подсобных хозяйствах. Названные процессы послужили одной из причин снижения производительности труда в сельском хозяйстве России и привели к существенному отставанию по этому показателю от многих стран ЕС, в которых происходили аналогичные процессы. В отличие от РФ в указанных странах сокращение аграрной занятости происходило более быстрыми темпами, чем снижение объемов производства продукции. При этом в нашей стране за переходный период произошло значительное перемещение рабочей силы, ранее занятой в крупных организациях, в менее продуктивные фермерские и личные подсобные хозяйства.

По данным официальной статистики, уровень сельской безработицы был достаточно низким по сравнению со средним по стране. В 1990-е годы уровень сельской безработицы непрерывно повышался и достиг максимума в 13,5% в 1998 году, но после этого стал постепенно снижаться и в 2007 году составлял 9,7% [5, с. 15].

До середины 1990-х годов повышение уровней общей и регистрируемой безработицы происходило примерно одинаково, но впоследствии положение поменялось. Уровень реальной безработицы в сельской местности превысил принятый международными стандартами критический показатель 10%. Отметим, что к 2001 году во многих субъектах России уровень общей безработицы на селе был значительно выше и составлял от 10 до 20% [4, с. 4].

В то время как уровень общей безработицы на селе постоянно увеличивался, показатель уровня регистрируемой безработицы на селе снижался. Причины подобного расхождения состоят в том, что официальная статистика не вполне адекватно отражает реальную ситуацию: численность сельских безработных значительно занижается. Многие ученые отмечают, что сельские жители не регистрируются как безработные по самым различным причинам. К примеру, по данным официальной статистики в 2010 г. в сельских поселениях в среднегодовом исчислении насчитывалось более 2040 тыс. безработных. Однако по некоторым оценкам фактическое их количество было больше в 2—2,5 раза [2, с. 2]. Из них более половины не состояли на учете в службах занятости и не получали никакого содействия в обеспечении и трудоустройстве. В названной ситуации теряет смысл обращение в сельские центры занятости по поиску вакантных рабочих мест. К примеру, относительная доля безработных, получающих пособия, в 2000 году по сравнению с 1995 годом снизилась в 2,8 раза [4, с. 5].

В современных условиях сельское хозяйство перестает быть основным источником занятости жителей села. Если в начале 1990-х годов в аграрном секторе экономики было занято более 50% всего трудоспособного населения села, то в ходе реформ ситуация быстро изменилась, произошло резкое падение занятости в сельском хозяйстве, в первую очередь в крупных организациях. К примеру, в 1999 году около 18 млн. сельских жителей было занято в экономике страны, а около 10 млн. из них работало в сельском хозяйстве. К 2002 году занятость сельских жителей сократилась до 13 млн. человек, а непосредственно в сельском хозяйстве трудилось около 4 млн. человек [1, с. 30]. Данные переписи 2002 года со всей очевидностью показали, что только для трети занятого населения сельской местности основным их местом работы является сельское хозяйство. Численность работников сельскохозяйственных организаций продолжает постоянно снижаться, только за 2000-е годы она сократилась почти на

3 млн. человек. Это обусловлено резким снижением производства сельхозпродукции и банкротством многих сельскохозяйственных организаций. Так, только в 2010 году доля убыточных хозяйств в России составила около 30% [2, с. 4].

Однако и ныне основная масса трудоспособного сельского населения по-прежнему занята в аграрном секторе. Современную ситуацию на рынке труда в сельской местности можно оценить как трудоизбыточную [6, с. 14]. Избыточное предложение труда выражается, с одной стороны, в форме постоянно увеличивающейся безработицы, а с другой — в форме низкой заработной платы работников. Негативные последствия этого для реальной модернизации аграрного производства и повышения его эффективности очевидны. Многие сельхозпредприятия платят предельно низкую заработную плату избыточной массе работников, которая фактически заменяет им пособия по безработице. Отметим, что заработная плата в сельском хозяйстве остается самой низкой в экономике. Разрыв в оплате труда по сравнению с промышленностью за 2000-е годы увеличился до 3,2 раза [5, с. 1].

Россия стоит перед необходимостью дальнейшего резкого сокращения занятости в сельском хозяйстве. Подобные процессы в свое время происходили во многих развитых странах мира. В большинстве стран Европейского союза численность занятых в аграрном секторе ныне составляет 2—5%, в то время как в РФ она по-прежнему высока и достигает 13% [7, с. 177]. Поэтому интенсификация сельскохозяйственного производства неизбежно приведет к сокращению занятости в нем, одновременно это обусловит более высокие требования к качеству рабочей силы. По мере реализации новой Государственной программы развития сельского хозяйства будет постоянно возрастать значимость технической и технологической модернизации труда в аграрном секторе экономики. В настоящее время на российском аграрном рынке труда существует противоречивая ситуация: в сельском хозяйстве, с одной стороны, наблюдается избыток рабочей силы, а с другой — существует явный недоста-

ток квалифицированных специалистов и рабочих.

За многие годы аграрных преобразований и неэффективной аграрной политики квалификация и качество рабочей силы в аграрном секторе экономики резко ухудшились. Это означает, что наметившийся в аграрном секторе подъем не находит адекватного предложения рабочей силы. Сельская молодежь как потенциальная рабочая сила не стремится жить в селах с неразвитой социальной инфраструктурой и трудиться в отраслях низкооплачиваемого сельского хозяйства. Трудоспособное и энергичное население российских сел постоянно переезжает в города, что приводит к «опустыниванию» многих сельских территорий, утрате таких традиционных национальных институтов, как сельский образ жизни, сельская культура, деревенские традиции и т.д. Отсутствие квалифицированной рабочей силы в сельской местности может в недалеком будущем стать одним из центральных негативных факторов развития аграрного сектора экономики.

Российские руководители сельхозпредприятий опасаются широкого социального протesta и поэтому не могут провести массовое сокращение неэффективных и неквалифицированных работников [8, с. 57]. По данным опросов руководителей сельскохозяйственных организаций, 36% хозяйств испытывают хронический недостаток в квалифицированных работниках и специалистах. Однако почти половина наличных свободных мест предполагает заработную плату ниже прожиточного минимума. Естественно, что эти рабочие места постоянно остаются незанятыми. Напротив, у 10% хозяйств имеется избыточная рабочая сила. Но невостребованных работников не увольняют, поскольку они неизбежно станут безработными. Опасения потери работы носят масштабный характер и дестабилизируют социальное положение на селе. Названные массовые настроения сельчан достигли своего пика и охватили до двух третей от общего количества работающих сельских жителей [2, с. 3]. Создание альтернативной занятости в сельской местности выступает одной из центральных

задач, решение которой необходимо для повышения эффективности аграрного производства. Следовательно, потребуется разработка и принятие специальных программ по стимулированию альтернативных видов деятельности в сельской местности [6, с. 13].

В Государственной программе развития сельского хозяйства на 2013—2020 гг., составной частью которой выступает целевая программа по устойчивому развитию сельских территорий, рассматриваются многие механизмы поддержки малого бизнеса в АПК, а также устойчивого развития сельских территорий, включающие формирование несельскохозяйственных видов деятельности. В регионах постепенно накапливается положительный опыт программно-целевого, дифференцированного подхода к поддержке занятости и доходов сельских жителей на основе развития эффективной кооперации мелкого товарного производства с крупным. Заслуживает серьезного внимания опыт Белгородской и Орловской областей, где меры по привлечению инвестиций в АПК разумно сочетаются с поддержкой мелкотоварного производства и сельского предпринимательства на кооперативных принципах. Серьезные шансы на успех имеет программа развития занятости в крестьянских подворьях Пензенской области, основанная на глубокой проработке и классификации ЛПХ по признакам их товарности, доходности и предусматривающая дифференциированную поддержку.

Особенно остро ощущается недостаток специалистов и руководителей среднего и высшего звена. При этом аграрные вузы ежегодно выпускают тысячи специалистов-аграрников по различным сельскохозяйственным специальностям. Подготовку специалистов с высшим образованием для организаций АПК и педагогических кадров для образовательных учреждений начального и среднего сельскохозяйственного образования осуществляют 63 высших учебных заведения. В целом по России каждый пятнадцатый руководитель не имеет соответствующего профессионального образования. Доля главных специалистов хозяйств с высшим образованием составляет только 53%. На

должностях руководителей среднего звена работает 34% человек без соответствующего специального образования. Среди работников хозяйств, которые по занимаемой должности должны иметь специальное образование, 15% его не имеют [9, с. 4].

Для обеспечения равных возможностей при поступлении в вузы для сельской молодежи организован целевой прием по договорам с органами управления АПК. На этой основе в вузы зачислено около 37% студентов, более 60% первокурсников являются выпускниками сельских школ. Постоянно растет количество студентов, обучающихся в рамках целевой контрактной подготовки. Более 30% первокурсников подписали трехсторонние договора. Структура подготовки специалистов с высшим образованием постоянно корректируется, открывается подготовка по востребованным в АПК специальностям, изменяются программы дисциплин в соответствии с требованиями производства. За последние годы в вузах была введена подготовка по 30 новым специальностям.

Важным условием успешного решения названной проблемы является комплекс мероприятий, направленных на устранение расхождений между сложившимся и требуемым состоянием системы аграрного профессионального образования, что позволит обеспечить ее оптимальное функционирование и развитие. Наряду с имеющимися положительными результатами работы в последние годы появилось немало проблем, негативно влияющих на качество профессиональной подготовки, переподготовки руководителей и специалистов, кадров массовых профессий, в целом на кадровое обеспечение АПК.

Морально устарела и слабо обновляется учебная материально-техническая база; в образовательных учреждениях отсутствует новая учебная литература и современные технические средства для новых технологий обучения, в том числе дистанционного; учебный процесс плохо обеспечен учебниками и учебными пособиями, учебно-методическими материалами; существенно ослаблены связи образовательных учреждений с работодателями; профессиональные союзы не оказывают должного влияния на содержание обра-

зовательных программ и качество подготовки специалистов; постоянно снижается уровень жизни работников образовательных учреждений; их социальная незащищенность приводит к оттоку молодых квалифицированных ученых, преподавателей, а также старению научно-педагогических кадров. Содержание образования не отвечает современным требованиям, предъявляемым работодателями к уровню профессиональной компетентности выпускников аграрных вузов; слабо обновляется материально-техническая база учебно-опытных хозяйств, что отрицательно сказывается на качестве практического обучения студентов и учащихся; существуют большие диспропорции в подготовке кадров для АПК; выпускники сельских школ не имеют равных возможностей с жителями городов для получения качественного среднего образования, что затрудняет их поступление на учебу в аграрные образовательные учреждения.

Одна из главных проблем заключается в том, что выпускники высших учебных заведений, поступившие из сельской местности, обратно не возвращаются. Большинство из них находят работу и оседают в городах. Как следствие, происходит вымывание из сельской местности молодых инициативных людей, которые могли бы эффективно работать в аграрной сфере, деградация экономической сферы села. Данной проблеме уделяется пристальное внимание органами государственной власти, появляются программы поддержки молодых специалистов, их закрепления на селе. Однако в сельскую местность возвращается не более 20—25% выпускников. В качестве основных причин нежелания молодых людей оставаться на селе можно выделить прежде всего низкий уровень оплаты труда, отсутствие жилья для молодых специалистов, слабое развитие социальной инфраструктуры на селе [9, с. 7].

Современные реалии требуют повысить качество обучения и модернизировать работу аграрных образовательных учреждений. Основой концепции развития высшего профессионального образования

в отрасли должна стать стратегия модернизации аграрных вузов. Целью создания инновационной системы высшего аграрного образования должно быть обеспечение конкурентоспособности аграрной экономики России на основе подготовки квалифицированных специалистов, отличающихся высокой производительностью и гибкостью, а также создания и распространения новых идей и технологий. Для улучшения кадрового обеспечения АПК должно происходить инновационное развитие системы аграрного образования. Основными направлениями развития аграрного образования являются обеспечение доступности аграрного образования для сельской молодежи, подготовка конкурентоспособных квалифицированных кадров соответствующего уровня и профиля, способных обеспечить эффективное ведение АПК.

Список использованной литературы

1. Альтернативная занятость в сельской местности России / [Т. Тихонова, О. Шик]. М. : ИЭПП, 2008. 224 с. (Науч. тр. Ин-та экономики переходного периода. № 114Р).
2. Бондаренко Л. В. Занятость на селе и ресурсное обеспечение организации малого бизнеса сельскими безработными [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vniiesh.ru/publications/Stat/9617.html>. (Дата обращения: 07.07.2014 г.)
3. Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.perepis2002.ru/index.html?id=1>. (Дата обращения: 06.07.2014 г.)
4. Панков Б. Сельская занятость: нужны не столько деньги, сколько оригинальные решения [Электронный ресурс] // Человек и труд. 2002. № 8. URL: <http://www.chelt.ru/2002/8-02/pankov-8.html>. (Дата обращения 01.07.2014 г.)
5. Серова Е. В., Звягинцев Д. В. Альтернативная занятость в сельской местности // Мир России. 2006. № 4.
6. Серова Е. В., Тихонова Т. В., Храмова И. Г. и др. Сельская бедность и сельское развитие в России. М. : ИЭПП, 2004.
7. Труд и занятость в России. 2005 : стат. сб. М. : Росстат, 2006.
8. Ушачев И. Основные направления социально-экономического развития АПК // Экономист. 2003. № 6.
9. Хоружий Л. И. Перспективы развития аграрного образования [Электронный ресурс] // Бухучет в сельском хозяйстве. 2008. № 6. URL: <http://panor.ru/journals/buhsel/archive>. (Дата обращения 12.07.2014 г.).

Влияние экзогенных факторов смертности на изменение численности сельского населения Оренбургской области в 1930-е годы

Рассматривается влияние смертности на изменение численности сельского населения Оренбургской области в 1930-е годы. Выявлены и проанализированы причины высокого уровня смертности в сельской местности, особенно детской и младенческой (последствия голода, болезни органов дыхания, острозаразные, инфекционные заболевания, отсутствие или недостаточность медицинского обслуживания, неудовлетворительные жилищно-бытовые условия).

Ключевые слова: смертность, экзогенные факторы, численность, сельское население, Оренбургская область.

Динамика численности сельского населения в 1930-х годах претерпела серьезные изменения, вызванные происходившими социально-экономическими преобразованиями в стране. Главную, определяющую роль в динамике численности населения играла в 30-е годы смертность. Высокий уровень смертности был вызван рядом причин: голод 1932—1933 годов, который унес жизни многих людей, повлиял на демографическое поведение и здоровье последующих поколений; миграция населения, вызванная раскулачиванием, широкомасштабной индустриализацией, которая требовала новых рабочих рук, в связи с этим проводился оргнабор трудоспособного сельского населения; распространение инфекционных заболеваний — эпидемии тифа, туберкулеза, малярии поражали целые колхозы.

Начало 1930-х гг. отмечено «демографической катастрофой», связанной с голодом 1932—1933 гг., которая оказала глубокое негативное влияние на последующие годы, вызвав деформацию возрастно-половой пирамиды и нарушив демографические процессы [2, с. 10]. Об истинных масштабах голода позволяют судить прежде всего негативные явления в демографическом развитии. По результатам переписи 1926 года доля сельского населения в Оренбургской области составляла 84,4%, по переписи 1939 года сельское население сократилось до 77,3% [1, с. 180]. Голод стал одной из главных причин изменения численности сельского населения Оренбургской области.

Особенно высокой была детская и младенческая смертность. Исследования

причин роста младенческой смертности приводят к выводу, что последствия голода имели долгосрочный характер. Об этом свидетельствует увеличение смертности младенцев от пороков внутриутробного развития и врожденной слабости детей. Они погибли, не успев появиться на свет, от диспепсии и истощения, что было связано с неокрепшим организмом от недавнего голода и истощения матери [2, с. 22]. Самые ослабленные дети рождались в деревне весной из-за истощения от недоедания и витаминного голода матери в последние месяцы беременности и в первые месяцы кормления [2, с. 23]. Зачастую кроме отходов, получаемых при сортировке семян, лебеды, желудей, смешанных с просом, почек орешника питаться было нечем [13, л. 27—29]. Особенно сильно в Оренбуржье голод проявился в Пономаревском, Коровинском, Бугурусланском, Абдулинском, Илекском районах [13, л. 22].

Следующей распространенной причиной смерти являлись болезни органов дыхания как у детей, так и у взрослых: туберкулез, крупозная пневмония, бронхопневмония, пневмония и бронхит [2, с. 24]. Уже в 1930 году на страницах газеты «Смычка» появляются сообщения об эпидемиях оспы и скарлатины в Ивановском и Шарлыкском районах, куда болезнь проникла из башкирских деревень [5, с. 4].

Среди детских заболеваний особое распространение получили острозаразные, инфекционные. С 1933 по 1935 год наблюдается рост количества эпидемиологических заболеваний [7, л. 10]. В частности, количество зараженных малярией выросло за эти годы более чем в два раза

(с 75 717 до 175 939 человек), дизентерией — соответственно в 1,8 раза (с 2569 до 4570 человек), дифтерией — в 1,4 раза (с 1025 до 1469 человек), коклюшем — почти в 2,8 раза (2284 и 6320 человек). Снижение числа заразившихся наблюдается только у больных оспой — соответственно 179 и 8, а также у больных сыпным тифом — 4242 и 1496 [7, л. 2]. Эти данные говорят о низкой работоспособности иммунной системы вследствие голода, употребления в пищу непригодных продуктов [2, с. 27].

К началу 1935 года ситуация с распространением эпидемиологических заболеваний остается тяжелой, только к апрелю наблюдается некоторое улучшение. Данный факт отмечают начальник областного здравоохранительного отдела Шнейдер и руководитель эпидемиологической группы Костромской в своем конъюнктурном обзоре эпидемической заболеваемости и профилактических мероприятий за апрель 1935 года по Оренбургской области [12, л. 2]. Апрель дал более благоприятные эпидемические показатели по сравнению с марта. Заболеваемость брюшным тифом снизилась на 49%, сыпным тифом на 30,2%, корью на 37,5%, скарлатиной на 19% [там же].

Паратиф, возвратный тиф, эпидемический менингит, бруцеллез и сибирская язва дают единичные заболевания. Отмечается повышение заболеваемости дизентерией и паратифом. Большинство районов (27 из 52) были поражены сыпным тифом. Наибольшее распространение этой болезни наблюдалось в Оренбурге — 18 случаев, Оренбургском районе — 11, Халиловском — 24, Бугурусланском — 9, Секретарском — 8, Абдулинском — 7, Бузулукском — 4, Краснохолмском — 6, в остальных районах заболеваемость была меньше [12, л. 2].

Шнейдер и Костромской пишут, что в результате неудовлетворительного медицинского обслуживания населенных пунктов в районах, в особенности расположенных на периферии медицинских участков, заболевания сыпным тифом в большинстве случаев остаются не обнаруженными, что в дальнейшем ведет к более глубокому инфицированию населения и эпидемическим вспышкам.

Отмечается, что в апреле для ликвидации эпидемиологических вспышек сыпного тифа в поселок Ключи Екатериновского района был командирован эпидемиологический отряд областного бактериологического института, которым была произведена следующая работа: обследовано три поселка с количеством дворов 189, где тифознобольных обнаружено 4 человека, вшивость выявлена у 195 человек. В Халиловском районе значительная вспышка наблюдалась в башкирском селе Чебакла [12, л. 2 об.].

Далее из документа следует, что из 38 случаев брюшного тифа по области 17 приходилось на Бугуруслан и Бугурусланский район. В прочих районах наблюдались только спорадические заболевания. Для обследования заболеваемости брюшным тифом и других мероприятий в Бугуруслан выезжал государственный санитарный инспектор области. По его данным, Бугуруслан являлся эпидемическим очагом с 1929 года, к 1931 году ситуация еще более ухудшилась [12, л. 3].

По детским инфекциям отмечалась эпидемическая вспышка в Грачевском районе, где наблюдалось более 11 случаев заболевания скарлатиной [12, л. 3 об.]. Очаги натуральной оспы обнаружены в двух районах — Бузулукском и Кувандыкском. Всего сделано 115 832 прививки, что составляло 25,9% годового плана. К тому же из областного института в районы за январь — апрель было выслано 1 000 535 доз оспенного детрита. В апреле проведена подготовительная работа по организации курсов оспопрививания.

Руководители областного здравоохранения указывают на основные недостатки в организации оспопрививания в области — это малочисленность кадров оспопрививателей, низкая квалификация, текучесть кадров вследствие отсутствия кредитов на прозодежду, оплату командировочных, бесплатность в работе оспопрививателей, слабость районного руководства и отсутствие государственной санитарной инспекции в подавляющем большинстве районов, что приводило к очень слабому учету больных из-за отсутствия на местах журналов прививок [12, л. 4].

В деревне повышению детской смертности, в том числе младенческой, часто способствовало отсутствие или недостаточность медицинского обслуживания. Многие источники того времени содержат сведения о низком уровне медицинского обслуживания. В представленной начальником политотдела Жадруновым докладной записке начальнику политуправления Сомс в 1934 году говорится, что в зерносовхозе «Платовский» Покровского района нет больницы и имеется только один медицинский фельдшер, и несмотря на то, что районный здравоохранительный отдел прислал врача на постоянную работу в совхоз, медицинская помощь оказывалась только в амбулаторном порядке. Жадрунов пишет о необходимости построить больницу, потому что в силу плохого медицинского обслуживания в четвертом отделении совхоза за последний месяц имело место большое количество заболеваний детей рабочих, из них в пяти случаях со смертельным исходом [10, л. 41].

К середине 1930-х годов ситуацию полностью исправить не удалось, напряженное положение в связи с отсутствием квалифицированных медицинских кадров оставалось. Секретарь Асекеевского райкома ВКП(б) Кононов в 1935 году писал секретарям обкома ВКП(б) Горкину и Гришаеву об имеющейся сети здравоохранения в районе — больница на 20 коек, которая обслуживалась лишь одним врачом и двумя работниками медицинского персонала, и врачебная амбулатория в селе Мартыновка, находившаяся от райцентра в 30 километрах, не имеющая врача и акушерки, где работали только фельдшер и медицинская сестра.

Таким образом, состояние медицинских учреждений 1930-х годов, медицинское обслуживание оставляло желать лучшего, несмотря на то, что государством принимались меры по строительству и оснащению больниц. Порой медицинские работники, забыв свой врачебный долг, попросту отказывались предоставить помощь, как фельдшер Акбулакского района Шевченко, который в течение 1935 года не оказывал медицинской помощи населению Карабулакского аулсовета № 20. Обращающимся к нему за медицинской по-

мощью Шевченко заявил: «Могу выезжать лишь в том случае, если будут отпускать продукты по казенной стоимости». Между тем в Карабулакском аулсовете были случаи смерти детей [8, л. 152].

Для летнего периода характерны сезонные вспышки желудочно-кишечных заболеваний. Из конъюнктурного обзора эпидемического состояния мероприятий по Оренбургской области за июнь 1935 года следует, что особенно неблагополучной была ситуация с дизентерией и другими желудочно-кишечными заболеваниями. Из 50 районов, представивших месячные отчеты, заболевания сыпным тифом зарегистрированы в июне в 18 районах. Смертность в начале лета колебалась в пределах 10—30%. Болели преимущественно дети. Эпидемиологические вспышки кишечных заболеваний наблюдались почти во всех районах области: Андреевском, Курманаевском, Сакмарском, Зиянчуринском и Акбулакском [12, л. 5].

Во второй половине 1930-х годов одной из причин роста смертности стали аборты, точнее запрет на их осуществление, узаконенный постановлением ЦИК и СНК от 27 июня 1936 года «О запрещении абортов, увеличении материальной помощи роженицам, установлении государственной помощи многосемейным, расширении сети родильных домов, детских яслей и детских садов, усилении уголовного наказания за неплатеж алиментов и о некоторых изменениях в законодательстве о разводах». Законодательный запрет не привел к ожидаемым результатам, не помешал росту числа абортов и снижению рождаемости [3, с. 124]. В период запрета было налажено производство нелегального аборта. «Аборт, после того как он был запрещен, когда производство его стало незаконным, превратился в дорогооплачиваемое преступление» [4, с. 48].

С принятием закона о запрете абортов в СССР возросла не только материнская смертность, но и число случаев детоубийства. Хотя случаи убийства новорожденных встречались и ранее. Например, в докладной записке начальника ОАГС УНКВД по Оренбургской области Исупова майору государственной безопасности Алиевскому от 3 мая 1936 года со-

общается, что в Александровском районе в селе Исянгильдиново Агишева Зайнап Ибрагимовна, 1914 года рождения, зарыла в землю ребенка, родившегося 12 декабря 1935 года. Другой случай был в Шарлыкском районе, когда Рудакова Матрена, 19 лет, родила 1 января 1936 года ребенка и тут же его убила [8, л. 152].

Еще одним серьезным фактором роста смертей среди населения были неудовлетворительные жилищно-бытовые условия. Об этом писал ответственный инструктор политчасти И. Н. Манкевич заместителю директора по политчасти Средневолжского Союззернотреста Бакунц в 1935 году. В частности, в зерносовхозе им. Войкова Сорочинского района жилищно-бытовые условия абсолютного большинства рабочих были «скверные». Ремонт помещений был произведен плохо, почти в 50% квартир не исправлены печи. В отдельных бараках и квартирах была сильная грязь, дым, в дверях щели, большинство дверей не обшито, также много окон не замазано, отчего в отдельных квартирах было холодно, много уходило дров, а тепла не прибавлялось. Прибывшие с отделений на ремонт тракторов бригады помещались в двух комнатах, в одной 18 человек, в другой 16. Комсомольцы спали на полу, без коек и топчанов, у многих не было матрацев, мужчины занимали одну комнату, девушки другую, тоже без коек и без матрацев и тоже спали на полу. Манкевич приводит пример: «В бараке № 9 живут в одной квартире два семейства — ударники — Тимошенко и Цыганков. Оба рабочие, Цыганков — бывший командир, в окнах нет стекол, плохая печь, в бараке № 4 живут две работницы столовой в одной комнате, у них печка полуразвалена, дымит, нет света» [11, л. 9]. И такие жилищно-бытовые условия — не исключение. Неудивительно, что в результате скученности людей получила распространение трахома. В докладной записке секретаря Асекеевского райкома ВКП(б) Кононова в 1935 году секретарям обкома ВКП(б) Горкину и Гришаеву говорится: «В районе, поскольку таковой является национальным, такая болезнь, как трахома, имеет сильное распространение и местами этой болезнью поражены 75—80% населения, а

в районе имеется только три трахоматозных пункта. Конечно, при таком распространении болезни надлежащую борьбу с данной болезнью только трахоматозные пункты при отсутствии врача-глазника не обеспечивают» [10, л. 10].

В начале 1937 года в показателях смертности преобладает русское население — 67,3%, доля мордвы составляла 7,9%, татар — 7,3%, украинцев — 6,9%, казахов — 5,6%, башкир — 1,6%, чuvашей — 1,5%, немцев — 1,2% [6, л. 50]. Преобладание доли смертей среди русских неудивительно, ведь именно данная нация является наиболее распространенной в Оренбуржье. Высокая смертность наблюдалась и среди казахов, татар, башкир, что не раз объяснялось в представленных выше документах наиболее широким распространением среди представителей этих национальностей инфекционных заболеваний. Оценивая число умерших по половому признаку среди национальностей, следует отметить, что мужская смертность больше женской среди русских на 4,5%, среди татар на 10,7%, среди казахов на 21,7%, среди башкир на 12,7%, ведь именно мужчины в основном составляли костяк миграций как более работоспособная часть населения, и именно мужчины для обеспечения семьи были вынуждены соглашаться на опасные для жизни и здоровья условия труда. Женская смертность немного преобладает над мужской среди таких национальностей, как мордва (на 2,1%), украинцы (4,5%), чuvаши (6%), немцы (7,6%) [6, л. 50].

Самая высокая смертность в первой половине 1939 года наблюдалась в младенческом возрасте. Всего в начале 1939 года умерло 2182 младенца, из них в городах — 23,5%, в сельской местности — почти вдвое больше — 76,5%. В обоих случаях мужская смертность преобладала над женской [6, л. 51 об.].

В возрасте от рождения до 4 лет смертность увеличивается на 20,2%. Детская смертность в сельской местности больше по сравнению с городской на 51,4%. Это объясняется недостаточностью или отсутствием медицинского обслуживания, тяжелым женским трудом в деревне, голодным истощением матери в пер-

вой половине 1930-х годов. Причем самые высокие показатели смертности наблюдались в начале жизни, чем больше ребенку лет, тем меньше риск смерти. Прослеживается тенденция снижения количества смертей детей в возрасте от 1 до 4 лет почти в два раза [6, л. 51 об.].

С пяти до девяти лет детская смертность заметно ниже, в сельской местности — 314 смертей, в городской — 63 [6, л. 51 об.]. Показатели смертности с десяти до девятнадцати лет продолжают снижаться, но деревня остается в лидерах; затем от двадцати до тридцати девяти лет наблюдается некоторый рост, а от сорока до шестидесяти лет — снижение общего количества смертей.

Возраст между шестьюдесятью и семьюдесятью годами наиболее подвержен риску смерти, показатели увеличиваются с 45 до 55%, или на 10%. С восьмидесяти до ста лет данные уменьшаются, но это не говорит о высокой продолжительности жизни, скорее всего, до такого возраста доживало слишком малое количество людей, сказывался пережитый голод, тяжелый сельский труд, низкий уровень жизни.

Всего за первую половину 1939 года умерло 6414 человек, из них в сельской местности — 76,6%, в городской — 23,4%. Высокий уровень смертности в

сельской местности объясняется прежде всего трудностями сельского уклада, отсутствием квалифицированной медицинской помощи, последствиями коллективизации, а также тем, что изначально в Оренбургской области сельское население всегда преобладало над городским.

Список использованных источников и литературы

1. Всесоюзная перепись населения СССР 1939 года: Уральский регион : сб. материалов / составит. В. П. Мотревич. Екатеринбург : Изд-во Гуманитарного ун-та, 2002. 372 с.
2. Жиромская В. Б. Демографическая история России в 1930-е гг. Взгляд в неизвестное. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2001. 280 с.
3. Сакевич В. Аборт — кривое зеркало демографической политики // Демоскоп. 2005. № 123.
4. Шавер Б. Методика расследования преступных аборотов // Социалистическая законность. 1937. № 8.
5. Смычка. 1930. 11 янв.
6. Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Ф. Р-1003. Оп. 2. Д. 88.
7. ГАОО. Ф. Р-1003. Оп. 3. Д. 865.
8. ГАОО. Ф. Р-1014. Оп. 3. Д. 22.
9. Центр документации новейшей истории Оренбургской области (ЦДНИОО). Ф. 371. Оп. 1. Д. 13.
10. ЦДНИОО. Ф. 371. Оп. 1. Д. 16.
11. ЦДНИОО. Ф. 371. Оп. 1. Д. 18.
12. ЦДНИОО. Ф. 371. Оп. 1. Д. 151.
13. ЦДНИОО. Ф. 1258. Оп. 2. Д. 56.

263

Российская деревня в XVIII—XXI веках: социокультурное измерение

УДК 94(470.620)

Е. А. Чайка

Роль кубанской молодежи в освоении целины

В статье исследуется самоотверженный труд кубанской молодежи по освоению целинных и залежных земель. Приводятся воспоминания первых целинников. На основе архивных материалов даны обобщенные данные о количестве жителей Краснодарского края, участвовавших в освоении целины.

Ключевые слова: целина, кубанская молодежь, совхозы, залежные земли, урожай.

Сегодня перед нашей страной стоит не менее важная задача, чем в 50-е годы прошлого столетия. Предстоит уже в ближайшее время не только значительно повысить эффективность сельскохозяйственного производства и максимально обеспечить страну собственным продовольствием, но и активизировать государственную политику по социальному

переустройству села, выработать стратегию устойчивого развития сельских территорий.

По своей масштабности, социально-экономической значимости эта работа сродни целинной эпопее. Поэтому без анализа исторического прошлого советского государства 50—60-х годов XX века такая работа невозможна.

Проблема освоения целинных и залежных земель хронологически рассматривается в два этапа: первый этап — вторая половина 50-х — конец 80-х годов XX века (советский период) [2, 7, 15], второй этап — конец 80-х годов — современность [3, 5, 9, 10, 16].

В отдельных отраслях советской экономики после окончания Великой Отечественной войны обнаружился целый ряд отставаний, которые необходимо было срочно преодолевать. В послевоенный период проблема наращивания экономического потенциала решалась экстенсивным путем — вовлечением в оборот новых резервов. Таким резервом для сельского хозяйства стала целина.

На февральско-мартовском (1954 г.) Пленуме ЦК КПСС ставилась, как известно, задача расширения посевов зерновых за счет освоения целинных и залежных земель на 13 миллионах гектаров. Но уже в 1956 году ЦК КПСС принял решение довести посевы зерновых на новых землях не менее чем до 28—30 миллионов гектаров. Обосновывая это решение, Н. С. Хрущев подчеркивал, что освоение целинных и залежных земель является «наиболее доступным и быстрым источником увеличения производства зерна» [12, с. 431].

Развернувшаяся в середине 1950-х годов в целинных районах СССР кампания, по мнению Е. В. Пахомовой, не ограничивалась только механической распашкой новых земельных массивов. «Начавшееся весной 1954 г. освоение целины представляло собой особое социально-экономическое явление, включавшее в себя не только введение в хозяйственный оборот огромных земельных площадей, создание новых совхозов, но и обеспечение целинных хозяйств трудовыми ресурсами, проведение практических мероприятий по закреплению кадров в новых местах вселения и т.д.» [11, с. 2—3]. Важную роль в этом процессе сыграли и жители Кубани.

Молодые с энтузиазмом встретили новую кампанию советского правительства. Отправка трудовых резервов на освоение целинных и залежных земель Казахстана решила важную социальную проблему трудоустройства молодежи, а идеологизация этой акции вселяла в молодежь веру в

собственную причастность к важнейшему событию современности.

Первый поезд с кубанской молодежью, уезжавший на освоение целинных земель Алтайского края, отправился с Краснодарского вокзала 28 февраля 1954 года. Газеты запечатлели это событие так: «Перрон залит ярким светом прожекторов. Не умолкая, гремят оркестры. Несколько тысяч человек собралось на проводы молодежи. Звучат веселые песни. У одного из вагонов усть-лабинцы организовали танцы. В 9 часов 45 минут поезд с первым отрядом комсомольцев и молодежи Кубани трогается в далекий путь» [6, с. 108].

Им предстояла долгая дорога в Барнаул, где кубанцев снабдили полушибками и валенками и отправили поездом дальше, в Рубцовск, откуда уже на тракторах доставили в «неприветливую алтайскую степь», к месту будущих целинных поселков. В это время в горкомах и райкомах комсомола края лежало уже свыше семи тысяч заявлений от добровольцев.

О вкладе молодежи Кубани в освоение целинных и залежных земель рассказывает протокол заседания бюро Краснодарского крайкома ВЛКСМ. В документе говорится, что в 1954—1955 гг. по комсомольским путевкам направлено на целинные земли более 12 тысяч юношей и девушек, в том числе 7 тысяч механизаторов. Кроме того, в пору освоения целинных земель сводные отряды молодежи Кубани ежегодно выезжали на уборку урожая. За счет кубанской молодежи было укомплектовано восемь новых совхозов («Культура», «Гвардеец», «Харьковский», «Краснодарский», «Красная нива», «Одесский», «Двуречный» и «Коробейниковский») Алтайского края.

Вот как вспоминает о своей первой поездке на целину житель г. Гулькевичи Краснодарского края Виктор Федорович Землянский. «...В Кропоткине на Привокзальной площади гремел духовой оркестр. Провожая нас на перроне, на митинге на-путствовали на добрые дела. Ехали мы четверо суток. Много пели, шутили, проехав почти через всю страну, поезд остановился на станции Ак-Куль. Казахстан встретил нас, южан, одетых в щеголеватые туфли и легкую одежду, сильным мо-

розом. Нам выдали теплые полушубки и валенки. И вновь на площади у вокзала был митинг, зачитали списки, кого в какой совхоз направляют. С Кубани в этот день приехали на целину 150 человек» [8].

Виктор Федорович работал в совхозе «Одесский», который был организован всего за год до его приезда, в 1954 году. Но для новоселов домов еще не было. Лишь в отдалении стояли вагончик и брезентовые походные палатки. Внутри каждой палатки размещалась металлическая печка-буржуйка, дающая тепло.

Бригады располагались друг от друга на расстоянии от 7 до 40 километров. В совхозе «Одесский», куда приехали комсомольцы из Гулькевичского района, было 40 тысяч гектаров пашни. Эта площадь равнялась четырем большим хозяйствам на Кубани. В совхозе насчитывалось 40 тракторов, по 8 на каждую бригаду.

Трактористы-первоцелинники работали на совесть, круглые сутки, не выключая мотора, сменяя друг друга, превышая обязательную норму вспашки. Так, кубанский тракторист Виктор Землянский при норме 3,5 га за смену постоянно поднимал целинный пласт на площади 4—4,2 га [8].

За первые четыре года, с 1954 по 1958 год, на Алтае было распахано около 3 миллионов гектаров новых земель, государство инвестировало в эту кампанию более 300 миллионов рублей. В свою очередь, за счет реализации зерна, выращенного на целинных землях, Алтайский край направил в госбюджет свыше 520 миллионов рублей.

Благодаря самоотверженности, стойкости и поистине геройским усилиям первоцелинников региону удалось достичь высоких результатов и стать одним из лидеров в стране по освоению целинных и залежных земель. На государственном уровне труд и успехи Алтайского края были отмечены высокой наградой: в 1956 году за сдачу 7,5 миллиона тонн зерна государству регион был удостоен ордена Ленина [14]. В немалой степени этому способствовала помощь кубанцев.

Наряду с наращиванием производства зерна и другой сельскохозяйственной продукции в целинных районах интенсивно велось строительство жилья, объектов

производственного, бытового и культурного назначения.

В ранее безлюдных и слабо освоенных степных просторах возникли города, поселки городского типа, благоустроенные центральные усадьбы хозяйств. Были построены больницы, школы, учебные заведения, научные учреждения. Территории целинных районов связали сетью железнодорожных и шоссейных дорог, прокладывались линии электропередачи, телефонной, телеграфной и радиосвязи. Были построены крупные элеваторы. Так, например, только в 1955 году на строительство железнодорожных дорог в районы освоения целинных земель было направлено 1521 человек, а уже в 1956 г. комсомольские организации края послали в Алтайский край и Чкаловскую область 3000 юношей и девушек для участия в уборке урожая [13, л. 21].

Помимо активного участия в освоении новых земель Сибири и Казахстана комсомольские организации края ввели на Кубани в сельскохозяйственный оборот 51 105 гектаров ранее не использованных земель [4, л. 93].

В то же время следует отметить, что не обеспеченный производственной и социальной инфраструктурой марш-бросок на целинные земли отвлек в те годы значительные ресурсы от укрепления как зернового, так и сельского хозяйства в целом в других районах страны, в том числе и на Юге России. Это привело к росту общих потерь урожая зерновых до 30—40 миллионов тонн в год, то есть в 1,5—2 раза больше того, что давали стране собственно целинные земли [1, с. 115].

Целина стала символом молодежи 1950-х годов, невзирая на все трудности и просчеты этой кампании. Она открыла эстафету комсомольских ударных строек. Многие участники этой всенародной акции были удостоены медалей «За освоение целинных земель» и других правительственные наград.

Список использованной литературы

1. XX съезд КПСС и его исторические реальности / под общ. ред. В. В. Журавлева. М., 1991. 415 с.
2. Богденко М. Л. Некоторые проблемы развития совхозов в 1946—1970 гг. // Проблемы истории советской деревни 1946—1973 гг. М., 1975. С. 164.

3. Вербицкая О. М. Российское крестьянство: от Сталина к Хрущеву. Середина 40-х — начало 60-х годов. М., 1992. 222 с.
4. Государственный архив Краснодарского края. Ф. Р-687. Оп. 4. Д. 580. Л. 93.
5. Зеленин И. Е. Первая советская программа массового освоения целинных земель (конец 20-х — 30-е годы) // Отечественная история. 1996. № 2. С. 55—70.
6. Краснодарскому краю — 65 лет. Страницы истории в документах архивного фонда Кубани : историко-документальный альбом / А. А. Алексеева, А. М. Беляев, И. Ю. Бондарь. Краснодар, 2002. 379 с.
7. Куликов В. И. Целина — земля трудового подвига. М., 1976. 112 с.
8. Мирошникова Г. Целина — строка моей биографии [Электронный ресурс] // 24 часа. 30 сентября 2014. URL: <http://www.hour24.ru/newspaper/detail/180/> (дата обращения 30.09.2014).
9. Москаленко С. Г. Эволюция аграрной концепции Н. С. Хрущева (1953—1964 гг.) : дис. ... канд. ист. наук. Ростов-на-Дону, 1992.
10. Мотревич В. П. Освоение уральской целины // Проблемы истории регионального развития: население, экономика, культура Урала и сопредельных территорий в советский период : сб. ст. Екатеринбург, 1992. С. 53.
11. Пахомова Е. В. Обеспечение районов освоения целинных и залежных земель трудовыми ресурсами в 1954—1956 гг.: на материалах Южного Урала : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Оренбург, 2007.
12. Хрущев Н. С. Строительство коммунизма в СССР и развитие сельского хозяйства. М., 1962. Т. 2. С. 431.
13. Центр документации новейшей истории Краснодарского края. Ф. 2006. Оп. 3. Д. 399. Л. 21.
14. Целине — 60 лет! [Электронный ресурс]. URL: <http://www.altairregion22.ru/> (дата обращения 30.09.2014).
15. Шамшатов И. Работа партийных организаций Казахстана по освоению целинных и залежных земель в Казахстане в 1954—1956 гг. : дис. ... канд. ист. наук. Алма-Ата, 1958.
16. Шестаков В. А. Политика Н. С. Хрущева в аграрной сфере: преемственность и новации // Отечественная история. 2006. № 6. С. 106—119.

УДК 94(470.54).084.8:371

И. И. Чернышева

266

Общеобразовательные школы взрослых в условиях Великой Отечественной войны (на материалах Свердловской области)

В статье анализируется создание и функционирование в годы Великой Отечественной войны школ рабочей и сельской молодежи. Показан процесс их организации, состав учителей и учащихся, трудности создания материально-технической базы, организации учебы. Успешной работе школ для взрослых в годы войны способствовала государственная политика, прикрепление школ к производственным предприятиям, личная ответственность руководителей за учебу и работу школ. Автор приходит к выводу, что функционирование подобных школ в условиях войны было уникальным явлением, позволившим большому количеству молодых людей без отрыва от производства получить образование.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, народное образование, школы рабочей молодежи, школы сельской молодежи.

Настоящая статья посвящается развитию общего образования взрослых Свердловской области в один из самых драматичных периодов советской истории — 1941—1945 гг. В эти годы в огромных масштабах развернулось на Урале промышленное производство. Только в Свердловской, Челябинской и Пермской областях за годы войны было построено 129 крупных предприятий. Серьезному техническому перевооружению подверглись десятки заводов [1, с. 31].

Для работы на нужды Красной Армии требовались рабочие и квалифицирован-

ные работники. Созданная в довоенные пятилетки система общего образования взрослых обеспечивала получение общего образования и готовила к поступлению в средние и высшие специальные учебные заведения. Война не могла отменить объективные потребности в хорошо подготовленном рабочем, тем более выросли потребности военного производства, где использовались самые современные технологии. В труднейших условиях военного времени резко увеличивается внимание государства к такой форме системного образования, как вечерняя школа.

Таким образом, система общего образования взрослых, созданная в довоенное время в стране, в частности в Свердловской области, претерпела изменения, но продолжала существовать, выполняя поставленные перед ней задачи.

Вопросы развития советской системы народного образования, в том числе общего образования взрослых, нашли достаточное отражение в исторической литературе уже в послевоенный период. В работах Н. А. Константина, Е. Н. Медынского изложен анализ складывания советской школы, а также даны основные этапы и показатели развития общего образования взрослых [9; 14]. Особую значимость в свете решаемой проблемы имеют исследования И. Н. Балова, С. И. Бреева, в которых выделены основные этапы развития образования взрослых, показана роль вечерних школ в общеобразовательной подготовке молодых рабочих, освещены вопросы теории и практики образования взрослых [2; 3].

В коллективной монографии под руководством М. А. Прокофьева среди многих проблем истории народного образования в СССР удалено внимание развитию образования взрослых и в годы Великой Отечественной войны [10]. В книге Н. Д. Малахова раскрываются основные этапы развития вечерней школы страны, в том числе и в период войны [8]. В работах Ж. Хасанбаева, Э. Г. Хачикяна, А. М. Шпортенко выявлены особенности развития вечерних школ в различных республиках СССР [18; 19; 20].

В работах Г. Е. Корнилова, Н. П. Палецких дается анализ развития общего образования взрослых (школ рабочей и сельской молодежи) [7; 15]. В монографии А. В. Сперанского исследуется культура Уральского региона в годы Великой Отечественной войны. Большое внимание историк уделяет образованию [17]. В книге «История развития образования взрослых в России» под редакцией Е. П. Тонконогой дана достаточно подробная характеристика различных периодов работы школ для взрослых [13].

Участие комсомольских организаций и руководителей промышленных предприятий Урала в открытии и помощи в ра-

боте городских и сельских вечерних школ во время войны раскрыто в исследовании У. Б. Гайсина [5].

Отдельные вопросы истории образования взрослых на Урале затрагивались в публикациях на страницах общесоюзной и областной прессы. Однако развитие и становление общего образования взрослых на Урале не подвергались научному анализу.

Задача статьи — анализ исторических условий по сохранению и развитию системы общеобразовательных школ для взрослых в городской и сельской местности Свердловской области в период Великой Отечественной войны.

Система общего образования взрослых сложилась в целом в 1930-е гг., для нее были характерны четко определенный статус основных типов школ, они были приравнены к детским школам (по программам и правам выпускников), осуществлена преемственность между ними.

В Свердловской области контингенты школ взрослых повышенного типа по плану на начало 1941 года определялись в 7 тыс. человек, на конец года — 12,7 тыс. человек. Тем не менее на 1 сентября 1941 г. учащихся в школах взрослых повышенного типа было 14 474 человека, в то время как на начало 1940 учебного года контингент учащихся составлял 10,7 тыс. человек [12, с. 154, 155].

До Великой Отечественной войны советской системой образования был накоплен богатый опыт в области общего образования взрослых без отрыва от производства. Вследствие военных условий возникла необходимость в создании школ нового типа, которые должны были удовлетворить образовательные потребности рабочей и сельской молодежи, оставившей дневные школы и приступившей к работе на производстве.

В первые годы войны школы взрослых почти повсеместно были закрыты. В школах взрослых не обучались учащиеся старше 18 лет, так как были призваны на военные сборы.

В общеобразовательных школах взрослых СССР в 1940 г. без отрыва от производства училось 768 тыс. человек, из них в начальных — 107 тыс., в се-

летних — 551 тыс. и в средних — 110 тыс. [9, с. 173], тогда как в РСФСР число учащихся в школах взрослых в начале 1941/42 учебного года уменьшилось почти в 36 раз по сравнению с началом предыдущего года (11 тыс. человек против 392,3 тыс. человек) [6, с. 91].

С началом Великой Отечественной войны сложилась ситуация, при которой многие юноши и девушки не могли учиться в школах. Они уходили на производство. В Свердловской области в 1942/43 учебном году работавших на производстве подростков школьного возраста насчитывалось более 50 тыс. человек. За первый военный год из детских школ выбыло 67,7 тыс. учеников; за 1943/44 учебный год отсев составил 70,7 тыс. человек*.

Государство обеспечивало учащимся возможность обучаться, однако юноши и девушки стремились заменить на производстве ушедших на фронт родителей. Новая проблема, порожденная военными обстоятельствами, решалась государством.

Учитывая объективно создавшееся положение, когда большая часть юношей и подростков оставалась вне образования, а также необходимость вовлечения в дальнейшую систему образования служащих в армии, как и молодежь, лишенную возможности обучения в период оккупации (возраст которых не соответствовал массовым школам), ЦК ВКП(б) потребовал создания нового типа вечерних школ без отрыва от производства [19, с. 26].

В справке секретарю Свердловского обкома ВЛКСМ Семухину сообщалось, что в 1942/43 учебном году «всего по области должны обучаться 28 300 подростков. Закрепились в школах 8000 человек. В 39 районах области было создано 52 школы, 720 классов»**. 15 июля 1943 г. вышло постановление СНК СССР «Об обучении подростков, работающих на предприятиях» [11, с. 389]. Школы открывались с 1 октября 1943 г. В городах и рабочих поселках создавалась сеть общеобразовательных школ для обучения подростков,

* Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. Р-233. Оп. 3. Д. 23. Л. 3.

** Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО). Ф. 61. Оп. 5. Д. 53. Л. 31, 33.

желавших без отрыва от работы продолжать образование. Продолжительность учебного года устанавливалась в 48 недель при 9 учебных часах в неделю (3 дня по 3 часа) и 9 часов консультативных занятий, количество учащихся в каждой группе не более 20 человек. Обучение подростков, работавших на производстве, проводилось по программам V—X классов неполной и средней школы. На руководителей промышленных наркоматов и директоров предприятий возлагалась обязанность обеспечить школы помещениями, оборудованием, отоплением, освещением. Для подростков, обучавшихся в школах, устанавливалась сменность работы на производстве [6, с. 202, 203].

О трудностях в организации вечерних школ сообщалось на совещании директоров и инспекторов школ Свердловской области, состоявшемся 3—4 декабря 1943 г.: «Обеспечение школ помещением, отоплением, освещением и оборудованием, согласно постановлению, поручено руководителям промышленных наркоматов и директорам предприятий. Трудности были на пути организации школ. Так, в г. Ревда при Дегтярском руднике необходимо было открыть школу подростков. Директор рудника получил приказ от 4.08.1943 г. и сразу написал резолюцию в отдел кадров рудника и обратился в отдел народного образования за помощью в методической работе. Дело по открытию школы не продвигалось до 28.11.1943 г.***.

Школы подростков испытывали большие затруднения с помещениями, оборудованием, учебниками. Не хватало и педагогов. Существовало немало проблем с комплектованием школ и посещаемостью занятий. На многих предприятиях не создавались условия для учебы молодых рабочих. Зачастую это объяснялось объективными причинами. Но имелось и прямое противодействие школам рабочей молодежи со стороны администрации по мотиву: «Сейчас — война, нужно работать, а не учиться» [15, с. 92]. Обычно если завод имел приказ Наркомата танковой промышленности, то он помогал

*** ГАСО. Ф. Р-233. Оп. 3. Д. 18. Л. 2, 3, 4, 24, 55, 58, 82, 84, 135.

школам. Так, с УЗТМ в 1942/43 учебном году школу посещали 200 человек, а с соседнего завода № 9 — всего 50 человек. Учащимся выдавали всего по три тетради на человека, а предметов было 12. Свердловский облисполком в ноябре 1943 г. объявил социалистическое соревнование между отделами народного образования по обучению подростков. Победившему районному или городскому отделу народного образования предполагалось вручить переходящее красное знамя за лучшую постановку учебно-воспитательной работы в вечерних школах*. Практика социалистических соревнований в школах рабочей и сельской молодежи была прекращена приказом Народного комиссара просвещения РСФСР только в январе 1944 г. [16, с. 120, 121].

Количество вечерних школ продолжало увеличиваться и в 1943/44 учебном году; в РСФСР были созданы 1005 школ для подростков с контингентом 153,7 тыс. человек [4, с. 195]. Распоряжением СНК СССР от 30 апреля 1944 г. школы для подростков переименовали в школы рабочей молодежи. Согласно «Положению о школах рабочей молодежи», утвержденному распоряжением СНК РСФСР, создавались два типа школ: семилетняя школа рабочей молодежи в составе V, VI, VII классов и средняя школа рабочей молодежи в составе VIII, IX, X классов. Школы открывались по решению областных, краевых исполнительных комитетов Советов депутатов трудящихся. Из положения о школах рабочей молодежи следовало, что руководители промышленных предприятий должны были обеспечивать школы рабочей молодежи помещениями, оборудованием, отоплением и освещением в течение учебного года, вместе с органами народного образования создавать для учащихся необходимые условия для посещения школ (освобождение учащихся от сверхурочных работ и от мобилизации на трудовые работы в течение всего периода обучения). Учебный год по продолжительности оставался прежним. Он длился с 1 сентября по 1 августа [6, с. 210, 211]. При школах открывались подготовитель-

ные группы для молодежи, не имевшей начального образования [16, с. 13].

Постановлением СНК СССР от 6 июня 1944 г. «Об организации вечерних школ сельской молодежи» было положено начало созданию школ взрослых в сельской местности [2, с. 20; 7, с. 188]. В эти школы принимались подростки с 14-летнего возраста и обучались без отрыва от сельскохозяйственных работ. Школы открывались двух типов — начальные в составе I, II, III и IV классов и семилетние в составе I—VII классов. А если количество учащихся было недостаточно для создания школы, то открывались отдельные классы в зависимости от общеобразовательной подготовки. Учебный год в школах сельской молодежи длился с 1 ноября и до 1 мая. Местным советам предоставлялось право определять сроки начала и окончания учебного года в зависимости от сельскохозяйственных работ при обязательном сохранении 25-недельного срока учебного года. Занятия в школах проводились 5 раз в неделю по 4 часа. В конце учебного года в V—X классах школ проводились переводные и выпускные испытания [6, с. 212, 213].

Исполнительный комитет Свердловского Совета депутатов трудящихся принял постановление «Об обучении сельской молодежи и подростков без отрыва от сельскохозяйственных работ», в котором районные исполнкомы должны были открыть вечерние школы сельской молодежи в крупных колхозах, совхозах, МТС. Школьам сельской молодежи для обеспечения деятельности выдавалось по 10 литров керосина в месяц. Расходы по содержанию школ сельской молодежи изыскивались из областного бюджета на просвещение, выделенного на 1944 год**.

В деле открытия вечерних школ и организации их работы активное участие приняли комсомольские организации. Комсомольцы области собрали среди населения 1970 книг, изготовили в промкомбинатах и артелях 1,1 тыс. карандашей, 1,1 тыс. ручек, 730 чернильниц и другие письменные принадлежности. Вопросы о вечерних школах сельской молодежи

* ГАСО. Ф. Р-233. Оп. 3. Д. 18. Л. 137.

** ГАСО. Ф. Р-233. Оп. 3. Д. 157. Л. 39.

дважды обсуждались на заседаниях облисполкома и один раз на бюро обкома ВЛКСМ [7, с. 188].

Организация работы сельских вечерних школ проходила трудно. В школах сельской молодежи учебный год длился 6 месяцев. При этом он часто начинался с опозданием на 15—25 дней. Это отражалось на выполнении учебной программы. ШСМ не имели достаточного количества учебников. Учащиеся школы вынуждены были заниматься по учебникам школы всеобщего обучения. Учащиеся ШСМ систематически отвлекались на работы, связанные с отрывом от учебных занятий. Исполком Свердловского облсовета отмечал, что председатели колхозов отправляли учащихся школ сельской молодежи на лесозаготовки во время учебного года*.

В школах сельской (а чаще их называли колхозной) и рабочей молодежи был большой отсев учащихся. Причинами являлись (данные по 26 районам Свердловской области): переход в другие учебные заведения — 867 человек; длительная работа в колхозах, в подсобном хозяйстве по уборке урожая (597 человек); неуспеваемость, связанная с длительным перерывом в учебе (333 человека); занятость на сверхурочных работах (323 человека); большое расстояние от школы до дома (182 человека); болезнь (183 человека); другие обстоятельства (165 человек). Всего по 26 районам Свердловской области отсев составил 2977 человек. Есть еще одна группа причин — школы не имели собственных зданий, занятия проводились в две смены при многосменной работе учащихся на основном производстве**.

Одной из основных задач школ для подростков, а в дальнейшем школ рабочей и сельской молодежи оставалось сохранение стабильности контингента. В годы Великой Отечественной войны учащиеся не посещали занятия по ряду причин: во-первых, школы подростков работали в зданиях детских школ, занятия могли проходить только в третью смену; во-вторых, не соблюдались нормы трудового законодательства директорами предприятий, отсут-

* ГАСО. Ф. Р-233. Оп. 3. Д. 138. Л. 4.

** Там же. Л. 3, 4.

ствовала заинтересованность начальников цехов в обучении работников; в-третьих, много говорилось в то время о необходимости введения добавочного питания для учащихся школ. Директора предприятий могли использовать директорский фонд для оплаты третьего питания учащихся школ подростков, однако этого сделано не было***.

Подростки 14—15 лет, не окончившие семилетнюю школу, уходили на производство. Директора школ и предприятий, где они трудились, были обязаны добиваться продолжения их обучения. Подростки, не окончившие семилетнюю школу, должны были поступать на учебу в школы рабочей молодежи и получать образование в объеме семи классов. Конечно, школы рабочей молодежи принимали всех желающих получить общее образование, но в этих школах не реализовывался закон о всеобщем обучении для детей и подростков, которые не окончили семилетней школы в городах и рабочих поселках. Такие дети подлежали обязательному всеобщему обучению в сети детских школ. Но добиваться прихода молодежи в созданные школы нужно было через широкую развернутую агитационно-массовую работу. Такие требования звучали на областном совещании инспекторов района и директоров школ рабочей молодежи 15 февраля 1945 г. в Свердловске. Так, сообщалось, как комплектовалась школа рабочей молодежи в Первоуральске.

В начале 1943/44 учебного года на Новотрубном заводе заводской комитет во главе с комсоргом ЦК ВЛКСМ Гилевой вместе с директором школы организовали молодежный вечер в клубе завода. На мероприятие пришло около шестисот человек — рабочая молодежь завода. В программу вечера был внесен отчет инженеров завода, которые были удостоены звания лауреатов Сталинской премии. Инженеры рассказывали молодежи о своем жизненном пути, о том, какую роль в нем сыграло полученное образование. После такого вечера на заводе была укомплектована школа рабочей молодежи в количестве 300 человек. Такое обращение к рабочей молодежи профессионалов побудило

*** ГАСО. Ф. Р-233. Оп. 3. Д. 18. Л. 2, 5, 8.

многих молодых людей продолжить обучение в школе*.

На совещании директоров вечерних школ (3—4 декабря 1943 г.) требовали, чтобы директора набирали учащихся со второго полугодия 1944/45 учебного года и та часть молодежи, которая вышла на работу после окончания 6 класса, не закончив учебный год на один-два месяца, была возвращена в школы в шестые или пятые классы. Еще одной задачей в первом полугодии 1944/45 учебного года стало прибытие летом и осенью на промышленные предприятия области значительного числа подростков, привезенных для обучения в школах ФЗО из освобожденных территорий страны. Преимущественно это были подростки 14—15 лет, находившиеся в местах немецкой оккупации по два или три года, оторванные от учебы. Эти ребята оканчивали школы ФЗО, так как там был шестимесячный курс обучения, и приступали к работе. Продолжить обучение они должны были в школах рабочей молодежи. На предприятиях комплектовались подготовительные классы, пятые и шестые классы для посещения школ рабочей молодежи. Наркомат просвещения выделил области на обучение подростков 25 тыс. рублей, и школы рабочей молодежи могли обучать до 12 тыс. человек.

Для полноценной работы школ рабочей молодежи требовались слаженные действия органов народного образования районов и городов, директоров и других руководителей промышленных предприятий. Районо и горено руководили работой школ, занимались комплектованием школ педагогическими кадрами, снабжали учебными пособиями, письменными принадлежностями. В тех районах и городах области, где положение о школах рабочей молодежи исполнялось достаточно полно, школы работали полноценно. Такими городами были Кировоград, Ревда, Первоуральск, Каменск-Уральский. Директора промышленных предприятий этих городов создали все необходимые условия для учебы в школах рабочей молодежи: были отремонтированы помещения школ, посещавшим школы устанавливался 8-часовой

рабочий день, изыскивались средства для дополнительного питания учащихся непосредственно в школе**.

Нарком просвещения В. П. Потемкин указывал, что школы рабочей молодежи имеют свои особенности с точки зрения прохождения программы и в этих школах нужны наиболее квалифицированные кадры. Требования к руководителям промышленных предприятий о предоставлении учащимся школ рабочей молодежи в возрасте 16 лет односменной работы (предоставить учащимся возможность учиться в первую или вечернюю смену, но не освобождать только одну ночь), о запрете посыпать учащихся школ рабочей молодежи на работы в места, удаленные на 15—20 км от города, например на лесозаготовки, постоянно предъявлялись директорами школ с момента организации этих учебных заведений для подростков, но ситуация менялась слишком медленно.

Передовые предприятия создавали преимущественное положение той части молодежи, которая обучалась в школах рабочей молодежи. Так, были созданы общежития для обучающейся молодежи, ученикам школы выдавали хлопчатобумажные костюмы специально для посещения учебных занятий, так как костюмы, в которых трудились на заводе, были грязными, в масле. На Новотрубном заводе г. Первоуральска директор выделил учащимся ШРМ средства на второе питание из так называемого «стахановского питания». Завод № 521 курировал школу рабочей молодежи № 47. На 1 января 1945 г. в ней обучалось 150 учеников. Администрация завода и завком выдали учащимся 30 свитеров, 24 пары ботинок, 5 женских платьев, 5 пар валенок, все получили чулки. Учителя и учащиеся получали двухразовое питание по талонам. Возрастной состав учащихся школы был следующим: до 14 лет — 17 человек; 14 лет — 13, 15 лет — 14; 16—17 лет — 40; 18—23 года — 34; свыше 23 лет — 2. И два подготовительных класса, где обучались 16 подростков от 14—15 лет, и седьмой класс, в котором обучалось 14 учеников старше 17 лет. Седьмые и десятые классы занима-

* ГАСО. Ф. Р-233. Оп. 3. Д. 30. Л. 2, 11.

** ГАСО. Ф. Р-233. Оп. 3. Д. 30. Л. 3, 4.

лись четыре раза в неделю, а остальные классы — три раза в неделю. Иногда дополнительно седьмые и десятые классы занимались пять дней в неделю по два-три часа для подготовки к экзаменам*. На заводах № 703, Новотрубном, Хромпиковском молодежь своими силами в 1944/45 учебном году изготовила оборудование для кабинетов физики и химии**.

Оставался проблемным вопрос о возможности усвоения программы за отведенное количество часов. На упомянутом совещании (3—4 декабря 1943 г.) еще раз было выдвинуто требование о том, что все учебные программы необходимо выполнить в установленный режим занятий, то есть 9 часов, максимально 12 часов. В школах рабочей молодежи устанавливалось от 9 до 12 уроков при трехразовом посещении школы в неделю. Бюро Свердловского обкома КПСС 10 января 1945 г. категорически потребовало применять в школах рабочей молодежи рациональные методы преподавания, разнообразные опросы учащихся, максимально использовать наглядность в обучении, увеличить самостоятельную работу учащихся при изучении материала по школьным дисциплинам, часы консультаций использовать на углубленное закрепление изученного материала.

Директорам школ рабочей молодежи и инспекторам района и горено (должность инспектора-методиста) указывалось на необходимость тщательной проработки программ по каждому предмету, помочь школам при составлении учебного расписания. При неверном составлении расписания, при увеличении количества часов занятий по одному из школьных предметов становилось больше и дней посещения школы, уже не три дня, а четыре или даже пять дней в неделю. Опыт показывал, что поначалу учащиеся ШРМ охотно посещали уроки, но позже по уважительным причинам, из-за необходимости работать, начинались пропуски уроков и ученики не усваивали весь объем учебного материала, в итоге они принимали решение оставить школу. Некоторые учи-

теля тратили много времени на повторение материала за предыдущие классы, что приводило к плохому усвоению текущей программы. Учителям необходимо было вычленять пройденный материал, встраивать его в часы уроков и консультаций. Бюро обкома партии особо отметило, что методическая работа в ШРМ поставлена неудовлетворительно. Не всегда учителя школ принимали участие в конференциях, методических совещаниях педагогических работников школы области***.

Заведующий школьным отделом обкома партии А. А. Шишкин отметил, что за полтора года работы школы рабочей молодежи организационно оформились, подобран контингент учителей, приобретено оборудование в кабинетах. Часть молодежи успела за эти годы получить общее образование. Он считал, что за военные годы были заложены «первые кирпичики» системы общего образования подростков и молодежи. Однако этого недостаточно. 67 техникумов, 13 вузов области не справились в 1944/45 учебном году с набором студентов. Свердловский индустриальный институт на 1500 мест принял лишь 280 человек****.

Контингент учащихся школ рабочей молодежи был разным по возрастному, социальному составу. Директор ШРМ № 14 при Тагиллаге Тагилстроя НКВД СССР Штефен рассказывала, что школа работала в третью смену в помещении детской школы в два потока: три дня работал один поток, в следующие три дня другой поток. Учащиеся школы были в основном молодые люди от 20 лет, они составляли 60—70%. Они работали в городской типографии, столовой и военной охране Тагилстроя. 100 человек были немцами Поволжья, входили в стройотряд Тагиллага. Они плохо знали русский язык, так как ранее обучались в немецких школах. За первое полугодие 1944/45 учебного года из школы выбыл 31 человек — 18 человек из субподрядной организации, которая была передислоцирована, остальные были призваны в ряды РККА. При политотделе Тагилстроя была введена должность инспек-

* ГАСО. Ф. Р-233. Оп. 3. Д. 30. Л. 4, 5, 22.

** ЦДООСО. Ф. 61. Оп. 5. Д. 511. Л. 9.

*** ГАСО. Ф. Р-233. Оп. 3. Д. 30. Л. 7, 8.

**** Там же. Л. 61, 65, 66, 71.

тора, в чьи обязанности входило ведение повседневной работы с ответственными лицами на производстве в вопросах обучения молодежи в школе. Этот человек вызывал комсоргов и профуполномоченных предприятий и организаций и выявлял недостатки в организации работы с учащимися в ШРМ*. Его работа способствовала укреплению связи школы с производством и приводила к сохранению контингента учащихся. В 1944/45 учебном году в Н. Тагиле были открыты еще 15 школ рабочей молодежи.

В г. Свердловске в 1943/44 году было организовано 14 школ рабочей молодежи. Обучению подлежали 8026 человек, однако фактически посещали школу 3307 человек. В 1944/45 учебном году должны были обучаться 6000 человек. К началу года поступило заявление от 4678 человек, но к февралю 1945 г. в ШРМ продолжало обучение только 3732 ученика. Некоторые ученики ШРМ достигали больших успехов в учебе. К концу 1944/45 учебного года было 11 кандидатов на золотые и серебряные медали: слесарь завода № 28 В. Козлов, работница завода № 7 Стулова, работницы ВИЗа Н. Комарова и П. Русакова, работник завода им. Сталина (Сталинский завод металлоконструкций, эвакуированный в 1941 г. из г. Сталино (ныне Донецк) в пос. Нижнеисетск Свердловской области) стахановец Золотаревский**.

В отчетах комсомольских организаций за период Великой Отечественной войны отражена многогранная работа ВЛКСМ в деле организации ШРМ. Комсомольцы провели летом 1944 г. учет рабочей молодежи, не имеющей среднего образования, на всех предприятиях области. В заводских цехах проводились конференции и вечера, специальные собрания подростков. Лучшие молодежные бригады заводов № 217 Наркомата вооружения и № 50 г. в Свердловске полным составом после окончания дневной смены шли на занятия в вечернюю школу. На УЗТМ комитет ВЛКСМ выступил с инициативой: «Каждому молодому уралмашевцу — среднее образование»***.

* ГАСО. Ф. Р-233. Оп. 3. Д. 30. Л. 14, 15.

** ЦДООСО. Ф. 61. Оп. 5. Д. 535. Л. 95.

*** Там же. Л. 90.

Тем не менее не все директора заводов различных наркоматов промышленности выполняли распоряжение Совнаркома об открытии школ рабочей молодежи. В справке о состоянии работы по подготовке к новому 1945/46 учебному году и работе ШРМ в Свердловской области на имя первого секретаря ЦК ВЛКСМ Н. А. Михайлова отмечалось, что директора заводов Наркомата боеприпасов № 76, 63, 73, 552; Наркомата вооружения № 356, 46, 8, 529; Алапаевского, Серовского, Кушвинского, Ревдинского заводов Наркомата черной металлургии; Красноуральского, Среднеуральского медзаводов, Пышминского медеэлектролитного завода Наркомата цветной металлургии, завода № 28 Авиапрома не выполнили распоряжения Совнаркома, не освободили молодежь от сверхурочных часов для учебы в школах рабочей молодежи. Авторы справки обращались в ЦК ВЛКСМ с просьбой поставить перед отраслевыми наркоматами вопрос о необходимости выполнения приказов по организации школ рабочей молодежи; предложили Наркомпросу РСФСР организовать при облно сектор рабочей молодежи. В 1944/45 учебном году школами рабочей молодежи руководили специалисты сектора детских школ****.

В справке «О подготовке школ рабочей молодежи к новому 1944/45 учебному году», подготовленной заведующей отделом рабочей молодежи Свердловского обкома ВЛКСМ Н. Даниловой, сообщалось, что в созданных ШРМ наблюдался большой отсев учащихся: ко второму полугодию 1944/45 учебного года их осталось 8000 человек. Это произошло из-за того, что учащихся ШРМ по-прежнему отправляли на длительные сроки для работы за пределы населенных пунктов, где находились школы. В г. Невьянске открытие школы затянулось до января 1944 г. Школа просуществовала всего один месяц и была закрыта.

Для того чтобы нормально начать следующий учебный год, автор документа предлагала провести в области следующие мероприятия: 1) просить обком партии и обком ВЛКСМ дать указания районным

**** ЦДООСО. Ф. 61. Оп. 5. Д. 511. Л. 13, 14.

комитетам и комсомольским организациям на предприятиях заслушивать отчеты руководителей районов области и директоров школ о работе школ за прошедший 1943/44 учебный год; 2) итоги прошедшего учебного года и подготовки к новому широко освещать в заводской и цеховой печати; 3) обязать районные отделы народного образования области через исполнительные комитеты районных советов депутатов трудящихся и руководителей предприятий предоставить ШРМ специальные помещения; 4) обязать районные отделы народного образования через отделы кадров заводов и учреждений с помощью комсомольских организаций провести точный учет молодежи, не имеющей семилетнего и среднего образования; 5) с помощью комсомольских организаций провести агитационную работу среди молодежи; 6) исполнительным комитетам районных советов сформировать специальные комиссии для приемки готовности школ рабочей молодежи к новому учебному году; 7) районным отделам народного образования добиться от руководителей предприятий ремонта помещений и мебели ШРМ, обеспечения школ отоплением на весь отопительный сезон и освещением; 8) из наличного фонда учебников и тетрадей выделить соответствующее количество для ШРМ; 9) обязать заведующих района полностью укомплектовать ШРМ квалифицированными кадрами, а руководство школ освобожденными директорами; 10) обеспечить благоприятные условия для посещения учащимися ШРМ, добиться от руководителей предприятий точного выполнения следующих пунктов: а) обеспечение учащихся, посещающих школу, дополнительным питанием; б) через городские торговые отделы и районные потребительские союзы добиться обеспечения учащихся ШРМ школьной булочкой; в) абсолютное выполнение законов о труде молодежи; г) обеспечение в первую очередь учащихся школ промышленными товарами, обувью и одеждой*.

Из таблиц 1, 2 следует, что в Свердловской области проводилась существенная работа по открытию школ, а также по

* ЦДООСО. Ф. 61. Оп. 5. Д. 313. Л. 16—19.

привлечению к учебе рабочей и сельской молодежи. Только с окончанием войны резко увеличился и контингент учащихся, и количество школ. С победой возвращались тысячи солдат, многие из которых не имели среднего и неполного среднего образования. Школы рабочей и сельской молодежи их ждали.

Таблица 1

Количество школ рабочей молодежи и обучающихся в них в 1943—1947 гг.
в Свердловской области*

Учебный год	Всего школ	На начало учебного года	Обучалось в конце учебного года	Сохранность контингента учащихся, %
1943/44	85	13000	5600	43
1944/45	93	12509	6526	52
1945/46	99	14749	6581	45
1946/47	113	18701	9618	51
1947/48	107	15121	9624	64
1948/49	108	19240	12154	63

* Составлено по: ЦДООСО. Ф. 61. Оп. 5. Д. 313. Л. 6—9.

Таблица 2

Количество школ сельской молодежи и обучающихся в них в 1944—1947 гг.
в Свердловской области*

Учебный год	Всего школ	На начало учебного года	Обучалось в конце учебного года	Сохранность контингента учащихся, %
1944/45	71	3700	980	26
1945/46	68	1948	1044	54
1946/47	115	6038	3079	51
1947/48	168	4275	3200	75
1948/49	256	5210	3568	68

* ГАСО. Ф. Р-233. Оп. 3. Д. 152. Л. 2.

Таким образом, несмотря на трудные материальные условия и нехватку финансовых средств, в Свердловской области были открыты и функционировали в условиях войны школы рабочей и сельской молодежи. Они обеспечивали получение общего образования взрослыми людьми, учащимися, оставившими школу и ушедшими на заводы и фабрики.

Вследствие войны вечерние школы испытывали большие трудности: работали в зданиях массовых школ, не имели учителей, работавших на постоянной основе, преподаватели работали в основном по совместительству. Не хватало дидактиче-

ских средств обучения, учебников и письменных принадлежностей.

Особенностью деятельности школ рабочей и сельской молодежи было то, что на руководство предприятий и учреждений, колхозов и совхозов была возложена дополнительная обязанность помочи школам в организации учебного процесса и формировании контингента учащихся. Руководители обязаны были создавать учащимся условия для посещения школ, устанавливать графики работы, дававшие возможность совмещать производственную и учебную деятельность молодых работников.

Школы рабочей и сельской молодежи, преодолевая трудности сорвой войны, дали образование тысячам молодых людей.

Список использованной литературы

1. Антуфьев А. А. Качественные изменения в тяжелой индустрии Урала в годы Великой Отечественной войны // Развитие рабочего класса и промышленности Урала в период строительства социализма (1938—1958) : сб. ст. Свердловск, 1982.
2. Балов Н. Н. Развитие вечернего и заочного общего образования в РСФСР (1919—1967 гг.) : дис. ... канд. пед. наук. М., 1972.
3. Бреев С. И. Развитие теории и практики образования без отрыва от производства в РСФСР (1917—1941 гг.). Саранск, 1973.
4. Вершинин В. Н. Вечерняя школа в инновационном поиске. Ульяновск, 2012.
5. Гайсин У. Б. Молодежь Урала в годы Великой Отечественной войны (1941—1945) : дис. ... д-ра ист. наук. Уфа, 2000.
6. Горностаев П. В. Развитие системы общего образования взрослых // Народное образование. 1977. № 12.
6. Директивы ВКП(б) и постановления Советского правительства о народном образовании : сб. документов за 1917—1947 гг. Вып. 1. М. ; Л., 1947.

7. Корнилов Г. Е. Уральская деревня в период Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.). Свердловск, 1990.

8. Малахов Н. Д. Педагогические основы среднего образования взрослых. М., 1985.

9. Медынский Е. Н. Народное образование в СССР. М., 1952.

10. Народное образование в СССР / под ред. М. А. Прокофьева. М., 1985.

11. Народное образование в СССР. 1917—1973 : сб. документов. М., 1974.

12. Народное хозяйство Свердловской области. 1939—1941 гг. Свердловск, 1941.

13. Образование взрослых на рубеже веков: вопросы методологии, теории и практики : в 4 т. Т. 1: Социально-экономические и правовые предпосылки развития образования взрослых / под ред. В. И. Подобеда, Н. П. Литвиновой. Кн. 1. История развития образования взрослых в России / под ред. Е. П. Тонконогой. СПб., 2000.

14. Очерки по истории советской школы РСФСР за 30 лет / ред. Н. А. Константинов, Е. Н. Медынский. М., 1948.

15. Палецких Н. П. Социальная политика на Урале в период Великой Отечественной войны. Челябинск, 1995.

16. Сборник руководящих материалов по обучению молодежи и взрослых. Школы рабочей и сельской молодежи, заочные школы и специальные школы взрослых. М., 1957.

17. Сперанский А. В. В горниле испытаний. Культура Урала в годы Великой Отечественной войны (1941—1945). Екатеринбург, 1996.

18. Хасанбаев Ж. Становление и развитие общего образования взрослых в Узбекистане (1917—1945 гг.) : автореф. дис. ... д-ра пед. наук. Ташкент, 1991.

19. Хачикян Э. Г. Обучение трудящейся молодежи общеобразовательным знаниям в Армении (1941—1975) : дис. ... канд. пед. наук. Ереван, 1984.

20. Шпортенко А. М. Развитие образования взрослых в Украинской ССР (1917—1970) : автореф. дис. ... канд. пед. наук. Киев, 1970.

275

Российская деревня в XVIII—XXI веках: социокультурное измерение

УДК 94(47)

Ф. Ф. Шаяхметов

Эволюция башкирских поселений в XVIII—XIX вв.: от хаоса к уличной планировке

Ведущей тенденцией социокультурных трансформаций, происходивших в башкирском обществе в XVIII—XIX в., было формирование и укрепление оседло-аграрного хозяйствственно-культурного

комплекса. По мере укрепления своего положения в регионе государство все активнее стало проводить политику интеграции башкир в экономические, социальные, административные и иные институты

страны. Напуганное размахом антиправительственных выступлений башкир в XVII—XVIII вв., государство стало рассматривать политику стимулирования перехода башкир от полукочевого быта к оседлости и земледелию в качестве инструмента их «умиротворения». Как указывал один из первых оренбургских губернаторов Д. В. Волков (1763—1764 гг.), «где заведется пашня, там и домостроительство, а где домостроительство, там и тишина, и власть законов. Напротив того, кочующие народы всегда будут ветрены и законам не подчинены... Есть ли бы сей народ меньше кочевал, а больше прилежал к домостроительству и хлебопашеству, то и бунтов не случилось бы»¹.

История распространения оседлости среди башкир и основания постоянных поселений (аулов) имеет специфику, связанную с хозяйственно-культурным типом их локальных групп. На земледельческом северо-западе и севере территории расселения башкир поселения стали возникать еще до присоединения к России как населенные пункты соседской территориальной общины. В южных, юго-восточных и восточных районах (территории прежних Ногайской и Сибирской дорог), где преобладали кочевой образ жизни и родовые традиции, башкирские аулы основывались преимущественно членами одного родственного коллектива — большой патрономической семьи или группы родственников.

У полукочевых башкир постоянные поселения возникли не ранее XVII—XVIII вв. Вначале они представляли собой постоянные зимние поселения, куда башкиры возвращались после сезонных кочевок². Переходные состояния поселений — от сезонной стоянки к постоянному поселению — в источниках XVII—XVIII вв. зафиксированы под разными терминами: кочевье, стан, зимовье, деревня. В описании поселения башкир Сибирской дороги возле реки Юрюзань, данном П. С. Палласом в 1770 г., упоминаются два термина: «прибыли к гладкому над Юрьюзанем месту, окруженному со всех сторон крутыми гор отрогами, на коем поселено башкирское зимовье... Зимовье именуется Сулпа или по названию нынешнего управлятеля Муссятаул»³.

В первой половине XVIII века размеры башкирских поселений колебались в пределах 5—20 жилищ⁴. В 1771 г. И. Г. Георги увидел башкирскую деревню в следующем виде: «В деревне бывает дворов от 10 до 50. Они срублены из бревен худо и непрочно и состоят по большей части в одной избе с плоскою крышею...»⁵.

С течением времени — при жизни 2—3 поколений — прямые родственные связи ослабевали, уступив место общичным. По мере расширения поселения, увеличения количества родственников и отдаления степени родства часть их покидала поселение и основывала новое — выселок, хутор, деревню. Так возникали новые родовые подразделения в составе существовавшей системы племенного деления.

Ярким, этнически окрашенным элементом материальной культуры башкир были особенности расположения на местности и планировка поселений, усадеб и жилищ. При их образовании учитывались особенности локальной экосистемы: рельеф местности, наличие водоема, других естественных ресурсов и др. Поселения основывались с подветренной стороны предгорий и холмов, лесных массивов, а при их отсутствии — в удобных ложбинках и впадинах. Обследовав в конце XIX века 39 башкирских деревень Екатеринбургского уезда, Д. П. Никольский установил, что на возвышенности было расположено 6, на низменности — 18, около болота — 7 деревень⁶. В горно-лесных районах башкирские деревни обычно основывались по склонам гор рядом с водоемом. Тот же Д. П. Никольский отмечает, что «горные башкиры сознательно или просто по инстинкту ставят свои жилища почти всегда в сухой местности»⁷.

Расположение и планировка башкирских усадеб и поселений долгое время сохраняли беспорядочный характер, отражая хаотичность процесса перехода к оседлости. Наиболее древними формами планировки поселений были кучевая и кольцеобразная, обладавшие хаотичными и стихийными чертами.

Кучевое расположение жилищ было характерно как для степных, так и для горно-лесных районов Башкирии, оседлых и полукочевых групп башкир. В середи-

не XIX века поселение степных башкир П. Небольсину показалось следующим образом: «Прежде башкирские деревни в степных кантонах были совсем не такие правильные, какие мы теперь видим. Избы лепились по направлению ручьев и речек вдоль их течения, как бы оно извилисто ни было; иногда дома расставлялись по обеим сторонам речки, вероятно, для большего удобства в водопое скота. Улиц почти не было, а существовали какие-то закоулки, неровные и кривые, вроде лабиринтов...»⁸. В описании Н. Попова планировка деревни пермских башкир ничуть не отличается от традиций своих степных сородичей: «Башкирская деревня, хотя бы немного в себе семейств заключала, представляет довольно обширное селение, в котором не видно никакого порядка ни в расположении улиц, ни же самих домов и принадлежащих к ним амбаров, загонов и дворов, без всякого почти взаимного отношения рассеянных, в разные стороны лицом своим обращенных, и даже юрт, в одной ограде построенных и одному хозяину принадлежащих»⁹. Наиболее устойчиво кучевую планировку поселений сохранили горные и горно-лесные башкиры¹⁰.

Кольцеобразная традиция в планировке поселений в наибольшей степени была распространена у полукочевых башкир степных районов региона. Своими корнями восходя к кочевому пласту культуры, такая планировка использовалась башкирами и в XIX веке при основании сезонных стоянок. Как отмечает П. Небольсин, она сохранялась у полукочевых башкир в нижнем течении реки Сакмары в середине XIX века: «Башкирские кибитки... были раскинуты полукругом»¹¹.

По словам командующего Башкиро-мешерякским войском Г. В. Жуковского (1846—1848 гг.), «большая часть башкирских домов, состоя из одних изб, поставлены одна от другой в близком расстоянии»¹². «Деревни башкирские только славу занимают, что деревня, — писал И. И. Железнов, в 1852 г. назначенный на должность юртового начальника иргиз-камеликских башкир, — на самом деле они, исключая двух-трех, никак не похожи на деревни: это ни больше ни меньше как кучи дерна, разбросанные как попало в ве-

личайшем беспорядке, без улиц, без дворов, без ворот...»¹³.

Типы жилищ, распространенные у башкир в различных зонах их расселения, также находились в тесной взаимосвязи со многими факторами: социальными, экономическими, экологическими, социокультурными и др. География распространения типов постоянных жилищ башкир, наиболее полно зафиксированная в XIX веке, ярко отражает процесс адаптации этнической культуры к экосистеме Южного Урала. Срубные дома были распространены по всей полосе Уральского хребта, в обширной зоне северо-западной и северной частей территории расселения башкир. В северных районах и по Уральскому хребту материалом для покрытия домов служили исключительно тес и драница, а в северо-западных и западных волостях происходила постепенная смена традиционного кровельного материала на солому, являвшуюся производной продукцией земледельческого хозяйства.

В юго-западной области бревенчатые дома чередовались с плетневыми домами из одинарного плетня, а в бассейне рек Иргиз, Камелик, Карапы были распространены саманные дома¹⁴. У бревенчатых и плетневых домов наиболее распространенным кровельным материалом служила солома, а саманные жилища очень часто были покрыты дерном. В восточном Зауралье, ближе к восточному склону Уральских гор, традиционным жилищем башкир служили небольшие деревянные дома без крыш. По мере отдаления от Урала на восток в направлении Западной Сибири все чаще строились плетневые дома из двойного плетня, а в степных районах Зауралья, ближе к территории Северного Казахстана, были распространены пластовые и саманные жилища с плоскими крышами¹⁵.

Саманные, дерновые, плетневые дома появились в степных районах, бедных на строительный лесоматериал. В условиях практического отсутствия дорожных коммуникаций доставка строительного леса из горно-лесной части в степные районы Башкирии, как правило, осуществлялась во время весеннего половодья методом сплава. Доставленный подобным образом лесоматериал стоил дорого и был не

по карману основной части башкирского населения. Поэтому башкиры, как и другие жители степных районов, строили свои жилища из доступного материала — самана и дерна. Традиция покрытия крыши жилища соломой сформировалась в районах, где уже было хорошо развито земледельческое хозяйство. Такой метод обустройства крыши башкирского жилища появился в процессе этнокультурных контактов с соседним оседло-земледельческим населением.

В лесных районах традиции домостроения зависели от наличия строительного леса, породы древесины, типа хозяйственной деятельности. К примеру, башкиры племени катай, несмотря на обилие строевого леса в своем распоряжении, даже в конце XIX века строили небольшие по размерам дома из тонких бревен; занимаясь скотоводством, скот содержали под открытым небом в огороженном дворе¹⁶.

Хаотичная планировка башкирских поселений сохранялась до начала 1840-х годов, когда после основания в 1837 г. Министерства государственных имуществ во главе с видным государственным деятелем и реформатором николаевской эпохи графом П. Д. Киселевым началась правительенная кампания по переустройству российских сельских поселений. Данная кампания до Оренбургского края дошла в начале 1840-х годов и была связана с именем военного губернатора В. А. Обручева (1842—1851 гг.). Совершая инспекторскую поездку по территории края после своего назначения на должность, он был крайне обескуражен видом башкирских деревень: «Большая часть домов без крыш, с неогороженными дворами... Выразил местному начальству крайнее свое неудовольствие за таковое неустройство башкирских жилищ»¹⁷.

В предписании от 11 ноября 1842 г. на имя командующего войском Н. В. Балкашина губернатор В. А. Обручев указывал «строгое наблюдсти, чтобы вновь заводимые во вверенном ему войске селения были устраиваемы согласно Высочайше утвержденных планов»¹⁸. План предусматривал уличную планировку, расстояние 10—15 сажен между дворами и жилыми домами, вынос бань и кузниц к источни-

кам воды. Кантонные начальники получили предписание «иметь строгое наблюдение, чтобы вновь строящиеся башкирские избы внутри от полу до потолка были отнюдь не менее трех аршин». При отклонениях при строительстве домов от установленных норм башкиры подлежали наказанию. Во вновь возводимых домах запрещалось устройство традиционных очагов — чувалов, место которых заняли закрытые печи голландского образца (печи-голландки)¹⁹.

Командующий войском, кантонные и юртовые начальники, попечители активно приступили к реализации плана переустройства башкирских поселений. Некоторые из местных чиновников предлагали даже переносить башкирские дома для придания поселениям формы уличной планировки. Однако губернатор В. А. Обручев выступил против радикальных мер: «Башкирские дома в деревнях переносить на другое место не следует, а обносить за бором только те, которые представляют к этому удобства, — прочие затем оставить так, как они были, но на будущее время устраивать башкирские деревни по плану...»²⁰.

Переустройство башкирских поселений еще более активизировалось после назначения в 1846 г. на должность командующего войском полковника Г. В. Жуковского. Он распорядился, чтобы башкиры в течение осени и зимы заготовили строительные материалы для постройки жилья. По его расчетам, для постройки двухкомнатного дома с сенями необходимо было заготовить 200 бревен по 6, 7 и 8 вершков (1 вершок — 44,45 мм) толщиной²¹.

Планы командующего войском носили волонтистский характер, не учитывали ни природных условий территории расселения башкир, ни их материальных и финансовых возможностей. Реализация данного плана наиболее негативно отразилась на материальном положении башкир степных районов, которых в источниках того времени было принято обозначать как «полукочевых». Для приобретения строительных материалов и перевозки их к местам жительства они были вынуждены распродавать основное свое достояние — скот, а также женские украшения²².

Под влиянием объективных факторов власти региона были вынуждены разрешить локальным группам башкир применять доступные строительные материалы. Для степных кантонов был обобщен и расписан способ приготовления «воздушного кирпича», изготовленного из глины, перемешанной с мелкой соломой, и просушенного без каких-либо построек или навесов под открытым небом. Описание данного способа было отпечатано на русском и «татарском» языках на типографском бланке и разослано в кантоны, где остро ощущался дефицит лесоматериала. Местному начальству предписывалось описание этого способа прикрепить на самых людных местах: на стенах мечетей, кантонных и юртовых квартир, хлебных магазинов²³. Для этих же башкир был расписан способ устройства глиняно-соломенных крыш²⁴. Полукочевые и степные башкиры, расселенные в безлесной экосистеме, получили разрешение на возведение домов, меньших по размерам по сравнению с другими районами²⁵.

Башкирское жилище в середине XIX века в описании П. Небольсина выглядело следующим образом: «Башкирский дом занимает места вдоль по улице три сажени [1 сажень — 2,18 м], а вглубь идет аршин на восемь или на девять; кладется он в тринадцать венцов; высота комнат бывает три аршина, считая от пола до потолка. [Во дворе] есть только загон для овец и конюшня без крыши для лошадей. Близ дома идет забор, и на нем навешаны ворота. У людей небольшого достатка только одна комната, иногда перегороженная надвое; окон на улицу два; косяков в рамках не бывает; двойных рам тоже нет. Стекла вставляются в окнах только у богатых людей, а у прочих вместо стекол в окна натягивают брюховицы или пузыри с рубцов...»²⁶.

Такой вид и устройство имели башкирские дома в степных и безлесных районах. П. Небольсин отмечает, что у лесных и горно-лесных башкир дома и строения существенно отличаются от своих степных сородичей: «В тех кантонах, где лесу много, разумеется, строения бывают лучше и обширнее; дома строятся из крупных бревен, заборы из досок и всегда бывают целые. В башкирских деревнях лесных

кантонах бывают и теплые конюшни, и разные хозяйствственные пристройки, да и комнаты в домах выше и обширнее. Дом состоит из двух комнат»²⁷.

«Деревни их устроены большею частью правильно, дворы почти всегда огорожены, — описывает поселение оседлых башкир В. М. Черемшанский, — во дворах есть и конюшни, и амбары, и крытые загородки для рогатого скота и овец, позади — у некоторых имеются огороды и гумна; внутри двора летом у всех зелень, чисто и опрятно. Многие домохозяева имеют нередко по две и по три избы с белою печью; черных или курных изб, какие в большом употреблении у русских, — у башкирцев нет»²⁸.

В результате кампании по переустройству поселения как степных, так и оседлых башкир приобрели уличную планировку и правильные очертания, преодолев хаотичность предыдущих форм. В конце XIX века П. Назаров указывает на такую планировку поселения в степной зоне: «Как кибитки, так и домики все располагаются в ряд, дверями в одну сторону. Впереди их стоят косяки кобыл»²⁹. Произошли изменения и в планировке усадеб: дома и хозяйственные постройки были отдалены друг от друга, бани и гумна — в особенности, дворы стали огораживаться.

Политика переустройства привела к укрупнению и упорядочению башкирских поселений — ликвидации малых и бесперспективных, перепланировке существовавших деревень и усадеб. Подсчеты Ф. М. Сулейманова показывают, что в 1826 г. башкирская деревня в среднем состояла из 26,3 двора, а в 1853 г. данный показатель вырос до 39,5 двора, т.е. рост составил 13,2 единицы³⁰. По данным П. Небольсина, только в 1847 г. башкиры построили 13 950 новых домов. В то же время в результате укрупнения башкирских поселений их общее количество несколько сократилось: по данным А. З. Асфандиярова, в 1826 г. насчитывалось 1804, а в 1846 г. — 1777 деревень³¹. В начале 1850-х годов башкирам и мишарям принадлежало более 90 тыс. жилых домов³². Только башкирам, по подсчетам А. З. Асфандиярова, принадлежало 74 414 домов³³. В 1864 г. башкирами было построено 3622 новых дома³⁴.

Политика переустройства башкирских поселений, проводившаяся правительством в середине XIX века, способствовала концентрации населения в более крупных населенных пунктах, позволяя властям организовать эффективный контроль над развитием хозяйства и образом жизни башкир. Несмотря на все несовершенство механизмов переустройства поселений, реформа П. Д. Киселева, в рамках которой проводилась данная кампания в отношении башкир, она носила объективно прогрессивный характер. Реформа вывела башкирские поселения из состояния хаотичной застройки, привела к их упорядочению и внедрению уличной планировки, отделению домов и строений друг от друга, что способствовало сокращению количества и масштаба пожаров.

Изменения произошли и во внутренней планировке жилищ. У оседлых и зажиточных башкир кочевых кантонов в этот период начался переход от однокомнатного жилого пространства, имевшего две половинки — женскую и мужскую, к двухкомнатному, как минимум, делению жилища. Повсеместно традиционные башкирские очаги стали вытесняться печами-голландками. Открытые чувалы были огнеопасны и вредны для здоровья из-за прямого попадания в жилое помещение углекислого газа (диоксида углерода) после сгорания органических материалов, использовавшихся для отопления: древесины, хвороста, соломы и даже засушенного навоза животных (кизяка).

Печи-голландки были намного безопаснее с точки зрения предупреждения пожаров, способствовали более эффективному отоплению жилищ и тем самым предохраняли их от преждевременного обветшания и разрушения от недостатка тепла. Печи-голландки были также более экологичны, предотвращая развитие глазных болезней, заболеваний дыхательных путей и различных инфекций, ранее возникавших под воздействием углекислого газа, холода и сырости.

Реформы П. Д. Киселева стали неотъемлемой частью мобилизационного курса в хозяйственной деятельности Российского государства, направленного на более рациональное использование ресурсов в

условиях острого кризиса экстенсивной аграрной экономики империи в доколониальный период. В отношении башкир реформы проводились не только по переустройству их поселений и усадеб, они были направлены на распространение и расширение земледелия, внедрение картофелеводства, овощеводства и садоводства, в целом — на повышение агрокультуры коренного населения региона.

Примечания

1. Материалы по истории Башкирской АССР. Т. 4, ч. 2. Экономические и социальные отношения в Башкирии и управление Оренбургским краем в 50—70-х годах XVIII в. / сост. Н. Ф. Демидова. М. : Изд-во АН СССР, 1956. № 492.
2. Кузеев Р. Г. Происхождение башкирского народа: этнический состав, история расселения. М. : Наука, 1974. С. 22—25.
3. Паллас П. С. Путешествие по разным провинциям Российской империи. Ч. 2. Кн. 1. СПб., 1786. С. 94.
4. Георги И. Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов и их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, вероисповеданий и прочих достопамятностей. Ч. 2. СПб. : Акад. наук, 1799. С. 96; Попов Н. Хозяйственное описание Пермской губернии по гражданскому и естественному ее состоянию в отношении к земледелию, многочисленным рудным заводам, промышленности и домоводству. Ч. 2. СПб., 1813. С. 14, 17.
5. Георги И. Г. Указ. соч. С. 89.
6. Никольский Д. П. Башкиры: Этнографическое и санитарно-антропологическое исследование. СПб., 1899. С. 34.
7. Никольский Д. П. Указ. соч. С. 33.
8. Небольсин П. Рассказы проезжего. Башкирцы. СПб., 1854. С. 250—251.
9. Попов Н. Указ. соч. Ч. 2. С. 11.
10. Шитова С. Н. Временные поселения башкир // Обычаи и культурно-бытовые традиции башкир. Уфа : БФАН СССР, 1980. С. 30.
11. Небольсин П. Указ. соч. С. 219.
12. ЦИАРБ. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 5406. Л. 2 об.
13. Железнов И. И. Уральцы. Очерки быта уральских казаков // Железнов И. И. Полн. собр. соч. 3-е изд. СПб., 1910. Т. 1. С. 252.
14. Железнов И. И. Полное собрание сочинений. Т. 1. СПб., 1910. С. 252.
15. Руденко С. И. Башкиры: Историко-этнографические очерки. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1955. С. 344.
16. Берхгольц Л. Горные башкиры-катаицы // Этнографическое обозрение. 1893. № 3—4. С. 76.
17. ЦИАРБ. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 5406. Л. 2.
18. ЦИАРБ. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 6755. Л. 62.
19. ЦИАРБ. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 4014. Л. 24—32.
20. Там же.
21. Там же. Л. 30.
22. ЦИАРБ. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 6755. Л. 15 об.

23. ЦИАРБ. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 4014. Л. 36.

24. Там же. Л. 160—164.

25. Там же. Л. 24 об.

26. Небольсин П. Указ. соч. С. 250.

27. Там же. С. 251—252.

28. Черемшанский В. М. Описание Оренбургской губернии в хозяйственно-статистическом, этнографическом и промышленном отношениях. Уфа : Типогр. Уфим. губ. правления, 1859. С. 151.

29. Назаров П. К этнографии башкир // Этнографическое обозрение. 1890. № 1. С. 180.

30. Сулейманов Ф. М. Башкирский двор (конец XVIII — первая половина XIX века). Уфа : Баш. гос. ун-т, 2003. С. 56—57.

31. Асфандияров А. З. История сел и деревень Башкирской АССР. Кн. 1. Уфа : Башк. кн. изд-во, 1990. С. 12, 14.

32. Небольсин П. Указ. соч. С. 248.

33. Асфандияров А. З. Указ. соч. С. 14.

34. Асфандияров А. З. Хозяйство башкир в первой половине XIX в. // Страницы истории Башкирии. Уфа : БФАН СССР, 1974. С. 42.

УДК 94(47)

А. И. Шевельков

Аграрное развитие и социальные преобразования в Нечерноземной зоне РСФСР во второй половине XX века

Одним из крупнейших социально-экономических регионов страны, включающим 29 субъектов РФ, является Нечерноземная зона. Веками здесь формировались местные традиции крестьянства, культурные ценности, крестьянский менталитет. Войны и революции первой половины XX в., массовая коллективизация 1920—1930-х гг. нанесли огромный урон крестьянскому обществу, его культурной среде. Пустели деревни, тысячами исчезая в небытие, превращаясь сначала «в мелкие» и «неперспективные» населенные пункты, а затем в обезлюденные, брошенные хозяевами. В предвоенное и послевоенные десятилетия, практически до середины 1970-х гг., крестьянство удерживали при помощи ухищренной паспортной политики, посыпами о будущей счастливой жизни в собственных домах и в благоустроенных хрущевских агрогородах и агропоселках, в совхозах, созданных на освоенных пойменных землях в столичных областях, а также на целинных и залежных землях со второй половины 1950-х гг. Однако численность таких хозяйств с домами и городскими удобствами росла крайне медленно, так как ежегодно бюджетные средства уходили преимущественно на создание, реконструкцию и модернизацию промышленных объектов, на нужды индустрии.

Декларируя заботу о развитии аграрного производства, обещая мощные фи-

нансовые вливания, государство по-прежнему ориентировалось на развитие городов, промышленной инфраструктуры. Применяя волонтеристские методы, оно направляло основные или крупные потоки финансовых и материально-технических средств на решение сомнительных гигантских проектов в сельском хозяйстве. Примером является целинная «эпопея», в итоге которой в 1954—1963 гг. план госзакупок зерновых был выполнен лишь дважды за десятилетие. И это несмотря на то, что целина «поглощала» до четверти финансов, основную часть техники, выделенных для аграрного сектора всей страны.

Показатели выделения 15—16% годового бюджета на развитие сельского хозяйства во второй половине 1960-х гг. были обманчивы, так как эти средства «проглатывались» низкими закупочными ценами на сельскохозяйственную продукцию и высокими ценами на промышленную продукцию, услуги для села. Созданная государством в 1960-е гг. система изъятия доходов хозяйств, в том числе через систему налогов, страховых взносов, ценовую политику, не позволяла большинству колхозов из-за экономической несостоятельности создавать нормальную социальную инфраструктуру. В любой момент государство могло перераспределить деньги, выделенные для развития сельского хозяйства, на социальную сферу села, в

281

другие отрасли. К примеру, так оно поступило в годы восьмой пятилетки (1966—1970 гг.), когда более 10 млрд. рублей из 41 млрд., выделенных по статье «Сельское хозяйство», было перераспределено в оборонную отрасль¹ вопреки решениям и директивам XXIII съезда КПСС — одним лишь волевым решением руководителей ЦК КПСС и Совета Министров СССР. Но главное состояло в том, что вместе с финансами и техникой на освоение целинных и залежных земель перемещалась наиболее активная часть сельских жителей, которые получали паспорта и «вырывались» из пустеющих деревень, беднейших сельхозпредприятий и думали не столько о благополучии, сколько о самостоятельной жизни.

Политика укрупнения колхозов, преобразования низкорентабельных и убыточных колхозов в совхозы, ликвидации «неперспективных» населенных пунктов нанесла огромный урон сельскому обществу, трудовым ресурсам Нечерноземной зоны РСФСР. Большая часть работоспособного населения, где все меньше становилось молодежи в возрасте 16—29 лет, превратилась в наемных работников, не удовлетворенных условиями труда и быта. Деревня пустела и старела. «Сменщики»

Н. С. Хрущева, которые являлись активными участниками целинной «эпопеи», серьезно не противились обезлюдению российского Нечерноземья. Хотя в решениях мартовского (1965 г.) пленума ЦК КПСС ими и был поднят вопрос о необходимости подъема сельского хозяйства Нечерноземной зоны РСФСР, где, по мнению Президиума ЦК КПСС, особенно отчетливо проявились последствия ошибок Н. С. Хрущева в руководстве развитием сельского хозяйства, в решении социальных проблем села. Как отмечалось в докладе ЦК КПСС: «...было бы неправильно забывать о вопросах культуры... Создание хороших культурно-бытовых условий — это мощный рычаг подъема колхозного и совхозного производства»².

На практике подобные заявления и решения носили преимущественно декларативный характер. Принятое постановление ЦК КПСС и СМ СССР о финансировании отдельных видов мелиоративных

работ за счет государства, а не колхозов, кардинально не изменило ситуацию в аграрном производстве. Зато в областях и районах проведения этих работ началось селение сельских жителей с родных, на житых родовых «гнезд» в места компактного проживания. Только к этому времени не были созданы и благоустроены эти центральные усадьбы, что усилило поток сельских жителей в районные и промышленные центры, в крупные города. Расширение площади пашни путем проведения мелиоративных и культуротехнических работ, устранение проблемы мелкоконтурности полей также приводило к разрушению и ликвидации традиционных сельских поселений, сельского социума. Несмотря на противление местных жителей подобной политике, во второй половине 1960-х годов эти работы проводились в ряде северо-западных областей Нечерноземной зоны РСФСР.

В середине 1960-х годов была возможность серьезного подъема аграрного производства, изменений в социальной сфере, но государство отвергло форсированные темпы по изменению социально-экономической ситуации в сельском Нечерноземье.

В соответствии с рекомендациями Президиума ЦК КПСС и поручением Бюро ЦК КПСС по РСФСР российские республиканские ведомства в октябре 1965 г. разработали объемный документ «Мероприятия по подъему сельского хозяйства Нечерноземной зоны РСФСР». Он должен был стать основой будущего партийно-государственного постановления и предопределить прогресс региона не только в области сельскохозяйственного производства, но и в социальной сфере. В документе, в частности, констатировалось, что из-за проблем в сельскохозяйственном производстве, в социальной сфере, обострения демографической проблемы развитие культуры на селе испытывает серьезные затруднения, что, несмотря на благоприятные климатические условия для развития целого ряда отраслей сельского хозяйства, производства многих видов продукции, аграрный сектор экономики Нечерноземья находится в неудовлетворительном состоянии, а урожайность основ-

ных сельскохозяйственных культур является низкой; по отдельным видам продукции многие хозяйства Нечерноземья не достигли уровня урожайности 1913 и дооценного 1940 года. Прежде всего это относилось к Псковской, Новгородской, Калужской областям региона. Валовое производство продукции растениеводства в расчете на гектар пашни в Нечерноземной зоне было значительно ниже, чем в целом по РСФСР. Площадь пашни по сравнению с 1940 г. сократилась на 2,3 млн. га, посевы зерновых культур уменьшились почти на 3 млн. га. Валовой сбор зерна с 14,8 млн. т в 1940 г. сократился в среднем за 1959—1964 гг. до 10,5 млн. т. Из-за экономической слабости крупных и мелких колхозов, новообразованных совхозов, недостатка техники, незначительных объемов капиталовложений площадь сельскохозяйственных угодий за 1953—1964 гг. в зоне сократилась на 6,2 млн. га, или почти на 11%³. Таким образом, решения «этапного» для сельского хозяйства сентябрьского (1953 г.) пленума ЦК КПСС в Нечерноземной зоне РСФСР были провалены.

Существующий уровень рентабельности колхозов и совхозов Нечерноземья не обеспечивал расширенного воспроизводства в достаточной степени, отрицательно влиял на уровень оплаты труда колхозников, сохранение кадрового состава хозяйств. Недостаточная материальная заинтересованность сельских тружеников отрицательно влияла на сохранение численности сельского населения. За период 1961—1965 гг. сельское население Нечерноземья сократилась с 23,2 до 18,5 млн., или на 4,7 млн. человек. Была высокая текучесть кадров. Как считали руководители российских ведомств, среди важнейших причин миграции сельских жителей по-прежнему основной являлось наличие огромного количества мелких населенных пунктов, насчитывающих по 5—10 дворов, что осложняло не только организацию труда и производственные процессы, но и затрудняло культурное обслуживание населения. По их данным, в целом колхозы и совхозы Нечерноземья были обеспечены клубами только на 50%⁴. Как позднее информировал ЦК КПСС министр сельского хозяйства РСФСР Л. Я. Флорентьев,

эти показатели были гораздо хуже, следовательно, пятилетние усилия государства только усугубили ситуацию в социальной сфере.

Разработчики «Мероприятий...» предложили меры не только в области аграрного производства, но и развития культуры на селе. Так, на строительство объектов культуры на 1966—1970 гг. предполагалось выделить 2182 млн. руб., или 36,4% от общего объема капитальных вложений на эти цели по РСФСР. Они считали, что укрупнение производственных подразделений является одним из важнейших условий организационно-хозяйственного укрепления колхозов, а также улучшения культурно-бытовых условий жизни, «так как в крупных населенных пунктах можно будет лучше обеспечить население клубами, школами... и т.д. Чтобы осуществить это мероприятие, потребуется селить не менее половины населения из удаленных мелких населенных пунктов...»⁵. Данный документ фактически придавал новый импульс политике государства по сокращению числа мелких населенных пунктов, дальнейшего разрушения сельского социума. Определяя перспективы развития сельского хозяйства Нечерноземья на 1966—1970 и 1971—1975 гг., республиканские ведомства полагали, что в результате осуществления намеченных мероприятий производство основных видов сельскохозяйственных продуктов в сопоставимых ценах 1958 г. в регионе увеличится с 8,2 млрд. руб. в 1964 г. до 13,8 млрд. руб. в 1975 г.⁶

Однако разработанные «Мероприятия...» оказались декларативным документом, который так и оказался бумажным проектом, хотя его отдельные положения нашли отражение в постановлении ЦК КПСС и СМ СССР по подъему сельского хозяйства Нечерноземной зоны РСФСР спустя десятилетие. Ситуация в сельском обществе становилась все более сложной, прежде всего с демографией. Как следует из архивных документов, на рубеже 1960—1970-х годов в 13 из 29 субъектов Нечерноземья смертность превышала рождаемость⁷.

В записке в ЦК КПСС «О состоянии сельского хозяйства Нечерноземной зоны

РСФСР» (апрель 1971 г.), министр сельского хозяйства РСФСР Л. Я. Флорентьев, по сути, подводит итоги политики государства по изменению практически кризисной социально-экономической ситуации в сельском Нечерноземье после мартовского (1965 г.) пленума ЦК КПСС. Министр информировал, что за прошедшие годы колхозы и совхозы «сделали серьезный шаг вперед в развитии сельского хозяйства, которое до этого несколько лет топталось на месте». Среднегодовое производство продукции сельского хозяйства по всем категориям хозяйств составило в 1966—1970 гг. — 12,9 млрд. руб. против 10,7 млрд руб. в 1961—1965 гг., или выросло на 20%, а рост производства в общественных хозяйствах в Нечерноземье был несколько выше, чем по РСФСР. В итоге за пятилетие хозяйствами Нечерноземной зоны государству было продано сверх плана 7,5 млн. т зерна, 2,3 млн. т мяса, 6,5 млн. т молока и 3,2 млрд. штук яиц. Это явилось результатом некоторого увеличения финансирования, укрепления материально-технической базы, а также проведения определенного объема мелиоративных работ.

В то же время Л. Я. Флорентьев делает вывод, что в сельском хозяйстве зоны продолжают существовать большие трудности, по-прежнему действуют весьма опасные миграционные процессы, а население быстро стареет. Сельское население региона хуже обеспечено культурно-бытовыми учреждениями, чем городское. На 1000 жителей приходилось мест в клубах в городе 181, на селе — 143. Из 142,5 тыс. сельских населенных пунктов клубы имели только 20%. В Новгородской области 52% совхозов и 34% колхозов совсем не имели клубов. Из 20 средних и 70 восьмилетних школ, имеющихся в сельской местности области, только 19 находились в типовых зданиях⁸. Все это не могло не отразиться на воспитании подрастающего поколения.

В справке министерств сельского хозяйства и совхозов РСФСР в ЦК КПСС «О состоянии и возможностях развития сельского хозяйства Нечерноземной зоны РСФСР» (январь 1971 г.) говорится о медленном развитии аграрного производства

в регионе, нарастании проблем в области воспитания подрастающего поколения. Вновь обозначены и проблемы миграции сельского населения, культурного развития в Нечерноземной зоне. Их причины ведомства видели не только в неудовлетворительных условиях организации производства, слабой технической базе, но и в условиях труда, отсутствии материальной заинтересованности сельских тружеников, быте сельского населения, существовании мелких населенных пунктов, а также в провале политики государства в области развития культуры. Было констатировано, что большая половина клубов подлежит сносу из-за ветхости, а многие хозяйства даже на центральных усадьбах не имеют объектов быта, детских учреждений и клубов. Исходя из анализа состояния сельского хозяйства, социальной сферы в Нечерноземье, министры призвали принять ряд особых дополнительных комплексных мер по ускоренному развитию сельского хозяйства зоны. В основу достижения этой цели предлагалось положить как производственные задачи, так и улучшение культурно-бытового обслуживания сельского населения⁹.

В результате продолжительной по времени разработки проекта постановления ЦК КПСС и СМ СССР (1971—1974 гг.) в марте 1974 г. принятая программа комплексного развития Нечерноземной зоны РСФСР. В постановлении ЦК КПСС и СМ СССР «О мерах по дальнейшему развитию сельского хозяйства Нечерноземной зоны РСФСР», дополненном последующими партийно-государственными решениями, разработаны многочисленные мероприятия по развитию аграрной сферы, чего нельзя сказать о мероприятиях по развитию культуры, духовной жизни на селе, сохранению сельского уклада. Правда, позднее это нашло отражение в ряде постановлений ЦК КПСС и СМ СССР и СМ РСФСР и других документах. Так, в одноименном по названию с союзным партийно-государственным постановлением документе, принятом СМ РСФСР 8 октября 1974 г., наряду с другими была поставлена задача «преобразования сел и деревень в благоустроенные поселки колхозов и совхозов, осуществления строи-

тельства сельскохозяйственных объектов в комплексе с современными жилыми домами и объектами культурно-бытового назначения, завершения к 1990 году селения жителей из мелких населенных пунктов в крупные поселки»¹⁰.

Кроме того, в постановлении определялось задание советам министров автономных республик и облисполкомам по вводу в действие районных домов культуры и строительству домов культуры и клубов в колхозах и совхозах на 1976—1980 гг. За пятилетие предстояло ввести в эксплуатацию районных домов культуры на 61,5 тыс. мест. Больше всего — в Горьковской, Кировской, Рязанской, Смоленской, Калужской областях — на 2,8—2,9 тыс. мест. Меньше всего — в Калининградской, Костромской, Мурманской, Ярославской, соответственно — на 1,2—1,8 тыс. мест. Количество мест в домах культуры и клубах колхозов и совхозов должно было возрасти на 357,5 тыс., в том числе 136,5 тыс. мест в колхозах. Больше всего планировалось ввести этих учреждений культуры в Псковской, Пермской, Рязанской, Свердловской, Горьковской областях — от 15,7 до 18,8 тыс. мест в каждой из них¹¹.

Широкомасштабные планы государства серьезно не повлияли на процесс разрушения сельского социума. В 1974 г. мигранты в возрасте 16—29 лет составляли 70% всех выбывших, тогда как среди приехавших в деревню их было 28%. Удельный вес молодежи в возрасте 20—29 лет в городах зоны увеличился до 17,8%, а в селах снизился до 8,9%¹². Хотя и предпринимались попытки изменения ситуации с образованием молодого поколения на селе. Как следует из справки отдела сельского хозяйства и заготовок Госплана РСФСР, в 1976—1980 гг. были улучшены условия для получения молодежью Нечерноземья полного среднего образования и обеспеченности населения культурно-просветительными учреждениями. Охват детей дошкольными учреждениями составил 42,9% против 35,2% к началу десятой пятилетки. В годы десятой пятилетки в регионе открыто 827 клубных учреждений, 254 библиотеки, 4 театра, 4 выставочных зала, 11 музеев, 336 детских музыкальных и художественных школ, 4 средних специ-

альных учебных заведения. Были построены новые здания для восьми театров и концертных залов, восьми библиотек, шести специальных учебных заведений, трех музеев, 63-х районных домов культуры. В колхозах и совхозах построены клубы на 179 тыс. мест. За 1976—1980 гг. на работу в клубные учреждения Нечерноземной зоны направили 1831 человека с высшим образованием и 13 428 — со средним специальным образованием, что позволило несколько улучшить кадровый состав культпросветработников (1975 г. — 27% специалистов, 1980 г. — 32,6%)¹³.

На период одиннадцатой пятилетки намечался ряд мер по дальнейшему улучшению культурного обслуживания сельского населения региона, укреплению материально-технической базы, социально-культурному развитию малых городов, улучшению состава кадров, повышению роли учреждений культуры и искусства в воспитании сельского населения.

В решениях майского (1982 г.) пленума ЦК КПСС, постановлении ЦК КПСС и СМ СССР «О мерах по дальнейшему улучшению жилищных, коммунально-бытовых и социально-культурных условий сельского населения» (1982 г.) были определены задачи по улучшению положения в социальной сфере. На решение вопросов социального развития, включая культуру, на одиннадцатую пятилетку было выделено 9,9 млрд. руб., или в 1,8 раза больше, чем в десятой пятилетке. Наряду с жилищным строительством предусматривалось введение в эксплуатацию 271,1 тыс. мест в клубах и домах культуры, или в 1,6 раза больше, чем в предыдущей пятилетке.

Развитие культурно-бытового строительства происходило одновременно с процессом селения сельских жителей, укрупнения населенных пунктов, ликвидации так называемых «неперспективных» населенных пунктов. В 1960—1970-е годы набрала обороты политика преобразования низкорентабельных и убыточных колхозов в совхозы. Иначе говоря, политика огосударствления крестьянских общественных хозяйств.

В итоге, как отмечалось в последнем документе ЦК КПСС по Нечерноземью «О политической и социально-экономи-

ческой значимости разработки и осуществления программы возрождения деревни в Нечерноземной зоне РСФСР» (апрель 1990 г.), «несмотря на принятые меры за эти годы, многие негативные процессы в аграрной сфере удалось лишь немного смягчить, а не преодолеть». Численность сельских жителей с 1970 г. уменьшилась на 5,3 млн. человек, что составило 68% от общего сокращения в стране. Доля жителей престарелого возраста на селе возросла до 20%, а молодежи сократилась до 22%¹⁴.

Примечания

1. Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 2. Оп. 1. Д. 768. Л. 26.

2. Мартовский пленум ЦК КПСС. 24—26 марта 1965 г. Стенографический отчет. М., 1965. С. 8, 23, 32.
3. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 214. Л. 27, 29, 32.
4. Там же. Л. 36, 39.
5. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 46. Д. 495. Л. 38.
6. Там же. Л. 41.
7. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 64. Д. 123. Л. 34.
8. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 64. Д. 365. Л. 29.
9. Там же. Л. 10.
10. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. А-259. Оп. 3160. Д. 298. Л. 227.
11. Там же. Л. 288—289.
12. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 4362. Оп. 69. Д. 7095. Л. 18.
13. ГАРФ. Ф. А-262. Оп. 2356. Д. 243. Л. 16, 17.
14. РГАНИ. Ф. 89. Оп. 20. Д. 9. Л. 2.

УДК 94 (574)

Л. Г. Шугай

Последствия освоения целинных и залежных земель в Казахстане: современная казахская историография

В статье проанализирована современная казахская историография последствий освоения целинных и залежных земель в Казахстане. Анализ достижений современной казахской исторической науки по этому вопросу позволяет утверждать, что сформировалось две точки зрения. Представители первой оценивают последствия целинной кампании позитивно. Такая точка зрения обосновывается тем, что произошло увеличение производства зерна, были сделаны огромные капиталовложения в республику. Все это стимулировало быстрое и бурное развитие социальной инфраструктуры. Другие историки видят больше негативных сторон в изучаемой проблеме, считая, что отсутствие подготовительного этапа и волонтиаристский подход не оправдали аграрных реформ, были созданы социальные и экологические проблемы.

Ключевые слова: освоение целинных и залежных земель, увеличение производства зерна, развитие социальной инфраструктуры, ветровая эрозия, экологические проблемы.

Аграрная история Казахстана полна противоречий и спорных моментов, которые в наши дни трактуются по-разному в зависимости от политических взглядов исследователей на историю советского государства. Актуальность статьи заключается в том, что есть назревшая необходимость разобраться в спорных вопросах, касающихся ключевых моментов последствий освоения целинных и залежных земель в республике.

Автор статьи ставит целью дать характеристику постсоветской казахской историографии развития сельского хозяйства Казахстана в 1953—1964 гг. посредством историографического анализа научных, исторических, а также публици-

стических исследований данного периода современными казахскими учеными, писателями, публицистами, затрагивающими в своих научных работах экономические, экологические, этнические и социально-культурные последствия претворения в жизнь аграрных реформ Н. С. Хрущева в северных регионах республики.

С распадом СССР, со сменой политических и экономических приоритетов развития историческая наука суверенного Казахстана конструирует новую модель рассмотрения темы освоения целинных земель в Казахстане. Плюрализм мнений и смена исторической методологии, исследование ранее недоступных и засекреченных материалов архивов Республики

Казахстан и Российской Федерации позволили взглянуть на проблему по-иному. Сравнение опыта сельского хозяйства европейских и североамериканских стран с освоением целинных земель, привлечение западной, ранее называвшейся «буржуазной» историографии формируют порой скептический взгляд на историю сельского хозяйства Казахстана и в целом СССР [4, с. 44].

Ряд авторов, признавая некоторые положительные сдвиги, особенно для подъема благосостояния республики, подходят к оценке исторического опыта освоения целинных и залежных земель в Казахстане сугубо в отрицательном ключе, фокусируя внимание в основном на отрицательных последствиях. Так, народный писатель Казахстана Ш. Муртаза, с одной стороны, констатировал, что целина дала мощный импульс развитию сельскохозяйственного производства республики, были построены новые города, дороги, сложилась эффективная транспортная и телекоммуникационная система, республика превратилась в один из крупнейших зерносекущих регионов, что привело к улучшению благосостояния населения [7, с. 41]. С другой стороны, в своей статье «Освоение целины: достижения и ошибки» он остановился на раскрытии социально-демографических проблем, подчеркивая, что из-за огромного миграционного потока в республику за годы освоения целины коренное население оказалось в меньшинстве, составив впоследствии всего лишь 27% населения земли своих предков. В результате наметились такие печальные и негативные процессы и тенденции, как потеря родного языка, обычаев, традиций, национального своеобразия и самобытности [7, с. 42]. С болью Ш. Муртаза пишет о том, что «во время работ по освоению целины многие могилы их предков подверглись разрушению и осквернению. Был также разрушен плодородный слой почв, многие распаханные земли по истечении определенного периода времени стали непригодными к засеву. Кроме того, пришли в негодность многие территории, ранее исключительно благоприятные для пастбищного животноводства. Все это нанесло большой ущерб этим краям, их уникаль-

ной природе. Также весьма отрицательны последствия нравственного, морального и психологического характера. Они выражались в том, что был нанесен сильнейший урон казахскому национальному самосознанию, обычаям и традициям, которые во многом были утеряны» [7, с. 43].

Ж. Абылхожин, проанализировав экономическое положение республики тех лет, сделал вывод о том, что «целина как «экстенсивный» маневр экономически не оправдала себя. Страна оставалась импортером зерна, а выход на вынужденную интенсификацию был заблокирован...» [1, с. 47]. Он утверждает, что идея целины не носила неизбежно-необходимого характера, что данная акция была лишена объективно обусловленных предпосылок и была движима скорее политико-идеологическими моментами, нежели мотивами сугубо экономической rationalности. По мнению Ж. Абылхожина, «имелись достаточно приемлемые, во всяком случае, альтернативные по отношению к целинной идеи пути решения проблемы, учитывая хотя бы ту данность, что из 300 млн. га черноземных и черноземовидных почв мира 190 млн. га, или две их трети, находились на территории СССР» [1, с. 42].

Ученый критикует целинную кампанию с точки зрения экологической rationalности. В первые же годы (1957—1958 гг.) в результате беспрецедентных распашек начались пыльные бури на легких почвах в Павлодарской области, а в начале 1960-х годов процессы дефляции (выдувания почв) охватили земли всего целинного региона. Эти факты снимают чрезмерный позитив в оценке экологических последствий целины. К 1960 г. в Северном Казахстане было подвержено ветровой эрозии более 9 млн. га почв, что равнялось тогда примерно всей сельскохозяйственной площади такой страны, как Франция [1, с. 44].

Следующую группу работ составляют публицистические труды ностальгического характера, авторы которых зачастую воочию отслеживали противоречивый процесс освоения целины. Например, это статьи Б. Токарева [12], Б. Самсонова [9], И. Маринова [6].

По мнению первоцелинника и бывшего главы статведомства Казахской ССР Т. Жумасултанова, критика целинной эпохи безосновательна. Опираясь на официальные цифры и факты, ветеран написал небольшую брошюру — своеобразную отповедь всем неверующим и очернителям целины, отмечая положительные сдвиги в развитии животноводства, строительства, формировании больших индустриальных комплексов республики. Также он подчеркнул, что приезд 1,6 млн. человек за 15 лет целины способствовал сокращению удельного веса коренного населения, но надо признать и другой очевидный факт: самый большой скачок роста численности населения произошел в 1954—1960 гг. — на 2881 тыс. человек. Самый высокий за всю историю страны показатель рождаемости среди населения (47 детей на каждые 1000 жителей) отмечен в 1960 г. Самый низкий уровень смертности (5,8 человека на каждую тысячу жителей) пришелся на 1964 и 1966 годы [3, с. 69].

Некоторые авторы умело балансируют на двух полюсах: с одной стороны, отмечают положительные стороны освоения целины, с другой — отрицательные последствия. Например, З. Сактаганова наряду с приведением фактов масштабного процесса выявления, отбора и обследования целинных земель, создания большого количества зерновых совхозов (за 1953—1955 гг. в Казахстане было создано 337 целинных зерновых совхозов, из них 250 — только в 1955 г.), увеличения площади пашни (за пять лет с 1,9 млн. га до 17,8 млн.), создания обширной социальной и производственной инфраструктуры делает вывод, что массовая распашка целинных земель привела к значительным экологическим проблемам, прежде всего к уже упомянутой дефляции почв. Кроме того, З. Сактаганова считает, что целина породила ряд негативных социально-демографических последствий [8].

В диссертации К. Каражанова на фоне общих положительных тезисов, таких как сотрудничество Казахстана с другими республиками, жилищное, культурно-бытовое строительство, увеличение производства зерна, дружба народов на целине, творческое сотрудничество и т.д., пред-

принята попытка анализа распределения материальных благ. Автор, в частности, прослеживает диспропорции. Дело в том, что инвестирование аграрного сектора Казахской ССР оставило без внимания руководства центральные районы РСФСР, сокращались колхозные дворы и в социально-экономическом плане они отставали от целинных районов [5, с. 25]. К. Каражановым в диссертации подмечено снижение уровня животноводства в Казахстане в результате распашки земель, ранее предназначенных для выпаса скота [5, с. 43].

О диспропорциях в распределении материальных благ говорится и в диссертации А. Городецкого. Этим автором предпринята попытка всестороннего анализа социального развития села всей республики. В работе подчеркнуто, что не решались социальные проблемы в других районах, нецелинных [2, с. 14]. Автор вскрывает негативные явления в сфере жилищного и культурно-бытового строительства: «В целом темпы строительства были высоки, однако негативные явления, присущие всему советскому периоду развития советского общества, такие как безответственность, халатность и т.п., не позволяли более успешно решать эти проблемы. Выделяемые средства на строительство очень часто расходовались не по назначению, наблюдалось наплевательское отношение некоторых руководителей к нуждам сельчан» [2, с. 16]. Таким образом, эпопея оставила значительную диспропорцию: процветающий Северный, Восточный регионы Казахстана и слабо развитые в социально-экономическом отношении юг, запад республики. Возникла проблема «Север-Юг» [4, с. 44].

Академик А. Татыгулов в сборнике, посвященном 50-летию освоения целины, приводит факты как положительного воздействия целинной кампании на развитие мощного промышленного, аграрного, культурного и интеллектуального потенциала республики, так и негативного. К минусам целины он относит тот факт, что слово «покорение» целины несет в себе оттенок насилия, ведь за время освоения целины была уничтожена значительная часть богатейшего исторического наследия Казахстана, казахский

язык был вытеснен из общественной сферы в сугубо бытовую [11, с. 52—53].

4—6 декабря 2003 г. в Астане состоялась научно-теоретическая конференция «Освоение целинных и залежных земель: история и современность», посвященная 50-летию освоения целинных и залежных земель. Итоги этой конференции представляют официальный взгляд современной казахской историографии на годы целинной эпопеи. В статьях известных ученых республики и ближнего зарубежья (А. Есимова, Ж. Кулекеева, Г. Калиева, М. Кенжегузина и др.) дана всесторонняя оценка одному из важнейших событий второй половины прошлого столетия — освоению целинных и залежных земель, показаны его роль в развитии образования, науки и экономики Казахстана, а также перегибы и просчеты, допущенные в ходе целинной эпопеи [10]. В целом, за исключением экологических проблем, освоение целинных и залежных земель получило на конференции положительную оценку в отношении социально-экономического развития аграрного сектора и производительных сил республики [4, с. 47].

Таким образом, можно сделать вывод, что в современной историографии Казахстана тема освоения целинных и залежных земель занимает одно из ведущих мест в изучении истории аграрного развития региона, так как в целом для республики целинная кампания имела колossalное значение. Одна часть ученых склоняется к мнению, что в основном она оказала положительное воздействие на развитие агропромышленного комплекса Казахстана, развитие социальной инфраструктуры, культурного и интеллектуального потенциала республики. Другая часть считает, что целинная кампания нанесла непоправимый вред природе, разрушила почвозащитный слой большей части земель Северного Казахстана. К числу негативных факторов они относят экономическую неэффективность, огромные миграционные потоки и связанные с ними социальные и этнокультурные противо-

речия. На наш взгляд, правы и те, и другие, а в процентном соотношении именно для Казахстана, не принимая в расчет центральные территории бывшего СССР, наверное, все-таки больше плюсов, чем минусов.

Список использованной литературы

1. Абылхожин Ж. Б. Очерки социально-экономической истории Казахстана. XX век // Сборник статей по материалам докладов научно-теоретической конференции «Освоение целинных и залежных земель: история и современность» (4—6 дек. 2003 г.), посвящ. 50-летию освоения целинных и залежных земель. Астана : Казах. аграр. ун-т им. С. Сейфулина, 2004. С. 41—49.
2. Городецкий А. Э. Социальное развитие села в Казахстане в 1954—1965 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Алма-Ата, 1993. 20 с.
3. Жумасултанов Т. Критика целинной эпохи безосновательна // Целина: вчера, сегодня, завтра : сб. Астана : АО «Национальная компания Казинформ», 2004.
4. Кадысова Р. Ж., Азербаев А. Д. Историография сельского хозяйства Казахстана в послевоенный период (1946—1985 гг.) : учеб.-метод. пособие для студ. и магистрантов специальности «История». Павлодар, 2011. 177 с.
5. Каражанов К. С. Сотрудничество союзных республик в развитии сельского хозяйства Казахстана в 1946—1980 гг. (историко-партийный аспект) : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Алма-Ата, 1991. 48 с.
6. Маринов И. И. Целина // Бизнес-класс. 2004. № 4. С. 33—36.
7. Муртаза Ш. Освоение целины: достижения и ошибки // Целина: вчера, сегодня, завтра : сб. Астана : АО «Национальная компания Казинформ», 2004. С. 208.
8. Сактаганова З. Г. Аграрная политика тоталитарного государства в послевоенное десятилетие: формы и методы // Вестник КазНУ им. Аль-Фараби. Серия историческая. 2003. № 2 (29). С. 77—81.
9. Самсонов Б. В те далекие годы... // Нива. 2004. № 7. С. 90—97.
10. Сборник статей по материалам докладов научно-теоретической конференции «Освоение целинных и залежных земель: история и современность» (4—6 дек. 2003 г.), посвящ. 50-летию освоения целинных и залежных земель. Астана : Казах. аграр. ун-т им. С. Сейфулина, 2004.
11. Татыгулов А. У освоения целины были плюсы и минусы // Целина: вчера, сегодня, завтра : сб. Астана : АО «Национальная компания Казинформ», 2004.
12. Токарев Б. Степь глазами зарубежных гостей // Нива. 2003. № 12. С. 86—89.

Краткие сведения об авторах

Александров Николай Михайлович, кандидат исторических наук, доцент кафедры новейшей отечественной истории, Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова. E-mail: dreem10@mail.ru

Алексеева Любовь Васильевна, доктор исторических наук, профессор кафедры истории, Нижневартовский государственный университет. E-mail: lvalexeeva@mail.ru

Ахигулова Альбина Исламовна, аспирант 1 курса заочной формы обучения, Оренбургский государственный педагогический университет. E-mail: malinka.585@mail.ru

Ахметшина Алена Вадиковна, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории Отечества и методики преподавания истории, Стерлитамакский филиал Башкирского государственного университета. E-mail: lina20.04@bk.ru

Баранов Евгений Юрьевич, кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник, Институт истории и археологии УрО РАН, г. Екатеринбург. E-mail: eubaranov@yandex.ru

Баринова Екатерина Петровна, доктор исторических наук, профессор, Самарский институт (филиал) Российского государственного торгово-экономического университета. E-mail: rfnz25@yandex.ru

Бахтияров Рустам Сулейманович, аспирант, Оренбургский государственный аграрный университет. E-mail: rustam7174@yandex

Беспахотный Геннадий Васильевич, доктор экономических наук, академик РАН, главный научный сотрудник отдела прогнозирования развития сельского хозяйства, ГНУ ВНИОПТУСХ. E-mail: kaf1945@mail.ru

Басильев Игорь Юрьевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Научно-исследовательского центра традиционной культуры ГБНТУ Кубанский казачий хор. E-mail: ivasee@mail.ru

Басильева Светлана Ивановна, кандидат исторических наук, старший преподаватель, Московский государственный технический университет им. Н. Э. Баумана. E-mail: cvb77771980@mail.ru

Веременко Валентина Александровна, доктор исторических наук, доцент, заведующая кафедрой истории, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина. E-mail: itropov@yandex.ru

Верховцева Ирина Геннадьевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Украины, Измаильский государственный гуманитарный университет. Украина. E-mail: box@mail.ru

Годовова Елена Викторовна, кандидат исторических наук, доцент, Оренбургский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. E-mail: godovova@mail.ru

Голикова Светлана Викторовна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник сектора политической и социокультурной истории,

Институт истории и археологии УрО РАН. E-mail: avokilog@mail.ru

Гришакова Лариса Валерьевна, кандидат исторических наук, доцент, Оренбургский государственный педагогический университет. E-mail: larisa1789@mail.ru

Дубман Эдуард Лейбович, доктор исторических наук, профессор кафедры российской истории, Самарский государственный университет. E-mail: dubmane@mail.ru

Желтова Валентина Ивановна, кандидат медицинских наук, доцент кафедры микробиологии, вирусологии, иммунологии, Оренбургская государственная медицинская академия. E-mail: lyashenko.64@inbox.ru

Иванцов Игорь Григорьевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и музееведения, Краснодарский государственный университет культуры и искусств. E-mail: kguki@list.ru

Кабытов Петр Серафимович, доктор исторических наук, профессор, Самарский государственный университет. E-mail: rfnz25@yandex.ru

Кабытова Надежда Николаевна, доктор исторических наук, профессор кафедры российской истории, Самарский государственный университет. E-mail: don.kabytov2012@yandex.ru

Кантимирова Резида Ильгизаровна, кандидат исторических наук, доцент, Стерлитамакский филиал Башкирского государственного университета. E-mail: kantimirova.rezida@mail.ru

Капитонов Анатолий Алексеевич, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник отдела прогнозирования развития сельского хозяйства, ГНУ ВНИОПТУСХ. E-mail: kaf1945@mail.ru

Кирьянова Елена Анатольевна, доктор исторических наук, профессор, Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина. E-mail: e.kiryanova@rsu.edu.ru, kiryanova_elena@inbox.ru

Ковалева Наталья Анатольевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры философии, ГВУЗ «Украинский государственный химико-технологический университет». E-mail: boriss2002@ukr.net

Кондрашин Виктор Викторович, доктор исторических наук, профессор, Пензенский государственный университет. E-mail: vikont37@yandex.ru

Корнеев Анатолий Фёдорович, кандидат экономических наук, руководитель отдела прогнозирования развития сельского хозяйства, ГНУ ВНИОПТУСХ. E-mail: kaf1945@mail.ru

Корнилов Геннадий Егорович, доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заведующий сектором экономической истории, Институт истории и археологии УрО РАН, г. Екатеринбург. E-mail: genakorn@mail.ru

Корновенко Сергей Валерьевич, доктор исторических наук, профессор, Черкасский национальный университет им. Б. Хмельницкого, Украина. E-mail: seka7407@rambler.ru

Кортунов Алексей Иванович, кандидат исторических наук, научный сотрудник кафедры Отечествен-

ственной истории, Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы, г. Уфа. E-mail: kortunov@rambler.ru

Кругликова Галина Александровна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России, Уральский государственный педагогический университет, исторический факультет, г. Екатеринбург. E-mail: kruglickova.galina@yandex.ru

Кузнецова Юлия Владимировна, преподаватель кафедры истории Отечества, Оренбургский государственный аграрный университет. E-mail: istogau@yandex.ru

Курсеева Ольга Анатольевна, кандидат исторических наук, доцент, Стерлитамакская государственная педагогическая академия им. Зайнаб Бишевой. E-mail: kurseeva@mail.ru

Лабузов Вячеслав Александрович, доктор исторических наук, профессор, министр образования Оренбургской области. E-mail: evyats@mail.ru

Любичанковский Сергей Валентинович, доктор исторических наук, профессор, Оренбургский государственный педагогический университет. E-mail: svlubich@yandex.ru

Ляшенко Ирина Эдуардовна, кандидат медицинских наук, доцент, Оренбургская государственная медицинская академия. E-mail: lyashenko.64@inbox.ru

Магомедов Рамазан Раджабович, доктор исторических наук, профессор, Оренбургский государственный педагогический университет. E-mail: rr-magomedov@yandex.ru

Миронова Елена Валерьевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела новой и новейшей истории, Институт истории им. Ш. Марджани АН Республики Татарстан. E-mail: Yelena.Mironova@yandex.ru

Мосунова Татьяна Георгиевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России, Уральский государственный педагогический университет, г. Екатеринбург. E-mail: klio_mtg@mail.ru

Надршин Фарит Мадарикович, старший преподаватель, Оренбургский государственный аграрный университет. E-mail: nadrshin_farit@mail.ru

Наухацкий Виталий Васильевич, доктор исторических наук, профессор, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ). E-mail: naoukhatskiy@rambler.ru

Никилев Александр Фёдорович, доктор исторических наук, профессор, Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара, Украина. E-mail: o_nikilev@.ua

Павлова Оксана Сергеевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Отечества и методики преподавания истории, Стерлитамакский филиал Башкирского государственного университета. E-mail: strbsu@mail.ru

Пахомова Елена Витальевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России, Оренбургский государственный педагогический университет. E-mail: e-v-pahomova@yandex.ru

Пислегин Николай Викторович, кандидат исторических наук, доцент, научный сотрудник, Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН, г. Ижевск. E-mail: creg@rambler.ru

Рахимов Рамиль Насибуллович, кандидат исторических наук, доцент, Башкирский государственный университет. E-mail: rakhimovrn@mail.ru

Роднов Михаил Игоревич, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН. E-mail: rodnov@ufacom.ru

Ряпусова Дарья Николаевна, кандидат исторических наук, научный сотрудник, Институт истории и археологии УрО РАН, г. Екатеринбург. E-mail: DNRyapusova@mail.ru

Сактаганова Зауреш Галимжановна, доктор исторических наук, профессор, Карагандинский государственный университет имени академика Е. А. Букетова, Республика Казахстан. E-mail: zauresh63@mail.ru

Сафонов Дмитрий Анатольевич, доктор исторических наук, профессор, Оренбургский государственный педагогический университет. E-mail: d_safonov@mail.ru

Сивков Сергей Михайлович, кандидат исторических наук, заведующий кафедрой философии и истории, Южный институт менеджмента, г. Краснодар. E-mail: chessm@rambler.ru

Таршилова Людмила Сергеевна, кандидат экономических наук, профессор РАЕ, руководитель отдела СМК и инноваций, Западно-Казахстанский аграрно-технический университет имени Жангира хана, г. Уральск, Казахстан. E-mail: tarshilova@mail.ru

Тропов Игорь Анатольевич, доктор исторических наук, профессор кафедры истории, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, г. Санкт-Петербург. E-mail: itropov@yandex.ru

Удербаева Сауле Карибаевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Казахстана, Казахский национальный университет им. аль-Фараби, г. Алматы.

Устинова Ольга Юрьевна, кандидат исторических наук, доцент, Оренбургский государственный аграрный университет. E-mail: ogau2007@rambler.ru

Фёдорова Алла Владимировна, доктор исторических наук, профессор, Оренбургский государственный аграрный университет. E-mail: ogau2007@rambler.ru

Филатов Владимир Викторович, доктор исторических наук, профессор, Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова. E-mail: v.philatov@mail.ru

Филатов Сергей Викторович, кандидат исторических наук, доцент кафедры исторических наук и политологии, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ). E-mail: filatovsv@rambler.ru

Фролкин Павел Петрович, доктор исторических наук, профессор, Саратовский социально-экономический институт, филиал Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова. E-mail: frolkinpp@yandex.ru

Фролкина Валентина Павловна, студент финансового-кредитного факультета, Саратовский социально-экономический институт, филиал Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова. E-mail: frolkinpp@yandex.ru

Хисамутдинова Рашиля Рахимяновна, доктор исторических наук, профессор, Оренбургский государственный педагогический университет. E-mail: hisamutdinova@inbox.ru

Чайка Евгений Александрович, кандидат исторических наук, доцент, филиал Кубанского государственного университета в г. Славянске-на-Кубани. E-mail: chaika_docent@mail.ru

Чернышева Инна Ивановна, соискатель, Институт истории и археологии УрО РАН, г. Екатеринбург. E-mail: inna_milena@mail.ru

Шаяхметов Фидаиль Фанилевич, кандидат исторических наук, доцент, Башкирский государ-

ственный университет, г. Уфа. E-mail: fidail_sh@mail.ru

Шевельков Анатолий Иванович, кандидат исторических наук, доцент кафедры философии, истории, политологии и права, Московский государственный областной социально-гуманитарный институт. E-mail: shevelkov51@mail.ru

Шугай Людмила Григорьевна, аспирант кафедры архивоведения, новейшей истории и специальных исторических дисциплин, Черкасский национальный университет имени Богдана Хмельницкого, Украина. E-mail: l1812@rambler.ru

Научное издание

Российская деревня в XVIII—XXI веках: социокультурное измерение

Сборник статей IX Международной научно-практической конференции

Научные редакторы Г. Е. Корнилов, В. А. Лабузов
Ответственный за выпуск Е. В. Яцкевич

Редактор И. Н. Рожков
Компьютерная верстка Е. С. Рожковой

Подписано в печать 10.11.2014 г. Формат 60×84 1/8
Усл. печ. л. 34,01. Тираж 110 экз. Заказ 7468

Издательский центр ФГБОУ ВПО «Оренбургский государственный аграрный университет»
460014, г. Оренбург, ул. Челюскинцев, 18. Тел. (3532) 77-61-43

Отпечатано в Издательском центре ОГАУ